

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

Зыкин Иван Валерьевич

**ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
(КОНЕЦ 1920-Х – НАЧАЛО 1940-Х ГГ.)**

Специальность: 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
д-р ист. наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
А.В. Сперанский

Екатеринбург – 2025

Оглавление

Введение		3
Глава 1.	Историография, источники и методология исследования	14
1.1.	Историография	14
1.2.	Источники и методология исследования	48
Глава 2.	Планирование и управление	71
2.1.	Планирование основных отраслей	71
2.2.	Планирование развития региональных лесопромышленных комплексов	109
2.3.	Система отраслевого и регионального управления	153
Глава 3.	Производственный процесс	186
3.1.	Выполнение планов первых пятилеток по отраслям и ведомствам	186
3.2.	Реализация плановых заданий в регионах	247
3.3.	Становление отечественного лесного машиностроения и механизация сферы заготовки древесины	300
3.4.	Экспорт продукции, место Советского Союза в мировой лесопромышленной деятельности	340
Глава 4.	Кадровая политика	364
4.1.	Количественный и качественный состав работников	364
4.2.	Стимулирование и мотивация труда	426
4.3.	Жилищно-бытовое и продовольственное обеспечение	474
Заключение		518
Список сокращений		524
Список источников		527
Список литературы		551
Приложение		611

Введение

Актуальность темы. Наличие крупных запасов лесных ресурсов¹ способствовало, по мере их освоения, развитию лесопромышленного комплекса и становлению Российской империи / Советского Союза в качестве одного из мировых лидеров в отрасли. Распад Союза Советских Социалистических Республик (далее везде – СССР), переход к рыночной экономике, системный социально-экономический кризис отразились также на лесопромышленном комплексе. Резко сократились объемы производства, закрылось большое число предприятий, произошли изменения в пространственном размещении отрасли. Удельный вес лесопромышленного комплекса в промышленности Российской Федерации резко снизился. Негативными явлениями стали снижение эффективности управления лесами, технологическое отставание от стран – лидеров в лесопромышленной деятельности, ухудшение социально-профессиональных характеристик кадров. Опасный разрыв возник из-за пренебрежения государством, частными компаниями вопросами комплексного использования древесины и лесовосстановления, негативного отношения к советскому опыту.

2000-е – начало 2020-х гг., в связи с увеличением объемов производства и экспорта продукции, лесной сертификацией, концентрацией активов в рамках крупных транснациональных и российских холдингов, реализацией инвестиционных проектов в области освоения лесов, характеризуются повышением внимания государственных и региональных органов власти к проблемам лесопромышленного комплекса, в том числе к формированию актуальной законодательной базы. Разработаны Лесной кодекс (2006 г.), документы стратегического характера государственного уровня (в 2018 и 2021 гг.) и в регионах, в которых, однако, слабо прослеживается связь между современным состоянием отрасли и его историей. Важно и то, что леса имеют в

¹ По данным на 2022 г., в Российской Федерации – 82,5 млрд. м³, второе место в мире (после Бразилии) (О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году. Государственный доклад. М., 2023. С. 185).

первую очередь экологическую ценность. Древесина станет по-настоящему экономическим благом только в процессе ее комплексного использования и восстановления. А это целый спектр проблем и вопросов, решение которых требует реализации системного подхода, направленного на модернизацию и способного адекватно отвечать на научные, технико-технологические, институциональные, экологические, социокультурные вызовы.

Преодоление кризисных явлений в лесопромышленном комплексе, переосмысление значения леса в жизни граждан и общества невозможны без исторического анализа развития отрасли. В индустриальной модернизации конца 1920-х – 1960-х гг. период первых пятилетних планов связан с формированием ее фундамента, олицетворявшего третий технологический уклад. Ключевыми достижениями к началу 1940-х гг. являлись: мощный механизм социальной мобилизации; формирование структурно-технологического ядра индустриальной системы со вторым слоем – периферийными производствами, отличавшимися трудоемкостью и ориентированными на массовый приток рабочей силы из сельской местности; создание системы научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок и подготовки квалифицированных кадров². Эстонско-шведский экономист К. В. Альгвере, занимавшийся проблемами мировой лесной отрасли, называл ключевым событием модернизации лесного хозяйства в Советском Союзе реформу рубежа 1920–1930-х гг., которая его «фактически превратила в лесопромышленный комплекс»³.

Индустриальная модернизация обусловила формирование новой модели лесного хозяйства и лесной промышленности, оказавшей влияние на последующее развитие отрасли. Революционные события 1917 г., установление Советской власти привели к выработке новых подходов. Государство

² Артемов Е. Т. Экономическая стратегия в советской модели модернизации // Российские модернизации XVIII–XX вв.: взаимодействие традиций и новаций: сб. науч. статей / отв. ред. Е. Ю. Казакова-Апкаримова. Екатеринбург, 2008. С. 114; Белоусов А. Р. Становление советской индустриальной системы // Россия XXI. 2000. № 2. С. 30–39.

³ Algvere K. V. Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities. Stockholm, 1966. P. 179.

поставило задачу максимизации своего участия в лесной промышленности для осуществления индустриализации (обеспечения внутренних потребностей и экспорта). Эта задача решалась путем снижения роли лесного хозяйства в земле- и лесопользовании и создания специализированного лесопромышленного ведомства, способного вести в масштабах страны заготовку, механическую обработку и глубокую переработку древесины, а также круга основных и прочих лесозаготовителей.

Конец 1920-х – начало 1940-х гг. – это не только время значительного увеличения объемов производства лесопромышленного комплекса, освоения нетронутых лесных массивов, строительства и реконструкции предприятий, освоения новой техники, технологий, видов продукции, трудовых свершений работников. Формировались специализированное ведомство в сфере лесопользования, сложная система управления, взаимоотношений партийно-государственных органов с народными комиссариатами, хозяйственными организациями, предприятиями по вопросам финансирования, материального обеспечения, реализации продукции. Решались проблемы организации жилищной и социально-бытовой инфраструктуры, снабжения работников продовольственными и промышленными товарами, привлечения и закрепления трудовых ресурсов, повышения эффективности функционирования отрасли, изучения и восстановления лесов, преодоления экологических трудностей. Эти направления советской лесной политики были устойчивыми на протяжении многих десятилетий и оказывают существенное влияние на развитие лесопромышленного комплекса Российской Федерации.

Выявление и критическое осмысление достижений и ошибок периода конца 1920-х – начала 1940-х гг. значимо при формулировании перспектив лесопромышленного комплекса; решении социальных и материально-бытовых проблем работников, лесных поселков и городов; определении инструментов изучения и освоения лесных массивов, строительства предприятий и, в условиях санкций и изменений конъюнктуры мирового лесного рынка, расширения внутреннего потребления древесины; для совершенствования

управленческих практик, подготовки кадров. Решение проблем комплексного использования древесины, разработки и внедрения в производство отечественной техники также невозможно без анализа достижений и просчетов, имевших место в годы первых пятилеток.

Объектом исследования выступает лесопромышленный комплекс⁴ – структурный компонент экономики, в котором выделяются три сферы: заготовка древесины; механическая обработка (лесопиление, деревообработка, выпуск фанеры, спичек и изделий из дерева); глубокая переработка (изготовление древесной массы, целлюлозы, бумаги и картона, лесохимия, гидролиз древесины). Поскольку ключевой задачей лесной политики Советской власти являлось создание индустриализированной лесной промышленности (наиболее популярного обобщающего понятия в советский период), использование современного термина «лесопромышленный комплекс» считаем целесообразным.

Предметом исследования являются модернизационные процессы, протекавшие в лесопромышленном комплексе СССР в годы первых пятилеток, в конце 1920-х – начале 1940-х гг. В контексте трансформаций лесной промышленности используются, где это представляется наиболее обоснованным, сведения о лесном хозяйстве.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1920-х гг. по первую половину 1941 г., то есть реализацию первого, второго и третьего пятилетних планов. Он связан с активизацией развития лесной промышленности по сравнению с периодами рубежа XIX–XX вв., революции и Гражданской войны, Новой экономической политики. Нижняя граница определяется разработкой и реализацией первого пятилетнего плана, осуществлением реформы лесного хозяйства и лесной промышленности. Началось освоение новых лесных массивов в северных и восточных районах страны, строительство крупных промышленных объектов; создан

⁴ Лесная отрасль, или лесной комплекс включает лесное хозяйство и лесопромышленный комплекс. В работе используются синонимы лесопромышленного комплекса: лесная промышленность, лесопромышленная деятельность, – и сферы заготовки древесины: лесопользование, лесоэксплуатация.

специализированный хозяйственный орган – Народный комиссариат лесной промышленности СССР. Новые предприятия сыграли важную роль в увеличении объемов заготовки, производства продукции механической обработки и глубокой переработки древесины, в удовлетворении внутренних потребностей и экспорта. Верхняя граница хронологических рамок связана с созданием индустриальной основы лесопромышленного комплекса, формированием устойчивой поселенческой сети, транспортной и социальной инфраструктуры. Начало Великой Отечественной войны обусловило новые трансформации в социально-экономическом развитии отрасли.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Советского Союза по состоянию на 22 июня 1941 г. Основной исследовательский акцент сделан на ведущие региональные лесопромышленные комплексы, активно формировавшиеся в годы первых пятилеток: Европейский Север (включая Карелию), Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Цель работы – проанализировать и обобщить исторический опыт развития лесопромышленного комплекса Советского Союза в годы первых пятилеток и дать комплексную характеристику решений его пространственных, технико-технологических, экологических, институциональных, кадровых, социально-бытовых и социокультурных проблем.

Задачи исследования:

- изучить направления планирования развития лесной промышленности на союзном и региональном уровнях;
- раскрыть трансформации в системе управления отраслью;
- проанализировать экономические показатели, выявить роль хозяйственных ведомств в лесопромышленной деятельности;
- оценить результаты пространственного размещения отрасли, формирования региональных лесопромышленных комплексов;

- определить роль и значение механизации, отраслевого машиностроения в индустриальной модернизации лесопромышленного комплекса, их технико-экономические и социальные последствия;

- рассмотреть особенности внешней торговли Советского Союза лесными ресурсами и материалами;

- проанализировать динамику численности и социально-профессиональный состав работников отрасли, способы комплектования коллективов предприятий и подготовки кадров;

- оценить способы мотивации и стимулирования труда работников;

- изучить направления и особенности формирования отраслевой поселенческой сети, планировку и архитектурный облик населенных пунктов; жилищные условия, продовольственное обеспечение работников.

Научная новизна состоит в том, что впервые предпринято исследование модернизационных процессов в лесопромышленном комплексе Советского Союза в годы первых пятилеток. Проанализированы институциональные, экономические, экологические, социокультурные аспекты его развития.

Автором изучена роль партийно-государственных, хозяйственных и плановых органов, ученых в развитии лесопромышленного комплекса, экономическая эффективность деятельности Народного комиссариата лесной промышленности (далее везде – Наркомлеса), в том числе отдельных предприятий. Впервые проанализированы динамика экономических показателей лесной промышленности, причины роста и снижения темпов развития отрасли. Выявлено место лесной промышленности в советской экономике, место СССР в мировой лесопромышленной деятельности. Исследование показало, что период первых пятилеток следует считать начальным этапом формирования лесопромышленного комплекса. Сделан вывод о нерешенности задач комплексного использования лесных ресурсов, создания постоянных кадров лесных рабочих, механизации сферы заготовки древесины.

Разработана авторская концепция моделей региональных лесопромышленных комплексов Советского Союза. Проанализированы замысел, факторы и результаты, выявлены общие и особенные черты развития региональных лесопромышленных комплексов Европейского Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока с точки зрения решения задач комплексного лесопользования, удовлетворения внутренних потребностей и экспорта в древесине. Научной новизной обладают выводы автора о неравномерном развитии подотраслей лесопромышленного комплекса и о сохранении сырьевой ориентации ряда административно-территориальных единиц в северных и восточных районах страны по итогам реализации первых пятилетних планов.

В научный оборот введены большой корпус ранее не использованных исторических источников, авторские расчеты показателей развития лесопромышленного комплекса.

Научно-практическая значимость. Выводы и результаты исследования представляют интерес для специалистов лесной отрасли при разработке и обосновании перспектив ее развития в XXI в., формировании основ научно-технической, социальной и экологической политики в лесном хозяйстве и лесной промышленности. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории Советского Союза и отдельных регионов, лесного комплекса. В образовательной сфере они могут быть использованы в курсах по отечественной истории, экономической истории и в спецкурсах по истории лесного хозяйства и лесной промышленности для студентов лесотехнических вузов.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Советское партийно-государственное руководство, формулируя направления экономического развития страны в период первых пятилеток, считало лесную промышленность одной из приоритетных отраслей. Планирование развития лесной промышленности включало генеральные хозяйственные планы, пятилетние и оперативные планы. Подготовленные во

второй половине 1920-х – конце 1930-х гг. документы включали завышенные, ориентированные на реализацию масштабных проектов показатели.

2. Основными направлениями развития лесной промышленности являлись освоение массивов в северных и восточных районах страны, комплексное использование лесных ресурсов, экспорт и удовлетворение внутренних потребностей в древесине, строительство предприятий, оснащенных передовой техникой, механизация производственных процессов, создание постоянных кадров. Исследование в качестве модельных региональных лесопромышленных комплексов Европейского Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока с точки зрения решения задач комплексного лесопользования, удовлетворения внутренних потребностей и экспорта в древесине показало, что достичь крупных успехов по этим направлениям в северных и восточных районах страны не удалось.

3. Институциональное оформление лесной промышленности произошло в результате реформы 1929 г. Лесные массивы передавались хозяйственным ведомствам, были обоснованы основные типы предприятий. В 1932 г. из состава ВСНХ СССР выделился Народный комиссариат лесной промышленности. Поиск оптимальных форм управления лесной промышленностью осуществлялся на протяжении первых пятилеток и сопровождался между- и внутриведомственными противоречиями, конфликтами по вопросам распределения капиталовложений, принадлежности и эксплуатации лесных массивов, трестов и предприятий.

4. Финансирование государством лесной промышленности отразило смену приоритетов – от сферы заготовки древесины в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. к ее глубокой переработке в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Среди хозяйственных ведомств основные средства получали народные комиссариаты лесной и тяжелой промышленности, внутренних дел, путей сообщения. Крупные успехи в экономическом развитии лесной промышленности были достигнуты в разгар первой (в 1929–1931 гг.) и второй пятилеток (в 1934–1936 гг.).

5. Реализация первых пятилеток в регионах зависела от общественно-политических (в том числе конкретных решений высших и региональных партийно-государственных, хозяйственных органов), экономико-технологических, внешнеполитических факторов, наличия и использования финансовых, материальных и кадровых ресурсов. Достичь целевых показателей, реализовать строительную программу в полной мере не удалось.

6. Лесные ресурсы и материалы рассматривались Советской властью в качестве значимого предмета экспорта. Они стали одним из основных источников получения валютных средств для осуществления индустриализации. В ходе конкурентной борьбы Советский Союз добился крупных успехов. Однако экспорт был представлен необработанной и обработанной древесиной, фанерой. Тогда как скандинавские и североамериканские страны – лидеры в лесопромышленной деятельности – достигли весомых результатов в экспорте целлюлозно-бумажной продукции.

7. Одним из главных способов увеличения объемов заготовки и вывозки древесины стала механизация производственных процессов. В условиях насыщения предприятий техникой и инструментами, строительства лесных дорог негативной стороной являлось неудовлетворительное использование механизмов. За годы первых пятилеток механизацию завершить не удалось. Помимо этого, решалась задача сокращения импорта. Были реконструированы и включены в специализированные тресты и объединения группы машиностроительных предприятий.

8. В развитии кадрового потенциала лесной промышленности партийно-государственные органы сделали ставку на формирование постоянных кадров. Способами решения проблемы стали также привлечение сельского населения, в том числе посредством введения трудовой и гужевой повинности, и применение принудительного труда спецпереселенцев и заключенных. Большое значение имели вербовки рабочих, мобилизация и направление специалистов на конкретные предприятия. Многие виды работ в лесной

промышленности не требовали квалификации, и в течение первых пятилеток преобладал сезонный характер заготовки и транспорта древесины.

9. На результативность деятельности 1–1,5 млн. рабочих, занятых в лесной промышленности, влияли политика государства в сфере оплаты и организации труда, развитие социалистического соревнования, признание достижений передовиков. Заработная плата, темпы ее роста в лесной промышленности были ниже по сравнению с ведущими индустриальными отраслями. Ударничество, стахановское движение, несмотря на широкую пропаганду, рост зарплат и премирование передовиков, только на короткое время способствовали улучшению работы лесной промышленности и не обеспечили постоянного роста темпов объемов производства.

10. Жилищная сфера формировалась под влиянием строительства рабочих поселков и городов в рамках концепции социалистического города, лесозаготовительных поселков, появления исправильно-трудовых лагерей и спецпоселков для разных категорий спецпереселенцев. Продольственное обеспечение работников складывалось в первую очередь из организованного снабжения (сеть столовых, котловых пунктов), продажи товаров в магазинах, создания подсобных хозяйств предприятий и индивидуальных хозяйств. Неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, снабжение, тяжелый ручной труд усиливали текучесть рабочей силы.

Апробация работы. Основные результаты исследования отражены в 60 научных публикациях общим объемом 101,4 п. л., в том числе в трех авторских монографиях и одной монографии – в соавторстве, в 20 статьях в научных журналах, рекомендованных ВАК, 3 – в журналах, индексируемых Scopus/WoS.

Основные положения и выводы диссертации были изложены автором в докладах и сообщениях на 25 международных и всероссийских конференциях (Армавир, 2022; Вологда, 2022; Кунгур, 2019, 2021, 2023; Екатеринбург, 2019, 2021, 2022, 2023; Елабуга, 2019; Красноярск, 2022, 2023, 2024; Петрозаводск, 2022; Самара, 2023; Санкт-Петербург, 2021, 2022, 2023, 2024; Сыктывкар, 2023; Москва, 2022; Тобольск, 2021; Шадринск, 2023).

Эти результаты нашли применение в реализации научного проекта «Пространственное размещение промышленности СССР в годы предвоенных пятилеток: замысел и результат», получившего в 2021–2022 гг. поддержку в виде гранта Российского фонда фундаментальных исследований и Российского исторического общества. Диссертант является лауреатом премии Губернатора Свердловской области для молодых ученых за 2022 г. (номинация «За лучшую работу в области гуманитарных наук»).

Структура диссертации построена по проблемно-хронологическому принципу. Она состоит из введения, четырех глав, включающих 12 параграфов, заключения, списка использованных источников, литературы и 34 приложений.

Глава 1. Историография, источники и методология исследования

1.1. Историография

Историография истории лесопромышленного комплекса Советского Союза в конце 1920-х – начале 1940-х г. представлена научными, научно-популярными и популярными работами ученых (историков, экономистов), специалистов лесного хозяйства и лесной промышленности, краеведов. Ее особенности вызваны следующими обстоятельствами. Во-первых, лесная промышленность как системообразующая отрасль представлена в Центральной, Северо-Западной России, на Европейском Севере, Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, Белоруссии. Однако в большинстве регионов ввиду активного развития топливно-энергетического, горнодобывающего, металлургического, машиностроительного, оборонного комплексов лесная промышленность выступает в качестве второстепенной отрасли. В обобщающих трудах по истории страны, советской экономики⁵ лесопромышленный комплекс упоминается крайне редко, без посвящения ему отдельного раздела.

Во-вторых, леса страны были приписаны и эксплуатировались Наркомлесом СССР, народными комиссариатами тяжелой промышленности, путей сообщения, внутренних дел, промысловой кооперацией и другими хозяйственными организациями. Помимо «крупной» промышленности функционировали предприятия, цехи, мастерские организаций и учреждений регионального и местного уровня – «мелкая» или «районная» промышленность, выпускавшая продукцию для удовлетворения текущих потребностей. Часть исследователей использовала факты из истории предприятий непрофильных хозяйственных ведомств и организаций, видя в них основную функцию лесной промышленности – заготовку древесины и выпуск пиломатериалов, и

⁵ История социалистической экономики СССР. Т. 3 / ред. И. А. Гладков. М., 1977; История социалистической экономики СССР. Т. 4. М., 1978; История социалистической экономики СССР. Т. 5 / отв. ред. И. А. Гладков. М., 1978; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VIII / отв. ред. Ю. А. Поляков. М., 1967; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. IX / отв. ред. А. П. Кучкин. М., 1971; Развитие советской экономики / под ред. А. А. Арутюняна, Б. Л. Маркуса. М., 1940.

фактически не рассматривала либо затрагивала поверхностно деятельность специализированных лесопромышленных производств. В связи с этим ряд проблем остался вне поля зрения ученых.

Выделим два основных этапа в развитии историографии: 1) 1930-е гг. – конец 1980-х гг.; 2) с конца 1980-х гг. по настоящее время.

На первом этапе исследователи уделяли внимание таким вопросам, как реформирование системы управления лесной отраслью, строительство и реконструкция предприятий, освоение передовой техники, социалистическое соревнование, трудовые достижения работников и предприятий, социалистические обязательства и т. п. Это обуславливалось господством методологии марксизма-ленинизма, идеологическими причинами, политической конъюнктурой. Сквозной темой в большинстве работ стало сравнение состояния лесной промышленности Российской империи накануне Первой мировой войны и результатов, достигнутых в годы первых пятилеток, противопоставление «отсталости» и индустриальных успехов.

С конца 1980-х гг. отраслевые специалисты, историки, наряду с пересмотром ряда положений советских авторов о развитии лесной промышленности, уделили внимание темам, которые ранее не находили отражения в советской литературе (например, экономическая и социальная история, роль заключенных, спецпереселенцев и других категорий репрессированных в развитии отрасли, отношение к труду, его эффективность), использовали новые методологические подходы, ранее недоступные архивные источники.

В рамках *первого этапа* можно выделить подэтапы, связанные со спецификой изучения темы: 1) 1930–1941 гг. – описательный характер, констатация (но не критический анализ) проблем функционирования отрасли; 2) 1940-е гг. – конец 1980-х гг. – первые попытки научного анализа истории лесной промышленности.

На *первом подэтапе* вышли обобщающие работы И. Т. Малкина, Д. Н. Тягая⁶, в которых рассматривается развитие лесной промышленности, ее отдельных компонентов в период первых пятилеток. Попытку объяснить организацию отрасли с точки зрения советского права предприняла Е. А. Флейшиц. Несмотря на широкий охват проблем, работа свелась к описанию нормативных правовых документов. В числе принципиальных замечаний автора касательно лесного законодательства следует отметить сложности его практического применения из-за многочисленности и разрозненности документов, большой территории лесопромышленной деятельности, преобладания сезонного труда, а также дробления отраслевого законодательства после реформы конца 1920-х – начала 1930-х гг. на ветви, посвященные лесопромышленной и лесокультурной зонам, лесам местного значения⁷.

К. И. Альбрехт (настоящее имя Карл Маттхойз Лёв), немецкий коммунист, переехавший в 1924 г. в СССР и сделавший карьеру от лесного инженера до заместителя руководителя Главлеспрома Высшего совета народного хозяйства (далее везде – ВСНХ) СССР, члена Центральной контрольной комиссии – Рабоче-крестьянской инспекции, на основе отечественного и зарубежного опыта проанализировал возможности применения разных типов инструментов и машин в лесной промышленности, проблемы формирования постоянных кадров лесных рабочих, организации их условий труда и проживания⁸. Инженер-лесовод подверг критике попытки проведения рационализации и механизации заготовки и вывозки древесины некоторыми хозяйственными организациями Советского Союза, дал практические советы для улучшения работы в этом направлении и обосновал наиболее эффективные способы транспорта лесных ресурсов. В 1933 г. К. И. Альбрехт был арестован и обвинен в шпионаже в пользу Германии, но в следующем году выслан из СССР. В 1938

⁶ Малкин И. Т. История бумаги. М., 1940; Тягай Д. Н. Бумага и бумажная промышленность в СССР / под ред. Ф. Ф. Боброва. М., 1937.

⁷ Флейшиц Е. А. Правовая организация лесной промышленности Союза ССР. Л., 1936. С. 5, 11, 24.

⁸ Альбрехт К. И. Для леса нужны постоянные кадры рабочих / под ред. М. М. Кагановича. М.; Л., 1931; Он же. Рационализация и механизация лесозаготовок / под общ. ред. Н. Г. Смидовича. М.; Л., 1929.

г. в Германии подготовил рукопись «Преданный социализм»⁹, где подверг критике советскую политику, в том числе в отношении лесной промышленности (в годы Великой Отечественной войны книга использовалась немцами в пропагандистских целях). В книге много ярких примеров расточительного лесопользования в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг., хотя ряд оценок автора, особенно о быстром истощении ресурсных баз предприятий, политической подоплеке экспорта древесины, представляется предвзятым.

Принципиально важные моменты (первый – общесоюзного, второй – отраслевого масштаба), определившие векторы развития лесной промышленности, – соответственно кампании против «вредительства» в разных отраслях и критика, травля учений лесоводов, прежде всего М. М. Орлова, отстаивавших принципы непрерывного и неистощительного лесопользования. В работах Н. Алексейчика и Б. Чагина, В. Алферова обосновывались новые подходы лесопромышленной деятельности¹⁰, хотя почти все отраслевые периодические издания отметились язвительными публикациями в отношении корифеев лесохозяйственной науки того периода.

Сериями статей и брошюр о состоянии, достижениях и перспективах лесной промышленности отметились руководители Северного края, Союзлеспрома ВСНХ СССР, Наркомлеса С. А. Бергавинов¹¹, С. С. Лобов¹², В. И. Иванов¹³. В частности, к заслугам С. А. Бергавинова, ответственного секретаря Архангельского губернского комитета (далее везде – губком) ВКП(б), возглавившего в 1929 г. Северный край, а затем Союзлеспром, следует

⁹ Русскоязычный перевод главы «Разве это социалистическое строительство?» вышел в: Военно-исторический альманах Виктора Суворова. Независимые исторические исследования. Вып. 1. М., 2012. С. 337–395.

¹⁰ Алексейчик Н. Против реакционных течений на лесном фронте. М.; Л., 1932; Алферов В. Вредительство в бумажной промышленности. М., 1930.

¹¹ Бергавинов С. За социалистическую индустриализацию Севера. Доклад о работе Севкрайбюро ЦК ВКП(б) на первой Северной краевой партконференции (Приложение к газете «Правда Севера» № 80). Архангельск, 1929; Он же. Лесная промышленность на помощь индустриализации. М., 1931; Он же. О лесе, лесной промышленности и лесном экспорте (Пути увеличения поступления валюты) // Свободная мысль. 2009. № 1.

¹² Лобов С. С. О лесной промышленности. М.; Л., 1930; Он же. Пути развития лесной промышленности во втором пятилетии. М., 1932; Он же. Реконструкция лесной промышленности // Плановое хозяйство. 1932 № 2.

¹³ Иванов В. И. В бой за лесозаготовки! Речь на краевой конференции лесорубов. Архангельск, 1931; Он же. Основные направления развития социалистического Севера: Доклад секретаря Севкрайкома ВКП(б) о работе крайкома на III Северной краевой конференции ВКП(б) (17–23 января 1932 г.). Архангельск, 1932.

отнести многолетнюю деятельность по обоснованию необходимости индустриального развития лесной промышленности и лесного экспорта – как в масштабах Европейского Севера, так и всей страны – в печати, на партийных конференциях, съездах.

Показатели выполнения пятилетних планов, состояния экономики Советского Союза публиковались в специальных итоговых изданиях¹⁴, экономических журналах¹⁵. Большой интерес представляют публикации, посвященные лесной промышленности¹⁶ и результаты масштабного исследования Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР по теме «Анализ производственно-территориальных сдвигов в лесной промышленности за первое и второе пятилетия и принципы размещения ее в третьем пятилетии»¹⁷. В публикациях прослеживается сильный интерес к перспективам развития отрасли в северных и восточных районах страны, отмечаются «острые» проблемы, подкрепленные разнообразной статистикой.

Самым разным аспектам истории лесопромышленного комплекса посвящены статьи руководителей и специалистов отрасли, ученых, редакционные информации в отраслевых журналах: «Лесная индустрия» – «Лесная промышленность»¹⁸, «Технику лесной промышленности»¹⁹.

¹⁴ Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939; Итоги выполнения первого пятилетнего плана народного хозяйства Союза ССР. М. Л., 1933.

¹⁵ См., напр.: Гринько Г. Ф. План великих работ (Основные проблемы пятилетнего народно-хозяйственного плана СССР на период 1928/1929–1932/1933 гг.) // Плановое хозяйство. 1929. № 2; Кауфман М. Итоги и перспективы внешней торговли (К перспективному плану по внешней торговле) // Плановое хозяйство. 1929. № 4; Коган А. Кооперирование машиностроения // Плановое хозяйство. 1939. № 2; Колтунов Н. Основные итоги работы промышленности в 1935 г. // План 1936. № 1; Кристин А. Промышленность за пятнадцать лет // Народное хозяйство: экономико-статистический журнал. 1932. № 7–8; Левин В. Промышленность в плане на 1931 год // Плановое хозяйство. 1930. № 12; Совалов А. Структура внешнего торгового оборота СССР // Народное хозяйство СССР. 1932. № 5–6.

¹⁶ Бененсон Г. Очередные вопросы снабжения народного хозяйства лесом // Плановое хозяйство. 1941. № 5; Богорад Д. Енисейский лесопромышленный комплекс // Плановое хозяйство. 1938. № 2; Бурень С. О резервах лесной промышленности // Плановое хозяйство. 1940. № 2; Гайнер И. Задачи лесной промышленности в 1935 г. // Плановое хозяйство. 1935. № 2; Диканский С. Лесная промышленность в 1934 г. // Плановое хозяйство. 1934. № 5–6; Рослов Н. Основные проблемы развития лесной промышленности Северной области // Плановое хозяйство. 1936. № 12; Чуистов В. О развитии бумажной промышленности // Плановое хозяйство. 1939. № 10.

¹⁷ Воздвиженский В. Развитие лесной промышленности и размещение ее в третьей пятилетке // Плановое хозяйство. 1937. № 9–10; Чиж Г. Узкие места лесной промышленности // Плановое хозяйство. 1939. № 2.

¹⁸ Основные работы: Бовин А. И. Об укреплении технического руководства производством // Лесная промышленность. 1941. № 4; Герман Г. М. Очередные задачи лесной промышленности // Лесная индустрия. 1934. № 3; Заикин Н. И. Уроки капитального строительства Наркомлеса в 1938 г. // Лесная индустрия. 1939. № 4; Закандин В. Размещение лесной промышленности в Волжском бассейне в связи с реконструкцией Волги // Лесная индустрия. 1934. № 2; Иньков М. Г. Выполнять план лесозаготовок каждый день, на каждом

В «Малой Советской энциклопедии» (2-е издание) опубликованы статьи об отраслях лесной промышленности, административных единицах, предприятиях. Сравнивается состояние отрасли в СССР и странах – лидерах мировой лесопромышленной деятельности. Положительно оцениваются достижения Советской власти, особенно в тех подотраслях, где были сделаны значимые открытия, сконструированы и внедрены новые типы оборудования, имели место относительно высокие показатели²⁰.

Большое внимание советскими и иностранными специалистами уделялось внешней торговле Советского Союза, в том числе лесными ресурсами и материалами²¹. Экскурсы в историю отдельных отраслей или направлений лесопромышленной деятельности характерны для учебных пособий и практических руководств, изданных в 1930-х гг.²² Ценность большинства трудов состоит в первую очередь в том, что они отражали практические проблемы организации труда и производственных процессов и использования техники, характерные для периода индустриализации.

предприятия // Лесная промышленность. 1941. № 5; Колениус М. Мировой лесной рынок на пороге 1934 г. // Лесная индустрия. 1934. № 2; Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса СССР плана третьего пятилетия // Лесная промышленность. 1941. № 2; Красовский И. Пути развития лесного хозяйства СССР // Лесная индустрия. 1934. № 3; Кудрявцев А. В. Организация сплава определяет успех навигации // Лесная промышленность. 1941. № 2; Ованесян С. А. Некоторые итоги работы механизированного лесотранспорта // Лесная промышленность. 1941. № 5; Прилуцкий А. В. Скоростной метод – на все рейды и запаны // Лесная промышленность. 1941. № 4; Он же. Технологический процесс на рейдах // Лесная промышленность. 1941. № 7; Пронин А. Г. Ликвидировать утоп и потери древесины // Лесная промышленность. 1941. № 6; Сенчугов К. Т. Война и лесопильная промышленность Швеции и Финляндии // Лесная промышленность. 1941. № 1; Столяров С. Г. Попенная плата // Лесная индустрия. 1936. № 5; Турин А. Машиностроение для бумажной промышленности в 1933 и 1934 гг. // Лесная индустрия. 1934. № 2.

¹⁹ Основные работы: Загайнов А. М. Электрификация лесовозной дороги трехфазным током высокого напряжения // Технику лесной промышленности. 1932. № 5–6; Ларионов А. М. Большая лесохимия Северного края // Технику лесной промышленности. 1932. № 3–4; Новосельцев Н. В. Передвижные газогенераторные установки // Технику лесной промышленности. 1932. № 3–4.

²⁰ Бумажная промышленность // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. 2-е изд. Т. 2. М., 1939; Горьковский край // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. 2-е изд. Т. 3. М., 1936; Дальневосточный край // Там же; Деревообрабатывающая промышленность СССР // Там же; Западная область // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. 2-е изд. Т. 4. М., 1936; Карельская АССР // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. С. Б. Ингулов, Н. Л. Мещеряков. 2-е изд. Т. 5. М., 1937; Лесная промышленность // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. 2-е изд. Т. 6. М., 1937; Лесохимическая промышленность // Там же; СССР // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. Т. 10. М., 1940.

²¹ Бакулин С. Н. Статистика внешней торговли. М., 1940; Мишустин Д. Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР. М., 1938; Zinghaus V. Die Holzbearbeitungsindustrie der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken (UdSSR): unter besonderer Berücksichtigung des sowjetrussischen Holzexportes. Jena, 1929.

²² Артамонов М. Д. Автотракторные газогенераторы на лесовывозке. М., 1935; Он же. Лесовозные газогенераторы (временное руководство для шоферов и трактористов). М., 1935; Сухопутный лесотранспорт / под общ. ред. Д. А. Попова. 2-е испр. и доп. изд. Т. 1. Л., 1940.

В публикациях экономистов²³ указывался, как правило, стандартный набор принципов размещения производительных сил, присущих советской экономической модели, и основные направления развития отраслей в экономических районах, в том числе лесной промышленности. Конкретные формы территориальной организации отрасли не указывались.

А. Е. Бейлин изучал проблемы формирования кадров специалистов в СССР в годы Новой экономической политики и индустриализации, в том числе в лесной промышленности и лесном хозяйстве, уделив внимание образованию, возрасту, полу, партийной принадлежности работников²⁴. Тема подготовки кадров высшей квалификации для лесной отрасли в Белорусской советской социалистической республике (далее везде – ССР) стала предметом публикации В. К. Захарова²⁵. К числу наиболее серьезных работ второй половины 1930-х гг., раскрывающих достижения и проблемы стахановского движения, относится книга О. А. Ерманского²⁶.

Существенный объем научных и научно-популярных публикаций посвящен региональным аспектам развития лесной промышленности. В первой половине 1930-х гг. выходил большой объем публикаций по проблемам развития Северного края и Советского Севера²⁷. И. Капитонов и С. Славин одними из первых комплексно подошли к проблеме освоения Севера во второй пятилетке. Ученые, отмечая условность понятия «Север», относили к нему районы, «расположенные севернее освоенной полосы Советского Союза, и районы, охваченные длительным народнохозяйственным планом» Урало-Кузнецкого комбината, опираясь на актуальность решения двух ключевых проблем: развития лесной промышленности и реконструкции промыслового

²³ Смилга И. Основные линии размещения производительных сил во второй пятилетке // Плановое хозяйство. 1932. № 1; Фейгин Я. Размещение производительных сил СССР. М., 1941; Katkoff V. Timber Industry of the U.S.S.R. // Economic Geography. 1940. Vol. 16. No. 4.

²⁴ Бейлин А. Е. Кадры специалистов в СССР, их формирование и рост. М., 1935.

²⁵ Захаров В. К. Высшая лесная школа в БССР // 10-летие Белорусского лесотехнического института им. С. М. Кирова и 20-летие высшего лесного образования в БССР. Гомель, 1940.

²⁶ Ерманский О. А. Стахановское движение и стахановские методы. М., 1940.

²⁷ За большевистский план второй пятилетки Северного края (к краевой конференции по второй пятилетке). Архангельск, 1932; Краткий географический очерк Северного края (в картах) / под ред. М. Я. Рознера; сост. А. Ф. Белавин, А. Н. Дьячков, С. А. Селезнев. Архангельск, 1934; Сибирцев Н. Торговое мореплавание в Сибири и 15 лет Карских экспедиций // Итин В. Северный морской путь и Карские экспедиции / под ред. Б. В. Лаврова. Новосибирск, 1936.

хозяйства коренных народов. Выделялись зоны Европейского и Азиатского Севера. На этой территории произрастали основные запасы лесов, но они были относительно освоены только в Карелии и западной части Северного края²⁸.

В начале 1930-х гг. была издана серия книг о разных аспектах лесопромышленной деятельности в автономной Карельской республике²⁹. А. Зорич рассмотрел вопросы колонизации территории Мурманской железной дорогой, условий труда и быта лесных рабочих, механизации заготовки древесины, рационального использования лесных ресурсов. В сборнике «Зеленое золото. Сборник о лесе» авторами были поверхностно и однобоко затронуты вопросы производственной сферы и некоторые экологические аспекты лесопользования: необходимости восстановления лесов, борьбы с пожарами, вредителями, применения отходов³⁰. Проблемам и достижениям лесной промышленности Карелии уделено большое внимание в журналах «Советская Карелия»³¹ и «Карело-Мурманский край»³².

Развитию лесной промышленности на Урале были посвящены обзорная работа И. Дульского и разделы, статьи в тематических сборниках об отдельных административных единицах³³. В первом и единственном томе «Уральской советской энциклопедии», изданном в 1933 г., содержатся статьи о бумажной промышленности, Вишерском целлюлозно-бумажном комбинате (далее везде – ЦБК), некоторых участниках строительства этого предприятия³⁴. Авторы дали характеристику развития бумажной отрасли в стране и на Урале. Вопросы

²⁸ Капитонов И. Проблемы освоения Севера во второй пятилетке // Плановое хозяйство. 1932. № 3. С. 168–169.

²⁹ Бекренев Н. М. Канадские лесорубы на лесозаготовках в Карелии. Петрозаводск, 1932; Зорич А. Советская Канада. Очерки. М., 1931.

³⁰ Зеленое золото. Сборник о лесе. Л., 1931.

³¹ Аксеновский А. Вопросы механизации лесозаготовок и вывозки // Советская Карелия. 1931. № 8–10; Архипов Н. В. Лесное хозяйство и лесная промышленность // Советская Карелия. 1930. № 7–8; Соколов В. Кондострой // Там же; Соколов Н. За советскую науку в лесном хозяйстве // Советская Карелия. 1932. № 1–2.

³² Алымов В. Промышленность Мурманского округа в первом пятилетии // Карело-Мурманский край. 1933. № 9–10; Андриевский А. Рациональное использование транспорта в лесу // Карело-Мурманский край. 1933. № 9–10.

³³ 10 лет хозяйственного и культурного строительства Коми-Пермяцкого округа Свердловской области. 1925–1935 (материалы к докладу ВЦИК). Свердловск; Кудымкар, 1935; Дульский И. Лесные богатства Урала. Свердловск; М., 1934; Симонов А. П. Промышленность Башкирской АССР за XX лет // XX лет Башкирской автономной советской социалистической республики (1919–1939 гг.). Уфа, 1939; Тиунов В. Молотовская область (краткий экономический очерк). Молотов, 1940; Хозяйственное и культурное строительство на Урале. Свердловск, 1934.

³⁴ Алмазов // Уральская советская энциклопедия. Т. 1. М.; Свердловск, 1933; Борисов // Там же; Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат // Там же; Гравес А. Ф. Бумажная промышленность // Там же.

организации и проведения лесоустройства, лесозаготовок, результаты выполнения первого пятилетнего плана, размещения и строительства предприятий на Урале отражены на страницах журнала «Хозяйство Урала»³⁵.

Ряд статей «Сибирской советской энциклопедии» (три ее тома были опубликованы в конце 1920-х – начале 1930-х гг., четвертый – в 1992 г. в Нью-Йорке) посвящен разным отраслям и аспектам лесной промышленности региона. Они включают исторические обзоры, рассмотрение текущего состояния и проблем отраслей, определение перспектив их развития³⁶. В статьях журнала «Советская Арктика»³⁷ рассмотрены состояние и перспективы лесной промышленности на севере Сибири, проблемы строительства предприятий, экспорта лесных материалов, привлечения кадров.

Одна из наиболее обсуждаемых на уровне партийно-государственных, плановых органов, научного сообщества проблем в конце 1920-х – начале 1930-х гг. – планирование и осуществление проекта Урало-Кузнецкого комбината. Поскольку данный проект предполагал комплексное развитие отраслей Уральского и Сибирского регионов, уделялось внимание и лесной промышленности. Важной темой стало определение на ближайшую перспективу объемов древесного угля, необходимого для выплавки чугуна, в связи с использованием минерального топлива. Масштабные планы по индустриализации отрасли связывались с ростом потребностей страны в

³⁵ Гашев А. Лесной рынок Уральской области // Хозяйство Урала. 1929. № 1; Переход В. К вопросу о лесозаготовках макро- и микрорайонировании Уральской области // Хозяйство Урала. 1929. № 2; Соловов М. К. К пятилетнему плану капитального строительства Урала // Хозяйство Урала. 1926. № 15–16; Степанов П. Вопросы генерального плана хозяйства Урала // Хозяйство Урала. 1928. № 1; Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие // Хозяйство Урала. 1933. № 4; Он же. Пятилетний план лесопромышленного хозяйства Урала // Хозяйство Урала. 1929. № 6.

³⁶ Анцеевич В. Лесохимическая промышленность // Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. М., 1932; Бумажное производство // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929; Горавский А. Промышленность // Сибирская советская энциклопедия. Т. 4 / под общ. ред. М. К. Азадовского и др.; гл. ред. Б. З. Шумяцкий. Нью-Йорк, 1992; Деревообрабатывающая промышленность // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929; Индустриализация Сибири // Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. М., 1931; Куят Ф. Лесная промышленность // Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. М., 1932; Лесотехническое образование // Там же; Попков А. Лесное хозяйство // Там же; Шеф М. Лесоустройство // Там же.

³⁷ А. А. Лесная промышленность и порт Игарка // Советская Арктика. 1935. № 3; Марголин А. Игарке – десять лет // Советская Арктика. 1939. № 11; Соколов А. А. Белогорский лесокомбинат // Советская Арктика. 1936. № 9; Спецуро Н. В. Лесная промышленность в третьем пятилетии на Крайнем Севере // Советская Арктика. 1937. № 2; Он же. Перспективы развития лесной промышленности Крайнего Севера // Советская Арктика. 1935. № 2; Тарасенков Г. Н. Обский север и его экономика (итоги и перспективы) // Советская Арктика. 1937. № 5.

лесных ресурсах и материалах, вовлечением в промышленный оборот массивов на севере и северо-востоке Уральской области³⁸. Еще одним районом, но уже перспективного освоения, где лесная промышленность получала развитие в комбинации с гидроэнергетикой, был Ангаро-Енисейский район. После продолжительных исследований гипотезу решения проблемы использования гидроэнергии р. Ангара предложил авторитетный специалист В. М. Малышев³⁹.

Книги, изданные в начале 1930-х гг. и посвященные строительству и началу работы предприятий, сооруженных в первой пятилетки⁴⁰, отличал большой объем научно-технической информации (характеристика оборудования, производственных процессов). Важно было показать достижение страной экономической независимости, освоение советскими специалистами и рядовыми рабочими передового оборудования (иностранного и отечественного). Гораздо меньше внимания уделялось повседневной деятельности работников, их жилищным и социально-бытовым условиям, досугу. В книгах умалчивалось о возникавших проблемах, использовании труда «спецконтингента», но восхвалялась роль партийно-государственных органов в развитии отрасли. В несколько ином ключе построена книга о строившемся Бзыбском лесном комбинате (далее везде – ЛК) (побережье Абхазской автономной республики). Авторы попытались заглянуть в ближайшее будущее

³⁸ Васютин В. Ф. Основные линии развития Урало-Кузбасса во втором пятилетии. Переработанный и дополненный доклад, прочитанный на I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил. М., 1932; Ведерников В. Урало-Кузнецкий комбинат. Очерк по предварительным наброскам и материалам. Свердловск, 1931; Колосовский Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината // Пространственная экономика. 2009. № 4; Материалы по развитию хозяйства Пермского района Уральской области в системе УКК. Пермь, 1931; Сперанский А. Н. Проблема развития черной металлургии Урало-Кузнецкого комбината // Урало-Кузнецкий комбинат. Сб. ст. / под ред. А. О. Золотарева. М., 1931; Тарасевич В. Лесное хозяйство Урала в системе Урало-Кузнецкого комбината // Хозяйство Урала. 1931. № 2; Файнгольд Г. М. Урало-Кузнецкая проблема в решениях и постановлениях партии и правительства // Урало-Кузнецкий комбинат. Сб. ст. / под ред. А. О. Золотарева. М., 1931; Федорович И. Урало-Кузнецкая проблема. Л., 1926; Филиппович Проблемы лесохимии // Труды первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Союза ССР. Т. IV. Урало-Кузнецкий комбинат / под общ. ред. А. Г. Гайстера. М., 1933; Эвенчик Б. И. Перспективы уральской промышленности и электрификации в связи с развертыванием Урало-Кузнецкого комбината // Урало-Кузнецкий комбинат. Сб. ст. / под ред. А. О. Золотарева. М., 1931; Он же. Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината. М., 1932.

³⁹ Малышев В. М. Гипотеза решения ангарской проблемы. М.; Иркутск, 1935.

⁴⁰ А. С. Восемнадцать месяцев, которые создали комбинат Вишхимз. Красновишерск, 1931; Зимин В. В. Лесной комбинат Черноморья. Бзыбский бумажно-лесопильно-фанерный комбинат. М.; Л., 1931; Сумароков В. П. Первенец индустриальной лесохимии. История создания, методы технологического процесса и характеристика оборудования Ашинского лесохимического завода / под ред. С. П. Насакина. М., 1933.

и показать роль предприятия в освоении лесных ресурсов Кавказа и развитии окраинной территории.

Издавались книги, в которых от имени передовиков производства рассказывалось о строительстве предприятий, организации труда, социалистическом соревновании, трудовых рекордах⁴¹, а также книги, подготовленные писателями, журналистами, об опыте работы передовых работников⁴², изобретателей⁴³, комсомольцев⁴⁴. Приведенные в них сведения позволяют оценить эффективность социалистического соревнования, рационализаторской и изобретательской деятельности и их роль в развитии производства.

Итак, для работ первого подэтапа характерны в целом описательный характер, констатация (но не критический анализ) проблем функционирования отрасли. Лесное хозяйство и лесная промышленность были подчинены потребностям плановой экономики, их развитие виделось в основном в положительном плане, ставилось в заслуги высшим партийно-государственным органам. Обсуждение ряда проблем (в первую очередь институциональных, организационно-экономических, производственных, кадровых) усиливалось в периоды спадов и при подготовке нормативных правовых актов, в которых ставились общие задачи перед отраслью. Улучшение породного состава лесов, повышение их продуктивности, экологические функции оставались второстепенными задачами.

На *втором подэтапе* (1940-е гг. – конец 1980-х гг.) были предприняты первые попытки научного анализа истории лесной промышленности.

⁴¹ Валютный цех: Очерки карельских лесорубов. М., 1931; Воронин Д. И. Стахановские методы работы тавдинцев. М., 1938; Готчиев П. Рассказ о моей работе. Петрозаводск, 1939; Зимин И. А. Мой опыт работы на газогенераторном автомобиле. М., 1939.

⁴² Генделев Л. М. Стахановские методы в спичечной промышленности / под ред. Я. И. Изакова. М., 1935; Коничев К. Стахановец Мусинский // Знатные люди Севера / под ред. Н. Д. Попова, К. И. Коничева, А. И. Шинева. Архангельск, 1936; Лесные мастера. Опыт работы лесорубческой поточной стахановской бригады Михаила Шестакова. Архангельск, 1936; Мясников Б. Иван Дмитриевич Глотов // Знатные люди Севера / под ред. Н. Д. Попова, К. И. Коничева, А. И. Шинева. Архангельск, 1936; Паш В. Антон Васильевич // Там же; Твердов Е. Орденоносец Первышин // Там же.

⁴³ Александров П. Изобретатель Н. Д. Снетков. М., 1941.

⁴⁴ Берениус Н. Зеленый фронт. Жизнь и работа Карельского комсомола / под ред. Карельского обкома ВЛКСМ. Л., 1931; Логинов В. В лесах Карелии. Жизнь и работа комсомольцев на лесозаготовках. М.; Л., 1931.

Наиболее концептуальным трудом следует считать монографию К. В. Альгвере⁴⁵, эстонского ученого-лесоведа, уехавшего в 1944 г. в Швецию. Там он занялся исследованием экономических и управленческих проблем лесной отрасли и в 1966 г. на базе Королевского колледжа лесного хозяйства Стокгольма издал книгу «Лесное хозяйство в СССР. Анализ советского конкурентного потенциала». К. В. Альгвере изучил развитие лесного комплекса в разные периоды истории России, Советского Союза, осуществил исследование в отраслевом и региональном разрезе. Данный труд интересен еще с той точки зрения, что автор был ограничен в использовании данных, но при этом опубликовал большое количество таблиц и иллюстраций.

Крупным успехом стал выход в 1957–1958 гг. серии книг о развитии отдельных компонентов лесной промышленности за 40 лет Советской власти⁴⁶. Несмотря на демонстрацию преимущественно положительных результатов, это – первая попытка обобщения истории отрасли. В. Я. Колданов⁴⁷ рассмотрел поэтапное реформирование системы управления отраслью, отметил положительные и отрицательные результаты преобразований. Помимо этого, был издан ряд других работ обобщающего характера, в которых рассматривается, в частности, развитие отрасли в годы первых пятилеток⁴⁸. П. М. Лукьянов в работе об истории российской и советской химической промышленности несколько очерков посвятил развитию лесохимической отрасли⁴⁹. Несмотря на рассмотрение истории лесной отрасли в рамках формационного подхода, поступательного развития, поддержку приоритета

⁴⁵ Algvere K. V. Op. cit.

⁴⁶ Бумажная промышленность СССР. 1917–1957 гг. / под общ. ред. К. А. Вейнова. М.; Л., 1958; Лесная промышленность СССР. 1917–1957. В 3 т. Т. 1. Лесозэксплуатация / гл. ред. В. А. Попов. М., 1957; Лесная промышленность СССР. 1917–1957. В 3 т. Т. 2. Лесопиление и деревообработка / гл. ред. В. А. Попов. М., 1957; Лесная промышленность СССР. 1917–1957. В 3 т. Т. 3. Лесная наука и кадры / гл. ред. В. А. Попов. М., 1957.

⁴⁷ Колданов В. Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М., 1992; работа была завершена автором в 1977 г.

⁴⁸ Бененсон Г. М. Лесозаготовительная промышленность в народном хозяйстве СССР: Очерки развития лесной промышленности. Вып. 1. М.; Л., 1952; Лесное хозяйство СССР. М., 1977; Лесное хозяйство СССР за 50 лет. М., 1967; Медведев Н. А. Лесосырьевые ресурсы и размещение лесной промышленности СССР. М.; Л., 1959; Цепляев В. П. Лесное хозяйство СССР (Основные итоги лесохозяйственной деятельности). М., 1965.

⁴⁹ Лукьянов П. М. Краткая история химической промышленности СССР. От возникновения химической промышленности в России до наших дней. М., 1959.

экономических интересов в сфере лесопользования, авторы затрагивают и некоторые проблемы, хотя объективная критика отсутствует.

С 1950-х гг. изучением особенностей развития лесной промышленности занялись профессиональные историки⁵⁰. В работах подводились итоги развития отрасли в годы первых пятилеток, отмечались достижения в строительстве предприятий, увеличении объемов выпуска продукции, социалистическом соревновании, формировании инфраструктуры. Опыт развития лесной промышленности изучался как в масштабах страны, так и на уровне регионов. К. Я. Бабкина признавала одной из первых – пусть и в рамках рассмотрения политики коммунистической партии с точки зрения финансирования лесной промышленности, подготовки кадров и развертывания социалистического соревнования в первой пятилетке – важную роль отрасли в развитии тяжелой промышленности, накоплении средств и создании валютных резервов для индустриализации. Нельзя согласиться с выводом историка о превращении лесной промышленности за первую пятилетку из кустарной в «крупную индустриальную» отрасль. При этом К. Я. Бабкина отметила невыполнение лесной промышленностью первого пятилетнего плана и причины этого видела в ее отставании от других отраслей советской экономики и в середине 1950-х гг.⁵¹

Самым разным аспектам истории лесопромышленного комплекса посвящены статьи руководителей и специалистов отрасли, ученых, редакционные информации в номерах журнала «Лесная промышленность»⁵².

⁵⁰ Андрияйнен А. И. Советская Карелия в годы третьей пятилетки (1938 – июнь 1941 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1956; Бабкина К. Я. Борьба Коммунистической партии за выполнение первой пятилетки в области лесной промышленности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955; Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1979.

⁵¹ Бабкина К. Я. Указ. соч. С. 3, 16–17.

⁵² Основные работы: Бедлинский С. В. Первая лесная пятилетка // Лесная промышленность. 1979. № 5; Больше леса стране! (К 25-летию лесосплава СССР) // Лесная промышленность. 1945. № 1–2; Гацкевич В. А. С чего начиналась механизация // Лесная промышленность. 1977. № 10; Зиновьев В. В. Фанерная промышленность СССР // Лесная промышленность. 1947. № 10; Ивантер В. Лесная промышленность СССР в цифрах // Лесная промышленность. 1957. № 10; Кофтов Г. Е. Перспективы строительства в лесной промышленности СССР // Лесная промышленность. 1945. № 1–2; Лесная промышленность за 30 лет // Лесная промышленность. 1947. № 10; Масштабы роста (лесная промышленность за 60 лет) // Лесная промышленность. 1977. № 8, 9, 10; Немцов В. П. Научный потенциал отрасли // Лесная промышленность. 1977. № 10; Пациора П. П. Шаги лесной энергетики // Лесная промышленность. 1970. № 4; Пискунов М. Первопроходчики // Лесная промышленность. 1967. № 9;

Некоторые вопросы истории отрасли нашли отражение на страницах издания «Лесной журнал. Известия высших учебных заведений»⁵³, выходившего с 1833 до 1918 гг. и возрожденного в 1957 г. в Архангельском лесотехническом институте. Статьи исторического характера носят в основном научно-публицистический характер, богаты фактами, воспоминаниями и приурочены к какой-либо юбилейной дате. В них дается положительная оценка деятельности Советской власти, а также научно-исследовательских и образовательных учреждений по развитию лесной промышленности страны, ставшей индустриальной отраслью. К числу наиболее качественно подготовленных публикаций следует отнести работы С. В. Бедлинского, В. А. Гацкевича, Г. Е. Кофтова, П. В. Васильева, Н. В. Тимофеева.

В «Большой Советской энциклопедии» (2-е издание) опубликованы статьи об отраслях лесной промышленности. Сравнивается состояние отрасли в СССР и странах – лидерах мировой лесопромышленной деятельности. Положительно оцениваются достижения Советской власти, особенно в тех сферах лесопользования, где были сделаны значимые открытия, сконструированы и внедрены новые типы оборудования, имели место относительно высокие показатели⁵⁴.

Вопросы динамики числа рабочих, организации труда, достижений новаторов и стахановцев исследовали А. И. Андрияйнен, А. В. Бакунин⁵⁵.

Рожков Д. С. Научная база отечественного лесопиления // Лесная промышленность. 1957. № 10; Тимофеев Н. В. Лесная индустрия в юбилейном году // Лесная промышленность. 1970. № 4.

⁵³ Основные работы: Васильев П. В. Структурные сдвиги в использовании и воспроизводстве лесных ресурсов в СССР // Лесной журнал. Известия высших учебных заведений. 1972. № 6; Воробьев Г. И. Вопросы использования и воспроизводства лесных ресурсов СССР // Там же; Рахманов С. И. Работы ученых УЛТИ по новой технике и технологии лесозаготовок Урала // Лесной журнал. Известия высших учебных заведений. 1970. № 1; Тимофеев Н. В. Лесозаготовительная промышленность СССР – крупнейшая в мире // Там же.

⁵⁴ Бумажная промышленность // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 6. М., 1951; Гидролизная промышленность // Там же; Деревообрабатывающая промышленность // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 14. М., 1952; Лесозаготовительная промышленность // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 25. М., 1954; Лесопильная промышленность // Там же; Лесохимическая промышленность // Там же; Мебельная промышленность // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 26. М., 1954; Спичечная промышленность // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 40. М., 1957; Фанерная промышленность // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 44. М., 1957; Целлюлозная промышленность // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 46. М., 1957.

⁵⁵ Андрияйнен А. И. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии в начале третьей пятилетки // Вопросы истории Карелии. Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вып. XXII. Петрозаводск, 1959; Бакунин А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Свердловск, 1968; Он же. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Урала (1933–

Изучением подготовки кадров для лесной промышленности страны занимались В. И. Голдин, Б. Д. Ионов, Т. Б. Ионова, А. Ф. Кузнецов⁵⁶. В целом они положительно оценивали формирование сети образовательных учреждений, которая позволила обеспечить отрасль квалифицированными работниками.

Был подготовлен ряд значимых трудов по истории лесной промышленности отдельных регионов, административно-территориальных единиц.

Развитию экономики Европейского Севера в 1917–1941 гг., в том числе лесной промышленности, посвящена диссертация В. П. Пятовского⁵⁷. Научные сотрудники отдела истории Коми филиала Академии наук СССР изучали историю индустриализации региона в 1926–1937 гг. По итогам этой работы был составлен научный отчет, опубликованный только в 2018 г.⁵⁸ В нем содержится большой объем сведений о планировании и развитии лесной промышленности в периоды Новой экономической политики и индустриализации, однако не затрагиваются проблемы использования принудительного труда, эффективности производства, хотя и предприняты попытки анализа причин низких темпов развития отрасли, невыполнения первых пятилетних планов.

Большой вклад в изучение истории лесной отрасли Карелии, ее экономических проблем внес И. В. Первозванский. Он рассмотрел историю отрасли со второй половины XIX в. до 1950-х гг., уделив особое внимание эволюции лесопромышленного производства, динамике показателей, роли государственных и региональных органов в этих процессах. Вопросы принудительного труда автором не затрагиваются, а Беломорско-Балтийский комбинат Народного комиссариата внутренних дел (далее везде – НКВД)

1937 гг.) // Рабочий класс Урала в период строительства социализма: Сб. ст. Свердловск, 1982.

⁵⁶ Голдин В. И. Подготовка кадров социалистической интеллигенции в Северном крае (1928–1937 гг.) // История и культура Архангельского Севера в годы Советской власти: межвузовский сб. науч. трудов. Вологда, 1985; Ионов Б. Д. О подготовке лесных кадров // Лесной журнал. Известия высших учебных заведений. 1970. № 1; Кузнецов А. Ф. Партийное руководство подготовкой кадров для лесной и лесоперерабатывающей промышленности Урала (1933–1937) // Партийные организации во главе культурного строительства. Свердловск, 1978.

⁵⁷ Пятовский В. П. Осуществление ленинской программы развития производительных сил Европейского Севера СССР (1917–1941 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1974.

⁵⁸ Индустриализация Коми автономной области: историографический и источниковедческий анализ и публикация архивной рукописи. Сыктывкар, 2018.

представлен в качестве гражданского ведомства, осуществлявшего лесопромышленную деятельность⁵⁹. Ученые И. З. Полуйко, И. В. Первозванский и другие специалисты Карело-Финского (Карельского) филиала Академии наук СССР посвятили работы разным аспектам лесопользования⁶⁰. Критикуя смену подходов в лесопользовании на рубеже 1920–1930-х гг., исследователи поддерживали сложившуюся со второй половины 1930-х гг. систему ведения лесного хозяйства и осуществления лесопромышленной деятельности, несмотря на имевшие место проблемы. Основной задачей ученых стало вычисление оптимальных размеров лесопользования для функционирования предприятий в течение длительного периода.

Обобщающим трудом по истории лесной промышленности Урала является монография Б. С. Петрова⁶¹. Он рассмотрел особенности становления отрасли в контексте развития отечественной лесной промышленности, уделил внимание вопросам строительства новых предприятий и экономическим показателям. В исследовании констатировались и некоторые проблемы, однако их анализ не предпринимался. П. Горчаковский, Н. Коновалов и Р. Урванов несколько очерков посвятили развитию лесопромышленного комплекса с конца 1930-х до конца 1940-х гг.⁶² Значительный вклад в осмысление достижений и проблем уральской лесной промышленности внес ученый-лесовод М. Е. Ткаченко. В книгу «Леса Урала»⁶³ включены очерки истории лесного хозяйства и отраслей лесопромышленного комплекса. Приведены показатели механизации лесоэксплуатации, эффективности функционирования предприятий. Ученый, анализируя проблемы рационализации лесного хозяйства на Урале в связи с

⁵⁹ Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вып. XIX. Вопросы рационального использования лесов Карелии. Петрозаводск, 1959.

⁶⁰ Комшилов Н. Ф. Сырьевая база канифольно-экстракционного производства в Карело-Финской ССР // Труды Карело-Финского филиала АН СССР. 1956. Вып. 3; Первозванский И. В. О возможном размере главного пользования в лесах К-ФССР // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. 1951. № 1; Полуйко И. З. К вопросам лесопользования в лесах Севера // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. 1949. № 3.

⁶¹ Петров Б. С. Очерки о развитии лесной промышленности Урала. М.; Л., 1952.

⁶² Горчаковский П. Лесные богатства Урала. Свердловск, 1948.

⁶³ Леса Урала / под ред. М. Е. Ткаченко. Свердловск, 1948.

Великой Отечественной войной, видел причины сложившегося положения в отрасли в проблемах, возникших в 1930-х гг.⁶⁴

Пермские исследователи, специалисты, деятели органов власти изучали индустриальные преобразования на территории Предуралья, где значительное развитие получил лесопромышленный комплекс⁶⁵. В работах содержится богатый фактический материал, рассмотрены вопросы строительства предприятий, их технического оснащения, технико-экономических показателей, социалистического соревнования и ряде других вопросов.

М. И. Белов в капитальном многотомном труде об открытии и освоении Северного морского пути исследовал развитие лесопромышленного комплекса и лесного экспорта в северных районах страны в 1920-х – 1930-х гг.: на Европейском Севере, в бассейнах р. Оби, Енисея, Лены⁶⁶. А. С. Шейнгауз рассмотрел историю освоения лесных ресурсов на Дальнем Востоке за период с середины XIX до середины XX вв. Исследователь обратил внимание, что рост показателей лесопромышленной деятельности в регионе не компенсировался лесохозяйственными работами, осуществлявшимися в небольших объемах⁶⁷.

Основные направления развития лесной отрасли регионов Советского Союза отражены в работах по истории регионов⁶⁸. Методологическое содержание этих трудов устарело, сведения о социально-экономическом развитии дублируются из более ранних научных и научно-публицистических трудов. Издавались книги популярного характера о территориях с развитым лесопромышленным комплексом, предприятиях отрасли и населенных пунктов, в которых они функционировали⁶⁹. Авторы отмечали достижения Советской

⁶⁴ Ткаченко М. Е. Рационализация лесного хозяйства на Урале в связи с обороной страны. Свердловск, 1943.

⁶⁵ Лесная индустрия Прикамья. Пермь, 1968; Тиунов В. Индустриальные пятилетки Западного Урала. Пермь, 1977.

⁶⁶ Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 3 / под ред. Я. Я. Гаккеля, М. Б. Черненко. Л., 1959; Он же. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 4. Л., 1969.

⁶⁷ Шейнгауз А. С. Освоение лесов Дальнего Востока и использование их продуктивности с середины XIX до середины XX в. // Пространственная экономика. 2008. № 1.

⁶⁸ См., напр.: История народного хозяйства Урала. Свердловск, 1988. Ч. 1; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 4 / гл. ред. А. П. Окладников. Л., 1968; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 5 / гл. ред. А. П. Окладников. Л., 1969; История Урала. Пособие для студентов, учителей и самообразования / под общ. ред. И. С. Капцуговича. 2-е изд. Т. II. Пермь, 1977; Коми-Пермяцкий национальный округ. Исторические очерки. Пермь, 1977.

⁶⁹ См., напр.: 25 лет в строю. Соликамский целлюлозно-бумажный комбинат. М., 1966; 25 лет Коми-

власти по возведению предприятий, строительству и благоустройству населенных пунктов, трудовые успехи рабочих.

Итак, второй подэтап характеризовался продолжением накопления материала о развитии лесной отрасли в годы первых пятилеток, появлением диссертационных исследований о лесной промышленности страны и отдельных регионов. Несмотря на появление ряда серьезных работ, слабым местом оставалась аналитическая составляющая, многие проблемы не затрагивались.

В рамках *второго этапа* обобщающим научно-публицистическим трудом, в котором анализируется развитие лесного комплекса страны с момента его зарождения до современного состояния, является монография И. Р. Шегельмана⁷⁰. Он выделил основные периоды в истории отрасли, остановился на ключевых проблемах, раскрыл их на примере Карелии. В крупном научно-популярном труде, посвященном истории Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета, рассматривается развитие отечественного лесного комплекса, образования и науки на протяжении XVIII – начала XXI вв.⁷¹ Однако в книге отсутствуют ссылки на источники информации.

На современном этапе возрос интерес к проблемам управления лесным комплексом. А. И. Писаренко и В. В. Страхов исследовали особенности развития лесного хозяйства и лесопользования, лесной и концессионной политики, взаимоотношений государства, предприятий и населения на разных этапах истории страны⁷². И. Р. Шегельман и О. И. Кулагин изучали особенности управления лесопользованием в стране в 1930-х – начале 1940-х гг.⁷³ Они указывали, что государство рассматривало лесные ресурсы как

Пермяцкого национального округа. Кудымкар, 1950; Ботяновская В. В. История Новолялинского целлюлозно-бумажного комбината. Новая Ляля, 1983; Воробьев А. Сокол. Л., 1964; Камскому комбинату – 20 лет. Краснокамск, 1956; Кожевников М. А. Целлюлозно-бумажный комбинат. История. Новая Ляля, 1978; Палкина Г. А. Краснокамск. Пермь, 1988; Шувалов Е. Л. Тавда – город леса. Свердловск, 1964.

⁷⁰ Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск, 2008.

⁷¹ Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия. Страницы истории, 1803–2003. СПб., 2003.

⁷² Писаренко А. И. Лесное хозяйство России: от пользования – к управлению. М., 2004.

⁷³ Шегельман И. Р. Влияние трансформаций в системе управления лесным сектором СССР на эффективность его развития в конце 1930-х – начале 1940-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. Вып. 30; Он же. Трансформация системы управления лесопользованием СССР в начале 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы

«источник деловой и энергетической древесины для внутренней экономики страны и поставок за рубеж, при этом использовало жестокую, а порой и жесточайшую систему директивного управления и репрессии»⁷⁴.

Ученые Н. Е. Антонова, С. Брэйн, И. В. Лебедев, Н. А. Моисеев, А. И. Писаренко, В. В. Страхов, В. Г. Торлопов, Н. Н. Чернов критически оценивали развитие лесного комплекса страны в XX в., выявляли причины кризиса на современном этапе, предлагали ряд решений для выведения отрасли из застойного состояния⁷⁵. Актуальным направлением исследований стало переосмысление развития отечественного лесного законодательства и эволюции отдельных компонентов лесного хозяйства (устройства, восстановления лесов, создания заповедников)⁷⁶. Ученые и специалисты критически отнеслись к трансформациям в лесной отрасли в годы первых пятилеток, приведшим к игнорированию «классических» принципов ее организации.

В книге «История целлюлозно-бумажной промышленности России» прослежено развитие отрасли, в том числе в период 1917–1941 гг.⁷⁷ На современном этапе это наиболее подробное, хотя в большей степени описательное, издание об истории отрасли. В публикациях И. Т. Глебова, А. П. Суходолова содержатся исторические очерки об отдельных отраслях лесопромышленного комплекса. В них описаны общие тенденции, без научного

теории и практики. Тамбов, 2011. № 8 (14). В 4-х ч. Ч. III.

⁷⁴ Шегельман И. Р. Трансформация системы управления лесопользованием СССР... С. 208.

⁷⁵ Антонова Н. Е. Лесная политика: теория и применение // Пространственная экономика. 2010. № 2; Брэйн С. Новый взгляд на уничтожение заповедников в СССР в 1950-е гг. // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 1; Лебедев И. В. Лесная политика Советского государства: исторический опыт и проблемы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; Моисеев Н. А. Лесное хозяйство России за 100 лет // Аналитический ежегодник «Россия в окружающем мире: 2001». М., 2001; Писаренко А. И. Какая лесная политика нужна России? // Лесное хозяйство. 2006. № 2; Чернов Н. Н. История управления лесами Урала // Леса Урала и хозяйство в них. Екатеринбург, 1998. Вып. 20; Шварц Е. А. Лесное хозяйство, экономическое развитие и биоразнообразие: отказаться от мифов прошлого // Устойчивое лесопользование. 2003. № 2.

⁷⁶ Гиряев М. Д. Лесоустройство: проблемы, решения // Лесной вестник. 2013. № 4; Залесов С. В. Основные этапы становления уральского лесоводства // Леса Урала и хозяйство в них: сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2003. Вып. 23; Корчемкина Е. Е. Деятельность органов власти Адыгеи по реорганизации управления лесным хозяйством в 20–40-е гг. XX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2012. № 2; Соколов А. И. Лесовосстановление на вырубках Северо-Запада России. Петрозаводск, 2006; Чернов Н. Н. Современный период лесокультурного производства на Урале // Леса России и хозяйство в них: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2007. Вып. 1 (29).

⁷⁷ История целлюлозно-бумажной промышленности России. Архангельск, 2009.

анализа⁷⁸. Разрабатывались специальные курсы по истории лесного комплекса для подготовки кадров в данной отрасли⁷⁹.

Вклад в освещение истории отечественного лесопромышленного комплекса внесли авторы (специалисты отрасли, историки, краеведы) журнала «Лесная промышленность». Б. С. Орешкин в своих статьях провел обзор публикаций в журнале за 1921–1940 гг., в которых уделено внимание развитию стахановского движения, механизации лесопромышленной деятельности, а также рассмотрел развитие науки и техники в лесной отрасли в Советском Союзе⁸⁰. А. И. Крылов выделил основные этапы истории «Экспортлеса» – главной организации в сфере внешней торговли древесиной в Советском Союзе и в первые годы существования Российской Федерации⁸¹.

Хорошо разработанной темой следует считать создание, функционирование и ликвидацию лесных концессий в Советском Союзе в 1920-х – начале 1930-х гг.⁸² Обращение исследователей к этой проблеме связано, прежде всего, с необходимостью объективного изучения опыта деятельности концессионных обществ в связи с реформированием лесного комплекса на современном этапе, определением возможностей и перспектив привлечения иностранных фирм к лесопромышленной деятельности.

В. А. Александров рассмотрел эволюцию инструментов и техники в XX в. для механизации сферы заготовки древесины СССР. Основное внимание он уделил сравнению технических характеристик оборудования, его недостаткам и практическому применению⁸³. М. М. Елисейкин изучил историю создания отечественных моторных пил, сравнил их технические и эргономические

⁷⁸ Глебов И. Т. Очерки по истории обработки древесины резанием. Екатеринбург, 2016; Суходолов А. П. Развитие отечественной гидролизной промышленности // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2009. № 3 (65).

⁷⁹ Заборцева Л. П. Лесной комплекс республики Коми: история и современность: учеб. пос. к спецкурсу «История лесной промышленности республики Коми» для студентов: самостоятельное учебное электронное издание. Сыктывкар, 2013; Кузнецов А. Ф. Химико-лесной комплекс Урала: история и современность (XV–XX вв.): Мат. к спецкурсу. Екатеринбург, 1996.

⁸⁰ Орешкин Б. С. С чего начинался журнал (обзор номеров за 1921–1940 гг.) // Лесная промышленность. 1996. № 1; Он же. Становление лесной индустрии // Лесная промышленность. 1995. № 4; 1996. № 1.

⁸¹ Крылов А. И. 70 лет на мировом рынке // Лесная промышленность. 1996. № 4.

⁸² Парфенов А. Е. Иностранный концессионный капитал в советской лесной промышленности: условия привлечения и результаты использования (1918–1930 гг.): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2007; Писаренко А. И. Лесное хозяйство России: от пользования – к управлению...

⁸³ Александров В. А. Механизация лесосечных работ в России. СПб., 2009.

характеристики с зарубежными образцами, рассмотрел попытки их внедрения в лесную промышленность⁸⁴.

С. А. Афонцев рассмотрел структуру торговли Российской империи, Советского Союза со странами Запада. Им приведены показатели экспорта лесных ресурсов и материалов, который сыграл важную роль в получении валютных средств в период индустриализации⁸⁵. А. И. Рупасов исследовал проблемы лесного экспорта на рубеже 1920–1930-х гг., переговорный процесс Советского Союза с европейскими государствами в контексте конкурентной борьбы на рынке⁸⁶. Л. И. Санников уделил внимание роли Северного края в экспорте лесных ресурсов и материалов⁸⁷.

Особо следует отметить появление публикаций, где рассматриваются экологические последствия лесопромышленной деятельности⁸⁸. Так, в работе Е. В. Воейкова анализируются не только заготовка и использование дровяной древесины в экономике Поволжья, но и вопросы организации, экологических последствий лесохозяйственной деятельности. В статьях Е. Д. Макеевой исследованы на уровне страны и Поволжья экологические проблемы и деятельность государства и общественных организаций в сфере охраны природы в советский период.

⁸⁴ Елисейкин М. М. Моторные пилы МП-220 – МП-180 производства завода им. Дзержинского. Происхождение, развитие, использование в лесной промышленности СССР // Город Пермь в промышленном развитии России: исторический опыт и современный потенциал: Мат. науч.-практ. конф. Пермь, 2018.

⁸⁵ Афонцев С. А. От Российской империи к СССР: структура торговли со странами Запада // Экономическая история: Ежегодник. 2006. М., 2006.

⁸⁶ Рупасов А. И. Лесной экспорт СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и конкуренция на европейском рынке // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 1.

⁸⁷ Санников Л. И. Краевое районирование и таможенная реформа конца 1920-х гг. Северный край во внешней торговле СССР // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития: Сб. науч. ст. / сост. С. И. Шубин (отв. ред.), А. О. Подоплекин, П. С. Журавлев. Архангельск, 2010.

⁸⁸ Воейков Е. В. Экологические проблемы Среднего Поволжья в годы первых пятилеток (на примере состояния лесов региона) // Отечественная история. 2007. № 5; Гололобов, Е. И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930): исторические корни современных экологических проблем: монография. Ханты-Мансийск, 2009; Макеева Е. Д. Деятельность региональных и местных органов управления в сфере охраны природы в 1918 – 1950-х гг. (на материалах архивов Среднего и Нижнего Поволжья) // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17); Она же. Общественное движение за охрану природы в России в условиях социалистического строительства в 1920–1940-е гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 3 (2); Она же. Становление системы государственного управления охраной природы в России в 1917 – 1920-х гг. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2016. № 1; Максимова Л. А. Последствия индустриальной модернизации на Европейском Северо-востоке СССР // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2018. № 1 (33); Пашков К. И. Некоторые особенности лесоустройства и лесопользования в Байкальском регионе в 1930–1950 гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014; Соколов В. В. Очерки эколого-климатической истории России. Монография. СПб., 2010; Josephson P. An Environmental History of Russia. New York, 2013; Weiner D. R. Models of Nature. Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia. Pittsburgh, 1988.

Одно из «белых пятен» – социокультурный облик работников. Сведения, статистические данные по этой проблеме, не говоря уже о ее историческом анализе, присутствуют в работах фрагментарно. Сложившееся положение вызвано также отнесением большинством исследователей лесной промышленности к второстепенным отраслям советской экономики, низким удельным весом постоянных кадров, составлявших «авангард» социальной структуры общества.

Тема социокультурного облика рабочих Урала, России и Советского Союза разработана в целом уральскими историками С. П. Постниковым и М. А. Фельдманом⁸⁹. Ими исследован широкий круг проблем жизни и труда рабочих, в том числе в конце 1920-х – начале 1940-х гг., приводятся сведения о лесопромышленном комплексе. Следует отметить обобщающие исторические труды отечественных и зарубежных ученых о повседневной жизни советских граждан⁹⁰, а также по отдельным направлениям социальной истории, в которых анализируются тарифная⁹¹, трудовая⁹², жилищная⁹³, продовольственная⁹⁴

⁸⁹ Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009; Он же. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006; Фельдман М. А. Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941 г.: сравнительные характеристики // Российская история. 2009. № 6.

⁹⁰ Коткин С. Говорить по-большевистски (из кн. «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») / пер. с англ. Э. Филипповой, О. Леонтьевой // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период : Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001; Кринко Е. Ф. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. 2-е изд. М., 2008; Хатанзейская Е. В. Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны 1929–1945 гг. М., 2021.

⁹¹ Ильяхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010; Терехов В. С. Тарифная политика в сфере оплаты труда специалистов уральской промышленности в 1930-е годы // Урал в прошлом и настоящем. Мат. науч. конф. Ч. 1. Екатеринбург, 1998; Шильникова И. В. «Давайте денег, а то работать не будем»: к вопросу о стимулирующей роли зарплаты на советских промышленных предприятиях в годы первых пятилеток // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева и Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2018.

⁹² Белоногов Ю. Г. Государство versus «плохой труд»: укрепление трудовой дисциплины в индустриальном секторе советской экономики в 1928–1940 гг. (историко-правовой анализ): монография. Пермь, 2023; Голдман В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.) / пер. с англ. В. Ю. Лобовской. М., 2010; Кирсанов Р. С. Особенности трудовых отношений и повседневная жизнь рабочих Средневолжского края в 1928–1936 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2020; Линден ван дер М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник. М., 2000; Постников С. П. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург, 2004; Соколов А. К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник, 2003. М., 2004; Он же. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х гг.) // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 4. М., 2000; Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): Коллективная монография. Новосибирск, 2013; Filtzer D. Soviet workers and Stalinist industrialization: the formation of modern Soviet production relation, 1928–1941. London,

политика Советского государства в годы первых пятилеток и ответные поведенческие реакции населения.

Е. В. Воейков дал характеристику руководящих кадров лесного хозяйства и лесной промышленности в годы первых пятилеток, применив три основных критерия: уровень образования, опыт работы, выполнение планов и умение решать производственные проблемы⁹⁵. Позитивной тенденцией следует считать появление работ о социальной политике, женском труде в лесопромышленном комплексе⁹⁶. Вышли работы о формировании производственных коллективов предприятий⁹⁷, вовлечении коренных народов Крайнего Севера в промышленность⁹⁸, жилищных условиях лесных рабочих⁹⁹. В целом же социокультурная тематика в изучении истории лесной промышленности находится на втором плане по сравнению с проблемами управления и пользования лесами и представлена небольшим числом работ.

С. А. Красильников и В. В. Якоб посвятили свои публикации трансформации взаимоотношений сельского населения с партийно-государственными и хозяйственными органами по вопросам заготовки лесных ресурсов¹⁰⁰. При этом сезонные работы крестьян воспринимались, по мнению

1986; Kuromiya H. Stalin's industrial revolution: politics and workers, 1928–1932. Cambridge, England; New York, 1988.

⁹³ Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.). М., 2008; Мирошниченко М. И. Жилищные условия населения городов Урала в 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Мат. XI Всероссийской науч. конф. Т. 2. Екатеринбург, 2013.

⁹⁴ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд., доп. М., 2008.

⁹⁵ Воейков Е. Руководящие кадры лесной промышленности в период предвоенной индустриализации // Российская история. 2020. № 5.

⁹⁶ Воейков Е. В. Женский труд в лесной промышленности Среднего Поволжья в 1930-е гг. // Вопросы истории. 2015. № 11; Тулаева С. «Забота о героях лесного фронта»: труд и социальная политика лесопромышленных предприятий Коми АССР в 1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М., 2007.

⁹⁷ Антипова Е. А. Промышленность автономных республик Среднего Поволжья в 1925–1940-е гг.: исторический опыт создания отрасли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2000.

⁹⁸ Стась И. Н. Пролетаризация природы: индигенные народы Крайнего Севера в лесной и рыбной промышленности (конец 1920-х – 1930-е гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69).

⁹⁹ Воейков Е. В. Жилищный фонд лесных трестов Поволжья в 1930–1941 гг. // Человек в российской повседневности: история и современность. Сб. ст. VII Международной науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. Д. Морозова, В. Б. Жиромской. Пенза, 2014; Новолодская М. С. Жилищное обеспечение работников Челутаевского ЛПХ в 30-е гг. XX в. // Сибирь и Россия: освоение, развитие, перспективы: мат. всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 70-летию кафедры истории Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова. Улан-Удэ, 2009.

¹⁰⁰ Красильников С. А. Режимные крестьяне 1930-х гг.: от повинностей к принуждению // История сталинизма:

В. В. Якоба, как «навязываемая государством повинность», и только с 1938 г. сельские жители были уравнены в трудовых правах кадровыми рабочими.

В конце 1980-х – 1990-х гг. интерес к теме социалистического соревнования был связан в основном с осмыслением проблем тоталитаризма и сталинизма. Вышли работы зарубежных и отечественных исследователей, в которых делались попытки исследовать стахановское движение¹⁰¹. С начала 2010-х гг. внимание к этой теме стало возрастать¹⁰². Диссертационное исследование П. А. Чемоданова посвящено стахановскому движению в Кировской области, где важную роль в экономике играла лесная промышленность. Автор привел многочисленные свидетельства об успехах работников, «антистахановских» настроениях и преступлениях. В то же время П. А. Чемоданов относил лесную промышленность к числу наиболее проблемных отраслей в регионе¹⁰³.

Исследовательский интерес привлекла проблема формирования поселенческой сети лесопромышленного комплекса. Изучалась как система спецпоселений, оказавшая большое влияние на развитие отрасли (о чем будет сказано далее), так и строительство городских поселений в рамках концепции социалистического города. В качестве основных трудов, посвященных реализации советской политики районирования, расселения и формирования

Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: Мат. международной науч. конф. / отв. ред. Л. И. Бородин, С. А. Красильников, О. В. Хлевнюк. М., 2013; Якоб В. В. Отношение крестьян Коми области к труду на лесозаготовках в 1920–1930-е гг. // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72. Сыктывкар, 2013.

¹⁰¹ Майер Р. О чудесах и чудовищах. Стахановское движение и сталинизм // Отечественная история. 1993. № 3; Рябикин С. П. Экономическое и политическое содержание стахановского движения в 1935–1938 гг. // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1997. № 2 (4); Maier R. Die Stachanov-Bewegung 1935–1938: Der Stachanovismus als tragendes und verschärfendes Moment der Stalinisierung der sowjetischen Gesellschaft. Stuttgart, 1990; Siegelbaum L. H. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988.

¹⁰² Воейков Е. В. Стахановцы лесозаготовок Пензенского края в 1930-е гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 2; Он же. Стахановцы лесозаготовок Поволжья в годы довоенной индустриализации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. № 5. Т. 15; Фельдман М. А. История стахановского движения: между реальностью и мифологией // Трудовые отношения в условиях мобилизационной модели развития: сб. науч. ст. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск, 2010.; Он же. Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев и дискуссии об индустриализации в середине 1930-х гг. // Российская история. 2023. № 4.

¹⁰³ Чемоданов П. А. Стахановское движение в Кировской области в 1935–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2017.

сети населенных пунктов, использованы работы Е. В. Коньшевой, М. Г. Мееровича, Л. Н. Мазур, В. М. Кириллова¹⁰⁴. В монографии И. А. Казуся, где исследуется организация архитектурного проектирования в Советской республике и Советском Союзе в конце 1910-х – начале 1930-х гг., собраны данные о действовавших проектных организациях, в том числе в лесной отрасли¹⁰⁵.

Последние годы отмечены повышенным интересом исследователей, краеведов к проблемам создания социалистических городов в Пермском крае. Теме промышленного и городского строительства была посвящена всероссийская конференция «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс для развития?», прошедшая в 2013 г. в Краснокамске. Общим для Красновишерска и Краснокамска стало то, что они многократно проектировались, но их застройка не укладывалась в рамки концепции социалистического города¹⁰⁶.

О. В. Орельская изучила застройку социалистического поселка Правдинска (вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг.), где был построен крупный целлюлозно-бумажный комбинат (в начале 1990-х гг. включен в состав г. Балахны). Исследовательница привела примеры комплексной застройки территории, облика и планировки жилых и общественных зданий, выполненных в стиле конструктивизма, отметила сохранность планировочной

¹⁰⁴ Кириллов В. М. Формирование концепта «соцгород» и идентичность его строителей (на материале Нижнего Тагила 1920–1930-х гг.) // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. трудов / гл. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017; Коньшева Е. В. Градостроительство Урала 1920–1930-х гг.: региональный аспект общероссийских тенденций // Советское градостроительство. 1917–1941. Книга первая. М., 2018; Мазур Л. Н. Сельское расселение на Среднем Урале в XX веке: направления и варианты трансформации поселенческой сети: Дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2006; Меерович М. Г. Концепция «социалистического города» и практика ее реализации // Советское градостроительство. 1917–1941. Книга первая. М., 2018; Он же. Наказание жилищем...; Он же. Районная планировка в контексте программы индустриализации: первая половина 1930-х годов – начальный этап работ по промышленному районированию и расселению // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 2 (25); Он же. Советские моногорода: история возникновения и специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1.

¹⁰⁵ Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М., 2009.

¹⁰⁶ Гайсин О. Д. Опыт проектирования соцгорода Краснокамска (1930–1950-е годы) // «Краснокамск: интеграция в будущее». Мат. всероссийской конф. «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?». Пермь, 2013; Обухов Л. А. Первостроители соцгородов // Там же; Остальцев К. А. Красновишерск: город-лагерь и город-сад. Проекты и реальность // Там же.

структуры и построек на современном этапе¹⁰⁷. Е. А. Бухарова и К. Нендза-Щикониовска рассмотрели деятельность И. И. Леонидова по проектированию г. Игарки – крупного лесопильного и лесозэкспортного центра на севере Сибири, рассматривая поселение как результат оригинального замысла архитектора¹⁰⁸.

Л. И. Вавулинская и С. Н. Филимончик¹⁰⁹ рассмотрели особенности развития г. Кондопоги (Карелия), где функционировал целлюлозно-бумажный комбинат. Они уделили внимание характеристике руководителей предприятия, формированию жилищной, социально-бытовой инфраструктуры и культурной жизни рабочего поселка, затем города. Проблемы производственного и жилищно-бытового строительства в лесной промышленности республики Коми нашли отражение в монографии А. Н. Турубанова¹¹⁰, Карелии – в статье С. Н. Филимончик¹¹¹.

Важный аспект истории отечественного лесопромышленного комплекса в 1930-х гг. – роль «спецконтингента»¹¹² в развитии отрасли. Исследование репрессивной политики Советского государства коснулось всех основных форм репрессий: тюрем, лагерей, спецпоселений, депортаций и ссылки. В публикациях В. А. Бердинских, И. В. Бердинских, Л. И. Бородкина, В. Н. Земскова, Г. М. Ивановой, Н. А. Ивницкого, Л. П. Рассказова, О. В. Хлевнюка¹¹³ проанализированы общие тенденции и масштабы

¹⁰⁷ Орельская О. В. Архитектура г. Балахны 20–30-х гг. XX в. // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Строительство и архитектура». 2013. Вып. 31 (50). Ч. 1. Города России. Проблемы проектирования и реализации.

¹⁰⁸ Бухарова Е. А. Игарка Ивана Леонидова – архитектурный эксперимент 1920-х (город-линия) и предощущение планетарного мифа 1950-х (город Солнца) // Баландинские чтения. 2015. Т. 10. № 2.

¹⁰⁹ Вавулинская Л. И. Социально-экономические аспекты развития провинциального города в 1920–60-е гг. (на материалах г. Кондопога, Республика Карелия) // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: Сб. науч. статей: Материалы VIII Международных Стахеевских чтений / сост. И. В. Маслова, И. Е. Крапоткина, Г. В. Бурдина. Елабуга, 2017; Филимончик С. Н. Кондопога в 1930-е годы: рождение города // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7 (176).

¹¹⁰ Турубанов А. Н. Строительный комплекс Республики Коми в XX веке: монография / отв. ред. В. И. Кортаев. Сыктывкар, 2012.

¹¹¹ Филимончик С. Н. Строительная отрасль Карелии в период форсированной индустриализации // Сибирские строители: события и судьбы: Сборник статей всероссийской научной конференции. Курган, 2017.

¹¹² Кармазин А. С. Историография социальной политики советского государства в отношении рабочего класса Урала в 1921–1941 гг. (на материалах Уральского региона): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006. С. 19. Уральские исследователи А. В. Бакунин, Р. С. Бикметов, Р. Т. Москвина, А. Б. Суслов определили понятие «спецконтингент» как совокупность различных категорий репрессированного населения, насильственно вовлеченного в производственные процессы и содержавшегося на режимных условиях.

¹¹³ Бердинских В. А. Краткая история ГУЛАГа. СПб., 2020; Он же. Система спецпоселений в Советском Союзе

принудительного труда в СССР, экономической деятельности Главного управления лагерей (далее везде – ГУЛАГ), даны оценки репрессивной политики государства, приводятся данные о лесопромышленной деятельности исправительно-трудовых лагерей, системе спецпоселений. В справочнике «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960» имеются сведения об Управлении лагерей лесной промышленности, лагерях, специализировавшихся в лесопромышленной деятельности¹¹⁴.

Лесопромышленная деятельность Объединенного главного политического управления (далее везде – ОГПУ), НКВД стала также предметом исследований. В этом отношении можно выделить научные центры и школы в Кирове¹¹⁵, Нижнем Тагиле¹¹⁶, Екатеринбурге¹¹⁷, Перми¹¹⁸, Петрозаводске¹¹⁹, в Республике Коми¹²⁰, Архангельской области¹²¹, Новосибирске¹²².

1930–1950-х годов / науч. ред. И. Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2015; Бердинских И. В. Особенности формирования инфраструктуры системы спецпоселений в СССР в 1931–1940-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2007; Бородин Л. И. Об эффективности лагерной экономики: стимулирование труда в раннем ГУЛАГе // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. мат. всероссийской научной конференции / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск, 2009; Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1; Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; Она же. Сталинский лагерно-промышленный комплекс: специфика и ключевые характеристики // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л. И. Бородин, С. А. Красильников, О. В. Хлевнюк. М., 2013; Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004; Рассказов Л. П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003; Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008.

¹¹⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник / сост. М. Б. Смирнов. М., 1998.

¹¹⁵ Белых Н. Ю. Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938–1953 гг.) / отв. ред. В. А. Бердинских. М., 2011; Бердинских В. А. История одного лагеря (Вятлаг). М., 2001.

¹¹⁶ Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 1950-х гг. Ч. 1. Нижний Тагил, 1996; Он же. Страницы истории среднеуральских «островов» ГУЛАГа (1936–1953) // Страницы истории Урала: Сб. ст. и информационных мат. Вып. 3 / отв. ред. В. А. Порозов. Пермь, 1998.

¹¹⁷ Воробьев С. В. Спецпереселенцы в лесной промышленности Урала в начале 1930-х гг.: условия жизни и работы (по материалам Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП(б)) // Архив в социуме – социум в архиве. Мат. 4-й всероссийской науч.-практ. конф. Челябинск, 2021; Елисеева Е. И. Кулацкая ссылка в Надеждинском (Серовском) районе Свердловской области // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2006; Захаровский Л. В. Политика «ликвидации кулачества как класса» и ее проведение в Уральской области. 1929–1933 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; Мазур Л. Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930–1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2002; Пажит Ю. Ю. Северо-Уральский лагерь НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны // ВоенКом: Военный комментатор. 2002. № 2 (4); Она же. Ивдельлаг и Севураллаг в системе ГУЛАГа НКВД СССР на территории Свердловской области в 1940-е гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат. V региональной научной конференции. Екатеринбург, 2003; Славко Т. И. «Кулацкая» ссылка на Урале (1930–1936). М., 1995.

¹¹⁸ «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / отв. ред. О. Лейбович. 2-е изд., перераб. М., 2009; Обухов Л. А. Из истории строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и Вишерского лагеря // «Города несвободы»: мат. международной науч.-практ. конф. Пермь, 2012; Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). М., 2010; Шевырин С. А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края, конец 1920-х – середина 1950-х гг.: Дис. ... канд. ист.

Канадский ученый Л. Виола изучала историю спецпоселений (крестьянской ссылки) в 1930-х – середине 1950-х гг. в стране, более подробно – на Европейском Севере¹²³. В этих регионах значительная часть спецпереселенцев была занята в лесной промышленности. Л. Виола проанализировала причины, планирование, реализацию и окончание политики спецпереселения, социальную историю этого явления.

В вышеперечисленных работах анализируются экономика, инфраструктура, социальная история структурных компонентов ОГПУ, НКВД в 1930-х – начале 1950-х гг.: спецпоселений, исправительно-трудовых лагерей, в частности специализировавшихся на заготовке, механической обработке и

наук. Пермь, 2008; Шмыров В. К проблеме становления ГУЛАГа (Вишлаг) // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 1998.

¹¹⁹ Макуров В. Г. Роль ГУЛАГа в хозяйственном освоении Севера в 1920–1930-х гг. (на материалах Карелии) // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития: Сб. науч. ст. / сост. С. И. Шубин (отв. ред.), А. О. Подоплекин, П. С. Журавлев. Архангельск, 2010; Такала И. Р. Большой террор в Карелии // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3; Филимончик С. Н. ББК как символ сталинской модернизации 1930-х гг. // ГУЛАГ на севере России: мат. всероссийской науч. конф. с международным участием. Сыктывкар, 2011. Ч. 1.

¹²⁰ Игнатова Н. М. Влияние принудительных миграций на развитие лесозаготовительной промышленности республики Коми в 1930–1950-е годы // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72. Сыктывкар, 2013; Она же. Использование труда спецпереселенцев-«бывших кулаков» в лесозаготовительной промышленности Северного края в 1930-е гг. // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2015. Вып. 4 (24); Она же. Развитие сельского хозяйства в спецпоселках Коми АССР // Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья: Мат. регионального науч. симпозиума. Сыктывкар, 2004; Кустышев А. Н. Проблема отказчиков в лагерях ГУЛАГа на Европейском Севере России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 3 (17). В 2 ч. Ч. II; Он же. Промышленное строительство в системе ГУЛАГа на Европейском Севере России в 1930 – начале 1940-х годов: масштабы, тенденции, проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6. Ч. 2; Он же. Трудовые ресурсы исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа на Европейском Севере России в годы первых пятилеток // Клио. 2013. № 3 (75); Максимова Л. А. Роль репрессированного населения в экономической модернизации на Европейском Северо-востоке // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Мат. международной науч. конф. / под ред. Е. В. Кодина. М., 2011; Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар, 1997.

¹²¹ Коротаев В. И. Проблема освоения репрессированными Европейского Севера // Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья: Мат. регионального науч. симпозиума. Сыктывкар, 2004; Упадышев Н. В. ГУЛАГ в Архангельской области: численность и динамика заключенных исправительно-трудовых лагерей в 1937–1953 гг. // XIV международные Ломоносовские чтения. Сб. науч. трудов. Архангельск, 2002; Он же. Роль ГУЛАГа в социально-экономическом развитии Европейского Севера России (на материалах Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР) // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития: Сб. науч. трудов / сост. С. И. Шубин (отв. ред.), А. О. Подоплекин, П. С. Журавлев. Архангельск, 2010; Ханталин Р. А. Роль репрессированных в развитии производительных сил Поморья (1930–1954 гг.) // Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья: Мат. регионального науч. симпозиума. Сыктывкар, 2004; Хатанзейская Е. В. Архангельск в системе спецколонизации Северного края в 1929–1936 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3 (17); Шубин С. И. Северный край в истории России...

¹²² Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М., 2003.

¹²³ Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений / пер. с англ. Е. Осокиной. М., 2010.

глубокой переработке древесины. В большинстве работ проблемы трудового использования, условий жизни «спецконтингента» в лесопромышленном комплексе рассмотрены фрагментарно. Некоторые «лесные» исправительно-трудовые лагеря¹²⁴ стали объектами исследований¹²⁵. Тем не менее система «лесных» лагерей, их промышленная деятельность, формирование инфраструктуры, условия труда и быта заключенных не стали самостоятельным предметом изучения.

История лесного комплекса и его отдельных компонентов на уровне регионов активно изучается на Европейском Севере¹²⁶, в Поволжье¹²⁷, Сибири¹²⁸, на Урале¹²⁹ и других территориях Российской Федерации, где отрасль определяет экономику территорий. Наиболее подробно основные

¹²⁴ К «лесным» исправительно-трудовым лагерям следует относить лагерные комплексы, основными производственными задачами которых являлись заготовка и механическая обработка древесины, строительство лесопромышленных предприятий.

¹²⁵ Белых Н. Ю. Указ. соч.; Бердинских В. А. История одного лагеря...; Обухов Л. А. Из истории строительства...; Кириллов В. М. Страницы истории среднеуральских «островов»...; Пажит Ю. Ю. Северо-Уральский лагерь...; Она же. Ивдельлаг и Севураллаг...; Филимончик С. Н. ББК как символ сталинской модернизации...; Шульгина М. В. Соловецкие лагеря особого назначения и лесная промышленность Европейского Севера России (1923–1933 годы) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12 (34). № 2.

¹²⁶ Иванчиков А. А. Динамика лесопользования и состояние лесного фонда Карелии // Лесоводственно-экологические аспекты хозяйственной деятельности в лесах Карелии. Петрозаводск, 2005; Куковеров М. А. Лесохимическая промышленность региона: вчера, сегодня, завтра // Проблемы развития территории. 2002. № 3 (18); Лесное хозяйство и лесные ресурсы Республики Коми / под ред. Г. М. Козубова, А. И. Таскаева. М., 2000; Юричев Е. Н. Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области. Вологда, 2011; Юшкова Н. А. Лесное хозяйство Коми во второй половине XIX – первой половине XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2001.

¹²⁷ Воейков Е. В. Деятельность Саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4; Он же. Общественное питание на лесозаготовках Среднего Поволжья в годы довоенных пятилеток // Историко-экономические исследования. 2024. Том 25, № 1; Он же. Освоение топливных ресурсов Поволжья в 1930–1941 гг. Самара, 2014; Он же. Проблема автотранспортного обеспечения на лесозаготовках Среднего Поволжья в годы первых пятилеток // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6; Востриков В. Г. Промышленность и рабочие Марийской АССР (1921 – июнь 1941 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Малюгин А. И. Лесоперерабатывающая промышленность Чувашской АССР в 1930-е гг.: проблемы модернизации // Вестник СамГУ. 2011. № 1/2 (82); Он же. Становление и развитие лесной и лесоперерабатывающей промышленности в Чувашии (1917–1941 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2011; Серебрянская Г. В. Промышленность республик Волго-Вятского района в предвоенные годы: проблемы, их решения, результаты // Клио. 2005. № 4 (31).

¹²⁸ Ильин А. С. Управление лесной отраслью Красноярья в годы первых пятилеток // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-1; Кириллов А. К. Лесной комплекс // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2 / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск, 2009; Новолодская М. С. История развития рабочих лесной промышленности Бурятии (нач. 1930-х – кон. 1950-х гг. XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012; Ткачев Б. П. Формирование лесохозяйственного комплекса Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) округа в 1920–1940-е гг. // Вестник КРСУ. 2018. Т. 18. № 5.

¹²⁹ Гирев Г. М. Лесной комплекс Среднего Урала: этапы развития лесопромышленного производства // Леса России и хозяйство в них. 2011. Вып. 4 (41); Прядилина Н. К. Лесной сектор экономики Свердловской области: этапы развития, современное состояние и проблемы лесного планирования: монография. Екатеринбург, 2019.

моменты истории лесопромышленного комплекса отдельных территорий изложены в публикациях популярного характера¹³⁰. В изданиях приведены данные об объемах выпуска продукции, сведения о модернизации, рационализации производственных процессов, однако не затрагиваются вопросы использования принудительного труда, социальной истории предприятий. В некоторых книгах отсутствуют ссылки на источники информации.

Ученые исследуют слабо разработанные темы, вводят в научный оборот архивные материалы. Это позволяет, с одной стороны, обогатить историческую науку новыми фактами, с другой – представить региональные лесопромышленные комплексы в более широком пространственном фоне. Так, в республике Коми ведется изучение процессов модернизации в конце 1920-х – начале 1940-х гг., где лесная отрасль выступает одним из основных объектов исследований¹³¹. Аналогичную тенденцию можно наблюдать и в Сибирском регионе¹³², хотя внимание исследователей к истории лесопромышленного комплекса связано в основном с активным его развитием во второй половине XX в. В Карелии, развитие которой в 1930-х гг. было тесно связано с внутренними и внешними миграциями населения, ученые исследуют разные

¹³⁰ См., напр.: Глузман В. Л. Лесозаготовительные предприятия Среднего Урала. Екатеринбург, 2001; История развития лесной промышленности Среднего Урала / сост. М. Ф. Маслоков. Екатеринбург, 1997; Лесной комплекс Вологодской области. Вчера. Сегодня. Завтра. Вологда, 2003; Северный лес на все времена. Сыктывкар, 2011.

¹³¹ Жеребцов И. Л. Коми край: Очерки о десяти веках истории / сост. И. Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2003; Он же. Возникновение и развитие промышленных предприятий и транспортных путей в Коми крае до середины XX века (хроника событий) // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72. Сыктывкар, 2013; Малкова Т. А. Сыктывкарский промышленный узел в довоенные годы: к вопросу исследования и формирования // Там же; Напалков А. Д. Политика органов государственной власти Коми АССР по индустриальному развитию республики во второй половине 30-х – первой половине 40-х годов XX века // Там же; Нисковский А. А. Документы областных съездов советов как источник по истории промышленного развития Коми автономной области в 1921–1936 годах // Там же; Он же. Подготовка и реализация первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР в Коми крае // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Мат. XI всероссийской науч. конф. / отв. ред. Д. В. Гаврилов. Екатеринбург, 2013.

¹³² Алексеева Л. В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917–1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада: Монография. Екатеринбург, 2003; Тимошенко А. И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного морского пути в 1930–1950-е гг. // Арктика и Север. 2013. № 13; Она же. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007; Южаков В. П. Мобилизационные процессы в промышленности Тюменского региона (1938–1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2016.

аспекты истории наций, проживавших в автономии и внесших вклад, в том числе в становление лесопромышленного комплекса¹³³.

В публикациях С. И. Шубина, посвященных истории Северного края, существовавшего в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее везде – РСФСР) с 1929 по 1936 гг., значимое место уделено лесному комплексу¹³⁴. Его развитие рассмотрено в контексте широкой дискуссии политико-экономического и национального характера, втянувшей органы власти всех уровней, об административном устройстве Европейского Севера и выборе административного центра. Исследователь использовал большой объем документов партийно-государственных органов, поднял многие важные проблемы лесной промышленности, политики партийно-государственных органов в отношении этой отрасли, которые отрицательно сказались на характере экономики и обусловили кризисные тенденции.

О. И. Кулагин рассмотрел развитие лесопромышленного комплекса Карелии с позиций концепций «новой экономической географии». Он отмечал, что «факторы «первой природы» (богатство природными ресурсами, выгодное географическое положение, снижающее транспортные издержки) стали главными условиями формирования «наезженной колеи» развития Карелии в XX в.», но в 1930-х гг. «были нивелированы скачкообразными темпами индустриализации, не позволявшими выделять дополнительные средства

¹³³ Голубев А. В. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. СПб., 2019; Ефрекин Е. Переселение североамериканских финнов в Советскую Карелию в 1930–1933 годах: статистический анализ // Труды Карельского научного центра РАН. № 6. 2011. Серия «Гуманитарные исследования», вып. 2; Кочеткова Е. А. Вклад финнов-иммигрантов в строительство Кондопожского ЦБК (1920–1930-е годы) // Российские финны: вчера, сегодня завтра. Сб. ст., посвященный 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск, 2010; Такала И. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Голубев. Петрозаводск, 2007; Она же. Финны-иммигранты в России в XX в. // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XVII: Финляндия и Россия. М., 2015; Она же. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е – первая половина 1930-х годов) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3 / науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск, 2009.

¹³⁴ Шубин С. И. Влияние Северного края (1929–1936 гг.) на развитие Европейского Севера России // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития: Сб. науч. ст. / сост. С. И. Шубин (отв. ред.), А. О. Подоплекин, П. С. Журавлев. Архангельск, 2010; Он же. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы: Монография. Архангельск, 2000.

центром региону на социально-культурное освоение данных территорий, а также пограничным характером республики»¹³⁵. Выводы исследователя могут быть перенесены и на ряд других территорий с развитым лесопромышленным комплексом.

Н. Барон, сконцентрировав внимание на взаимоотношениях региональных и государственных партийно-государственных органов и хозяйственных ведомств и организаций в годы Новой экономической политики и первых пятилеток, показал, как трансформировалось общественно-политическое и экономическое пространство пограничной Карелии, в том числе ее базовой отрасли – лесной промышленности. Большое внимание ученый уделил анализу национального фактора в репрессивной политике Советского государства во второй половине 1930-х гг. и ее влиянию на функционирование предприятий¹³⁶. Ю. Килин и S. Autio рассматривали лесную промышленность в контексте экономического и общественно-политического развития автономии и страны¹³⁷. Историю Европейского Севера в контексте модернизации 1920–1930-х гг., в том числе развитие лесной промышленности, рассмотрела С. Н. Филимончик¹³⁸.

Важным этапом в развитии лесопромышленного комплекса стало восстановление и пуск предприятий, расположенных на территории, отошедшей Советскому Союзу после Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Проблемам освоения этих районов, взаимоотношений партийно-государственных и республиканских органов власти посвящены публикации С. Г. Веригина, Г. В. Сузи, Ю. Килина, Е. П. Смирновой¹³⁹. Отдельно стоит

¹³⁵ Кулагин О. И. «Эффект колен» зависимости в лесной промышленности Карелии как фактор социально-экономического развития региона в конце XIX – XX вв. // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 147, 151.

¹³⁶ Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939 / пер. с англ. Е. В. Мухиной. М., 2011.

¹³⁷ Килин Ю. Карелия в политике Советского государства (1920–1941). Петрозаводск, 1999; Он же. Пограничная окраина великой державы: Советская Карелия в 1923–1938 гг. Петрозаводск, 2012; Autio S. Suunnitelmallisuus Neuvosto-Karjalassa 1928–1941. Paikallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa. Helsinki, 2002.

¹³⁸ Филимончик С. Н. Процессы модернизации на Европейском Севере России в 1920–1930-х годах: социально-экономические аспекты // Российская история. 2009. № 3.

¹³⁹ Веригин С. Г. Заселение и экономическое освоение г. Сортавалы и его окрестностей в 1940–1941 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168); Он же. Ленинград и

отметить публикации Е. А. Кочетковой и П. С. Покидько¹⁴⁰, в которых рассматриваются проблемы модернизации предприятий лесопромышленного комплекса на Карельском перешейке и технико-технологических заимствований из Финляндии после Великой Отечественной войны, приводятся сведения из истории производств.

А. А. Антуфьев проанализировал особенности развития промышленности в Уральском регионе в 1938–1945 гг., в частности лесопромышленного комплекса¹⁴¹. Он ввел в научный оборот большой массив статистических сведений, касающихся экономической деятельности, социокультурного облика рабочих, и провел анализ основных тенденций развития отрасли. А. В. Бакунин и А. Э. Бедель рассмотрели развитие лесной промышленности Урала в годы первых пятилеток в контексте формирования единого многоотраслевого комплекса¹⁴². С. А. Шевырин в изучении развития лесной отрасли Пермской области в 1930-х – начале 1950-х гг. сделал акцент на использовании принудительного труда¹⁴³.

Сведения о развитии лесопромышленного комплекса в годы первых пятилеток приводятся в академических изданиях¹⁴⁴. Об истории предприятий и населенных пунктов, связанных с отраслью, изданы книги, опубликованы статьи на официальных интернет-порталах муниципальных образований и

Советская Карелия: совместное освоение «новых финских территорий» после окончания Зимней войны 1939–1940 гг. // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2011. Вып. 3; Он же. Образование Карело-Финской ССР и освоение «новых территорий» в 1940–1941 годах // Отечественная история. 2008. № 1; Килин Ю. Карелия в политике Советского государства...; Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006; Сузи Г. В. Реорганизация лесной промышленности в Советской Карелии после зимней войны // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8.

¹⁴⁰ Кочеткова Е. А. Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности и трансфер технологий в 1953–1964 годах: случай Энсо-Светогорска // Laboratorium. 2013. № 3; Она же. От технических улучшений к инновациям: случай целлюлозно-бумажного комбината в Йоханнесе (Советском) (1944 – середина 1950-х гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2018. Т. 39. № 2.

¹⁴¹ Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

¹⁴² Бакунин А. В. Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994.

¹⁴³ Шевырин С. А. Развитие лесной отрасли в Прикамье в 1930–1950-е гг. URL: <http://www.politarchive.perm.ru/publikatsii/stati/razvitie-lesnoj-otrasli-v-prikame-v-1930-1950-e-gody.html>.

¹⁴⁴ См., напр.: Академическая история Югры / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. В 8 т. Т. 6. Югра в 1917–1953 гг.: на пути к модернизации / отв. ред. Г. Е. Корнилов, В. В. Кондрашин. Ханты-Мансийск, 2024; История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2 / под общ. ред. В. Л. Ларина; отв. ред. Л. И. Галлямова. Владивосток, 2018; История экономики Карелии. В 3 кн. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). Петрозаводск, 2005; История Чувашии новейшего времени. В 2 кн. Кн. 1: 1917–1945. Чебоксары, 2001; Урал в панораме XX века / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2000.

компаний¹⁴⁵. В этих работах, основанных на материалах местных архивов, музеев, газет и воспоминаниях очевидцев, прослеживается развитие предприятий и поселений. В них приводятся основные факты истории, в некоторых случаях противоречащие архивным источникам.

Отдельно стоит отметить книгу об истории Архангельского ЦБК¹⁴⁶. Это солидное издание включает не только большой массив фактических сведений, но и выдержки из архивных источников, газет, свидетельств работников, попытки анализа отдельных проблем истории предприятия. Специалисты Архангельского ЦБК Е. Захарова и П. Фасонов активно занимаются изучением истории предприятия. Итогом стали книги об отдельных периодах истории комбината¹⁴⁷. Ю. Чирков посвятил серию публикаций в газете «Соликамский рабочий», подготовленных по архивным материалам и воспоминаниям, строительству и началу функционирования Соликамского сульфитно-целлюлозного комбината¹⁴⁸.

Анализ публикаций по теме исследования показал, что история лесопромышленного комплекса Советского Союза в годы первых пятилеток, несмотря на его важную роль в экономике страны, не становилась самостоятельным объектом изучения, комплексных трудов не создано. Очевидны две тенденции: описательная, характерная для большинства работ и представленная популярными и научно-популярными публикациями; аналитическая (научные труды), но применительно к отдельным регионам, структурным компонентам отрасли, темам. Силами ученых высших учебных заведений и академических институтов, специалистов отрасли подготовлены и изданы труды о ряде региональных лесопромышленных комплексов. В

¹⁴⁵ Гордин А. А. Лобва: 100 лет. Серов, 2005; Гордое имя «Новатор». Великоустюгскому фанерному комбинату 100 лет. Великий Устюг, 2010; Костромской судомеханический завод. История. URL: <https://boat-ksmz.ru/o-kompanii/istoriya/>; Краснокамск – город Солнца: научно-популярное издание. Пермь, 2013; Краснокамская бумажная фабрика. Исторические страницы. URL: <http://kbf.goznak.ru/about/history/>; От истоков к будущему. Поселок Хор. 120 лет / сост. Б. К. Кузнецов. Хабаровск, 2017; С веком наравне: с вершины юбилея пути вперед виднее. Новолялинскому целлюлозно-бумажному комбинату 100 лет. Екатеринбург, 2014; Соломбальский машиностроительный завод. История. URL: <https://www.smz.ru/about/history/>.

¹⁴⁶ Минувя рубежи эпох, 1940–2010 / ред.-сост. Н. А. Кошелева. Архангельск, 2010.

¹⁴⁷ Захарова Е. Время подвига, 1941–1945. Новодвинск; Архангельск, 2020; Она же. Рождение гиганта. 1934–1940. Новодвинск; Архангельск, 2019.

¹⁴⁸ Чирков Ю. Как принимали предприятие // Соликамский рабочий. 1991, 12 февраля; Он же. Рождение комбината // Соликамский рабочий. 1991, 7 февраля.

зарубежной историографии имеются работы, посвященные лесному комплексу Советского Союза, но основное внимание в них сосредоточено на реформах управления отраслью и подходах к лесопользованию.

1.2. Источники и методология исследования

В исследовании использован широкий круг источников: законы и нормативные акты высших органов государственной власти и управления; делопроизводственная документация государственных учреждений, хозяйственных организаций, предприятий; статистические источники; периодическая печать; мемуары; фотодокументы.

Законодательно-нормативные документы дали возможность изучить решения о развитии лесной промышленности и преодолении существовавших проблем. Источники этой группы – как опубликованные документы¹⁴⁹, так и неопубликованные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)¹⁵⁰ и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)¹⁵¹.

Большое влияние на развитие лесной промышленности оказали постановления СНК СССР «О мерах по упорядочению лесного хозяйства» (12 февраля 1928 г.); Совета труда и обороны (далее везде – СТО) «О реорганизации лесного хозяйства и лесной промышленности» (12 июля 1929 г.); ВЦИК и СНК РСФСР «О мероприятиях по улучшению работ на лесозаготовках и лесосплаве» (13 февраля 1930 г.); ЦК ВКП(б) «О работе

¹⁴⁹ Декреты Советской власти. Т. II. М., 1959; Лесной кодекс РСФСР с объяснениями и толкованиями / сост. В. С. Колонтаев; под ред. А. И. Шульца. М., 1924; Постановление комиссии исполнения при СНК СССР «О работе Народного комиссариата лесной промышленности по заготовке и вывозке леса». 11 марта 1933 г. URL: <http://istmat.info/node/36009> (дата обращения: 17.11.2022); Постановление СНК СССР «Об организационной структуре Народного комиссариата целлюлозной и бумажной промышленности, 15 августа 1940 г.» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1940 год. М., 1944. С. 746–749; Постановление СНК СССР «Об утверждении Положения о Главном управлении сульфитно-спиртовой и гидролизной промышленности при Совете народных комиссаров Союза ССР, 2 августа 1940 г.» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1940 год. М., 1944. С. 713–717; Постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации Народного комиссариата лесной промышленности и его местных органов». 19 сентября 1934 г. URL: <http://istmat.info/node/41847> (дата обращения: 13.01.2022).

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р3316, Р5446.

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17.

Уралмета» (15 мая 1930 г.); СНК СССР «Об организации лесного хозяйства» (31 мая 1931 г.); ЦИК и СНК СССР «Об условиях труда рабочих и служащих, занятых в лесной промышленности и лесном хозяйстве» (7 марта 1933 г.); СНК СССР «О договорах с колхозами и крестьянами-единоличниками для лесозаготовок и сплава» (19 ноября 1933 г.); ЦИК и СНК СССР «О реорганизации Народного комиссариата лесной промышленности и его местных органов» (19 сентября 1934 г.); СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе Народного комиссариата лесной промышленности в области лесозаготовок и лесосплава и о мерах к ее улучшению» (19 января 1935 г.); СНК СССР «Об отмене государственных дотаций и об отпускных ценах в тяжелой и лесной промышленности» (1 апреля 1936 г.); ЦИК и СНК СССР «Об образовании Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при Совете народных комиссаров Союза ССР и о выделении водоохранной зоны» (2 июля 1936 г.); СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР» (15 ноября 1938 г.); Экономического совета при СНК СССР «О ликвидации нерациональных перевозок леса» (17 мая 1939 г.); Экономического совета при СНК СССР «О проектировании и строительстве гидролизных и сульфитно-спиртовых заводов Главлесоспирта при СНК Союза ССР» (25 марта 1940 г.). Внимание высших партийно-государственных органов к лесной промышленности возрастало с конца 1920-х гг., времени реформы отрасли. Постановления принимались ежегодно. В их содержании отразились основные направления лесной политики Советской власти, реакции на проблемы в отрасли, необходимость внедрения технико-технологических новаций, а также корректировка пятилетних планов.

Вторую, наиболее многочисленную, группу источников составляет *делопроизводственная документация*. Программные документы¹⁵² содержат

¹⁵² XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1928; XVI конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1929; XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930; XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1932; XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934; XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК

богатый материал о планировании развития отрасли, выполнении планов, результатах и проблемах экономической деятельности, в том числе в региональном разрезе. Планы развития народного хозяйства (пятилетние¹⁵³ и годовые¹⁵⁴ планы, отраслевые¹⁵⁵, региональные¹⁵⁶) следует рассматривать как попытку осмысления места лесной промышленности в экономике страны и регионов, направлений ее развития. В них хорошо проработаны вопросы размещения и кооперации предприятий, представлены перечни объектов нового строительства. При этом если третий пятилетний план содержал только общие ориентиры развития лесопромышленного комплекса, то годовые планы более детально анализировали состояние отрасли. Большое значение в анализе результатов работы лесной промышленности по итогам первой пятилетки и перспектив на вторую пятилетку имеют материалы конференций по реконструкции лесной промышленности. В докладах специалистов и резолюциях секций отражены разнообразные стороны лесохозяйственной и лесопромышленной деятельности в стране¹⁵⁷.

(1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 5 / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. М., 1984; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 6 / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. М., 1985; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Издание 9-е, доп. и испр. Т. 7. М., 1985; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. М., 1953; О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта. Доклад тов. Маленкова // Плановое хозяйство. 1941. № 3.

¹⁵³ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. М., 1934; Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие (1928/29–1932/33 гг.). Приложение к III тому пятилетнего плана народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1. Изд. 3-е. М., 1930; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1. Изд. 3-е. М., 1930; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 2. Изд. 3-е. М., 1930; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3. Изд. 3-е. М., 1930; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). М., 1939.

¹⁵⁴ Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год (Приложения к постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 127 от 17 января 1941 г.); Контрольные цифры промышленности на 1929/30 г.: Мат. к докладу ВСНХ СССР Госплану СССР. М., 1929; Народнохозяйственный план на 1935 год. 2-е изд. М., 1935; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937; Народнохозяйственный план СССР на 1931 год (контрольные цифры). Доклад Госплана СССР Совету народных комиссаров СССР. М.; Л., 1931; О плане по промышленности Наркомлеса СССР на 1938 год и мероприятиях по его осуществлению. Приказ по Народному Комиссариату Лесной Промышленности СССР. Москва, № 202, 26 февраля 1938 г. // Лесная промышленность. 1938, 1 марта.

¹⁵⁵ Перспективный план развития бумажной промышленности (1925/26–1929/30 оп. г.). М., 1925.

¹⁵⁶ Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927; Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930; Основные линии развития хозяйства Нижегородского края во втором пятилетии (1933–1937). 2-е изд., испр. Нижний Новгород, 1932.

¹⁵⁷ Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Задачи бумажной промышленности в области технологии во второй пятилетке (тезисы

Источники рассматриваемой группы представлены в диссертации как опубликованными материалами, так и неопубликованными документами. Среди опубликованных материалов – сборники документов, посвященные индустриализации¹⁵⁸, развитию регионов¹⁵⁹ и отдельным проблемам¹⁶⁰, в том числе – репрессивной политике Советского государства, роли спецпереселенцев и заключенных в развитии лесопромышленного комплекса¹⁶¹. В 2000-х гг. был подготовлен специальный сборник, в котором

к докладу т. Ковалевского). М., 1932; Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Комбинирование на базе отходов в лесоперерабатывающих предприятиях (тезисы к докладу т. Вольфейль). М., 1932; Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Научно-исследовательская работа во второй пятилетке в области лесоводства (тезисы к докладу т. Покалюк). М., 1932; Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Научно-исследовательские работы по водному лесотранспорту (тезисы к докладу т. Смарагдова). М., 1932; Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Новые производства в деревообрабатывающей промышленности и принципы их комбинирования (тезисы к докладу т. Баранова). М., 1932; Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Перевалочные базы (тезисы к докладу т. Колечицкого). М., 1932; Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Реконструкция действующих предприятий и новое строительство целлюлозно-бумажной промышленности в годы второй пятилетки (тезисы к докладу т. Альтгаузен). М., 1932; Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Реконструкция существующих предприятий деревообрабатывающей промышленности на основе специализации и кооперирования (тезисы к докладу т. Лобанова). М., 1932; Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Типы станков, подлежащих освоению во второй пятилетке, для нужд лесоперерабатывающей промышленности (тезисы к докладу т. Войтинского). М., 1932; Труды I Всесоюзной конференции по реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии 1933–1937. Вып. IV. М., 1933.

¹⁵⁸ Индустриализация СССР. 1929–1932 гг.: Док. и мат. / отв. ред. В. Е. Полетаев. М., 1970; Индустриализация СССР. 1933–1937 гг. Док. и мат. / отв. ред. М. И. Хлусов. М., 1971; Индустриализация СССР. 1938–1941 гг.: Сб. мат. и док. М., 1972.

¹⁵⁹ Архангельский Север в документах истории (с 1917 по 1945 годы): хрестоматия. В 2 т. / под общ. ред. А. А. Куратова. Архангельск, 2015. Т. 1; В буднях великих строек. Трудящиеся Прикамья в борьбе за индустриализацию народного хозяйства (1926–1937 гг.). Сб. док. и мат. Пермь, 1977; История индустриализации Урала (1926–1932 гг.) / под ред. В. Н. Зуйкова (гл. ред.), В. В. Фельдмана, И. И. Бабилова. Свердловск, 1967; История индустриализации Урала: док. и мат. 1933–1937. Свердловск, 1983; Народное хозяйство Карелии. 1926 – июнь 1941 г.: Док. и мат. / науч. ред. Л. И. Вавулинская. Петрозаводск, 1991; Пермская область накануне Великой Отечественной войны: Сб. док. / сост. В. Г. Светлаков. Пермь, 2005; Пермский край в Великой Отечественной войне. Сб. док. Пермь, 2018; Холодный дом России: документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера / ред.-сост. С. И. Шубин. Архангельск, 1996.

¹⁶⁰ Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932: Сб. док. / сост. С. А. Красильников, Т. Н. Осташко, Л. С. Пашенко, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 1999; Продовольственная безопасность Урала в XX в. Док. и мат. Т. 2 / под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Екатеринбург, 2000; Экология и власть. 1917–1990. Документы / под ред. академика А. Н. Яковлева; сост. В. И. Пономарева и др. М., 1999.

¹⁶¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2000; Изгнанники в своей стране: письма из советской ссылки 1920–1930-х гг.: по документам фонда «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» / сост. О. Л. Милова; отв. ред. С. В. Чешко. М., 2008; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 2 / отв. ред. и сост. Н. В. Петров; отв. сост. Н. И. Владимирцев. М., 2004; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 3 / отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М., 2004; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание

содержатся законодательные документы, делопроизводственные и статистические материалы о развитии лесного комплекса Европейского Севера страны, письма рабочих за период от первых декретов Советской власти до начала Великой Отечественной войны. Сведения касаются и малоизученных тем: принудительного труда спецпереселенцев, заключенных, сельского населения, взаимоотношения власти и общества по вопросам лесопользования¹⁶². В 2017 г. был издан сборник документов о деятельности Советского государства по охране лесов в 1917–1929 гг., куда вошли также материалы о проведении реформы лесного хозяйства и лесной промышленности на рубеже 1920–1930-х гг.¹⁶³

В Российском государственном архиве экономики (далее везде – РГАЭ) сосредоточен крупный комплекс документов, характеризующий развитие лесной промышленности в Советском Союзе. Работа с ним требует знаний компонентов лесной промышленности, отраслевой терминологии и системы измерений. В главном лесопромышленном ведомстве страны – будь оно в составе ВСНХ СССР, или в качестве самостоятельного народного комиссариата (а с 1940 г. – двух наркоматов)¹⁶⁴ – в годы первых пятилеток постоянно происходили внутренние реорганизации, появлялись новые отрасли (например, целлюлозная, гидролизная, сульфитно-спиртовая). Отсюда наличие фондов, в которых раскрывается деятельность главных управлений¹⁶⁵. Стержневые проблемы, которые выявились при их изучении, – поиск рабочей силы и

документов в 7-ми томах. Т. 4 / отв. ред. А. Б. Безбородов, В. М. Хрусталеv; сост. И. В. Безбородова (отв. сост.), В. М. Хрусталеv. М., 2004; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5 / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М., 2004; Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина: Док. и комментарии / сост. В. Н. Хаустов. М., 2011; Наша малая родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991 / сост. В. И. Баяндин, В. А. Ильиных, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов и др. Новосибирск, 1997; Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности. Сб. док. / Под общ. ред. О. Б. Мозохина. Т. 1. М., 2014; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 / отв. ред. Н. Н. Покровский, В. П. Данилов, С. А. Красильников, Л. Виола. М., 2006. Кн. 2; Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.: Сб. док. и мат. Пермь, 2004; Репрессии в Архангельске: 1937–1938. Документы и материалы / Под общ. ред. Р. А. Ханталина. Архангельск, 1999.

¹⁶² Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг.: Сб. док. и мат. / сост. В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. Петрозаводск, 2005.

¹⁶³ Деятельность государства по охране лесов в 1917–1929 гг.: сб. док. / сост. М. О. Тяпкин. Электронные данные. Барнаул, 2017.

¹⁶⁴ РГАЭ. Ф. 7637, 8513.

¹⁶⁵ Там же. Ф. 7640, 7758.

создание постоянных кадров; неудовлетворительное выполнение плановых заданий по строительству предприятий и в разных отраслях лесопромышленной деятельности. Стенограммы заседаний, радиоперекличек, речи народных комиссаров свидетельствуют о стремлении руководства понять причины проблем в лесной промышленности (пусть не подвергая сомнению деятельность высших партийно-государственных органов, сущность экономической системы) и указать на пути их решения. В то же время некоторые высказывания народных комиссаров демонстрируют крайне ограниченный взгляд (как вследствие концентрации народного комиссариата и главных управлений в столице, так и в силу уважения партийных догм) на положение в отрасли.

В фонде 4372 (Государственный плановый комитет Совета министров (Госплан СССР)) выявлены материалы о перспективах производства древесноволокнистых плит в стране в конце 1930-х гг. и работа «Комплексное развитие хозяйства Урала» (раздел «Лесная промышленность»), подготовленная отделом размещения предприятий и районного планирования Института экономики Академии наук СССР¹⁶⁶. В фонде 399 (Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР) находится капитальное исследование экономистов Г. П. Чижа и В. И. Воздвиженского «Анализ производственно-территориальных сдвигов в лесной промышленности за первое и второе пятилетие и принципы размещения ее в третьем пятилетии», подготовленное в 1938 г.¹⁶⁷ В фонде 67 (Научно-исследовательский институт по изучению экономики Севера (НИИЭС) при Главном управлении Северного морского пути) отложились результаты экономических исследований на Крайнем Севере в середине 1930-х гг., в том числе о перспективах развития лесной промышленности¹⁶⁸.

Вопросы деятельности профсоюзов, возведения и функционирования крупных предприятий, в том числе передачи их от Наркомлеса в ведение НКВД

¹⁶⁶ Там же. Ф. 4372.

¹⁶⁷ Там же. Ф. 399.

¹⁶⁸ Там же. Ф. 67.

СССР, становления гидролизной отрасли, планировки городов нашли отражение в документах ГАРФ)¹⁶⁹. Большое значение для осмысления достижений советских ученых имеют личные фонды. Так, в Российском государственном архиве научно-технической документации (далее везде – РГАНТД) был изучен фонд О. К. Гиллера, занимавшегося решением проблем варки целлюлозы¹⁷⁰.

В фондах Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее везде – ЦГАНТД СПб) хранятся материалы о деятельности научно-исследовательских и проектных учреждений фанерной, целлюлозно-бумажной отраслей¹⁷¹. В частности, в фонде Р-303 (Всесоюзный научно-исследовательский институт целлюлозной и бумажной промышленности (ВНИИБ) Министерства целлюлозно-бумажной промышленности СССР) содержится обширный комплекс документов, характеризующих научные, исследовательские, проектные работы учреждения (в том числе проекты предприятий), заграничные поездки специалистов, направления развития отрасли. Здесь имеется большое число статей, объяснительных записок, стенографических отчетов, заключений и обзоров по поводу передовых технологий в целлюлозно-бумажной промышленности, что позволяет оценить степень их разработанности и возможности внедрения в условиях первых пятилеток. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (далее везде – ЦГА СПб) хранятся материалы о деятельности Ленинградского завода имени 2-й пятилетки, который с 1933 г. стал специализироваться на производстве бумагоделательных машин¹⁷². Деятельность ведущих высших учебных заведений лесного профиля отражена в документах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее везде – ЦГАИПД СПб) – Ленинградская

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. А-259, А-314, Р5446, Р5467, Р9414.

¹⁷⁰ РГАНТД. Ф. 163.

¹⁷¹ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-48, Р-84, Р-303.

¹⁷² ЦГА СПб. Ф. Р-1666.

лесотехническая академия¹⁷³ и Государственного архива Архангельской области (далее везде – ГААО) – Архангельская промышленная академия¹⁷⁴.

Региональные архивы (Государственный архив Пермского края (далее везде – ГАПК)¹⁷⁵; Национальный архив Республики Карелия (далее везде – НАРК)¹⁷⁶; Государственный архив Свердловской области (далее везде – ГАСО)¹⁷⁷; Объединенный государственный архив Челябинской области (далее везде – ОГАЧО)¹⁷⁸; Государственный архив Красноярского края (далее везде – ГАКК)¹⁷⁹) содержат разнообразную информацию о деятельности главных управлений, трестов, о строительстве и функционировании предприятий, приказы народных комиссаров, начальников главных управлений. Большую ценность представляют материалы совещаний стахановцев, которые позволяют понять позиции хозяйственников, специалистов профсоюзов, торгово-снабжающих организаций и рядовых рабочих касательно стахановского движения.

В Пермском государственном архиве социально-политической истории (далее везде – ПГАСПИ) отложился обширный комплекс материалов партийных органов г. Перми и Пермской области, в которых большое внимание уделено проблемам формирования рабочих коллективов, строительства и функционирования лесопромышленных предприятий, а также Усольского исправительно-трудового лагеря (далее везде – ИТЛ) – крупного лесозаготовительного лагеря на территории Пермской/Молотовской области¹⁸⁰. Изучение личных дел начальников строителей и директоров предприятий позволяет выявить степень эффективности их работы, проблемы, с которыми они сталкивались, причины снятия с должностей.

¹⁷³ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-47.

¹⁷⁴ ГААО. Ф. р-1683.

¹⁷⁵ ГАПК. Ф. р-1074, р-1086, р-1541.

¹⁷⁶ НАРК. Ф. Р-571.

¹⁷⁷ ГАСО. Ф. р-1517, р-1518, р-2030.

¹⁷⁸ ОГАЧО. Ф. Р-493, Р-685.

¹⁷⁹ ГАКК. Ф. Р-1042.

¹⁸⁰ ПГАСПИ. Ф. 1, 59, 105.

Интерес представляют фонды Центра документации общественных организаций Свердловской области (далее везде – ЦДООСО). Материалы профсоюзных организаций отраслей, трестов и предприятий лесопромышленного комплекса включают статистику, протоколы заседаний, стенограммы конференций, заявления, докладные записки и существенно дополняют картину развития лесной промышленности, особенно в части восприятия проблемных моментов рядовыми работниками и руководителями заводов, организаций, профсоюзными деятелями¹⁸¹.

Материалы архивов муниципальных образований богаты конкретными сведениями из истории предприятий, часто связаны с описанием экстремальных ситуаций, требовавших вмешательства вышестоящих инстанций¹⁸². Они позволяют получить наиболее полный материал для анализа форм и методов реализации планов и указаний партийно-государственных органов, а также оценить конкретные результаты внутриполитических действий.

Третью группу составили *статистические источники*. Обобщающие итоги социально-экономического развития страны публиковались в рамках серии статистических сборников «Социалистическое строительство СССР»¹⁸³. Данные о лесном комплексе представлены в сводных и специальных разделах. Достоинством является публикация сведений за период с 1913 по 1937 гг. (затем объем официальной статистической информации существенно сократился), что позволяет провести анализ развития отрасли по разным показателям, а также материалов обследований предприятий. Некоторые данные в дальнейшем дублировались в более поздних сборниках статистических материалов и документов. Ряд важных сведений о развитии

¹⁸¹ ЦДООСО. Ф. 1043, 1238.

¹⁸² АОАГОВ. Ф. 56; АОАСГО. Ф. р-325, р-482; АСГО. Ф. 130.

¹⁸³ Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): Стат. сб. М.; Л., 1939; Социалистическое строительство СССР. Издательство. М., 1936; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936.

лесопромышленного комплекса опубликован в тематических и юбилейных статистических изданиях¹⁸⁴, региональных сборниках¹⁸⁵.

Использование статистических источников сопровождается рядом трудностей. Во-первых, централизованный учет в ряде отраслей (лесозаготовительной, мебельной, спичечной) и в «мелкой» лесной промышленности до начала 1930-х гг. велся неудовлетворительно или не осуществлялся вообще. Так, статистика дореволюционного периода и первого десятилетия Советской власти учитывала в первую очередь объемы промышленных заготовок древесины и могла только приблизительно оценить весь их масштаб, включая заготовки леса населением. Отсюда самые разные показатели в сфере заготовки древесины до начала 1930-х гг., когда осуществленные реформы позволили усилить централизованное управление лесопромышленной деятельностью в стране.

До 1932 гг. в расчеты не брались мелкие заводы и цеха, выполнявшие подсобные функции в рамках других отраслей промышленности. Этот фактор в совокупности с непредоставлением предприятиями в срок ряда сведений обусловил искажения в сторону увеличения некоторых показателей лесопромышленной деятельности в изданиях ежегодника «Социалистическое строительство СССР» 1935, 1936 и 1939 гг. То есть поздние данные следует считать более полными и достоверными. С 1932 г. произошло выделение мебельной, спичечной и лесозаготовительной (включая сплав) отраслей в качестве объектов статистического учета в связи с их активным развитием, а в случае со сферой заготовки лесных ресурсов – еще и из-за создания

¹⁸⁴ См., напр.: 20 лет Советской власти. Стат. сб. (Цифровой материал для пропагандистов). М., 1937; Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. М., 2020; К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. сб. М., 2020; Капиталистические страны в 1913, 1920–1930 гг. Стат. сб. Т. 1. М., 1937; Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972; Народное хозяйство СССР. 1922–1982 гг. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1982; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Стат. сб. М., 1990; Народное хозяйство СССР в цифрах (1860–1938 гг.) / сост. И. Голубничий; под ред. П. Петрова. М., 1940; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1964; Страна Советов за 50 лет. Сб. стат. мат. М., 1967.

¹⁸⁵ Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика. Ежегодник. 1932–1933. Петрозаводск, 1934; Народное хозяйство в Свердловской области в 1939–1941 гг. Свердловск, 1941; Народное хозяйство Молотовской области: Стат. сб. Молотов, 1957; Хозяйство Свердловской области 1935–1936. Основные показатели. От первого ко второму чрезвычайному Съезду советов Свердловской области. Свердловск, 1936.

специализированных предприятий – леспромхозов – в составе основных лесозаготовителей, что облегчило сбор информации. Сфера заготовки лесных ресурсов статистикой не включалась в перечень отраслей «крупной» промышленности, но, на наш взгляд, правомерно учитывать показатели этой отрасли в данной обобщающей категории, особенно с 1929 г., когда началась реформа лесного хозяйства и лесной промышленности. Данные о численности рабочих разнятся в разных разделах сборников. Это связано с особенностями учета трудовых ресурсов (с учениками и без, со служащими и без) в рамках отдельных отраслей, «крупной» или всей лесной промышленности. Наиболее полными, на наш взгляд, являются данные сводных разделов.

Во-вторых, в статистических сборниках послевоенного периода имело место завышение показателей лесопромышленной деятельности, в том числе за счет включения сведений о большей части мелких цехов и подразделений непрофильных ведомств и организаций. В-третьих, огромное влияние на учет показателей оказали административно-территориальные реформы, изменения границ Советского Союза, применявшиеся ценовые веса, операционные и хозяйственные годы.

В этом отношении большее доверие вызывают данные пятилетних и годовых планов, сборников «Социалистическое строительство СССР», публиковавшихся в 1930-х гг. в границах страны того периода. Сведения о 1940 г. в разных статистических изданиях отличаются ввиду существенных изменений границ Советского Союза, включения в его состав новых территорий, часть из которых обладала развитой лесной промышленностью, и в зависимости от периода подготовки сборников¹⁸⁶.

Сведения о численности работников лесного комплекса содержатся в сборниках об итогах переписей 1937 и 1939 гг.¹⁸⁷ Использование этих данных

¹⁸⁶ Algvere K. V. Op. cit. P. 22. Шведский экономист К. В. Альгвере отмечал, что искажения данных советской статистикой не являются фатальными для экономических исследований. По его мнению, более серьезной проблемой было искажение фактов в официальных научно-популярных публикациях.

¹⁸⁷ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Общие итоги. Сб. док. и мат. М., 2007; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сб. мат. / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002; Численность населения СССР на 17 января 1939 г. по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным

для выявления динамики трудовых ресурсов, их занятости в отдельных видах лесопромышленной деятельности затруднено по следующим причинам. Во-первых, из-за фальсификации результатов переписей 1937 и 1939 гг.; во-вторых, из-за выделения среди общего количества работников лесного комплекса отдельных профессий, а не производственных сфер (например, лесопильной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной промышленности); в-третьих, из-за включения в итоговый показатель численности трудившихся тех, кто был занят в мастерских, предприятиях «районной промышленности».

В фонде 1562 ГАРФ (Центральное статистическое управление при Совете министров СССР (ЦСУ СССР)) содержатся ранее засекреченные статистические сборники и отчеты об экономическом развитии государства, в том числе в период конца 1920-х – начала 1940-х гг.¹⁸⁸

Четвертая группа источников представлена *материалами периодической печати*. Публикации в центральных газетах («Правда», «Лесная промышленность»), региональной и местной прессе («Правда Севера», «Красный Север», «Наш темп», «Сталинец», «Сегежский бумажник», «Звезда», «Краснокамская звезда», «Тихоокеанская звезда») содержат как постановления партии и правительства, так и другие решения власти в отношении лесной промышленности, а также отражают социально-экономические проблемы развития отрасли. Использование периодической печати было особенно важным, так как в ряде случаев только эти источники отражали проблемы лесной промышленности, ее работников, дискуссии специалистов вокруг научно-технических вопросов. В письмах читателей можно увидеть – с учетом цензуры – те проблемы, с которыми они сталкивались на производстве и в быту.

сельским населенным пунктам. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. М., 1941.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 1562.

Пятую группу источников составили *источники личного происхождения*. Подавляющее большинство из них представлено воспоминаниями¹⁸⁹. Применительно к периоду первых пятилеток основными сюжетами являются «раскулачивание» и репрессии, деятельность партийных работников и органов. Мемуары являются художественными произведениями с эмоционально окрашенной подачей материалов, поэтому сведения перепроверяются данными архивных документов.

Шестая группа источников – *фотоматериалы*, хранящиеся в ПГАСПИ¹⁹⁰ и Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (далее везде – ЦГАКФФД СПб)¹⁹¹ и опубликованные в специальных корпоративных и архивных изданиях¹⁹². Ценность этих источников заключается в возможности оценки хода строительства, компоновки предприятий, рабочих поселков, их архитектурного облика.

Таким образом, источниковая база исследования обширна и вполне репрезентативна. Для нее характерны: 1) сосредоточение материалов о деятельности народного комиссариата и его главных управлений, учреждений в федеральных архивах, о работе трестов и предприятий – в региональных и местных архивах; 2) большое количество делопроизводственной и статистической документации по разным отраслям лесной промышленности. Особое значение для исследования имели нормативные правовые акты Совета народных комиссаров (далее везде – СНК) СССР и Центрального комитета (далее везде – ЦК) Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее везде – ВКП(б)) и делопроизводственная документация Народного

¹⁸⁹ Бушманов В. К. Испытание временем. Пермь, 1981; Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 1998; Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 6, т. 1. Пермь, 2008; Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 6, т. 3. Пермь, 2011; Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 6, т. 4. Пермь, 2012; Дворжецкий В. Я. Пути больших этапов: Записки актера. М., 1994; Саушкин М. И. Муки невинно обреченных: Автобиографическая повесть. Чапаевск, 1997; Твардовский И. Т. Родина и чужбина: Книга жизни. Смоленск, 1996; Шаламов В. Т. Вишера: Антироман / сост. И. П. Сиротинская. М., 1989.

¹⁹⁰ ПГАСПИ. Ф. 6838. Оп. 1. Д. 29. Л. 2; Д. 30. Л. 1; Д. 32. Л. 2–3; Д. 33. Л. 2; Ф. 8043. Оп. 1. Т. 3. Д. 32В. Л. 1.

¹⁹¹ ЦГАКФФД СКП(б). Ф. Фотодокументы. Оп. 1АР-15. Ед. хр. 27168; Оп. 1ВР-12. Ед. хр. 11921.

¹⁹² Балахнинскому бумкомбинату – 90 лет! История в фотографиях / авт.-сост. В. Казаков, А. Моисеев. Балахна, 2018; Так начиналась легенда... Краснокамск, 2021; Форпост Игарка / сост. О. П. Ермакова. Красноярск, 2019; Хрупкая летопись: фотоальбом. Из фондов Архивного отдела администрации Красновишерского муниципального района. Пермь, 2012.

комиссариата лесной промышленности СССР и его главных управлений, трестов, содержащие разнообразные сведения о социально-экономической политике государства в отношении лесной промышленности.

Методология и методы исследования. Исследование построено на принципах теории модернизации, сформулированной во второй половине 1950-х – 1960-х гг. и получившей широкое распространение в социально-гуманитарных исследованиях. Модернизация представляет собой протяженный, всеобъемлющий исторический процесс инновационных мероприятий по переходу от традиционного к современному, индустриальному обществу, включающий подпроцессы: структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, социальной и политической мобилизации, демократизации, становления новых ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций. Мы разделяем положения о выделении пореформенной и советской волн модернизации и их противоречиях, о том, что Россия, Советский Союз шли по пути модернизации в русле мирового прогресса, но эта модернизация насаждалась сверху¹⁹³.

Проблемы связи сталинского периода с модернизацией, использования теории модернизации в исследованиях советской истории являются предметом дискуссий среди ученых. Развитие теории модернизации в силу обвинений в схематизме, односторонности трактовок перехода от «традиционности» к «современности» привело к разработке моделей, объясняющих противоречия (социальные и политические конфликты, создание новых социально-политических и экономических институтов и структур) развития стран¹⁹⁴.

¹⁹³ Алексеев В. В. Волны российских модернизаций // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века: монография / отв. ред. В. В. Алексеев. М., 2000; Алексеев В. В. Модернизация России: назад в будущее? Екатеринбург, 2000; Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006; Сперанский А. В. Модернизационная парадигма в изучении истории России: проблемы и дискуссии // История и современное мировоззрение. 2019. Т. 1. № 3; Трейвиш А. И. Исторический опыт модернизации российского общества и пространства // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / ред. В. М. Котляков, А. Н. Швецов, О. Б. Глезер. М., 2020.

¹⁹⁴ Бородкин Л. И. Концепции модернизации и модерности в контексте российских трансформаций XIX–XX вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57); Побережников И. В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Там же.

Методологический аппарат анализа влияния лесопромышленного комплекса на социально-экономический потенциал региона в качестве основного инструмента ресурсной модели модернизации был разработан и реализован на примере Карелии во второй половине XX в. историком О. И. Кулагиным. Ученый отмечал, что лесопромышленный комплекс, являясь важным компонентом экономики страны, «в рамках экстенсивно развивавшейся модели советской модернизации одновременно стал и одним из наиболее естественных и доступных инструментов освоения государством новых и развития старых территорий и регионов»¹⁹⁵. При этом в условиях доминирования центра над периферией – в данном случае Карелии – финансировалась в основном сфера заготовки древесины, без должного внимания ее механической обработке и глубокой переработке, что можно наблюдать и на примерах других регионов СССР со значительными запасами лесных ресурсов.

Формулирование учеными, плановиками концепций освоения лесных ресурсов и пространственного размещения лесной промышленности на окраинах Советского Союза, в первую очередь в его северных и восточных районах, интересно как примеры «фронтирной» модернизации¹⁹⁶. Их следует рассматривать в качестве попыток создать «очаги» комплексного лесопользования на новой технологической основе, сформировать транспортные потоки внутреннего и внешнего назначения, привлечь в лесопромышленную деятельность трудовые ресурсы, а также коренные народы отдельных регионов.

Дискуссионными остаются вопросы о темпах развития советской экономики, механизмах ее планирования и управления, в том числе связи экономической и репрессивной политики Советской власти¹⁹⁷. Исследователи

¹⁹⁵ Кулагин О. И. Лесопромышленный комплекс Карелии во второй половине XX века: реализация ресурсной модели модернизации моноотраслевого региона: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саранск, 2020. С. 3, 24.

¹⁹⁶ Джозефсон П. Р. Строительство империи и фронтير советской / постсоветской эпохи // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73).

¹⁹⁷ Артемов Е. Т. Восточные районы в экономической стратегии на «взлете» советской индустриальной системы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История; Белова Е. Б. Стихия плана: практика работы Госплана СССР в первой половине 30-х годов // Экономическая история: Ежегодник. 2001. М.,

признают в целом высокие темпы экономического развития страны, но отмечают большую роль оперативного управления.

Историк И. В. Побережников отмечал, что модернизация протекает на макро- (мировом, цивилизационном, страновом, региональном) и микроуровнях (локальном, личностном), а «факторы, закономерности, механизмы осуществления модернизационных преобразований на разных общественных уровнях не являются идентичными, подчиняются различным логикам»¹⁹⁸. В связи с этим анализ модернизации лесной промышленности осуществляется на различных пространственных уровнях с целью установления согласований, равно как несоответствий между ними.

Модернизация в СССР базировалась на мобилизационной экономике, которая, в отличие от классического варианта, опиралась не на рыночные механизмы, а на директивное, централизованное управление; подчинение экономических, социальных, экологических задач политическим целям, обрамление их соответствующей идеологией; сочетание искреннего желания работников улучшить технологические процессы, жертвовать собой в рамках

2002; Грегори П. Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича. 2-е изд. М., 2008; Дэвис Р. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3; Дэвис Р. Советская экономика и начало «Большого террора» // Экономическая история: Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 458; Караваева И. В. Эволюция теории и практики социалистической индустриализации // Экономическая история СССР: очерки. М., 2007; Кудров В. М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003; Маркевич А. М. Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2004. М., 2004; Побережников И. В. Советский опыт достижения технико-экономической независимости страны // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 5; Фельдман М. А. Власть, ученые, хозяйственники, рабочие СССР в годы Первой пятилетки: проблема взаимоотношений: Монография. Екатеринбург, 2022; Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время: Монография. Новосибирск, 2008. Т. 1; Он же. Экономический рост советской экономики: альтернативная оценка // Ханин Г. И. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива: избранные труды в двух томах. Новосибирск, 2015. Т. 1; Харрисон М. Промышленное производство в СССР в 1928–1950 гг.: реальный рост, скрытая инфляция и «неизменные цены 1926/27 г.» // Экономическая история: Ежегодник. 2001. М., 2002; Allen R. C. The Standard of Living in the Soviet Union, 1928–1940 // The Journal of Economic History. 1998. Vol. 58. No. 4; Davies R. W. The industrialisation of Soviet Russia. 3. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. Basingstoke, 1988; His own. The industrialisation of Soviet Russia. Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. London, 2018; His own. The industrialisation of Soviet Russia. Vol. 6. The Years of Progress: The Soviet Economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014; Decision-making in the Stalinist Command Economy, 1932–1937 / E. A. Rees, ed. London, 1997; Ellman M. Socialist Planning. 3rd ed. Cambridge, 2014; Khlevniuk O. План и рынок в советской экономике: товарообменные операции в 1930-е 1950-е годы // Cahiers du monde russe. 2023. № 64/1; Sutton A. C. Western Technology and Soviet Economic Development 1917 to 1930. Stanford, California, 1970; His own. Western Technology and Soviet Economic Development 1930 to 1945. Second volume of a three-volume series. Stanford, California, 1971.

¹⁹⁸ Побережников И. В. Теоретико-методологическое обоснование многоуровневого изучения модернизации // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. Екатеринбург, 2011. С. 27–28.

разнообразных по форме и задачам мобилизационных и принудительных мероприятий и кампаний. Завышенные планы, большое число задач порождали невозможность их выполнения, распыление средств, отказ от реализации части проектов и выявление приоритетных направлений, межведомственные противоречия и конфликты. При имевшихся достижениях это привело к неравномерному развитию подотраслей лесной промышленности – как в масштабах страны, так и на уровне отдельных территорий.

Использован также потенциал полимасштабного подхода, в рамках которого пространство мыслится как «сочетание компонентов природной и социально-экономической среды в пределах страны вместе с их связями и отношениями, важными для развития отрасли»¹⁹⁹. И. Ф. Кузьминов, применив данную методологию к изучению лесопромышленного комплекса России на современном этапе, выделил факторы, определяющие тренд развития отрасли (универсальные, зональные и страновые) и поляризацию его развития (макрорегиональные, региональные и локальные)²⁰⁰.

Использование концепций модернизационной парадигмы, полимасштабного подхода, мобилизации позволяет осмыслить логику, замысел и реализацию модернизации отрасли на уровнях государства, регионов, социальных групп и отдельных личностей, рассмотреть проектирование и строительство новых предприятий в качестве инструмента хозяйственного освоения необжитых пространств. Использование зарубежных технологий, развитие собственного лесного машиностроения, внутриотраслевого и межотраслевого комбинирования должно было привести к увеличению объемов производства, расширению ассортимента продукции. С другой стороны, в условиях советской централизованной экономической системы данным намерениям противодействовали нехватка финансовых, материальных и трудовых ресурсов, проблемы снабжения и межведомственного

¹⁹⁹ Артоболевский С. С. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестник РАН. 2009. Т. 79. № 2. С. 101.

²⁰⁰ Кузьминов И. Ф. Географические последствия постсоветской трансформации лесопромышленного комплекса России: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2012. С. 6–7.

взаимодействия. Модернизационная теория позволяет сопоставить страновые варианты развития лесной промышленности, учитывать многофакторность и региональные особенности научно-технического прогресса в отрасли, взаимосвязи и взаимовлияния между лесной промышленностью и индустриальным потенциалом Советского Союза, его регионов. Модернизация лесного хозяйства и лесной промышленности была обусловлена потребностями экономического развития страны, увеличения объемов экспорта древесины, а также становилась пионерной отраслью в деле освоения северных и восточных районов и важным фактором культурной революции в стране. Большое влияние на эти процессы оказывали межстрановая экономическая и военно-политическая конкуренция и проникновение в СССР достижений и новаций мирового научно-технического прогресса.

Акторами модернизации лесного хозяйства и лесной промышленности в Советском Союзе стали руководители партийно-государственных и плановых органов, народные комиссары, члены научно-технических советов, ученые и преподаватели вузов, начальники главных управлений, трестов, предприятий, работники. У модернизации отрасли были и противники (как правило, на уровне трестов и предприятий, научных учреждений и учебных заведений), чьи действия и воззрения в той или иной степени отразились на ходе и содержании реформ, политических кампаний (например, по борьбе с «вредительством» в промышленности), социалистического соревнования, механизации.

Ключевыми положениями, свидетельствующими о том, что в конце 1920-х – начале 1940-х гг. в отрасли осуществлялась индустриальная модернизация, являются следующие. Было осуществлено районирование лесов, начато лесоэкономическое изучение и промышленное освоение массивов в северных и восточных районах страны. Распространение получили сплошные рубки. Были созданы профильные народные комиссариаты и главные управления, формировались новые отрасли (мебельная, домостроительная, древоплитная, лесохимическая, гидролизная и другие). Было построено большое число предприятий, в том числе крупных комбинатов, на базе зарубежной и

отечественной техники и технологий. Передовые в технико-технологическом отношении производства концентрировались на Северо-Западе, Европейском Севере, Урале, в Волго-Вятском районе. Главным направлением развития сферы заготовки древесины стала механизация. В течение первых пятилеток была создана отечественная база лесного машиностроения. Появились стационарные, в том числе отраслевые, заведения, предполагавшие долго- и краткосрочные программы подготовки. В годы первых пятилеток формировалась отраслевая поселенческая сеть, представленная рабочими поселками (в том числе спецпоселками и лагерными поселками для разных категорий «спецконтингента») и городами.

Масштабные преобразования лесопромышленного комплекса в годы первых пятилеток (как в отраслевом, так и в территориальном плане) обусловили целесообразность выделения следующих уровней иерархии в структуре отрасли: предприятие с одной специализацией – комбинат – лесопромышленный узел – лесопромышленный комплекс²⁰¹ – региональный лесопромышленный комплекс (в работах позднесоветского периода он отождествлялся с производственно-территориальным комплексом) – лесопромышленный комплекс страны.

Функционирование лесной промышленности как структурного компонента единого народнохозяйственного комплекса Советского Союза не исключало различий активно формировавшихся региональных лесопромышленных комплексов. Несмотря на обилие научно-популярной и краеведческой литературы о лесной отрасли отдельных регионов, ретроспективное освещение ее развития, как правило, не предполагает включения в более широкий пространственный фон, сопоставлений с другими территориями, а понятие «региональный лесопромышленный комплекс» не устоялось в научном дискурсе и чаще встречается в экономических работах последних лет²⁰².

²⁰¹ Это понятие, характеризующее крупное комбинированное предприятие, появилось в экономической литературе в 1930-х гг., но практическая реализация проектов пришлась на позднесоветский период.

²⁰² Следует отметить определение регионального лесопромышленного комплекса, данное А. А. Киселевой: «Сложившаяся система взаимодействия хозяйствующих субъектов в отраслях и подотраслях лесозаготовительной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, лесохимической промышленности и

Однако именно в годы первых пятилеток началось или было ускорено (как, например, в случае с Уральским регионом или Европейским Севером) формирование мощных региональных лесопромышленных комплексов, обеспечивающих развитие отрасли на современном этапе. Моделирование этих процессов базируется на двух важнейших характеристиках, ставших приоритетными в годы первых пятилеток: степень комплексности лесопользования (комбинированный, полукombинированный, сырьевой компоненты модели); ориентацию на внутренний или внешний рынок (экспортный, экспортно-внутренний и внутренний компоненты). Исследование позволяет выявить замысел и результаты и уточнить особенности функционирования региональных лесопромышленных комплексов (в качестве модельных регионов выступают Европейский Север, Урал, Сибирь и Дальний Восток).

Диссертационное исследование основывается на двух базовых принципах – объективности и историзма. Принцип объективности требует всестороннего анализа исторических фактов, явлений, процессов, относящихся к трансформациям лесной промышленности в период индустриальной модернизации. Принцип историзма ориентирует на изучение конкретно-исторических условий трансформаций отрасли с учетом комплексного влияния объективных и субъективных факторов. Лесная промышленность исследуется как сложная система в процессе своего развития и совершенствования, начиная от возникновения предпосылок модернизационных процессов до их затухания и приостановки. Принцип историзма требует изучения источников модернизационных процессов в отрасли, оказавших решающее влияние на ее развитие: государственной экономической политики, влияния мирового научно-технического прогресса, идеологических установок советской системы.

лесного хозяйства, объединенная по функциональному и территориальному признакам и обеспечивающая создание условий для увеличения прибыли предприятий и организаций и повышения доходов работников за счет добровольной сертификации лесопользования в соответствии с требованиями международных стандартов, создания регионального кластера, вовлекающего в процесс производства крупный, средний и малый бизнес на основе государственно-частного партнерства и эффективного использования лесного ресурса» (Киселева А. А. Кластерные основы и методический инструментарий конкурентного развития регионального лесопромышленного комплекса: Дис. ... канд. эконом. наук. Пермь, 2015. С. 24–25).

Применявшиеся методы исследования можно разделить на три основные группы: общенаучные, специальные исторические и междисциплинарные методы.

Общенаучные методы включают логический и системный методы. Логический метод использовался при анализе комплекса документов. Системный метод предполагал установление причинно-следственных связей между событиями и процессами, происходившими в лесной промышленности Советского Союза и его регионов, странах – лидерах в отрасли, рассмотрение лесопромышленного комплекса как целостной системы, имеющей взаимосвязи с отраслями экономики страны.

К числу применявшихся **специальных исторических методов** относим историко-генетический, историко-типологический, проблемно-хронологический, синхронный, диахронный, сравнительно-исторический, методы ретроспекции и актуализации. Историко-генетический метод позволяет последовательно раскрыть свойства и функции лесной промышленности в процессе ее исторической динамики. Основное назначение историко-типологического метода в работе – выявить сущность и направления модернизации отрасли. Он применялся при анализе государственной экономической и научно-технической политики и позволил выявить главную цель проводившихся преобразований – становление индустриально развитого лесопромышленного комплекса. Метод дал возможность раскрыть основные формы подготовки и повышения квалификации кадров в сложных условиях становления отрасли.

Проблемно-хронологический метод позволил выделить в истории лесопромышленного комплекса СССР отдельные проблемы и проанализировать их в хронологической последовательности от начального до завершающего этапа исследования. Проблемно-хронологический метод особенно эффективен при исследовании государственной политики по решению конкретных проблем развития лесной промышленности и позволяет выяснить, как формировались и реализовывались новые практики преодоления

сложных проблем отрасли. Диахронный и синхронный методы позволяют дать характеристику последовательности исторических явлений в изучаемый период и состоянии этих явлений в определенный момент времени.

Сравнительно-исторический метод находит применение при сравнении публикаций источников и архивных фондов, содержания источников личного происхождения и архивных материалов. Он позволил сопоставить направленность процессов механизации сферы заготовки лесных ресурсов, формирования новых отраслей (лесохимической, гидролизной, древоплитной, целлюлозно-бумажной и ряда других) в Советском Союзе, Европе и Северной Америке, выявить характерные черты и существенные отличия.

Историко-ретроспективный метод используется при определении причин трансформаций и проблем в развитии лесной промышленности. Метод актуализации применяется при формулировании направлений использования результатов исследования: освоение новых лесных массивов, трансфер технологий, подготовка кадров, сохранение поселенческой сети, развитие отечественного лесного машиностроения.

В работе были применены такие *междисциплинарные методы*, как статистический, моделирование, историко-социологический и биографический методы. Статистический метод позволил обработать и проанализировать количественные данные, характеризующие состояние материально-технической базы лесной промышленности, социально-профессиональных характеристик, оплаты труда работников отрасли.

Метод моделирования широко использован при составлении графиков, картосхем, иллюстрирующих динамику лесопромышленного производства и пространственное размещение предприятий. Метод применен при систематизации статистических показателей и выявлении динамики отдельных компонентов, видов продукции лесопромышленного комплекса, что позволяло сформулировать конкретные выводы за пределами созданной модели.

Историко-социологический метод используется для понимания сущности и роли социальных групп и их места в структуре системы в контексте их

трудовой и общественной нагрузки. Биографический метод является эффективным инструментом изучения повседневной жизни личности в микроисторическом аспекте и определения способов социально-политического и психологического выживания в условиях трансформации советского общества. Биографический метод позволяет понять, чем обуславливался выбор решений представителей разных социальных групп, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия людей, насколько были сильны и устойчивы внешние и внутренние импульсы.

Таким образом, исследование базируется на сочетании общенаучных, специально-исторических и междисциплинарных методов, использование которых было направлено на достижение поставленных задач.

Глава 2. Планирование и управление

2.1. Планирование основных отраслей

Лесные ресурсы в Советском государстве, несмотря на системный кризис и падение объемов промышленного производства в конце 1910-х – начале 1920-х гг., сохранили большое значение в качестве топлива, строительного материала и предмета экспорта. Высшие и региональные партийно-государственные органы, в первую очередь Центральной и Северо-Западной России, Европейского Севера, Поволжья и Урала, были озабочены необходимостью развития лесной отрасли, представленной: фабрично-заводской промышленностью в лесопилении, производстве фанеры, бумаги, картона; кустарными промыслами по заготовке леса, лесохимии, производству изделий из дерева.

Партийно-государственные и плановые органы при проектировании развития экономики страны во второй половине 1920-х гг. ориентировались в первую очередь на концепцию промышленного районирования немецкого экономиста и социолога А. Вебера, включающую факторы транспорта, рабочей силы и агломерации²⁰³. Немаловажным оставался и внешнеторговый фактор. Экспорт лесных ресурсов через порты на Балтийском и Белом морях превращался в один из крупных источников получения иностранной валюты.

Стартом политики Советского государства по освоению лесов северных и восточных районов страны следует считать высказывание В. И. Ленина о лесных ресурсах Европейского Севера, как «объекте, удобном для нас экономически», которые там «гниют, пропадают» из-за отсутствия возможностей их эксплуатации²⁰⁴, и план электрификации РСФСР, где были намечены общие контуры развития лесной промышленности, использования

²⁰³ Вебер А. Теория размещения промышленности: с приложением работы Шлира «Промышленность Германии с 1860 г.». Л.; М., 1926; Гольденберг Э. Теория промышленного районирования Альфреда Вебера // Плановое хозяйство. 1925. № 3.

²⁰⁴ Ленин В. И. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 42. М., 1970. С. 110–111.

древесных отходов для выработки электроэнергии. Авторы плана разграничивали районы размещения лесной промышленности в соответствии с конкретными задачами: экспорт древесины – побережья Белого моря, Финского залива, Северного Ледовитого океана и район нижнего течения р. Днепра; внутреннее потребление – р. Волга, Днепр, бассейн р. Оки и Северный Урал²⁰⁵.

Одним из направлений по развитию лесной промышленности страны стала концессионная политика²⁰⁶. За 1922–1927 гг. в Главный концессионный комитет поступили 112 заявок на получение лесных концессий (из общего количества 2211), в том числе 24 – в 1922 г., 34 – в 1923 г. Затем отмечалось постепенное сокращение числа предложений²⁰⁷. Семь заявок закончились заключением договоров (из общего количества 163)²⁰⁸. К июлю 1927 г. в рамках концессионных договоров в промышленность было вложено 58 млн. руб., в том числе в лесную отрасль – 15 млн. Несмотря на малый удельный вес концессий в стоимости валовой продукции советской промышленности, лесные концессии добились успехов в экспорте древесины (в разные годы 10–12 % его объема, а по европейской границе – около 20 %). Вопреки нараставшим проблемам (из-за изменений мировой конъюнктуры, малых размеров капиталов) намечалось дальнейшее развитие этой организационно-правовой формы экономической деятельности. Площадь концессионных лесов предполагалась в размере 17,2 млн. десятин²⁰⁹. Однако в начале реализации первого пятилетнего плана концессионная политика СССР была свернута. На закрытие лесных концессий²¹⁰ повлияли не только внутренние факторы (курс на индустриализацию; критика социальных, тарифных, финансовых сторон

²⁰⁵ План электрификации РСФСР. Доклад 8-му Съезду Советов государственной комиссии по электрификации России. 2-е изд. М., 1955. С. 175–179.

²⁰⁶ Базовые положения концессионной политики Советского государства были сформулированы в декрете СНК РСФСР от 23 ноября 1920 г. «Об основных экономических и юридических условиях концессий». В течение 1920-х гг. разработкой планов лесных концессий занимались подразделения ВСНХ, Госплана СССР, Народного комиссариата земледелия РСФСР.

²⁰⁷ Бутковский В. Иностраные концессии в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1928. С. 33, 43. В 1924 г. было подано 17 заявок, в 1925 г. – 15, в 1926 г. – 13, в 1927 г. – 9.

²⁰⁸ Бутковский В. Указ. соч. С. 57–60; Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1959 / гл. ред. С. Г. Струмилин. М., 1961. С. 103, 119, 122, 125.

²⁰⁹ Бутковский В. Указ. соч. С. 61–62, 87–89, 98–99, 110, 112.

²¹⁰ В 1928–1929 гг. прекратили деятельность «Руссоанглолес», «Руссо-Норвеголес», «Руссо-Голландолес», «Молога», в 1929 г. – «Двинолес», в 1930 г. – «Японский лесной синдикат», в 1933 г. – «Реполо-Вууд».

деятельности фирм), но и экономические (убыточность, снижение цен на лесные товары).

Развитие лесной отрасли в 1920-х – начале 1940-х гг. определялось в рамках нескольких проектов: плана государственной электрификации России, генеральных хозяйственных планов, пятилетних и оперативных планов. В данном параграфе проанализируем: первые отраслевые программы, подготовленные в середине 1920-х гг.; материалы партийных съездов и конференций; три пятилетних плана, принятых на XVI конференции (1929 г.), XVII (1934 г.) и XVIII (1939 г.) съездах ВКП(б); годовые планы. Это позволит выявить стратегические цели и задачи развития отрасли, выдвигавшиеся высшими органами в процессе проектирования и реализации программы индустриальных преобразований, роль отдельных компонентов лесной промышленности.

Середина 1920-х гг. была отмечена разработкой в Госплане РСФСР пятнадцатилетнего (до 1940/1941 г.) плана лесной промышленности. Б. И. Талевич, опубликовавший в связи с этим исследование и подразумевавший под лесной промышленностью сферу механической обработки древесины (в итоге сведя ее к лесопилению, носившему фабрично-заводской характер), акцентировал внимание на проблемах и путях развития отрасли, поскольку информационная база была недостаточной²¹¹. Перспективный план развития бумажной промышленности на 1925/1926–1929/1930 гг. был подготовлен Комиссией по новому строительству при Бюро съездов представителей бумажной промышленности при ВСНХ СССР, но являлся документом для внутреннего пользования (набран на печатной машинке). В нем определены темпы роста потребностей в бумаге и объемов ее производства, перечень объектов реконструкции и нового строительства. Положения авторов хорошо аргументированы, опираются на специальные исследования²¹².

²¹¹ Талевич Б. И. О генеральном плане развития лесной промышленности РСФСР с 1925/26 по 1940/41 г. М., 1927. С. 3–7.

²¹² Перспективный план развития бумажной промышленности...

Отражением разработки первого пятилетнего плана стало усиление внимания к вопросам лесного хозяйства и лесной промышленности. В выступлениях Г. М. Кржижановского²¹³, С. С. Лобова²¹⁴ на XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) говорилось об актуальности развития экспорта и удовлетворения внутренних потребностей страны в древесине²¹⁵. По итогам съезда было заявлено о планировании «мероприятий в области лесного хозяйства, особенно в части рационального ведения (лесомелиоративные, лесокультурные и лесоустроительные работы), в целях правильного и более полного использования лесных богатств страны»²¹⁶.

Определение перспектив лесной промышленности было связано с наличием ряда проблем. Во-первых, отмечался острый дефицит сведений о лесах и возможностях их промышленного освоения; во-вторых, имела место частичная зависимость страны от импорта древесной массы, целлюлозы и бумаги; в-третьих, на предприятиях использовалось изношенное оборудование, не хватало квалифицированных кадров, была слабо развита отечественная база лесного машиностроения. С. А. Бергавинов²¹⁷ в начале 1929 г., накануне принятия финальной версии первого пятилетнего плана, писал о необходимости устройства и обследования до половины лесной площади РСФСР (в первую очередь на Европейском Севере, Северо-Западе), развития сфер механической обработки и глубокой переработки древесины, что позволило бы нарастить экспорт лесных ресурсов и материалов. Он сравнивал леса Советского Союза с «урожаем», который «стоит веками и ждет жатвы»²¹⁸.

На XVI партийной конференции (апрель 1929 г.) Н. М. Анцелович²¹⁹ отметил важность «правильной эксплуатации лесного хозяйства». Однако

²¹³ Г. М. Кржижановский (1872–1959 гг.) – в 1925–1930 гг. первый председатель Госплана СССР.

²¹⁴ С. С. Лобов (1888–1937 гг.) – в 1926–1930 гг. председатель ВСНХ РСФСР; в 1930–1932 гг. заместитель народного комиссара снабжения СССР; в 1932–1936 гг. народный комиссар лесной промышленности СССР.

²¹⁵ XV съезд... С. 802–803, 938.

²¹⁶ Там же. С. 1298.

²¹⁷ С. А. Бергавинов (1899–1937 гг.) – в 1927–1928 гг. ответственный секретарь Архангельского губернского комитета ВКП(б); в 1929–1931 гг. ответственный, затем первый секретарь Северного краевого комитета партии.

²¹⁸ Бергавинов С. О лесе, лесной промышленности и лесном экспорте... С. 163.

²¹⁹ Н. М. Анцелович (1888–1952 гг.) – в 1923–1931 гг. председатель ЦК профсоюза работников леса и земли; в 1931–1934 гг. заместитель народного комиссара Рабоче-крестьянской инспекции СССР; в 1934–1935 гг. уполномоченный Комиссии советского контроля по Горьковскому краю, затем – по г. Ленинграду и

содержание этой идеи к концу 1920-х гг. кардинально изменилось – в сторону «интересов осуществления общего плана народного хозяйства». Предлагалось передать массивы промышленности и возложить на нее задачу восстановления лесов, организовать лесхозы. Отдаление районов заготовки древесины от населенных пунктов осложняло дальнейшую эксплуатацию массивов, обостряло кадровый вопрос. Поэтому, по мнению Н. М. Анцеловича, являлись актуальными механизация лесопромышленной деятельности, выпуск качественных инструментов, строительство дорог, отделение рубки от возки древесины, формирование постоянных рабочих кадров и сети поселков²²⁰.

Итогом V съезда Советов (20–28 мая 1929 г.) стало принятие *первого пятилетнего плана*. В лесной промышленности стартовали масштабные реформы. 20 июня 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) предложило СТО пересмотреть пятилетний план развития лесной отрасли и экспорта лесных ресурсов и материалов в сторону расширения (был одобрен 22 августа)²²¹. Планировалось обеспечить потребности внутреннего рынка и экспорта в древесине, осуществить лесоустройство в лесах промышленного значения и лесоэкономические обследования отдаленных лесных массивов, применять концентрированные рубки, увеличить площадь подсочки леса и добычу осмола. Намечалось организовать опытно-учебную и научную работу по изучению, эксплуатации, использованию лесов, начать механизацию и рационализацию во всех компонентах комплекса, обеспечить максимально полное использование древесины, увеличить выпуск инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих²²².

Планировалось увеличить (по оптимальному варианту) заготовку древесины с 142,5 млн. до 258,1 млн. фестметров (далее везде – ф. м), выпуск пиломатериалов – с 11,6 млн. до 42,5 млн. м³, бумаги и картона – с 316 тыс. до 900 тыс. т (см.: Приложение 1). Общая сумма вложений в лесную

Ленинградской области; в 1938–1940 гг. народный комиссар лесной промышленности СССР.

²²⁰ XVI конференция... С. 86–87.

²²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 745. Л. 4; Д. 754. Л. 3.

²²² Бедлинский С. В. Указ. соч. С. 4; Гацкевич В. А. Указ. соч. С. 10.

промышленность составляла 1219,8 млн. руб. (7,6 % от суммы инвестиций в промышленность ВСНХ; в «неизменных» ценах 1926/1927 г.). В РСФСР удельный вес инвестиций в эти отрасли равнялся 10,6 %, что было связано с проведением значительных объемов лесохозяйственных, лесозаготовительных, строительных и реконструктивных работ, в Белоруссии – 19,9 % (здесь лесная промышленность играла ведущую роль в экономике). Годовой объем вложений в сферы заготовки и механической обработки древесины возрастал с 45,7 млн. руб. в 1927/1928 г. до 296 млн. в конце пятилетки, в бумажную промышленность – с 43,6 млн. до 122 млн.²²³ Запланированные объемы были существенными, их достижение предполагалось за счет кардинальных реформ в лесной отрасли, усиления влияния центральных хозяйственных органов, роста внутренних потребностей в древесине.

Планировалось возвести 258 объектов на сумму 757 млн. руб. (плюс 65,8 млн., освоенных до начала периода) (в ценах 1926/1927 г.)²²⁴ (см.: Приложение 2, 3). Локализация на карте страны объектов нового строительства на первую пятилетку (см.: Приложение 4) позволяет сделать следующие выводы. В масштабах страны более высокими темпами должны были развиваться лесопильно-деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная отрасли, что соответствовало потребностям экономики на начальном этапе индустриализации. Каркас лесной промышленности должен был укрепиться за счет дальнейшего развития территорий Европейской части страны. Расширение происходило в северном, восточном и южном направлениях благодаря освоению лесных ресурсов, строительству предприятий. Приоритет лесопиления в районах перспективного экспорта и нового освоения лесов закладывал диспропорции в лесопромышленном комплексе.

Валовая продукция государственной лесозаготовительной и лесопильно-деревообрабатывающей промышленности должна была достигнуть (в ценах

²²³ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1... С. 204–205, 256–257; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С. 568–571, 581.

²²⁴ Объекты нового строительства... С. 5, 11–13, 15, 17–20, 22–23, 28–30, 32–40, 42–44, 47–49, 52–54, 56–57, 59–63, 65–72.

1926/1927 г.) в 1932/1933 г. 2803 млн. руб. по оптимальному варианту (увеличение почти на 2000 млн. руб. за первую пятилетку), в том числе по ВСНХ СССР – 1990 млн. (рост на 1500 млн. руб.), бумажной отрасли – 400 млн. руб. (увеличение на 250 млн. руб.). Доля лесной промышленности ВСНХ в стоимости валовой продукции всей промышленности ведомства, составлявшая в 1927/1928 г. 5,8 %, возрастала к концу пятилетнего плана до 7,8 %²²⁵. Рост производительности труда в сферах механической обработки и глубокой переработки древесины ВСНХ планировался в размере 85 % по отравному варианту и 110 % – по оптимальному²²⁶.

На XVII конференции ВКП(б), проходившей с 30 января по 4 февраля 1932 г., по вопросам развития лесной промышленности по итогам 1931 г. и на среднесрочную перспективу (вторую пятилетку) выступили народный комиссар лесной промышленности СССР С. С. Лобов, государственные и региональные деятели. В их выступлениях прослеживаются два противоречия: между Наркомлесом и Народным комиссариатом тяжелой промышленности (далее везде – НКТП) СССР, от которого зависело снабжение отрасли инструментами и оборудованием; между Наркомлесом и регионами, руководители которых отмечали недостаточное внимание ведомства к решению их проблем. Были компетентно расставлены акценты (в первую очередь, механизация и комплексное использование древесины). Экстенсивное освоение лесных ресурсов, особенно в северных и восточных районах страны, должно было происходить на фоне интенсификации сфер механической обработки и глубокой переработки древесины²²⁷.

В. В. Куйбышев²²⁸, говоря о достижениях страны в первой пятилетке с трибуны объединенного пленума ЦК и Центральной контрольной комиссии

²²⁵ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1... С. 54–55; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1... С. 88, 202–204, 208–211, 252–253, 366–367, 442–443, 480–481; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С.33.

²²⁶ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1... С. 96.

²²⁷ XVII конференция... С. 41–44.

²²⁸ Куйбышев В. В. (1888–1935 гг.) – в 1926–1930 гг. председатель ВСНХ СССР, в 1930–1934 гг. – председатель Госплана СССР, заместитель председателя СНК и СТО СССР, затем – первый заместитель председателя СНК и СТО СССР.

ВКП(б) в январе 1933 г., отметил две стороны развития лесной промышленности: небольшое невыполнение пятилетнего плана и высокие темпы ее роста. Куйбышев признавал, что продукции отрасли недостаточно для удовлетворения нужд страны, но достигнутые результаты связывал с двумя «техническими сдвигами»: механизацией сферы заготовки древесины и строительством крупных предприятий, в том числе комбинированных. Относительно целлюлозно-бумажной отрасли партийно-государственный деятель констатировал отставание машиностроительной базы и необходимость освоения выпуска «наиболее сложных бумажных машин»²²⁹. Взгляды руководителей Госплана и Наркомлеса противоречили друг другу. Лобову было важно рассказать о проблемах, чтобы добиться дополнительных капитальных вложений на механизацию, строительство предприятий. Куйбышев, не используя конкретных показателей, говорил о «высоких темпах» развития лесной промышленности.

На рубеже первой и второй пятилеток состоялись конференции по реконструкции лесной промышленности. Были сформулированы основные положения политики Советского государства в отношении лесов и лесопользования, но уделено мало внимания рефлексии результатов лесопромышленной деятельности за годы первой пятилетки, способов решения проблем. «Правильная» (в противовес опыту дореволюционного периода, Новой экономической политики, опыту стран Европы и Северной Америки) организация отрасли предполагала подстройку лесного хозяйства под направления развития лесной промышленности: концентрированные рубки на больших площадях, искусственное возобновление лесов, выращивание тех пород, которые смогут обеспечить наиболее интенсивный прирост древесины. Для определения перспектив освоения лесов предполагалось завершить их обследование, применяя аэрофотосъемку и статистический метод²³⁰.

²²⁹ Куйбышев В. Итоги борьбы за техническую реконструкцию народного хозяйства. 8 января 1933 г. // Материалы объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Январь 1933 г. Л., 1933. С. 64–95. 84–85.

²³⁰ Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Научно-исследовательская работа... С. 8; Труды I Всесоюзной конференции... С. 6, 10–11, 13–16.

Намеченные на конец 1937 г. масштабы лесопользования (см.: Приложение 5) впечатляют и заставляют задуматься о том, что же двигало докладчиками конференций, ведь уже в 1932 г. было ясно, что лесная промышленность не сможет достигнуть целевых показателей первого пятилетнего плана. Можно было сослаться на то, что в новой пятилетке увеличение вложений, механизация производственных процессов, освоение мощностей окажут сильное воздействие на отрасль. Но подобные цифры, а некоторые из них рассматривались в качестве минимальных, отражали в большей степени официальную позицию партийно-государственных органов об «успехах» первой пятилетки. Разработанный на конференциях план развития лесной промышленности был значительно проще по содержанию, чем первый пятилетний план, и с явным перекосом в сторону сферы заготовки древесины.

Актуальными следует признать предложения участников конференций об усиленном развитии деревообработки, что позволяло не только сделать шаг в решении проблемы использования отходов лесопиления, но и удовлетворять потребности населения и отраслей в разнообразных изделиях из дерева. Однако весомую часть технологий еще предполагалось разработать, внедрить и освоить. В резолюциях признавались дефицит финансовых ресурсов и актуальность применения наиболее простых методов ведения лесного хозяйства. То есть, какими бы благими не казались намерения партийно-государственных и хозяйственных органов в области лесного хозяйства, они, в конечном счете, работали на главную задачу лесной промышленности – возможно полное удовлетворение потребностей экономики и населения страны. Прослеживается сильная зависимость развития лесной промышленности от железнодорожного строительства. В случае невыполнения или сокращения планов по созданию транспортной инфраструктуры, особенно в северных и восточных районах Советского Союза, под угрозу ставилось достижение целевых показателей лесопользования.

На I Всесоюзной конференции по реконструкции лесной промышленности в 1933 г. были обозначены основные районы развития отрасли исходя из

необходимости приближения предприятий к сырью: север и северо-восток Европейской части СССР, Сибирь и Дальний Восток. Лесам Сибирского региона предполагалось уделить особое внимание как значимого компонента Урало-Кузбасского и Ангаро-Енисейского проектов. Намечалось расширение эксплуатации ценных массивов Северного Кавказа и Закавказья. Предприятия Центральной России, Поволжья и Урала должны были специализироваться на удовлетворении местных нужд, Украины и Белоруссии – на механической обработке и глубокой переработке древесины²³¹.

Позицию Госплана СССР касательно развития лесной промышленности на Советском Севере²³², дававшей к концу первой пятилетки 42,7 % общего объема заготовки древесины в стране и почти целиком обеспечивавшей лесной экспорт, сформулировали И. Капитонов и С. Славин. Они отмечали «наибольшую экономическую связь отдельных регионов Севера с более южно расположенными индустриальными районами и минимальные внутренние связи между экономическими районами Севера» с усилением их к западу страны и предлагали решение проблем освоения территории посредством выделения 6 экономических комплексов с конкретными специализациями. Ключевым принципом размещения и функционирования лесопромышленных (лесопромышленных и транспортных) узлов стала направленность на удовлетворение внутренних потребностей страны, экспорта (в том числе возможность изменить эту направленность в зависимости от конъюнктуры мирового лесного рынка). И. Капитонов и С. Славин ввели понятие маневренных лесопромышленных узлов²³³.

Архангельский, Игарский и ряд дальневосточных узлов должны были работать на экспорт; Обь-Иртышский комплекс и узел в устье р. Подкаменной

²³¹ Труды I Всесоюзной конференции... С. 5–6, 16–17.

²³² К Советскому Северу относили Кольский полуостров, Карельскую АССР, Северный Урал (севернее г. Надеждинск, Соликамск) и бывший Тобольский округ, Западную Сибирь (севернее района, охватываемого Урало-Кузнецким комбинатом, то есть часть бывших Томского и Тарского округов), Восточную Сибирь (севернее г. Черемхово и оз. Байкал), Якутскую АССР, Дальневосточный край (до Хабаровска, район севернее Уссурийской железной дороги и далее севернее 50-й параллели), Северный край в его административных границах.

²³³ Капитонов И. Указ. соч. С. 169, 171, 175.

Тунгуски становились маневренными узлами; Карелия, Котласский, Сыктывкарский, Енисейский и некоторые дальневосточные узлы, Якутский комплекс должны были удовлетворять внутренние потребности страны. Лесопромышленное значение имели планировавшиеся широтные железные дороги: Архангельск – Усть-Вашка, Коноша – Вельск – Котлас, Пинюг – Сыктывкар. Крупным инфраструктурным проектом должна была стать магистраль от Тайшета до Усть-Кута (или Киренска) с продлением ее до тихоокеанских портов Де-Кастри или Советской гавани. При этом И. Капитонов и С. Славин рассматривали новые железные дороги меридионального направления не как тупиковые ветки, а в качестве магистралей, «прорезывающих Сибирский путь в своем движении на юго-запад»²³⁴ (см.: Приложение 6). Новые узлы размещались на водных артериях, при условии пересечения их с железными дорогами из районов, которые они призваны были обслуживать. В результате на Советском Севере еще более укреплялись характерные для Европейского Севера и Урала железнодорожно-речная система (сетчатая – из-за пересечения рек железными дорогами) движения лесной продукции, линейно-ареальные формы территориальной концентрации населения.

И. Капитонов и С. Славин глубоко понимали направления пространственного размещения лесной промышленности на Советском Севере, который в среднесрочной перспективе превращался в основной лесопромышленный район, учитывавшие изменчивую конъюнктуру лесного рынка, особенно в связи с мировым экономическим кризисом, и увеличение внутренних потребностей в древесине. Использование экономистами при обосновании размещения лесной промышленности понятий «комплекс» и «узел» следует считать одной из первых попыток определить характер территориально-производственных структур в условиях индустриализации. Однако трактовка этих терминов не была представлена, и к разграничению их

²³⁴ Там же. С. 177–178.

содержания ученые вернулись в 1960–1970-х гг.²³⁵, когда потребовалось сформулировать сущность территориально-производственных комплексов и их место в структуре советской экономики.

Подготовка *второго пятилетнего плана* была связана с продолжительной и непростой дискуссией о необходимости корректирования объема инвестиций в промышленность из-за снижения темпов экономического роста²³⁶. Не была выполнена часть строительной программы (некоторые проекты были отклонены, завершение ряда других объектов «перешло» на вторую пятилетку). Анализ материалов XVII съезда ВКП(б) (конец января – первая декада февраля 1934 г.) выявил внешнюю удовлетворенность партийных и государственных деятелей решением об образовании самостоятельного Народного комиссариата лесной промышленности СССР. Как будто оставалось преодолеть только организационно-экономические и транспортные проблемы, и лесная промышленность превратится в индустриально развитую отрасль. В резолютивную часть съезда, принявшего второй пятилетний план, вошли положения об окончании сооружения и новом строительстве ряда производств²³⁷.

За первую пятилетку возросла заготовка древесины на 22,2 млн. ф. м (вместо 115,6 млн. по плану), производство пиломатериалов – на 12,8 млн. м³ (по плану – на 30,9 млн.), бумаги и картона – на 197 тыс. т (по плану – на 584 тыс.). Невыполнение плана не отменяло масштабных задач партийно-государственных органов по индустриализации страны. Во второй пятилетке предполагалось увеличить заготовку леса с 164,7 млн. до 277 млн. ф. м, выпуск пиломатериалов – с 24,4 млн. до 43 млн. м³, бумаги и картона – с 513 тыс. до 1125 тыс. т (см.: Приложение 1).

²³⁵ Закиров А. Некоторые проблемы формирования и развития лесопромышленных узлов // Лесной журнал. Известия высших учебных заведений. 1979. № 1. С. 112–113. Автор выстроил иерархию понятий, характеризующих структуру лесной промышленности, и обозначил два пути формирования «единого территориально-производственного комплекса» в отрасли (то, что очень близко по смыслу к понятию «лесопромышленный комплекс»): создание крупных предприятий – лесопромышленных комплексов и формирование, как их основы и вследствие длительного срока осуществления масштабных проектов, лесопромышленных узлов.

²³⁶ Дэвис Р. Вторая пятилетка... С. 97–98.

²³⁷ XVII съезд... С. 666.

Общий объем вложений в промышленность Наркомлеса СССР проектировался в 1933–1937 гг. в размере 3450 млн. руб. (в ценах 1933 г.), что составляло 5,3 % от инвестиций по основным промышленным народным комиссариатам. Снижение удельного веса вложений по сравнению с первой пятилеткой, несмотря на фактический рост (без учета инфляции), свидетельствовало о приорите машиностроения, металлургии, химии. Более половины средств направлялось на расширение и реконструкцию предприятий. Это было больше, чем в первой пятилетке (570 млн. руб., или 47 % от размера вложений), что вызывалось необходимостью оснащения производств новой техникой. Объем вложений в промышленность Наркомлеса возрастал с 414 млн. руб. в 1933 г. до 700 млн. в 1935 г. и до 900 млн. в 1937 г.

Объем капитальных вложений в лесное хозяйство равнялся 109 млн. руб., что было значительно меньше, чем в первой пятилетке (246,9 млн.), в том числе в связи с упрощением процедур по изучению лесов. Небольшими по сравнению с ведущими отраслями: металлургией, машиностроением, добычей угля – и рядом других компонентов экономики были вложения по Наркомлесу СССР в жилищное (492 млн. руб., 3,7 % от всего объема инвестиций), коммунальное (54 млн., 0,8 %) строительство, просвещение и здравоохранение (114 млн., 1,5 %), строительство по подготовке кадров (52 млн., 2,4 %), научных учреждений (55 млн., 5,5 %)²³⁸. Фактический размер вложений был больше, чем в годы первой пятилетки (чуть более 50 млн. руб.), и может быть увеличен с учетом осуществления лесопромышленной деятельности другими народными комиссариатами. Но он свидетельствовал о недостаточном внимании партийно-государственных и плановых органов к жилищному и социально-бытовому строительству по ведомству, испытывавшему проблемы с привлечением и закреплением трудовых ресурсов на предприятиях. С другой стороны, в сфере заготовки древесины большинство поселков возводилось из расчета сроков освоения лесных массивов, что давало повод экономить на инфраструктуре.

²³⁸ Второй пятилетний план... С. 163, 166–168, 288, 450–452, 718–720, 724–725.

Существенный рост вложений в промышленность Наркомлеса СССР в период второй пятилетки явился следствием политики партийных органов. И. В. Сталин в июле 1935 г. высказался против уменьшения инвестиций в некоторые отрасли, в числе которых оказались целлюлозно-бумажные предприятия²³⁹, что вызывалось спадом в 1932–1933 гг. и большими объемами незавершенного строительства. Рост вложений в новое строительство свидетельствовал о двух тенденциях: удорожании работ и увеличении мощности предприятий. Первая тенденция была связана с инфляционными процессами, увеличением расходов на приобретение оборудования, материалов, на формирование инфраструктуры, на заработную плату работников. Рост мощностей возводившихся предприятий являлся отражением продолжавшейся с первой пятилетки политики партийно-государственных, плановых и хозяйственных органов по концентрации производственных фондов в районах нахождения ресурсов и по комбинированию компонентов лесной промышленности. Второй пятилетний план в отношении пространственного размещения лесной промышленности предполагал дальнейшее повышение удельных весов Европейского Севера, Урала и Сибири за счет строительства большого числа лесопильно-деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных комбинатов²⁴⁰ (см.: Приложение 7).

За вторую пятилетку стоимость продукции лесопромышленного комплекса СССР увеличивалась с 3,18 млрд. руб. до 5,85 млрд. (в ценах 1926/1927 г.). Но удельный вес в показателе по промышленности снижался с 7,4 до 6,4 %. Стоимость валовой продукции Наркомлеса увеличивалась с 1,8 млрд. до 3,6 млрд. руб. (в ценах 1926/1927 г.). Предполагалось сохранение ведущей роли сфер заготовки и механической обработки лесных ресурсов при незначительном повышении значимости целлюлозно-бумажной и лесохимической отраслей. В то же время Советское государство создало такие условия развития лесного хозяйства и лесной промышленности, при которых

²³⁹ Дэвис Р. Вторая пятилетка... С. 103.

²⁴⁰ Второй пятилетний план... С. 580–581, 588, 607, 614, 627–637, 639.

доходность отрасли, призванной удовлетворять потребности страны в древесине, оставалась минимальной. При планируемой прибыли обобщественного хозяйства за 1933–1937 гг. в размере 72,9 млрд. руб. на Наркомлес приходилось только 0,2 млрд. (0,3 %) ²⁴¹. Такая ситуация складывалась в основном из-за отсутствия попенной платы с основных заготовителей, искусственного занижения цен на лесные материалы. Рост производительности в сфере заготовки лесных ресурсов Наркомлеса проектировался в размере 34 %, а с учетом транспортного (повышение доли сплава, удлинение расстояния возки) и ряда других факторов – около 60 %. Производительность труда рабочих фабрично-заводской промышленности увеличивалась на 60 % ²⁴².

Начало реализации *третьего пятилетнего плана* (1938–1942 гг.) совпало с серьезными проблемами в деятельности Наркомлеса СССР и лесной промышленности страны в целом. Объемы производства снизились (вывозка древесины, выпуск пиломатериалов) или стабилизировались (изготовление фанеры). На деятельности Наркомлеса отрицательно сказалась передача части лесозаготовительных и лесопильно-деревообрабатывающих предприятий в ведение ГУЛАГа НКВД СССР. На XVIII съезде ВКП(б), состоявшемся в марте 1939 г. о состоянии, проблемах и перспективах лесной промышленности говорилось немного ²⁴³. И это несмотря на пятилетний отрезок между съездами, за который отрасль имела ряд достижений. Основные положения о развитии отрасли были включены в резолюцию по докладу председателя СНК СССР В. М. Молотова и легли в основу нового пятилетнего плана.

За вторую пятилетку возросла заготовка древесины на 36,8 млн. ф. м (вместо 112,3 млн. по плану), производство пиломатериалов – на 4,4 млн. м³ (по плану – на 18,6 млн.), бумаги и картона – на 401 тыс. т (по плану – на 612 тыс.). Несмотря на очередное невыполнение пятилетки по основным видам продукции, в третьем пятилетнем плане увеличивалась заготовка леса с 201,5

²⁴¹ Там же. С. VIII–IX, 161–162, 453–454, 542, 686–689.

²⁴² Там же. С. 168–169, 358–359, 368–369, 518–520, 728.

²⁴³ XVIII съезд... С. 223, 259, 261, 389, 499, 560, 653, 655, 662–663.

млн. до 360 млн. ф. м, выпуск пиломатериалов – с 28,8 млн. до 45 млн. мЗ, бумаги и картона – с 914 тыс. до 1480 тыс. т (см.: Приложение 1). Достижение этих показателей связывалось с дальнейшим освоением мощностей предприятий и завершением строительства ряда важных объектов, эксплуатацией новых лесных массивов.

Произошло снижение объема вложений в промышленность Наркомлеса. Это было связано с передачей ряда строек в ведение НКВД СССР и милитаризацией экономики. С другой стороны, партийно-государственные органы стимулировали развитие отдельных компонентов (целлюлозно-бумажного, гидролизного, фанерного, картонного производств), в чьей продукции нуждались оборонные отрасли. Если на 1939 г. объем капитальных вложений определялся по Наркомлесу СССР в сумме 500 млн. руб.²⁴⁴, то на 1941 г. – 328 млн. руб. (плюс по Народному комиссариату целлюлозно-бумажной промышленности – 140,5 млн.). По сравнению с концом второй пятилетки, когда Наркомлесу выделялись более значительные средства, и с учетом инфляции размер капитальных вложений был недостаточным. В пользу этого свидетельствует и снижение удельного веса отрасли (1,2 %) в структуре инвестиций в народное хозяйство страны²⁴⁵.

Стоимость валовой продукции Наркомлеса СССР должна была увеличиться с 3035 млн. до 5500 млн. руб. (в ценах 1926/1927 г.), удельный вес ведомства в промышленности страны снижался незначительно – с 3,18 до 3,05 %²⁴⁶. Производительность труда должна была возрасти: в сфере заготовки древесины – на 68 %, в деревообработке – на 53 %, в лесохимии – на 56 %, в спичечной отрасли – на 21,9 %, в лесном и судовом машиностроении – на 52 % (в промышленности Советского Союза – на 65 %)²⁴⁷.

²⁴⁴ Заикин Н. И. Указ. соч. С. 71.

²⁴⁵ Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год... С. 483–487.

²⁴⁶ Третий пятилетний план... С. 201, 227. Данные по всему лесопромышленному комплексу не были опубликованы.

²⁴⁷ Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса... С. 6, 10–12; Третий пятилетний план... С. 57–58, 103–105, 110–111.

Целевые ориентиры третьего пятилетнего плана свидетельствовали, помимо внушительного роста объемов лесопромышленной деятельности в стране, о продолжавшемся с середины 1930-х гг. снижении роли Наркомлеса СССР в лесозаготовительной и лесопильно-деревообрабатывающей подотраслях, где результаты работы были наиболее слабыми. Усилили позиции народные комиссариаты внутренних дел, черной и цветной металлургии. Сохранили свою роль в заготовке и механической обработке древесины Народный комиссариат путей сообщения (далее везде – НКПС), региональные и местные учреждения и организации. Наркомлес лидировал в производстве фанеры клееной, мебели, спичек, целлюлозы, бумаги и картона. Благодаря механизации производственных процессов, доведению доли постоянных кадров до 65–70 % от общего числа рабочих, занятых в сфере заготовки древесины, лесная промышленность делала важный шаг на пути становления ее в качестве индустриальной отрасли. Но темпы роста капитальных вложений, стоимости валовой продукции отставали от аналогичных показателей по промышленности страны.

Итак, основным фактором планирования развития лесной промышленности СССР следует считать осознание руководителями партийно-государственных и плановых органов значимости отрасли в экономике страны, внешней торговли древесиной, необходимости освоения новых лесных массивов в северных и восточных районах, механизации лесопромышленной деятельности, строительства передовых предприятий. В относительно короткие сроки лесная промышленность органично вписалась в систему централизованной экономики и планирования.

В сфере заготовки древесины за 1927/1928 по 1932/1933 гг., эксплуатируемую лесную площадь государственных лесов планировалось увеличить в 1,23 раза (с 157,5 млн. до 193,1 млн. га). В лесное хозяйство страны планировалось направить за первую пятилетку 246,9 млн. руб., но доля РСФСР в этой цифре составляла только 70,6 %. Несоответствие долей Российской советской республики в лесопользовании и капитальных вложениях в лесное

хозяйство было вызвано низкими показателями съема древесины с 1 га эксплуатируемой лесной площади по сравнению с Белоруссией и Украиной. Наблюдалось также несоответствие между инвестициями в лесохозяйственную деятельность и доходом, который государство получало от лесопользования. Лесной доход (за вычетом эксплуатационных расходов на лесное хозяйство) в качестве источника «социалистического накопления» увеличивался с 210 млн. червонных руб. в 1927/1928 г. до 383 млн. в 1932/1933 г. (за пять лет – 1699 млн.), но его удельный вес в общей сумме накоплений падал с 5,3 до 4,4 %. В 1928/1929–1932/1933 гг. на научно-исследовательские работы в области лесного хозяйства планировалось потратить только 20,5 млн. руб. Такие планы в канун и первые годы индустриализации ставили лесную промышленность в неравное положение по отношению к другим отраслям экономики: роль и доходность становились приоритетными для партии и государства, а финансирование было недостаточным для осуществления поставленных задач.

В РСФСР в 1932/1933 г. площадь устроенных лесов должна была достигнуть 31,1 % ко всей лесной площади, обследованных – 38,2 %. Объем работ по искусственному лесовозобновлению планировался в размере 1,8 млн. га за пятилетие, из них 1,1 млн. – в РСФСР. Помимо этого на площади 7330 тыс. га (в том числе в РСФСР – 6000 тыс.) предполагалось осуществить мероприятия по уходу за лесом, на территории 460 тыс. га (в РСФСР – 300 тыс.) – мелиорацию лесов осушкой. Ключевыми направлениями лесоаграрной мелиорации являлись укрепление и облесение песков, оврагов, создание ветрозащитных и снегосборных полосных насаждений, снегозащитных насаждений вдоль железных дорог²⁴⁸. Согласно плану, формировалось рациональное лесное хозяйство и лесопользование, связанное как с исследованием, восстановлением лесов, так и повышением их доходности.

²⁴⁸ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1... С. 54; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1... С. 210, 350–352, 355, 357–359, 361, 363; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 2... С. 31; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С. 14.

По лесозаготовительной и лесопильно-деревообрабатывающей промышленности 30 % вложений направлялось (по оптимальному варианту) на освоение массивов и механизацию заготовки древесины (из 982 млн. руб. по ВСНХ)²⁴⁹. Объем заготовки древесины должен был увеличиться в 1,8 раза. Основным источником ресурсов являлись леса РСФСР, удельный вес остальных советских республик в заготовке древесины в первой пятилетке сокращался, рост фактических показателей был незначительным²⁵⁰.

Заготовка дровяной древесины для промышленно-технических нужд должна была увеличиться с 50,3 млн. м³ в 1927/1928 г. до 57,3 млн. в 1932/1933 г. по отправному варианту и до 58,5 млн. – по оптимальному варианту. Удельный вес дров в топливном балансе страны снижался с 17,6 до 11,4 % (по оптимальному варианту), но этот ресурс сохранял свою важность в качестве топлива для сферы производства. Разработчики первого пятилетнего плана признавали, что в связи с сильным истощением лесных массивов вблизи промышленных центров дрова не могли рассматриваться как основной источник топлива, но отмечали продолжение заготовок дровяной древесины вплоть до перерубов расчетных лесосек. Это не требовало значительных капитальных вложений, но куда сложнее было их освоить, поскольку строительство большого числа специализированных дорог и подъездных путей для освоения лесных массивов считалось экономически нецелесообразным. Единственным регионом, где объемы заготовки дровяной древесины за первую пятилетку увеличивались, являлся Урал²⁵¹. Это обуславливалось использованием леса для переработки его на древесный уголь на нужды металлургии. Хотя и здесь освоение лесных массивов требовало развития инфраструктуры (см.: Приложение 8).

Наркомлес СССР планировал в годы второй пятилетки большой объем работ по исследованию лесов, результатом которого должна была стать полная

²⁴⁹ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1... С. 55; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1... С. 77, 82–83, 86, 204–205, 256–257.

²⁵⁰ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1... С. 54.

²⁵¹ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1... С. 33, 52, 67; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1... С. 88, 117, 141–142, 180, 182, 185, 359.

изученность лесного фонда ведомства к концу 1937 г. Однако в структуре видов деятельности преобладающими направлениями являлись аэро- и фотосъемка и обследования. Искусственное возобновление лесов намечалось на площади 141,5 тыс. га. Большую площадь планировалось охватить искусственным облесением в лесокультурной зоне (в бассейнах р. Волги, Днепра, Дона)²⁵². Вывозка деловой древесины должна была возрасти с 99,4 млн. м³ в 1932 г. до 170 млн. в 1937 г. Среди основных заготовителей по фактическим показателям вывозки делового леса лидировал Наркомлес²⁵³. В вывозке дров основной прирост приходился на Наркомлес и самозаготовителей (разные учреждения и организации регионального и местного уровня, сюда, скорее всего, включен и ГУЛАГ). Удельный вес дров в топливном балансе промышленно-технической группы потребителей продолжал снижаться (в 1937 г. – 9,6 %) за счет усиления работ по добыче местного топлива (торфа, сланцев), каменного угля, нефти²⁵⁴.

По плану второй пятилетки по Наркомлесу СССР механизированная заготовка древесины возрастала с 1 до 16,4 %, разделка – с 20 до 62,7 %, вывозка – с 4,4 до 28,3 %, транспорт леса по механизированным и рационализированным дорогам – с 21,3 до 62,9 % в общем объеме заготовки. За счет этого немного уменьшалась потребность в гужевой тяге. В фактических показателях механизированная вывозка увеличивалась до 45,6 млн. м³, рационализированная – до 55,7 млн.²⁵⁵ Столь высокие показатели механизации должны были отражать не только становление отраслевого машиностроения, но и успешное освоение новой техники. Удельный вес сплавного леса в общем объеме вывозки увеличивался за пять лет с 60 до 70 %, что свидетельствовало о еще большем развитии этого наиболее доступного и дешевого способа транспорта древесины. Механизация сплоточных работ возрастала с 20 % на 1

²⁵² Второй пятилетний план... С. 166.

²⁵³ Помимо него к основным заготовителям относились народные комиссариаты тяжелой промышленности и путей сообщения, Всекопромлесоюз.

²⁵⁴ Второй пятилетний план... С. 115, 162, 258, 459–461, 478, 647–648.

²⁵⁵ Там же. С. 53, 162–163.

января 1933 г. до 63 % к концу 1937 г., погрузки – с 25 до 45 %, разгрузки – с 40 до 68 %. Это направление подкреплялось существенными инвестициями²⁵⁶.

Разработка проектов создания на р. Волге и Каме (район «Большой Волги») каскада гидроэлектростанций обусловила повышение интереса специалистов к перспективам лесопромышленной деятельности. Планировалось, что потребность в деловой древесине в центральной, северо-западной, северной частях России, на Урале возрастет к 1937 г. до 64,7 млн. ф. м (в 1932 г. – 39 млн.), к 1947 г. – до 111 млн. Крупнейшими потребителями были Уральская область, Горьковский край, Московская область и Северный край. Потребность регионов «Большой Волги» в дровах возрастала за 1933–1947 гг. с 46,9 млн. ф. м до 83,6 млн, в пиломатериалах – с 7,4 млн. ф. м в 1932 г. до 16,2 млн. в 1937 г. и до 29,2 млн. в 1947 г.²⁵⁷ В обеспечении лесными ресурсами и материалами этого района возрастала роль Северного, Горьковского краев, Уральской области.

По третьему пятилетнему плану вывозка древесины должна была достигнуть показателя 360 млн. м³ (в том числе по Наркомлесу СССР – 154,7 млн.), деловой – 200 млн. (по Наркомлесу – 102,2 млн.) (см.: Приложение 1). Предполагалось расширить масштабы круглогодичной заготовки леса, создать на биржах запасы древесины естественной сушки. Около 45 % леса по-прежнему использовалось в качестве топлива. Удельный вес дров в топливном балансе страны по плану третьей пятилетки продолжал постепенно снижаться (с 13,5 до 12,6 % за 1938–1942 гг.), в основном за счет роста объемов добычи нефти, торфа²⁵⁸. Удельный вес РСФСР в вывозке лесных ресурсов в стране увеличивался (с 91,64 до 95,78 %). Намечались комплексная механизация производственных процессов на основе газогенераторов и паровых двигателей, сооружение рельсовых дорог облегченного типа с применением паровозов, тракторов и мотовозов, декавильных путей. Механизированная вывозка

²⁵⁶ Там же. С. 162–163.

²⁵⁷ Закандин В. Указ. соч. С. 19–22.

²⁵⁸ Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса... С. 6, 10–12; Третий пятилетний план... С. 44–45, 57, 93, 222.

древесины по Наркомлесу СССР должна была увеличиться за 1938–1942 гг. до 100 млн. м³ и составить 62,5 % к общему объему вывозки. В 1942 г. планировалось довести производство газогенераторных грузовых машин до 75 тыс. единиц, гусеничных тракторов – до 20 тыс., перевести на твердое топливо транспортный парк, создать сеть газогенераторных и паровых установок в сфере заготовки леса²⁵⁹.

В сфере механической обработки древесины (лесопильно-деревообрабатывающая, фанерная и мебельная отрасли) основной действующий капитал составлял на 1 октября 1925 г. 127 млн. руб. (из них 114 млн. – дореволюционные фонды). Удельный вес отрасли в капитале промышленности Советского Союза (по группам А и Б) равнялся 1,6 %. За три года капитал возрос до 235 млн. руб., доля дореволюционных фондов снизилась до 40 %. Темпы вложений в сферу механической обработки древесины были выше показателей по промышленности СССР. Согласно окончательной версии первого пятилетнего плана, предполагалось направить в лесопильно-деревообрабатывающую отрасль 703 млн. руб. капитальных вложений, довести стоимость основного капитала к 1 октября 1933 г. до 938 млн. руб., где дореволюционные фонды должны были составлять только 10,1 %. Сфера механической обработки древесины должна была кардинально обновиться в технико-экономическом отношении. Доля отрасли в инвестициях в промышленность страны за пять лет равнялась 5,9 %, а в основном капитале в конце первой пятилетки должна была составить 4,3 %²⁶⁰.

Производство пиломатериалов планировалось увеличить за 1927/1928–1932/1933 гг. с 11,6 млн. м³ до 32,8 млн. по отравному варианту и до 42,5 млн. м³ – по оптимальному варианту. Темпы развития сферы механической обработки древесины были выше по сравнению с заготовкой и глубокой переработкой лесных ресурсов. Предполагалось возвести 224 предприятия: 112 лесопильных заводов, 74 деревообрабатывающих предприятия, 24 фанерных

²⁵⁹ Третий пятилетний план... С. 38–39, 57, 144, 211–212.

²⁶⁰ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1... С. 55; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1... С. 77, 82–83, 86, 204–205, 256–257.

завода, 5 мебельных и 9 спичечных фабрик²⁶¹. В 1927/1928 г. наибольший объем продукции механической обработки древесины выпускался в Ленинградской области, на Европейском Севере и в Нижнем Поволжье. К концу первой пятилетки только предприятия Европейского Севера (включая Карелию) и Нижнего Поволжья должны были производить около 50 % продукции лесопиления и деревообработки в стране. В Северо-Восточном районе, на Урале и Дальнем Востоке намечалось комбинировать лесопиление с целлюлозно-бумажной отраслью, а также с лесохимией (главным образом, в Уральском регионе). В Нижнем Поволжье предполагалось развивать деревообработку, в частности направление по выпуску стенных и строительных плит из древесных отходов. По мнению разработчиков плана, такие варианты комбинирования должны были обеспечить «наивысшую рентабельность».

При подготовке второго пятилетнего плана были выработаны конкретные действия по развитию лесопиления, которые подразумевали также отбор предприятий, лучше оснащенных в техническом плане и обеспеченных сырьем (и соответственно ликвидацию части производств, не удовлетворявших данным критериям), обновление оборудования, организацию подразделений по выпуску изделий из дерева, утилизации отходов²⁶². Были названы новые виды производств, позволявшие усилить деревообработку в структуре лесопромышленного комплекса. Среди них следует отметить детали для вагоностроения, щиты для мебели, карандашную дощечку, шингл (кровельный материал) и экцельсиор (набивочный материал). Реализация этих направлений позволяла комбинировать лесопиление, деревообработку и ряд других отраслей, выпускать товары-заменители, удовлетворять внутренние потребности страны и увеличить экспорт изделий из дерева. Важной задачей было повышение удельного веса облагороженной продукции (высушенной, выстроганной и полностью готовой для применения в домостроении) во всем

²⁶¹ Объекты нового строительства... С. 5, 11–13, 15, 17–20, 22–23, 28–30, 32–40, 42–44, 47–49, 52–54, 56–57, 59–63, 65–72.

²⁶² Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Реконструкция существующих предприятий... С. 4, 7.

объеме работы лесопильно-деревообрабатывающей отрасли²⁶³. Слабым местом была мебельная отрасль. Считалось, что проблему можно решить расширением масштабов нового строительства как в ведущих промышленных центрах (Донбасс, Москва, Ленинград, Киев), так и в новых индустриальных районах (Урал, Западная Сибирь, Казахстан, Нижнее Поволжье). Ключевым принципом размещения мебельных производств являлось приближение их к основным пунктам потребления, но в тесной связи с лесопильными заводами, леспромхозами, базами снабжения деталями.

В 1932 г. производственная мощность фанерных предприятий, включая почти достроенные Муромский и Калужский заводы, составляла 600 тыс. м³, тогда как план на 1932 г. намечал выпуск 466 тыс. м³ продукции. Данная ситуация была вызвана истощением сырьевых баз. Развитие отрасли должно было происходить на основе выпуска ценных видов фанеры (венированной, армированной и других) и комбинирования с деревообрабатывающими предприятиями, освоения сухой горячей и холодной клейки (заводы «Пламя», Костромской, «Новатор») и выпуска ольховой фанеры увеличенного формата (заводы «Везувий», «Днепр»)²⁶⁴.

В лесопильно-деревообрабатывающей промышленности Наркомлеса предполагалось осуществить строительство 100 объектов (из этого количества сооружение 34 предприятий велось с первой пятилетки) стоимостью 714 млн. руб. (в ценах 1933 г.). Это было в два раза больше (если сравнивать в текущих ценах) по сравнению с программой первой пятилетки. Предполагалось за счет нового строительства развивать лесопиление в Северном (туда направлялась почти четверть вложений), Дальневосточном, Восточносибирском краях, Уральской области; деревообработку – в Горьковском и Сталинградском краях, Уральской области; фанерную отрасль – в Северном и Горьковском краях,

²⁶³ Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Новые производства... С. 3–4.

²⁶⁴ Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Реконструкция существующих предприятий... С. 11–13, 15–16; Труды I Всесоюзной конференции... С. 39–42.

Уральской области; производство мебели – в Уральской и Московской областях, Украинской ССР, Западносибирском и Восточносибирском краях²⁶⁵.

Производство пиломатериалов намечалось увеличить за 1933–1937 гг. с 24,41 млн. до 43 млн. м³. Финальный показатель почти не отличался от цифр первой пятилетки. По сути, это была вторая попытка достичь крупных результатов в лесопилении. Из 18,59 млн. м³, составлявших прирост в выпуске пиломатериалов за 1933–1937 гг., 11,59 млн. приходилось на предприятия, которые достраивались или были сданы, но мощности их еще слабо освоены, 7 млн. – на новые производства. На ведущее лесопромышленное ведомство – Наркомлес СССР – возлагалась задача увеличить выпуск пиломатериалов с 15,4 млн. до 28,5 млн. м³ и повысить свой удельный вес в лесопилении с 63,1 до 66,3 %. Производство пиломатериалов Союзлеспромтяжем НКТП, Всесоюзным объединением лесной промышленности и лесного хозяйства НКПС, Главлесхозом и Всекопромлесоюзом возрастало с 6,16 млн. до 8,75 млн. м³, подсобными предприятиями других ведомств и мелкими цехами – с 2,85 млн. до 5,75 млн. м³ ²⁶⁶. В фанерной отрасли предполагалось строительство 12 заводов общей мощностью 400 тыс. м³ фанеры клееной, из которых 6 вводились в строй и в 1937 г. должны были выпустить 140 тыс. м³ этого товара. Общая выработка фанеры увеличивалась до 735 тыс. м³. Ведущим производителем являлся Наркомлес. Помимо этого, намечался значительный рост объемов производства тары, пиленой и радиальной клепки.

В третьей пятилетке производство пиломатериалов предполагалось довести до 45 млн. м³ (по Наркомлесу СССР – до 30 млн.), фанеры – до 1000 тыс. м³, спичек – до 14 млн. ящиков. Изготовление мебели увеличивалось за третью пятилетку: предприятиями Наркомлеса – с 271 млн. до 550 млн. руб. (в ценах 1926/1927 г.), промысловой кооперацией – с 497 млн. до 1070 млн. руб. (в ценах 1932 г.) (см.: Приложение 1). В решениях XVIII съезда ВКП(б) нашел отражение возврат к тренду на сооружение средних и малых предприятий. В

²⁶⁵ Второй пятилетний план... С. 627–637.

²⁶⁶ Там же. С. 163–165, 459–461.

частности, структура лесопильных заводов усложнялась за счет деревообрабатывающих, сушильных подразделений для более полного использования древесины. В производстве пиломатериалов за третью пятилетку возрастали удельные веса Урала (с 7,43 до 8,89 %), Дальнего Востока (с 3,47 до 7,11 %). Доли Европейского Севера и Западной Сибири незначительно колебались, а в Восточной Сибири намечалось падение удельного веса с 8,68 до 7,33 %. Немного (с 49,1 до 44,9 %) снижалась роль районов Европейской части СССР.

В фанерной отрасли намечалось строительство 12 крупных заводов, доведение общей мощности предприятий до 833 тыс. м³, расширение производства венированной, армированной, бакелитовой фанеры, столярных плит. Планировалось завершить возведение 15 основных деревообрабатывающих предприятий, начать строительство новых объектов, мебельных предприятий и мастерских в северных и восточных районах страны. Предполагалось переоборудовать спичечные фабрики под производство фанеры, а также достроить Тавдинский фанерный завод, лесопильный завод в п. Советской гавани²⁶⁷.

Целлюлозно-бумажная и лесохимическая отрасли. На 1 октября 1925 г. основной действующий капитал в бумажной отрасли составлял 121 млн. (из них 106 млн. – дореволюционный капитал). Удельный вес отрасли в капитале промышленности Советского Союза (по группам А и Б) равнялся 1,5 %. За три года капитал увеличился до 200 млн. руб., из которых 45 % приходилось на дореволюционные капиталы. В бумажную отрасль за первую пятилетку планировалось вложить 248,3 млн. руб. К 1 октября 1933 г. ее фонды должны были стоить 448,3 млн. руб., из которых 20,1 % приходился на дореволюционный капитал. Доля бумажной отрасли в инвестициях в промышленность страны за пять лет равнялась 2 %, а в основном капитале в конце первой пятилетки должна была составить 2,1 %. При этом среди отраслей группы Б (производство предметов потребления) только бумажная отрасль за

²⁶⁷ Третий пятилетний план... С. 57–58, 119–120, 130, 144, 208–209, 215.

годы реализации первого пятилетнего плана должна была увеличить свою долю²⁶⁸. Более крупные вложения в лесозаготовительную и лесопильно-деревообрабатывающую отрасли в связи с ростом потребностей экономики и населения в их продукции привели к снижению доли бумажной отрасли в общем объеме инвестиций в лесную промышленность.

Часть продукции глубокой переработки древесины приходилось импортировать. Поэтому в годы первой пятилетки планировалось развивать новые направления, например производство целлюлозы и бумаги из камыша (в Узбекистане) и крафт-целлюлозы, а из нее – мешков для упаковки цемента (в Карелии и на Урале). В целом намечалось построить 28 предприятий. В плане получила развитие установка партийно-государственных и хозяйственных органов на комбинирование предприятий²⁶⁹. Производство целлюлозы должно было увеличиться с 134 тыс. до 325 тыс. т, древесной массы – с 165 тыс. до 352 тыс. т. Предполагалось, что к концу первого пятилетнего плана Советский Союз сможет перестать импортировать бумагу и полуфабрикаты для ее изготовления. Норма потребления бумаги на одного жителя страны должна была составить 4,9 кг (см.: Приложение 1).

Для определения наиболее оптимальных проектов строительства целлюлозно-бумажных комбинатов в Главлесбуме ВСНХ СССР в середине 1928 г. была создана комиссия Научно-технического совета бумажной промышленности. В ее состав вошли А. А. Никитина (председатель), Ф. Ф. Боброва, Л. А. Бутылкина, П. М. Горбунова. В течение полутора месяцев планировалось экспертизу четырех конкурирующих проектов, предложенных региональными органами власти и трестами: Усть-Сысольского (Коми область), Котласского, Камского (западнее г. Перми) и Тавдинского²⁷⁰.

В частности, анализ проекта Тавдинского комбината выявил, что наличие в районе его размещения судоходной р. Тавды, впадающей в Тобол и Иртыш,

²⁶⁸ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1... С. 55; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1... С. 77, 82–83, 86, 204–205, 256–257.

²⁶⁹ Объекты нового строительства... С. 5, 11–13, 15, 17–20, 22–23, 28–30, 32–40, 42–44, 47–49, 52–54, 56–57, 59–63, 65–72.

²⁷⁰ РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1. Д. 85. Л. 34, 56.

позволяла снабжать предприятие сырьем и отправлять железнодорожно-водным путем продукцию в Сибирь и Среднюю Азию. В перспективе намечалось проложить железную дорогу от п. Тавды²⁷¹ до г. Тобольска. Малонаселенный район обуславливал потребность в завозе рабочей силы, ее обустройстве и продовольственном обеспечении. В этом отношении Тавдинский, Котласский и Усть-Сысольский ЦБК находились почти в равных условиях. Но п. Тавда был более удален от основных районов потребления целлюлозно-бумажной продукции и находился в более суровых климатических условиях²⁷². Все предприятия располагались в районах (Европейский Север, Урал), перспективных с точки зрения развития лесной промышленности, но отдаленных от основных районов потребления ее продукции. Главными критериями экспертизы проектов являлись наличие лесных ресурсов, сплавных путей, железных дорог, рабочей силы, жилищная и продовольственная ситуация. Но случай с Усть-Сысольским ЦБК показал, что даже отсутствие железной дороги до ориентировочного района размещения предприятия не стало фактором отклонения проекта.

За первую пятилетку в лесохимическую отрасль Советского Союза планировалось направить 61,1 млн. руб. по отправному варианту, 72,7 млн. – по оптимальному (около 6 % всех инвестиций в группу А химической промышленности), тогда как в 1927/1928 г. вложения составляли только 1,8 млн. руб.²⁷³ По сути, эта отрасль создавалась почти с нуля, на основе многочисленных кустарных промыслов.

При разработке второго пятилетнего плана основными задачами целлюлозно-бумажной отрасли виделись: удовлетворение потребностей населения и экономики страны, в том числе новых потребителей (цементной и химической отраслей, сельского хозяйства, предприятий по выпуску минеральных удобрений, искусственного волокна); освоение и внедрение

²⁷¹ Тупиковая ветка от г. Екатеринбурга через ст. Егоршино до ст. Тавды была построена в годы Первой мировой войны.

²⁷² РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1. Д. 86. Л. 93об., 97, 102–102об.

²⁷³ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1... С. 88, 117, 141–142, 180, 182, 185, 359.

новых методов производства; разработка и введение технологических приемов изготовления полуфабрикатов; улучшение качества производимой бумаги в соответствии с ее целевым назначением и при уменьшении ее плотности; освоение новых и недревесных видов сырья²⁷⁴.

Новое строительство представлялось ключевым способом развития отрасли, поскольку сырьевая база в западных районах страны, где было сосредоточено около 60 % производства бумаги, как и ресурс для реконструкции предприятий, были в значительной степени исчерпаны. Основным типом предприятия назывались мощные и сверхмощные комбинаты (аналогичные действовавшему Балахнинскому и строившемуся Камскому ЦБК, а также проектировавшимся комбинатам на р. Чулыме и Енисее), точки нахождения – в районах концентрации древесины при пересечении железнодорожных линий с водными артериями²⁷⁵. К 1937 г. планировалось довести объемы производства бумаги до 1,8–2 млн. т (при потребности, вычисленной сектором культуры Госплана СССР и Научно-техническим обществом, в 3 млн. т), картона – до 300 тыс. т, товарной целлюлозы – до 500 тыс. т. Прирост по отдельным видам продукции равнялся от 3 до 35–50 раз. Для достижения этих показателей предполагалось задействовать разные виды сырья: древесину (оставалась приоритетным сырьем), макулатуру, тряпье, однолетние растения, солому и новые материалы (лен-кудряш, полумасса из луба, тутовое дерево, целлюлоза их хлопковой шелухи, отходы текстильных предприятий и другие)²⁷⁶. Намечалось разграничение функций предприятий: комбинаты должны были специализироваться на изготовлении отдельных сортов бумаги, а целлюлозные заводы – осуществлять выпуск товарной

²⁷⁴ Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Задачи бумажной... С. 3–4; Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Реконструкция действующих предприятий... С. 3, 5.

²⁷⁵ Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Реконструкция действующих предприятий... С. 8, 10–11.

²⁷⁶ К примеру, в начале 1930-х гг. было выявлено, что при обработке чия щелочным способом можно получить высокий выход целлюлозы, качественно превосходящий целлюлозу, получаемую из соломы, хлебных злаков и других травянистых растений. Для окончательного решения о производстве целлюлозы из чия требовались дополнительные фабричные и лабораторные опыты. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-303. Оп. 1-1. Д. 75. Л. 4.

продукции. Предприятия, перерабатывавшие древесину, должны были строиться на Урале, в Сибири и Северном крае, недревесные и новые виды сырья – в безлесных и малолесных регионах (Украина, Северный Кавказ, Средняя Азия), макулатуру – вблизи крупных городов²⁷⁷.

Лесохимию, базировавшуюся на кустарных промыслах, планировалось превратить в индустриальную отрасль и значительно расширить ассортимент ее продукции. Развитие отрасли лимитировались низким уровнем научно-исследовательских работ, и важными задачами становились создание института с филиалами, организация машиностроения и профессионального образования. Планировалось рационализировать углежжение – для максимально полного использования отходящих продуктов. Важной задачей становилось развитие брикетирования древесного угля (для замены жидкого топлива твердым, применения в металлургии)²⁷⁸. В районах, испытывавших дефицит топлива, выпуск брикетов мог существенно улучшить работу промышленных и энергетических объектов, транспорта.

В целлюлозно-бумажной отрасли предполагалось завершить два объекта, начатых в первой пятилетке, продолжить расширение трех действовавших комбинатов и возвести с нуля 17 предприятий. Стоимость нового строительства оценивалась в 985 млн. руб. (в два с половиной раза больше, чем в первой пятилетке). То есть партийно-государственные, плановые и хозяйственные органы по-прежнему делали ставку, несмотря на предыдущие неудачи, на развитие сферы глубокой переработки леса. Однако большинство новых предприятий должно было войти в строй только в третьей пятилетке. Предполагалось за счет нового строительства активно развивать целлюлозно-бумажную промышленность в Уральской области (23 % вложений), Горьковском крае (19 %), Карелии и Северном крае (почти по 10 % у каждой территории). Значительное внимание уделялось лесохимии. Планировалось

²⁷⁷ Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Реконструкция действующих предприятий... С. 8–11; Труды I Всесоюзной конференции... С. 6–8, 49–50, 52.

²⁷⁸ Труды I Всесоюзной конференции... С. 44–48.

завершить и осуществлять сооружение 25 объектов (4 из них были начаты в первой пятилетке) и освоить новые виды продукции, в том числе оборонного назначения. Намечалось за счет нового строительства развивать отрасль в Уральской области (25 % вложений), Башкирии и Горьковском крае (почти по 15 % у каждой территории)²⁷⁹.

Во второй пятилетке, как и в первой, проектировался значительный рост объемов производства бумаги (до 1000 тыс. т) и картона (до 125 тыс. т). Ведущим производителем этих товаров являлся Наркомлес СССР. Из 1 млн. т бумаги, который должен был выпускаться в стране в 1937 г., 650 тыс. давали действовавшие предприятия (при условии реконструкции), 350 тыс. – возведенные в годы второй пятилетки. Осуществление планов в сфере строительства должно было ликвидировать дефицит целлюлозы и древесной массы. Лесохимия все более развивалась в направлении индустриализации. Намечался существенный рост добычи живицы (за 1933–1937 гг. с 36,3 тыс. до 67 тыс. т), выпуска уксусной кислоты (с 2,7 тыс. до 12,3 тыс. т), канифоли (с 24,3 тыс. до 64 тыс. т) и древесных брикетов (в 1937 г. – 96 тыс. т)²⁸⁰.

Согласно третьему пятилетнему плану, производство бумаги намечалось довести до 1300 тыс. т (см.: Приложение 1). Ассортимент продукции расширялся за счет беленых и облагороженных сортов целлюлозы, бурого древесного картона, фибры, изоляционной бумаги для микаленты, специальной тонкой печатной бумаги, бумажной тары, многослойного картона и других товаров. Лесохимия, помимо добычи живицы, использования продуктов газификации лесных ресурсов и углежжения, должна была освоить выпуск заменителей твердых пород дерева и некоторых металлов: химически обработанной прессованной древесины, древесных пластмасс, древесноволокнистых строительных и изоляционных плит. Увеличивалось производство этилового спирта. Предполагалось ввести в строй 12 предприятий, начатых в первой и второй пятилетках, сооружать новые

²⁷⁹ Второй пятилетний план... С. 627–637.

²⁸⁰ Там же. С. 167–168, 459–461.

гидролизные и сульфитно-спиртовые заводы²⁸¹. То есть сфера глубокой переработки древесины, по мере реализации планов, могла все более удовлетворять потребности населения и промышленности страны.

В конце 1930-х гг. тема производства брикетов вновь стала актуальной, в том числе в связи с дефицитом жидкого горючего, переводом транспорта на газогенераторы и освоением отдаленных районов. Было выявлено, что изготовление брикетов из древесноугольной мелочи, лесных и растительных отходов актуально и экономически выгодно по сравнению с жидким топливом для применения на транспорте и отчасти – для бытовых и промышленных нужд²⁸².

Транспортная система. Большое значение для развития лесной промышленности имело создание транспортной инфраструктуры. По первому пятилетнему плану (по оптимальному варианту) удельный вес дров и леса в структуре грузоперевозок железнодорожным транспортом сохранялся на уровне 18–19 %, доля леса в структуре перевозок речным транспортом – около 70 %. Схема движения лесных грузов включала следующие направления: 1. Из Вятского района и Урала по р. Волге в Поволжье, Донбасс, Центрально-Черноземную область, Крым, Северокавказский край и Закавказье. 2. Из южной части Северного края путем прокладки дороги Кострома – Галич – Котлас (или Пинюг) – Усть-Сысольск в Центрально-промышленный район. 3. Из Сибири и Урала благодаря строительству Туркестано-Сибирской, Енисейской и Орск-Актюбинской железных дорог в Среднюю Азию. Недостаточно были разрешены вопросы снабжения юго-западной Украины, испытывавшей дефицит леса из-за истощения лесных массивов Западного района и Белоруссии²⁸³.

Большая роль в освоении новых лесных массивов отводилась железнодорожному строительству. 27–28 июля 1928 г. на внеочередном

²⁸¹ Зиновьев В. В. Указ. соч. С. 15; Индустриализация СССР. 1938–1941... С. 73–74; Третий пятилетний план... С. 57–58, 119–120, 130, 144, 208–209, 215.

²⁸² Левицкий Я. Брикетное производство в СССР // Плановое хозяйство. 1939. № 7. С. 53–55.

²⁸³ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1... С. 67.

заседании Московского районного комитета по регулированию перевозок были сформулированы ключевые критерии строительства ширококолейных железных дорог для освоения лесных массивов: рентабельность и высокое значение для лесного экспорта или снабжения древесиной Центральной промышленной области. На этом основании считалось целесообразным построить в первой пятилетке на Европейском Севере участки линий Пинюг – Усть-Сысольск, которая прорезала лесной массив с крупными запасами сосновых насаждений, и Коноша – Вельск для экспорта лесных ресурсов через Ленинградский порт. Сооружение линии Котлас – Сорока из соображений только вывоза древесины не считалось актуальной задачей²⁸⁴.

Железнодорожное строительство с целью освоения новых массивов увязывалось также со сплавом древесины по основным рекам Урала и Сибири. Так, ввод в эксплуатацию линии Тавда – Тобольск позволил бы собирать с бассейна р. Иртыша, Тавды, Тобола и Вагая около 2,5 млн. м³ леса ежегодно; Татарская – Нарым – до 3,5 млн. м³ (с бассейна р. Оби); Ачинск – р. Енисей – до 5 млн. м³ (с бассейна р. Енисея и Ангары). Крупные перспективы сулили железные дороги на Сорока – Котлас – Усть-Сысольск с продолжением до бассейна р. Оби, Хабаровск – Советская Гавань и Амур – Де-Кастри²⁸⁵.

Согласно материалам I Всесоюзной конференции по реконструкции лесной промышленности в 1933 г., сплав древесины должен был достигнуть 65 % от всего объема заготовки²⁸⁶. На вторую пятилетку в планах Советского государства оставалось сооружение широтной железнодорожной магистрали от Тихого океана до Балтийского моря, пролежавшей по лесным массивам северных и восточных районов. Предполагалось сдать ряд участков, в том числе Тайшет – Ангара, который позволял начать освоение лесов в Восточной Сибири. В перечень железных дорог, связанных с освоением массивов, вошли пять объектов: Пинюг – Сыктывкар, Коноша – Вельск в Северном крае; Яр – Фосфориты, Ижевск – Балезино в Горьковском крае; Томск – Чулым в

²⁸⁴ РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1. Д. 85. Л. 9–9об.

²⁸⁵ Эссен А. Основы генерального плана народного хозяйства СССР. М.; Л., 1930. С. 76.

²⁸⁶ Труды I Всесоюзной конференции... С. 30–33, 54–55, 58.

Западносибирском крае. Лесные ресурсы сохраняли свое значение в железнодорожных (рост за 1933–1937 гг. с 46,3 млн. до 64 млн. т) и водных (увеличение с 6,7 млн. до 11,8 млн. т) перевозках, хотя их удельный вес немного снижался²⁸⁷.

В перечне мероприятий третьего пятилетнего плана по улучшению перевозок грузов внутри страны значились прекращение вывоза древесины из Сибири в Европейскую часть Советского Союза, из нее – в Среднюю Азию (эта функция оставалась за Сибирью), из северных и центральных районов – в Украину, Крым и на Кавказ, существенное сокращение транспорта пиловочника по железным дорогам. Несмотря на это, объем транспорта дров должен был возрасти с 19,3 млн. до 28 млн. т, лесных материалов – с 46,9 млн. до 72 млн. т. Удельный вес древесины в структуре железнодорожных перевозок повышался с 12,8 до 13,5 %. В два раза (с 10,6 млрд. до 20,5 млрд. т/км) увеличивался транспорт древесины в плотках (за счет развития лесной промышленности и ликвидации молевого сплава на судоходных реках)²⁸⁸.

Специалисты Госплана СССР выделяли ряд актуальных проектов железнодорожного строительства для перевозки древесины из северных районов Европейской части страны в центральные и южные: укладка вторых путей на линии Данилов – Архангельск (на момент публикации статьи этот проект осуществлялся); сооружение вторых путей на линии Котельнич – Горький, моста через р. Оку в г. Горьком и дороги Горький – Мичуринск (это позволяло достичь сокращения расстояния транспорта леса из Вятско-Уральского района в Центральную Россию); строительство линий Тавда – Белогорье с ответвлением на Тобольск, Пермь – Соликамск – Печора²⁸⁹. Крупные проекты предполагались многофункциональными, хотя лес занимал в их структуре грузоперевозок основные позиции.

²⁸⁷ Второй пятилетний план... С. 115, 162, 258, 459–461, 478, 647–648.

²⁸⁸ Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса... С. 6, 10–12; Третий пятилетний план... С. 44–45, 57, 93, 222.

²⁸⁹ Либин И. Рационализация размещения железнодорожной сети Союза ССР // Плановое хозяйство. 1939. № 2. С. 121–122, 127–128.

Нерациональное размещение лесопромышленных предприятий и дальние и встречные перевозки лесных ресурсов и материалов считались следствием ошибок в планировании развития отрасли именно в районном разрезе, наличия более 50 лесозаготовителей, действовавших в сугубо ведомственных интересах. Так, Украинская ССР получала круглый лес из 41 района страны, отправляла в 29. Из малолесной Воронежской области круглый лес вывозился в 9 регионов, в том числе в далекую Таджикскую ССР²⁹⁰.

Экономический совет при СНК СССР 17 мая 1939 г. принял постановление «О ликвидации нерациональных перевозок леса», запретив транспорт древесины из Сибири в Европейскую часть страны, объем которого в 1937 г. достиг 800 тыс. т, годом позже – 1170 тыс. Запрещались также перевозки лесных ресурсов и материалов из Европейской части Советского Союза в Среднюю Азию, из районов Северо-запада – в Поволжье и на Кавказ. За 1932–1938 гг. средняя дальность перевозок леса по железным дорогам увеличилась с 681 до 1055 км. Рационализация схемы транспорта древесины повышала роль Урала в снабжении Поволжья и Кавказа, тогда как в 1938 г. в юго-западную часть Украины было отправлено 1400 тыс. т – большая цифра для столь протяженного маршрута²⁹¹. В связи с этим специалисты Госплана занялись переформатированием схемы межрайонных перевозок круглого леса²⁹². Ряд перспективных предложений (о перевозках готовой продукции и полуфабрикатов, о рациональном использовании лесов водоохранной зоны и местного значения) не успели реализовать из-за начавшейся Великой Отечественной войны и из-за деятельности народных комиссариатов, потреблявших крупные объемы древесины, в разных районах страны. Напротив, создание системы меридиональных железных дорог не могло претендовать на статус приоритетного проекта и требовало более глубокой проработки.

План на 1941 г. содержал сведения о гидрографии сплава лесных ресурсов, объем которого определялся в размере 94,08 млн. м³ (в том числе 72,2 млн. – по

²⁹⁰ Коробов А. Районный разрез народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1939. № 1. С. 63–64.

²⁹¹ Галицкий А. Грузооборот железных дорог в третьем пятилетии // Плановое хозяйство. 1939. № 6. С. 114–116.

²⁹² Комаров А. О развитии железнодорожной сети Поволжья // Плановое хозяйство. 1939. № 5. С. 112, 119.

Наркомлесу, 16,2 млн. – по НКВД СССР). Наиболее значимыми для транспорта древесины бассейнами рек являлись (по Наркомлесу и НКВД СССР) Северо-Двинский (пуск сырья в объеме около 8 млн. м³), Северо-Западный (около 15 млн.), Днепро-Двинский (более 5 млн.), Верхне-Волжский (около 9 млн.), Камский (7,5 млн.), Обь-Иртышский (9,5 млн.), Ангара-Енисейский (около 7 млн.)²⁹³. Почти все крупнейшие реки страны с основными притоками были задействованы для сплава леса.

Таким образом, партийно-государственные, плановые органы возлагали на лесную отрасль Советского Союза важные задачи по лесоустройству, освоению новых лесных массивов, строительству и модернизации предприятий, внедрению новой техники и технологий, увеличению объемов заготовки, механической обработки и глубокой переработки лесных ресурсов, развитию отраслевого машиностроения, науки и образования, формированию транспортной, жилищной и социально-бытовой инфраструктуры. Намечалось внутриотраслевое и межотраслевое комбинирование, укрепление каркаса отрасли и его расширение за счет включения в хозяйственный оборот лесов Европейского Севера, Вятского района, Урала, Закавказья, Сибири и Дальнего Востока, размещения новых предприятий ближе к лесным массивам и морским портам. Лесопромышленный комплекс нуждался в значительных инвестициях. Отсюда постоянное внимание партийно-государственных органов к проблемам развития отрасли и одобрение многих масштабных проектов, хотя и реализовывавшихся продолжительное время, с большими трудностями.

Первой пятилеткой была обозначена задача превращения лесной промышленности в индустриальную отрасль при уменьшении удельного веса значительного числа деревообрабатывающих мастерских и промыслов по изготовлению изделий из дерева, мебели и лесохимических продуктов. Проще данная задача решалась в носивших индустриальный характер фанерной и целлюлозно-бумажной отраслях. Здесь проблемы заключались в размещении производств в западных районах страны, их небольших размерах и слабом

²⁹³ Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год... С. 141–142, 450, 454.

уровне комбинирования. Достижение многих параметров по строительству предприятий, объему производства продукции лимитировалось недостаточными капитальными вложениями, осуществлением реформы лесного хозяйства и лесной промышленности, организацией хозяйственных структур в сфере лесопромышленной деятельности в составе Высшего совета народного хозяйства (самостоятельный Народный комиссариат лесной промышленности союзного значения был создан в начале 1932 г.).

Вторым пятилетним планом предусматривалось финансирование лесопромышленного комплекса на уровне, достаточном для продолжения изучения, устройства и освоения новых лесных массивов, реализации многих проектов по реконструкции и строительству предприятий. В северных и восточных регионах, за исключением Дальнего Востока, должен был строиться крупный целлюлозно-бумажный комбинат (в ряде случаев – несколько), представлявший собой высокотехнологичное индустриальное производство, способное стать «точкой роста» региональной экономики и подтянуть менее развитые сферы заготовки и механической обработки древесины.

Анализ материалов годовых планов²⁹⁴ показал, что в начале второй пятилетки в функционировании лесной промышленности имелись трудности в увеличении объемов добычи древесины и производства продукции. В 1934–1936 гг. отрасль стала развиваться более динамично благодаря росту капитальных вложений, освоению мощностей действовавших предприятий, реконструкции и строительству новых производств. В этот период имелись все шансы для достижения или приближения к показателям, установленным вторым пятилетним планом для 1937 г. В плане на 1936 г. в адрес Наркомлеса звучала похвала за впервые выполненное годовое задание. Отставание от

²⁹⁴ Контрольные цифры промышленности на 1929/30 г... С. 10–11, 19–20, 32–39, 40–55, 92–93, 136–139; Народнохозяйственный план на 1935 год... С. 14, 18–19, 22, 165, 167–171, 173–174, 213, 219–220, 309, 443, 445, 451, 460–461, 463–466, 475, 477, 480, 484, 504–505, 520–521, 525, 527–533, 553, 556–557, 560–561, 568–569, 573, 636–637, 639, 658; Народнохозяйственный план на 1936 год... С. 21–22, 150–156, 189, 200, 269, 276–279, 289, 395–396, 404, 406–408, 424–427, 478–479, 506–507, 510–511, 521, 524–527, 529, 534; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год... С. 13–15, 17, 42–49, 56–61, 94–99; Народнохозяйственный план СССР на 1931 год... С. 17, 31, 93–95, 104–109, 117–118, 137, 250–251, 253, 256–257, 273; О плане по промышленности Наркомлеса СССР на 1938 год... С. 3.

плановых показателей имелось только в сфере заготовки древесины. Причиной улучшения работы ведомства и лесной промышленности страны в целом были экономические, технические и мотивационные факторы. Началось активное оснащение предприятий сферы заготовки леса механизмами и техникой, положительное влияние оказали отмена карточной системы на товары, повышение зарплаты, развертывание стахановского движения и других форм соревнования. Удовлетворенные в целом итогами работы Наркомлеса и лесной промышленности партийно-государственные органы ставили более масштабные, нежели в 1935 г., задачи. План на 1936 г. намечал достижение и превышение показателей, определенных второй пятилеткой для этого года (см.: Приложение 9, 10, 11). Несмотря на крупные результаты (относительно первой пятилетки), большинство целевых показателей второго пятилетнего плана не было достигнуто, часть проектов предприятий и новых направлений не реализована.

За три года третьей пятилетки (1938–1940 гг.) развитие лесопромышленного комплекса было противоречивым. Негативно на его функционировании отразились массовые репрессии 1937–1938 гг., сокращение капитальных вложений в связи с милитаризацией экономики. С другой стороны, партийно-государственные органы стимулировали развитие отдельных компонентов лесной промышленности (целлюлозно-бумажного, гидролизного, фанерного, картонного производств), в чьей продукции нуждались оборонные отрасли (см.: Приложение 12).

К несомненным достоинствам первых планов следует отнести комплексную проработку вопросов развития лесного комплекса, в том числе с учетом мнений региональных властей. Прослеживалась тесная взаимосвязь экономических интересов государства с необходимостью обеспечения высоких темпов роста объемов заготовки, механической обработки и глубокой переработки древесины. И все это – в контексте грандиозных проектов по строительству предприятий и железных дорог, нередко плохо обоснованных, нецелесообразных и трудновыполнимых. Содержание документов, в целом

пронизанное идеями заботы о лесах страны, рационального лесопользования, вступало в противоречие с действительным состоянием лесных массивов, размещением производственных мощностей, изменением роли лесных ресурсов в экономической, в том числе экспортной, политике государства.

В годовых планах хорошо просматриваются попытки партийно-государственных, плановых органов скорректировать развитие лесной промышленности с учетом фактических показателей предыдущих лет, состояния строительства предприятий, необходимости сокращения разрыва между текущими объемами лесопромышленной деятельности и ориентирами пятилетних планов. Поэтому в случае невыполнения годового задания отрасль подвергалась жесткой критике, а при превышении следовало существенное увеличение показателей.

2.2. Планирование развития региональных лесопромышленных комплексов

По плану первой пятилетки общая сумма капитальных вложений в лесную промышленность составляла 1219,8 млн. руб. Среди административно-территориальных единиц значительные суммы направлялись в Северный край (273,2 млн. руб., или 22,4 % от вложений в лесную промышленность страны), Уральскую (135,6 млн., 11,1 %) и Ленинградскую (111,8 млн., 9,2 %) области, Центрально-промышленный район (97,9 млн., 8 %). Далее шла группа территорий, где доля вложений в лесную, деревообрабатывающую и бумажную промышленность в общем объеме инвестиций в эти отрасли в стране составляла 4,5–6 % (Вятский район, Нижневолжский, Северокавказский, Сибирский и Дальневосточный края). Высокий удельный вес вложений в лесную, деревообрабатывающую и бумажную отрасли в структуре инвестиций в промышленность ВСНХ отмечался в Северном крае – 273,2 млн. руб. из 299,8 млн. (91,1 %). С другой стороны, в небольших административно-территориальных единицах, где имелись значительные запасы лесных ресурсов,

выгодное географическое положение, лесная промышленность становилась ведущей отраслью, даже при внешне небольших инвестициях. Так, в Карелии из 48,6 млн. руб. вложений в промышленность ВСНХ в лесную, деревообрабатывающую и бумажную отрасли направлялось 35,6 млн. (73,3 %), в Вятском районе из 142,9 млн. – 72,4 млн. (50,7 %), в Чувашии из 21 млн. руб. – 14 млн. (66,7 %). В территориях с развитой и развивавшейся металлургией, машиностроением, добычей ресурсов, энергетикой, химией доля вложений в лесную промышленность при ее значимости в экономике была менее 15 % (Ленинградская область, Центрально-промышленный район, Уральская область, Сибирский край). В то же время лесная промышленность получала развитие в ряде окраинных административных единиц РСФСР и советских республик – Башкирии, Казахстане, Бурятии, Киргизии, Узбекистане²⁹⁵ (см.: Приложение 3).

Общая сумма капитальных вложений в новое строительство составляла 743,1 млн. руб. (в ценах 1926/1927 г.). Наибольшая их часть приходилась на РСФСР²⁹⁶. Комплексное развитие подотраслей лесной промышленности в связи с новым строительством должно было происходить в Северном крае (хотя деревообработка получала немного средств), Карелии, Ленинградской области, Центрально-промышленном и Вятском районах, Уральской области, Сибирском и Дальневосточном краях. В Западной области, Башкирии, Татарстане, Чувашии, Среднем и Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе, в Бурятии и в Украинской, Белорусской и Закавказской советских республиках развивались преимущественно лесопиление и деревообработка.

Наибольшее количество новыхстроек, в том числе крупных комбинатов, предполагалось в Центрально-промышленном районе (23 объекта на сумму 86,1 млн. руб., включая освоенные до начала пятилетки средства), Белоруссии (22 объекта на сумму 43,1 млн.), Нижневолжском крае (10 объектов стоимостью 40 млн. руб.), Вятском районе (17 объектов стоимостью 47,9 млн.), Закавказской

²⁹⁵ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С. 568–571, 581.

²⁹⁶ Там же. С. 575, 577, 579.

союзной республике (35 объектов на сумму 45,8 млн.), Уральской области (19 объектов на сумму 132 млн.), Ленинградской области (6 объектов стоимостью 62 млн.), Северном крае (32 объекта стоимостью 174,4 млн.), Сибирском (21 объект на сумму 37,1 млн.) и Дальневосточном (28 объектов стоимостью 38,3 млн. руб.) краях²⁹⁷. Ведущими центрами лесной промышленности становились п. Правдинск в Центрально-промышленном районе, где возводился комплекс предприятий по глубокой переработке древесины, г. Архангельск (строились крупнейшие в стране лесопильные заводы, проектировались производства по глубокой переработке лесных ресурсов), п. Тавда в Уральской области (лесопромышленные предприятия, комбинированные с металлургией), район у р. Камы западнее г. Перми, где намечалось сооружение крупного целлюлозно-бумажного комбината и лесопильного завода.

На конференции по реконструкции лесной промышленности в 1933 г. были охарактеризованы основные лесопромышленные районы. Впечатляют гигантские целевые показатели 1937 г., достижение которых предполагало 2–3-кратный рост заготовки древесины, выпуска пиломатериалов и бумаги и товарной целлюлозы по сравнению с 1932 г. (см.: Приложение 5). Ведущей административно-территориальной единицей признавался Северный край. Развитие отрасли строилось на принципах формирования промышленных узлов (Котлас, Сыктывкар), освоения лесных массивов в бассейнах основных рек (Мезень, Печора), на побережье Белого моря и в ряде других районов. Но эти задачи могли быть достигнуты только благодаря строительству железных дорог и сооружению вторых путей на линиях Архангельск – Вологда и Котлас – Вятка. Немаловажной задачей считалось соединение р. Камы и Печоры для транспорта древесины в районы Средней и Нижней Волги.

Карелия являлась также одной из перспективных территорий в плане развития лесной промышленности. Небольшая территория республики, располагавшая крупными энергетическими, лесными ресурсами,

²⁹⁷ Объекты нового строительства... С. 5, 11–13, 15, 17–20, 22–23, 28–30, 32–40, 42–44, 47–49, 52–54, 56–57, 59–63, 65–72.

благоприятными транспортными условиями, близкая к Ленинградскому промышленному узлу, позволяла реализовать задачу по увеличению объемов заготовки древесины до 27 млн. м³. Лесопиление, деревообработка и целлюлозно-бумажное производство также получали развитие, но в более скромных масштабах. В Ленинградской области планировалось освоить крупные массивы на северо-востоке, усилить деревообработку, целлюлозно-бумажную и лесохимическую отрасли. Область, являясь крупным потребителем топлива и экспортером лесных ресурсов и материалов, оставалась зависимой от поставок древесины из других районов страны.

В Нижегородском крае, лесная промышленность которого ориентировалась на удовлетворение внутренних нужд и потребностей соседних территорий, намечалось освоить лесные массивы северо-восточной части. Мощное развитие получала деревообработка. Более взвешенный и осторожный подход к лесопользованию касался Северного Кавказа и Закавказской советской республики. В связи с большой почвозащитной и водоохраной ролью лесов этого горного приморского района планировалось применять выборочные и приисковые (для ценных пород) рубки. Высокая ценность древесины обуславливала приоритетное развитие деревообработки.

Представления о развитии лесной промышленности на Урале по-прежнему опирались на проект Урало-Кузнецкого комбината. Рост внутренних потребностей в лесных ресурсах и материалах стимулировал строительство новых мощных комбинатов по механической обработке и глубокой переработке древесины. Часть древесины должна была вывозиться и сплавляться в Европейскую часть страны. Урал становился вторым (после Северного края) районом с развитой лесной промышленностью. В Западносибирском крае намечалось развивать лесопильную, фанерную отрасли. Были планы по возведению целлюлозно-бумажных комбинатов.

Развитие лесной промышленности в Восточносибирском крае связывалось в первую очередь с сооружением железной дороги в бассейне р. Ангары, где имелись неосвоенные запасы лесных ресурсов. Лесная промышленность

региона к концу второй пятилетки должна была удовлетворять потребности Кузбасса, Средней Азии, железнодорожного строительства и экспорта Северным морским путем. На Дальнем Востоке основными задачами отрасли были обеспечение внутренних нужд края и развитие экспорта²⁹⁸.

Предусматривался кардинальный сдвиг в размещении лесопромышленного комплекса в северном и восточном направлениях. В основных лесных районах (Европейский Север и Северо-Запад, Волго-Вятский район, Кавказ, Урал, Сибирь и Дальний Восток) к 1937 г. должно было заготавливаться 86 % древесины, выпускаться 83,6 % пиломатериалов, 100 % бумаги и товарной целлюлозы. Ощущается дисбаланс между относительно конкретными планами по развитию лесной промышленности на Европейском Севере и Северо-Западе, Урале и размытыми формулировками касательно Сибири и Дальнего Востока. Это обусловлено состоянием сведений о лесах и более активной деятельностью региональных властей, которые связывали с отраслью планы индустриализации территории и межотраслевых коопераций.

Согласно второму пятилетнему плану, в сфере заготовки леса ведущими территориями становились Свердловская область, Северный, Горьковский, Западносибирский, Восточносибирский и Дальневосточный края. Их суммарный удельный вес в стране повышался с 46,8 % в 1932 г. до 57,1 % в 1937 г. Высокие темпы развития сферы заготовки древесины предполагались в Северокавказском и Азово-Черноморском краях, Якутской автономной советской социалистической республике (далее везде – АССР) и Закавказской союзной республике, хотя фактические показатели были незначительными²⁹⁹. Во второй пятилетке продолжалось повышение удельных весов ряда регионов в лесопилении: Европейского Севера – с 16 до 17,8 %, Урала – с 6,2 до 7,7 %, Сибири и Дальнего Востока – с 10,5 до 16 %³⁰⁰.

Наибольшие объемы вложений предусматривались в сфере механической обработки древесины в Северном крае (11 объектов стоимостью 128 млн. руб.),

²⁹⁸ Труды I Всесоюзной конференции... С. 18–26.

²⁹⁹ Второй пятилетний план... С. 115, 162, 258, 459–461, 478, 647–648.

³⁰⁰ Там же. С. 163–165, 459–461.

Свердловской области (8 предприятий на сумму 49,2 млн. руб.), Горьковском (9 объектов на сумму 79 млн.), Западносибирском (7 объектов стоимостью 53,2 млн.), Восточносибирском (9 объектов на сумму 62,4 млн.) и Дальневосточном краях (8 объектов стоимостью 70,5 млн. руб.). Крупные мощности целлюлозно-бумажной отрасли размещались в Северном крае, Карелии, Ленинградской области, Горьковском крае, Свердловской области, Башкирский АССР, Западносибирском и Восточносибирском краях. Партийно-государственные, плановые и хозяйственные органы не отказывались от замыслов по строительству целлюлозно-бумажных предприятий в Подмосковье, в Сибири, Украинской, Закавказской и среднеазиатских союзных республиках, где проекты первой пятилетки не были реализованы. Ряд районов (Белоруссия, Северный Кавказ, Дальний Восток) не фигурировал во втором пятилетнем плане. Однако каркас целлюлозно-бумажной отрасли составляли функционировавшие комбинаты и стройки Европейского Севера, Северо-запада, Волго-Вятского района и Урала. Основные средства в новое строительство в лесохимии направлялись в Свердловскую область, Горьковский край, Башкирскую АССР, Сталинградский и Западносибирский края.

За вторую пятилетку ряд административно-территориальных единиц (например, Автономная Карельская республика, Уральская область³⁰¹, Чувашская и Башкирская автономные республики, Западносибирский и Восточносибирский края) должен был получить значительные вложения в новое строительство по сравнению с первым пятилетним планом и еще более упрочить свои позиции лесопромышленной деятельности, несмотря на уменьшение числа крупных строек³⁰². Хорошо видно перераспределение планировавшихся средств в пользу Европейского Севера, Урала, Сибири, Центральной России. По первому пятилетнему плану на первом месте был Северный край, на втором – Центрально-промышленный район (включая Нижегородский край и Чувашию), на третьем – Уральская область. По плану

³⁰¹ В 1934 г. разделена на Свердловскую, Обско-Иртышскую и Челябинскую области.

³⁰² Второй пятилетний план... С. 627–637.

второй пятилетки лидером по вложениям в новое строительство являлась Уральская область, на втором месте располагался Центрально-промышленный район, на третьем – Сибирь (в составе Западносибирского и Восточносибирского краев).

К ведущим центрам, формировавшимся с первой пятилетки и развивавшимся во второй (п. Правдинск, Тавда, г. Архангельск), должны были добавиться г. Котлас (возводились лесной комбинат, фанерный завод и мебельная фабрика) и Сыктывкар (сооружались лесной и целлюлозно-бумажный комбинаты, лесопильный, фанерный и канифольно-экстракционный заводы) в Северном крае, п. Сегежа в Карелии (строились лесной и целлюлозно-бумажный комбинаты), п. Краснокамск в Уральской области (сооружались целлюлозно-бумажный комбинат, бумажная фабрика), г. Сталинград (лесопильные предприятия, завод гидролиза древесины и пропиточный завод), г. Уфа (лесной и целлюлозно-бумажный комбинаты, мебельная фабрика, завод бумагоделательных машин).

В третьем пятилетнем плане ставка была сделана на развитие сферы глубокой переработки древесины (в первую очередь, целлюлозно-бумажной отрасли и гидролиза древесины) на Европейском Севере, в Волго-Вятском районе, на Урале и в Сибири. Значительных изменений в пространственном размещении лесопиления не предполагалось. В 1942 г. 39,2 % вывезенной древесины должно было приходиться на Европейский Север, 9 % – на Урал, 13,3 % – на Сибирь, 6,1 % – на Дальний Восток³⁰³.

Согласно первым пятилетним планам, лесная промышленность регионов должна была развиваться в сторону комбинирования подотраслей с целью максимально полного использования сырья и получения экономического эффекта и удовлетворять внутренние потребности и экспорт. В результате в районах с крупными запасами древесины формировались мощные региональные лесопромышленные комплексы. В качестве оснований для их выделения и важнейших характеристик следует отметить: степень

³⁰³ Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса... С. 9.

комплексности лесопользования (комбинированный, полукombинированный, сырьевой компоненты модели); ориентацию на внутренний или внешний рынок (экспортный, экспортно-внутренний и внутренний компоненты). В качестве примеров выбраны Европейский Север (включая Карелию), Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Европейский Север. Лесной отрасли отводилась значимая роль в развитии территории. Большие объемы насаждений, возможность дешевого способа транспорта древесины – сплавом по многим рекам и озерам, наличие лесопильных предприятий и портов, позволявших обрабатывать и экспортировать лесные ресурсы и материалы, привлекали внимание государственных и региональных партийно-государственных органов. Удельный вес лесной промышленности в экономике губерний был высоким.

Козырями секретаря Архангельского губкома ВКП(б) С. А. Бергавинова являлись крупные запасы древесины и возможность строительства новых лесопильных предприятий, ориентированных на экспорт, вложения в которые можно было окупить за один год работы. Партийный деятель настаивал также на сооружении предприятий по глубокой переработке древесины, оперируя близостью региона к внешним рынкам, куда предлагалось направлять целлюлозу, и необходимостью использования древесных отходов³⁰⁴. На XVI партийной конференции (апрель 1929 г.) Бергавинов вновь связывал развитие Северного края³⁰⁵ с лесной промышленностью и лесным экспортом. Однако высказал опасение о возможном срыве намеченных планов, прежде всего из-за слабой связи отрасли с проектами в области водного и железнодорожного транспорта. Он выступил за еще более высокие темпы развития лесной промышленности в Северном крае, чем предусматривалось в первом пятилетнем плане, и выдвинул идею децентрализации «в некоторой степени» руководства лесопромышленным комплексом, что позволило бы эффективнее

³⁰⁴ XV съезд... С. 815–818.

³⁰⁵ Образован в начале 1929 г. в составе Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Коми автономной области.

управлять строительством и реконструкцией предприятий³⁰⁶. Индустриализация отрасли, осознание партийно-государственными органами потенциала экспорта древесины для получения валютных средств позволяли требовать увеличения инвестиций. Для Северного края, имевшего задел в лесопромышленной деятельности со времен Российской империи и периода Новой экономической политики, это было насущной задачей.

В ходе дискуссии, развернувшейся в конце 1920-х гг. по вопросу будущего административного устройства Европейского Севера и вектора его экономического развития, столкнулись позиции регионов и центра. Местные политические элиты отстаивали комплексное развитие края и его постепенную колонизацию и интеграцию в экономику страны, с учетом традиций местного населения. Они предлагали в качестве центров новой территориальной единицы Вологду, Котлас. Выбор Архангельска поддерживался центральными органами власти и С. А. Бергавиновым³⁰⁷. Несмотря на слабость аргументов, основанных главным образом на развитии лесной промышленности и экспорте древесины, они сыграли важную роль на этапе принятия окончательного решения. В результате был создан *Северный край*, альтернативные проекты и «оппозиция» были устранены³⁰⁸.

Разработчики первого пятилетнего плана рассматривали экономику края как «огромный лесотранспортный комбинат, где только полная увязка между промышленным строительством, лесным хозяйством и транспортом может дать при соответствующих вложениях оптимальный эффект». Наличие портов на Белом и Северном морях, сплавных рек (Северной Двины, Печоры, Мезени, Онеги), в бассейнах которых были сосредоточены крупные запасы древесины, выдвигало задачу развития лесной промышленности в северной части. Расчеты свидетельствовали, что 58 % лесных насаждений Северного края не находили сбыта на внешнем рынке при существовавших способах лесопользования.

³⁰⁶ XVI конференция... С. 108–109.

³⁰⁷ Холодный дом России... С. 125–129, 134, 147–148, 150; Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 134–135, 138–142, 150–151.

³⁰⁸ Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 313.

Предполагалось активизировать заготовку древесины, строить предприятия по ее механической обработке и глубокой переработке. В железнодорожном строительстве акцент делался на сооружение линий, которые позволили бы освоить отдаленные массивы и ориентировать лесную промышленность на внутренний рынок (Усть-Сысольск – Котлас – Галич или Усть-Сысольск – Пинюг – Галич). В перспективе было решение транспортной проблемы в Печорском крае: устройство водного соединения р. Печоры и Камы либо строительство железной дороги. Проекты широтных магистралей признавались нецелесообразными ввиду продолжительной окупаемости.

Объем производства пиломатериалов в Северном крае в 1926/1927 г. равнялся 1650 тыс. м³, из которых 1330 тыс. экспортировались. Слабо были развиты деревообработка и глубокая переработка леса. Фактический отпуск древесины должен был возрасти за первую пятилетку с 16,7 млн. до 40,5 млн. м³. Производство пиломатериалов планировалось в объеме 6,5 млн. м³, из них 3 млн., в основном для экспорта, должно было изготавливаться в Архангельске. Еще одним крупным центром лесопиления становился Котлас, но для удовлетворения нужд внутреннего рынка. В Архангельске концентрировались мощности по выпуску целлюлозы. Другими центрами по глубокой переработке древесины становились Сухонский завод, подвергавшийся реконструкции, и Котлас. Целлюлозное производство в Коми области должно было развиваться в связи с сооружением железной дороги. Лесохимия сосредоточивалась в Архангельске, Котласе, Усть-Сысольске и других поселениях Коми области³⁰⁹.

С. И. Комиссаров³¹⁰ на XVI съезде ВКП(б) (июнь 1930 г.) охарактеризовал перспективы развития края в связи с увеличением программы первой пятилетки по заготовке леса с 30 млн. до 60 млн. м³. Он указал на возможность перевыполнения этого задания, но рассматривал данные успехи в качестве «трамплина для большого прыжка, для того чтобы догнать и перегнать

³⁰⁹ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С. 522–531.

³¹⁰ С. И. Комиссаров (1890–1965 гг.) – в 1929–1931 гг. председатель Северного краевого исполнительного комитета.

капиталистические страны»³¹¹. На XVII конференции ВКП(б), проходившей с 30 января по 4 февраля 1932 г., в выступлениях руководителей края: Г. К. Прядченко³¹² и В. И. Иванова³¹³ – прослеживается представление о территории в качестве крупнейшего регионального лесопромышленного комплекса, в который нужно вкладывать средства и который требуется интегрировать в экономику за счет развития других отраслей, транспорта³¹⁴.

В 1932 г. для разработки отдельных элементов второго пятилетнего плана при Крайплане было организовано 20 бригад по отраслям и крупным промышленным узлам (Архангельскому, Котласскому, Сыктывкарскому, Печорскому, Бирючевскому, Соколо-Вологодскому) в составе специалистов научных и научно-исследовательских организаций, профсоюзов, комсомола. Бригада лесной промышленности была одной из самых представительных (75 человек из 500) и работала по четырем направлениям: лесоэксплуатационному, деревообделочному, лесохимическому и целлюлозно-бумажному³¹⁵.

Несмотря на серьезные трудности в выполнении первого пятилетнего плана, сохранялся оптимизм регионального руководства, подогреваемый политикой высших партийно-государственных органов по развитию лесной промышленности и расширению сферы принудительного труда. За годы второй пятилетки намечалось довести объем заготовки древесины в Северном крае до 85 млн. м³ в год. Позитивным моментом стало признание однобокого характера развития лесной промышленности, основной продукцией которой являлись круглый лес и пиломатериалы. Предлагалось осваивать лесные массивы в районах р. Мезени, Кулоя, Печоры, развивать там жилищное и железнодорожное строительство, полностью механизировать основные процессы в сфере заготовки леса, создать машиностроительную базу для

³¹¹ XVI съезд... С. 544–545.

³¹² Г. К. Прядченко (1895–1937 гг.) – в 1931–1935 гг. председатель Северного краевого исполнительного комитета.

³¹³ В. И. Иванов (1893–1938 гг.) – в 1931 – 1937 гг. секретарь Северного краевого комитета партии, в 1936–1937 гг. народный комиссар лесной промышленности СССР.

³¹⁴ XVII конференция... С. 66, 95, 123–124, 244, 248–249, 259.

³¹⁵ За большевистский план второй пятилетки Северного края... С. 5.

отраслей по механической обработке и глубокой переработке древесины³¹⁶. Грандиозность планов строительства поражает, учитывая остроту проблем, возникших в годы первой пятилетки. Но в 1932 г., пока вектор экономической политики Советского государства не сменился в сторону экономии и завершения текущего строительства, подобные мечтания еще были возможны.

Планы развития лесной промышленности были зафиксированы в резолюции III Северной краевой конференции ВКП(б) и постановлении III пленума Северного крайисполкома по докладу о второй пятилетке Северного края в начале 1932 г. К 1937 г. планировалось заготовить до 100 млн. м³ деловой древесины, произвести примерно 3 млн. стандартов³¹⁷ пиломатериалов и изделий из дерева³¹⁸. Лесная промышленность рассматривалась в качестве базовой отрасли региона, но в контексте развития энергетики и добычи полезных ископаемых.

Отражением общесоюзного тренда начала 1930-х гг. на активное развитие лесохимии, позволявшей более рационально использовать древесное сырье и облагораживать продукцию лесной промышленности, стала разработка отраслевых планов. Актуальность глубокой переработки древесины была связана с большим объемом отходов (за первую пятилетку – около 35 млн. м³, который оценивался гигантской суммой в 500 млн. руб.), преодолением односторонности лесной промышленности, наличием запасов лиственных пород, консервацией строителей Котласского лесохимического и Маймаксанского целлюлозного комбинатов, начатых в 1927/1928 г. Направление средств в лесохимию позволяло организовать производство эфирных масел, дубителей, поташа, спирта, пластических масс, канифольного мыла, лаков и красок, вискозы, месонита и других товаров. Реализация проекта потребовала бы вложений в размере 580,8 млн. руб. и привлечения 114 тыс. работников³¹⁹.

³¹⁶ Рослов Н. Задачи второй пятилетки Севера // Красный Север. 1932, 11 апреля. С. 2.

³¹⁷ 1 стандарт – 4,6 м³.

³¹⁸ За большевистский план второй пятилетки Северного края... С. 20–21, 25–27.

³¹⁹ Ларионов А. М. Указ. соч. С. 5–8, 12–14.

По второму пятилетнему плану Северный край еще более усиливал свои позиции в лесопильно-деревообрабатывающей отрасли страны (шестая часть вложений в новое строительство). На XVII съезде ВКП(б), состоявшемся в начале 1934 г., В. И. Иванов сообщил делегатам об успешной деятельности лесной промышленности региона в 1933 г. и важности лесного экспорта для индустриализации страны (за 1929–1933 гг. получено 320 млн. руб. золотом). Он определил перспективы отрасли в направлении развития глубокой переработки древесины. Это позволяло, помимо удовлетворения внутренних потребностей, начать экспорт целлюлозы, вискозы. Отдельно В. И. Иванов отметил актуальность развития гидролизной отрасли для получения спирта из древесины, востребованного химической промышленностью и автомобильным транспортом³²⁰.

В публикациях отмечался также неприятный для советской модели лесопользования момент – преобладание выборочных рубок (более 60 % площади рубок по тресту «Севлес») в связи востребованностью пиловочной и шпальной древесины³²¹. Получалось, что с конца 1920-х – начала 1930-х гг. плановики, экономисты, хозяйственники, поддержанные партийно-государственным руководством, выступали за распространение сплошных рубок на больших площадях, внутриотраслевое комбинирование в целях обеспечения наибольшей в тех условиях рентабельности лесопромышленной деятельности, а на деле даже спустя 5–7 лет сохраняли значение выборочные рубки. Еловая и дровяная древесина оставалась невостребованной вследствие доминирования лесопильной отрасли, ориентированной в первую очередь на выпуск экспортной продукции. Тем не менее допускалась передача лесозаготовительным трестам некоторых еловых массивов – для снабжения лесопильных предприятий в Архангельском, Онежском, Мезенском и Печорском портах.

³²⁰ XVII съезд... С. 96.

³²¹ Рослов Н. Основные проблемы развития лесной промышленности Северной области... С. 102.

Европейский Север в годы третьей пятилетки, сохраняя лидерство в экспорте лесных ресурсов и материалов, переориентировался на снабжение древесиной центральных и южных районов СССР. Активизировалось освоение новых лесных массивов (Мезенского, Печорского), все более распространялись сплошные рубки, но при этом должны были возрасти темпы механизации и строительства дорог. Для обеспечения роста объемов производства реконструировались группы Цигломенских и Беломорских лесопильных предприятий, планировалось возведение лесозаводов в Котласе, Пудуже, Мезени, ввод в строй Соломбальского, Архангельского, Котласского, Кондопожского и Сегежского ЦБК, развитие лесохимии³²².

В *Коми области*, согласно генеральному плану развития народного хозяйства региона на 1925/1926–1940/1941 г., основные производственные фонды промышленности должны были вырасти более чем в 163 раза. В 1940/1941 г. 86,6 % фондов должно было приходиться на лесную отрасль, в том числе 79,4 % – на целлюлозно-бумажную³²³. При составлении первых пятилетних планов тенденция приоритетного развития лесопромышленного комплекса сохранялась, несмотря на начатое формирование полиотраслевой экономики. Впечатляют фантастические цифры индустриального развития (пусть отсчитываемые от относительно низких показателей), сохранение моноотраслевого характера экономики и мощное развитие сферы глубокой переработки древесины. Хотя неопределенные еще характер и направления индустриализации, возможность проводить всесторонние обсуждения планов на региональном уровне стимулировали областные органы власти намечать значительное развитие тех отраслей, от которых зависели доходы бюджета.

В марте 1929 г. на IX областной партийной конференции предполагалось объем заготовки лесных ресурсов увеличить до 3,8 млн. м³ в 1932/1933 г. (в 1928 г. – около 1 млн. м³), построить крупные предприятия по механической обработке древесины в Усть-Сысольске и на месте пересечения дороги Пинюг

³²² Третий пятилетний план... С. 157–158.

³²³ Индустриализация Коми автономной области... С. 76, 79.

– Усть-Сысольск с р. Лузой. Ввод в строй предприятия по глубокой переработке древесины позволил бы перейти к сплошным рубкам и довести объем заготовки леса до 7,3 млн. м³ ³²⁴. Окончательная, как тогда считалось, версия первого пятилетнего плана предполагала направление 9,1 млн. руб. (из 80 млн.) на развитие лесопромышленного комплекса, заготовку 13,9 млн. м³ лесных ресурсов за пять лет³²⁵. В финальном варианте пятилетнего плана развития народного хозяйства Коми области определялось строительство Сыктывкарского лесопильного завода (далее везде – ЛЗ), Ижемского ящично-клепочного, Вычегодского фанерно-лыжного, Сыктывкарского экстракционно-канифольного заводов, Нювчимского завода сухой перегонки дерева и других предприятий. Возведение Сыктывкарского ЦБК без объяснения причин было отложено³²⁶. В связи с направлением значительного числа спецпереселенцев в плановые показатели заготовки лесных ресурсов значительно возросли. Уже в 1930 г. планировалось заготовить в Северном крае 65 млн. м³ древесины, принимая во внимание то, что на территории Коми области находилось более 50 % лесных массивов³²⁷. Установленные задания по мощному росту объемов заготовки леса (даже в связи с ожиданиями притока трудовых ресурсов из числа «раскулаченных» крестьян), не говоря уже об увеличении удельного веса механизированной вывозки до 50 %, рубки до 40 %, не могли быть выполнены. Это подтвердили разработчики второго пятилетнего плана, пытаясь обосновать более реалистичную перспективу развития отрасли.

Объем заготовки лесных ресурсов должен был достигнуть 7,3 млн. м³ в 1937 г. вместо 3,1 млн. м³ в 1932 г. Неудовлетворительное состояние отрасли заставило партийно-государственные, плановые и хозяйственные органы увеличить инвестиции на механизацию лесопользования и развитие механической обработки древесины. Основные стройки вновь концентрировались в районе Сыктывкара³²⁸. Не учитывалось отсутствие

³²⁴ Там же. С. 81, 92.

³²⁵ Там же. С. 82.

³²⁶ Нисковский А. А. Подготовка и реализация первого пятилетнего плана... С. 183–185.

³²⁷ Индустриализация Коми автономной области... С. 82.

³²⁸ Там же. С. 85–86, 105.

железнодорожного сообщения с центральными и северо-западными районами страны, строительной базы, численность трудовых ресурсов. Конкретные решения о финансировании и материально-техническом обеспечении большинства строек не были приняты, несмотря на наличие проектов.

В середине 1928 г. для рассмотрения комиссией Главлесбума ВСНХ СССР по экспертизе четырех конкурирующих проектов целлюлозно-бумажных предприятий был подготовлен проект комбината в области Коми. Место расположения предполагалось на берегу р. Вычегды при впадении в нее р. Дырныса, в 6 км от г. Усть-Сысольска. Это место – вблизи наиболее вероятного конечного пункта железной дороги Пинюг – Усть-Сысольск – не считалось окончательным, поскольку на площадке отсутствовала достаточная горизонтальная плоскость и предлагались изменения направлений строительства железной дороги. Мощность комбината равнялась 58 тыс. т писчих и печатных бумаг и 6 тыс. т оберточной бумаги в год. Предприятие полностью обеспечивалось полуфабрикатами. 2/3 рабочих (высшей и средней квалификации) планировалось комплектовать или путем завоза людей из других территорий, или путем обучения местного населения³²⁹.

Исполнительный комитет (далее везде – исполком) Коми области явно спешил с подготовкой и утверждением проекта целлюлозно-бумажного комбината. На кону были крупные вложения, которые позволяли связать регион с Европейской частью страны и стимулировать реализацию индустриальных проектов в других отраслях. 20 июля 1928 г. исполком утвердил проект Усть-Сысольского ЦБК, который планировалось возвести в две очереди в течение 1929/1930–1933/1934 гг.³³⁰ Осенью 1928 г., не дожидаясь решения центральных органов, исполком выделил средства на изыскательские и проектировочные работы, а заключенные Верхнечовской колонии расчистили от леса территорию, где предполагалось возвести комбинат.

³²⁹ РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1. Д. 85. Л. 15–16об., 20, 22об.

³³⁰ Там же. Л. 17–17об.

При вынесении вердикта о старте проектирования Усть-Сысольского ЦБК Главлесбум ВСНХ руководствовался значительными лесными площадями в Коми автономной области, особенно в Северо-Двинском районе, наличием сплавных путей и ряда необходимых ресурсов, включением в план первой пятилетки сооружения железной дороги до г. Усть-Сысольска и региона как одного из наиболее перспективных в плане развития лесной промышленности. 12 февраля 1929 г. Главлесбум санкционировал начало работ по составлению эскизного проекта предприятия. Строительство, на которое отводилось два года, должно было стартовать только с вводом в строй железной дороги до Усть-Сысольска³³¹. Именно транспортный фактор сыграл роковую роль в судьбе проекта целлюлозно-бумажного предприятия: в годы первой пятилетки строительство железной дороги отложено из-за приоритетности проекта Беломорско-Балтийского канала.

С 1930 г. вопросом развития в районе г. Сыктывкара производств по механической обработке и глубокой переработке лесных ресурсов занимались разные хозяйственные и проектные организации, на что тратились немалые средства. Строительство предприятия включили во второй пятилетний план. В 1937 г. Гипробум спроектировал Сыктывкарский промышленный узел. Он включал целлюлозно-бумажный комбинат, канифольно-экстракционный, фанерный и гидролизный заводы (в годы реализации третьей пятилетки этот проект не был осуществлен). Двумя годами позднее тот же институт совместно с другими проектными организациями подготовил генеральную схему промышленного освоения лесов бассейна р. Вычегды (также не воплотилась в жизнь). Госплан республики Коми наметил строительство целлюлозно-бумажного предприятия в районе с. Княжпогоста³³². То есть организация изыскательских работ, наличие проектов, в том числе научно обоснованных, не являлись залогом реализации мероприятий по развитию лесопромышленного

³³¹ Там же. Л. 52–53.

³³² Беловол А. А. Градообразование в Коми в 1930-е – 1950-е годы: монография. Сыктывкар, 2012. С. 29; Малкова Т. А. Указ. соч. С. 68–69; Напалков А. Д. Указ. соч. С. 108.

комплекса в отдаленном от крупных промышленных центров и транспортных путей регионе, пусть и богатым лесными ресурсами.

В связи с развитием на северо-востоке республики Коми топливно-энергетической промышленности и началом реализации проекта Северо-Печорской железной дороги руководители автономии предприняли попытку форсировать проектирование и строительство ветки в сторону Сыктывкара. В письме в ЦК ВКП(б) и СНК СССР они ссылались на поддержку в этом вопросе ряда хозяйственных ведомств и невозможность возведения предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины как раз из-за отсутствия железнодорожного сообщения. НКПС СССР согласился с необходимостью строительства и наметил изыскательские работы на 1939 г., но проект не был осуществлен из-за нехватки средств и начавшейся войны³³³.

Развитие лесной промышленности в *Карелии* в 1920-х гг., связанное как с лесоустройством, освоением лесных массивов, реконструкцией предприятий по механической обработке древесины, так и со строительством целлюлозно-бумажных производств, стало значимым заделом для следующего десятилетия. Благодаря активной деятельности руководства автономии, предоставлению ей особых бюджетных прав (формирование бюджета, освобождение от уплаты общероссийских налогов до 1924 г., получение кредитов, распоряжение 25 % доходов от экспорта карельского сырья для приобретения импортных товаров и оборудования³³⁴) был обеспечен рост экономики. Соседняя Финляндия с ее развитым лесопромышленным комплексом стала ориентиром для карельского руководства в формировании программ развития автономии. Однако в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. развивался конфликт интересов между региональными властями, выступавшими за сохранение управления лесопромышленными предприятиями и развитие механической обработки и глубокой переработки древесины, и центральными партийно-государственными органами, стремившимися нарастить объемы экспорта

³³³ Напалков А. Д. Указ. соч. С. 108; Северный лес на все времена... С. 61.

³³⁴ Такала И. Финны-иммигранты... С. 289.

круглого леса и пиломатериалов, передать производства союзным ведомствам для облегчения реализации этой задачи.

Значительные объемы заготовки лесных ресурсов в районах, перспективных с точки зрения близости к рынкам сбыта, индустриальным центрам, размещения предприятий, еще в конце 1920-х гг. вызвали дискуссию плановых и партийно-государственных органов о размере отпуска леса. В 1929 г. Госплан Карельской республики указывал на необходимость увеличения отпуска древесины только до 4970 тыс. м³ в 1932 г. по сравнению с 4275 тыс. м³ в 1927/1928 г. из-за дефицита сырья в ряде районов. Однако вопросы о размере лесопользования и размещении лесозаготовителев разрешались большей частью «под углом зрения максимального и наиболее легкого удовлетворения потребностей народного хозяйства в древесине»³³⁵. Возник противоположный вариант Госплана СССР – увеличить объем заготовки лесных ресурсов к концу второго пятилетнего плана до 35 млн. м³ в год, в том числе в 1929 г. – до 12,3 млн. м³ ³³⁶. Такая версия могла исходить только из общего представления плановых органов о наличии запасов древесины, но не учитывала размеры и направления капитальных вложений.

Региональные власти наметили строительство трех железнодорожных веток, ведущих от Мурманской магистрали к границе с Финляндией, то есть в неосвоенные лесные массивы, а также грунтовых трактов. В планах было строительство железной дороги Сорока – Котлас для вывоза древесины к Мурманскому порту. Согласно первому пятилетнему плану, новое строительство в Карелии включало пять лесопильных, пять целлюлозно-бумажных и четыре лесохимических предприятий³³⁷. Объем заготовки лесных ресурсов в 1932 г. планировалось увеличить до 8,2 млн. м³, в том числе деловой древесины – 4,4 млн. м³. Очевиден стандартный набор задач, характерный и для других осваивавшихся лесных территорий. На первом месте стояла реорганизация сферы заготовки лесных ресурсов, следствием чего могло стать

³³⁵ Первозванский И. В. О возможном размере главного пользования в лесах К-ФССР... С. 41.

³³⁶ Кулагин О. И. «Эффект колеи» зависимости в лесной промышленности Карелии... С. 150.

³³⁷ Килин Ю. Пограничная окраина великой державы... С. 36, 63–64.

формирование экономики сырьевой направленности. И только в последнюю очередь указывалось на необходимость развития предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины.

На второе пятилетие задачи лесной промышленности Карелии включали завершение технической реконструкции, наиболее полное использование сырья и отходов, снабжение древесиной Европейской части страны и экспорта. Лесозаготовки перемещались в западные районы республики и в район Беломорско-Балтийского канала. Достижение целевых показателей связывалось с механизацией и проведением сплошных рубок. Должны были появиться новые комбинированные предприятия и целлюлозный завод³³⁸. Намечалось увеличить заготовку древесины с 9,8 млн. до 24,5 млн. м³, число лесопильных рам – с 81 до 124, ввести в строй три мебельных фабрики, девять цехов стандартного домостроения, повысить долю обработанного леса, вывозимого из региона, до 100 %. К 1937 г. должны были функционировать сульфатно-целлюлозные заводы (в п. Кеми, Княжьей Губе, Сегозере, Шале), картонные фабрики (в п. Ильинском, Ладве, Верхнем Выге и Нюхче). Существовал проект лесопильно-химического и целлюлозно-бумажного производства в районе д. Реболы. К концу второй пятилетки выпуск газетной бумаги должен был составить 66 тыс. т, целлюлозы – 140 тыс. т (в том числе 105 тыс. – на экспорт), картона – 70 тыс. т³³⁹. По плану третьей пятилетки в 1942 г. вывозка леса должна была достичь 17,2 млн. м³, предусматривался рост выпуска пиломатериалов, мебели, бумаги и целлюлозы³⁴⁰.

В Уральском регионе³⁴¹ необходимость развития лесопромышленного комплекса была вызвана кризисной ситуацией в 1920-х гг., которая обуславливалась: слабой материальной и кадровой базой предприятий,

³³⁸ Даринский А. Итоги социалистического строительства в Карельской АССР и перспективы ее развития // Плановое хозяйство. 1933. № 5–6. С. 174.

³³⁹ Килин Ю. Пограничная окраина великой державы... С. 64.

³⁴⁰ Андрияйнен А. И. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии... С. 4.

³⁴¹ Применительно к периоду середины 1920-х – середины 1930-х гг. в Уральский регион (Урал) включаем территории Уральской области (без Тобольского Севера) и Башкирской автономной республики; с середины 1930-х гг. – территории Свердловской (с 1938 г. Свердловской и Пермской), Челябинской, Оренбургской областей, Удмуртской и Башкирской автономных республик, сформировавших Уральский экономический район.

транспортной инфраструктурой; неустроенностью лесосечного фонда; низким уровнем механизации лесозаготовок; отсутствием системного контроля над лесозаготовками, которые осуществляли предприятия лесной промышленности, металлургии, транспорта, население. В конце 1920-х гг. процент использования годичного прироста лесов составлял 38 %, годичной лесосеки – 71 %. Наименьший процент использования годичного прироста лесов был в округах с большими запасами древесины: в Тобольском – 4 %, Верхнекамском и Коми-Пермяцком – 25 %³⁴². Именно в этих районах планировалось многократно увеличить объемы заготовки, механической обработки и глубокой переработки древесины.

К концу 1926 г. выпуск пиломатериалов предприятиями Уральской области составлял менее одной пятой части объема производства в 1913 г.³⁴³ Металлургические предприятия, испытывавшие большую потребность в древесном угле в связи с истощением лесных баз, должны были заботиться о повышении эффективности лесозаготовки. Но в связи с дефицитом рабочей силы, дороговизной транспортировки леса заводы переугливали и древесину хорошего качества³⁴⁴. Лесопользование оказывалось явно расточительным, а потому был необходим комплексный подход к использованию древесины.

В «Генеральном плане хозяйства Урала» основными факторами развития лесного комплекса были названы «вовлечение в промышленный кругооборот отдаленных лесных массивов севера Уральской области и организация в них сплошной лесосечной системы»³⁴⁵. Капитальные вложения в лесное хозяйство и лесную промышленность в первой пятилетке равнялись около 130 млн. руб. Намечалась масштабная программа комбинирования лесопиления с деревообработкой и целлюлозно-бумажной промышленностью, а также этих отраслей с лесохимией и металлургией. Лесопильно-деревообрабатывающую отрасль предполагалось наиболее активно развивать в Туринско-Тавдинском

³⁴² Гашев А. Указ. соч. С. 111, 120.

³⁴³ Фельдман В. В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.). Свердловск, 1989. С. 93.

³⁴⁴ Горчаковский П. Указ. соч. С. 76.

³⁴⁵ Генеральный план хозяйства Урала... С. 314, 324–325, 328, 333–334, 342.

районе, где к концу пятилетия должно было производиться около 1 млн. м³ продукции, и в Камском (400 тыс. м³). Основу отрасли в этих районах должны были составить крупные предприятия. В зоне действия треста «Уралмет» планировалось возведение мелких и средних заводов. Значимой железной дорогой для освоения лесных массивов являлась ветка Надеждинск – Ивдель. Лесопильная продукция Камского и Горнозаводского районов направлялась для удовлетворения внутренних потребностей области, пиловочное сырье Камского района – в Нижнее Поволжье. Высокосортные пиломатериалы из Туринско-Тавдинского района должны были идти на экспорт, в Западную Сибирь и Среднюю Азию. В целлюлозно-бумажной отрасли проектировалось строительство двух комбинатов (в Тавдинском и Камском районах). В лесохимической отрасли планировалось построить три завода сухой перегонки дерева и три канифольно-экстракционных заводов³⁴⁶.

Грандиозные планы развития лесной промышленности в Уральском регионе были связаны также с сохранявшейся ориентацией металлургической промышленности на древесный уголь как основной вид топлива. В мировом производстве чугуна, за исключением СССР, выплавка на древесном угле составляла менее 1 % от всего объема³⁴⁷. В процессе обсуждения проблемы создания Урало-Кузнецкого комбината³⁴⁸ вышли труды, в которых, в частности, рассматривались вопросы развития лесной промышленности.

Специалисты ВСНХ СССР во второй половине 1920-х гг. склонялись к тому, что металлургическое производство на основе древесного угля должно было сохраниться в тех территориях, где имелись большие запасы лесных ресурсов и качественных руд. Это позволяло получать чугун для выпуска высших сортов железа и стали. По проекту инженера В. Е. Грум-Гржимайло предполагалось, что к 1940 г. на Урале сохранится в значительных объемах

³⁴⁶ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С. 188, 207–209, 217.

³⁴⁷ Сперанский А. Н. Указ. соч. С. 75; Эвенчик Б. И. Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината... С. 25.

³⁴⁸ Еще одним крупным многоотраслевым проектом (но нереализованным) являлся Кайско-Омутнинский металлурго-химическо-лесной узел в северо-восточной части Горьковского края, где предполагалось, в частности, строительство деревообрабатывающих, бумажных и лесохимических предприятий. См. подробнее: Основные линии развития хозяйства Нижегородского края... С. 34–36.

(175 млн. пудов из 325 млн.) производство чугуна на древесном угле. Для достижения таких показателей намечалось проложить железнодорожную магистраль от Томска до бухты Сорока через Тобольск, Туринск, Верхотурье, Соликамск, Котлас, то есть через лесные районы, что в перспективе обеспечило бы Советскому Союзу лидерство на мировом лесном рынке³⁴⁹.

При более глубокой проработке проблемы Урало-Кузнецкого комбината роль древесного сырья как источника топлива была преуменьшена. Первым пятилетним планом предусматривался рост выплавки древесноугольного чугуна с 500 тыс. до 800 тыс. т (с 30,5 млн. до 48,8 млн. пудов). Намечалось строительство новых заводов, работавших на древесном угле (Тавдинского и Камского), что связывалось с освоением новых лесных массивов³⁵⁰. Тем не менее возможности производства древесноугольного чугуна были ограничены дефицитом финансов. В связи с тем, что уральские металлургические заводы, работавшие на древесном угле, выпускали дешевые сорта металла, ЦК ВКП(б), приняв 15 мая 1930 г. постановление «О работе Уралмета», решил сосредоточить производство качественного древесноугольного металла на Надеждинском, Чусовском, Златоустовском, Ашинском, Миньярском и Белорецком заводах³⁵¹. Требовалось механизировать процессы заготовки леса и выжига угля, на которых использовалось большое число рабочих и лошадей. В 1932/1933 г. предполагалось произвести 1000–1100 тыс. т древесноугольного чугуна. Однако в 1931 г. специалисты отмечали ключевые проблемы выполнения этой задачи: низкие уровни развития лесохимии, с которой должна была кооперироваться металлургия, механизации сферы заготовки древесины, реконструкции ряда металлургических заводов³⁵².

³⁴⁹ Федорович И. Указ. соч. С. 26, 46–48.

³⁵⁰ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С. 193–195.

³⁵¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 5... С. 113–114.

³⁵² Ведерников В. Указ. соч. С. 56; Колосовский Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината... С. 132; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 5... С. 114, 116; Сперанский А. Н. Указ. соч. С. 58; Файнгольд Г. М. Указ. соч. С. 19, 21.

По мнению экономистов, объемы выпуска древесноугольного чугуна в конце 1920-х – 1930-х гг. не могли быть выше показателей начала XX в. (в 1933 г. – 1–1,2 млн. т, в 1940 г. – 800 тыс.). А лесные ресурсы стоило более рационально использовать для экспорта, производства бумаги, строительства³⁵³. При таких прогнозах уральская металлургия (в отличие от начала XX в., когда почти весь объем чугуна производился на основе древесного угля) могла перестать быть зависимой от этого вида топлива.

Партийные и плановые органы г. Перми, рассматривая перспективы развития Пермского района в системе Урало-Кузнецкого комбината, указывали, в частности, на важность строительства лесопромышленных предприятий в Перми и Чусовом (благодаря наличию железнодорожных и водных путей), комбинированию их с химической отраслью и промышленностью строительных материалов³⁵⁴. На I всесоюзной конференции по размещению производительных сил о роли лесопромышленного комплекса говорилось поверхностно, в основном в связи с развитием уральской древесно-угольной металлургии, которая должна была выпускать наиболее высокие сорта металла и комбинироваться с лесохимией³⁵⁵.

Уралплан предполагал увеличение объемов заготовки лесных ресурсов до 55 млн. м³ в 1932 г. и до 100 млн. м³ в 1937 г. Значительное развитие лесопользования было вызвано ростом потребностей в древесине экономики Урала и соседних регионов, а также наличием почти 3,2 млрд. м³ леса с преобладанием перестойных насаждений. Планировалось снизить удельный вес дровяной древесины в общем объеме заготовленных лесных ресурсов до 15 % к 1937 г. – в основном для производства древесноугольного чугуна³⁵⁶. По расчетам экономиста Б. И. Эвенчика, объем вывозки древесины на Урале доводился к 1940 г. до 74 млн. ф. м. Из 28 млн. ф. м дровяной древесины около 5 млн. расходовалось на углежжение, остальной объем – для производства

³⁵³ Федорович И. Указ. соч. С. 55, 87–88; Эвенчик Б. И. Перспективы уральской промышленности... С. 137–138.

³⁵⁴ Материалы по развитию хозяйства Пермского района... С. 34, 38–40, 42–43, 48.

³⁵⁵ Васютин В. Ф. Указ. соч. С. 21–22, 60, 62, 67–68.

³⁵⁶ Эвенчик Б. И. Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината... С. 25, 34.

мезонита, лесохимических продуктов, использования в качестве топлива³⁵⁷. Спустя год Эвенчик прогнозировал рост выработки в регионе в 1931–1937 гг. строевого круглого леса – с 4 млн. до 25 млн. м³, пиломатериалов с 4,09 млн. до 24,5 млн. м³, фанеры – с 20 тыс. до 250 тыс. м³, стандартных домов – с 800 до 15400 штук, строительных деталей – с 600 тыс. до 5400 тыс. м², бумаги – с 24 тыс. до 900 тыс. т. Заготовка дровяной древесины должна была сократиться за этот период с 16,6 млн. до 15 млн. м³. Значительное развитие получали сферы механической обработки и глубокой переработки древесины, которые к 1937 г. давали бы 84 % стоимости произведенной продукции³⁵⁸.

Столь высокие показатели развития лесопромышленного комплекса обосновывались реализацией проекта Урало-Кузнецкого комбината, увеличением потребностей в древесине внутри области и в стране в целом. Однако планирование экономического роста отрасли, строительства предприятий, особенно в сферах механической обработки и глубокой переработки древесины, было плохо обосновано с научной и финансовой точек зрения. Слабо были изучены леса, направления комбинирования. Было непонятно, за счет каких ресурсов станет развиваться лесная промышленность, будет ли востребован большой объем производимой продукции, начнется ли строительство проектировавшихся железнодорожных линий.

В условиях начала индустриализации отклонение дорогостоящих проектов, требовавших создания в периферийных районах полноценной производственной, транспортной, жилищной-бытовой инфраструктуры, выглядело логично. К примеру, властями Уральской области было принято решение о строительстве лесобумажного комбината в устье р. Косы. Основной причиной отклонения проекта стало отсутствие железнодорожного сообщения³⁵⁹. Исключением можно считать Вишерский ЦБК, связь которого с крупными стройками в районе г. Соликамска осуществлялась по реке и грунтовыми дорогам.

³⁵⁷ Он же. Перспективы уральской промышленности... С. 146.

³⁵⁸ Он же. Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината... С. 56–57.

³⁵⁹ 10 лет хозяйственного и культурного строительства Коми-Пермяцкого округа... С. 40, 57, 60.

Председатель Уралплана Г. И. Крумин, подводя итоги первой пятилетки, отмечал успехи в лесохимии и в то же время уменьшение стоимости продукции Наркомлеса в Уральской области в 1932 г. Важными задачами он называл увеличение объемов вывозки дров и механизацию лесозаготовок³⁶⁰. Контекст этих задач очевиден – первоочередное удовлетворение потребностей уральской промышленности в древесном топливе.

Образованные в 1934 г. Свердловская, Обско-Иртышская и Челябинская области оставались одними из приоритетных территорий в плане развития лесопильно-деревообрабатывающей отрасли. В них во второй пятилетке намечалось осуществлять строительство 16 предприятий с годовым выпуском 1,24 млн. м³ пиломатериалов, 95 тыс. м³ фанеры, мебели на сумму 21 млн. руб. Свердловская область, как и Горьковский край, значительно усиливала свои позиции в целлюлозно-бумажной отрасли (194 млн. руб. вложений во второй пятилетке, первое место в стране) за счет освоения первой очереди и строительства второй очереди Вишерского ЦБК и сооружения Камского комбината. В планах было начать возведение в 1937 г. целлюлозно-бумажного комбината (это был проект первой пятилетки) в п. Тавде. В Башкирской АССР крупным лесопромышленным центром становилась Уфа, где проектировалось возведение лесного и целлюлозно-бумажного комбинатов, мебельной фабрики, завода бумагоделательных машин³⁶¹. Среди административных единиц страны к концу пятилетия Свердловская область должна была занять второе место по вывозке деловой древесины и производству бумаги³⁶².

Третьим пятилетним планом на Урале были заложены более высокие по сравнению с Советским Союзом темпы роста вывозки леса, производства пиломатериалов и бумаги. За 1938–1942 гг. вывозка древесины увеличивалась с 26,6 млн. до 67 млн. м³ (удельный вес в стране повышался с 13,2 до 18,6 %), в том числе деловой – с 12,7 млн. до 33 млн. м³ (доля возрастала с 11,4 до 16,5

³⁶⁰ Крумин Г. И. Итоги первой пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 год (дополненная стенограмма доклада на объединенном пленуме Обкома и ОблКК ВКП(б) 22 января 1933 г.). М.; Свердловск, 1933. С. 3, 6, 12.

³⁶¹ Второй пятилетний план... С. 627–637.

³⁶² История индустриализации Урала: док. и мат. 1933–1937... С. 34.

%). Планировалось активизировать заготовку леса в северных районах, направить основные потоки лесных ресурсов и материалов в территории Центральной России и Поволжья. В сфере механической обработки лесных ресурсов доля Урала в стране была меньшей. Выпуск пиломатериалов за третью пятилетку должен был увеличиться с 2,1 млн. до 4 млн. м³ (удельный вес поднимался с 7,4 до 8,9 %), фанеры – 39 тыс. до 50 тыс. м³ (снижение доли с 5,9 до 5 %), спичек – с 370 тыс. до 717,5 тыс. ящиков (уменьшение удельного веса с 5,2 до 5,1 %). Зато в производстве бумаги роль Урала благодаря построенным и пущенным в первой и во второй пятилетках и сооружавшимся в 1938–1942 гг. предприятиям оставалась высокой. Выпуск этого товара возрастал с 117,7 тыс. до 213 тыс. т, доля в Советском Союзе повышалась с 14,2 до 16,4 %³⁶³. Сильные позиции в лесопромышленном комплексе имели Свердловская и Пермская области.

Было уделено внимание использованию отходов лесопиления и комбинированию лесной промышленности с другими отраслями путем строительства гидролизных заводов. Планировались предприятия в п. Тавде, Лобве (каждый мощностью 20 млн. л этилового спирта в год), Ивделе (5 млн. л), завод древесноволокнистых пластмасс в п. Тавде (с выпуском 30 тыс. т материалов в год), канифольно-экстракционный завод в Серовском районе, предприятие по выработке формалина, небольшие заводы по пластификации древесины в г. Аше, Серове, Туринске, п. Верхней Синячихе³⁶⁴.

В Уральском регионе, где имелся относительно существенный задел для развития лесной промышленности, плановые показатели были завышены и трудновыполнимы в условиях конца 1920-х – 1930-х гг., но в целом учитывали тенденции и потребности экономики. Составители перспективных планов исходили во многом из имевшихся данных о запасах природных ресурсов и прогнозировали рост производственных показателей там, где намечалось

³⁶³ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 61; Третий пятилетний план... С. 151.

³⁶⁴ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 53, 58–59.

активное развитие лесной промышленности: увеличение объемов заготовки древесины и строительство предприятий.

Сибирь и Дальний Восток. Партийно-государственные органы делали крупные ставки на Сибирь³⁶⁵ и Дальний Восток³⁶⁶ в плане развития лесной промышленности. В первых десятилетиях XX в. здесь преобладала сырьевая ориентация отрасли, имелись мелкие предприятия и цеха.

Южная и юго-западная части *Сибирского края*, где концентрировалось основное население региона, испытывали дефицит древесины вследствие истощения лесных массивов вблизи транспортных путей. Требовалось организовать масштабные работы по исследованию и устройству лесов, подготовку их к эксплуатации³⁶⁷. Степень использования ежегодного прироста древесины в Сибирском крае (167 млн. м³) была низкой, в 1929/1930 г. равнялась 13,8 млн. м³. Наиболее слабым было использование годичного прироста в северной части (111 млн. м³), где отпуск леса в 1927/1928 г. равнялся 1,1 % от прироста, в 1931 г. – 2,8 % от прироста. К концу первой пятилетки планировалось устроить и обследовать 151 млн. га лесов (58 % ко всему фонду). За годы второго пятилетнего плана намечалось в Западносибирском крае провести обследование 25 млн. га лесов и лесоустройство с составлением планов эксплуатации на площади 13,5 млн. га, в Восточносибирском крае – завершить обследование всех лесов (185 млн. га) и устроить с составлением планов эксплуатации 52 млн. га.

Тяжелым было положение лесопильной отрасли. Если накануне Первой мировой войны на территории Сибирского края функционировали 87 заводов с 134 рамами, выпускавшие 0,54 млн. м³ пиломатериалов, то по состоянию на 1 апреля 1928 г. – 46 предприятий с 110 рамами (при имевшихся 64 объектах с 138 рамами), производившие 1,04 млн. м³ продукции. Не хватало возможностей обеспечить все заводы сырьем, техника была изношена, отсутствовали

³⁶⁵ Применительно к концу 1920-х – первой половине 1930-х гг. в Сибирь включаем Сибирский край (разделенный на Западносибирский и Восточносибирский края), Тобольский Север (входил в состав Уральской области), Бурят-Монгольскую и Якутскую автономные республики.

³⁶⁶ Применительно к концу 1920-х – первой половине 1930-х гг. имеем в виду Дальневосточный край.

³⁶⁷ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С. 229–230.

оборотные средства. В 1927/1928 г. удельный вес края в лесопилении Советского Союза составлял: по числу предприятий – 7,5 %, по количеству рабочих – 6 % и по стоимости валовой продукции – 8,1 %. В конце 1920-х гг. в районах восточнее Уральской области имелись три бумажные фабрики, вырабатывавшие около 2,5 тыс. т бумаги. Лесохимия носила кустарный характер и ограничивалась в основном выработкой смолы, дегтя и древесного угля³⁶⁸. То есть к моменту реализации первого пятилетнего плана Сибирь подошла с истощенными лесными базами вблизи транспортных путей, слабым уровнем развития сфер механической обработки и глубокой переработки древесины, изношенным оборудованием.

Генеральный план развития народного хозяйства Сибирского края предусматривал масштабную программу освоения лесов и строительства новых предприятий (которая в первом пятилетнем плане была существенно урезана). Выделялись основные зоны, из которых наиболее богаты лесом были центральная полоса (Обско-Нарымский и Ангара-Томский районы) и зона Севера (их лесопокрытая площадь равнялась около 162 млн. га)³⁶⁹. За первую пятилетку в Сибирском крае намечалось заготовить 118 млн. м³ лесных ресурсов. К 1932/1933 г. основную часть продукции лесопиления и деревообработки должны были дать предприятия центральной зоны и района Транссибирской магистрали. Намечалось, что они произведут около 5 млн. м³ пиломатериалов (70,6 % от цифры по краю), 150 тыс. м³ фанеры (85,7 %). К концу первой пятилетки вывоз лесных материалов из Сибирского края в Среднюю Азию существенно возрастал и должен был составить (при удовлетворении внутренних потребностей в размере 14,4 млн. м³) 3,9 млн. м³, в Европейскую часть страны – 1,4 млн., на экспорт – 1,4 млн. Не менее масштабной была программа развития целлюлозно-бумажной отрасли. Планировалось построить шесть комбинатов и один целлюлозный завод. В

³⁶⁸ Бумажное производство... С. 397; Деревообрабатывающая промышленность // Сибирская советская энциклопедия... С. 817; Индустриализация Сибири... С. 258; Куят Ф. Указ. соч. С. 103–104, 106; Попков А. Указ. соч. С. 111–112, 114; Шеф М. Указ. соч. С. 130, 132.

³⁶⁹ Материалы к генеральному плану... С. 3–4 (460–461), 10 (467), 25 (482).

1932/1933 г. эти предприятия должны были произвести 152 тыс. т бумаги (шестую часть объема, предусмотренного первой пятилеткой для всей страны) и 75 тыс. т экспортной целлюлозы³⁷⁰. Предприятия должны были размещаться группами в бассейнах крупнейших рек (Оби, Енисея, Ангары) и их притоков или по трассам железных дорог, которые еще предстояло соорудить.

Согласно расчетам Сибирского краевого Совета народного хозяйства, к 1942 гг. должно было заготавливаться 94 млн. ф. м древесины. Из них внутри края потреблялось 30 млн., в западносибирские степи направлялось 18 млн., в Среднюю Азию – 30 млн., в Зауралье – 6 млн., на экспорт – 10 млн. ф. м³⁷¹. Приоритет получили магистрали, связанные с освоением лесных массивов бассейнов р. Чулыма, Ангары, Лены³⁷².

Отпуск леса из лесного фонда Сибирского края должен был достигнуть в 1932/1933 г. 49,3 млн. м³, в 1937/1938 г. – 96 млн. Использование годичного прироста увеличивалось с 17,3 % в 1931 г. до 61 % в 1937 г. Во второй пятилетке предполагалось провести обследование лесных массивов севера, лесоустройство и составление планов эксплуатации массивов в районах Сибирской железнодорожной магистрали. В юго-западной части края должны были начаться масштабные лесокультурные работы, но в восточной они носили только опытный характер. Производство пиломатериалов должно было увеличиться до 2,3 млн. м³ (на 425 % за первую пятилетку). Край обеспечивал вывоз лесных материалов через Карское море и снабжение Средней Азии. Новыми районами строительства становились Красноярск с соседними поселениями, Кузнецкий угольный бассейн, Игарка. В связи со строительством Томск-Енисейской железной дороги возрастала роль края в обеспечении древесиной Средней Азии, поэтому плановые объемы лесопиления были скорректированы до 2,7–2,8 млн. м³ к 1932/1933 г.

³⁷⁰ Там же. С. 26 (482), 30–32 (486–488), 36 (492), 58 (514), 59 (515).

³⁷¹ Власть и интеллигенция в сибирской провинции... С. 131–132.

³⁷² Березин Н. Лесоэксплуатация и колонизация сибирской тайги в связи с железнодорожным строительством // Плановое хозяйство. 1929. № 7. С. 279, 282.

Было запланировано строительство бумажных предприятий в Минусинско-Хакасском, Томском (на пересечении р. Чулыма с будущей Енисейско-Томской железной дорогой) и Иркутском районах. Наличие значительных лесных ресурсов и внутренние потребности в древесном спирте и порошке, угле и смоле, уксусной кислоте, метиловом спирте стимулировали развитие лесохимии. В 1932 г. намечалось начать строительство первого предприятия по сухой перегонке дерева³⁷³.

Дальнейшее развитие лесной промышленности связывалось с прокладкой Томск-Енисейской, Тайшет-Усть-Кутской железных дорог. Указывалось на большой потенциал ветки Ачинск – Енисейск (в противовес дороге Томск – Чулым), позволявшей приступить к освоению лесных массивов Приангарья, в деле снабжения древесиной Кузбасса³⁷⁴. Но с точки зрения выполнения задач снабжения лесом Сибири и Средней Азии, состава насаждений районов обе железные дороги являлись актуальными проектами. Главные сложности в деле освоения этих отдаленных территорий заключались в дефиците финансовых, материальных и трудовых ресурсов, сведений о лесах.

В Бурят-Монгольской автономной республике, где средний годовой прирост лесов в размере около 17 млн. м³ использовался только на 6 %, в период реализации первого пятилетнего плана предполагалось активизировать заготовку древесины (с 500 тыс. м³ в 1927/1928 г. до 1294 тыс. в 1932/1933 г., причем около 55 % должно было вывозиться за пределы региона) и строительство предприятий³⁷⁵. В Якутской автономной республике, где лесные ресурсы использовались слабо, но их рыночное значение было небольшим, объем заготовки древесины в годы первой пятилетки сохранялся на уровне 6,3–6,4 млн. м³, причем на 98 % был представлен дровами. Капитальные затраты в направлялись на строительство небольших лесопильных заводов³⁷⁶.

³⁷³ Анцелевич В. Указ. соч. С. 136–137, 139; Бумажное производство... С. 397; Деревообрабатывающая промышленность // Сибирская советская энциклопедия... С. 818–819; Индустриализация Сибири... С. 258; Куят Ф. Указ. соч. С. 108–109; Попков А. Указ. соч. С. 122–123; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С. 233–234, 255–256.

³⁷⁴ Тиунов В. Урало-Кузнецкий комбинат. Новосибирск, 1931. С. 57.

³⁷⁵ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С. 269–272.

³⁷⁶ Там же. С. 278, 281.

По второму пятилетнему плану в Сибири продолжалось развитие лесопиления и деревообработки, в том числе в направлении выпуска фанеры, мебели, изделий из дерева. Мощность сооружавшихся предприятий в Западносибирском и Восточносибирском краях, Обско-Иртышской области, Бурят-Монгольской и Якутской автономных республиках равнялась 1,5 млн. м³ пиломатериалов, 63 тыс. м³ фанеры, мебели на сумму 25 млн. руб. Проектировалось строительство двух крупных комбинатов с годовым выпуском 120 тыс. т бумаги и 3 тыс. т картона³⁷⁷. В случае реализации этих планов в регионе развивалось бы комплексное лесопользование. Для развития лесной промышленности наиболее перспективными считались железная дорога Томск – Чулым (ее намечалось сдать в 1936 г.) и магистраль от берега Тихого океана до Балтийского моря (имел значение участок Тайшет – Ангара)³⁷⁸.

Ключевыми задачами виделись освоение массивов и строительство крупных комбинатов в Обско-Нарымском, Средне-Чулымском и Хакасском лесозаготовительных районах (что должно было способствовать установлению баланса между размещением лесных ресурсов и их добычей), а также развертывание лесохимии и выпуск изделий дерева для местных нужд. Для обеспечения потребности 10-миллионного населения Западносибирского края (из расчета 20 кг бумаги и картона на человека) требовалось производить 200 тыс. т продукции³⁷⁹. Благоприятные перспективы развития целлюлозно-бумажной промышленности в восточных районах подогревались принятым 8 марта 1932 г. постановлением ЦК ВКП(б). Планировалось возвести Чулымский и Красноярский комбинаты. Однако сроки реализации этого проекта (пуск предприятий в третьем квартале 1934 г.) ставились изначально нереальные, поскольку НКТП СССР еще только предстояло организовать производство оборудования (8 бумагоделательных машин, 8 варочных котлов, 11 дефибреров, насосы, сортировки, сгустители, каландры и другие механизмы)³⁸⁰.

³⁷⁷ Второй пятилетний план... С. 627–637.

³⁷⁸ Там же. С. 258, 647–648.

³⁷⁹ Кузьмин В. Пути хозяйственного развития Западной Сибири // Плановое хозяйство. 1932 № 2. С. 164–166.

³⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 875. Л. 20–21.

В конце первой пятилетки наиболее крупные перспективы в деле освоения сибирских лесов связывались с северными территориями. Грандиозность планов вызывалась успехами первой пятилетки в части реализации проекта Урало-Кузнецкого комбината и строительства в нижнем течении р. Енисея Игарского ЛК, который стал активно наращивать экспорт древесины по Северному морскому пути. Поэтому в короткие сроки (в пределах второй пятилетки) предстояло не только изучить и освоить лесные массивы в среднем течении р. Оби (Тобольский и Чулымский районы), среднем течении р. Енисея, нижнем течении р. Ангары и верхнем течении р. Лены (составная часть проекта Ангаростроя), но и построить здесь ряд предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины.

Академик И. Г. Александров³⁸¹ отмечал большой потенциал лесных массивов в *бассейне р. Ангары*, состоявших на 50 % из сосны и на 20 % – из ели и пихты, в деле развития лесопильно-деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслей. Особый акцент был сделан на актуальности использования древесины кедра сибирского и лиственницы в производстве деревянной черепицы (шингла), получившей распространение в Северной Америке благодаря ее дешевизне, прочности, стойкости против гнилостных заражений и огня, а также карандашной дощечки и водупорных труб³⁸². Профессор В. М. Малышев³⁸³ выдвинул гипотезу решения проблемы использования гидроэнергии этой восточносибирской реки. Активизация заготовки древесины становилась возможной только в случае строительства новых железных дорог (Ачинск-Енисейской и Ленской) и специальных лесных путей. Главная же проблема заключалась в крайне низкой изученности лесов³⁸⁴. Гипотеза В. М. Малышева во многом развивала предложения И. Г. Александрова, сформулированные на конференции Госплана СССР в 1932 г.

³⁸¹ Александров И. Г. (1875–1936 гг.) – с 1921 г. член президиума Госплана СССР, в 1931–1932 гг. возглавлял сектор энергетики Госплана СССР. Награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного знамени.

³⁸² Александров И. Ангаро-Байкальский район // Плановое хозяйство. 1933. № 7–8. С. 67–78; Он же. Проблема Ангаростроя // Плановое хозяйство. 1932. № 3. С. 194.

³⁸³ Малышев В. М. – гидротехник, главный инженер бюро Ангары «Гидроэнергопроекта».

³⁸⁴ Малышев В. М. Указ. соч. С. 18–19.

Крупные запасы спелого и перестойного леса, особенно сосны, кедра и лиственницы, позволяли проектировать развитие в Ангарском бассейне деревообрабатывающей, фанерной и целлюлозно-бумажной отраслей и только в этом случае – осуществление сплошных рубок. С целью расширения сырьевой базы целлюлозно-бумажной отрасли (запасы ели и пихты оказались незначительными) были осуществлены опыты по получению целлюлозы и искусственного волокна из кедровой древесины, и результаты оказались положительными. Перспективным направлением, которое активно «пробивали» ученые и специалисты отрасли на разных уровнях власти, являлось изготовление деревянной черепицы – шингла. Проведенные бюро Ангары опыты показали, что шингл можно производить даже кустарным способом.

Годичный отпуск древесины оценивался в 160 млн. м³, однако особенности возраста (перестойные насаждения) и состава (много фауных древостоев) лесов обуславливали в процессе эксплуатации огромные объемы отходов – 120–150 млн. м³. Поэтому теплофикация и электрификация сфер заготовки и механической обработки древесины должна была осуществляться на базе древесных отходов, глубокой переработки – на основе энергии от гидроустановок на р. Ангаре. Отходы служили также подспорьем для развития лесохимии³⁸⁵. По гипотезе В. М. Малышева, в Ангарском бассейне имелись необходимые условия для создания комплексного использования древесины с производством на месте готовых изделий и формирования связей с энергетикой, транспортом, строительной и другими отраслями.

Профессор Н. Н. Колосовский³⁸⁶, размышляя об итогах и перспективах реализации проекта Урало-Кузнецкого комбината, указывал на актуальность освоения лесных массивов на северо-востоке Кировского края, севере Урала и в Восточной Сибири. По расчетам ученого, восточные районы страны (Урал с Башкирией, Сибирь и Дальний Восток) должны были дать в 1937 г. 36,2 %

³⁸⁵ Там же. С. 19–20, 167, 174–175.

³⁸⁶ Колосовский Н. Н. (1891–1954 гг.) – экономист, экономико-географ, в 1921–1931 гг. работал в Госплане СССР, в 1931–1936 гг. – в институте «Гидроэнергопроект», в 1936–1946 гг. – в системе Академии наук СССР. Лауреат Сталинской премии.

вывезенной древесины в стране (61,5 млн. м³), в 1942 г. – 44,8 % (111 млн.), при этом почти половина объема приходилась на Сибирь. Придавалось особое значение строительству Ленско-Байкальской железной дороги и лесовозных ветвей в Приангарье, что позволяло увеличить объемы заготовки древесины до 100 млн. м³ только в Восточной Сибири, снабдить ей – преимущественно в обработанном виде – Среднюю Азию, районы Урало-Кузнецкого комбината и частично Европейскую часть страны, нарастить экспорт. С учетом изменений в географии лесных грузопотоков предлагалось проектировать в третьей пятилетке более дальние пробеги леса и более сложную кооперацию районов³⁸⁷. Вывод об увеличении дальности пробега лесных грузов вряд ли соответствовал установкам партийно-государственных органов в деле развития транспорта и нуждался в дальнейшей проработке.

В третьей пятилетке в связи с установлением водоохранной зоны в Европейской части страны повышалась актуальность проектов по освоению лесных массивов в нижнем течении р. Ангары, по строительству железной дороги Ачинск – Енисейск и специализированных лесных путей. Перспективным считалось создание Енисейского лесопромышленного узла в устье р. Ангары, к которому тяготели массивы с запасом древесины в 3,3 млрд. м³ с преобладанием сосны и лиственницы, причем преимущественно спелых и перестойных насаждений (и это на фоне слабой изученности лесов к северу от г. Красноярска). Только лесопильных рам можно было установить не менее 250, исходя из амортизационного срока работы заводов 20 лет. Напротив, Главлесозэкспорт рассчитывал построить в Енисейском узле 54 рамы, что позволяло предприятиям бесперебойно работать 50–60 лет. Енисейский лесопромышленный узел должен был включать также крупный целлюлозно-бумажный комбинат (его сырьевая база еще требовала подробного изучения), фанерное и лесохимическое производство. В перспективе намечалось развивать здесь и тяжелую промышленность³⁸⁸. То есть крупные запасы лесных ресурсов,

³⁸⁷ Колосовский Н. К пятилетию УКС // Плановое хозяйство. 1935. № 7. С. 126–127, 132.

³⁸⁸ Богорад Д. Современная экономика Красноярского края и перспективы его развития // Плановое хозяйство.

большой объем отходов лесопиления стимулировали создание в Нижнем Приангарье лесопромышленного узла (имевшего все шансы для превращения в мощный лесопромышленный комплекс), деятельность которого основывалась на комплексном использовании сырья. Планировалось, что благодаря строительству железной дороги Ачинск – Енисейск в 1939 г. в районе г. Енисейска начнется промышленное строительство.

Проектирование развития лесной промышленности на *севере Сибири* происходило в условиях слабой изученности лесов, наличия крупных рек с направлением течения на север, отсутствия железных дорог, малой численности населения, проживания коренных народов. Приоритетными направлениями стали освоение лесных ресурсов по берегам крупных рек и их основных притоков, строительство лесопильных предприятий для экспорта продукции. Удовлетворение внутренних потребностей Сибири в древесине связывалось с планами строительства железных дорог.

В Генеральном плане хозяйства Урала на 1927–1941 гг. отмечалось, что леса Тобольского Севера «входят целиком в категорию почти совершенно не эксплуатируемых площадей». К концу 15-летнего периода на этой территории должны были работать 6 пилорам (из 119 по Уралу)³⁸⁹. По лесозаготовительным районам, относящимся к северу Сибирского края, объем заготовки лесных ресурсов намечался в конце второй пятилетки в размере 55,89 млн. м³ (чуть более 60 % от показателя по краю). Но запланированная цифра была меньше возможного отпуска древесины по приросту (137,2 млн. м³). Основными территориями заготовки становились Обско-Нарымский, Ангара-Томский и Тайшет-Усть-Кутский лесозаготовительные районы, лесопиление сосредотачивалось в центральной зоне (Обско-Нарымский и Ангара-Томский районы)³⁹⁰. Для того чтобы приступить к освоению лесных ресурсов, требовалось осуществить большой объем работ по их изучению. Приоритет отдавался территориям, где проектировались новые железные дороги и

1936. № 12. С. 121–122; Он же. Енисейский лесопромышленный комплекс... С. 128–132.

³⁸⁹ Генеральный план хозяйства Урала... С. 313, 327.

³⁹⁰ Материалы к генеральному плану... С. 10 (467), 25 (482).

предприятия: нижнему и среднему течению р. Кети, районам Томск-Енисейской и Тайшет-Усть-Кутской железных дорог, р. Ангары. Лесозакономическими обследованиями намечалось охватить массивы по трассе будущей железной дороги Братск – Усть-Кут, в среднем течении р. Оби, в бассейне р. Ангары и в нижнем течении р. Енисея. В годы второй пятилетки леса севера должны были подвергнуться «сплошному учету по визирам в меридиональном направлении»³⁹¹.

По генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края за 1928/1929–1937/1938 гг. планировалось возвести 31 лесопильный завод мощностью 8,5 млн. м³ пиломатериалов. На севере основными районами размещения предприятий становились среднее течение р. Оби, нижнее и среднее течение р. Енисея, бассейн р. Ангары. В первой пятилетке должны были начать работу 12 заводов, во второй – 8.

Помимо этого, на севере края намечалось построить лесопильно-ящично-стружечный комбинат на р. Чулыме, фабрику по выработке спичечной соломки у г. Енисейска, 2 лыжных фабрики (у с. Нарыма и Братского), 3 фабрики строительных деталей (при Томск-Енисейском, Енисейском и Ангара-Братском лесопильных заводах), 5 фанерных фабрик (в п. Игарке, с. Братском, на р. Тyme, Ангаре и Чулыме) и 5 фибро-мессонитовых заводов³⁹². К концу второй пятилетки предприятия центральной и северной зон должны были производить 5,8 млн. м³ пиломатериалов (48 % от цифры по Сибирскому краю), 400 тыс. м³ фанеры (66,7 %), 1450 тыс. м³ мессонита (51,8 %), 8400 тыс. м² строительных деталей (56 %)³⁹³. В бассейне р. Оби должны были разместиться Томский (на р. Чулыме) и Тымский (при впадении р. Тыма в Обь) целлюлозно-бумажные комбинаты, на р. Енисей – Енисейский целлюлозно-бумажный комбинат и Северо-Енисейский целлюлозный завод (во всем крае намечалось построить 7 целлюлозно-бумажных предприятий). В конце первой пятилетки объем их

³⁹¹ Там же. С. 18–20 (475–477).

³⁹² Там же. С. 47–51 (503–507).

³⁹³ Там же. С. 26 (482).

продукции определялся 112 тыс. т бумаги и 25 тыс. т экспортной целлюлозы, второй – 272 тыс. т бумаги и 105 тыс. т экспортной целлюлозы³⁹⁴.

Поражают гигантские размеры проектировавшихся предприятий (и это в условиях слабой изученности лесов, неопределенности в реализации планов по сооружению железных дорог, дефицита трудовых ресурсов), схематичность расчетов мощности, необходимой рабочей силы и стоимости производств. Краевые власти стремились включить в строительную программу как можно больше объектов, пытаясь увязать их потенциал с намечавшимися масштабами освоения лесов и роста экономики. Если вопрос подготовки кадров в плане был проработан, то не понятно, за счет каких источников предполагалось финансировать и обеспечивать материалами и оборудованием строительство предприятий. При разработке общегосударственных вариантов пятилетних планов перечень основных строек в лесопромышленном комплексе и объем их финансирования были урезаны – в основном по причинам нехватки средств и слабого технико-экономического обоснования.

Масштабным по значимости представляется проект транспорта древесины из Обь-Иртышского узла по железной дороге через Уральские горы, а затем сплавом по р. Каме и Волге в Европейскую часть СССР³⁹⁵. Во-первых, строительство широтной железной дороги на Северном Урале и Тобольском Севере позволяло освоить крупные лесные массивы. Во-вторых, внимание к этой идее показывало истинное предназначение сибирской древесины на этапе индустриализации – покрывать дефицит в Европейской части СССР, невзирая на огромную протяженность маршрута.

Во втором пятилетнем плане строительная программа в лесной промышленности была существенно расширена. Особенно это касалось сферы механической обработки древесины. В Обско-Иртышской области намечалось возвести Белогорский ЛК, Нарыкарский и Тобольский ЛЗ. В Западносибирском крае предполагалось построить Чулымский ЛК и Ксеньевский фанерный завод,

³⁹⁴ Там же. С. 58–59 (514–515).

³⁹⁵ Капитонов И. Указ. соч. С. 175–176.

в Восточносибирском – Китойский ЛК и Енисейский ЛЗ. В Якутии намечалось возвести Якутский ЛК. В целлюлозно-бумажной отрасли планировалось в 1937 г. начать сооружение Чулымского комбината, в лесохимии – завода гидролиза древесины в Обско-Иртышской области и Енисейского завода пластмасс. Стоимость строительства равнялась (в ценах плана 1933 г.) 138,7 млн. руб., или 38,8 % от суммы капитальных вложений в новое строительство в отрасли в Обско-Иртышской области, Западносибирском и Восточносибирском краях и Якутской АССР³⁹⁶.

В то же время показатели капитальных вложений в лесную промышленность на Крайнем Севере (Мурманский округ, северные части Северного края, Уральской области, Восточносибирского и Дальневосточного краев, Якутская АССР) в 1933 г. и по плану на 1934 г. свидетельствуют о слабых позициях отрасли, даже с учетом неспециализированных организаций. Вложения в промышленность Наркомлеса почти не изменились (10,1 млн. руб. в 1933 г. и 11,4 млн. по плану на 1934 г.), тогда как в государственную промышленность возросли с 118 млн. до 209,2 млн. руб.³⁹⁷ Справедливо отмечалось, что в системе Главсевморпути (да и в целом по северу Сибири) лесной промышленности как самостоятельной отрасли не существовало. Игарский ЛК был подведомственен Наркомлесу СССР, а малые лесопильные заводы большого хозяйственного значения не имели³⁹⁸.

Середина 1930-х гг. была отмечена активизацией экономических исследований на Крайнем Севере. Этому способствовало создание в структуре Главного управления Северного морского пути при СНК СССР, становившегося ведущей хозяйственной организацией в макрорегионе, Научно-исследовательского института по изучению экономики Севера. Он функционировал с 1934 по 1937 гг., было подготовлено несколько работ о перспективах лесной промышленности. Сложность планирования заключалась

³⁹⁶ Второй пятилетний план... С. 627–637.

³⁹⁷ Кононов И. Контрольные цифры Крайнего Севера // Крайний Север к 1934 г. Сб. мат. по хозяйственному и культурному строительству. Приложение к журналу «Советский Север». М., 1934. С. 25–26, 29–30.

³⁹⁸ Баевский И. Освоение Северного морского пути // Плановое хозяйство. 1935. № 1. С. 169.

в том, что отрасль была слабо развита, лесные запасы почти не изучены, и судить о потребностях предприятий и населения в лесных ресурсах становилось возможно только приблизительно. Специалисты, планируя развитие отрасли на третью пятилетку, указывали на увеличение ее роли (помимо экспорта) в снабжении древесиной Севера (здесь не хватало исходных данных, и прогнозы были приблизительно) и соседних территорий, чему должно было способствовать строительство железных дорог Кабаковск – Белогорье и Ачинск-Енисейской ветки³⁹⁹.

Во второй половине 1930-х гг. было запланировано строительство нескольких предприятий. В Кондинском районе (Остяко-Вогульский округ) запасы пиловочника позволяли построить 4-рамный лесопильный завод для работы на экспорт или 12-рамное предприятие для удовлетворения внутренних потребностей. Благодаря запасам древесины в районах р. Ваха, Чулыма, Северной Сосьвы и других появлялась возможность организовать еще два предприятия. Береза высокого качества могла найти применение в лыжном и фанерном производстве, дрова и отходы – в лесохимии. То есть в нижнем течении р. Оби предполагалось развивать комплексное лесопользование. В Якутской АССР лесопиление должно было удовлетворять местные потребности⁴⁰⁰. В 1936 г. в г. Игарке предполагалось начать сооружение лесопильного завода, старые предприятия (заводы № 1 и 3) должны были закрыться, поэтому требовалась проблема использования отходов⁴⁰¹.

По ориентировочным подсчетам специалистов Наркомлеса, объем заготовки древесины в Сибири за третью пятилетку должен был увеличиться с 41,7 млн. до 158,9 млн. ф. м, распила сырья – с 7,67 млн. до 44,84 млн. ф. м. Основные объемы лесопромышленной деятельности приходились на бассейны р. Оби и Енисея. В районах севернее Транссибирской магистрали распил древесины увеличивался с 680 тыс. до 9,75 млн. ф. м. Специалисты Научно-исследовательского института экономики Севера давали более взвешенные

³⁹⁹ РГАЭ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 130. Л. 9–10.

⁴⁰⁰ Спецуро Н. В. Перспективы развития лесной промышленности Крайнего Севера... С. 47–48.

⁴⁰¹ А. А. Указ. соч. С. 15.

оценки развития лесопиления. Продукция заводов должна была возрасти до 3,09 млн. ф. м в 1942 г.

Выпуск продукции на экспорт возрастал, но ее удельный вес в общем объеме снижался. Экспорт пиломатериалов из бассейнов р. Оби, Енисея и Лены, должен был увеличиться с 278 тыс. до 612 тыс. ф. м, выпуск продукции для удовлетворения внутренних потребностей территории – с 425 тыс. до 1105 тыс., для вывоза в другие регионы – с 197 тыс. до 1375 тыс. ф. м. Развитие лесной промышленности связывалось с планами строительства железных дорог Томск – Чулым, Кабаковск – Белогорье, Ачинск – Енисей и доведения Байкало-Амурской магистрали до п. Усть-Кута.

Намечалось реконструировать или построить лесопильные заводы в среднем (могочинские, Кетский и ЛЗ «Красный Яр», Ксеньевский ЛК) и нижнем течении р. Оби (Белогорский ЛК с фанерным заводом, еще один лесной комбинат на р. Конде с гидролизным цехом и лыжной фабрикой, лесопильные заводы в районе впадения р. Северной Сосьвы в р. Обь и в п. Березово, Самаровский и Обдорский ЛЗ). Однако специалисты Института экономики Севера и Наркомлеса СССР считали, что было целесообразно разместить все предприятия в районе с. Белогорье и создать там мощный лесопромышленный комплекс, поскольку в том направлении проектировалась железнодорожная ветка от г. Кабаковска.

В нижнем течении р. Енисея планировалось реконструировать и расширить Игарский ЛК, в Ангари-Енисейском районе – реконструировать Маклаковский и Енисейский ЛЗ, соорудить три лесных комбината около г. Енисейска и лесопильный завод на проектировавшейся железной дороге Ачинск – Енисейск, еще одно предприятие в районе Подтесовской протоки для обслуживания судоверфи. Ангари-Енисейский лесоэкономический район считался наиболее перспективным с точки зрения развития лесной промышленности и должен был стать лидером в производстве пиломатериалов на севере Сибири. В бассейне р. Лены намечалось построить лесопильные заводы в п. Усть-Куте и на р. Хатанге, лесные комбинаты в г. Якутске, при

Пеледуйской верфи и в устье р. Вилюя, 9 однорамных предприятий в Алданском районе, по одной однорамной установке облегченного типа на р. Индигирке и Колыме. Новый вариант размещения лесопильно-деревообрабатывающей отрасли в Якутской АССР позволял приблизить предприятия к местам потребления их продукции⁴⁰². Считалось, что запланированное увеличение объемов лесопромышленной деятельности на севере Сибири не соответствовало крупным запасам лесных ресурсов.

В политике Советской власти прослеживается попытка освоить значительные лесные ресурсы севера Сибири без подробного их изучения, создавая ряд предприятий в районах, максимально удобных для транспорта древесины на внутренние рынки и на экспорт. По планам формировались, в виде своеобразных очагов в основных лесных массивах, лесопромышленные центры (в среднем течении р. Оби, в среднем и нижнем течении р. Енисея). Их потенциал предполагал комплексное использование древесины с целью удовлетворения в продукции внутренних потребностей территории и других регионов страны, экспорта. Повышенное внимание партийно-государственных, плановых органов, хозяйственных ведомств к лесной промышленности указывало на значительные, при соответствующем финансировании и материальном снабжении, возможности ее развития.

В *Дальневосточном крае*, где имелись значительные запасы лесов, и возможный отпуск древесины составлял 73,9 млн. м³, массивы были исследованы слабо, дрова преобладали в топливном балансе. На первую пятилетку были намечены рост объемов заготовки деловой древесины (с 2641 тыс. до 7298 тыс. м³ за пять лет) и лесных ресурсов в целом (с 6714 тыс. до 14074 тыс. м³), снижение удельного веса дров в топливном балансе (до 39,2 %). Потребность в древесине полностью удовлетворялась, что обуславливало повышение роли края в экспорте лесных ресурсов и материалов. В связи с этим намечалось сооружение железной дороги от р. Амура до бухты Де-Кастри. В конце первой пятилетки предполагалось начать строительство железной дороги

⁴⁰² Спецуро Н. В. Лесная промышленность в третьем пятилетии на Крайнем Севере... С. 81–88.

Хабаровск – Советская Гавань, которая давала также доступ к лесным массивам.

Имелись большие планы по развитию в крае лесопильно-деревообрабатывающей отрасли (помимо реконструкции заводов, строительство новых мощностью 1,6 млн. м³ пиломатериалов, организация производства разных изделий из дерева, целлюлозы и других товаров), изучению, устройству и освоению лесных массивов, рационализации и механизации сферы заготовки древесины. Вложения в лесную и деревообрабатывающую промышленность равнялись 67,5 млн. руб. за пять лет (в ценах 1926/1927 г.) (22,6 % от инвестиций в промышленность края). За первую пятилетку стоимость валовой продукции отрасли увеличивалась с 22,2 млн. до 90 млн. руб., ее роль в экономике была значимой. В лесохимии намечалось возведение Дровянинского комбината и ряда небольших заводов⁴⁰³.

По второму пятилетнему плану в Дальневосточном крае продолжалось развитие лесопиления и деревообработки, в том числе в направлении выпуска фанеры, мебели, изделий из дерева. Мощность сооружавшихся предприятий равнялась 1,15 млн. м³ пиломатериалов, 36 тыс. м³ фанеры, ли на сумму 7 млн. руб. В целом доля новых производств Сибири и Дальнего Востока равнялась в Советском Союзе 27,6 % по пиломатериалам, 26,1 % по фанере, 28,2 % по мебели⁴⁰⁴. По постановлению ЦК ВКП(б) от 8 марта 1932 г. планировалось возвести Уссурийский ЦБК⁴⁰⁵.

Лесопромышленным предприятиям Дальневосточного края отводилась функция удовлетворения местных потребностей и экспорта на тихоокеанские рынки, при этом подчеркивалась значимость механизации производственных процессов – в силу дефицита трудовых ресурсов. Только некоторые виды продукции считалось целесообразным перевозить на дальние расстояния на запад по железной дороге⁴⁰⁶. Создание фанерного завода рядом со ст.

⁴⁰³ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С. 284–285, 291, 294–297, 299.

⁴⁰⁴ Второй пятилетний план... С. 627–637.

⁴⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 875. Л. 20–21.

⁴⁰⁶ Капитонов И. Указ. соч. С. 176.

Океанская позволяло улучшить использование ценных пород. При этом важно было осторожно эксплуатировать леса, где была велика их водорегулирующая и почвозащитная роль, на горных склонах⁴⁰⁷.

В годы третьей пятилетки основной упор делался на развитие лесопиления⁴⁰⁸. В частности, по плану на 1941 г. в Хабаровском крае намечалось вывезти 5,76 млн. м³ деловой древесины, 5 млн. м³ дров, выпустить 300 тыс. ящиков спичек и 3,1 тыс. м³ фанеры клееной; в Приморском крае – вывезти 2,75 млн. м³ делового леса и 1,64 млн. м³ дров, произвести 10,9 тыс. м³ фанеры клееной. В каждой административной единице действовали по 23 заготовителя, но ведущими являлись Наркомлес (в Хабаровском крае – 31,7 % от объема заготовки древесины, в Приморском – 29,9 %) и НКВД СССР (соответственно 34 и 21,2 %)⁴⁰⁹.

Итак, в конце 1920-х гг. позиции лесной промышленности в экономике Сибири и Дальнего Востока были в целом слабыми. Отсюда наличие крупных проектов по заготовке и механической обработке древесины без серьезной увязки их с глубокой переработкой леса, поскольку большие объемы лесных ресурсов и материалов, как предполагалось партийно-государственными и плановыми органами, должны были вывозиться в другие районы Советского Союза. То есть восточные территории становились донорами для лесодефицитных территорий страны (центральной и южной частей Европейской России, Средней Азии).

Таким образом, партийно-государственные органы предполагали с конца 1920-х по начало 1940-х гг. превратить лесную промышленность в индустриальную отрасль экономики. В процессе планирования решались не только задачи освоения новых лесных массивов, увеличения объемов лесопромышленной деятельности, привлечения трудовых ресурсов, строительства и реконструкции предприятий. Важными моментами стали попытки реализовать мероприятия, способствовавшие интенсификации

⁴⁰⁷ Комаров В. Проблемы развития Дальневосточного края // Плановое хозяйство. 1936. № 2. С. 173–174.

⁴⁰⁸ Третий пятилетний план... С. 148.

⁴⁰⁹ Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год... С. 724–725, 728–729.

лесоэксплуатации, а также подготовить плановые документы на уровне регионов. Планирование позволяло определить основные направления развития лесной промышленности и ее роль в экономике страны, однако многие предложения и мероприятия так и не были осуществлены.

Первыми пятилетними планами предусматривалось создание комбинированных (или полукOMBинированных), экспортно-внутренних моделей на Европейском Севере, Урале и в Сибири. Даже в случае отклонения ряда проектов лесопильно-деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных предприятий региональные и центральные партийно-государственные, плановые органы, хозяйственные ведомства продолжали делать упор на развитие механической обработки и глубокой переработки древесины.

2.3. Система отраслевого и регионального управления

Государственная политика индустриализации подразумевала ускоренное развитие тяжелой промышленности и переустройство промышленных структур на основе нового территориально-производственного районирования. Ликвидация децентрализованной системы управления привела к размножению властных структур, одной из черт которых было свойство воспроизводиться на всех уровнях экономики⁴¹⁰. Отраслевые хозяйственные организации подчинялись центральным народным комиссариатам и были лишены самостоятельности при реализации мероприятий пятилетних планов.

Революционные события 1917 г., установление Советской власти обусловили выработку новых подходов к лесному хозяйству и лесопользованию. В конце 1910-х – конце 1920-х гг. распоряжение и пользование лесами определялось «Основным законом о лесах» (27 мая 1918 г.) и Лесным кодексом РСФСР (принят 7 июля 1923 г., введен с 1 августа 1923 г.). Леса были признаны общенародным достоянием, делились на

⁴¹⁰ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / пер. с франц. А. И. Пигалева. М., 2010. С. 153–154; Маркевич А. М. Указ. соч. С. 119.

эксплуатационные и защитные, по Лесному кодексу составляли единый государственный лесной фонд. Он включал леса местного и общегосударственного (делились в свою очередь на государственные и леса особого назначения: защитные лесные дачи, учебно-опытные, памятники природы, горнозаводские и другие) значения⁴¹¹. Лесная отрасль задумывалась партийно-государственными органами в качестве эффективно функционирующей системы. Она должна была приносить существенный доход в бюджет страны, обеспечивать потребности в деловой и дровяной древесине промышленности, транспорта и населения. Несмотря на значимость в экономике, лесная промышленность рассматривалась многими партийно-государственными деятелями, учеными, экономистами в качестве второстепенной, слабо индустриализированной.

Лесохозяйственные функции были сосредоточены в Народном комиссариате земледелия, лесопромышленные – в Высшем совете народного хозяйства. В 1920-х гг. в разных районах страны действовали лесные (наиболее мощные – в северных и восточных территориях («Северолес», «Камуралбумлес», «Сиблес»)) и бумажные тресты (ведущие – «Центробумтрест» и «Ленинградбумтрест»), обладавшие относительной самостоятельностью и имевшие возможность реализовать проекты по реконструкции и строительству предприятий.

Планы по реорганизации системы управления отраслью появились в середине 1920-х гг., но тогда большинство лесоводов выразило несогласие с подобными изменениями. По мере усиления централизации в общественно-политической и экономической жизни, разработки и реализации курса на индустриализацию, необходимости обеспечения потребностей страны и экспорта в лесных ресурсах и материалах партийно-государственные органы инициировали реформы. 2 февраля 1928 г. СНК СССР принял постановление «О мерах по упорядочению лесного хозяйства», 12 июля 1929 г. СТО – «О реорганизации лесного хозяйства и лесной промышленности». 27 августа 1929

⁴¹¹ Декреты Советской власти. Т. II... С. 312–313, 324; Лесной кодекс РСФСР... С. 38–39, 113.

г. СТО в постановлении «О перспективном плане развития лесного хозяйства и лесной промышленности Союза ССР за пятилетие 1928/1929–1932/1933 гг.» предложил в лесных массивах, которые передавались основным заготовителям, ликвидировать лесничества и лесозаготовительные конторы и на их базе организовать предприятия – лесопромышленные хозяйства (далее везде – ЛПХ). В остальных массивах создавались лесхозы⁴¹².

По постановлению «О реорганизации лесного хозяйства и лесной промышленности» были выделены леса промышленного значения и переданы в ведение ВСНХ СССР. Главное хозяйственное ведомство получило контроль над лесными массивами, подлежащими эксплуатации (около 93 млн. га, или 84 % лесного фонда Европейской части РСФСР), и стало реализовывать практику лесопользования, диктовавшуюся партийно-государственными органами⁴¹³. Официальной причиной централизации управления лесной отраслью в ВСНХ стала необходимость ослабления роли народных комиссариатов земледелия союзных и автономных республик в лесопользовании, которые самостоятельно проектировали развитие лесного хозяйства и лесной промышленности, без учета предложений других промышленных отраслей страны. Народные комиссариаты земледелия резко критиковались в части возможностей охраны лесов. В первом пятилетнем плане получила развитие идея пересмотра установленного возраста спелости лесов в сторону его снижения с целью прекращения сверхсметных рубок⁴¹⁴. Искусственно снижая возраст спелости лесов, развивая транспортную инфраструктуру, восстанавливая леса и проводя ряд других мероприятий, плановые и партийно-государственные органы предполагали тем самым интенсифицировать лесопользование, в том числе в новых лесных массивах.

⁴¹² Деятельность государства по охране лесов... С. 292–303. 5 декабря 1929 г. Экономический совет РСФСР принял постановление «Об утверждении положения о советских лесных хозяйствах (лесхозах) и о советских лесопромышленных хозяйствах (леспромхозах).

⁴¹³ Флейшиц Е. А. Указ. соч. С. 22–23. 30 сентября 1930 г. ЦИК и СНК СССР передали в ведение ВСНХ СССР все лесные фонды, кроме лесов местного значения, защитных и курортных.

⁴¹⁴ Брэн С. Указ. соч. С. 63–64; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1... С. 352–354, 361–362.

Основными заготовителями стали «государственные лесопромышленные предприятия, подведомственные ВСНХ союзных республик и их местным органам, а также лесозаготовительные органы народных комиссариатов земледелия и путей сообщения». Лесные массивы в основных районах деятельности органов ВСНХ и НКПС передавались из органов Народного комиссариата земледелия им в долгосрочное пользование (60 лет). Заготовители должны были выполнять ряд работ: «охрану лесов, лесоустроительные и мелиоративные работы, очистку мест рубок, работы по улучшению сплавных путей, дорожное и жилищное строительство, работы по уходу за лесом и по возобновлению леса, а также по составлению эксплуатационных планов с определением ежегодного размера рубки...»⁴¹⁵

В результате реформы количество лесопользователей сократилось. К примеру, в Коми автономной области лесные массивы, подлежащие эксплуатации, были приписаны трестам «Комилес», «Северолес», «Ураллес», «Севвостлес»⁴¹⁶. В Сибирском крае в качестве основных заготовителей были оставлены «Сиблестрест» и «Сиблесзаг», НКПС (топливно-лесные отделы Томской и Омской железных дорог). К самозаготовкам были допущены хозяйственные организации каменноугольной и золотодобывающей промышленности и Комитет Северного морского пути. После раздела Сибирского края 90 % лесных массивов оказались в ведении Западносибирского и Восточносибирского лесных трестов, 9,9 % – «Кузбассугля» и «Транслестреста». На Дальнем Востоке во второй половине 1920-х гг. лесопромышленную деятельность вели «Дальлес», Амурский лесной трест, НКПС, «Лесзаг» Народного комиссариата земледелия, Петровский чугунно-литейный завод и др. С 1930 г., кроме японского синдиката на концессионном участке «Хадя и Конни», был оставлен в качестве заготовителя трест «Дальлес»⁴¹⁷.

⁴¹⁵ Попков А. Указ. соч. С. 116; Советская лесная экономика... С. 154.

⁴¹⁶ Индустриализация Коми автономной области... С. 93.

⁴¹⁷ Куют Ф. Указ. соч. С. 103, 109; Попков А. Указ. соч. С. 116–117, 120.

Однако органы и тресты не располагали необходимыми финансовыми, материальными и трудовыми ресурсами, научными и организаторскими знаниями для осуществления мероприятий: перехода на 6–9-месячный сезон лесозаготовок, отделения рубки от возки и рационализации производственных процессов, формирования кадров постоянных рабочих, жилищного строительства и снабжения, чистки аппарата. Партийные и профсоюзные органы расценивали эту ситуацию как срыв правительственных директив, саботаж⁴¹⁸. Трестам и предприятиям приходилось трудно. Нужно было привлечь сезонных рабочих с лошадьми, создавать свои кадры и обоз.

В 1930 г. в структуре ВСНХ СССР был образован специализированный орган управления лесной промышленностью – Государственное объединение лесной промышленности и лесного хозяйства «Союзлеспром». Постановлением СНК СССР от 31 мая 1931 г. «Об организации лесного хозяйства» лесные массивы были разделены на две части. Зону лесопромышленного значения оставили в ведении ВСНХ (в 1932 г. передали Наркомлесу СССР), зону лесокультурного значения (юг и частично средняя полоса страны) – Народного комиссариата земледелия СССР⁴¹⁹.

Приказом ВСНХ СССР 24 июля 1931 г. на базе Союзлеспрома было создано Главное управление лесной промышленности (Главлеспром)⁴²⁰. Громоздкость структуры ВСНХ привела к его упразднению и разукрупнению в январе 1932 г. Полномочия и предприятия Главлеспрома были переданы Народному комиссариату лесной промышленности СССР. Структуру Наркомлеса образовали семь отраслевых главных управлений (Союзлесзаг, Союзлесдрев, Союзлесострой, Союзмебель, Союзлесосплав, Союзлесохим,

⁴¹⁸ ГАКК. Ф. Р-1042. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–12; Дальний Восток недопустимо отстал // Тихоокеанская звезда. 1930, 11 января. С. 2; Молевой Темп заготовок явно недостаточен // Тихоокеанская звезда. 1930, 7 января. С. 3.

⁴¹⁹ Цепляев В. П. Указ. соч. С. 395.

⁴²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 836. Л. 3; Д. 837. Л. 1. Главлеспром был создан вслед за разделением территории страны на лесопромышленную и лесокультурную зону. В его составе организовали краевые объединения в основных лесных районах (Северо-Западная, Западная области, Белорусская ССР, Северный и Нижегородский края, Уральская область, Западносибирский и Восточносибирский края) с трестами по заготовке и сплаву леса и переработке древесины. Границы леспромхозов должны были совпадать с административными границами районов. Начальником Главлеспрома и одновременно заместителем председателя ВСНХ СССР по лесной промышленности стал А. М. Фушман.

Союзбумага), а также ряд функциональных управлений (например, Союзлесосбыт, Лесдревснаб)⁴²¹.

В составе Главлеспрома, затем Наркомлеса действовали региональные объединения (например, Дальлеспром, Севлеспром, Ураллеспром), включавшие тресты, которым подчинялись группы предприятий (по территориальному или функциональному признакам). По мере осуществления индустриализации деятельность лесопромышленных объединений стала критиковаться. В середине 1931 г. секретарь ЦК ВКП(б) по переселенцам П. Постышев, посетивший Северный край, критиковал громоздкую структуру управления лесной промышленностью, состоявшую из трех трестов и объединявшего их ведомства. Было предложено, в частности, ликвидировать Севлеспром и передать часть его персонала в леспромхозы и лесопункты⁴²².

Отпуск древесины государственным учреждениям и организациям, в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г., стал производиться бесплатно. До этого, в 1920-х гг., лесные таксы обеспечивали государству относительно высокие доходы (за 1923/1924–1929/1930 гг. они возросли с 56,1 млн. до 272,2 млн. руб.)⁴²³. С приходом к власти большевиков таксы были введены в октябре 1918 г., затем пересматривались в начале 1923 г. и – после продолжительной работы – в 1928/1929 г. Попенная плата в виде дифференцированных лесных такс, учитывавших породный и качественный состав насаждений, расстояние вывозки, способствовала рациональному лесопользованию, вовлечению в оборот новых массивов, по сути, имела организующее значение для лесной промышленности, но требовала содержания большого аппарата специалистов. Разработчики первого пятилетнего плана предполагали существенный рост лесного дохода.

В начале 1932 г. была введена плата за лес на корню для заготовителей, кроме народных комиссариатов путей сообщения, лесной промышленности. Отменялся также льготный и бесплатный отпуск древесины населению и для

⁴²¹ Флейшиц Е. А. Указ. соч. С. 25.

⁴²² Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 206–208.

⁴²³ Писаренко А. И. Лесное хозяйство России: от пользования – к управлению... (дата обращения: 04.12.2021).

иных общественных потребностей. В 1936 г. попенная плата для основных заготовителей была восстановлена. Она носила сугубо экономический характер, определялась сверху (для 1936 г. – в размере 200 млн. руб.) и имела стимулирующее значение для руководителей хозяйственных организаций и предприятий. Народные комиссариаты, получив попенную плату, лишались ассигнований из государственного бюджета на эту же сумму. При этом оценка леса на корню и выработка лесных такс на 1936 г. не осуществлялись⁴²⁴.

На рубеже 1920–1930-х гг. наблюдалось распространение сплошных рубок, «прежние» подходы критиковались. В ходе дискуссии концепции и положения ведущих теоретиков лесного дела М. М. Орлова, Г. Ф. Морозова, В. Н. Сукачева и их учеников (принцип постоянства пользования лесом, изучение прироста для нужд установления размера рубки, установление оборотов рубки) были отвергнуты. При этом ответы на многие «острые» вопросы (как осуществлять лесное хозяйство и рубку древесины) не были даны⁴²⁵. Новой теоретической основой лесопользования стали приоритет плана в регулировании заготовки лесных ресурсов и концентрированный метод рубки.

Критика развернулась как на государственном, так и на региональном уровне⁴²⁶. В частности, переход на сплошные рубки, особенно на Европейском Севере, аргументировался плановыми и хозяйственными органами тем, что здесь будут функционировать целлюлозно-бумажные предприятия, которые станут основными потребителями мелкотоварной древесины, а также будут использовать древесные отходы для производства энергии⁴²⁷. В первой половине 1930-х гг. те же самые настроения выражал и народный комиссар лесной промышленности СССР С. С. Лобов, напрямую заинтересованный в выполнении отраслью планов любой ценой⁴²⁸. Он отмечал, что применение принципа непрерывности лесопользования «неизбежно повлекло бы за собой

⁴²⁴ Столяров С. Г. Указ. соч. С. 11–13.

⁴²⁵ Полушко И. З. Указ. соч. С. 8–9; Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия... С. 341–342.

⁴²⁶ Красовский И. Указ. соч. С. 28–30; Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие... С. 28, 39.

⁴²⁷ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1... С. 199–200.

⁴²⁸ Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия... С. 342.

срыв тех заданий, которые намечаются во второй пятилетке по развертыванию лесной промышленности и лесозаготовки...»⁴²⁹.

Официально декларировалось, что объединение лесного хозяйства и лесной промышленности является правильным шагом (в противовес лесопользованию в «капиталистических странах») и даст возможность хозяйственным ведомствам лучше заботиться о лесах. На фоне усиления рубки лесов в конце 1910-х – начале 1920-х гг. (особенно в центральной части страны), сопровождавшейся расстройством хозяйства, истреблением ценных массивов, решения периода первой пятилетки выглядели прогрессивными.

Еще одной важной задачей стало комбинирование предприятий по заготовке, механической обработке и глубокой переработке лесных ресурсов. Это могло способствовать решению проблемы комплексного лесопользования, выпуску товаров-заменителей⁴³⁰. Основаниями для создания комбинатов определялись единство сырьевой базы, система энергоснабжения, взаимное использование отходов. Эти принципы отразили суть реформ лесной отрасли, когда комбинаты, получавшие в пользование массив с разнообразным сырьем, должны были, применяя концентрированные рубки и на основе механизации производственных процессов, добиваться комплексного лесопользования. Основной посыл заключался в максимальном обеспечении потребителей готовой продукцией и сокращении процессов создания другими ведомствами и организациями в своих структурах подсобных лесопильно-деревообрабатывающих предприятий и цехов⁴³¹. На практике смысл комбинирования был упрощен. Сданные в эксплуатацию комбинаты представляли собой конгломераты плохо связанных между собой цехов⁴³².

За организацией самостоятельного народного комиссариата лесной промышленности в 1932 г. последовало реформирование его структуры. Под

⁴²⁹ Цит. по: Пашков К. И. Указ. соч. С. 449.

⁴³⁰ Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Комбинирование на базе отходов... С. 4–8.

⁴³¹ Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Новые производства... С. 12, 17–18; Труды I Всесоюзной конференции... С. 34–39.

⁴³² Гучев Н. Н. О комбинировании и кооперировании предприятий в лесной промышленности // Лесная индустрия. 1934. № 3. С. 5–7, 9.

лозунгом приближения сферы управления к производству ликвидировались «лишние» звенья – объединения и осуществлялся переход к двух- и трехзвенной системе управления отраслями. В ряде случаев (особенно в условиях дефицита квалифицированных специалистов в районах нового освоения) это было целесообразно. Из-за большого числа леспромхозов (около 700) считалось нецелесообразным оставить вместо пяти (леспромхоз – трест – управление – уполномоченный – главк) три звена: леспромхоз – хозрасчетное областное управление лесозаготовок и сплава – главное управление. Предлагалось ликвидировать сплавные тресты, а входившие в их состав предприятия подчинить областным управлениям лесозаготовок и сплава, чтобы более рационально использовать управленческий аппарат и рабочую силу⁴³³.

Основным звеном в системе управления лесной промышленностью провозглашалось предприятие (леспромхоз). Отдельным подразделениям (лесопунктам, цехам) предлагалось предоставить максимальную самостоятельность в деле использования материальных ресурсов для выполнения планов. Основной формой управления однородными предприятиями в рамках лесозаготовительного района являлся хозрасчетный трест. Вводился институт уполномоченных Наркомлеса СССР при областных и краевых исполкомах с широким функционалом по реализации задач ведомства на отдельной территории, обеспечению выполнения планов. Одновременно подлежали ликвидации отраслевые объединения, организовывались отраслевые главные управления⁴³⁴.

Сложность реализации этой схемы заключалась в том, что Наркомлес осуществлял деятельность на огромных территориях и в то же время в ряде районов, где были сильными позиции других народных комиссариатов и хозяйственных организаций, не являлся лидером. Усложнялось управление комбинатами (на которые во второй пятилетке делалась ставка), основные

⁴³³ Герман Г. М. Указ. соч. С. 1–3.

⁴³⁴ Труды I Всесоюзной конференции... С. 81–82.

структурные подразделения которых оказывались в подчинении у разных главных управлений и трестов.

На XVII съезде ВКП(б), состоявшемся в конце января – первой декаде февраля 1934 г., много критики прозвучало по поводу структуры Наркомлеса СССР, его взаимодействия с организациями и предприятиями. Главные проблемы заключались в слабой связи ведомства с низовыми подразделениями – лесными и сплавными пунктами, «запутанности» управления местными органами, низком уровне контроля за выполнением решений. Критика коснулась и организационной структуры народного комиссариата, где почти половина стоимости продукции была сосредоточена в руках одного главного управления – Союзлесзага, работа которого оставляла желать лучшего⁴³⁵.

19 сентября 1934 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о реорганизации Наркомлеса и его местных органов. Ликвидировались главные управления Союзлесзаг, Союзлесосплав, Союзмебель и ряд секторов, институт уполномоченных в административно-территориальных единицах, объединения Востсиблеспром, Дальлеспром и Союзлесосбыт, 17 трестов и ряд контор⁴³⁶. Созданные главные управления занимались оперативным, техническим, кадровым, сбытовым и финансовым руководством подчиненных им трестов, предприятий и других хозрасчетных организаций. В результате принятых постановлений ЦИК и СНК СССР от 19 сентября 1934 г. и СНК СССР от 9 декабря 1935 г. они структурировались, за исключением главных управлений транспорта, строительства, рабочего снабжения, учебных заведений, по производственно-территориальному (в сфере заготовки древесины и целлюлозно-бумажной отрасли: Главвостлес, Главсиблес, Главсевлес, Главюгзаплес, Главдальлес, Главзапбумпром, Главвостбумпром) и производственному (Главлесдрев, Главлесоэкспорт, Главлесхим, Главспичпром, Главцеллюлоза) принципам⁴³⁷.

⁴³⁵ XVII съезд... С. 539, 546–547.

⁴³⁶ Постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации Народного комиссариата лесной промышленности и его местных органов». 19 сентября 1934 г. URL: <http://istmat.info/node/41847> (дата обращения: 13.01.2022).

⁴³⁷ Флейшиц Е. А. Указ. соч. С. 29–31.

Ввиду осуществления лесопромышленной деятельности на огромной территории система управления была только подкорректирована путем ликвидации территориально-производственных объединений. Основные органы сосредоточились в Москве и столицах союзных республик и включали народный комиссариат, главные управления, тресты и предприятия (некоторые заводы напрямую подчинялись ведомству и его управлениям).

Активная эксплуатация лесов Европейской части страны и низкие темпы развития лесной промышленности в Сибири и на Дальнем Востоке заставили государственные органы принять меры по ограничению лесопользования. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 июля 1936 г. часть лесов выделялась в водоохранную зону. В нее был включены массивы, расположенные в бассейнах р. Волги, Дона, Днепра, Урала и верхнего течения р. Западной Двины и их притоков, в Винницкой и Одесской областях, общей площадью около 54 млн. га. В полосах шириной 20 км по главным рекам и 4 км по их притокам допускались только выборочные санитарные рубки. В остальной части водоохранной зоны рубка леса позволялась в пределах, не превышавших ежегодного прироста⁴³⁸.

В малолесных районах этой зоны (верховья р. Волги, бассейны р. Оки, Днепра, Дона, Западной Двины, Немана и других рек) ограничения привели к положительным изменениям. Напротив, в Молотовской, Кировской, Горьковской областях за тот же период произошло увеличение показателей заготовки древесины на 43,5 %. Возросли объемы лесозаготовок в лесопромышленной зоне (в Карелии, Свердловской области, Сибири)⁴³⁹. Решение о выделении водоохранной зоны, которое должно было способствовать уменьшению объемов лесопользования и сохранению лесов в бассейнах важнейших рек Европейской части страны, не выполнялось в полной мере из-за продолжавшихся лесозаготовок.

⁴³⁸ Горчаковский П. Указ. соч. С. 63.

⁴³⁹ Лесозаготовительная промышленность... С. 18.

Реорганизации Наркомлеса продолжились и далее, но преимущественно в рамках главных управлений. Их целью было создание структур для управления новыми или активно развивавшимися компонентами лесной промышленности. Структура Наркомлеса, по мере освоения новых массивов и видов продукции, строительства предприятий, присоединения к Советскому Союзу ряда территорий в конце 1930-х – начале 1940-х гг., усложнилась. Если в 1936 г. в системе Наркомлеса СССР функционировали 43 лесных треста, то в 1940 г. – 20 главных управлений, объединявших 99 лесных трестов⁴⁴⁰. Одному главному управлению или тресту подчинялись предприятия, работавшие в разных природных и организационно-экономических условиях, не связанные между собой хозяйственными, кооперационными, технологическими связями.

Несколько примеров реорганизаций структуры Наркомлеса в центре и регионах помогают понять непростую судьбу ведомства и отрасли. В 1932 г. в системе Союзлесосплава были созданы специализированные сплавные тресты в Северном и Горьковском краях, Ленинградской и Уральской областях, в Украинской ССР. Но уже 3 декабря 1934 г. народный комиссар лесной промышленности СССР С. С. Лобов принял решение об их ликвидации. Сплавные конторы бывших трестов продолжили работу в составе лесозаготовительных организаций⁴⁴¹. В начале 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б), столкнувшись с низкими темпами механизации лесозаготовки, объявили механизированный лесопункт основным производственным звеном механизированных лесоразработок. Предприятия предполагалось обеспечить сырьевой базой из расчета срока работы не менее семи лет, сетью узкоколейных и рационализированных путей, техникой, складами для разделки и погрузки лесных ресурсов⁴⁴². Так, в трест «Свердлес» в 1934 г. вошли 20 леспромхозов, восемь химлесхозов, а в 1935 г., после организационных изменений, его состав был представлен пятью леспромхозами и 11

⁴⁴⁰ Советская лесная экономика... С. 367–368.

⁴⁴¹ ГАСО. Ф. р-2030. Оп. 1. Д. 13. Л. 26.

⁴⁴² Советская лесная экономика... С. 258.

мехлесопунктами. К началу Великой Отечественной войны функционировали два леспромхоза, 17 мехлесопунктов и автомехкомбинат⁴⁴³.

В сентябре 1936 г. в структуре Наркомлеса было образовано Главное управление целлюлозной промышленности (Главцеллюлоза). По данным на 1 мая 1937 г., когда осуществлялась передача дел от начальника А. К. Крайса новому руководителю Я. А. Балмасову, в состав управления входили Сясьский целлюлозный комбинат, целлюлозный завод им. Свердлова, Соломбальский сульфатно-целлюлозный завод, строительство Соломбальского завода (вторая очередь) и три управления строительства сульфитно-целлюлозных заводов (Архангельского, Соликамского и Котласского)⁴⁴⁴. В этом отношении создание нового главного управления в составе трех действовавших и 4 строившихся производств объясняется в первую очередь крупными перспективами отрасли.

В Советском Союзе работал ряд межведомственных и отраслевых организаций по проектированию предприятий лесопромышленного комплекса, а также рабочих поселков при них⁴⁴⁵. С образованием Наркомлеса главным проектным институтом стал «Гипролеспром». Приказом по ведомству от 13 августа 1934 г. он был разделен на три организации по отраслевому принципу: «Гипробум», «Гипролесхим» и «Гипродрев»⁴⁴⁶. В середине 1930-х гг. вместо разнообразных строительных организаций и подрядчиков, осуществлявших строительство предприятий, было создано специализированное главное строительное управление Наркомлеса СССР. Подобные институциональные реформы хоть и приводили к концентрации управления проектированием и строительством предприятий в специализированных организациях и под контролем народного комиссариата, переломить проблемы союзного масштаба в сферах труда, заработной платы, снабжения, механизации и других не могли. Побочным результатом увеличения объемов проектирования промышленных,

⁴⁴³ Глузман В. Л. Указ. соч. С. 7–8.

⁴⁴⁴ РГАЭ. Ф. 7640. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 9.

⁴⁴⁵ Казусь И. А. Указ. соч. С. 215–216, 232–233, 243

⁴⁴⁶ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-48. Оп. 1-1. Д. 1. Л. 2–2об.

транспортных и вспомогательных объектов стала организация мелких проектных контор, конкурировавших с головными институтами Наркомлеса⁴⁴⁷.

Помимо этого, в 1936 г. были образованы народные комиссариаты лесной промышленности Белорусской и Украинской советских республик, в 1938 г. – РСФСР. В апреле 1940 г. из состава Наркомлеса СССР был выделен Народный комиссариат целлюлозной и бумажной промышленности (далее везде – Наркомбумпром), в ведение которого перешли предприятия, выпускавшие бумагу, целлюлозу, картон и фибру. Предыстория реорганизации заключалась в значительном ухудшении в сезон 1938/1939 г. снабжения целлюлозно-бумажных предприятий сырьем. XIII всесоюзный съезд рабочих бумажной промышленности в 1939 г. предложил президиуму ЦК Союза бумажников поставить перед СНК СССР вопрос о выделении отрасли в самостоятельное ведомство⁴⁴⁸. В структуру нового народного комиссариата были включены 8 главных управлений, 24 отдела, сектора и других подразделений. В непосредственное подчинение ведомству перешли Камский и Балахнинский ЦБК, а также тресты «Союзукрбумтрест», «Союзбелбумтрест», «Союзбумстроймонтаж», проектный и научно-исследовательский институт, издательство «Госбумиздат»⁴⁴⁹. С одной стороны, выделение Наркомбумпрома в самостоятельное ведомство свидетельствовало о возросшей роли и крупных перспективах целлюлозно-бумажной отрасли в стране. С другой – объем валовой продукции, количество предприятий были незначительными на фоне других народных комиссариатов, тогда как система ведомства была громоздкой и охватывала большинство районов страны. Сфера заготовки древесины осталась в компетенции Наркомлеса и НКВД СССР⁴⁵⁰, и проблему снабжения целлюлозно-бумажных предприятий сырьем решить полностью не удалось.

⁴⁴⁷ Нестеровский А. Ликвидировать излишества в проектно-сметном деле // Плановое хозяйство. 1940. № 11. С. 79.

⁴⁴⁸ Там же. Д. 10. Л. 6.

⁴⁴⁹ Постановление СНК СССР «Об организационной структуре Народного комиссариата целлюлозной и бумажной промышленности, 15 августа 1940 г.» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1940 год. М., 1944. С. 746–749.

⁴⁵⁰ Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год... С. 58, 67–70, 138–140, 178–179, 474. Ведущими лесопользователями являлись Наркомлес СССР, НКВД, Народный комиссариат черной металлургии. К прочим заготовителям относились 30 народных комиссариатов, промысловая кооперация, 4

Активное развитие во второй половине 1930-х гг. гидролизной отрасли и рост объемов производства сульфитной целлюлозы обусловили создание специализированного ведомства в этой сфере, но подчиненного в силу стратегического значения непосредственно СНК СССР. Учрежденному Главному управлению сульфитно-спиртовой и гидролизной промышленности (далее везде – Главлесоспирт), которое возглавил В. Чуенков, имевший большой опыт хозяйственной и управленческой работы в лесной промышленности, подчинялись предприятия, учебные заведения, научно-исследовательские и проектные учреждения⁴⁵¹.

На протяжении первых пятилеток велся поиск решений по повышению эффективности функционирования предприятий. Серьезными спорами и конфликтами сопровождалось отнесение или передача предприятий тем или иным трестам. Так, в 1930 г. местные органы власти Карелии и трест «Желлес» пытались противодействовать передаче Соловецким лагерям ряда лесных массивов республики, ссылаясь на угрозы для развития хозяйственных организаций, сокращение доходов регионального бюджета⁴⁵². Попытки оказались безуспешными, и лагерный комплекс стал заготавливать древесину в континентальной части автономии. Хотя проблемы в лесопромышленной деятельности у трестов и Соловецких лагерей были общими.

Установление в 1936 г. водоохранной зоны явилось запоздалым решением в ответ на ухудшение водного режима волжского бассейна вследствие возросших объемов заготовки древесины по берегам сплавных рек. Однако введенный в этой зоне режим рубки в ряде случаев осложнял деятельность лесозаготовительных организаций. В Предуралье, где заготовку древесины осуществляли тресты металлургических ведомств, и где была образована крупная водоохранная зона по берегам р. Камы и ее притоков (от 6 до 20 км от каждого берега), началась «борьба» за восстановление права вести

совета народных комиссаров советских республик, 4 главных управления.

⁴⁵¹ Постановление СНК СССР «Об утверждении Положения о Главном управлении сульфитно-спиртовой и гидролизной промышленности при Совете народных комиссаров Союза ССР, 2 августа 1940 г.» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1940 год. М., 1944. С. 713–717.

⁴⁵² Шульгина М. В. Указ. соч. С. 131.

промышленные рубки леса. В 1937 г. группа специалистов, исследовавшая по поручению управления «Востокостали» правила отпуска леса и режимы рубок в водоохранной зоне р. Чусовой и верхнего течения р. Камы, где имелись большие запасы перестойного леса, пришла к выводу о необходимости установления на этой территории особой зоны эксплуатации экстенсивной формы. Приоритет отдавался сплошным рубкам, сплаву древесины, но при этом признавалась малая вероятность перспектив искусственного возобновления лесов (в том числе из-за дороговизны работ и дефицита работников), а срок эксплуатации лесных участков составлял не более 10 лет с целью экономии капитальных вложений и текущих расходов. Сокращение объемов сплава обусловило неудовлетворение потребностей в лесе хозяйственных организаций Молотовской области, Среднего и Нижнего Поволжья, часть нужд покрывалась ввозом древесины из Свердловской области. В результате 18 января 1941 г. Главное управление лесоохраны и лесонасаждений (далее везде – Главлесоохрана) сократило ширину защитных полос до 3 км от каждого берега. Если в 1940 г. отпуск леса Молотовским управлением лесоохраны и лесонасаждений равнялся 18 млн. ф. м, то в 1941 г. – 30,8 млн.⁴⁵³ В связи с начавшейся войной объемы заготовки древесины стали сокращаться.

Случай с Игарским ЛК в 1936 г. наглядно демонстрирует, как даже местные власти пытались – и вполне осознанно – манипулировать мнениями руководителей государственных и хозяйственных органов по вопросу ведомственной принадлежности этого важного предприятия и вписать его в иное, нежели Красноярский край, географическое пространство. Игарский ЛК, работавший преимущественно на экспорт и чья продукция пользовалась мировой известностью, являлся лишь конечным звеном более крупного комбината, подведомственного тресту «Севполярлес» Наркомлеса СССР, растянувшегося почти на 2 тыс. км вдоль среднего и нижнего течения р. Енисея. Исключение из этого комбината звена грозило сбоями в поставках

⁴⁵³ Леса Урала... С. 50–52, 63, 162–165.

древесины и выполнении экспортных заданий, а также дискредитировало политику Советской власти по развитию комбинированных предприятий.

Секретарь Игарского городского комитета ВКП(б) В. П. Остроумова, побывавшая в 1935 г. в Москве на приеме у председателя Центрального исполнительного комитета (далее везде – ЦИК) СССР и Всесоюзного центрального исполнительного комитета (далее везде – ВЦИК) М. И. Калинина, чем повысила свой авторитет, имела иное видение о перспективах лесокombината и изложила его в конце июня 1936 г. в письме председателю СНК СССР В. М. Молотову. Главный посыл письма – активное развитие Крайнего Севера, которое требует все больших объемов лесных товаров. В. П. Остроумову возмущало то, что в пространстве Крайнего Севера, который в соответствии с постановлением СНК СССР от 20 июля 1934 г. развивало Главное управление Северного морского пути, оставался в ведении Наркомлеса Игарский ЛК. По ее представлению (хотя у этой идеи были и более влиятельные сторонники), Главсевморпуть являлся хозяйственной организацией, работавшей на удовлетворение внутренних потребностей страны в разнообразных ресурсах и товарах, и в зоне его действия экспортно-ориентированному лесному комбинату не находилось места (по крайней мере, в прежнем виде). Остроумовой явно импонировало монопольное положение Главсевморпути на Крайнем Севере, невзирая ни на административные границы, ни на работавшие здесь другие наркоматы и тресты с устоявшимися хозяйственными связями. Опыт строительства в Заполярье за несколько лет г. Игарки свидетельствовал в пользу того, что Крайний Север необходимо развивать, и лесная промышленность должна была удовлетворять в первую очередь внутренние потребности региона (к примеру, строительства Норильска, Нордвика). Комплексный подход к организации хозяйства на Крайнем Севере мог сыграть положительную роль, но только при сохранении в руках одной организации – то есть Главсевморпути – большей части внутриотраслевых и межотраслевых связей.

Поэтому В. П. Остроумова предложила передать Игарский ЛК Главному управлению Северного морского пути с 1 июня 1936 г., сохранив за трестом «Севполярлес» функцию снабжения предприятия сырьем. По мнению секретаря городского партийного комитета, Игарский ЛК так и не стал в полной мере градообразующим предприятием⁴⁵⁴. Определенная логика в размышлениях Остроумовой была, поскольку Главсевморпуть действительно пытался развивать лесную промышленность в среднем течении р. Оби. В этом случае у организации возникало два лесопромышленных очага, и отрасль органично вписывалась в экономику макрорегиона. Начальник Главного управления Северного морского пути О. Ю. Шмидт, не отрицая необходимости приобретения Игарского ЛК, финансовых проблем, предлагал дать возможность предприятию завершить программу 1936 г. и осуществить приемку по состоянию на 1 января 1937 г.⁴⁵⁵

Против передачи Игарского ЛК в систему Главсевморпути (помимо Наркомлеса) выступило главное заинтересованное ведомство – Народный комиссариат внешней торговли СССР. Заместитель народного комиссара С. К. Судьин был удовлетворен работой предприятия и Наркомлеса и считал реорганизацию, тем более с исключением сырьевой базы, вредной для главной задачи комбината – экспорта лесных товаров⁴⁵⁶. У Главсевморпути имелись большие шансы получить это предприятие, но 3 августа 1936 г. вопрос был окончательно закрыт. По решению СТО Игарский ЛК остался в системе Наркомлеса⁴⁵⁷. Аргументы в пользу сохранения производственных связей между комбинатом и снабжавшими его леспромхозами, наращивания экспорта древесины, взяли верх. Функционирование Игарского ЛК в составе Наркомлеса не означало сохранения приоритета экспорта древесины. В середине 1937 г. комбинат наряду с Енисейским и Маклаковским ЛЗ был передан из треста «Севполярлес» в трест «Красдрев»⁴⁵⁸. Лесопромышленные предприятия в

⁴⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 18. Д. 249. Л. 5–9.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 15–17.

⁴⁵⁶ Там же. Л. 11–14.

⁴⁵⁷ Там же. Л. 1–2, 4.

⁴⁵⁸ В Наркомлесе // Лесная промышленность. 1937, 3 июля. С. 4.

среднем и нижнем течении р. Енисея стали действовать в пространстве и в первую очередь для нужд Красноярского края.

Уже летом 1937 г. по постановлению СНК СССР суда Главсевморпути и Енисейского пароходства были задействованы для перевозки пиломатериалов в Мурманск (9 тыс. т) и Красноярск (9 тыс. т). При этом Народный комиссариат водного транспорта СССР выражал уверенность – в случае благоприятных метеорологических условий – доставить в Мурманск еще 5 тыс. т продукции и полностью выполнить правительственное задание. Изначально в 1937 г. морским и речным транспортом предполагалось вывезти из Игарки 209 тыс. м³ пиломатериалов в Европу и 55 тыс. м³ – для внутренних потребностей страны. Руководство Главсевморпути, ранее активно выступавшее за увеличение поставок лесных материалов на внутренний рынок, отказалось обеспечить каботажные перевозки – по крайней мере, без специального постановления СНК СССР на этот счет. Вопрос был решен Госпланом, который представил в СНК проект решения о вывозе в Мурманск и Красноярск 23 тыс. т лесных материалов⁴⁵⁹. Возникла парадоксальная ситуация: древесина сплавлялась по р. Енисею до Игарского ЛК, где распиливалась, и затем продукция транспортировалась в обратном направлении, до Красноярска. Данная ситуация – результат государственной политики, смены экспортного назначения лесного комбината на маневренное (в терминологии И. Капитонова и С. Славина).

Расширение масштабов участия НКВД СССР в сооружении предприятий по глубокой переработке древесины во второй половине 1930-х гг. обусловило – в процессе подготовки их к пуску в эксплуатацию – поиск оптимальных форм функционирования, поскольку одновременно с выпуском продукции должны были продолжаться строительно-монтажные работы. В конце 1939 г. возникли вопросы эксплуатации завершенных Сегежского ЦБК (первая очередь), пяти сульфитно-целлюлозных заводов упрощенного типа и подготовки к пуску первых очередей Архангельского и Соликамского сульфитно-целлюлозных комбинатов общей стоимостью 600 млн. руб. (больше, чем годовой объем

⁴⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 20. Д. 138. Л. 1, 4, 6–10.

капиталовложений по Наркомлесу СССР) и мощностью, равной 60 % от производства целлюлозы Наркомлесом. По мнению народного комиссара внутренних дел Л. П. Берии, целесообразно было передать предприятия Наркомлесу, располагавшему необходимыми кадрами управленцев и инженеров. Народный комиссар лесной промышленности СССР Н. М. Анцелович просил обязать НКВД осуществлять строительные-монтажные работы до полного их окончания, а не только в пределах 1940 г.⁴⁶⁰ По сути, лишний раз подтверждалось бессилие ведомства реализовать подобные проекты. СНК СССР согласился с доводами Л. П. Берии и 22 декабря 1939 г. принял секретное постановление № 2081-587с. На НКВД возлагалось завершение строительных работ и закрепление рабочей силы за Сегежским комбинатом и пятью сульфитно-целлюлозными заводами на 1940 г.⁴⁶¹

Спорами сопровождалась также передача заводов, располагавшихся на Карельском перешейке – территории, отошедшей после войны 1939–1940 гг. Советскому Союзу от Финляндии. В конце мая 1940 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР передали крупные деревообрабатывающие и целлюлозно-бумажные предприятия в ведение народных комиссариатов лесной, целлюлозной и бумажной промышленности СССР, а мелкие лесопильные заводы – Карело-Финской ССР. Это решение представлялось обоснованным, поскольку у республики не хватало ресурсов для восстановления и организации производства на крупных объектах⁴⁶².

В июне 1940 г. руководители партийно-государственных органов Карелии Г. Куприянов и П. Соляков обратились в СНК СССР и Экономический совет при нем с просьбой передать тресты «Южкареллес», «Севкареллес» и «Карелдрев» от Наркомлеса СССР в подчинение республиканского лесопромышленного ведомства. Они обосновали это предложение необходимостью более быстрого и эффективного освоения лесных ресурсов и мощностей предприятий, ликвидации чересполосицы в заготовке древесины.

⁴⁶⁰ Там же. Оп. 23а. Д. 474. Л. 1, 5–6.

⁴⁶¹ Там же. Л. 9–9об.

⁴⁶² Сузи Г. В. Указ. соч. С. 122.

Госплан СССР и Наркомлес отклонили ходатайство, ссылаясь на значимость лесных ресурсов присоединенных территорий для экономики страны. В сентябре руководители Карелии продублировали свой проект, основные аргументы которого сводились уже к тому, что созданные на Карельском перешейке лесозаготовительные тресты не в состоянии обеспечить крупные предприятия этого района сырьем ввиду его незначительных запасов, а громоздкие управленческие аппараты хозяйственных организаций необходимо оптимизировать в целях снижения себестоимости заготовки древесины. Спустя некоторое время СНК СССР издал постановление, в котором говорилось о передаче трестов «Южкареллес», «Севкареллес» и «Сердобольлес» со всеми лесными массивами и предприятиями в ведение Наркомлеса Карело-Финской ССР⁴⁶³.

Неудовлетворительным оставалось взаимодействие предприятий, трестов и главков лесопромышленного комплекса с другими отраслевыми ведомствами. Все сильнее проявлялась «тенденция отдавать в вопросах снабжения предпочтение «своим» предприятиям перед предприятиями, подчиненными другим ведомствам»⁴⁶⁴. К примеру, на 1937 г. Госплан отпустил Главлесдреву для цеха деревянных труб Лобвинского ЛК фонд металлической арматуры в 4 тыс. т., но главное управление из этого лимита выделило только 1,3 тыс. т. Еще в 1936 г. лесной комбинат из-за отсутствия материалов был вынужден отказаться от выполнения части заказов. Руководители треста, в состав которого входил Лобвинский ЛК, в январе 1937 г. пытались отказаться от выполнения заказа по изготовлению крупнейшей в мире деревянной трубы диаметром 5,4 м и длиной более 180 м для Сходненской электростанции канала Волга – Москва, мотивируя свое решение отсутствием подходящей древесины. Только под нажимом представителя «сталинской стройки» руководство треста изыскало необходимые материалы, и труба была изготовлена⁴⁶⁵.

⁴⁶³ Веригин С. Г. Ленинград и Советская Карелия... С. 38–39; Он же. Образование Карело-Финской ССР... С. 154; Сузи Г. В. Указ. соч. С. 123–124.

⁴⁶⁴ Грегори П. Указ. соч. С. 203.

⁴⁶⁵ Могильщики деревянных трубопроводов // Лесная промышленность. 1937, 3 июля. С. 3.

Порой тресты «забывали» о своих предприятиях, вольно ими распоряжались, из-за чего возникала угроза закрытия. Это произошло с бондарным заводом в п. Максатихе Калининской области, построенном в 1933 г. В следующем году трест «Центрохимлес» не выделил средства на дооборудование предприятия, а в первом полугодии 1935 г. он работал без плана⁴⁶⁶. Управляющий трестом Айзенштадт после поездки на завод распорядился закрыть его и перевезти оборудование в Москву, несмотря на осуществленные крупные затраты (производственные и жилые здания, станки и паросиловое хозяйство, заготовка сырья).

Недостаточное внимание руководителей и специалистов народных комиссариатов, главных управлений (в силу больших объемов работ, невысокой квалификации, наличием разного рода комиссий, советов, совещаний) к деятельности трестов, предприятий, работников приводило к задержке с ответами на письма, одобрением порой ценных предложений.

В самом начале работы Наркомбумпрома СССР его коллегия на заседании 7 июня 1940 г. обсудила вопросы о порядке рассмотрения писем, жалоб и заявлений. Заместитель народного комиссара М. П. Сердюков отмечал, что ранее в Наркомлесе письма и запросы по серьезным вопросам рассматривались с большим опозданием и порой попросту сдавались в архив. Так, Наркомлес рассмотрел предложения инженера Клыкова об усовершенствовании лесозаготовительного процесса спустя год после их подачи, признал значимость, но не реализовал, несмотря на то, что СНК СССР потребовал рассмотреть письмо в течение 10 дней. 16 апреля 1940 г. поступило письмо секретаря Экономического совета при СНК СССР М. Т. Помазнева с приложением письма СНК Коми АССР о дополнительном включении в план 1940 г. проектно-изыскательских работ по бумажной промышленности автономной республики. С завершением строительства Северо-Печорской железной дороги проект целлюлозно-бумажного комбината, обсуждавшийся с начала первой пятилетки, мог воплотиться в жизнь. Письмо перемещалось по

⁴⁶⁶ Колесов Приостановить разрушение завода // Лесная промышленность. 1935, 5 августа. С. 3.

отделам Наркомлеса полтора месяца, и только 4 июня был отправлен ответ. С 4 февраля 1940 г. не были исполнены указания заместителя председателя СНК СССР Н. А. Булганина о рассмотрении и утверждении генеральной сметы на сооружения общего пользования на строительстве КирОВО-Чепецкой бумажной фабрики, с 19 марта – о предоставлении на утверждение к 1 июня в Экономический совет при СНК СССР сводного технического проекта строительства Соломбальского сульфатно-целлюлозного завода⁴⁶⁷.

В результате некоторые проекты, в том числе актуальные для страны, не доходили даже до стадии рассмотрения. Одна из причин такого положения – дефицит финансирования народного комиссариата, другая – слабый уровень управления хозяйственной системой ведомства. Принимая во внимание, что Наркомбумпром был образован на базе главных управлений целлюлозной и бумажной промышленности Наркомлеса, в короткий срок улучшить работу по рассмотрению писем, жалоб и заявлений не удалось.

Партийно-государственные органы, газеты и журналы критиковали Наркомлес, его главные управления и тресты, а народный комиссариат в свою очередь отыгрывался на администрациях трестов и предприятий. Предприятия сферы заготовки древесины были готовы поставить требовавшееся количество сырья (в том числе в качественном отношении). Но формальное отношение со стороны Советского государства к вопросам исследования и устройства лесов, распространение концентрированных рубок (а это считалось преимуществом советской системы лесопользования) неблагоприятно отразились на результативности деятельности леспромпхозов. То есть изъяны были заложены кардинальными реформами в начальный период индустриализации. Они продолжали влиять на лесную отрасль весь советский период и отчасти – на современном этапе, поскольку игнорировался длительный опыт «классического» ведения лесного хозяйства.

Освоение новых массивов, размещение промышленных предприятий, как и в целом осуществление актуальных научных проектов, было невозможно без

⁴⁶⁷ РГАЭ. Ф. 8513. Оп. 1. Д. 2. Л. 8, 10.

организации сети научно-исследовательских учреждений. Их массовое появление пришлось на период конца 1920-х – начала 1930-х гг. и было связано с реформами в лесном хозяйстве и лесной промышленности, началом индустриализации, созданием Наркомлеса СССР, разделением научной работы по отраслям⁴⁶⁸. Советская власть относилась к числу своих достижений как раз постановку исследований в области заготовки, транспорта, механической обработки и глубокой переработки древесины. Они развивались в русле мировых тенденций, но после реформы лесного хозяйства и лесной промышленности усилилась связь изучения лесов с эксплуатацией лесных массивов. Акцент исследований сместился в сторону возобновления лесов (естественным и искусственным путями), создания семенной базы.

Наиболее масштабным проектом по изучению лесов с целью их дальнейшего хозяйственного освоения (хотя изначально Ангарострой поставил задачу исследовать естественное возобновление лесов) стала Ангарская лесная экспедиция в 1931 г., осуществленная специалистами Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР под общим руководством В. Н. Сукачева. Один из двух отрядов, Северный, возглавлявшийся лесоводом-типологом Я. Я. Васильевым, прошел маршрут от водораздела р. Ангары – Чуны на восток через Братск, Илимск и до Усть-Кута, совпадавший с направлением проектировавшейся железной дороги Тайшет – Усть-Кут. Основная мысль участников экспедиции относительно возобновления лесов – организовать эксплуатацию массивов так, чтобы избежать негативных последствий и возобновлять необходимые для дальнейшей деятельности породы (прежде всего, наиболее ценную – сосну). Были также сделаны выводы о небольших запасах строевого леса в Ангаро-Ленском районе и необходимости охраны их от пожаров⁴⁶⁹.

⁴⁶⁸ Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Научно-исследовательская работа... С. 4–5; Немцов В. П. Указ. соч. С. 18; Рожков Д. С. Указ. соч. С. 13–14; Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия... С. 342.

⁴⁶⁹ Ангарская лесная экспедиция 1931 г... С. 9–10, 97–98, 102–103.

Дальнейшие исследования показали, что в восточных районах, обладающих крупными запасами сосны и лиственницы (более 95 %), кедра (почти 100 %) и бедных на еловые насаждения, развитие лесной промышленности должно было идти преимущественно по линии заготовки строительной древесины и лесопиления. Лесные массивы Волго-Вятского района, Среднего и Южного Урала включали примерно равные по площади и расположенные близко к районам потребления насаждения сосны, ели и лиственных пород. Перспективы лесной промышленности здесь были скромнее в связи с достигнутым высоким уровнем лесозаготовки. На севере Европейской части России (Северная область, Верхне-Камский и Коми-Пермяцкий округа Свердловской области) имелись крупные запасы ели, которые становились сырьевой базой для целлюлозно-бумажной отрасли⁴⁷⁰.

Одним из первых научных исследований лесов с целью определения перспектив целлюлозно-бумажной отрасли на вторую пятилетку стала работа коллектива Экономического кабинета Всесоюзного научно-исследовательского института бумаги под руководством А. Тимашева, выполненная в 1931–1932 гг. Авторы справедливо отмечали приоритет древесины в качестве источника сырья для целлюлозно-бумажных производств и крайне низкую степень изученности лесных пространств, даже в Европейской части РСФСР, что не позволяло приступить к их освоению в краткосрочной перспективе⁴⁷¹. Сотрудники института, понимая масштабность стоявших задач, сосредоточились на рассмотрении лесных ресурсов Ленинградской области, в отношении которых имелись подробные сведения.

В годы третьей пятилетки изучение лесов и лесной промышленности получило новый импульс. Цель – определение перспектив отрасли. В 1938 г. Г. П. Чижом и В. И. Воздвиженским (Совет по изучению производительных сил Академии наук СССР) было осуществлено масштабное исследование «Анализ производственно-территориальных сдвигов в лесной промышленности за

⁴⁷⁰ Рослов Н. Основные проблемы развития лесной промышленности Северной области... С. 99–101, 105.

⁴⁷¹ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-303. Оп. 1-1. Д. 77. Л. 1–2.

первое и второе пятилетия и принципы размещения ее в третьем пятилетии». Лейтмотивом его стало наличие диспропорций между состоянием сырьевых баз и степенью заготовки, механической обработки и глубокой переработки древесины. Ученые констатировали, что отставание лесной промышленности от других отраслей носит хронический характер и с каждым годом увеличивается. Критике подверглась и система планирования и управления («множественность хозяев леса»)⁴⁷². Ключевыми направлениями развития лесной промышленности становились ликвидация непроизводительных перевозок леса, перемещение основных мощностей сферы заготовки древесины в северные и восточные районы страны.

Если в 1932 г. основную долю вывозки леса давали районы центральной части страны, то по плану на 1937 г. в лидеры выдвигались лесоизбыточные районы Севера и Востока Советского Союза (в сумме – 54,8 %). Выпуск пиломатериалов увеличивался высокими темпами в Среднем и Нижнем Поволжье, северных районах Европейской части страны, Сибири и на Дальнем Востоке. Что касается изготовления фанеры, то за две пятилетки кардинальных изменений в размещении отрасли не произошло – основные объемы продукции давали районы центральной части страны. Еще более показательны данные, и это редкий случай публикации подобной статистики, о производственной мощности лесопильной отрасли⁴⁷³. Общая мощность предприятий в 1936 г. определялась в 74,6 млн. м³ пиломатериалов. Степень использования мощностей по плану на 1937 г. равнялась 46,2 %. То есть больше половины пилорам простаивали основную часть календарного года в связи с тем, что «прочие лесозаготовители» устанавливали на своих заводах и подсобных цехах высокопроизводительное оборудование, которое функционировало по мере возникновения потребностей.

В региональном разрезе полнее всего использовались мощности пилорам в северных районах Европейской части СССР (по плану на 1937 г. – 72,3 % к

⁴⁷² Воздвиженский В. Указ. соч.; РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 23. Л. 4, 6; Чижев Г. Указ. соч.

⁴⁷³ Воздвиженский В. Указ. соч. С. 81–83.

имеющейся мощности), в Сибири и на Дальнем Востоке (62,4 %), хуже – на юге и западе Европейской части страны (27,5 %), Кавказе (21,2 %), в Казахстане и Средней Азии (12,2 %). Ведомственный разрез демонстрирует еще более критическую картину. Если три ведущих народных комиссариата (Наркомлес, НКТП и НКПС) использовали мощности лесопильных предприятий от 65 до 93 % (по плану на 1937 г.), то «прочие организации», располагая оборудованием производительностью 33 млн. м³, должны были изготовить только 4,1 млн. м³ пиломатериалов⁴⁷⁴. Налицо крайне некомпетентное использование мощностей, хотя отчасти понятное в условиях централизованной экономики – организации почти не надеялись на поставки продукции от Наркомлеса и организовывали собственные цеха.

В дополнение к статистическим данным В. Воздвиженский указывал, что многие лесопильные заводы, подведомственные «прочим организациям», появились во второй пятилетке, притом стихийно, за рамками программы пятилетнего плана⁴⁷⁵. Темпы реконструкции и строительства лесопильных предприятий в первой пятилетке (было установлено 1511 пилорам) еще в тот период могли обеспечить выполнение плановых заданий. Но этому противостояла низкая степень эксплуатации заводов неспециализированными ведомствами и организациями. Наркомлес и НКТП обеспечивали основные объемы выпуска пиломатериалов и располагали наиболее крупными предприятиями. В начале 1936 г., однако, более 1400 заводов и 2000 пилорам были распределены между многими ведомствами и организациями. Сложившаяся ситуация объяснялась в экономическом плане просто: на стадии строительства предприятия, расположенные в лесодефицитных районах, создавали подсобные лесопильные заводы, порой весьма крупные (например, на Днепрострое, Ярославском гидростроительстве, Балхашстрое, Никопольстрое), для удовлетворения собственных нужд. Использовались они по несколько месяцев

⁴⁷⁴ Там же. С. 82–83.

⁴⁷⁵ Там же. С. 83.

в год. После сдачи объектов в эксплуатацию лесопильные заводы продолжали работать с неполной нагрузкой, поскольку не были обеспечены сырьем⁴⁷⁶.

Г. Чиж выделил в Европейской части страны лесодефицитную, лесоизбыточную и промежуточную (территории, которые покрывают потребности в древесине, но «стоят на грани необходимости дополнительного ввоза леса») зоны. Он предлагал бережно относиться к лесам промежуточных районов, однако данные об объемах заготовки древесины в первой и второй пятилетках показывали более высокие темпы эксплуатации массивов именно в лесодефицитных районах. Даже в промежуточной зоне – после небольшого снижения размеров лесозаготовок во второй пятилетке – с 1938 г. наметился рост плановых заданий. Опасность исчерпания лесных ресурсов заставила Г. Чижа вновь, как это было в 1932–1933 гг. на всесоюзных конференциях по реконструкции лесной промышленности, развивать идеи о переносе части мощностей лесопильной отрасли (300–400 пилорам) в лесоизбыточные районы. Данный аспект автором не был проработан с финансовой стороны, но важным являлось предложение начать подготовку генерального плана развития лесной промышленности. Г. Чиж обратил особое внимание на «дробность перевозок и чрезмерное число железнодорожных направлений», вызывавших большое количество встречных перевозок древесины по оси Север – Центр – Юг. Целесообразнее, по мнению исследователя, было сфокусировать перевозки леса по четырем основным направлениям: Карелия (Ленинградская область) – Украина; Архангельская область, Коми, Вологодская область (Московская область) – Крым; Урал – Кавказ; Урал – Центр⁴⁷⁷.

Реальные сдвиги в размещении фанерной отрасли наметились после установления водоохранной зоны, что отрицательно сказалось на снабжении сырьем фанерных производств в западной части СССР. Наиболее крупным из новых районов, где появились фанерные заводы, являлось Поволжье. Диспропорциями в размещении характеризовалась и лесохимия, основные

⁴⁷⁶ Чиж Г. Указ. соч. С. 100–103.

⁴⁷⁷ РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 23. Л. 9–10; Чиж Г. Указ. соч. С. 103–104, 106–107.

мощности которой были сосредоточены в Европейской части страны (причем в северных районах – только 3,2 %), а в Сибири – 16 %⁴⁷⁸. Недостаточно аргументированной, основанной лишь на необходимости развития лесопиления и эксплуатации перестойных насаждений, следует признать позицию Г. П. Чижа относительно сокращения сроков амортизации целлюлозно-бумажных предприятий в северных и восточных районах страны (на то время – 40 лет)⁴⁷⁹. Перспективы функционирования производств после исчерпания сырьевых баз были неясными. Другое предложение, более актуальное с точки зрения снабжения потребителей продукцией, – деконцентрация древесно-массных и целлюлозных заводов (их мощность не должна была превышать 20–50 тыс. т).

В целом, стержнем развития лесопромышленного комплекса в третьей пятилетке, по мнению ученых, становилось не только «правильное» размещение комплекса, но и рационализация лесопромышленного производства (для выпуска полуфабрикатов, черновых изделий) для сокращения непроизводительных железнодорожных перевозок леса.

Изучение проблем размещения лесной промышленности и транспорта древесины продолжилось в последующие годы. В частности, было выявлено, что если лесопильные заводы Украинской ССР полностью загрузить местным пиловочным сырьем, то его хватило бы на 3 года, в Белорусской ССР и Центральной России – на 7–8 лет. В результате многие предприятия большую часть года бездействовали. Заготовка леса, строительство предприятий записывались в нижелимитные работы и не фигурировали в планах. Наркомлес СССР этим процессам был не в силах противостоять⁴⁸⁰.

Опасными тенденциями в размещении лесопиления являлись: финансирование других ведомств, а не Наркомлеса; установка новых пилорам (до половины) в лесодефицитных районах, вошедших в водоохранную зону. Экономисты Госплана предлагали закрепить за перспективными предприятиями сырьевые базы, демонтировать оборудование с заводов, слабо

⁴⁷⁸ Воздвиженский В. Указ. соч. С. 84–86.

⁴⁷⁹ РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 23. Л. 11–12.

⁴⁸⁰ Бурень С. Указ. соч. С. 51–53.

обеспеченных древесиной, и перенести его в лесоизбыточную зону. Актуальным считалось, по опыту Соединенных штатов Америки (далее везде – США) и Германии, сооружение небольших лесопильных заводов при механизированных лесопунктах для грубой обработки древесины и укомплектованных или упрощенных предприятий при перевалочных базах. Но главным мероприятием должно было явиться составление специального отраслевого плана с охватом предприятий всех ведомств⁴⁸¹.

Касательно размещения целлюлозно-бумажной отрасли актуальными оставались вопросы размеров предприятий и использования местного сырья. Основные мощности оказались сосредоточены в лесоизбыточных районах, тогда как в безлесных районах строительство предприятий на базе местных видов сырья (тряпье, макулатура, отходы механической обработки древесины, солома, зерновые культуры, стебли и отходы технических культур) осуществлялось низкими темпами. Не отрицая в целом необходимость продолжения строительства крупных комбинатов в лесоизбыточных районах, предлагалось возводить средние и малые предприятия, сырьевой базой которых выступали как древесина, так и местные ресурсы. Экономической основой данного шага представлялось комбинирование бумажной отрасли с сельским хозяйством и производствами, имеющими волокнистые отходы (заводы дубильных экстрактов, котонинные фабрики, деревообрабатывающие предприятия)⁴⁸².

В 1940 г. сектор районов Урала и Западной Сибири отдела размещения предприятий и районного планирования Института экономики АН СССР подготовил объемный аналитический труд «Комплексное развитие хозяйства Урала». Один его том посвящен лесной промышленности⁴⁸³. В нем подведены итоги развития отрасли за первые пятилетки, рассмотрены основные проблемы лесопользования.

⁴⁸¹ Бененсон Г. Очередные вопросы снабжения народного хозяйства лесом... С. 28–35.

⁴⁸² Чуистов В. Указ. соч. С. 65–66, 68–70.

⁴⁸³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 873.

В связи с ростом объемов лесопромышленной деятельности, ее влиянием на экологию отдельных территорий и экосистемы, увеличением числа научно-исследовательских учреждений по проблемам лесной отрасли стало актуальным создание ведущего научного центра на базе Академии наук СССР. В середине 1939 г. комиссия Биологического отделения инициировала изучение лесов. О создании отраслевого института речи пока не шло, но ставились задачи по определению направлений работы, обобщению опыта деятельности существовавших учреждений. В состав постоянной комиссии по изучению леса были рекомендованы академик В. Л. Комаров, член-корреспондент В. Н. Сукачев, профессора М. Е. Ткаченко, Н. П. Кобранов, С. А. Богословский, С. Я. Соколов. Констатировалось, что сведения о лесном хозяйстве, гидрологическом влиянии, хозяйственном использовании лесов разрозненны, требовали проверок, а мнения специалистов противоречили друг другу⁴⁸⁴.

Таким образом, ключевое влияние на складывание модели управления лесной промышленностью оказали реформа отрасли, выделение лесопромышленной зоны и создание специализированного органа исполнительной власти для ее эксплуатации: сначала главного управления в составе ВСНХ СССР, затем народного комиссариата. Организация Наркомлеса, объединившего функции освоения лесов, производства продукции, строительства предприятий, подготовки кадров, научных исследований, машиностроения, являлась крупным институциональным и экономическим достижением. Это позволило сконцентрировать усилия на решении задач механизации и комбинирования производственных процессов, создания постоянных кадров лесных рабочих и свидетельствовало о значимости отрасли в системе приоритетов государственной власти.

В условиях советской экономики темпы развития лесной промышленности ограничивали такие факторы, как объем капитальных вложений, низкий уровень инфраструктуры, между- и внутриведомственная борьба за лесные

⁴⁸⁴ Киселев М. Ю. История организации научных исследований леса в Академии наук СССР // Цивилизационные перемены в России: сб. науч. трудов по мат. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2018. С. 105–109.

массивы, предприятия, ресурсы. Экономические исследования конца 1930-х гг. выявили нерешенность многих проблем. В третьей пятилетке были сделаны только попытки увеличения лесоперерабатывающих мощностей в восточных районах страны, сокращения нерациональных перевозок древесины. Постоянные перестройки структуры Наркомлеса, составов предприятий трестов, главных управлений на протяжении первых пятилеток свидетельствовали о поисках оптимальных форм институциональных и производственных компонентов лесной промышленности.

Подводя итоги, следует отметить большое значение отраслевого и регионального планирования во второй половине 1920-х гг. Оно позволило определить ключевые направления развития лесной промышленности, перспективные районы освоения лесов и строительства предприятий. Затем базовые задачи и показатели формулировались в пятилетних программах, корректировались – в годовых планах. После реформы лесного хозяйства и лесной промышленности существенно повысилась роль Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР в управлении отраслью посредством издания специальных постановлений. Хозяйственные органы, хотя и ориентировались на планы и оперативные документы, на практике вынуждены были отклоняться от них, постоянно решая разнообразные задачи по выполнению текущих задач.

В первой пятилетке достижение многих параметров по строительству предприятий, объему производства продукции лимитировалось недостаточными капитальными вложениями, осуществлением реформы лесного хозяйства и лесной промышленности, организацией хозяйственных структур в лесопромышленной деятельности. Во втором пятилетнем плане была сделана попытка сбалансированного развития отрасли в северных, центральных и восточных районах страны. Более подробное изучение размещения и породного состава лесных массивов привело к изменениям замысла. В частности, началось строительство Архангельского и Соликамского сульфитно-целлюлозных заводов. Данное явление отразило недостаточное

прежде внимание партийно-государственных, плановых и хозяйственных органов к мировому опыту целлюлозно-бумажного производства и сырьевым базам. В третьей пятилетке ставка была сделана на развитие сферы глубокой переработки древесины, роль которой повышалась в связи с военной угрозой.

Пространственное размещение лесной промышленности, ведущие предприятия которой были сосредоточены вблизи источников сырья, удовлетворяло условиям функционирования централизованной экономики, отвергшей «классические» принципы лесопользования и пренебрегшей извлечением дохода от ведения лесного хозяйства и адекватным ценообразованием в лесопромышленной деятельности. Часть предприятий размещалась в северных и восточных районах, богатых лесными ресурсами, в целях выпуска полуфабрикатов и готовой продукции, которые было удобнее транспортировать на дальние расстояния. Другая часть производств (в первую очередь, связанных с деревообработкой) находилась в основных районах потребления продукции, то есть в Европейской части страны.

Развитие отрасли облегчалось наличием заделов на Европейском Севере и Урале, где с конца XIX – начала XX в. формировалась транспортная и производственная инфраструктура. Напротив, о развитии лесной промышленности Сибири и Дальнего Востока говорилось много на уровне власти, научного сообщества, но на практике сохранялась сырьевая ориентация отрасли в силу слабой транспортной инфраструктуры, дефицита рабочей силы, материальных и финансовых ресурсов. Именно в сфере заготовки древесины более всего проявился сдвиг на Восток. Региональные лесопромышленные комплексы Европейского Севера и Сибири, на которые делалась ставка, отличались однобокостью – с доминированием лесозаготовок и лесопиления.

Глава 3. Производственный процесс

3.1. Выполнение планов первых пятилеток по отраслям и ведомствам

Обращение к материалам пятилетних и годовых планов, статистики позволит лучше понять логику высших советских партийно-государственных органов по развитию лесной промышленности, рассматривавшейся ими в качестве важного компонента экономики, и достигнутые результаты.

Финансирование. Фактические значения инвестиций в лесную промышленность несущественно отличались от показателей, предусмотренных планами. В течение 1930-х гг. капитальные вложения колебались в пределах 300–450 млн. руб., существенно повысившись в 1936 (743 млн.), 1937 (538 млн.) и 1939 гг. (567 млн. руб.)⁴⁸⁵. Но результаты строительной программы не обязательно являлись отражением роста или сокращения инвестиций. В 1932 г. хозяйственные ведомства получили привилегию на самостоятельный перерасход одной десятой части вложений в стройки, а проекты, отсутствовавшие в титульных списках, не предполагали выделения средств Народным комиссариатом финансов⁴⁸⁶. В сентябре 1934 г. СНК СССР запретил осуществлять строительно-монтажные работы на объектах, которые не имели официально утвержденных технических проектов и смет⁴⁸⁷. Данные меры не привели к более рациональным тратам в ходе сооружения предприятий, выполнению планов. Многие крупные стройки в отрасли не вводились в

⁴⁸⁵ Индустриализация СССР. 1929–1932... С. 98–99; Индустриализация СССР. 1933–1937... С. 52, 84, 115, 132, 149; Индустриализация СССР. 1938–1941... С. 25, 54.

⁴⁸⁶ Белова Е. Б. Указ. соч. С. 594.

⁴⁸⁷ Народные комиссары пытались обойти данное решение, особенно если строительство подкреплялось финансовыми ресурсами. К примеру, в связи с тем, что СНК СССР постановлением № 2710 от 13 декабря 1934 г. выделил Наркомлесу дополнительные средства на капитальное строительство в размере 118 млн. руб. (из 1401 млн. по стране), в том числе на целлюлозно-бумажную отрасль – 50 млн., народный комиссар С. С. Лобов просил Совет труда и обороны разрешения начать строительные работы на площадке Архангельского сульфитно-целлюлозного завода до утверждения технического проекта, который планировалось завершить и утвердить 1 мая 1935 г. В случае положительного решения это позволяло в 1936 г. активизировать строительно-монтажные работы. Но СНК СССР предлагал Промбанку руководствоваться по этому вопросу постановлением СНК от 3 сентября 1934 г. «О прекращении беспроектного и бессметного строительства». В результате работы на площадке начались в конце весны 1935 г. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 16а. Д. 45. Л. 1–2, 4–5.

эксплуатацию в установленные сроки или сдавались очередями, что не позволяло заводам функционировать на полную мощность.

Был осуществлен ряд мероприятий, направленных на улучшение оценки стоимости производства, содержания производственных основных фондов, повышения качества продукции. С 1 апреля 1936 г. постановлением СНК СССР отменялись государственные дотации для тяжелой и лесной промышленности, именовавшимися в советской экономической системе «планово-убыточными». Нерентабельность этих отраслей была вызвана в первую очередь большой потребностью страны в их продукции и, как следствие, искусственно созданной разницей между отпускными ценами на товары и их реальной себестоимостью. Валовая продукция «крупной» лесной промышленности в 1936 г. составляла по «неизменным» ценам 1926/1927 г. 3523 млн. руб., а по действующим оптово-отпускным ценам (без налога с оборота) – 5853 млн. руб.⁴⁸⁸

Высшие партийно-государственные органы оправдывали эту ситуацию экономической целесообразностью, отсутствием условий для повышения себестоимости в тяжелой и лесной промышленности, необходимостью развивать другие отрасли. Был создан фонд освоения для покрытия убытков в отраслях, производивших новое оборудование и продукцию (в 1935 г. по Наркомлесу СССР расходы по этому фонду равнялись 218 млн. руб.). С 1936 г. начался пересмотр отпускных цен в сторону повышения. ЦИК и СНК СССР ставилась задача об оценке выполнения плана предприятиями не по валовой продукции, а по выпуску готовой и комплектной продукции⁴⁸⁹. Для улучшения содержания производственного оборудования, организации его своевременного ремонта постановлением СНК СССР «Об использовании амортизационных отчислений и об улучшении ремонта в промышленных предприятиях» от 6 января 1938 г. были установлены средние нормы ассигнований на капитальный ремонт за счет амортизационных отчислений. По Наркомлесу СССР эта норма составила 3 % – один из высоких показателей среди отраслей «крупной»

⁴⁸⁸ Харрисон М. Указ. соч. С. 304.

⁴⁸⁹ История социалистической экономики СССР. Т. 4... С. 42–45, 48–49, 60–61.

промышленности⁴⁹⁰. Однако попытка качественно улучшить работу советской промышленности оказалась проваленной. Это оправдывалось обострением внешнеполитической ситуации и необходимостью развития оборонно-промышленного комплекса.

Объемы финансирования лесной промышленности свидетельствовали о приоритете отраслей, связанных с машиностроением, металлургией, химией, военной промышленностью. В то же время партийно-государственные органы не могли игнорировать проекты, связанные с производством новых товаров. В качестве таких примеров можно привести заготовку спецдревесины, гидролиз древесины, выпуск фанеры, лыж, картона, бумажных мешков, высших сортов бумаги, целлюлозы. Внутри лесной промышленности распределение инвестиций осуществлялось исходя из важности промышленного строительства и лесозаготовки, тогда как на создание жилищной, бытовой и социальной инфраструктуры отрасли тратились незначительные средства.

Изучение, устройство и восстановление лесов. Значимым направлением деятельности стало изучение лесных ресурсов. Несмотря на позитив этой задачи в смысле определения породного состава, запасов насаждений, партийно-государственные и хозяйственные органы преследовали также цели выявить лесные массивы, подлежащие эксплуатации, и вести там строительство предприятий и инфраструктуры. Поэтому лесозаготовка в первую очередь осуществлялась в районах, примыкавших к сплавным рекам или железным дорогам (в том числе проектировавшимся), пользование которыми в сравнительно короткие сроки могло дать необходимые объемы древесины и финансовые средства от их экспорта. Лесоэкономические обследования проводились в отдаленных от транспортных путей территориях и позволяли оценить запасы древесины для дальнейшего развития отрасли.

Подробные данные о лесных насаждениях были опубликованы в середине 1930-х гг. *Общий запас* определялся в СССР в размере 29,2 млрд. м³ (в том числе хвойных – 24,1 млрд.), в РСФСР – 28,5 млрд. м³. На Европейском Севере

⁴⁹⁰ Лерский И. Воспроизводство основных фондов промышленности СССР в условиях войны. М., 1945. С. 8.

лидером по объему лесных ресурсов являлся Северный край (13,5 % к общему показателю по стране), в центральной части – Горьковский край (4 %), в восточной части – Уральская область (9,5 %), Западносибирский (8,6 %), Восточносибирский (23,9 %), Дальневосточный (15 %) края и Якутская АССР (13,7 %). Запасы лесных насаждений были распределены и эксплуатировались в стране неравномерно. По показателю лесистости⁴⁹¹ среди регионов РСФСР лидировали (при среднем показателе по республике 23 %, по СССР – 21,5 %) Карелия (47,5 %), Северный край (41,2 %), Якутия (37,9 %), Горьковский (33,4 %) и Восточносибирский (27,9 %) края⁴⁹². В числе причин неполных сведений о лесном фонде были недостаточная изученность лесов, неточности в распределении деловой древесины по сортаментам и занижение выходов высших сортов делового леса из-за действовавших инструкций по учету леса⁴⁹³.

В условиях имевшейся в тот период информации о запасах древесины хорошо видна неравномерность размещения лесной промышленности⁴⁹⁴. Относительно благоприятным соотношением показателей обладал Европейский Север: 16 % запаса лесных ресурсов в СССР, 16,25 % вывозки древесины, 21 % производства пиломатериалов и 17,4 % выпуска бумаги. Несмотря на активное развитие сферы заготовки древесины в этом экономическом районе 1920-х – начале 1930-х гг., большая часть лесов оставалась недоступной для эксплуатации. На каждую 1000 м³ вывезенного леса изготовлялось 202 м³ (на тот момент наиболее высокий показатель среди экономических районов страны) пиломатериалов и 2,6 т бумаги. Это свидетельствовало о необходимости развития сферы глубокой переработки древесины. На Северо-Западе при наличии только 1,6 % запасов лесных насаждений вывозилось 10,25 % древесины от показателя по стране, выпускалось 9,4 % пиломатериалов, 41,5

⁴⁹¹ Отношение лесопокрытой площади к территории субъекта.

⁴⁹² Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. LXII–LXIII.

⁴⁹³ Воздвиженский В. Указ. соч. С. 79–80.

⁴⁹⁴ В конце 1933 г. в составе Советского Союза были 23 региона РСФСР (9 автономных республик, 8 краев, 6 областей) и 6 советских республик (Белорусская, Украинская, Закавказская, Узбекская, Таджикская, Туркменская). Административные единицы РСФСР, за исключением автономных республик Средней Азии, группировались в экономические районы: Европейский Север, Северо-Запад, Центральная Россия, Поволжье, Северный Кавказ, Урал, Сибирь и Дальний Восток.

% бумаги. Такие пропорции были обусловлены наличием крупнейшего потребителя лесных ресурсов и материалов – Ленинграда. На каждую 1000 м³ вывезенного леса изготовлялось 144 м³ пиломатериалов и 11 т бумаги (на тот момент наиболее высокий показатель среди экономических районов страны). Аналогичным образом неравномерность размещения отрасли проявилась в Центральной России. В Поволжье имелось только 0,75 % насаждений страны, но при этом вывозилось 6,24 % древесины и изготовлялось 12,2 % пиломатериалов. Район сильно зависел от других территорий в плане поставок лесных ресурсов.

На Урале, районе с богатыми, но неравномерно размещенными лесными ресурсами (10,3 % от показателя по стране), вывозилось 17 % древесины, выпускалось 11,1 % пиломатериалов и только 5,2 % бумаги. В связи с активной индустриализацией здесь были благоприятными перспективы развития сфер механической обработки и глубокой переработки древесины. На каждую 1000 м³ вывезенного леса изготовлялось 102 м³ пиломатериалов и 827 кг бумаги. В Сибири, обладавшей крупнейшими запасами древесины (46,2 % от показателя в стране), в 1933 г. было заготовлено 6,79 % леса, произведено 8,4 % пиломатериалов (бумага не выпускалась). Перспективы развития лесной промышленности связывались как с развитием ее отдельных компонентов, так и с наращиванием объемов заготовки древесины для ее вывоза в Европейскую часть страны. На Дальнем Востоке было сосредоточено 15 % запасов насаждений, но вывозилось только 2,9 % древесины, изготовлялось 1,4 % пиломатериалов, бумага не выпускалась. На каждую 1000 м³ вывезенного леса изготовлялось 77 м³ пиломатериалов⁴⁹⁵.

По данным на начало 1934 г.⁴⁹⁶ (в Советском Союзе лесоустroительные работы стартовали в 1923 г. с небольших объемов) было *устroено и обследовано* 35,8 % лесной площади. Среди союзных республик полностью были изучены леса на Украине, в Белоруссии и Узбекистане. В РСФСР

⁴⁹⁵ Подсчитано по: Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.)... С. 72; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. LXII–LXIII, 225, 230.

⁴⁹⁶ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. LIX.

удельный вес устроенной и обследованной лесной площади составлял 35,2 %. В центральной части республики высокий уровень изученности лесов был обусловлен близостью к рынкам сбыта, научным и образовательным центрам, длительной эксплуатацией, требовавшей более рационального пользования лесными ресурсами, поскольку процент лесистости во многих территориях был низким. За 1918–1932 гг. в РСФСР, СССР были устроены и обследованы около 280 млн. га лесной площади, за вторую пятилетку – 9 млн. и 102 млн. га соответственно, за третью – 50,7 млн. и 152 млн. га⁴⁹⁷. Преобладание лесоэкономических обследований было вызвано необходимостью выявления ресурсов в связи с увеличивавшимися объемами лесозаготовок⁴⁹⁸. Если к концу второй пятилетки удалось обследовать все леса Урала⁴⁹⁹, то в Сибири и на Дальнем Востоке лесоустройство шло низкими темпами, получил распространение аэровизуальный метод обследования, что обуславливалось большой площадью массивов, находившихся вдали от транспортных путей и крупных населенных пунктов⁵⁰⁰. Так, на 1 января 1941 г. было изучено 66 % лесов треста «Востсиблес» (66295 тыс. га), из них только 3 % были устроены, 61,5 % – обследованы аэровизуальным методом, 1,5 % – наземным⁵⁰¹.

Другой проблемой стал незначительный по сравнению с площадями заготовок древесины объем *восстановления лесов*, несмотря на рост показателей в 1930-х гг.⁵⁰² Ситуация стала улучшаться во второй половине 1930-х гг., со времени образования Главлесоохраны при СНК СССР. Только в 1940 г. в РСФСР было создано 124,2 тыс. га лесных культур, в 1941 г. (основной объем работ пришелся на первую половину года) – 107,2 тыс. га. Помимо этого, осуществлялось содействие естественному возобновлению лесов (за третью пятилетку по государственному фонду – 78,6 тыс. га)⁵⁰³.

⁴⁹⁷ Медведев Н. А. Указ. соч. С. 14.

⁴⁹⁸ См., напр.: Гиряев М. Д. Указ. соч. С. 61–62; Шеф М. Указ. соч. С. 133; Юшкова Н. А. Указ. соч. С. 11.

⁴⁹⁹ Горчаковский П. Указ. соч. С. 84; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 873. Л. 2.

⁵⁰⁰ Шеф М. Указ. соч. С. 130, 133; Шейнгауз А. С. Указ. соч. С. 142–143.

⁵⁰¹ Пашков К. И. Указ. соч. С. 448.

⁵⁰² Моисеев Н. А. Указ. соч. С. 93. Автор выполнил расчеты по календарным пятилетним циклам: площадь лесовосстановительных мероприятий составила в 1921–1925 гг. 32,1 тыс. га, в 1926–1930 гг. – 171 тыс., в 1931–1935 гг. – 240,8 тыс., в 1936–1941 гг. – 782 тыс. га.

⁵⁰³ Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник... С. 88.

Однако трансформации подходов в сфере лесопользования не позволили целиком осуществить эти проекты в годы первых пятилеток. В регионах объемы лесокультурных и восстановительных работ также не соответствовали масштабам заготовки лесных ресурсов⁵⁰⁴.

Создание лесных насаждений являлось одним из средств борьбы с засухой. Об этом велись дискуссии в XIX – начале XX вв. В Советском Союзе эта проблема получила государственный отклик в виде постановления СНК СССР от 31 июля 1931 г. Темпы работ возрастали медленно и отставали от целевых значений⁵⁰⁵. До 1917 г. в Российской империи было создано 11 тыс. га полезащитных лесных полос, 170 тыс. га овражно-балочных насаждений, 52 тыс. га пескоукрепительных насаждений, 34,6 тыс. га лесных культур в лесничествах. За годы первых пятилеток в Советском Союзе создано 468,3 тыс. га полезащитных лесных полос, 181 тыс. га овражно-балочных насаждений, 265,6 тыс. га пескоустроительных насаждений, около 1500 тыс. га лесных культур в лесничествах. Инвентаризация, осуществленная в 1945 г., выявила сохранность 62 % полезащитных полос, гибель до 74 % овражно-балочных насаждений, полную сохранность лесных культур⁵⁰⁶.

Динамика технико-экономических показателей. К анализу количественных показателей (стоимость валовой продукции и производственных основных фондов, производительность труда рабочих, мощность двигателей) следует подходить осторожно. Статистика не относила сферу заготовки древесины к «крупной» промышленности страны, поэтому при расчетах приводятся пояснения, учтены заготовка и сплав лесных ресурсов или нет. Что касается производственных основных фондов, на их стоимость влияли следующие факторы: импортная техника, переоценка стоимости которой если и

⁵⁰⁴ 10 лет хозяйственного и культурного строительства Коми-Пермяцкого округа... С. 61; Воейков Е. В. Деятельность Саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений... С. 483–484; Лесной комплекс Вологодской области... С. 21–22; Пашков К. И. Указ. соч. С. 452; Чернов Н. Н. Современный период лесокультурного производства на Урале... С. 131; Шейнгауз А. С. Указ. соч. С. 137, 142–143.

⁵⁰⁵ Миронов А. Лесонасаждения и борьба с засухой // Плановое хозяйство. 1935. № 5. С. 108.

⁵⁰⁶ Экология и власть... С. 203.

производилась, то со значительными искажениями; показатель мог определяться без учета неизменных цен, инфляции.

В лесной промышленности ценообразование и формирование стоимости валовой продукции⁵⁰⁷ не отражали реальных затрат на производство товаров в отрасли. Это было вызвано отказом от взимания с основных лесопользователей попенной платы за лес на корню (до конца 1920-х гг. приносила существенный доход в бюджет государства), необоснованным установлением цен на продукцию (в основном в сторону снижения по отношению к затратам, в том числе и в экспортных операциях, поскольку не действовали рыночные механизмы ценообразования), значительным расширением ее номенклатуры. Мощность установленных на предприятиях двигателей не отражает того, какой их процент реально работал, поскольку часть оборудования простаивала, использовалась не в полную силу, была сломана. До 1932 г. статистика не учитывала подсобные деревообрабатывающие подразделения предприятий разных отраслей, при этом стоимость произведенной ими продукции составила в 1931 г. около 140 млн. руб.

За первую пятилетку стоимость *валовой продукции* государственной лесной промышленности возросла (в ценах 1926/1927 г.) с 0,99 млрд. до 3,18 млрд. руб., почти достигнув целевого ориентира. Удельный вес в промышленности страны составил 7,4 % (в 1927/1928 г. – 5,8 %) ⁵⁰⁸. Это было связано в первую очередь с активным развитием лесопиления и деревообработки, расширением ассортимента продукции. Данные за вторую и третью пятилетки характеризуют Наркомлес СССР. За 1933–1937 гг. стоимость валовой продукции возросла с 1,8 млрд. до 3,03 млрд. руб. (по плану – 3,6 млрд. руб.), по плану на 1941 г. должна была составить (по Наркомлесу и Наркомбумпрому) – 4,4 млрд. руб. ⁵⁰⁹ По сравнению с концом второй пятилетки

⁵⁰⁷ Харрисон М. Указ. соч. С. 298. В период индустриализации стоимость валовой продукции исчислялась в «неизменных» ценах 1926/1927 г.

⁵⁰⁸ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1... С. 54–55; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1... С. 88, 202–204, 208–211, 252–253, 366–367, 442–443, 480–481; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С.33.

⁵⁰⁹ Второй пятилетний план... С. VIII–IX, 161–162, 453–454, 542, 686–689; Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год... С. 9–11, 178–179; Третий пятилетний план... С. 201, 227.

стоимость валовой продукции Наркомлеса увеличилась незначительно. Причинами этого были передача части предприятий в ведение исправительно-трудовых лагерей и других ведомств⁵¹⁰, уменьшение вложений. В результате удельный вес Наркомлеса в стоимости валовой продукции страны снизился с 3,18 % в 1933 г. до 2,72 % по плану на 1941 г. (в сумме по Наркомлесу и Наркомбумпрому; без учета Карело-Финской ССР, западных областей Украинской и Белорусской ССР). В качестве позитивной тенденции следует отметить повышение значения переработки древесины. В 1940 г. 62 % стоимости продукции Наркомлеса давали предприятия по механической обработке и глубокой переработке лесных ресурсов (в 1932 г. – 45 %)⁵¹¹.

Если учесть другие крупные ведомства, осуществлявшие лесопромышленную деятельность (народные комиссариаты внутренних дел, черной металлургии, путей сообщения, промкооперацию), то значение лесопромышленного комплекса в Советском Союзе оставалось относительно высоким, продукция его была востребована как населением, так и многими отраслями экономики, в том числе оборонными. Тем не менее за первые пятилетки сфера заготовки древесины переместилась с пятого на девятое место среди отраслей промышленности по удельному весу в стоимости валовой продукции, сфера механической обработки лесных ресурсов – с шестого на седьмое место, целлюлозно-бумажная отрасль – осталась на 13 позиции⁵¹².

Фактические результаты роста *производительности труда* оказались, если считать по стоимости валовой продукции на одного рабочего, ниже плановых показателей. За 1928–1932 гг. в лесопильно-деревообрабатывающей отрасли ВСНХ она повысилась на 14,6 %, в целлюлозно-бумажной – на 33,5 % (по оптимальному варианту первой пятилетки – на 110 %). Во второй пятилетке по фабрично-заводской промышленности Наркомлеса удалось достигнуть целевого значения – 60 %, но в сфере заготовки древесины производительность

⁵¹⁰ За годы второй и третьей пятилеток 129 лесозаготовительных предприятий и 119 заводов по механической обработке и глубокой переработке древесины были переданы от Наркомлеса другим ведомствам.

⁵¹¹ Лесная промышленность за 30 лет... С. 13.

⁵¹² Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 39.

труда возросла только на 16,8 %. В третье пятилетке очевиден рост показателя в лесопильно-деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслях. В сфере заготовки древесины производительность труда за 1938–1940 гг. немного снизилась (см.: Приложение 13, 14, 15). В годы первых пятилеток в лесной промышленности темпы повышения производительности труда прогнозировались ниже, чем в промышленности страны. Но и целевые показатели не были достигнуты.

Еще одним показателем, который характеризует производительность труда, является комплексная выработка на одного рабочего (отношение объема вывезенной древесины к числу рабочих в сфере заготовки лесных ресурсов). За годы реализации первых пятилетних планов, включавших строительство предприятий, механизацию, насыщение техникой, изменение подходов к лесопользованию, улучшение организации труда, соревнование, комплексная выработка должна была повыситься. В реальности отмечался незначительный рост показателя. В 1932 г. производительность труда на лесозаготовках составила 191,6 м³ на одного рабочего в год (при 859,6 тыс. трудившихся), в 1934 г. – 186 м³ (при 974,5 тыс.)⁵¹³. По данным за 1940 г., годовая производительность труда составила 231,8 м³ на одного рабочего (при 1061,7 тыс. трудившихся)⁵¹⁴. То есть рост объемов заготовки древесины достигался в основном за счет увеличения численности трудовых ресурсов. Переход на луковые пилы, механизация и улучшение организации труда сыграли положительную роль в росте производительности труда, но за шесть лет и число рабочих стало больше на 85 тыс. человек. По Наркомлесу СССР выработка на рабочего увеличилась с 143 м³ в 1932 г. до 165 м³ в 1937 г. и до 193 м³ в 1940 г.⁵¹⁵ Такие показатели – ниже по сравнению с другими хозяйственными ведомствами – обуславливались существенной долей сезонных рабочих и более худшим использованием инструментов и техники.

⁵¹³ Подсчитано по: Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 124, 132; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. 5, 9–10, 13, 222, 229, 231; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 5–6, 12, 72–76, 187.

⁵¹⁴ Масштабы роста (лесная промышленность за 60 лет) // Лесная промышленность. 1977. № 8. С. 6.

⁵¹⁵ Лесная промышленность за 30 лет... С. 8, 13.

Опубликованные в середине 1930-х гг. обобщающие данные по лесной промышленности Советского Союза за 1913–1934 гг. (за исключением лесохимии, сферы заготовки лесных ресурсов, отдельных отраслей деревообработки, сведения по которым имеются, начиная с 1932 г.)⁵¹⁶ позволяют оценить масштаб технико-экономических изменений.

В сфере механической обработки древесины на отрезке 1926–1934 гг., по которым приведены подробные сведения, выделяется начало второй пятилетки. Основной рост стоимости производственных основных фондов, мощности двигателей и валовой продукции был связан с завершением строительства и реконструкции большей части промышленных объектов, начатых в первой пятилетке, и освоением мощностей. До этого в отраслях отмечался значительный рост числа рабочих. Напротив, развитие бумажной промышленности во многом зависело от ввода в строй средних и крупных предприятий. Поскольку это требовало значительных инвестиций ввиду дороговизны оборудования и технологий, темпы роста технико-экономических показателей были ниже, чем в деревообработке.

Сфера заготовки лесных ресурсов (данные имеются за 1932–1934 гг.) являлась наиболее противоречивой в технико-экономическом отношении. Несмотря на рост стоимости производственных основных фондов (с 328 млн. до 603 млн. руб.), числа рабочих (с 860 тыс. до 975 тыс.), стоимость валовой продукции увеличилась незначительно – с 1510 млн. до 1658 млн. руб. Энерговооруженность рабочих была минимальной, преобладал ручной труд. Такое положение сложилось из-за направления капитальных вложений преимущественно в строительство зданий и инфраструктуры, низкого уровня использования имевшейся техники, медленного внедрения новых образцов инструментов.

⁵¹⁶ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 124; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. 222, 231; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 5–6, 12. Сведения за 1913 г. используются для сравнения с показателями 1926 г., когда завершился период восстановления экономики после революций и Гражданской войны; затем приводятся динамические ряды по годам.

В начале второй пятилетки в лесной промышленности (по всем компонентам) наблюдались относительно высокие темпы роста стоимости фондов (с 1340 млн. до 2031 млн. руб. за 1933–1934 гг.) и мощности двигателей (с 389 до 561 тыс. кВт). Темпы динамики численности рабочих и стоимости валовой продукции замедлились. Если стоимость фондов из расчета на одного рабочего увеличилась с 1040 до 1429 руб., энерговооруженность – с 0,3 до 0,39 кВт, то стоимость продукции – с 2690 до 2893 руб. Это свидетельствовало о стабилизации производительности труда и пока низкой отдаче производственных фондов, которыми лесная промышленность активно насыщалась в первой пятилетке (см.: Приложение 16).

В конце 1934 г. «крупная» лесная промышленность, располагая 5,7 % стоимости производственных основных фондов и 6,7 % мощностей двигателей, давала 8,2 % валовой продукции четырех советских республик. По технико-экономическим показателям она отставала от общесоюзных показателей и таких отраслей, как металлургия, машиностроение. Основной вклад в это вносили низкие показатели в сфере заготовки лесных ресурсов.

Сведения конца 1933 г. включают полный круг предприятий (за исключением сферы заготовки древесины)⁵¹⁷. Это даст возможность определить роль «мелкой» промышленности, выявить реальный удельный вес лесной промышленности в экономике страны. Большое количество малых лесохимических и деревообрабатывающих заводов и цехов обуславливалось значительными потребностями населения и хозяйственных организаций в товарах из древесины. В 1933 г. «мелкая» лесная промышленность была представлена 25267 деревообрабатывающими (8,9 % от показателя по «мелкой» промышленности страны), 3266 лесохимическими и небольшим числом предприятий по заготовке и сплаву леса. На них трудились 124,9 тыс. рабочих (14,5 % от показателя по «мелкой» промышленности Советского Союза), которые производили валовой продукции на сумму 169,2 млн. руб. (4,6 %). Стоимость валовой продукции на одного рабочего в два-три раза уступала

⁵¹⁷ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. 5, 9–10, 13.

показателям крупных предприятий лесопромышленного комплекса (2798 руб.) и по «мелкой» промышленности СССР (4293 руб.).

Таким образом, в лесопромышленном комплексе насчитывалось более 33 тыс. предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины (около 10,4 % от общего числа заводов страны, без учета лесозаготовительной отрасли). В нем были заняты 1450 тыс. рабочих (16,5 % от общесоюзного показателя, с учетом сферы заготовки леса), которые вырабатывали продукции на сумму 3878 млн. руб. (8,2 %). Отмеченная выше тенденция о несоответствии уровня оснащения лесопромышленного комплекса, численности трудившихся его реальному вкладу в экономику страны подтвердилась и с учетом данных по малым предприятиям.

Во второй половине 1930-х гг. объем публиковавшихся статистических сведений существенно сократился, но и на этой основе можно оценить динамику технико-экономических показателей. Удельный вес сфер заготовки и механической обработки древесины в стоимости *производственных основных фондов промышленности* страны повысился с 4,5 % в 1933 г. до 4,8 % в 1940 г., целлюлозно-бумажной отрасли – с 1,2 до 1,3 %, в сумме по лесопромышленному комплексу – с 5,7 до 6,1 %⁵¹⁸. Коэффициент электрификации силовых процессов (по мощности) в лесопильно-деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслях возрос с 55,2 % в 1928 г. до 87,4 % в 1940 г., превысив средний показатель по промышленности страны⁵¹⁹. Активная электрификация силовых процессов пришлась на годы реализации первого и второго пятилетних планов⁵²⁰.

Динамика объемов производства. В изучаемый период объемы заготовки, механической обработки и глубокой переработки лесных ресурсов в Советском Союзе существенно возросли. Важно не только проследить тенденции динамики показателей, но и понять, что за ними кроется. Во-первых, общие объемы лесозексплуатации складывались из показателей деятельности

⁵¹⁸ Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 17.

⁵¹⁹ Там же. С. 19.

⁵²⁰ Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 242; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1964. С. 292.

народных комиссариатов (лесной промышленности, тяжелой промышленности (до 1932 г. функционировавших в составе ВСНХ СССР), путей сообщения, внутренних дел), предприятий других ведомств, региональных и местных учреждений и организаций, населения. Существенная доля лесных ресурсов использовалась в качестве топлива, не имела промышленного значения, терялась при транспортировке, оставлялась на лесосеках. По мнению специалистов⁵²¹, фактические показатели заготовки древесины оказывались больше (например, в 1927/1928 г. – 280 млн., в 1932 г. – 330 млн., в 1937 г. – 375 млн.), чем фиксировалось в официальной статистике. Причина расхождения в данных – большие объемы заготовки леса населением, то есть для бытового потребления, не попадавшие в статистические материалы.

Во-вторых, в процессе работы с материалами статистики, архивов, пятилетних и годовых планов удалось выяснить, что существенные отличия в показателях заготовки и вывозки лесных ресурсов вызваны исключением плановыми органами при подготовке годовых и пятилетних планов сведений о деятельности колхозов. Отличия в данных о производстве пиломатериалов и картона связаны с охватом статистикой, начиная с 1932 г., подсобных лесопильных цехов и подразделений других предприятий, организаций, учреждений (в отдельные годы они изготовляли более 5 млн. м³ продукции), а также с учетом сведений о выработке картона для толя и обувной отрасли.

В-третьих, в конце 1920-х – начале 1940-х гг. лесопромышленную деятельность осуществляли несколько основных заготовителей и огромное количество самозаготовителей, представлявших государственную, республиканскую, местную промышленность и промысловую кооперацию. Постоянно происходили реорганизации Наркомлеса, в структуре которого выделялись новые тресты, главные управления и народные комиссариаты.

В-четвертых, существование в экономике страны с начала 1920-х гг. по 1930 г. операционного (с 1 октября по 31 сентября) года и переход в 1930 г. на финансовый год обусловили расхождение сведений. Изменения произошли и в

⁵²¹ Васильев П. В. Указ. соч. С. 31; Пробст А. Е. Топливо и Отечественная война. М., 1945. С. 17.

системе учета объемов заготовки леса, производства лесных материалов (с фестметра, то есть меры плотной древесины, на кубический метр). В таких условиях обеспечить полноценный статистический учет было трудно, и составители статистических сборников, издававшихся с 1950-х гг., старались включить в объемы лесопромышленной деятельности максимум сведений.

Анализ совокупности материалов позволяет оценить развитие отрасли в динамике, выявить периоды подъемов и спадов. Ряды данных о заготовке и вывозке древесины, производстве пиломатериалов, фанеры, спичек, древесной массы, целлюлозы и бумаги построены на основе сведений пятилетних и годовых планов, архивных и статистических материалов. Динамика выпуска картона представлена двояко: на основе данных пятилетних и годовых планов и на основе цифр статистических сборников.

Показатель *заготовки древесины* – начальная цифра в лесопользовании – не отражает объема древесины, направлявшегося для переработки и потребителям. За годы первых пятилеток было заготовлено более 2600 млн. ф. м лесных ресурсов, в том числе 1440 млн. (55,2 %) деловой древесины. Период сопровождался подъемами и спадами. Наиболее высокие показатели прироста заготовки леса были достигнуты в 1930–1931, 1934–1936 и 1939 гг. В заготовке деловой древесины сокращение объемов работ отмечалось в 1932 (на более чем 25 млн. ф. м), 1933 (на 8 млн.), 1937 (на 22 млн.) и 1940 гг. (на 4 млн. ф. м). Напротив, в добыче дров спад был зафиксирован только в 1937 г. – на 1,7 млн. ф. м. Ключевыми причинами спадов были нехватка инфраструктуры, истощение сырьевых баз. Факторы достижения высоких показателей: от мер стимулирующего характера и механизации производственных процессов до общественно-политической обстановки в стране и благоприятных погодных условий. За крупными успехами в заготовке лесных ресурсов следовало сокращение либо темпов прироста, либо фактических показателей.

С началом реализации первого пятилетнего плана объемы заготовки древесины значительно увеличились и превысили цифры 1913 г. и середины 1920-х гг. более чем в два раза. За годы первых пятилеток объем заготовки

древесины в СССР, учтенных официальной статистикой, существенно возрос (в 2 раза), но общий показатель лесозаготовок (включая бытовое потребление) изменился незначительно. Модернизация, по сути, свелась к максимизации участия государства в лесопромышленной деятельности: созданию специализированных предприятий по заготовке древесины, оснащению их техникой, формированию постоянных кадров лесных рабочих и другим мероприятиям (см.: Приложение 17, 18, 19).

Смена подходов в лесопользовании негативным образом сказалась на массивах Европейского Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В начале 1930-х гг. обращалось внимание на смену одних пород другими на вырубленных площадях, что ставило под угрозу перспективы снабжения предприятий конкретной территории, и на необходимость разработки методов лесовозобновления, позволявших воздействовать на состав будущих насаждений⁵²². На XVII съезде ВКП(б), состоявшемся в начале 1934 г., председатель СНК СССР В. М. Молотов, перечисляя новые стройки в лесной промышленности, отметил все же «недопустимость уничтожения лесов в ближайших от центра районах и слабость лесокультурных мероприятий в засушливых районах»⁵²³.

В связи с тем, что лесосеки по берегам средних и крупных сплавных рек были истощены рубками, лесозаготовительные организации стали осваивать лесосеки, тяготевшие к первичным сплавным путям. В совокупности с трудностями доставки рабочей и гужевой силы, инструментов и продовольствия, не говоря о проведении рационализации и механизации работ, сплав по мелким рекам привел к крупным потерям древесины. Начались заготовки в уже пройденных рубками лесосеках, из-за чего качество поступавшей на лесопильные заводы древесины снижалось⁵²⁴. Сплошные рубки оказывали негативное влияние на первичные сплавные пути и верховья рек

⁵²² Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Научно-исследовательская работа... С. 9.

⁵²³ XVII съезд... С. 368–369.

⁵²⁴ Гайнер И. Указ. соч. С. 68–69; Сортиментный план – закон // Лесная промышленность. 1941. № 1. С. 2–3.

(быстрый спад весенних вод и изменение режима крупных рек). Считалось целесообразным перестроить лесосечный фонд: на крупных реках углубляться в лесные массивы, на близких расстояниях вывозки рубить мелкотоварный лес, а недостающий пиловочник получать посредством выборочных рубок на дальних расстояниях вывозки. Такой подход к лесоэксплуатации давал возможность смягчить экономические и экологические проблемы.

В регионах Европейской части страны, где заготавливалась основная часть древесины, объем насаждений не позволял в первой половине XX в. усиленно эксплуатировать лесные массивы. Реализация политики размещения производственных мощностей на Европейском Севере, Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, требовавшая больших финансовых, материальных и трудовых ресурсов, осуществлялась низкими темпами. Руководители многих леспромхозов в начале 1930-х гг. имели слабое представление о состоянии массивов, которые они осваивали, совершали грубые ошибки в расчетах объема годичных лесосек. Из-за этого, к примеру, в Марийской автономной области в некоторых лесных дачах в 1931 г. рубили «лесосеку 1956 г.»⁵²⁵. В Поволжье, где уровень лесистости и запаса насаждений снизился за период активного лесопользования, насчитывавший несколько столетий, перерубы расчетной лесосеки продолжались (леса региона вошли в основном в лесопромышленную зону), в некоторых случаях – на 30–50 лет вперед⁵²⁶.

Современный историк Л. А. Максимова на основе анализа архивных документов о хозяйственной деятельности ГУЛАГа НКВД СССР на Европейском Севере указывала, что «руководство заботило лишь выполнение производственного плана любой ценой». Заготовка сосновой спецдревесины предполагала выборочные рубки, из-за чего ель накапливалась на лесосеках и впоследствии замещала сосну, в том числе ее ценные породы. Помимо этого, усиленная эксплуатация лесов в южных районах республики Коми, не

⁵²⁵ Готовицкий Б. Д. За упорядочение учета лесосечного фонда в леспромхозах // Лесная индустрия. 1934. № 2. С. 34, 36.

⁵²⁶ Воейков Е. В. Экологические проблемы Среднего Поволжья... С. 147; Макеева Е. Д. Деятельность региональных и местных органов управления в сфере охраны природы... С. 136; Она же. Становление системы государственного управления охраной природы в России... С. 95.

учитывавшая длительные процессы лесовозобновления, привела к истощению массивов⁵²⁷. В Среднем Поволжье активная лесозаготовка привела к захламлению лесосек отходами, ухудшению качественного состава лесов, появлению сухостойного леса, увеличению лесных пустошей, уменьшению защитных функций леса, образованию зыбучих песков на местах вырубок. После рубки дубовых лесов естественным возобновлением прежней породой охватывалось не более одной трети площади, остальная часть зарастала в основном березой и осиной⁵²⁸.

Организация территориальных управлений лесной охраны способствовала очистке лесосек от порубочных остатков, увеличению объемов противопожарных и лесокультурных мероприятий, поскольку тресты неудовлетворительно осуществляли эти функции ввиду приоритета выполнения планов заготовки древесины. Главлесоохране при СНК СССР было дано право приостановки «незаконных» рубок и подсочки леса. К примеру, Саратовское управление лесоохраны и лесонасаждений закрывало рубки 35 раз, в том числе по тресту «Саратовлес» – 15⁵²⁹.

В годы первых пятилеток сохранялся низкий процент переработки древесных отходов, пней и сучьев – ввиду слабых кооперационных связей между трестами, первоочередной задачи выполнения и перевыполнения плановых заданий. Тем самым снижался и без того низкий, по сравнению с развитыми государствами с ведущей ролью лесопромышленного комплекса в экономике, показатель съема древесины с гектара лесопокрытой площади. Главной душевной болью К. И. Альбрехта, авторитетного специалиста ВСНХ СССР в области лесной промышленности, было оставление на лесосеках большого объема древесных отходов и стволов, не находивших применения. Он считал леса «огромным национальным богатством», а методы лесопользования называл «диким хищничеством», «безудержным грабежом»,

⁵²⁷ Максимова Л. А. Последствия индустриальной модернизации на Европейском Северо-востоке... С. 99.

⁵²⁸ Воейков Е. В. Экологические проблемы Среднего Поволжья... С. 150–151; Макеева Е. Д. Становление системы государственного управления охраной природы в России... С. 95.

⁵²⁹ Воейков Е. В. Деятельность Саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений... С. 483–485; Макеева Е. Д. Деятельность региональных и местных органов управления в сфере охраны природы... С. 136–137.

«хозяйственным самоубийством»⁵³⁰. Суждения о потерях древесины публиковались на протяжении первых пятилеток⁵³¹. Хотя приведенные цифры (от 20 до 70 % заготовленного объема) представляются завышенными, они хорошо демонстрируют низкую эффективность использования ресурсов.

Основные потери древесины возникали в наиболее экстремальные, с точки зрения природно-климатических условий, периоды⁵³². Хозяйственные ведомства и организации, как правило, списывали свои неудачи в заготовке и вывозке лесных ресурсов именно на неблагоприятную погодную обстановку. В конце 1930-х гг. партийно-государственные органы и хозяйственные ведомства стали требовать перехода к круглогодичной заготовке и вывозке лесных ресурсов, а также создания в районах эксплуатации запасов древесного сырья.

Злободневной была и проблема лесных пожаров. Реплика директора Артамоновского ЛПХ о невыделении людей для тушения возникшего пожара, иначе будет сорван сплав, что грозило юридической ответственностью, ярко характеризовала отношение хозяйственников к этой проблеме. На уровне Наркомлеса работников пожарной охраны не приглашали на совещания, в большинстве главных управлений не были назначены ответственные за противопожарные мероприятия. В результате оперативная и исчерпывающая информация о лесных пожарах отсутствовала. Народный комиссар В. И. Иванов предложил создавать добровольные пожарные дружины и стимулировать работников охраны, которые предупреждают возгорания⁵³³. 1937–1938 гг. были отмечены на Урале крупнейшими за десятилетие лесными пожарами (только в лесных массивах треста «Серовлесдревмет» площадь возгораний составила 125 тыс. га). По данным за 1940 г., в Свердловской области из 355 зарегистрированных пожаров 74 % возникли из-за

⁵³⁰ Альбрехт К. Разве это социалистическое строительство?... С. 356–360, 364.

⁵³¹ См., напр.: Зорич А. Указ. соч. С. 86–87, 90; Куят Ф. Указ. соч. С. 109; Филиппович Указ. соч. С. 277.

⁵³² Воейков Е. В. Экологические проблемы Среднего Поволжья... С. 148–149; Леса Урала... С. 73; РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 10; Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 300, 313, 388–389.

⁵³³ Выше бдительности в борьбе с пожарами // Лесная промышленность. 1937, 3 июля. С. 3.

непотушенных или неправильно разведенных костров, 16 % – от искр паровозов. То есть решающим являлся человеческий фактор⁵³⁴.

В конце 1930-х гг. специалисты лесной промышленности и лесного хозяйства стали высказываться о потребности в смене подходов в лесопользовании. Так, экспедиция в составе специалистов народных комиссариатов лесной промышленности, внутренних дел, черной металлургии, путей сообщения пришла к выводу о необходимости «решительного изменения существующей структуры управления лесами и системы лесопользования». Этого невозможно было добиться только реконструкцией предприятий, механизацией, упорядочением заготовки и вывозки древесины, снабжением потребителей лесными ресурсами и материалами⁵³⁵. Однако в ситуации милитаризации экономики страны, функционирования централизованной системы реализовать эти предложения на практике было почти нереально.

В итоге идея возврата к рациональному лесопользованию подменялась финансовой и материальной целесообразностью (то есть распределить запас лесного фонда, организовать эксплуатацию массивов так, чтобы максимально увеличить период работы производств и снизить экономические издержки), несмотря на санкции за неудовлетворительное использование лесосек, осуществление очистки мест рубки и проведение других лесохозяйственных мероприятий. Начались многократные расчеты по проектированию предприятий в зависимости от запасов лесной базы и наличия транспортных коммуникаций, определению хозяйственной единицы лесопользования (вплоть до целой административно-территориальной единицы)⁵³⁶. Ввиду слабого развития инфраструктуры, недостаточного финансирования, низкого уровня квалификации работников и механизации, использования древесных отходов эффект проектов был невысоким. Требовалось провести огромную организационную работу, вложить крупные средства в развитие транспортных путей, материальной базы, устранить нарушения в лесопользовании, чтобы

⁵³⁴ Леса Урала... С. 42–44.

⁵³⁵ Там же. С. 212.

⁵³⁶ Полуйко И. З. Указ. соч. С. 9–11.

использование проектов стабильного функционирования предприятий в зависимости от запасов леса было оправданным.

Объемы *вывозки древесины* оказывались ниже показателей заготовки. Часть ресурсов в виде пней, сучьев, порубочных остатков оставлялась на лесосеках, еще часть терялась в процессе транспортировки. За первые пятилетки разница между цифрами заготовки и вывозки древесины составила 250 млн. ф. м (9,8 % от общего объема добычи леса). Показатели вывозки более реально отражают объемы направлявшихся в народное хозяйство лесных ресурсов, хотя и на этом этапе лесопользования возникали потери, порой существенные. В вывозке лесных ресурсов наиболее высокие показатели прироста имели место в 1931, 1935–1936, 1938–1939 гг. Вывозка делового леса за десятилетие возросла на 21,2 млн. ф. м. (дровяного – 77,7 млн.), что отразилось на недоснабжении сырьем сферы механической обработки древесины, целлюлозно-бумажной отрасли. Итогом трех пятилеток стал показатель вывозки древесины в 246,1 млн. м³. Он был меньше, чем намечалось к 1 октября 1933 г. первым пятилетним планом (см.: Приложение 17, 18, 19).

Применялся сухопутный и водный (молевой сплав, то есть россыпью, отдельными бревнами, и в плотах) транспорт древесины. Замерзание древесины в реках происходило каждый сплавной сезон на протяжении 1930-х гг., различались только масштабы бедствия. Его главными причинами являлись нехватка трудовых ресурсов, тягловой силы, инструментов и техники, «авральные» работы в последние недели и дни сезона, из-за чего часть лесных ресурсов, порой существенная для деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных предприятий, замерзала в реках. В конечных пунктах сплава, то есть в гаванях заводов, рабочие также порой не успевали оперативно провести работы по вылову и выкатке древесины. К примеру, по данным на 10 октября 1931 г., в стране были пущены в сплав 77,3 млн. м³ леса или 97,7 % годового плана. Прибыли к конечным пунктам 68,2 млн. м³, из них выгружены на берег

48,7 млн. м³. К началу зимнего периода в воде осталось около 29 млн. м³ древесины (34,4 % годового плана), часть которой так и не успели выгрузить⁵³⁷.

С особенной остротой эти проблемы проявились на Европейском Севере. Возникавшие трудности требовали оперативных действий регионального партийно-государственного аппарата и хозяйственных организаций. Зимой 1928/1929 г. прорыв одного из цепных заборов у устья р. Мезени, куда сплавлялась древесина, привел к выбросу в Белое море 3 млн. бревен. В следующем году на р. Северной Двине вмерзло в речной лед более 4 млн. бревен (почти половина объема сплава), которые весной выбросило в море⁵³⁸. В 1932 г. по р. Северной Двине и ее притокам было пущено в сплав 15 млн. м³ древесины, но потребители получили только 11,5 млн. Оставшиеся бревна замерзли в реках, были разбросаны по берегам. Около 700 тыс. м³ леса остались не выгруженными в порту Архангельска⁵³⁹. Предупреждения высших партийно-государственных органов не гарантировали того, что сплав будет успешно проведен. Слишком много было кадровых, организационных и технических проблем, которые также требовали внимания и решения. В других регионах в ходе сплава также возникали экстремальные ситуации⁵⁴⁰.

Чрезмерная нагрузка на водные артерии большими объемами сплавлявшейся молею древесины в совокупности с нехваткой рабочих, средств, выделявшихся на очистку рек, привела к засорению транспортных путей, обострению экологических проблем. На высшем государственном уровне во второй половине 1930-х гг. принимались решения о сокращении молевого сплава на ряде рек, организации сплава древесины в плотях и создании специализированных трестов⁵⁴¹. Хозяйственные организации, тем не менее, не спешили в установленные сроки сворачивать молевой сплав, привлекавший

⁵³⁷ Индустриализация СССР. 1929–1932... С. 392.

⁵³⁸ Альбрехт К. Разве это социалистическое строительство? Глава из книги «Преданный социализм» // Военно-исторический альманах Виктора Суворова. Независимые исторические исследования. Вып. 1 / под ред. В. Суворова и Д. Хмельницкого. М., 2012. С. 358.

⁵³⁹ Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 298–299.

⁵⁴⁰ Прилуцкий А. В. Скоростной метод – на все рейды и запани... С. 19; Советская лесная экономика... С. 313; Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие... С. 35.

⁵⁴¹ Заборцева Л. П. Указ. соч. С. 52.

своей дешевизной и не требовавший вложения больших средств в механизацию работ. На этапе создания рейдов именно невысокий уровень механизации, не позволявший до морозов сформировать нужное количество плотов, стал причиной продолжившегося замерзания древесины на сплавных путях.

Ежегодные потери и утоп древесины (не считая вылова топляка) колебались по Наркомлесу СССР от 2,5 до 3,5 % от общего объема сплава. За вторую и третью пятилетки объем потерь и утопа леса составил 13,8 млн. м³, что соответствовало сумме более 200 млн. руб. Плюс тратились средства на организацию и проведение работ по подъему части затонувшей древесины. Основными причинами утопа леса являлись сплав моём, переплотка и выгрузка древесины, слабое крепление запаней⁵⁴².

В 1913 г. в Российской империи (в границах СССР до 1939 г.) производилось 11,9 млн. м³ пиломатериалов, 130 тыс. м³ фанеры клееной, 3757 тыс. ящиков спичек⁵⁴³. В результате военных, общественно-политических и экономических потрясений второй половины 1910-х – начала 1920-х гг. выпуск этих товаров значительно сократился. В РСФСР производилось в 1920 г. 1,48 млн. м³ пиломатериалов (в 8 раз меньше, чем в 1913 г.), в 1922 г. фанеры – 10 тыс. м³ (в 13 раз меньше). Показатели 1913 г. были превышены только в 1927 г.

За годы первой пятилетки *производство пиломатериалов* увеличилось с 12,8 млн. до 24,4 млн. м³, *фанеры* – с 137,4 тыс. до 423 тыс. м³. В годы второй пятилетки, несмотря на значительный рост стоимости производственных основных фондов, динамика фактических показателей выпуска пиломатериалов и фанеры оказалась противоречивой. Производство увеличилось до 33,8 млн. м³, но в 1937 г. наблюдался крупный спад, причинами которого стали недоснабжение предприятий сырьем, репрессии. Третьим пятилетним планом объем выпуска пиломатериалов был установлен к 1942 г. на уровне 45 млн. м³. Однако за 1938–1940 гг. их производство увеличилось до 34,8 млн. м³. Выпуск фанеры увеличился до 672,3 тыс. м³. До начала Великой Отечественной войны

⁵⁴² Пронин А. Г. Указ. соч. С. 30.

⁵⁴³ В одном ящике 1000 коробок.

начали работу только три новых завода (вместо 12, намеченных третьей пятилеткой). Осваивалось изготовление бакелитовой авиационной фанеры, бакелизированной, венированной, армированной, огнестойкой и электрофанеры⁵⁴⁴.

Производство спичек в 1928–1930 гг. возросло с 5113 тыс. до 9419 тыс. ящиков, потом снизилось до 5642 тыс. в 1932 г., вновь увеличилось до 10733 тыс. в 1935 г. (максимальный показатель за годы первых пятилеток) и к концу второй пятилетки уменьшилось до 7163 тыс. ящиков. Эти колебания были вызваны небольшим числом предприятий, в том числе со старым оборудованием, и их поэтапной реконструкцией (в 1931 г. более 60 % спичек изготовлялось на автоматах, а в годы второй пятилетки их производство было полностью автоматизировано⁵⁴⁵), проблемами снабжения сырьем. В 1938–1940 гг. вновь отмечался рост выпуска спичек.

Получила развитие мебельная отрасль. В 1940 г. ее фабрики произвели 2,4 млн. столов, 11 млн. стульев, 100 тыс. буфетов и сервантов, 700 тыс. шкафов, 637 тыс. диванов, кушеток, оттоманок, тахт. Этих объемов не хватало для удовлетворения потребностей населения, но по сравнению с 1929 г., когда было изготовлено мебели на сумму 39,4 млн. руб., в 1940 г. стоимость продукции превысила 1 млрд. руб.⁵⁴⁶ Проследить динамику показателей не представляется возможным из-за сосредоточения основных объемов производства на предприятиях Наркомлеса, промкооперации и НКВД СССР и использования разных ценовых весов для определения стоимости продукции. Основными районами размещения производств по выпуску изделий из дерева, мебели стали Белоруссия, Украина, Центральная Россия, Кавказ⁵⁴⁷.

Наиболее высокие темпы роста сферы механической обработки древесины пришлось на 1928–1930 гг., когда развернулось активное строительство и реконструкция лесопильных, деревообрабатывающих и фанерных предприятий.

⁵⁴⁴ Зиновьев В. В. Указ. соч. С. 15.

⁵⁴⁵ Лесная промышленность за 30 лет... С. 12.

⁵⁴⁶ Масштабы роста (лесная промышленность за 60 лет) // Лесная промышленность. 1977. № 10. С. 13.

⁵⁴⁷ Мебельная промышленность... С. 596.

В 1931–1932 гг. динамика показателей снизилась, что было вызвано затягиванием срока сдачи ряда важных объектов. Свою роль сыграла и общая стагнация в экономике и сфере труда после нескольких лет напряженной работы, реформ. В годы первой пятилетки среднегодовые показатели выпуска пиломатериалов и фанеры были существенно выше, чем в период Новой экономической политики. В 1934–1936 гг. сфера механической обработки древесины вновь продемонстрировала высокие показатели фактического прироста производства пиломатериалов, фанеры клееной, спичек. Положительную роль сыграли модернизация и строительство предприятий, освоение мощностей. Эти успехи сменились продолжительным спадом, который фанерная и спичечная отрасли отчасти смогли преодолеть. Отрицательное влияние оказали ухудшение снабжения сырьем предприятий, износ оборудования, репрессии (см.: Приложение 20, 21, 22).

В условиях слабого уровня развития *глубокой переработки лесных ресурсов* в Российской империи и Советском Союзе в 1920–1930-х гг. и роста потребности экономики и населения страны в целлюлозно-бумажной продукции требовалось строить и реконструировать предприятия отрасли. Стремление партийно-государственных органов и хозяйственных ведомств развивать глубокую переработку древесины сталкивалось со многими проблемами. К ним относились преобладание малых и средних заводов с устаревшим оборудованием, низкий уровень производства древесной массы и целлюлозы (часть их приходилось импортировать), необходимых для выпуска конечной продукции, отсутствие отечественного машиностроения для целлюлозно-бумажной промышленности и необходимость приобретения зарубежной техники и технологий.

В 1913 г. в Российской империи (в границах СССР до 1939 г.) изготовлялось 55,4 тыс. т древесной массы, 41 тыс. т целлюлозы, 197 тыс. т бумаги и 29 тыс. т картона, что не удовлетворяло потребностей развивавшейся экономики страны и заставляло импортировать сырье и бумажную продукцию. В результате Первой мировой войны, революций и Гражданской войны

Советская Россия лишилась части западных территорий, где концентрировались основные мощности по глубокой переработке древесины. В 1922 г. в РСФСР было выпущено 12,9 тыс. т целлюлозы, 40,2 тыс. т бумаги, 3,7 тыс. т картона. В 1925/1926 г. в СССР цифры 1913 г. были превышены. Значимые результаты в выпуске целлюлозно-бумажной продукции были достигнуты в годы реализации первого и второго пятилетних планов, когда развернулось активное строительство и реконструкция предприятий.

За первую пятилетку выпуск бумаги увеличился с 268 тыс. до 471,2 тыс. т. Строительству новых целлюлозно-бумажных предприятий способствовали четыре ключевых фактора: намеченный с середины десятилетия двукратный (до 768 тыс. т в 1929/1930 г.) рост потребности в бумаге; изношенность оборудования на действовавших фабриках; высокая себестоимость продукции (в 1925 г. 275 руб. за тонну газетной бумаги, 135 руб. – целлюлозы) по сравнению с импортными товарами (тонна газетной бумаги – 145 руб., целлюлозы – 120 руб. до границы, без пошлин и акциза); актуальность развития собственного производства⁵⁴⁸. Постоянное совещание по строительству при Главлесбуме ВСНХ СССР считало инициативы хозяйственных органов и трестов в обосновании и проектировании новых предприятий не увязанными с общими направлениями развития целлюлозно-бумажной отрасли, а выбор сырьевых баз для снабжения целлюлозно-бумажных комбинатов – неудачным, поскольку в этот период шла острая борьба лесозаготовительных организаций за лесоучастки⁵⁴⁹. Для чего была необходима критика региональных хозяйственных органов, трестов? Результатом предполагалась организация Центрального бюро по разработке проектов реконструкции и строительству предприятий. Это позволяло улучшить качество подготовки проектов, уменьшить некоторые расходы, однако не решало проблем технико-технологического характера, так как заказы оборудования за рубежом зависели от экономической и политической конъюнктуры.

⁵⁴⁸ НАРК. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 97. Л. 21.

⁵⁴⁹ Там же. Л. 21–22, 24об.

Спад в сфере заготовки леса в последний год первой пятилетки повлек падение объемов производства в лесопильно-деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслях, чьи потребности в сырье не были обеспечены в полной мере. Несмотря на увеличение объемов производства бумаги, в 1928 г. потребность в ней покрывалась внутренним производством на 75 %, а в 1931 г., в связи с резко возросшими потребностями, на 45 %⁵⁵⁰. Далее начался рост производства этого товара, вызванный как реконструкцией предприятий, так и лучшим использованием мощностей, внедрением мер по стимулированию труда работников. За 1933–1937 гг. выпуск бумаги возрос до 831,6 тыс. т. Это было лучшим результатом за годы первых пятилеток. Увеличилось производство писчей, печатной, а также высших сортов бумаги⁵⁵¹.

Конец 1930-х гг. стал периодом спада в деятельности целлюлозно-бумажной отрасли, вызванного в первую очередь затягиванием строительства предприятий, недоснабжением их сырьем. Негативную роль сыграли также репрессии 1937–1938 гг., поскольку отрасль лишилась многих грамотных специалистов и руководителей (см. параграф 4.1), а восполнить данную убыль кадров в короткие сроки оказалось невозможно. В 1940 г., несмотря на начало работы Сегежского и Архангельского ЦБК, было произведено бумаги на 19,6 тыс. т меньше, чем в 1937 г. (см.: Приложение 20). При мирном сценарии третьей пятилетки для достижения планового показателя целлюлозно-бумажная отрасль за два оставшихся года должна была увеличить выпуск бумаги на 700 тыс. т, что было неосуществимо. Тогда как за 1938–1939 гг. мощность предприятий увеличилась с 920 тыс. т до 1115 тыс. Причины ухудшения работы отрасли Госплан СССР видел в слабой организации производства, в неудовлетворительном снабжении предприятий топливом и электроэнергией, а в некоторых случаях – сырьем⁵⁵².

⁵⁵⁰ Гравес А. Ф. Указ. соч. С. 507.

⁵⁵¹ Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг... С. 192; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.)... С. 71; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. 235; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 192.

⁵⁵² Индустриализация СССР. 1938–1941... С. 137.

Огромную роль в развитии лесопромышленного комплекса сыграло присоединение к Советскому Союзу Карельского перешейка после войны с Финляндией в 1939–1940 гг. Восстановление целлюлозно-бумажных предприятий на этой небольшой территории (их мощность составляла 366 тыс. т целлюлозы, 41 тыс. т бумаги и 30 тыс. т картона⁵⁵³) стало привлекательной возможностью для руководства Наркомбумпрома, плановых и партийно-государственных органов для развития отрасли. В первую очередь это касалось передовых и в большей степени уникальных для Советского Союза технологий. Комбинат Энсо, который мог изготавливать сульфитную и сульфатную целлюлозу, бумагу и картон, стал мощнейшим предприятием страны (аналогичных производств не имелось). Здесь производили также хлор и каустическую соду (для отбеливания целлюлозы), жидкое стекло (для выпуска строительного картона), многослойный картон энсонит (патент на него был засекречен фирмой «Энсо-Гутцейт-Торнатор»)⁵⁵⁴. На целлюлозно-бумажном комбинате в п. Иоханнесе, построенном в 1926 г. финской фирмой «Хакман и Ко», изготавливалась вискозная целлюлоза, а через 10 лет благодаря поддержке местных властей был начат выпуск газетной и оберточной бумаги. Предприятие было оснащено передовой техникой, производственные процессы позволяли минимизировать загрязнение окружающей среды отходами⁵⁵⁵.

То есть в Финляндии практиковалась глубокая переработка древесины в сочетании с лесохимическим производством. В частности, исследование новых способов отбеливания целлюлозы в СССР началось в 1920-х гг., но темпы их внедрения были низкими, из-за чего страна импортировала беленую целлюлозу, хотя финны заимствовали эти технологии из США⁵⁵⁶. Мобилизационные возможности советской экономической системы позволили реализовать крупные проекты в целлюлозно-бумажной отрасли, в том числе с целью

⁵⁵³ ГАРФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 27. Л. 4об.

⁵⁵⁴ Там же. Л. 3.

⁵⁵⁵ Кочеткова Е. А. Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности и трансфер технологий... С. 21; Она же. От технических улучшений к инновациям... С. 315.

⁵⁵⁶ Кочеткова Е. А. Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности и трансфер технологий... С. 25–26.

освобождения страны от импортной зависимости. Восстановление предприятий на Карельском перешейке являлось менее затратным, но весьма перспективным в технологическом плане мероприятием.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) (решение № 896 от 28 мая 1940 г.) и Экономический совет при СНК СССР (постановления № 523 от 15 апреля, № 531 от 16 апреля, № 676 от 14 мая 1940 г.) обеспечили наиболее благоприятные условия для восстановительных работ. Помимо мобилизации специалистов и рабочих (около 15 тыс. человек в июле-августе 1940 г.), коллективов машиностроительных заводов и монтажных организаций и передачи строительных функций Управлению специальным строительством на Карельском перешейке НКВД СССР и Управлением по эксплуатации предприятий Наркомбумпрома, устанавливались приоритет снабжения района материалами и оборудованием, возможность осуществления работ без технических проектов и смет⁵⁵⁷.

20 апреля Политбюро ЦК ВКП(б) предложило отпустить ГУЛАГу НКВД и Наркомлесу на восстановление целлюлозно-бумажных предприятий 45 млн. руб. из резервного фонда СНК СССР. Эти намерения, а также вопросы по обеспечению восстановительно-строительных работ рабочей силой, созданию колхозов и совхозов, были подтверждены в тот же день постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 56–194с. Было принято решение построить железную дорогу Суоярви – Юшкозеро для снабжения лесными ресурсами целлюлозно-бумажных предприятий (проложена за три месяца)⁵⁵⁸.

В течение года было построено 12, восстановлено 18 и отремонтировано более 60 производственных корпусов. Осуществлен значительный объем работ по восстановлению и ремонту оборудования, в том числе 37 варочных, 37 паровых и утилизационных котлов, 6 бумагоделательных и 2 картонных машин, 2 машин «Энсонит» и 22 картонажных станков. Были восстановлены заводские инженерные сети, построены линии электропередачи, рабочие

⁵⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 27. Л. 7–7об.; РГАЭ. Ф. 8513. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2, 4–5.

⁵⁵⁸ Веригин С. Г. Заселение и экономическое освоение г. Сортавалы... С. 44; Он же. Ленинград и Советская Карелия... С. 37–38, 40; Он же. Образование Карело-Финской ССР... С. 153.

поселки Иоханнес и Питкяранта⁵⁵⁹. К началу 1941 г. многие предприятия стали выдавать продукцию. Мощность целлюлозно-бумажных комбинатов Карело-Финской ССР, включая восстановленные заводы на Карельском перешейке, составила 52 % всей мощности отрасли страны⁵⁶⁰. Восстановительные работы, производившиеся впервые в таком объеме в Советском Союзе, дали ценный опыт ведомствам и организациям, в том числе в деле координации усилий и концентрации кадрового и технологического потенциала.

В 1930-х гг. в производстве древесной массы наиболее высокие показатели прироста имели место в 1935–1937 гг., отрицательные результаты были в 1938–1940 гг. В выпуске целлюлозы наиболее высокие показатели прироста имели место в 1936–1937 и 1940 гг., отрицательных значений не зафиксировано. Развитие целлюлозной отрасли характеризовалось не только количественными показателями, но и крупными научными достижениями.

В начале 1920-х гг. заведующий целлюлозным отделом и фабричной лабораторией БФ «Сокол» О. К. Гиллер разработал новый, известково-молочный способ изготовления сернистой кислоты («башня Гиллера»; аналогичные сооружения появились на Вишерском (1932 г.) и Архангельском (1940 г.) ЦБК), ввел тепловую регенерацию на целлюлозном производстве, обеспечившую существенную экономию материалов и финансовых средств⁵⁶¹. Работая с 1929 г. в Центральном научно-исследовательском институте целлюлозной и бумажной промышленности, О. К. Гиллер сосредоточился на разработке нового способа приготовления крепкой кислоты для варки сульфитной целлюлозы (эти работы прекратились из-за начала войны и были завершены после смерти ученого)⁵⁶².

В 1930-х гг. в выпуске бумаги наиболее высокие показатели прироста имели место в 1934–1937 гг. Отрицательные значения были в 1932 и 1939 гг. Производство картона в годы реализации первых пятилетних планов

⁵⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 27. Л. 8–8об.

⁵⁶⁰ Куприянов Г. Карело-Финская советская социалистическая республика. М., 1949. С. 91.

⁵⁶¹ РГАНТД. Ф. 163. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–2; Д. 16. 1–2; Д. 17. Л. 1.

⁵⁶² Там же. Д. 6. Л. 1об.; Д. 9. Л. 1.

сталкивалось с трудностями, несмотря на потребности экономики страны в этом товаре. За 1927/1928–1932 гг. выпуск картона вырос с 44,5 тыс. до 73 тыс. т (в 1,64 раза). Имел место спад в 1931 г., но годовые плановые показатели были превышены (скорее всего, из-за неверного определения нужд экономики в картоне). За 1933–1937 г. производство картона увеличилось в 1,98 раза, до 144,2 тыс. т, но в третьей пятилетке – только на 6,6 тыс. т⁵⁶³. Наиболее высокие показатели прироста имели место в 1935–1936 гг. Отрицательные значения были в 1931 и 1940 гг. (См.: Приложение 23, 24).

Динамика объемов лесопромышленной деятельности свидетельствует о наличии двух периодов спада в большинство подотраслей: в 1932–1933 (рубеж первого и второго пятилетних планов) и 1937–1940 гг. (конец второй и три года третьей пятилетки). Среди 9 рассмотренных компонентов лесопромышленного комплекса в 1931–1933 гг. отрицательный прирост имел место в 5 отраслях, в 1937–1940 гг. – в 8. За годы первых пятилеток четыре раза отрицательный прирост был зафиксирован в вывозке деловой древесины, пять раз – в спичечной отрасли. Не было спадов в производстве целлюлозы. К детальному анализу проблем лесопромышленного комплекса Советского Союза приступили в конце 1930-х гг., когда наметились исчерпание доступных лесных массивов, снижение темпов прироста объемов производства.

О состоянии лесопромышленного комплекса СССР свидетельствуют также данные о производстве основных товаров из древесины, приходящихся на 100 м³ заготовленной древесины, то есть о том, насколько полно и комплексно используется сырье в лесопромышленном комплексе. В 1913 и 1940 гг. на 100 м³ заготовленной древесины приходились соответственно 10 и 13,7 м³ произведенных пиломатериалов, 0,14 и 0,3 м³ фанеры, 0,2 и 0,36 т целлюлозы и

⁵⁶³ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 205, 207–208; Индустриализация СССР. 1929–1932... С. 344–345; Индустриализация СССР. 1933–1937... С. 19, 113; Индустриализация СССР. 1938–1941... С. 137; История целлюлозно-бумажной промышленности России... С. 7–8, 31, 33, 36–37; Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг... С. 140–141, 189, 191; Народное хозяйство СССР за 60 лет... С. 10, 236–237; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.)... С. 40, 70; Социалистическое строительство СССР. Изюм... С. 69, 72; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 126; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. 226, 234; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 22, 192; Страна Советов за 50 лет... С. 94; Тимофеев Н. В. Лесная индустрия в юбилейном году... С. 2.

древесной массы, 0,18 и 0,33 т бумаги, 0,03 и 0,05 т картона⁵⁶⁴. Хорошо просматриваются слабые тренды в улучшении использования лесных ресурсов при производстве фанеры, бумаги, картона, целлюлозы и древесной массы по сравнению с другими странами с развитым лесопромышленным комплексом.

На основании оценки численности населения Советского Союза⁵⁶⁵ были рассчитаны показатели вывозки деловой и дровяной древесины, производства пиломатериалов, фанеры, спичек, бумаги и картона на душу населения. Наблюдался рост показателей вывозки лесных ресурсов и выпуска основной продукции на душу населения. Снижение показателей имело место в 1932–1933 и 1937 гг. Вследствие присоединения в 1939–1940 гг. Западной Белоруссии, Западной Украины, Карельского перешейка, Бессарабии, Прибалтики произошло существенное увеличение численности населения страны. На фоне стагнации в лесопромышленном комплексе в годы третьей пятилетки это привело к уменьшению показателей вывозки древесины и производства основной продукции на душу населения (примерно до уровня середины 1930-х гг.). По итогам первых пятилеток наибольший прирост показателей (из расчета на душу населения) был достигнут в вывозке дровяной древесины, выпуске фанеры. Сильные колебания показателя отмечались в изготовлении спичек. За первые пятилетки их выпуск на душу населения возрос незначительно (см. Приложение 25).

В период индустриализации получила развитие *лесохимия*. По сути, с нуля была организована промышленная добыча живицы и производство новых товаров. Однако в годы первой и второй пятилеток кустарные промыслы еще играли большую роль. В 1930 г. на Кусковском химическом заводе (г. Москва) была пущена установка по получению формалина, в 1931 г. на Плесецком лесохимическом заводе (Северный край) налажено производство канифольного мыла. Возводились крупные комбинированные производства, например Ашинский лесохимический завод на Южном Урале. За 1927/1928–1931 гг.

⁵⁶⁴ Васильев П. В. Указ. соч. С. 31.

⁵⁶⁵ Андреев Е. М. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 118.

добыча живицы увеличилась с 1728 до 48800 т, выпуск канифоли – с 2129 до 27600 т, скипидара – с 548 до 1200 т⁵⁶⁶. Период активного развития лесохимической отрасли пришелся на вторую пятилетку и начало третьей, затем начинается сокращение объемов производства продукции⁵⁶⁷.

Крупные перспективы в развитии лесохимической отрасли связывались с организацией производства древесных плит, получившего развитие в странах Европы и Северной Америки и позволявшего удовлетворить потребности в этой многофункциональной продукции. 13 ноября 1935 г. СТО и СНК СССР постановили Наркомлесу заняться производством древесных плит и довести к концу второй пятилетки объем выпуска продукции до 65 тыс. т⁵⁶⁸. Но во второй пятилетке были построены только два опытных завода (из девяти по плану): Новобелицкий в Белорусской ССР (1936 г.) и в Москве (1937 г.; по инициативе Моссовета). Их производительность равнялась 9–10 тыс. т плит. Начатое строительство третьего предприятия – при Балахнинском ЦБК – было законсервировано из-за отсутствия финансовых средств⁵⁶⁹. В 1937 г. Всесоюзный государственный институт по проектированию предприятий лесохимической промышленности («Гипролесхим») определил минимальную потребность страны в плитах в диапазоне от 500 тыс. до 850 тыс. т, для чего требовалось возвести большое количество предприятий (в зависимости от мощности – 60–70 или 30–33)⁵⁷⁰. Тогда как во второй пятилетке намечалось создать несколько производств по выработке мезонита и фибролита.

Основной причиной низких темпов строительства предприятий народный комиссар лесной промышленности Н. М. Анцелович называл нехватку финансовых средств. В третьей пятилетке предполагалось возвести завод изоляционных древесных плит при Балахнинском ЦБК (срок ввода в строй – в 1943 г.) и цех изоплит при Лесохимическом опытном заводе облагораживания

⁵⁶⁶ Лукьянов П. М. Указ. соч. С. 299, 343–344.

⁵⁶⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1593. Л. 10.

⁵⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 23. Д. 1303. Л. 8.

⁵⁶⁹ Там же. Л. 4–5.

⁵⁷⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 129. Л. 3.

древесины (г. Ликино-Дулево Московской области) (1940 г.)⁵⁷¹. В случае осуществления этих планов в Советском Союзе в 1943 г. могло производиться только 26–27 тыс. т древесных плит, что не удовлетворяло потребностей заинтересованных в продукции отраслей и усиливало отставание от стран – лидеров в лесной промышленности. Руководство Наркомлеса понимало значение древесных плит в экономике страны, но из-за нехватки средств могло просить СНК СССР о дополнительных вложениях. Тем не менее за последующие два года ситуация не изменилась. В 1940 г. было выпущено 4,1 млн. м² древесноволокнистых плит⁵⁷².

Еще одной новой отраслью стал гидролиз древесины. Партийно-государственные, плановые органы и хозяйственные ведомства исходили из необходимости реализации идеи комплексного использования древесины, экономии зерна и картофеля, из которых также изготовлялся спирт, увеличения объемов актуальной и сравнительно недорогой продукции для оборонной промышленности. К началу второй пятилетки в Центральном научно-исследовательском лесохимическом институте коллективом под руководством Л. П. Жеребова был разработан способ гидролиза (составные части древесины, которые не сбраживались, предварительно удалялись, и после гидролиза кислотой сахарный раствор легко сбраживался дрожжами в спирт). В Ленинградском научно-исследовательском лесохимическом институте В. И. Шарковым и Ивом были разработаны методы осахаривания древесины⁵⁷³. Эти изобретения позволили приступить к строительству опытных предприятий. После началось создание крупных производств⁵⁷⁴.

Гидролизная отрасль получила мощный импульс и правительственную поддержку в начале 1940 г., когда стали очевидны мировые тенденции в развитии гидролиза древесины и росте потребности в продукции со стороны оборонно-промышленного комплекса. Прологом к разработке Экономическим

⁵⁷¹ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 23. Д. 1303. Л. 4–6.

⁵⁷² Народное хозяйство СССР. 1922–1982 гг... С. 202.

⁵⁷³ Сахар и спирт из древесины // Лесная промышленность. 1933, 3 января. С. 4.

⁵⁷⁴ Гидролизная промышленность... С. 297–298.

советом при СНК СССР, в чьем ведении находился созданный в 1939 г. Главлесоспирт, базового нормативного правового акта стал доклад профессора Ленинградской лесотехнической академии В. И. Шаркова, в котором он охарактеризовал действовавшие и строившиеся гидролизные предприятия за границей (преимущественно в Германии и Италии) и передовые технологии гидролиза древесины (методы Шоллера, Бергиуса, Джордани-Леоне, Митенбиллера, Дарбовен, Хоха и Богунека). Авторитетный ученый призывал к более активному изучению зарубежного опыта⁵⁷⁵.

В начале февраля 1940 г. в Москве прошло совещание актива Главлесоспирта. В подготовленной по итогам мероприятия справке диапазон претензий к начальнику управления В. С. Чуенкову простирался от нехватки квалифицированных кадров и затягивания их подготовки, неоднократных переделок проектов предприятий до неэффективного взаимодействия между главным управлением и заводами, научно-исследовательскими, проектными институтами. Научно-исследовательские институты обвинялись в разработке одних и тех же тем, невниманием к улучшению технологий гидролиза древесины. Крайне слабо осваивались капитальные вложения на новое строительство (за 1939 г. – 18,58 млн. руб. из 59,5 млн.), производственные мощности. В 1939 г. было выработано 4,73 млн. л спирта при проектной мощности предприятий 14,5 млн., хотя план был определен только 5,5 млн. л⁵⁷⁶. Эта критика легла в основу будущего постановления.

Согласование текста документа, затрагивавшего интересы многих народных комиссариатов, финансовых организаций и исполкомов, затянулось на месяц. Принятое 25 марта 1940 г. Экономическим советом при СНК СССР секретное постановление № 440-192с «О проектировании и строительстве гидролизных и сульфитно-спиртовых заводов Главлесоспирта при СНК Союза ССР» включало только 6 пунктов и выглядело в содержательном плане

⁵⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 24а. Д. 1986. Л. 1–2.

⁵⁷⁶ Там же. Л. 7–10.

абстрактным по сравнению с первой версией⁵⁷⁷. Тем не менее принятие постановления – значимый шаг в развитии гидролизной и сульфитно-спиртовой отрасли, ориентированной на решение еще одной задачи – достижения комплексного лесопользования.

Рассмотрим лесопромышленную деятельность в **ведомственном разрезе**, уделив внимание Наркомлесу и ГУЛАГу ОГПУ/НКВД СССР.

Народный комиссариат лесной промышленности был выделен в начале 1932 г. из состава ВСНХ СССР. Создание органа государственной власти в отношении такого ценного в социальном, экологическом и экономическом отношениях ресурса, как лес, являлось актуальной задачей. В то же время сосредоточение в руках Наркомлеса значительных лесных площадей и производственных мощностей свидетельствует именно о формировании ведомственности в отношении лесопользования. Она проявилась не только на хозяйственном уровне, но и в отношении лесного хозяйства и землепользования.

Позитив заключался в возможности концентрации материальных, трудовых, научно-исследовательских ресурсов для освоения новых лесных массивов и видов продукции, строительства комбинатов. Однако организационное объединение лесного хозяйства и лесной промышленности в руках промышленных ведомств, выделение заготовки, вывозки и сплава древесины в самостоятельный вид деятельности, приоритет выполнения или приближения к выполнению плановых заданий обусловили появление ряда негативных явлений, имевших порой разрушительный характер для лесов, почв. К ним следует отнести: перерубы лесосек; замещение пород на вырубленных участках; существенные потери древесины на лесосеках, при сплаве, возникновение экологических проблем; неудовлетворительное снабжение предприятий сырьем.

На протяжении почти всех лесозаготовительных сезонов 1930-х гг. на разных уровнях Наркомлеса СССР, партийно-государственного аппарата

⁵⁷⁷ Там же. Л. 28–29.

обсуждалась неудовлетворительная ситуация по заготовке и вывозке древесины. На XVII конференции ВКП(б), проходившей с 30 января по 4 февраля 1932 г., народный комиссар лесной промышленности СССР С. С. Лобов констатировал неудовлетворительную работу отрасли, невыполнение плана 1931 г. (по заготовке деловой древесины – на 69 %, по вывозке – 58 %, по заготовке дров – на 78 %, по вывозке – на 75 %, по выпуску пиломатериалов – на 58 %) и несоответствие запроектированных темпов увеличения продукции потребностям экономики страны. В условиях малого количества техники С. С. Лобов отметил важность сооружения железных дорог в лесных массивах, что позволяло в меньшей степени зависеть от изменчивости погодных условий, и устройства лежневых дорог. Руководитель указал на необходимость рационального использования лесных ресурсов, но его заключительный вывод состоял в том, что «надо работать по-хозяйски, брать все, что может дать лесосека, чтобы извлечь наибольшую пользу»⁵⁷⁸.

Как опытный государственный деятель, С. С. Лобов видел многие проблемы лесной промышленности и не преминул покритиковать предшественников (разумеется, без указания фамилий), признав односторонность отрасли, работа которой «в основном сводилась к заготовке дров, бревен и распиловке их на доски». Откровенными были заявления об убыточной работе, отсутствии «хорошо поставленных» научно-исследовательских институтов, лабораторий, дефиците кадров и оборудования. С. С. Лобов возлагал надежду на стандартизацию и типизацию продукции, рационализацию производственных процессов, исследования⁵⁷⁹.

В четвертом квартале 1932 г. Наркомлесом был заготовлен 71,3 % и вывезены 76 % лесных ресурсов от квартального плана. По итогам года более высокие показатели выполнения задания по заготовке и вывозке древесины были у трестов «Украинлес», «Лесбел», «Севлес», «Кареллес». Хуже работали «Вятлес» (заготовлено леса 34,7 % от плана, вывезено – 36,4 %) и «Удмуртлес»

⁵⁷⁸ XVII конференция... С. 41–44.

⁵⁷⁹ Лобов С. Реконструкция лесной промышленности... С. 57–62, 65–66.

(соответственно 36,4 и 45,7 %) ⁵⁸⁰. Выполнение производственной программы первого квартала 1933 г. велось также недостаточно высокими темпами. Наибольший процент выполнения показателей плана достигался в конце февраля – марте. На 20 февраля 1933 г. выполнение программы по вывозке лесных ресурсов составляло только 35,9 %. А за оставшиеся 40 дней квартала этот показатель вырос до 84,4 % ⁵⁸¹. Очевидно улучшение ситуации с выполнением производственных заданий по заготовке, вывозке и сплаву леса. Однако достижение этих показателей осуществлялось в последние декады сезона, в том числе с применением мобилизационных, стимулирующих и мотивационных мероприятий.

В 1933 г. Наркомлес выполнил план по заготовке древесины на 95,5 %, по вывозке – на 91,2 %. Фактические результаты вывозки превышали показатель 1931 г. на 106,7 %, 1932 г. – на 102 %. 6 лесозаготовительных трестов («Чуваشلес», «Волголес», «Мослеспром», «Удмуртлес», «Ленлес», «Леспромтрест») выполнили и перевыполнили годовой план вывозки, 10 – выполнили задание в интервале от 90 до 99,9 %, 13 – ниже 89,9 % (в том числе 6 трестов – менее 60 %). Ряд организаций сумел улучшить показатели вывозки лесных ресурсов за счет более активной работы в четвертом квартале. Механизмами было вывезено 4,5 млн. м³ древесины – на 28 % больше, чем в 1932 г. Основными проблемами назывались дефицит транспортных средств, механических мастерских, перебои в снабжении предприятий горючим, комплектующими, игнорирование некоторыми руководителями рационализации и механизации, недостаточное использование средств на строительство рационализированных путей ⁵⁸².

Наркомлесу еще предстояло сделать многое для укрепления административных связей между ним, главками, трестами и предприятиями, но

⁵⁸⁰ Воейков Е. Руководящие кадры лесной промышленности... С. 144; Постановление комиссии исполнения при СНК СССР «О работе Народного комиссариата лесной промышленности по заготовке и вывозке леса». 11 марта 1933 г. URL: <http://istmat.info/node/36009> (дата обращения: 17.11.2022).

⁵⁸¹ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.

⁵⁸² Маев Д. Р. Конкретным руководством обеспечить выполнение плана лесозаготовок // Лесная индустрия. 1934. № 2. С. 7–9.

партийно-государственные органы обычно видели источник трудностей в работе ведомства, не указывая на присущие советской экономике системные проблемы, такие как неудовлетворительную организацию снабжения, низкую эффективность стимулов к труду, недостаточно развитую инфраструктуру осваивавшихся промышленных районов и строившихся рабочих поселков.

На XVII съезде ВКП(б), состоявшемся 26 января – 10 февраля 1934 г., лесной промышленности было уделено большое внимание. Это связано с возрастанием потребностей в лесных ресурсах и материалах, а также с осознанием необходимости усиления лесохозяйственных работ вследствие активной эксплуатации массивов в Европейской части страны. Как справедливо заметил народный комиссар С. С. Лобов, без продукции лесопромышленного комплекса, особенно пиломатериалов, реализовать второй пятилетний план было бы проблематично, а топливная функция стала играть второстепенную роль. От работы лесной промышленности зависели капитальное строительство, авто- и авиастроение, сельскохозяйственное машиностроение, транспорт, экспорт. В то же время С. С. Лобов признавал критику об оставлении древесины на лесосеках, малых масштабах лесоустройства. Он согласился с тем, что ведомство работает в целом неудовлетворительно, но был уверен в возможности выполнения плана второй пятилетки⁵⁸³.

В 1935 г. ряд отраслей Наркомлеса СССР впервые не только выполнил годовой план, но и превысил намеченные показатели⁵⁸⁴. Такие достижения были связаны с освоением мощностей, более высокой отдачей производственных фондов, развитием социалистического соревнования⁵⁸⁵. Данные за январь-сентябрь 1934 г. о валовой продукции народного комиссариата свидетельствуют о росте показателя по сравнению с 1933 г. (за 9 месяцев) на 110,8 %⁵⁸⁶. Британский историк Р. Дэвис привел данные, согласно которым в 1936 г. в лесной промышленности по большинству вошедших в

⁵⁸³ XVII съезд... С. 468–470.

⁵⁸⁴ Об этом свидетельствует, в частности, награждение орденом Ленина народного комиссара лесной промышленности С. С. Лобова. Правда. 1936, 18 января. С. 1.

⁵⁸⁵ Колтунов Н. Указ. соч. С. 8.

⁵⁸⁶ Основные показатели развития народного хозяйства СССР // Плановое хозяйство. 1934. № 10. С. 233.

отчет видов продукции наблюдался прирост производства по сравнению с 1935 г. Однако план первого квартала 1936 г. из всех отраслей не выполнила только лесная⁵⁸⁷. В целом период 1934–1936 гг. следует считать наиболее успешным для лесной промышленности: росли – относительно высокими темпами – капитальные вложения, объемы производства и стоимости валовой продукции, производительность труда. Но это привело к увеличению плановых заданий.

В конце 1936 г. народный комиссар лесной промышленности В. И. Иванов, сменивший С. С. Лобова, критиковал работников ведомства, главные управления и тресты за невыполнение планов рубки и вывозки древесины в зимний сезон, летний период, сплава. Он опасался, что потребителям будет поставлено лесных ресурсов на 6 млн. м³ меньше по сравнению с прошлым годом, плюс на сплавных путях замерзнет свыше 4 млн. м³ древесины, а большинство предприятий Главлесоэкспорта и Главлесдрева станут работать только в две смены⁵⁸⁸. На четвертый квартал 1936 г. план заготовки леса составлял 61 млн. м³, а выполнение по состоянию на конец ноября равнялось только 20 млн. м³. Путем простых расчетов В. И. Иванов предложил главным управлениям и трестам заготовить за декабрь оставшиеся 40 млн. м³, или каждую декаду – по 13 млн. м³. По вывозке древесины ситуация складывалась еще более критически. Из 31 млн. м³ леса по плану фактически было вывезено только 4 млн. м³⁵⁸⁹. То есть в декабре темпы вывозки лесных ресурсов должны были возрасти в девять-десять раз по сравнению с ноябрем.

Задание 1937 г. по заготовке лесных ресурсов было выполнено Наркомлесом СССР на 61 %, по вывозке – на 61,6 %, в том числе механизированной – на 50,7 %. Руководство ведомства видело основную причину невыполнения плана в разнообразных «вредительствах». Сохранялись системные проблемы (с механизацией, жильем, кадрами, организацией и оплатой труда, снабжением), которые усугубились в условиях массовых репрессий. Не было ни слова сказано о передаче ряда лесозаготовительных

⁵⁸⁷ Дэвис Р. Советская экономика и начало «Большого террора»... С. 442, 444–445, 447.

⁵⁸⁸ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.

⁵⁸⁹ Там же. Д. 29. Л. 3, 5.

предприятий исправительно-трудовым лагерям в августе 1937 г. По итогам года Наркомлес недодал, в сравнении с плановыми показателями, 57,3 млн. м³ древесины, 7,5 млн. м³ пиломатериалов, 105,4 тыс. т бумаги, 109 тыс. м³ фанеры клееной, лесохимической продукции стоимостью 43 млн. руб.⁵⁹⁰

Плановые задания 1937 г. были завышенными для лесопромышленного комплекса страны, и в частности Наркомлеса, в связи с необходимостью максимально приблизиться к показателям второй пятилетки. Начало массовых репрессий и организация на базе части предприятий исправительно-трудовых лагерей негативно сказались на итогах лесопромышленной деятельности. 1937 г. оказался для Наркомлеса провальным в сфере заготовки древесины, лесопильно-деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслях. Но по версии СНК СССР, раз Наркомлесу на 1938 г. были выделены значительные средства на механизацию сферы заготовки древесины, реконструкцию предприятий, то от него следовало ожидать роста показателей работы.

Несмотря на неудовлетворительное выполнение Наркомлесом пятилетних и годовых планов по вывозке древесины, производству пиломатериалов, бумаги, партийно-государственные и плановые органы продолжали рассматривать это ведомство в качестве ведущего лесопользователя, предполагая повышение его удельного веса в отдельных видах лесопромышленной деятельности. За третью пятилетку Наркомлес должен был увеличить объемы вывозки леса с 83 млн. до 160 млн. м³ (его доля в вывозке повышалась с 41,2 до 44,4 %), деловой древесины – с 55,2 млн. до 105 млн. м³ (удельный вес поднимался с 49,6 до 52,5 %), выпуска пиломатериалов – с 18,3 млн. до 30 млн. м³ (доля возрастала с 63,5 до 66,7 %). В производстве фанеры клееной, бумаги и картона Наркомлес СССР сохранял лидерство⁵⁹¹.

В 1938 г., когда на развитии экономики страны сказались последствия репрессий (аресты рабочих, инженерно-технических и руководящих работников; дезорганизация управления; организация исправительно-трудовых

⁵⁹⁰ О плане по промышленности Наркомлеса СССР на 1938 год... С. 3.

⁵⁹¹ Третий пятилетний план... С. 130, 133, 208–209.

лагерей), предприятия Наркомлеса СССР не только не выполнили годовой план по заготовке и вывозке древесины, но и не смогли преодолеть фактические показатели лесозексплуатации предыдущего года. Хотя, с точки партийно-государственных органов, репрессии как ключевое средство борьбы с «вредителями» и «врагами» страны должны были способствовать ликвидации проблем в отрасли.

С 1 января по 10 августа 1938 г. предприятия Наркомлеса СССР заготовили 41,3 млн. м³ древесины – на 12,9 млн. м³ меньше, чем годом ранее; вывезли 45,1 млн. м³ – на 19,6 млн. м³ меньше. Выполнение годового плана составило по заготовке 36,4 %, вывозке – 39 %. За оставшиеся четыре с половиной месяца ситуация кардинально не изменилась. По итогам года предприятия Наркомлеса выполнили план примерно на 60 % (в 1938 г. было заготовлено почти на 13 млн. м³ и вывезено почти на 12 млн. м³ леса меньше, чем в 1937 г.)⁵⁹². В связи со значительным увеличением количества техники должен был последовать закономерный рост объемов лесозексплуатации. Напротив, в 1939 г. предприятия вывезли 85,3 млн. м³ древесины, в 1940 г., по предварительным оценкам, около 84 млн. м³ ⁵⁹³. При этом за 1937–1940 гг. по Наркомлесу СССР удельный вес заготовки лесных ресурсов в летний период возрос с 17,2 до 28,1 %, вывозки – с 20,3 до 31,5 %. Увеличилась вывозка древесины собственным гужевым транспортом⁵⁹⁴.

1940 г. выявил, что многие проблемы лесопользования так и не были решены (См.: Приложение 29). По главным лесозаготовительным управлениям Наркомлеса СССР, по народным комиссариатам лесной промышленности РСФСР и Карело-Финской ССР ожидаемое выполнение плана 1940 г. в два-три раза отставало от показателей третьего пятилетнего плана, а в некоторых случаях (за исключением Главсевзаплеса, Главвостлеса, Главзапсиблеса, Главвостсибдальлеса) оказалось ниже результатов деятельности в 1937 г.⁵⁹⁵ За

⁵⁹² Воейков Е. Руководящие кадры лесной промышленности... С. 146; РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 2–3, 10, 15; Советская лесная экономика... С. 318.

⁵⁹³ Советская лесная экономика... С. 366.

⁵⁹⁴ Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса... С. 7.

⁵⁹⁵ Там же. С. 8.

1940 г. Наркомлес за каждый кубометр заготовленной древесины получил убыток в размере 11–12 руб., а в некоторых главных управлениях (к примеру, в Главвологдокомилесе, Главсевзаплесе) себестоимость 1 м³ леса повысилась на 16–17 %⁵⁹⁶. Руководство ведомства в традиционной ему манере (присущей и другим хозяйственным органам) называло в качестве причин неудовлетворительной работы отрасли «плохую организацию производства, низкую производительность труда, крайне малое использование мощностей механизмов», издание огромного количества приказов и распоряжений при слабом контроле за их выполнением⁵⁹⁷. Проблемы нехватки финансирования, формирования цен на продукцию, квалификации кадров, состояния лесных баз и инфраструктуры, обслуживания техники, между- и внутриведомственного взаимодействия поднимались значительно реже или не обсуждались, но именно они предопределяли результаты деятельности.

На XVIII конференции ВКП(б), проходившей 15–20 февраля 1941 г., основные акценты в анализе итогов работы советской промышленности и определении ее перспектив были сделаны на организационных, трудовых и технических факторах. Лесная промышленность стала объектом жесткой критики. Секретарь ЦК партии Г. М. Маленков констатировал невыполнение отраслью плана 1940 г., уменьшение стоимости валовой продукции по сравнению с 1939 г. При этом ничего не говорилось о роли других ведомств, и прежде всего НКВД СССР, последствиях выделения из состава Наркомлеса Наркомбумпрома СССР. Основная проблема по-прежнему виделась в неудовлетворительной работе управленческого персонала. Были названы и некоторые конкретные цифры: слабое использование мощностей (в 1940 г. Наркомлесом выпущено 13 млн. м³ пиломатериалов при мощности рам 31,5 млн.); низкий удельный вес специалистов с высшим образованием (24 % от общего количества), занятых на производстве⁵⁹⁸.

⁵⁹⁶ Выполнить решения XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) // Лесная промышленность. 1941. № 3. С. 11.

⁵⁹⁷ Бовин А. И. Указ. соч. С. 2.

⁵⁹⁸ О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта... С. 4–5, 10–22.

На 1941 г. Наркомлес планировал существенный рост объемов заготовки специальной древесины⁵⁹⁹. По итогам первого квартала разрыв между фактическими и плановыми показателями по заготовке всей древесины составил более 8 млн. м³ ⁶⁰⁰. Ситуация улучшилась прежде всего благодаря организационно-экономическим и мобилизационным мероприятиям, инициированным партийно-государственными органами и Наркомлесом. К ним относились выделение дополнительных средств на подготовку к лесозаготовительному сезону и механизацию, пополнение собственного обоза лошадей, введение платной трудовой и гужевой повинности.

С. А. Ованесян обобщил данные о выполнении Наркомлесом годовых плановых заданий по вывозке древесины за 1932–1940 гг. Общий плановый объем составил 973,2 млн. м³, фактический показатель работы – 775,8 млн. Наиболее высокие показатели деятельности ведомства отмечались в 1935–1936, 1940 гг. (в эти годы было вывезено по чуть более 100 млн. м³ леса). Наибольший процент выполнения плановых заданий имел место в 1932, 1935 гг. (более 98 %) ⁶⁰¹. Как только Наркомлес демонстрировал почти полное выполнение плана, следовало повышение задания на следующий год. Но вследствие работы с перенапряжением сил и ресурсов, а также вследствие голода 1932–1933 г., репрессий 1937–1938 гг. становились спады.

Рост фактических показателей производства продукции механической обработки и глубокой переработки древесины обусловил повышение производительности оборудования на предприятиях в конце 1930-х гг. Это было связано с освоением новой техники, рационализацией производственных процессов, увеличением занятости рабочих. За вторую пятилетку производительность рамо-смены по пропуску сырья увеличилась с 53,5 до 88,6 м³, по выработке пиломатериалов – с 23,2 до 36,4 м³, а процент выхода продукции – с 61,6 до 64,2 %. В 1940 г. эти показатели составляли

⁵⁹⁹ Выполнить решения XVIII Всесоюзной конференции... С. 11; Досрочное выполнение годового плана // Лесная промышленность. 1941. № 1. С. 7; Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса... С. 10; Сортиментный план – закон... С. 2–3.

⁶⁰⁰ Иньков М. Г. Указ. соч. С. 4–6.

⁶⁰¹ Ованесян С. А. Указ. соч. С. 7.

соответственно 89,2 м³, 37,5 м³, 65,7 %. Расход древесины для производства 1 м³ пиломатериалов сократился с 1,613 м³ в 1932 г. до 1,522 м³ в 1940 г.⁶⁰²

Предприятия по механической обработке и глубокой переработке древесины демонстрировали в отдельные годы низкие показатели выполнения программы. Причинами этого были как дефицит сырья вследствие неудовлетворительной работы лесозаготовительных и лесосплавных предприятий, так и проблемы, связанные с освоением мощностей, организацией труда, формированием трудовых коллективов. К примеру, за январь-июль в 1938 г. годовой план производства фанеры был выполнен на 50,7 %, пиломатериалов – на 37,8 %. Предприятия Наркомлеса по механической обработке древесины мощностью 27–28 млн. м³ пиломатериалов в год работали с неполной нагрузкой из-за нехватки сырья. Поэтому план на 1938 г. в объеме 21,5 млн. м³ пиломатериалов верстался из перспектив на получение сырья, однако в течение года выяснилось, что и эта программа не обеспечена сырьем⁶⁰³. Неудовлетворительная работа лесных трестов в 1940 г. привела к дефициту сырья на предприятиях по механической обработке древесины. В совокупности с проблемами в организации труда оборудование отрасли использовалось не полностью. В октябре 1940 г. пилорамы предприятий народного комиссариата простояли 23,2 % рабочего времени, машины заводов Главфанерпрома – 38 % (в ноябре – 49 %), что привело к повышению себестоимости выпускавшейся продукции⁶⁰⁴.

В 1931–1932 гг. более половины невыработанной относительно планов бумаги было вызвано простоями машин. От 10 до 15 % выпущенной продукции являлось браком (при норме 5 %). Плюс потребители отсортировывали из полученного товара 10 % бумаги (норма – 2 %). Остро стояли вопросы работы полуфабрикатных цехов, расширения ресурсной базы, внедрения новых способов варки целлюлозы и неиспользования оборудования⁶⁰⁵. Учитывая рост

⁶⁰² Петров Б. С. Указ. соч. С. 88, 103, 108.

⁶⁰³ Советская лесная экономика... С. 320–321.

⁶⁰⁴ Выполнить решения XVIII Всесоюзной конференции... С. 11.

⁶⁰⁵ Гаухман Я. Боевая задача бумажников – дать 550 тыс. тонн бумаги в 1933 г. // Лесная промышленность. 1933, 6 января. С. 2.

плановых заданий, требовалась активизация сотрудничества хозяйственных и научных организаций, рабочего рационализаторства и изобретательства.

По итогам работы целлюлозно-бумажной промышленности в 1937–1939 гг. XIII Всесоюзный съезд Союза рабочих бумажной промышленности отмечал неудовлетворительное руководство Наркомлеса СССР предприятиями отрасли в части снабжения древесиной, топливом, химикатами и другими материалами. Из-за этого некоторые производства простаивали и не могли выполнить плановые задания⁶⁰⁶. За январь-август 1938 г. они недодали потребителям более 50 тыс. т бумаги⁶⁰⁷. И ситуация мало изменилась спустя год⁶⁰⁸.

На собрании актива Главцеллюлозы, состоявшемся 17 ноября 1938 г. в связи со сменой руководителя, заместитель начальника В. М. Киселев подчеркнул необходимость показа реального положения дел в главном управлении. На Сясьском комбинате не хватало кадров (в связи с репрессиями), топлива, в аварийном состоянии находилась турбина. На складе хранилось оборудование для бумажной фабрики стоимостью 7 млн. руб., но строительство подразделения не начиналось. Соломбальский целлюлозный завод подвел в части поставок отходов ЛЗ им. Молотова, будучи не обеспеченный древесиной. Сам завод лесным фондом, биржами не располагал. Из-за тяжелого финансового положения руководство предприятия направило свои усилия на получение помощи со стороны главного управления⁶⁰⁹.

В третьей пятилетке в производстве бумаги сложилась тяжелая ситуация. Фактический показатель выпуска этого товара в 1940 г. оказался на 20 тыс. т меньше цифры 1937 г. План на 1941 г. установил увеличение производства бумаги на 157 тыс. т (хотя еще в 1939 г. планировалось изготовить 1005 тыс. т бумаги и 117,8 тыс. т картона). Производство целлюлозы за 1938–1940 гг. возросло на 166,5 тыс. т (до 592 тыс.), но план на 1941 г. установил еще более высокую цифру – 823 тыс. Выпуск картона должен был равняться 112 тыс. т

⁶⁰⁶ РГАЭ. Ф. 7640. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

⁶⁰⁷ Советская лесная экономика... С. 320.

⁶⁰⁸ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 136. Л. 14–15, 21.

⁶⁰⁹ Там же. Ф. 7640. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2.

(без промышленности стройматериалов), а общий объем производства товара намечалось увеличить до 197 тыс.⁶¹⁰ Ставка делалась на освоение мощностей Архангельского и Соликамского ЦБК, а также восстановленных после войны с Финляндией предприятий на Карельском перешейке.

За ростом объемов заготовки лесных ресурсов, производства продукции, эффективности труда, скрывались *финансовые нарушения, убытки*, достигавшие в отдельные годы больших размеров. То есть при лучшей организации лесопромышленной деятельности фактические показатели работы могли быть выше. Однако нарушения и убытки стали системной проблемой, их основными источниками являлись удорожание стоимости возводившихся объектов против плана, низкие темпы снижения себестоимости продукции, штрафы, простои оборудования, потери рабочего времени, ресурсов, перерасход фондов оплаты труда и другие.

Сооружение предприятий начиналось в основном без проектов и велось в условиях их пересмотра и корректировок, задержки окончательного согласования. Часто оборудование для предприятий отрасли доставлялось раньше, чем завершалось строительство корпусов. Такая ситуация сложилась, к примеру, с закавказскими Ингурской и Бзыбской бумажными фабриками. С другой стороны, сооружение Алагирского и Магометановского ЛЗ на Северном Кавказе (для выработки экспортных сортиментов из бука) было почти завершено, но пуск их делался невозможным из-за отсутствия лесных дорог, устройство которых не включили в проекты. Общей тенденцией нового строительства становилось превышение фактических расходов над планом на 30–40 %, а иногда на 100 %⁶¹¹.

Эти проблемы руководство Наркомлеса признавало в первые годы деятельности⁶¹² и в конце 1930-х гг.⁶¹³ Отдельные и многотомные сметы составлялись на небольшие объекты и работы, которые уже давно следовало

⁶¹⁰ Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год... С. 58, 67–70, 138–140, 148–149, 178–179, 474; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1593. Л. 10; Чуистов В. Указ. соч. С. 64.

⁶¹¹ Диканский С. Указ. соч. С. 100.

⁶¹² РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

⁶¹³ Советская лесная экономика... С. 347.

типизировать, стоимостью даже несколько рублей (например, сооружение лотка для опилок). Более того, эксперты Наркомлеса признавали правильность составления таких смет⁶¹⁴. В Гипробуме отмечали также наличие переделок проектов, затягивание утверждения проектных заданий. Это приводило к увеличению расходов и скоплению большого объема работ. В условиях увеличения объемов изыскательских работ (за 1934–1939 гг. в 6,5 раза), особенно по Дальнему Востоку⁶¹⁵, коллектив института мог не справиться с выполнением поставленных задач.

Возраставшие трудности в строительстве предприятий в разных отраслях СНК СССР и ЦК ВКП(б) попытались решить постановлением от 11 февраля 1936 г. Согласно нему, создавались постоянно действующие строительные и строительно-монтажные организации. Переход на подрядный способ осуществления строительных работ считался ключевым преимуществом. Созданный Главлесстрой должен был в 1936 г. выполнить работы на сумму 170 млн. руб.⁶¹⁶ Однако это не привело ни к выполнению годовых планов, ни к сдаче объектов в установленные сроки из-за сохранявшихся проблем в деле финансирования, проектирования, снабжения строек.

В 1936 г. перерасход по возведению объектов Наркомлеса СССР составил около 150 млн. рублей из-за удорожания стоимости строительства против смет и плана⁶¹⁷. На возведение Котласского ЦБК, где к середине 1939 г. были готовы только временные сооружения, в результате нескольких лет проектирований, консерваций и возобновления строительства израсходовали 26 млн. руб. Убытки по тем же причинам по Красноярскому ЦБК достигли 15 млн. руб. В 1938 г. из более чем 200 объектов народного комиссариата стоимостью от 5 млн. до 150 млн. руб. каждый «строились» 137, в том числе 37 – оборонного значения, остальные были законсервированы⁶¹⁸. Такая политика ведомства

⁶¹⁴ Нестеровский А. Указ. соч. С. 75.

⁶¹⁵ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-48. Оп. 1-1. Д. 2. Л. 1об.–2.

⁶¹⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 6... С. 319–320, 323–326.

⁶¹⁷ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 46.

⁶¹⁸ Советская лесная экономика... С. 347–348.

требовала выделения больших средств на начальном этапе строительных работ, но в итоге из-за большого числа проектов приводила к убыткам. В Научно-техническом совете Наркомлеса в 1937–1938 гг. от репрессий пострадало много специалистов, в ведении которых находились вопросы проектирования и строительства предприятий и инфраструктуры, разработки технических условий. Последующие ревизии показали, что многие ошибки не исправлялись⁶¹⁹.

Деятельность Наркомлеса СССР на протяжении 1930-х гг. сопровождала *кредиторская и дебиторская задолженность*. Если погашение кредитов во многом зависело от эффективности функционирования ведомства, то с должниками приходилось вести большую работу и порой вкладывать инвестиционные и собственные средства для ее снижения. Например, в 1935 г. дебиторская задолженность уменьшилась в течение года на 36,7 млн. руб. за счет средств Наркомлеса, но оставалась внушительной – 165,5 млн. руб. Двумя годами позднее ведомство перебросило собственные оборотные средства в сумме 29 млн. руб. в капитальное строительство⁶²⁰. За 1938 г. внеплановые убытки Наркомлеса СССР составляли 573,2 млн. руб., в 1939 г. они снизились, но выразились в сумме 371 млн. руб. Для снижения убытков велась работа по реализации «излишних товарно-материальных ценностей», а также по уменьшению задолженности за покупателями по отгруженным товарам⁶²¹. Полностью убытки и задолженности ликвидировать не удавалось.

Искажения отчетности, приписки сопровождали лесопромышленную деятельность. Наличие фактов бесфондового отпуска древесины трестами и предприятиями свидетельствовало как о слабом контроле со стороны главных управлений и Наркомлеса, так и о большом значении неформальных связей между хозяйственниками для получения необходимых лесных ресурсов и материалов и финансовых средств. В ходе периодических проверок эти правонарушения становились явными. Летом 1937 г. на бесфондовом отпуске

⁶¹⁹ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 138. Л. 1–2, 5–6.

⁶²⁰ Индустриализация СССР. 1933–1937... С. 114, 148.

⁶²¹ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 131. Л. 1–2.

древесины ряду уральских строек и предприятий попались трест «Камлесосплав» и Сарапульский ЛПХ треста «Удмуртлес». Народный комиссар лесной промышленности СССР В. И. Иванов потребовал вернуть тресту «Камлесосплав» «незаконно проданную им древесину». Директор Орлинского рейда Панов был отдан под суд⁶²².

Руководители предприятий использовали удачные моменты, встречи, чтобы договориться о реализации лесных ресурсов и материалов и получить дополнительные финансы. В. К. Бушманов, назначенный в 1939 г. директором Гайнского ЛПХ (Коми-Пермяцкий округ), испытывавшего финансовые и производственные трудности, пошел на хитрость и по своей инициативе заключил договор с представителем Ленинградского музыкального треста на поставку ценной резонансной ели (для изготовления инструментов), заготовкой которой предприятие не занималось. Пришлось в спешке организовать рубку и вывозку специальных сортиментов, и леспромхоз смог получить финансы⁶²³.

Помимо двойного включения в отчеты уже выполненных работ Наркомлес, главные управления и тресты увеличивали показатели заготовки и вывозки лесных ресурсов за счет других организаций или прибавляли к итоговым цифрам объемы древесины, оставшейся в лесу. Во втором квартале 1940 г. трест «Вологдалес» включил в сводку Главвологдокомилеса вывозку 133,5 тыс. м³ леса, хотя эту работу выполнил Каргопольский ИТЛ. Наркомлес в третьем квартале 1940 г. вписал в отчет 170 тыс. м³ древесины, которую якобы заготовил и вывез Союзлеспродторг, который лесоэксплуатацией не занимался, а получил лес по фондам сырьевых главков. В этом квартале было выявлено более 1,2 млн. м³ лесных ресурсов, приписанных народным комиссариатом⁶²⁴.

Из-за имевшихся организационно-экономических проблем, нерациональной организации работ, дефицита рабочей силы, ресурсов производствам могли не доставить к сроку весь объем товара, а потребители нередко получали продукцию ненадлежащего качества. Народный комиссар

⁶²² Бюллетень Народного комиссариата лесной промышленности СССР. 1937. № 26. С. 6–7.

⁶²³ Бушманов В. К. Указ. соч. С. 139–143.

⁶²⁴ Советская лесная экономика... С. 368–369.

лесной промышленности СССР В. И. Иванов 15 ноября 1936 г. на собрании работников ведомства сравнил самую худшую вискозную целлюлозу, японскую, с советской целлюлозой самого высокого качества. И сопоставление оказалось не в пользу отечественной продукции⁶²⁵. Производственники мало заботились о повышении качества продукции, поскольку дефицит подстегивал спрос потребителей на товар любых характеристик. Хотя в 1930-х гг. ассортимент продукции механической обработки и глубокой переработки древесины существенно увеличился, экономика страны испытывала потребность в товарах, производившихся лесопромышленным комплексом.

Повышение качества продукции не могло происходить без *стандартизации*. Особенно остро стояла эта проблема в сфере механической обработки древесины, где с первой пятилетки существенно расширился ассортимент товаров. Имелось малое количество утвержденных стандартов, на низком уровне была поставлена работа по их внедрению (на 1 июля 1933 г. стандартизировано только 34 объекта: деревянная тара и тарные лесоматериалы – 17, фанера – 2, деревянные изделия – 15). Комитет стандартизации Наркомлеса разработал стандарты на 10 объектов. Отсутствовали утвержденные объекты по мебели, обзостроению, оборудованию, не говоря о более сложных объектах⁶²⁶. Для обеспечения целлюлозно-бумажных предприятий качественным сырьем в марте 1941 г. был введен обновленный общесоюзный стандарт на балансы. Согласно нему, балансы можно было заготавливать из ели, пихты, осины, тополя и сосны. Притом что ряд крупных предприятий использовал сосновые балансы, общесоюзного стандарта на них для переработки в целлюлозу сульфатным способом не было⁶²⁷.

Итак, Наркомлес СССР, будучи главным ведомством в лесопользовании, в 1932–1940 гг. не сумел добиться постоянного роста производственных показателей и выполнения планов, в результате чего другие лесопользователи

⁶²⁵ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 44–45.

⁶²⁶ Апушкин А. А. Стандартизация в деревообрабатывающей промышленности // Лесная индустрия. 1934. № 3. С. 21.

⁶²⁷ Лапиров-Скобло С. Я. Заготовка высококачественных балансов // Лесная промышленность. 1941. № 7. С. 4.

(НКВД, НКТП) повысили свой удельный вес в лесопромышленной деятельности. Наркомлес не только не выполнял ежегодные планы (достичь показателей первых пятилеток было нереалистично), но и допускал снижение фактических результатов деятельности по сравнению с предыдущими годами.

Анализ постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР и Комиссии исполнения при нем показал, что центральные власти в стремлении улучшить работу лесной промышленности ограничивались отдельными шагами: в один год основное внимание уделялось механизации сферы заготовки древесины, в следующий год – вопросам создания постоянных кадров, затем – привлечения колхозников. Когда эти решения не приводили к позитивным результатам, применялись меры мобилизационного и принудительного характера. Партийно-государственные органы и Наркомлес СССР в целом понимали основные причины невыполнения планов (хотя и не афишировали их широко), но не признавали хронические проблемы советской экономики, особенно в части эффективности труда, низкого качества жилищной и социально-бытовой инфраструктуры, использования принудительного труда.

Наиболее высокие темпы лесопромышленной деятельности Наркомлес демонстрировал в 1935–1936 гг., отмеченных крупными капитальными вложениями и эффектом от освоения мощностей. Но системной работы ведомства, его главных управлений, трестов по повышению эффективности работы не наблюдалось. Невыполнение планов, потери древесины на лесосеках, в ходе сплава, обработки, приписки и искажения отчетности, финансовые убытки стали системными проблемами. Если махинации с производственными показателями удавалось скрывать, то завышение результатов лесопользования несущественно улучшало ситуацию с выполнением планов.

На протяжении первых пятилеток роль *исправительно-трудовых лагерей* в лесозексплуатации, производстве лесных товаров, строительстве лесопромышленных предприятий возрастала. В конце 1920-х гг. сложилась следующая ситуация в деле участия лагерей ОГПУ в лесопромышленной деятельности. Северные лагеря вели в Архангельском порту работы по разделке

и погрузке лесоэкспортных материалов. Дальневосточные лагеря заготавливали древесину как для собственного экспорта, так и для экспортных операций треста «Дальлес». Вишерские лагеря занимались строительством химических и целлюлозно-бумажных предприятий в Предуралье, лесозаготовками. Сибирские лагеря вели, в том числе лесозаготовки для «Комсеверопути», а Соловецкие лагеря выполняли, в том числе работы для лесоэкспорта⁶²⁸.

Власти административных единиц, в которых дислоцировались исправительно-трудовые лагеря, пытались активнее вовлекать их в хозяйственную деятельность. Работы, с которыми тресты ВСНХ СССР, имевшие кадровые, организационные, жилищно-бытовые и другие затруднения, не справлялись, передавались в ведение лагерей⁶²⁹. Несмотря на это, отмечались проблемные обстоятельства. Выполнение планов осуществлялось, как правило, за счет сверхэксплуатации заключенных, состояние которых ухудшалось еще и по причинам неудовлетворительного продовольственного и вещевого обеспечения, жилищно-бытового обслуживания, суровых природно-климатических условий. При этом лагерная система не была готова всегда признавать и исправлять нарушения законности в отношении заключенных⁶³⁰. Руководство лагерей, ОГПУ знало о нарушениях, но могло «не обращать внимания» на них, пока на повестке дня были амбициозные задачи индустриализации и борьба с «врагами» Советской власти.

Вторая волна появления исправительно-трудовых лагерей, осуществлявших лесопользование, пришлась на начало 1930-х гг. В 1931 г. были организованы Ухтинско-Печорский лагерь в Коми области (действовал до 1938 г.), Темниковский в Мордовии (до 1948 г.), Свирьский в Ленинградской области (до 1937 г.), Беломорско-Балтийский в Карелии (до 1941 г.)⁶³¹. Из этих лагерей Темниковский и Свирьский специализировались в лесопромышленной

⁶²⁸ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 3... С. 67.

⁶²⁹ Там же. С. 59–62.

⁶³⁰ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 2... С. 70–75; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 4... С. 140–141.

⁶³¹ Система исправительно-трудовых лагерей... (дата обращения: 14.08.2021).

деятельности – в основном на заготовке дровяной древесины для Москвы и Ленинграда⁶³². Для Ухтинско-Печорского и Беломорско-Балтийского (до 1933 г.) ИТЛ лесозаготовки носили подсобный характер.

В 1932 г. работы велись шестью лагерями. Объемы заготовки составили 9376 тыс. м³ древесины (99,1 % к плану), вывозки – 7536 тыс. м³ (87,5 %) и были сопоставимы с результатами работы крупнейших трестов Наркомлеса СССР. К этому времени лагеря стали также производить, приблизительно в объемах крупного комбината, продукцию механической обработки древесины⁶³³. В 1934 г. четырьмя исправительно-трудовыми лагерями, специализировавшимися в лесопромышленной деятельности, было заготовлено около 6,9 млн. м³, вывезено около 6,5 млн. м³ древесины, произведено почти 250 тыс. м³ пиломатериалов. За успехами следовал рост заданий. Например, на 1935 г. Темниковскому ИТЛ был спущен более высокий план: по заготовке деловой древесины – 950 тыс. ф. м (по вывозке – 900 тыс. ф. м), дров – 2200 тыс. раумметров⁶³⁴. При этом для освоения нового Унже-Ветлужского лесного массива еще только строилась железнодорожная ветка⁶³⁵.

В конце 1920-х гг. – середину 1930-х гг. лагерные комплексы возникали для решения ограниченных задач в сфере лесопользования: заготовки древесины в промышленных и экспортных целях, дров. В 1933 г. появился первый многоотраслевой «лесной» исправительно-трудовой лагерь – Беломорско-Балтийский комбинат. К середине 1930-х гг. в лагерях активизировалось развитие сферы механической обработки древесины, что было связано с необходимостью обеспечения их строительными материалами и продукцией деревообработки.

Важным этапом в развитии лесопромышленной деятельности ГУЛАГа НКВД стала организация в 1937–1938 гг., в период массовых репрессий,

⁶³² История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 3... С. 75.

⁶³³ Там же. С. 100, 108.

⁶³⁴ Мера 1 м³ уложенной древесины.

⁶³⁵ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 3... С. 122–123.

большого числа «лесных» лагерей. 16 августа 1937 г. вышел секретный приказ НКВД СССР № 078 «Об организации лесозаготовительных лагерей»⁶³⁶, в начале февраля 1938 г. были организованы еще 6 «лесных» лагерей⁶³⁷. В конце 1930-х гг. начали работу два лесозаготовительных лагеря: Новотамбовский (г. Комсомольск-на-Амуре, август 1938 г. – сентябрь 1941 г.) и Бирский (станция Бира Дальневосточного края, апрель 1939 г. – январь 1942 г.)⁶³⁸. С учетом того, что исправительно-трудовые лагеря включили производственную базу бывших леспромхозов Наркомлеса, следует говорить о придании импульса освоению массивов северных и восточных районов страны. Были созданы более мощные предприятия посредством направления крупных капиталовложений и десятков тысяч заключенных в качестве рабочей силы⁶³⁹. ИТЛ стали важными факторами экономического развития регионов.

Появление сети «лесных» лагерей потребовало организации специализированного органа управления. В августе 1935 г. в аппарате ГУЛАГа был создан Лесной сектор, во второй половине 1937 г. на его основе образовался Лесной отдел. С увеличением количества лагерей, объемов заготовки древесины и производства продукции реорганизации продолжились. Приказом НКВД СССР № 00205 от 9 марта 1939 г. было создано Управление лесной промышленности, которое, согласно приказу НКВД СССР № 00212 от 26 февраля 1941 г., выделилось из ГУЛАГа и стало самостоятельным Управлением лагерей лесной промышленности⁶⁴⁰. 28 мая 1938 г. был создан

⁶³⁶ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 2... С. 622–623. Были образованы Тайшетский (Иркутская область), Локчимский (республика Коми), Томско-Асинский (Новосибирская область), Кулойский (Архангельская область), Ивдельский (Свердловская область), Каргопольский (Архангельская область) и Усть-Вымский (республика Коми) лагеря. Тайшетский ИТЛ функционировал только до 1939 г., Локчимский и Томско-Асинский – до 1940 г., Кулойский – до 1942 г. Ивдельский, Каргопольский и Усть-Вымский лагеря существовали длительный период.

⁶³⁷ Онежский в Архангельской области, Вятский в Кировской области, Красноярский в Красноярском крае, Северо-Уральский в Свердловской области, Унженский в Горьковской области и Усольский в Молотовской области. За исключением Онежского ИТЛ (действовал до мая 1942 г.) остальные лагеря функционировали в течение нескольких десятилетий.

⁶³⁸ Система исправительно-трудовых лагерей... (дата обращения: 14.08.2021).

⁶³⁹ ГАРФ. Ф. Р9414. Оп. 1. Д. 3104. Л. 5.

⁶⁴⁰ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 2... С. 131–132, 623.

целлюлозно-бумажный отдел. В Ленинграде было создано бюро по промышленному освоению лесных массивов⁶⁴¹.

Размещение «лесных» лагерей преследовало, с одной стороны, политические цели (изоляция «врагов» Советской власти), с другой стороны – экономические. В ряде случаев это приводило к нерациональной дислокации лагерных комплексов. Удаленность их от крупных промышленных центров, транспортных магистралей заставляла вкладывать большие средства в создание, пусть и минимально необходимой, инфраструктуры. В результате некоторые лагеря ликвидировались, перебазировались⁶⁴².

В 1938 г. по системе ГУЛАГа было вывезено 22,9 млн. м³ древесины, что в три раза превышало уровень предыдущего года⁶⁴³. Из 16 «лесных» лагерей только шесть выполнили план заготовки, четыре – вывозки древесины⁶⁴⁴. Успешнее деятельность вели те лагеря, которые были созданы в 1937 г. или организованы в районах, богатых лесными ресурсами и имевших сеть рабочих поселков, транспортных путей. Лагерные комплексы, которые появились в 1938 г. и получили в свое ведение от трестов лесные базы и материальное имущество в неудовлетворительном состоянии, налаживали деятельность и выполнить план не смогли. В 1939 г. «лесные» лагеря вывезли 31,4 млн. м³ древесины, план следующего года предполагал цифру 31,2 млн. м³⁶⁴⁵.

Среднегодовой показатель стоимости валовой продукции лесной промышленности ГУЛАГа возрос с 224,1 млн. руб. во второй пятилетке до 515,2 млн. за три года третьей пятилетки. По плану на 1940 г. на Управление лагерей лесной промышленности приходилось 871,9 млн. руб. (32,8 % от общей стоимости товарной продукции промышленных управлений ведомства). Удельный вес лесозаготовительных лагерей в народном хозяйстве к 1939 г. настолько вырос, что государственные органы сочли необходимым

⁶⁴¹ Рассказов Л. П. Указ. соч. С. 281, 290.

⁶⁴² Морозов Н. А. Указ. соч. С. 152–156; Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР... С. 82.

⁶⁴³ Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР... С. 71.

⁶⁴⁴ Советская лесная экономика... С. 331.

⁶⁴⁵ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 737–746.

предоставить ГУЛАГу права основного заготовителя и одновременно освободить его от попенной платы⁶⁴⁶.

Участие исправительно-трудовых лагерей в лесозэксплуатации не решало проблемы невыполнения производственных планов. Эффективность функционирования лагерей была примерно на одном уровне с трестами и предприятиями Наркомлеса СССР⁶⁴⁷. Использование принудительного труда позволяло «лесным» лагерям если не выполнять плановые показатели, то снижать себестоимость заготовки и вывозки древесины за счет сокращения ряда работ (например, очистки лесосек от порубочных остатков), расходов на содержание «спецконтингента», увеличения продолжительности рабочего дня.

С другой стороны, имели место убытки. В первые годы после организации большого числа «лесных» ИТЛ убытки приносили реализация продукции (по причине высокой себестоимости), потери рабочего времени, растраты и хищения, пожары. В 1938 г. «лесные» лагеря получили 123,9 млн. руб. убытков, в том числе от реализации лесных ресурсов и материалов – 69,6 млн. руб. Больше всего убытков имели Локчимский и Северо-Уральский ИТЛ. Для покрытия убытков потребовались дотации из государственного бюджета в сумме 42 млн. руб. Значительные суммы «растрат, хищений и промотов» были в Усольском ИТЛ – 942 тыс. руб., Каргопольском – 896 тыс. руб., Унженском – 843 тыс. руб. Благополучное финансовое положение наблюдалось только одном лагере – Усть-Вымском. Тяжелая ситуация с оборотными средствами сложилась в Локчимском, Северо-Уральском, Ивдельском ИТЛ и Пудожском отделении⁶⁴⁸. В 1939 г. убытки в деятельности ГУЛАГа составили 229 млн. рублей, в том числе 119 млн. – по лесной отрасли. Наиболее убыточным оказался Локчимский ИТЛ, который был закрыт в августе 1940 г., а начальник управления лагеря Н. А. Василькиоти арестован и предан суду⁶⁴⁹.

⁶⁴⁶ Там же... С. 341, 733–734, 737.

⁶⁴⁷ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 744; Кириллов В. М. Страницы истории среднеуральских «островов»... С. 88–89; Советская лесная экономика... С. 331–332; Сулов А. Б. Указ. соч. С. 116–117.

⁶⁴⁸ Советская лесная экономика... С. 334–336.

⁶⁴⁹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 2... С. 37–38.

В 1938 г. – первой половине 1941 г. появились лагеря, занимавшиеся строительством целлюлозно-бумажных, сульфитно-спиртовых и гидролизных предприятий⁶⁵⁰. Наркомлес СССР, который изначально возводил производственные объекты, не справлялся с поставленными задачами⁶⁵¹. К этому подталкивала и предвоенная милитаризация экономики Советского государства⁶⁵². Несмотря на активное участие НКВД в строительстве, удельный вес капитальных работ ведомства на объектах лесной промышленности составлял в 1940 г. 1,7 %, в 1941 г. – 1,1 %, оставаясь самым низким в структуре капитальных работ народного комиссариата⁶⁵³. Масштабное строительство целлюлозно-бумажных, сульфитно-спиртовых и гидролизных предприятий в конце 1930-х – начале 1940-х гг. являлось составной частью мобилизационных мероприятий по подготовке к военным действиям с возможным противником, на что указывалось и в докладе заместителя начальника ГУЛАГа А. П. Лепилова о работе ведомства, подготовленном в марте 1940 г.⁶⁵⁴

Итак, принудительный труд стал в 1930-х гг. важным звеном советской экономики. Заключение исправительно-трудовых лагерей, спецпереселенцы работали на строительстве лесопромышленных предприятий, занимались заготовкой и переработкой леса, в том числе обеспечением древесным топливом крупнейших городов. Эти виды деятельности осуществлялись в промышленных масштабах – от выполнения производственных планов лагерями, предприятиями, где трудились спецпереселенцы, зависело

⁶⁵⁰ Первым крупным проектом, реализованным ГУЛАГом, стали химические и целлюлозно-бумажные предприятия в Предуралье (Вишерский ЦБК). В 1935 г. на НКВД было возложено строительство целлюлозного завода Сегежского лесобумажно-химического комбината.

⁶⁵¹ НКВД завершал строительство Соликамского и Архангельского сульфитно-целлюлозно-бумажных комбинатов. Были созданы Соликамский и Архангельский ИТЛ.

⁶⁵² В связи с этим НКВД должен был построить с нуля 10 сульфитно-целлюлозных заводов упрощенного типа («мощностью 10–12 т в сутки обогороженной, годной для процесса нитрации целлюлозы»). Были созданы Сорокский, Сегежский, Енисейский, Тавдинский ИТЛ. Строительство осуществляли также Ивдельлаг, Севураллаг. Помимо этого, 16 апреля 1940 г. СНК СССР обязало НКВД восстановить целлюлозно-бумажные предприятия на Карельском перешейке, отошедшем к Советскому Союзу по результатам войны с Финляндией, для чего был образован Кексгольмский ИТЛ. См. подробнее: Иванова Г. М. История ГУЛАГа... С. 247; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 2... С. 144, 624; Килин Ю. Карелия в политике Советского государства... С. 219, 229–230; Система исправительно-трудовых лагерей... (дата обращения: 14.08.2021).

⁶⁵³ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 3... С. 32–34.

⁶⁵⁴ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 775.

удовлетворение потребностей страны в лесных ресурсах и материалах. В процессе формирования сети «лесных» ИТЛ в годы первых пятилеток можно выделить два этапа: 1929–1933 и 1937–1938 гг. Венцом развития лесопромышленной деятельности ГУЛАГа стало предоставление ему права основного лесозаготовителя. Ведомство стало играть важную роль как в заготовке и механической обработке древесины, так и в строительстве крупных и передовых предприятий по глубокой переработке древесины. Помимо этого, заключенные на основании договоров с хозяйственными организациями трудились в разных сферах лесопромышленного комплекса страны.

Подводя итоги, отметим, что в Советском Союзе за годы первых пятилеток вывозка древесины увеличилась с 61,7 млн. до 246,1 млн. ф. м (среднегодовой темп прироста⁶⁵⁵ – 21,8 %), производство пиломатериалов – с 12,8 млн. до 34,8 млн. м³ (среднегодовой темп прироста – 14,3 %), фанеры – с 137,4 тыс. до 731,9 тыс. м³ (среднегодовой темп прироста – 21,7 %), бумаги – с 268 тыс. до 812 тыс. т (среднегодовой темп прироста – 16,4 %), картона – с 44,5 тыс. до 150,8 тыс. т (среднегодовой темп прироста – 18,1 %). Третий пятилетний план предполагал вывозку в 1942 г. 360 млн. ф. м леса, выпуск 45 млн. м³ пиломатериалов, 1 млн. м³ фанеры, 1300 тыс. т бумаги и 180 тыс. т картона. Для своего времени это впечатляющие цифры, хотя плановые показатели пятилеток были выше. Стоимость валовой продукции Наркомлеса СССР (по лесной промышленности в целом данные отсутствуют) возросла за 1932–1940 гг. (в ценах 1926/1927 гг.) с 1,8 млрд. по 4 млрд. руб. (среднегодовой темп прироста – 12,1 %). Производство основной продукции – без учета ее качества – на душу населения выросло незначительно (пиломатериалов – в 1,64 раза, фанеры – в 2,38 раза, бумаги – в 1,69 раза, картона – в 1,93 раза) и не удовлетворяло в полной мере внутренних потребностей (см. Приложение 25), было ниже, чем в странах Западной Европы и Северной Америки. Сутью трансформаций в сфере заготовки лесных ресурсов стало увеличение масштабов промышленных

⁶⁵⁵ Здесь и далее показатель рассчитан посредством извлечения корня 7-й степени из произведения коэффициентов роста выпуска продукции за 1928–1940 гг., умноженный на 100.

заготовок и существенное сокращение добычи древесины населением для бытового пользования. Официальной статистикой, а затем партийно-государственными органами, исследователями эти изменения преподносились в качестве поступательного развития отрасли.

Недостижение лесной промышленностью финальных показателей первых пятилетних планов еще не свидетельствует о провале экономической политики Советского государства. Важно обратиться также к суммарным показателям лесопромышленной деятельности (плановым и фактическим) за первую и вторую пятилетки, реализация которых не прерывалась. По первому пятилетнему плану намечалось выпустить 144,6 млн. м³ пиломатериалов, 46,8 млн. ящиков спичек, 3140 тыс. т бумаги. Фактические показатели за пять лет были ниже: по пиломатериалам – на 44,2 млн. м³, по спичкам – на 12,1 млн. ящиков, по бумаге – на 1000 тыс. т. Отставание равнялось почти двухлетнему объему производства этих товаров (по состоянию на конец пятилетки)⁶⁵⁶. В условиях недостаточного финансирования лесной промышленности, масштабных реформ в отрасли, отклонения ряда проектов, спада в 1932 г. достигнутые результаты можно считать относительно удовлетворительными.

Для второй пятилетки можно сделать сопоставление большего числа показателей благодаря единой методологии составления годовых и пятилетних планов и функционированию ведущего лесопромышленного ведомства. Лучшая сбалансированность параметров второго пятилетнего плана по сравнению с первой пятилеткой, направление в лесопромышленный комплекс в 1936–1937 гг. значительных вложений, освоение мощностей сданных ранее предприятий и пуск новых производств позволили отрасли в целом и Наркомлесу СССР выполнить план (по сумме показателей за 5 лет) на 80–90 %, а по некоторым направлениям (например, производство фанеры и продуктов лесохимии) превзойти его (см.: Приложение 26).

⁶⁵⁶ Подсчитано по: Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1... С. 248–251; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2310. Л. 74–75; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 126; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. 226, 466; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 22.

Своего рода финальным мероприятием, на котором были подведены итоги индустриализации в СССР в 1930-х гг. и намечены перспективы экономического развития, стал XVIII съезд ВКП(б), состоявшийся 10–21 марта 1939 г. Было сказано о необходимости завершения строительства и ввода в строй более десяти предприятий по глубокой переработке древесины, возведения новых производств, активизации заготовки древесины в северных и северо-западных районах Европейской части Союза, на Урале и Дальнем Востоке, развития сферы механической обработки древесины на Европейском Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке, прекращения завоза леса из Сибири в Европейскую часть страны⁶⁵⁷.

Многие проблемы отрасли, характеризовавшие ее как доиндустриальную, не были решены, возникли и новые трудности. Потребности страны в лесных ресурсах, продукции механической обработки и глубокой переработки древесины возрастали из года в год. Но решение проблемы увеличения объемов лесопромышленной деятельности со стороны партийно-государственного руководства страны сопровождалось в первую очередь декларациями о необходимости выполнения плановых заданий, преодоления существовавших проблем, об открытии новых строек и требованиями ввода в действие сооружавшихся объектов (постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о работе отрасли издавались каждый год). Плановые показатели были завышены и трудновыполнимы, учитывая слабое технико-экономическое состояние отрасли, отдаленность лесных массивов от основных индустриальных центров и транспортных путей, дефицит трудовых ресурсов, потери древесины на этапах ее заготовки, вывозки и сплава. Задания намечались исходя из потребностей народного хозяйства и экспорта, были тесно связаны с темпами развития других отраслей. Невыполнение планов приводило к постоянным корректировкам плановых показателей, в том числе в сторону уменьшения, однако даже это не гарантировало их достижения.

⁶⁵⁷ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Издание 9-е, доп. и испр. Т. 7... С. 62, 73; КПСС в резолюциях... С. 891, 902.

Политика партийно-государственных органов сочетала противоречивые меры. С одной стороны, они стремились развивать лесную промышленность как органичный компонент централизованной системы управления экономикой. С другой – кризисные явления в отрасли тревожили партийно-государственные органы, в связи с чем был запрещен молевой сплав по некоторым рекам, осуществлено районирование лесов, создавались охраняемые лесные территории, комбинированные предприятия. В целом же в годы первых пятилеток тренд на нерациональное лесопользование оказался устойчивым. Рост потребностей страны в древесине, необходимость выполнения плановых заданий (как гражданскими ведомствами, так и исправительно-трудовыми лагерями), притом любыми средствами, приводившими к значительным потерям лесных ресурсов, загрязнению экосистем, оказались сильнее деклараций, содержащихся в нормативных правовых актах, призывов специалистов лесного хозяйства и лесной промышленности о заботе о лесах и рациональном пользовании ими.

3.2. Реализация плановых заданий в регионах

Основные объемы заготовки, механической обработки и глубокой переработки древесины в конце 1920-х – начале 1940-х гг. приходились на несколько экономических районов: Европейский Север, Северо-Запад, Центральную Россию, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Украинскую и Белорусскую союзные республики.

В вывозке леса (за годы первых пятилеток увеличилась с 61,7 млн. до 246,1 млн. м³) падение удельных весов имело место на Северо-Западе, в Центральной России, Поволжье, Украинской и Белорусской ССР. Существенно возросли объемы вывозки древесины и повысились доли в этом виде деятельности на Европейском Севере (с 15,7 до 17,4 %), Урале (с 16,3 до 16,6 %), в Сибири (с 6,3 до 15,7 %) и на Дальнем Востоке (с 2,9 до 6,4 %). Удельный вес восточных районов (включая Урал) увеличился с 25,5 до 38,7 % (см.: Приложение 27).

В производстве пиломатериалов (за первые пятилетки возросло с 12,8 млн. до 34,8 млн. м³) произошло снижение доли РСФСР (с 88,6 до 82,6 %) за счет развития лесопиления в других союзных республик (в первую очередь – Украинской, с 5 до 8,6 %) и присоединения ряда территорий в 1939–1940 гг. Удельный вес Белорусской ССР уменьшился с 5,6 до 4,7 %. Среди экономических районов РСФСР снижение доли в выпуске пиломатериалов имело место в Центральной России (с 22,8 до 18,9 %), на Европейском Севере (с 20,3 до 14,6 %), в Поволжье (с 15,8 до 6,2 %), на Северо-Западе (с 10,8 до 5,5 %). Более активное строительство лесопильных предприятий и освоение их мощностей происходило на Урале (рост удельного веса с 5,8 до 11,1 %), в Сибири (с 6,6 до 16,3 %) и на Дальнем Востоке (с 2,7 до 7 %) ⁶⁵⁸ (см.: Приложение 28). В восточных районах страны (включая Урал) выпуск пилопродукции увеличился за годы первых пятилеток с 2,3 млн. до 12 млн. м³ (доля – с 15,1 до 34,4 %), а в северных и восточных районах производилось в сумме около половины всех пиломатериалов в СССР. Это стало наиболее значимым результатом в развитии отрасли.

Основные объемы фанеры клееной производились в РСФСР (на Северо-Западе и в Центральной России) и Белорусской ССР – в сумме от 85 до 95 % в разные годы (за первые пятилетки фактический рост составил с 137,4 тыс. до 731,9 тыс. м³). Во второй пятилетке наметился сдвиг в пространственном размещении фанерной отрасли – в районы Центральной России и Урала. Крупным успехом следует считать формирование лесопромышленного узла рядом с Уфой, специализациями которого стали лесопиление, деревообработка и выпуск фанеры ⁶⁵⁹. Тем не менее в 1940 г. 34,7 % этого товара производилось в Белорусской ССР, по 17 % выпускалось на Северо-Западе и в Центральной России. До 5 % повысился удельный вес Урала, но в восточных районах (включая Урал) выпускалось только 11 % фанеры. Среди прибалтийских

⁶⁵⁸ Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1934. С. 127; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 226; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 189; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 262–265.

⁶⁵⁹ 20 лет Советской власти... С. 19; Деревообрабатывающая промышленность СССР // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. 2-е изд. Т. 3. М., 1936. С. 757; Зиновьев В. В. Указ. соч. С. 14.

республик выделялась Латвия – 5,6 % фанеры в стране (за период 1940 г. после установления Советской власти)⁶⁶⁰.

За годы первых пятилеток производство бумаги в Советском Союзе возросло с 268 тыс. до 812,4 тыс. т. Крупные целлюлозно-бумажные предприятия вступили в строй на Европейском Севере, Урале, в Центральной России. За вторую и третью пятилетки удельный вес РСФСР в выпуске бумаги снизился с 88,7 до 85%, Белорусской ССР – возрос с 6,1 до 6,3 %. Среди экономических районов Российской Федерации отмечалось уменьшение доли Северо-Запада (с 41,5 до 21,5 %), Европейского Севера (с 15,4 до 12,2 %) и повышение – Центральной России (с 22,7 до 29,7), Урала (с 5,2 до 19,3 %). То есть 85 % бумаги производилось в четырех районах-лидерах. В РСФСР в начале 1940-х гг. только в трех административных единицах имелись по два и более крупных целлюлозно-бумажных комбината – в Карелии, Архангельской и Молотовской областях. Это свидетельствовало о концентрации основных мощностей отрасли вблизи рынков сбыта и сырья, а также о невыполнении многих проектов, предусмотренных первыми пятилетками. Незначительные объемы бумаги изготавливались на Северном Кавказе, в Поволжье⁶⁶¹.

Итак, лидерами в лесопромышленной деятельности в годы первых пятилеток являлись Европейский Север, Урал, Северо-Западный и Центральный районы, Сибирь и Дальний Восток. Тем не менее задача перемещения лесозаготовок и промышленного производства в северные и восточные районы страны не была решена. Около половины лесоматериалов давали регионы Европейской части РСФСР. В 1940 г. на Сибирь и Дальний Восток приходилось 23,4 % (27,6 млн. ф. м) вывозки деловой древесины, 24,5 % производства пиломатериалов (8,5 млн. м³) в Советском Союзе, бумага производилась в минимальных объемах. На Урале вывозилось 15,4 % делового леса (18,2 млн. ф. м), изготавливалось 12,1 % пиломатериалов (4,3 млн. м³), 26,2

⁶⁶⁰ Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 266.

⁶⁶¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне... С. 70, 72; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.)... С. 72.

% целлюлозы (139 тыс. т) и 19,4 % бумаги (157,2 тыс. т)⁶⁶². Именно Урал среди восточных районов страны стал районом с относительно развитой механической обработкой и глубокой переработкой древесины. Более успешным был процесс освоения многолесных районов Советского Союза⁶⁶³. Если в 1913 г. из этих районов вывозилось 28 % древесины и 31 % делового леса, то в 1940 г. – 55 % древесины и 61 % делового леса⁶⁶⁴. Хотя фактические показатели вывозки древесины из малолесных территорий за 27 лет существенно возросли (более чем в два раза), поэтому проблема сокращения объемов лесопользования в этих районах сохраняла актуальность.

Как отмечалось в параграфе 2.2, первыми пятилетними планами были заложены или откорректированы направления развития региональных лесопромышленных комплексов Советского Союза. За основу моделирования процессов взяты степень комплексности лесопользования (комбинированный, полукомбинированный, сырьевой компоненты модели), ориентация на внутренний или внешний рынок (экспортный, экспортно-внутренний и внутренний компоненты). Рассмотрим реализацию планов на Европейском Севере (включая Карелию), Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Европейский Север. Большие запасы лесных насаждений, тяготевшие к сплавным рекам и морским портам, стали важным объектом государственной экономической политики. В декабре 1928 г. секретарь Архангельского губкома ВКП(б) С. А. Бергавинов, критикуя северные губернии за противодействие создания новой административной единицы с центром в Архангельске, сообщал в Политбюро ЦК ВКП(б), что из 116 раи, которые монтировались на Европейском Севере, 96 приходилось на Архангельск. А решение СТО об отнесении более 90 % лесов к экспортной зоне и начало строительства

⁶⁶² Страна Советов за 50 лет... С. 60–61.

⁶⁶³ Архангельская, Вологодская, Мурманская, Кировская, Пермская, Свердловская, Кемеровская, Томская, Тюменская, Иркутская, Читинская, Амурская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская, Восточно-Казахстанская области, Алтайский, Красноярский, Приморский, Хабаровский края, Карельская, Коми, Башкирская, Бурятская, Тувинская, Якутская автономные республики.

⁶⁶⁴ Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг... С. 190; Народное хозяйство СССР за 60 лет... С. 233; Страна Советов за 50 лет... С. 95.

лесопильных заводов и целлюлозного комбината позволят увеличить валютную прибыль за счет продажи за границу древесины⁶⁶⁵.

За 1927/1928–1929/1930 гг. губернии, вошедшие в состав Северного края, существенно увеличили свой потенциал в плане развития лесной промышленности. Объем заготовки древесины увеличился с 7,6 млн. до 20,3 млн. м³, лесопиления – с 370 тыс. до 670 тыс. стандартов, производства целлюлозы – с 40 тыс. до 54 тыс. т, бумаги – с 21 тыс. до 42 тыс. т⁶⁶⁶. Масштабные планы по освоению лесных массивов и строительства предприятий лесопромышленного комплекса при дефиците финансовых ресурсов, материальных, трудовых и организационных проблемах не могли не вызывать беспокойства руководителей партийно-государственных органов по поводу реализации данных проектов. В конце 1929 г. с критикой в адрес руководства Северного края и лесных трестов выступил С. И. Сырцов, председатель СНК РСФСР. По его мнению, было невозможно в короткие сроки освоить леса, к тому же денежных средств выделялось недостаточно. Сырцов отрицательно оценил планы крайкома ВКП(б) по лесному экспорту, которые не учитывали возможностей других регионов страны, осуществлявших продажу древесины за границу по морским путям⁶⁶⁷. Руководители слишком рьяно взялись за реализацию проекта по превращению территории в «валютный цех страны», считая, что только Северный край сможет в полной мере обеспечить потребности государства в финансовых средствах. И мало волновало составителей плана экспорта, что у Советского Союза имеются серьезные конкуренты в Европе в лице Швеции и Финляндии, что спрос на лесные ресурсы и материалы и цены на них падают в связи с кризисом.

В 1931 г. было заготовлено 23,2 млн. м³ древесины, но в следующем году отмечалось сокращение размеров добычи леса⁶⁶⁸. За первую пятилетку вывоз лесных материалов из Северного края на внутренний рынок возрос с 0,5 млн.

⁶⁶⁵ Холодный дом России... С. 101–101, 154, 156.

⁶⁶⁶ Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 43.

⁶⁶⁷ Холодный дом России... С. 178–180.

⁶⁶⁸ Краткий географический очерк Северного края... С. 22.

до 3,4 млн. м³. Ведущие лесопромышленные центры (Архангельск, Онега, Мезень) располагались в северной части края, в устьях сплавных рек, где функционировали морские порты. По данным на середину 1932 г., лесопильная отрасль обеспечивала треть стоимости валовой продукции (120 млн. руб.) «крупной» промышленности. В конце 1931 г. начал работать крупный ЛЗ № 16–17, вошли в строй канифольно-скипидарные предприятия в г. Котласе и в Вельском районе, уксусно-кислотный завод на станции Няндомы⁶⁶⁹.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. основные идеи выступавших на партийных съездах и конференциях участников на тему развития лесной промышленности сводились к необходимости активизации освоения лесных ресурсов, увеличения объемов экспорта древесины, проведения механизации лесопромышленной деятельности. В заслугу С. А. Бергавинова следует поставить обоснование необходимости включения лесной промышленности в число индустриальных отраслей, имевших приоритетное финансирование.

Вторая пятилетка характеризовалась существенным отставанием фактических показателей заготовки древесины от плановых заданий, которые были завышены и трудновыполнимы. Падение объемов заготовки до 18,1 млн. в сезон 1933/1934 г. и постепенное их увеличение до 24,5 млн. м³ в 1935/1936 г. свидетельствовало о невозможности края не только достичь плановых заданий, но и обеспечить хотя бы постепенный рост объемов лесопользования⁶⁷⁰. Как бы не складывалась ситуация со снабжением лесопильных заводов сырьем, первоочередной задачей оставалось производство экспортных пиломатериалов. К 1 сентября 1935 г. предприятиям Архангельска удалось не только выполнить плановое задание, но и дать на 46,7 тыс. стандартов продукции больше по сравнению с прошлогодней навигацией. Еще одним поводом для гордости у руководства «Экспортлеса» стала отгрузка к концу сентября объема лесных материалов, равного показателю навигации 1934 г.⁶⁷¹

⁶⁶⁹ Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 4... С. 22–23; Краткий географический очерк Северного края... С. 22, 24; Санников Л. И. Указ. соч. С. 46.

⁶⁷⁰ Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 313, 315.

⁶⁷¹ Крупная победа рабочих лесозаводов Архангельска // Правда Севера. 1935, 3 сентября. С. 1; Успехи архангельских лесобирж в сентябре // Правда Севера. 1935, 4 октября. С. 1.

План по доставке пиловочника предприятиям районов, включенным в 1937 г. в состав Архангельской области, не выполнялся из года в год в течение второй пятилетки: за 1933–1935 гг. процент выполнения увеличился с 83,4 до 99,2, затем сократился в 1937 г. до 62,2⁶⁷². Истощение эксплуатировавшихся лесных массивов, неудовлетворительная работа сплавных организаций негативно отразились на снабжении лесопильных заводов. Неслучайно на совещании директоров леспромхозов и лестранхозов Северного края, проходившем 1–5 августа 1934 г., указывалось на необходимость своевременной подготовки лесного фонда как ключевого условия выполнения программы⁶⁷³. После нескольких лет усиленной эксплуатации массивов грамотный отвод лесосек стал актуальной задачей.

Относительно стабильный лесной экспорт не был залогом усиления роли Архангельска в качестве ведущего экономического центра. Если в 1929/1930 г. соотношение назначения заготавливавшихся в Северном крае лесных ресурсов определялось пропорцией 60 : 20 : 20 (соответственно для нужд экспорта – 11,48 млн. м³, для края – 3,78 млн., для других регионов – 3,87 млн.), то в 1936 г. произошли существенные изменения – 41 : 23 : 36 (соответственно для нужд экспорта – 11,18 млн. м³, для края – 6,15 млн., для других регионов – 9,55 млн.). По плану на 1937 г. соотношение назначения заготавливавшейся древесины еще более изменялось в пользу внутреннего рынка⁶⁷⁴.

Историк С. И. Шубин обозначил лесопромышленную деятельность в Северном крае как «кочевнический подход», который «способствовал наращиванию темпов заготовки леса без развития соответствующих технологий заготовки, вывозки и переработки древесины»⁶⁷⁵. Судьба края, административно-территориального образования, специально созданного для реализации крупнейшего в стране проекта развития лесопромышленного комплекса и лесного экспорта, показательна с точки зрения изменений планов

⁶⁷² Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 4... С. 24.

⁶⁷³ Резолюции совещания директоров леспромхозов и лестранхозов Северного края 1–5 августа 1934 года. Архангельск, 1934. С. 1–8.

⁶⁷⁴ Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 309.

⁶⁷⁵ Там же. С. 198.

партийно-государственных органов. Руководители не сумели уловить логику сталинской индустриализации, одним из результатов которой должно было стать освобождение Советского Союза от импортной зависимости, и в своих выступлениях говорили о необходимости увеличения объемов лесного экспорта, не уделяя достаточного внимания вопросам удовлетворения внутренних потребностей страны.

К середине 1930-х гг. наличие единого административного субъекта, лесопромышленный комплекс которого переориентировался в основном на удовлетворение потребностей других территорий СССР, считалось нецелесообразным. Еще в августе 1933 г. СНК СССР в постановлении «О работе лесной промышленности Северного края» указывал, по сути, на неудачи экономической политики. Годом позднее он предложил реорганизовать лесную отрасль. Были сформулированы следующие требования: ликвидация молевого сплава на р. Северной Двине и Вычегде; подготовка и начало строительства целлюлозно-бумажного комбината в Архангельске; проработка вопроса о возведении комбинированных предприятий в Котласе и Сыктывкаре; создание лесозаготовительных трестов на территории Коми области⁶⁷⁶. Политический и экономический эффект от создания Северного края оказался кратковременным. Во второй половине 1930-х гг. экспорт лесных ресурсов и материалов сократился, и транспорт древесины от мест ее заготовки через краевой центр стал нецелесообразным и затратным. Край был разукрупнен в 1936–1937 гг.

Решению проблемы использования больших объемов древесины, направлявшихся в район Архангельска, отчасти должно было способствовать строительство предприятий по глубокой переработке древесины. 1 апреля 1936 г. *Соломбальский сульфатно-целлюлозный завод* (строительство велось около двух лет) был официально пущен в эксплуатацию, но с недоделками, в том числе отсутствовавшим цехом регенерации, из-за чего после каждой варки 3–4 т каустической соды приходилось выбрасывать в болото. В феврале 1936 г. были утверждены технический проект и генеральная смета сооружения второй

⁶⁷⁶ Там же. С. 310–311.

очереди, мощность которой в 2,5 раза превышала первую. Это, по проекту, позволило бы выйти на производительность 77760 т крафт-целлюлозы в год⁶⁷⁷.

Возведение *Архангельского сульфитно-целлюлозного завода* началось в 1935 г. в 20 км от Архангельска, вверх по течению р. Северной Двины, где имелась возможность приема сплавлявшейся древесины. Решение о его сооружении принял XVII съезд ВКП(б) в начале 1934 г. (после предложения Северной краевой партийной конференции в январе этого же года). Далее оно было конкретизировано в постановлении СНК СССР № 263 от 28 мая 1934 г. и приказе Наркомлеса СССР № 195 от 11 июня 1934 г. Предприятие должно было вырабатывать 70 тыс. т экспортной беленой целлюлозы, 8,3 тыс. т обертки.

Работа над техническим проектом предприятия должна была завершиться к 1 марта 1935 г., но из-за срыва сроков план стал поступать на строительную площадку по частям только к концу весны. Элементы второго варианта проекта предприятия, который был утвержден в начале марта 1936 г., стали поступать «Архбумстрою» к концу весны. Предполагалось сдать завод в 1937 г. Однако по итогам 1936 г. готовность варочного цеха составила 11 %, механических мастерских – 33 %, сооружение очистного, древесного и ряда других цехов не начиналось. Наркомлес СССР отправил в североамериканские и европейские страны инженеров Г. М. Орлова и Н. А. Баранова для изучения опыта работы целлюлозно-бумажной отрасли. По итогам поездок они предложили увеличить проектную мощность и расширить структуру комбината: построить бумажную фабрику, отжимный цех, который должен был изготавливать пороховую целлюлозу для нужд оборонно-промышленного комплекса. Впервые в СССР внедрялись технологические процессы приготовления и концентрирования варочной кислоты с содержанием 8–8,5 % сернистого газа и многоступенчатой отбелки целлюлозы⁶⁷⁸. Командировка выявила отставание целлюлозно-бумажных предприятий СССР от североамериканских и европейских заводов как в части производственной инфраструктуры, так и технологий изготовления

⁶⁷⁷ История целлюлозно-бумажной промышленности России... С. 169–170.

⁶⁷⁸ Захарова Е. Рождение гиганта... С. 13–14, 18, 20, 22, 26, 33, 37–41, 64; Минувя рубежи эпох... С. 21, 23–25, 30; ЦГАНТД СПб. Ф. Р-303. Оп. 1-1. Д. 232.

продукции. Стремление Наркомлеса и проектной организации сделать комбинат более функциональным, способным выпускать также продукцию оборонного назначения, привело к затягиванию сроков проектирования. По сути, строительство предприятия на протяжении почти четырех лет, до получения окончательной версии технического проекта, осуществлялось в административном, организационно-экономическом, ресурсном хаосе.

Ошибки при проектировании, строительстве комбината не могли не стать в условиях развертывания массовых репрессий поводом для обвинений ответственных лиц во «вредительстве». Потребовалась основательная встряска аппаратов Наркомлеса СССР, проектных и строительных организаций, несмотря на весь драматизм репрессий, чтобы увидели свет окончательный проект и смета Архангельского ЦБК. Они были утверждены 26 марта 1938 г. Далее Наркомлес усилил контроль за стройкой, за комбинатом были закреплены лесные базы, организовано железнодорожное сообщение до станции Исакогорка, речное – до Архангельска⁶⁷⁹.

17 мая 1938 г. СНК СССР постановил передать от Наркомлеса в систему НКВД СССР строительство Архангельского ЦБК с целью ускорения возведения предприятия и ввода его в строй в 1939 г. Спустя месяц, 21 июня, Экономический совет при СНК СССР в постановлении № 429-74с определил основные направления оснащения производства. НКВД, располагавший явно большим объемом финансовых и материальных ресурсов по сравнению с Наркомлесом, капитальные вложения которому сильно урезали в 1938 г., должен был увеличить финансирование строительства с 35 млн. до 50 млн. руб.⁶⁸⁰ Предприятия Народного комиссариата машиностроения должны были спроектировать и изготовить для Архангельского ЦБК в первой половине 1939 г. пять 60-тонных паровых котлов, пять кабель-кранов, шесть корообдирочных машин, три регенерационных цистерны. На Главлесбуммаш ложилась задача по выпуску поперечных и продольных лесотасок, поперечных транспортеров,

⁶⁷⁹ Захарова Е. Рождение гиганта... С. 87, 91, 94, 112; Минуя рубежи эпох... С. 37–39.

⁶⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 22а. Д. 291. Л. 25.

сплоточной машины «Блокстад» и другого специального оборудования. Предполагалось и импортное оборудование: прежде всего, контрольно-измерительная аппаратура, разнообразные насосы, вентиляторы⁶⁸¹.

НКВД СССР сформировал Архангельский ИТЛ. Его руководитель Ш. Л. Теплицкий сконцентрировал в своих руках управление строительством и исправительно-трудовым лагерем. Мобилизационный, трудовой и ресурсный потенциал НКВД СССР оказался выше, чем у Наркомлеса. На стройке появились новые машины, подразделения по производству стройматериалов, улучшилось снабжение оборудованием и ресурсами, увеличились объемы работ.

За пять лет возведения предприятия было освоено 116,5 млн. руб., на 1940 г. объем капиталовложений определялся в 50 млн. руб. (позднее был уменьшен до 40 млн.). 28 февраля 1940 г. народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия подписал приказ о пуске Архангельского ЦБК в объеме потока небеленой целлюлозы и выработки оберточной бумаги. В течение года осуществлялся пуск отдельных агрегатов. В 1941 г. для запланированного выпуска беленой целлюлозы требовалось сдать отбельный цех, наладить работу корообдирочного узла. Намечалась сдача отжимного цеха и завода по выработке этилового спирта, однако из-за начавшейся войны пуск этих объектов затянулся на год⁶⁸².

После административно-территориальной реформы в 1936–1937 гг. Архангельск еще более упрочил свое положение в лесопромышленной деятельности на Европейском Севере, обладая большим числом лесопильно-деревообрабатывающих производств и двумя целлюлозно-бумажными комбинатами. В 1940 г. в областном центре функционировали 22 лесопильных завода с 143 рамами. Их потенциал был огромен – от 0,8 млн. до 1 млн. стандартов пиломатериалов⁶⁸³. После 1937 г. руководство Архангельской

⁶⁸¹ Там же. Л. 8, 9–12, 24.

⁶⁸² ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 775; Захарова Е. Рождение гиганта... С. 119, 124–126, 151, 154–156, 172, 177, 180; История целлюлозно-бумажной промышленности России... С. 145–146; Минута рубежи эпох... С. 25, 30, 39–40, 42–46.

⁶⁸³ Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 4... С. 25.

области (выделилась с Вологодской областью из состава Северной области) пыталось реализовать проект образования Котласской области, но безуспешно. Оно ссылалось на концентрацию там лесопромышленных и судостроительных предприятий, а также на нерациональное движение древесины из южных районов области в Архангельск и затем на внутренний рынок страны⁶⁸⁴. Идеи, которые звучали в ходе дискуссии об административном устройстве Северного края в конце 1920-х гг., временно стали актуальными.

В *Коми области* лесная промышленность стала системообразующей отраслью. Причем на протяжении 1930-х гг. в лесных массивах велась заготовка преимущественно деловой древесины, в том числе для экспорта. Во второй половине 1920-х гг. – 1930-х гг. роль отрасли в объеме валовой продукции региона существенно возросла – ее удельный вес увеличился с 26 в 1925 г. до 51,2 % в 1932 г. и до 56,7 % в 1937 г.⁶⁸⁵ В дальнейшем доля комплекса в объеме валовой продукции автономной республики сокращалась.

За первую пятилетку в Коми области было заготовлено 16 млн. м³ леса, в том числе 8,4 млн. – на экспорт⁶⁸⁶. В начале 1931 г. в специальном постановлении по докладу Коми областного исполкома на IX областном съезде советов президиум ВЦИК в качестве основного достижения в регионе назвал развитие лесной промышленности (рост объемов заготовки древесины с 726 тыс. м³ в 1913 г. до 4442 тыс. м³ в 1930–1931 гг. и экспорта леса). Наряду с этим констатировались проблемы: слабая механизация лесозаготовительных работ, низкие темпы подготовки кадров из числа коренных жителей⁶⁸⁷. В 1932 г. объем вывозки древесины составил 3,14 млн. м³, в том числе делового леса – 2,6 млн. (82,9 %), в 1937 г. – 4,7 млн. и 3,67 млн. м³ (78,3 %) соответственно, в 1940 г. – 6,8 млн. и 4,1 млн. м³ (60,3 %)⁶⁸⁸. Как и в Карелии, в Коми основной

⁶⁸⁴ Холодный дом России... С. 299–300.

⁶⁸⁵ Индустриализация Коми автономной области... С. 103, 117.

⁶⁸⁶ Нисковский А. А. Документы областных съездов советов... С. 186.

⁶⁸⁷ Он же. Подготовка и реализация первого пятилетнего плана... С. 164.

⁶⁸⁸ Заборцева Л. П. Указ. соч. С. 48.

рост заготовки и вывозки лесных ресурсов был обусловлен деятельностью исправительно-трудовых лагерей⁶⁸⁹.

Из планов по развитию в Коми области сферы механической обработки и глубокой переработки древесины было реализовано только строительство нескольких лесозаводов. В 1930 г. началось сооружение четырехрамного лесопильного завода рядом с Сыктывкарком, ориентированного на выпуск экспортной продукции, однако спустя год его законсервировали. Было решено возводить предприятие вблизи действовавшего лесопильного завода (для удовлетворения внутренних потребностей региона в пиломатериалах), введенного в строй в 1926 г. Реконструированное в 1936 г., оно к концу второго пятилетнего плана производило около 94 % всех пиломатериалов в республике. Помимо этого, в 1930-х гг. стали работать Пезмогский двухрамный завод, небольшие лесопильные цеха исправительно-трудовых лагерей.

В третьей пятилетке в бассейне р. Вычегды были построены семь лесопильных заводов с 15 рамами. В 1940 г. в республике Коми было выпущено 355 тыс. м³ пиломатериалов (удельный вес лесопиления и деревообработки в структуре лесопромышленного комплекса составил 15 %). Однако лесопильно-деревообрабатывающая отрасль характеризовалась низким уровнем технического оснащения. В начале 1940 г. было принято решение о возведении в п. Айкино лесного комбината (позднее строительство перенесли в п. Жешарт). В 1941 г. были сдан деревообрабатывающий комбинат в п. Большой Инте, началось сооружение Печорского ЛК⁶⁹⁰.

В *Карелии* в структуре лесной промышленности более активно развивались сферы заготовки (что связано с близостью республики к рынкам сбыта) и глубокой переработки древесины (были построены два крупных целлюлозно-бумажных комбината, имевших уникальные для страны технологии и наименования продукции).

⁶⁸⁹ Советская лесная экономика... С. 370.

⁶⁹⁰ Заборцева Л. П. Указ. соч. С. 53; Жеребцов И. Л. Возникновение и развитие промышленных предприятий и транспортных путей в Коми крае... С. 210, 214, 232, 241, 246–247; Северный лес на все времена... С. 10, 35–36, 60.

В 1920-х гг. рост объемов отпуска леса наряду с проведением лесохозяйственных, мелиоративных мероприятий и организацией лесоопытной работы на основе передовых методов позволил достичь ряда успехов. Так, привлечение лесоводов, строительство жилья для них, повышение заработной платы позволило устроить 50 % лесов региона. За 1922/1923–1929/1930 гг. отпуск древесины увеличился с 1,4 млн. до 11,3 млн. ф. м, лесной доход – с 3 млн. до 20,78 млн. руб. Число постоянных рабочих увеличилось за 1920-е гг. с 1,5 тыс. до 8,7 тыс. На фоне осуществления комплекса работ по расчистке рек с 1929 г. начались мероприятия по рационализации сплава. Закрытие ряда заводов с устаревшим оборудованием, сооружение и реконструкция предприятий позволили увеличить производительность оборудования и объемы выпуска пиломатериалов (до 205 тыс. стандартов в 1929/1930 г.)⁶⁹¹.

Крупнейшим проектом периода Новой экономической политики и первой пятилетки стал *Кондопожский промышленный узел*. Подготовительный период, начиная от появления идеи строительства в п. Кондопоге гидроэлектростанции и целлюлозно-бумажного комбината на заседании СТО в апреле 1921 г. до начала строительных работ (хотя управление строительства было создано в июле 1923 г.), занял соответственно 4 и 6 лет⁶⁹². Проект комбината стоимостью 3,5 млн. руб. предусматривал возведение бумажной фабрики мощностью 25 тыс. т продукции и древесно-массного отдела. Планировалось осуществить строительство с конца 1925 г. по начало 1927 г. Из-за задержки ссуды от СТО работы первого года ограничились сооружением фундаментов основных корпусов. Однако в связи с заказом оборудования в Германии (первый проект был разработан в Норвегии) основания зданий пришлось переделать.

После одобрения в первом квартале 1926/1927 г. проекта и смет ВСНХ и Научно-техническим советом бумажной промышленности в сумме 5,5 млн. руб. выяснилось, что часть расходов (пошлины, проценты за кредит) сметчики проигнорировали, а цены на оборудование, технический надзор и другие траты

⁶⁹¹ Архипов Н. В. Лесное хозяйство и лесная промышленность // Советская Карелия. 1930. № 7–8. С. 30–32, 38–39.

⁶⁹² Соколов В. Кондострой // Советская Карелия. 1930. № 7–8. С. 42.

были ниже существовавших в тот период. Увеличение сроков строительства комбината, расчетные ошибки привели к тому, что некоторые агрегаты, изготовленные немецкими фирмами, не могли быть доставлены в страну (из-за неготовности производственных корпусов), а сооруженная к тому времени электростанция обрекалась на бездействие, поскольку ее главным потребителем являлся комбинат. Руководство Главлесбума винило в сложившейся ситуации Карельский совет народного хозяйства⁶⁹³.

В июне 1929 г. Кондопожская БФ вступила в эксплуатацию. Создание промышленного узла в слабозаселенном районе (включал гидроэлектростанцию мощностью 8,5 тыс. л. с., бумажную фабрику с древесно-массным заводом и паросиловой установкой) при дефиците материалов, рабочей силы, квалифицированных кадров, отсутствии опыта строительства в сложных физико-географических условиях стало предметом активной пропаганды, заявлявшей о наличии огромных резервов для дальнейшего индустриального роста. Но только спустя три года проектная мощность была освоена, и фабрика произвела 25,56 тыс. т бумаги⁶⁹⁴.

Вторая очередь Кондопожского промышленного узла предполагала увеличение мощности гидроэлектростанции (для обеспечения энергией прилегающего района) и бумажной фабрики (до 65 тыс. т газетной и 5 тыс. т оберточной бумаги в год)⁶⁹⁵. Возведение Кондопожского целлюлозного завода было объявлено ударной стройкой, однако темпы работ были неудовлетворительными, причем для этих цехов уже было закуплено оборудование⁶⁹⁶. Причинами этого были позднее утверждение проектов и смет, строительство производства разными ведомствами. К 1941 г. на Кондопожском ЦБК заработали еще две бумагоделательные машины – отечественного производства. Мощность комбината составила 76,6 тыс. т бумаги в год, однако использовалась слабо. В 1936 г. было выпущено 32,6 тыс. т бумаги, в 1937 г. –

⁶⁹³ НАРК. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 97. Л. 10–12.

⁶⁹⁴ Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии... С. 52.

⁶⁹⁵ Соколов В. Кондострой... С. 51–53.

⁶⁹⁶ Советская лесная экономика... С. 234.

чуть более 34 тыс. т. В 1935 г. был сдан в эксплуатацию целлюлозный завод, но из-за недоделок за пять последующих лет было произведено около 75 тыс. т сульфатной целлюлозы⁶⁹⁷.

В 1923 г. был организован *Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения*⁶⁹⁸. Систематическое использование труда заключенных в сельском хозяйстве, на лесозаготовках и в рыболовстве началось позже. В сезон 1926/1927 г. на лесозаготовках трудились около 500–600 человек, плюс заключенные занимались сплавом и погрузкой древесины. С 1928 г. Соловецкие лагеря стали работать экспорт, и сфере заготовки лесных ресурсов было задействовано уже около 1000 заключенных⁶⁹⁹. С 1930 г. началось постепенное переключение лагеря с подрядных работ на собственные хозяйственные операции. За ним были закреплены два лесничества. От Соловецкого лагеря, который являлся «организацией, деловая репутация которой безупречна»⁷⁰⁰, ждали выполнения и своей лесоэкспортной программы, и работ для других организаций. Активная эксплуатация на Соловецких островах привела к исчезновению лесов, несмотря на введение экономии топлива и закрытие ряда предприятий. В 1931 г. была демонтирована узкоколейная железная дорога, рубки стали носить эпизодический характер и полностью прекратились к 1937 г.⁷⁰¹

Освоению новых лесных массивов на западе Карелии способствовала также государственная и региональная политика развития приграничной полосы, имевшая стратегическую цель. Согласно постановлению СТО от 2 сентября 1930 г., в приграничных районах, куда включили и Карелию, требовалось организовывать предприятия местного значения, в том числе по

⁶⁹⁷ История целлюлозно-бумажной промышленности России... С. 157; Филимончик С. Н. Кондопога в 1930-е годы... С. 82, 84.

⁶⁹⁸ Первые предложения об участии заключенных в лесопромышленной деятельности были высказаны в начале 1920-х гг. (ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 22–23; Шульгина М. В. Указ. соч. С. 130), начало их трудового использования в отрасли относится ко второй половине 1920-х гг. (Рассказов Л. П. Указ. соч. С. 272–274).

⁶⁹⁹ Шульгина М. В. Указ. соч. С. 130.

⁷⁰⁰ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 3... С. 58.

⁷⁰¹ Шульгина М. В. Указ. соч. С. 131.

механической обработке и глубокой переработке древесины⁷⁰². Однако с началом индустриализации карельский лес, как и национальное своеобразие автономии, стал «разменной монетой» в политике союзных партийно-государственных органов, стремившихся к централизации управления экономикой и использования природных ресурсов.

В конце 1930 г. тресты «Кареллес», «Карелбумтрест», Кондопожский ЦБК были переданы центральным объединениям ВСНХ СССР, что расценивалось властями Карелии как угроза автономии и ее экономическому развитию. При этом администрации трестов положительно отнеслись к реорганизации, рассчитывая на получение дополнительных финансов, а попытки руководителей республики «вернуть» тресты не увенчались успехом, вступая в противоречие с логикой экономических преобразований центральных властей.

В начале 1931 г. бюджет Карелии утратил доходы от экспорта леса⁷⁰³. Фактически формулирование направлений развития лесной промышленности автономной республики, равно как распоряжение доходами от экспорта леса, стало прерогативой центральных партийно-государственных органов. За годы первого пятилетнего плана было заготовлено 26,2 млн. м³, тогда как за 1923/1924–1927/1928 гг. – 13,6 млн.⁷⁰⁴ Рост очевиден, но он оказался ниже плановых показателей. В 1932 г. вывезено 6,7 млн. м³ лесных ресурсов, произведено 1136 тыс. м³ пиломатериалов и 25,6 тыс. т бумаги⁷⁰⁵. В годы первой пятилетки укреплялся потенциал предприятий по механической обработке лесных ресурсов, и в частности по выпуску готовых изделий из дерева. В конце 1931 г. начала функционировать Петрозаводская лыжная фабрика мощностью 150 тыс. пар лыж в год. К концу десятилетия она заняла второе место по производству лыж в СССР (333 тыс. пар в 1939 г.)⁷⁰⁶.

По состоянию на начало 1934 г. Наркомлесу СССР на территории Карелии было подведомственны 22 предприятия. Ведомство давало около 65 %

⁷⁰² Килин Ю. Пограничная окраина великой державы... С. 41; Такала И. Финны-иммигранты... С. 292–293.

⁷⁰³ Барон Н. Указ. соч. С. 171–174, 180.

⁷⁰⁴ Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии... С. 47.

⁷⁰⁵ Карельская АССР... С. 299; Советская лесная экономика... С. 345.

⁷⁰⁶ Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии... С. 50–52.

продукции союзных народных комиссариатов тяжелой, лесной и пищевой промышленности, осуществлявших деятельность в республике. Динамика производственных основных фондов предприятий свидетельствует о крупных капитальных вложениях в отрасль в годы первой пятилетки. По состоянию на 1 октября 1928 г. стоимость фондов (в текущих ценах) равнялась 7,86 млн. руб. (55,6 % фондов народных комиссариатов тяжелой, лесной и пищевой промышленности), на 1 января 1933 г. – 35,5 млн. (62,3 %)⁷⁰⁷.

Функционировали также мелкие производства, принадлежавшие местной промышленности, НКТП, НКПС, Народному комиссариату снабжения, Леспромсоюзу, другим ведомствам и организациям. В 1933 г. таких предприятий насчитывалось 95 (из 551 по республике), в том числе 22 лесопильных, 44 деревообрабатывающих заводов и 29 лесохимических производств (в основном кустарных)⁷⁰⁸. В 1933 г. в автономии функционировали 20 леспромхозов. Располагая производственными основными фондами стоимостью 30,1 млн. руб. (24,7 % от показателя по республике), они дали валовой продукции на сумму 85,4 млн. руб. (49,2 %; в ценах 1926/1927 г.)⁷⁰⁹. В совокупности лесопромышленный комплекс дал в 1933 г. почти 131 млн. руб. валовой продукции, определяя экономический облик республики.

Достигнутые результаты не следует преувеличивать. Как отмечал историк Ю. М. Килин, план первой пятилетки по строительству предприятий (пять лесопильных заводов на 28 рам, пять целлюлозно-бумажных предприятий мощностью 200 тыс. т бумаги, четыре лесохимических завода) не был реализован целиком. Развитие сфер механической обработки и глубокой переработки древесины свелось в основном к реконструкции производств. Причину такого положения исследователь видел в незаинтересованности народных комиссариатов союзного значения в освоении северной территории, требовавшем более крупных инвестиций, а также в срыве планов железнодорожного строительства. Активная лесоэксплуатация осуществлялась

⁷⁰⁷ Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика... С. 24–27.

⁷⁰⁸ Там же. С. 29–42.

⁷⁰⁹ Там же. С. 43–44.

в южных районах Карелии, где, к примеру, в конце 1920-х гг. переруб расчетной лесосеки составлял около одной трети от ее годовичного объема⁷¹⁰.

К 1937 г. объем заготовки древесины возрос до 9,46 млн. ф. м (хотя план пятилетки был выполнен на 73,5 %), причем существенное увеличение произошло благодаря деятельности *Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР*⁷¹¹. Его удельный вес в сфере заготовки леса в республике достиг в 1937 г. 35 %⁷¹². 10 июля 1935 г. решением СНК СССР комбинат получил статус основного лесозаготовителя в Карелии⁷¹³. Объем заготовки древесины Беломорско-Балтийским ИТЛ за 1938–1940 гг. выразился в цифре 15,7 млн. ф. м, что было сопоставимо с показателями работы крупнейших лесозаготовительных трестов страны. За этот период удельный вес механизированный вывозки леса вырос с 15 % до 51,1 % от общего объема. Были введены в действие две мебельные фабрики, 214 км узкоколейных железных и 122 км автолежневых дорог, 19 км лесосплавных лотков, 10 лесопильных заводов⁷¹⁴. Рост объемов лесопромышленной деятельности комбината резко контрастировал с неудовлетворительным в целом функционированием лесной отрасли, подведомственной гражданским хозяйственным ведомствам.

В связи с увеличением объемов заготовки древесины обострилась проблема доступа к отдаленным массивам. В 1935 г. началось строительство Ругозерской и Кестеньгской железных дорог. Было сдано около 40 км путей, и на этом реализация проекта прервалась. В годы второй пятилетки было уделено большое внимание реконструкции лесопильно-деревообрабатывающих предприятий (замена рам, модернизация бирж, внутривозовского транспорта и

⁷¹⁰ Килин Ю. Пограничная окраина великой державы... С. 63–64, 66, 72.

⁷¹¹ В августе 1933 г. СНК СССР принял постановления «О Беломорско-Балтийском комбинате» и «О мероприятиях в связи с организацией Беломорско-Балтийского комбината». Началась передача лесных массивов трестов «Кареллес» и «Севзаптранлес» (Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии... С. 63; Советская лесная экономика... С. 237, 245, 266).

⁷¹² Макуров В. Г. Указ. соч. С. 90.

⁷¹³ Барон Н. Указ. соч. С. 239, 260.

⁷¹⁴ Советская лесная экономика... С. 376–377.

паросилового хозяйства). На Кемском и Соломенском ЛЗ были организованы сушильные подразделения. Ввели в строй вторую очередь Кондопожской БФ.

В 1930-х гг. лесозаготовительные тресты Карелии не выполняли плановых заданий, фактические показатели увеличивались медленно, а в начале третьей пятилетки имел место спад объемов заготовки и вывозки древесины. В 1936 г. предприятия Наркомлеса СССР заготовили 6484 тыс. м³ лесных ресурсов, в 1937 г. – 5679 тыс., в 1938 г. – менее 5 млн., в 1939 г. – 6088 тыс. м³ (при плане 12450 тыс. м³; рост был достигнут в основном за счет увеличения удельного веса гужевой вывозки). Историк А. И. Андрияйнен видел причины этого в низком уровне механизации, малом количестве постоянных кадров и сокращении сезонной рабочей силы, из-за чего был невозможен переход на работу в течение всего года. Неудовлетворительная работа лесных трестов негативно отражалась на показателях деревообрабатывающей отрасли. В 1928 г. в республике было выпущено 818 тыс. м³ пиломатериалов, в 1932 г. – 1136 тыс., в 1937 г. – 866 тыс. (с Беломорско-Балтийским комбинатом НКВД СССР – 1517 тыс.), в 1938 г. – 798 тыс. м³ ⁷¹⁵.

Крупным проектом стал *Сегежский ЦБК*, строившийся в отдельные годы НКВД. Его возведение было санкционировано постановлением СНК СССР от 29 июля 1935 г., срок пуска установили в 1938 г., полное окончание строительства – в 1939 г. Сметная стоимость была определена в 239,5 млн. руб. ⁷¹⁶ Возведение комбината, несмотря на значительные вложения, не укладывалось в установленные сроки. В 1938 г. строительство не было полностью завершено, но первая очередь была готова к пуску и могла произвести 60 тыс. т сульфатной целлюлозы, 31 тыс. т бумаги для упаковочных мешков, 3–4 тыс. оберточной бумаги, 70 млн. мешков ⁷¹⁷. По проектному объему производства сульфатной целлюлозы Сегежский ЦБК не имел себе равных в Европе. В 1939 г. продолжалась технологическая наладка цехов

⁷¹⁵ Андрияйнен А. И. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии... С. 6–7, 16.

⁷¹⁶ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 719–720.

⁷¹⁷ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 3... С. 149, 152, 157, 180.

канифоли и мыла, скипидара, монтировались цех уксусного порошка и лесопильный завод. Было выработано: целлюлозы по варке – 12353 т (план 43133 т), товарной целлюлозы – 4128 т (17227 т), крафт-бумаги – 3849 т (16530 т), оберточной бумаги – 3191 т (4474 т), бумажных мешков – 11,8 млн. штук (46,2 млн.)⁷¹⁸. План 1940 г. подразумевал выпуск 42 тыс. т целлюлозы, 48 млн. мешков, 7,8 тыс. т оберточной бумаги, 102,9 тыс. м³ пиломатериалов и ряда лесохимических продуктов⁷¹⁹. По итогам 1940 г. комбинат дал продукции более чем на 40 млн. руб., программа строительно-монтажных работ была перевыполнена, несмотря на слабую работу в первом квартале⁷²⁰.

Партийно-государственные органы, несмотря на констатацию на пленуме Карельского партийного комитета в январе 1939 г. неудовлетворительной работы сферы заготовки леса, рассчитывали на рост по итогам третьей пятилетки. Планировалось объем вывозки древесины в 1942 г. довести до 17–18 млн. м³, возвести два гидролизных завода, увеличить выпуск лыж на Петрозаводской фабрике до 500 тыс. пар в год. В конце 1939 – зимой 1940 гг. в связи с Советско-финляндской войной заготовка леса в пограничных районах прекратилась, но после окончания боевых действий тресты активизировали работы и перевыполнили план второго полугодия 1940 г.⁷²¹

Лесная промышленность Карелии сохранила сырьевую ориентацию. Во второй и третьей пятилетках при двукратном росте стоимости валовой продукции (с 104,4 млн. до 205,7 млн. руб., в ценах 1926/1927 г.) ее удельный вес в экономике автономной республики снизился с 77,4 до 57,1 % из-за более высоких темпов развития металлообрабатывающей, пищевой и легкой промышленности. В структуре лесной промышленности в 1940 г. четверть стоимости валовой продукции давала сфера механической обработки древесины (в 1932 г. – столько же), 21 % – сфера глубокой переработки леса (в

⁷¹⁸ Советская лесная экономика... С. 359.

⁷¹⁹ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 23а. Д. 474. Л. 5–6.

⁷²⁰ Вперед, к новым победам! // Сегежский бумажник. 1941, 1 января. С. 1; Травин Строители перед новым годом // Там же.

⁷²¹ Килин Ю. Пограничная окраина великой державы... С. 72–73; Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии... С. 55–57, 59–60.

конце первой пятилетки – 7,3 %). Остальной объем обеспечивала заготовка древесины. Роль лесохимии в экономике была минимальной (0,1 %) ⁷²²

Годы реализации третьего пятилетнего плана были отмечены снижением инвестиций в лесную промышленность, отсутствием строительства лесозаготовительных предприятий и крупных железнодорожных веток, дальнейшей эксплуатацией массивов в южных районах. В 1940 г. заместитель председателя Госплана СССР В. Н. Емченко и народный комиссар лесной промышленности СССР Ф. В. Сергеев, обосновывая необходимость сохранения хозяйственных организаций Карельского перешейка в системе союзного ведомства, отмечали, что в дальнейшем роль Карелии в снабжении лесными ресурсами и материалами других территорий будет возрастать ⁷²³.

Обретение Советским Союзом после Советско-финляндской войны лесопромышленных предприятий на Карельском перешейке потребовало направления инвестиций на их восстановление, доведение объемов производства до довоенных показателей, организацию трестов для снабжения заводов сырьем (см. параграфы 2.3 и 3.1). Осенью 1940 г. Наркомлес Карело-Финской республики получил в свое ведение тресты союзного значения «Выборглес» и «Сердобольлес» и мог полноценно координировать лесопромышленную деятельность в регионе. В этот период на лесную промышленность приходилось 56,8 % стоимости продукции промышленности, 69,8 % трудовых ресурсов республики. Первенство было за сферой заготовки древесины. Институт «Гипролестранс» разработал генеральную схему освоения с 1942 г. лесных массивов Карелии, Ленинградской и западной части Вологодской области. Делалась ставка на дальнейшую, еще более усиленную эксплуатацию лесных массивов внутри республики, что неизбежно вело к истощению запасов древесины ⁷²⁴. В 1940 г. в республике производилось 1 млн.

⁷²² Народное хозяйство Карелии. 1926 – июнь 1941 г... С. 27.

⁷²³ Веригин С. Г. Ленинград и Советская Карелия... С. 39.

⁷²⁴ Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии... С. 61–62, 71; Сузи Г. В. Указ. соч. С. 123–125

м³ пиломатериалов, 3,7 тыс. м³ фанеры клееной, 48,2 тыс. т бумаги, 35 тыс. т целлюлозы, 326,7 тыс. пар лыж, мебели на сумму 6,8 млн. руб.⁷²⁵

В *Мурманском округе* Ленинградской области лесная промышленность, представленная заготовками и выпуском пиломатериалов, даже при слабом уровне развития, играла в экономике значимую роль, давая в 1928 г. 33,6 % стоимости продукции территории. К концу первой пятилетки в связи с усилением позиций горнодобывающей отрасли удельный вес лесной промышленности снизился до 18,2 %, но получило развитие производство пиломатериалов и изделий из дерева⁷²⁶. В дальнейшем лесозаготовительная и лесопильная отрасли развивались в пределах, ограниченных потребностями Мурманского округа (с 1938 г. – области). В 1940 г. было вывезено 1,62 млн. ф. м древесины, выпущено 437 тыс. м³ пиломатериалов⁷²⁷.

За годы первых пятилеток Европейский Север существенно увеличил объемы лесопромышленной деятельности, став одним из крупнейших, наряду с Уралом и Сибирью, региональных лесопромышленных комплексов. Нужно отметить, что проект лесопромышленного освоения Европейского Севера не обрел какого-нибудь строгого методологического обоснования, отразив стремления партийных и хозяйственных деятелей получить кратковременные выгоды от эксплуатации лесных массивов (прежде всего, получение валюты от продажи лесных материалов за границу), не учитывая в полной мере потенциал комплексного развития территории. Основные предприятия по заготовке, механической обработке и глубокой переработке древесины были сосредоточены в Архангельской области и Карелии. Не были реализованы многие проекты по строительству предприятий и развитию инфраструктуры в лесных массивах. Во второй половине 1930-х гг. заметную роль в лесопромышленной деятельности стали играть исправительно-трудовые лагеря.

В **Уральском регионе** хозяйственным организациям ВСНХ, Наркомлеса СССР в первой пятилетке было выделено более 69 млн. руб. (18 % от

⁷²⁵ Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг... С. 716

⁷²⁶ Алымов В. Указ. соч. С. 4, 6–7.

⁷²⁷ Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 250, 262.

капитальных вложений по стране). Плюс на развитие лесохимии было направлено 28,4 млн. руб.⁷²⁸ Это позволило Уралу повысить свою долю в отдельных видах лесопромышленной деятельности в Советском Союзе. В годы второй пятилетки по вложениям в лесное хозяйство и лесную промышленность (605 млн. руб., или 19,6 % от вложений по СССР) регион занял первое место в стране. По капитальным вложениям Наркомлеса в отрасль (468 млн. руб. или 14,4 % от вложений по ведомству) Урал занял также первое место⁷²⁹. Но доля лесной промышленности в стоимости валовой продукции промышленности постепенно снижалась ввиду более активного развития горнодобывающей, металлургической, машиностроительной, химической промышленности.

За первую пятилетку на Урале увеличились объемы заготовки и вывозки древесины (в 1,7 и 1,85 раза соответственно). Основной прирост пришелся на 1928/1929–1929/1930 гг., достиг пикового значения в 1931 г. и затем снизился примерно на четверть. За пять лет было заготовлено 117,8 млн. ф. м древесины, а вывезено 104,5 млн. ф. м, то есть потери (с учетом порубочных отходов, которые часто не находили применения) можно оценить более чем в 13 млн. ф. м. Из них 9,3 млн. (70 %) пришлось на деловой лес, который был особенно востребован экономикой региона и страны. Дровяная древесина сохраняла свою значимость в топливном балансе. По итогам первой пятилетки ее удельный вес равнялся 39,1 %⁷³⁰.

В первой пятилетке выпуск пиломатериалов возрос с 399 тыс. до 1163 тыс. м³. Удельный вес их экспорта повысился с 4,5 до 17,86 %, в натуральном выражении – с 37 тыс. до 207 тыс. м³. Развитие деревообрабатывающей отрасли было связано с организацией изготовления стандартных домов в г. Перми, деревянных труб (на заводах в Ляле, Лобве, Тавде), лыж в п. Тавде (фабрика мощностью 100 тыс. пар в год)⁷³¹. Были построены 62 лесопильных завода, в том числе 5 – Наркомлесом СССР (средние и крупные объекты), 4 мебельных

⁷²⁸ История народного хозяйства Урала... С. 102.

⁷²⁹ Клименко К. Уральский промышленный район. М., 1945. С. 15; Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций... С. 11.

⁷³⁰ История народного хозяйства Урала... С. 89, 94; Леса Урала... С. 80, 110.

⁷³¹ Хозяйственное и культурное строительство на Урале... С. 104–105.

фабрики (в Алапаевске, Надеждинске, Нижнем Тагиле и в Красноуфимском районе)⁷³². Часть предприятий была реконструирована (например, Верхотурский ЛЗ⁷³³) или значительно расширена (Лобвинский⁷³⁴, Тавдинский ЛК⁷³⁵) и составила основу лесопильно-деревообрабатывающей отрасли. В Северном Зауралье летом 1932 г. началось возведение Сосьвинского деревообрабатывающего комбината (далее везде – ДОК). Это предприятие являлось одним из ярких примеров комбинирования деревообработки и вагоностроения и должно было обслуживать Нижнетагильский вагоностроительный завод. Считалось, что наиболее рентабельным способом комбинирования будет перегон собранных вагонов до г. Надеждинска (где была база пиломатериалов) или на полпути к нему, чтобы произвести работы по их «одеванию»⁷³⁶. Строительство предприятия затянулось до 1937 г., хотя и после его пуска продолжалось сооружение отдельных цехов⁷³⁷.

В Башкирской АССР за годы первой пятилетки в лесопильную отрасль было направлено 86 % вложений в лесопромышленный комплекс, реконструированы заводы № 2–3, 5, 13 в Уфе, Чумарский, Ангасякский ЛЗ, возведено однорамное предприятие в Мелеузе. Из объектов проектировавшегося Черниковского комбината в 1932 г. была сдана только спичечная фабрика с годовой мощностью 450 тыс. ящиков. Выпуск пиломатериалов увеличился с 120 тыс. до 208,6 тыс. м³. В сфере механической обработки древесины число рабочих возросло с 1,14 тыс. до 2,56 тыс. (с 5,6 до 10,5 % по промышленности автономной республики), стоимость производственных основных фондов (в текущих ценах) – с 2 млн. до 6,1 млн. руб. (удельный вес повысился с 6,2 до 7,3 %), валовой продукции (в ценах

⁷³² История народного хозяйства Урала... С. 90, 102–103; Петров Б. С. Указ. соч. С. 78, 84, 86, 89; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 873. Л. 2.

⁷³³ АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 4; Д. 4. Л. 3–5; Д. 18. Л. 4, 13.

⁷³⁴ Гордин А. А. Указ. соч. С. 106, 108; История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 100.

⁷³⁵ Воронин Д. И. Указ. соч. С. 8; Петров Б. С. Указ. соч. С. 50, 81.

⁷³⁶ Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Новые производства... С. 5–6.

⁷³⁷ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 5–6, 34; Д. 6. Л. 1, 86; Д. 10. Л. 1; Д. 13. Л. 15об., 38.

1926/1927 г.) – с 6,2 млн. до 9,8 млн. руб. (доля снизилась с 10,2 до 7 %). В 1933 г. начал работать Черниковский фанерный комбинат⁷³⁸.

Производство бумаги на Урале увеличилось с 13,6 тыс. до 22,9 тыс. т. Выпуск картона возрастал в 1929–1931 гг. (с 3,3 тыс. до 4,45 тыс. т), но затем показал снижение, оставаясь одним из наиболее слабых компонентов сферы глубокой переработки древесины⁷³⁹. Лесохимическая отрасль, помимо кустарных промыслов, была представлена Всеволодо-Вильвенским предприятием, вырабатывавшим сырой метиловый спирт, уксусно-кальциевый порошок и древесный спирт. С начала организации промышленной эксплуатации сосновых лесов в 1927 г. до конца первой пятилетки добыча живицы увеличилась с 269,9 до 7,5 тыс. т. В годы Новой экономической политики и первой пятилетки были построены Михайловский завод сухой перегонки дерева, Нейво-Рудянский, Талицкий и Кыштымский канифольно-скипидарные заводы, реконструирован Всеволодо-Вильвенский завод⁷⁴⁰.

Вишерский ЦБК стал первым предприятием по глубокой переработке древесины, возведенным в период индустриализации. Его строительство являлось отражением государственной политики по приближению производств к источникам ресурсов. Комбинат возводился с апреля 1930 г. по октябрь 1931 г. (вместо планируемого срока – до лета 1932 г.). Однако решение о строительстве, переданном в ведение Военно-хозяйственного управления Народного комиссариата по военным и морским делам и ставшим секретным, было принято в 1925 г. Для сооружения комплекса предприятий лесной и химической направленности в Северном Предуралье было организовано Вишерское отделение Соловецкого лагеря особого назначения ОГПУ, создан трест «Вишхимз». В районе будущего предприятия развернулись подготовительные работы, однако планы не выполнялись, что привело к

⁷³⁸ Симонов А. П. Указ. соч. С. 51, 57, 59–60, 62, 67.

⁷³⁹ Хозяйственное и культурное строительство на Урале... С. 106.

⁷⁴⁰ Там же. С. 107–108.

ротации в руководящем составе. Затем трест был передан ОГПУ⁷⁴¹. Строительство комбината подробно описано современниками⁷⁴².

Оборудование на предприятии было немецким (например, бумагоделательную машину шириной 5 м, наиболее мощную в то время в Европе, произвела фирма «Фюльнер-Верк»). Иностранное оборудование изготовлялось по специальным заказам треста «Вишхимз» и имело ряд усовершенствований по сравнению с другими предприятиями страны. Так, была устроена предварительная сушка целлюлозы перед ее переработкой в бумагу, что способствовало повышению производительности техники. В процессе строительства инженерно-технические работники самостоятельно конструировали некоторые виды оборудования, производили монтаж агрегатов. Специалисты комбината создали собственный механизм для вытаскивания бревен из воды, который имел производительность, почти равную работе кабель-кранов. Бригада С. Н. Борисова осуществила монтаж отбельного цеха за полтора месяца вместо двух с половиной по плану, древесного цеха – за 30 дней вместо 60 по плану. С. Н. Борисов установил в зале бумажных машин подъемный кран весом 25 т за три дня, смонтировал три импортные рубильные машины без помощи иностранных специалистов⁷⁴³.

Высокие темпы строительства были обусловлены использованием труда заключенных благодаря «концентрации сравнительно большого спецконтингента на объектах наряду с использованием новой управленческой модели»⁷⁴⁴. Э. П. Берзин, директор треста «Вишхимз», начальник отдела Вишерских химических заводов при ГУЛАГе ОГПУ, сконцентрировал в своих руках управление строительством и лагерем. Сроки сдачи комбината в 1931 г. несколько раз переносились, в основном по причинам задержек поставок оборудования, дефицита квалифицированных специалистов. 30 ноября 1931 г. Вишерский ЦБК официально был введен в эксплуатацию, приказом ОГПУ от

⁷⁴¹ Обухов Л. А. Из истории строительства... С. 48–51; Он же. Первостроители соцгородов... С. 37–38.

⁷⁴² А. С. Указ. соч. С. 31–35, 44–45; Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат... С. 663–666.

⁷⁴³ Алмазов... С. 128; Борисов... С. 460–461; Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат... С. 663–664, 666–667.

⁷⁴⁴ Суслов А. Б. Указ. соч. С. 35.

17 января 1932 г. выделялся из состава ГУЛАГа и передавался в ведение Управления делами ОГПУ, а через два месяца – в ведение Союзбумаги. На протяжении следующих двух лет завершалось строительство отдельных объектов, ликвидировались недоделки⁷⁴⁵. Предприятие достигло и превзошло проектную мощность в 1936 г.⁷⁴⁶ В середине 1933 г. была намечена программа расширения, включавшая доведение выработки бумаги до 22 тыс. т в год⁷⁴⁷.

На *Новолялинском ЦБК* в 1930–1932 гг. производство было остановлено на капитальную реконструкцию. С помощью специалистов немецкой фирмы была установлена бумагоделательная машина «Фюльнер», работниками предприятия реконструирована машина американской фирмы «Пуссей-Джонс», функционировавшая с 1914 г. Это обеспечило увеличение объемов выработки бурой обертки и дало возможность производить газетную бумагу. Мощность комбината возросла с 9,6 тыс. т в 1930 г. до 24,5 тыс. т в 1937 г.⁷⁴⁸ В 1934 г. вступил в строй первый в СССР цех по производству многослойных мешков. Его проектная мощность составляла 33 млн. мешков в год, что позволяло упаковать 1,65 млн. т цемента. Было организовано производство деревянных труб, но в 1936 г. из-за отсутствия заказов оно прекратилось, а в следующем году, после пожара ящичного корпуса, трубный цех переоборудовали под деревообделочное производство⁷⁴⁹.

На Южном Урале возводился *Ашинский лесохимический комбинат*. Предприятие, официально вошедшее в строй в 1932 г., было рассчитано на переработку в год 200 тыс. м³ твердых лиственных пород и получение на этой базе 140 тыс. м³ древесного угля и 1 тыс. т древесного спирта. Комбинат представлял собой передовой технологический комплекс, сочетавший углежжение и сухую перегонку, был оснащен 18 крупными стандартными

⁷⁴⁵ Обухов Л. А. Из истории строительства... С. 53; Он же. Первостроители соцгородов... С. 37, 41–42.

⁷⁴⁶ А. С. Указ. соч. С. 48; Лесная индустрия Прикамья... С. 193; Тиунов В. Индустриальные пятилетки Западного Урала... С. 71, 112.

⁷⁴⁷ В буднях великих строек... С. 196–197.

⁷⁴⁸ Хозяйственное и культурное строительство на Урале... С. 106.

⁷⁴⁹ Ботяновская В. В. Указ. соч. С. 3; Кожевников М. А. Указ. соч. С. 90; РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 78; Хозяйственное и культурное строительство на Урале... С. 106.

ретортами⁷⁵⁰. Когда комбинат принимала комиссия, выяснилось, что производство имело дефекты и незавершенные объекты. Это привело к «невозможности освоения заводом полной проектной мощности и получения запроектированных технико-экономических показателей» и обусловило удорожание стоимости строительства до 17,25 млн. руб. (вместо проектной стоимости в 8,6 млн. руб. и фактически израсходованных 11 млн. руб.). Еще 3 млн. руб. были потрачены на выполнение работ, не предусмотренных проектом⁷⁵¹. Постепенно мощности комбината были освоены. К примеру, в 1938 г. коллектив выработал 3572 т уксусной кислоты, 1378 т метилового спирта и растворителей, 24,1 тыс. т древесного угля⁷⁵².

После разделения Уральской области основные мощности лесной промышленности были сосредоточены в Свердловской области. В 1935 г. в сфере заготовки древесины функционировало 2921 предприятие, в лесопильно-деревообрабатывающей отрасли – 1800 (в том числе 1158 по производству изделий из дерева), в целлюлозно-бумажной – 5. На них было занято 134,3 тыс. рабочих (31,9 % от их числа в области), в том числе 108,1 тыс. – в сфере заготовки древесины. 1246 предприятий с 125,8 тыс. рабочих относились к «крупной» промышленности. Располагая фондами стоимостью 178,4 млн. руб. (7,4 % от показателя по «крупной» промышленности области) они произвели продукции на 298,5 млн. руб. (15,49 %)⁷⁵³.

Такие существенные колебания в удельных весах лесопромышленного комплекса в разных показателях свидетельствовали о проблемах: слабой материальной базе, преобладании ручного труда, – но и о крупном потенциале в экономике области. По сравнению с горнодобывающей, металлургической, машиностроительной, химической отраслями лесная отрасль выглядела слабее. Низкими показателями стоимости производственных фондов и валовой продукции на одного рабочего отличалась сфера заготовки древесины.

⁷⁵⁰ Хозяйственное и культурное строительство на Урале... С. 107.

⁷⁵¹ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 35–36

⁷⁵² Там же. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 873. Л. 5.

⁷⁵³ Хозяйство Свердловской области 1935–1936... С. 18, 28–29, 39–42, 64, 70, 78.

Индустриально развитой отраслью можно считать целлюлозно-бумажную, но это только 5 предприятий с 5,7 тыс. рабочих. С учетом лесохимической отрасли стоимость валовой продукции на одного рабочего существенно возросла и оказывалась выше, чем в «крупной» промышленности области⁷⁵⁴.

Крупнейшим проектом стал *Камский ЦБК*. Еще в начале 1920-х гг. Госплан, съезд работников бумажной промышленности высказывались за строительство бумажной фабрики в районе г. Перми⁷⁵⁵. Правительственная комиссия выбрала площадку для предприятия и рабочего поселка на правом берегу р. Камы, ниже по течению от Перми⁷⁵⁶. Строительство было утверждено ВСНХ СССР в июле 1929 г. Планировалось оснастить комбинат иностранным оборудованием. Камский ЦБК должен был выпускать в год 80 тыс. т печатной бумаги, 30 тыс. т вискозной целлюлозы, 6 тыс. т оберточной бумаги.

За 1930 г. было освоено 5,5 млн. руб.⁷⁵⁷, но в конце года проект отправили на переработку, строительство было законсервировано. Новый вариант предполагал оснащение предприятия отечественным оборудованием большей мощности. 23 октября 1931 г. СНК СССР постановлением № 878 санкционировал возобновление работ по строительству Камского ЦБК и сооружение Ингурского ЦБК в Закавказье. Мощность Камского комбината определялась в 87,5 тыс. т печатной бумаги, 5,7 тыс. т оберточной бумаги, 30 тыс. т беленой вискозной целлюлозы и 16,3 тыс. т целлюлозы для БФ «Гознак». СНК СССР предложил ВСНХ СССР включить Камский комбинат в перечень ударных строек на 1932 г. с тем, что уже в четвертом квартале 1933 г. пустить две бумагоделательные машины и целлюлозный завод и в первом квартале 1934 г. – две бумагоделательные машины и агрегат для выпуска оберточной бумаги. Снабжение предприятия энергией, паром и горячей водой должно было осуществляться Закамской теплоэлектроцентралью, основным видом топлива для которой становились дрова и древесные отходы (с последующим

⁷⁵⁴ Там же. С. 41–42, 53–54.

⁷⁵⁵ Краснокамск – город Солнца... С. 24.

⁷⁵⁶ Николаев С. Ф. Указ. соч. С. 4.

⁷⁵⁷ В буднях великих строек... С. 148, 156–157.

переходом на местный торф)⁷⁵⁸. 8 марта 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) подтвердило намерение о строительства Камского ЦБК⁷⁵⁹.

Из-за организационных финансовых, материальных, кадровых проблем⁷⁶⁰ сроки сдачи комбината в эксплуатацию переносились. Проектная мощность Камского ЦБК составляла 94850 т печатной бумаги, 11150 оберточной бумаги, 58250 т целлюлозной массы, 7900 т древесной массы. Стоимость сметы, по данным на 1937 г., составила 181,5 млн. руб.⁷⁶¹, то есть возросла в пять раз по сравнению с цифрой, указанной в первом пятилетнем плане. Руководство Наркомлеса, предвкушая скорый пуск комбината, в 1935 г. анонсировало новую стройку – на этот раз на севере Перми, в п. Левшино. По замыслу, предстояло построить крупный комбинат по производству газетной бумаги мощностью 500 т продукции в сутки⁷⁶².

Получение в 1936 г. на Камском ЦБК первой продукции стало заметным событием в жизни Свердловской области и страны. Журналисты восторгались комбинатом, называя его «Магнитостроем культурной революции». Поводами для гордости стали оснащение предприятия отечественным оборудованием (бумагоделательные и дисковые ножевые машины – Ленинградского завода «Вторая пятилетка», кабель-краны – Харьковского завода «Канатдортранс», многопильные станки – завода «Кировский металлист», корообдирочные барабаны – Уралмашзавода, котлы – завода «Андре Марти»), применение рационализаторских предложений в деле транспорта балансов в древесном корпусе, регенерации сернистого газа⁷⁶³.

В начале февраля народный комиссар лесной промышленности С. Лобов рекомендовал, несмотря на значительные задержки в возведении предприятия и проблемы с монтажом и пуском оборудования, начальнику строительства Я. И.

⁷⁵⁸ ПГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 207. Л. 1–3.

⁷⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 875. Л. 18–19.

⁷⁶⁰ См., напр.: ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 205; Павел Петрович Бажов. Письма. 1911–1950 / сост. Г. А. Григорьев, Л. С. Григорьева; науч. ред. М. А. Литовская. М.; Екатеринбург, 2018. С. 96–104.

⁷⁶¹ В буднях великих строек... С. 246–247.

⁷⁶² На стройках Урала и Сибири // Опыт стройки. 1935. № 6. С. 32.

⁷⁶³ Горев И. Магнитострой культурной революции. Краснокамский целлюлозно-бумажный комбинат // Опыт стройки. 1936. № 2. С. 15–17.

Горячеву ввести в эксплуатацию в этом же месяце еще две бумагоделательные машины, а в конце года – вторую очередь комбината, чтобы достичь плановых объемов производства бумаги и товарной целлюлозы⁷⁶⁴. Требование народного комиссара не отражало реальной ситуации на стройке и не могло быть выполнено в срок. Зато в конце 1936 г. комиссией СНК СССР были определены площадки для сооружения книгопечатного комбината, наиболее мощного в стране, и благоустроенного рабочего поселка при нем⁷⁶⁵. Новые проекты появлялись, несмотря на нахождение нефти на территории п. Краснокамска, что ставило под сомнение любое промышленное и гражданское строительство.

После сдачи в эксплуатацию Камский ЦБК не мог работать на полную мощность – не хватало электроэнергии и пара, не был достроен кислотный цех, из-за чего не функционировали две машины для производства целлюлозы, монтировались несколько бумагоделательных машин⁷⁶⁶. Однако Наркомлес не планировал полную сдачу объекта даже в 1940 г. Как отметил на совещании в народном комиссариате 26 апреля 1939 г. главный инженер Главцеллюлозы Шульгин, подрядчик на строительстве не мог освоить каждый год по 40 млн. руб. вложений, тогда как объем работ оставался незначительным⁷⁶⁷.

Для местной газеты «Краснокамская звезда» главным объектом критики являлось руководство предприятий поселка и прежде всего – Камского ЦБК. Частыми были сообщения о невнимании дирекции и начальников цехов к проблемам организации труда рабочих, стахановского движения. К середине 1938 г. стало ясно, что промышленные объекты сезона (очистные сооружения, берегоукрепление, две бумагоделательные машины) будут сданы с опозданием на несколько месяцев. По сути, процесс строительства никак не регламентировался: отсутствовали полный комплект смет, расценки, графики работ, титульные списки⁷⁶⁸. Инженер Ф. И. Ожегов и старший кредитный

⁷⁶⁴ В буднях великих строек... С. 229

⁷⁶⁵ На стройках Урала // Опыт стройки. 1936. № 10. С. 33.

⁷⁶⁶ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 8. Л. 58; Камскому комбинату – 20 лет... С. 28; РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 136. Л. 23.

⁷⁶⁷ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 136. Л. 34.

⁷⁶⁸ Ожегов Позорные показатели // Краснокамская звезда. 1938, 30 июля. С. 2; Цветкова Н. Добиться решающего перелома в промышленном строительстве // Краснокамская звезда. 1938, 20 июля. С. 2.

инспектор отделения Промбанка В. Г. Жоголев, анализируя итоги 1938 г., констатировали, что процент выполнения задания в промышленном строительстве оказался ниже процента рабочей силы к плановому показателю. Титульные списки неоднократно пересматривались (на Камском ЦБК – 11 раз), сметы и проекты на объекты отсутствовали, неудовлетворительно использовались механизмы, организованные комплексные бригады не получили поддержки со стороны руководителей строительных организаций, увеличилось число прогулов⁷⁶⁹. И на 1 февраля 1939 г. ни одна организация не имела утвержденных титульных списков. Сложившаяся ситуация явно не благоволила успешному ходу строительной кампании.

В производственном цикле слабым участком признавался целлюлозный завод, который не выполнял заданий по выработке кислоты и древесной массы, испытывал дефицит рабочей силы. Почти каждая задержка в подаче балансов рейдом и лесной биржей, в варке кислоты сказывалась на работе других звеньев. Статистика бракованной продукции (в первом квартале – 11,6 %, во втором – 14,6 %) свидетельствовала о серьезных проблемах организации труда, взаимодействия между цехами и качества полуфабрикатов, а нехватка измерительных приборов порождала работу «на глазок»⁷⁷⁰. Неудовлетворительно работала лесная биржа⁷⁷¹. Проявилось безответственное отношение лесосплавных организаций и Камского ЦБК к доставке и выгрузке древесины. В середине июля из программы в объеме 762 тыс. ф. м комбинатом было получено 101 тыс. ф. м, выгружено из воды – 37 тыс. На бирже не хватало рабочей силы. Сбои угрожали штрафами за несвоевременный возврат такелажа, который в свою очередь был необходим для продолжения сплава⁷⁷².

Ввод в строй новых цехов, оборудования еще не означал, что для работников, в том числе на вредных производствах, были созданы необходимые условия труда. В цехах отсутствовали канализация (в некоторых

⁷⁶⁹ Жоголев В. Г. Учесть уроки строительства 1938 года // Краснокамская звезда. 1939, 30 января. С. 3.

⁷⁷⁰ За образцовую культуру на производстве // Краснокамская звезда. 1938, 6 августа. С. 1.

⁷⁷¹ Бывалов Лесная биржа бумкомбината не готова к приему и выгрузке древесины // Краснокамская звезда. 1939, 24 мая. С. 2.

⁷⁷² ПГАСПИ. Ф. 105. Оп. 5. Д. 91. Л. 8–9.

подразделениях вредные отходы сливались в общую систему и в итоге – в р. Каму), водопровод и душевые⁷⁷³. Автор статьи в местной газете о подготовке комбината к зиме сравнивал состояние корпусов с последствиями «урагана невероятной силы»⁷⁷⁴. Недавно пущенный комбинат был далек от образа «культурного предприятия», хотя описанные проблемы было решить несложно.

В первом квартале 1939 г. Камский ЦБК смог выполнить план по выпуску бумаги и целлюлозы только наполовину. Непродолжительный рост производительности труда отмечался в период работы XVIII съезда ВКП(б), но и тогда до достижения апрельского задания не хватило 25 %. В первом квартале число стахановцев оказалось меньше, чем годом ранее⁷⁷⁵. По-прежнему производственный процесс нарушали простои, аварии (к примеру, с января по октябрь 1938 г. их произошло 58, то есть в среднем по одной каждую неделю⁷⁷⁶). Причиной половины аварий являлась халатность работников – следствие недостаточной квалификации, отсутствия технологических режимов, некачественного текущего ремонта.

Технологические режимы для Камского ЦБК были разработаны Институтом целлюлозно-бумажной промышленности. Благодаря их внедрению за период с начала 1940 г. по март 1941 г. удалось увеличить скорости бумагоделательных машин, снизить процент брака, увеличить объемы производства бумаги и целлюлозы, в том числе более высоких сортов. Но полностью ликвидировать нарушения не удалось. Инструктор отдела лесной промышленности Молотовского областного комитета (далее везде – обком) ВКП(б) Кошаев перечислял в докладной записке не менее десятка нарушений в разных цехах. Причины их были разными: нехватка химических материалов, неудовлетворительное, порой полуразрушенное состояние некоторых агрегатов (сцез, регенерационных цистерн). «Вклад» вносили и рабочие, которые или по

⁷⁷³ Ничунаев Еще раз о вентиляции // Краснокамская звезда. 1938, 18 августа. С. 4.

⁷⁷⁴ Целоусов Подготовить цехи комбината к зиме // Краснокамская звезда. 1938, 4 октября. С. 2.

⁷⁷⁵ Камский бумкомбинат должен выполнять план // Краснокамская звезда. 1939, 20 мая. С. 1.

⁷⁷⁶ Работать без аварий // Краснокамская звезда. 1938, 8 декабря. С. 1.

незнанию, или по халатности, или введенные в заблуждение распоряжениями инженерно-технических работников нарушали технологические режимы⁷⁷⁷.

Рядом с Камским ЦБК с 1933 г. строилась *Краснокамская БФ «Гознак»* (в «Гознак» входили также Московская и Ленинградская БФ) для производства бумаги высокого качества. В начале весны 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) признало неотложным строительство этого предприятия мощностью 20 тыс. т продукции и наметило пуск первой очереди на четвертый квартал 1933 г.⁷⁷⁸ 9 декабря 1936 г. здесь пустили бумагоделательную машину (из четырех по проекту) немецкой фирмы «Вагнер». В 1937 г. была сдана вторая очередь бумажной фабрики, произведено 4096 т бумаги. В 1940 г. выпуск продукции составил 15,2 тыс. т (30 различных наименований)⁷⁷⁹. Проектная мощность фабрики равнялась 22,5 тыс. т бумаги, стоимость – 46 млн. руб. В процессе строительства было затрачено в 2,2 раза больше средств, чем планировалось. 17,5 млн. руб. было освоено в первой пятилетке, 82,8 млн. – во второй⁷⁸⁰.

После официальной сдачи в эксплуатацию возведение Краснокамской БФ, как и Камского ЦБК, продолжалось. Подрядной организацией «Гознакстрой» строительные работы осуществлялись медленно, качество их было порой неудовлетворительным настолько, что стены некоторых цехов, выложенных из малостойкого трепельного кирпича, начинали разрушаться⁷⁸¹. В конце 1938 г. фабрика изготовила бумагу меццо-тинто, которая оказалась некачественной, для экспозиции СССР на Нью-Йоркской выставке. В 1940 г. коллектив предприятия не смог выполнить задание по выпуску специальной и высокосортной бумаги, по реализации продукции⁷⁸². В целом по итогам года фабрика изготовила сверх плана 1100 т бумаги, освоила выпуск 23

⁷⁷⁷ ПГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 401. Л. 2–6, 10–14.

⁷⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 875. Л. 18–19.

⁷⁷⁹ Краснокамская бумажная фабрика. Исторические страницы... (дата обращения: 17.08.2020); Палкина Г. А. Указ. соч. С. 32.

⁷⁸⁰ В буднях великих строек... С. 246–247.

⁷⁸¹ Ликвидировать позорное отставание на стройках // Краснокамская звезда. 1938, 4 июня. С. 1; Цветкова Н. Добиться решающего перелома... С. 2.

⁷⁸² ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 1. Л. 10, 31; Д. 7. Л. 54, 250.

наименований продукции, что дало руководству повод для заявления об успехах⁷⁸³.

На фоне реализации крупных индустриальных проектов сохраняла значение промысловая кооперация, предприятия которой изготавливали разнообразную продукцию повседневного спроса – ширпотреб. Изучение материалов о работе артелей на Южном Урале показало, что они испытывали те же производственные, трудовые, организационные, финансовые, снабженческие проблемы, что и крупные предприятия. К примеру, Карабашской артели «Луч» в 1934 г. для обеспечения кулеткацкого производства сырьем – мочалом – срочно требовались продовольствие и гужевая сила, поскольку сезон сокотечения длился только один летний месяц⁷⁸⁴. Нерешение проблемы могло резко ухудшить функционирование артели в 1935 г. В сентябре 1935 г. президиум Правления Челябинского обллеспромсоюза разнес руководство артели «Красный луч», которая плохо справлялась с выполнением производственной программы по бондарному, столярному и капо-корешковому производству. В решении фигурировали взыскания, увольнения, конкретные указания, но при этом Правление артели и финансово-учетный сектор обллеспромсоюза должны были улучшить финансовое состояние предприятия, ликвидировав в короткий срок дебиторскую задолженность и реализовать готовую продукцию⁷⁸⁵.

В 1938–1940 гг. в Уральском регионе⁷⁸⁶ было заготовлено 135,8 млн. ф. м древесины, вывезено 124,7 млн.⁷⁸⁷, то есть потери могут оцениваться более чем в 11 млн. ф. м. Наблюдалось снижение доли вывозки деловой древесины, хотя в третьей пятилетке ставилась задача более рационального и комплексного использования лесных ресурсов. При этом минимальные показатели транспорта делового леса (менее 30 % в общем объеме вывозки) отмечались в

⁷⁸³ Лукьянов И. Программу 1941 г. выполним с честью // Звезда. 1941, 7 января. С. 1.

⁷⁸⁴ ОГАЧО. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

⁷⁸⁵ Там же. Д. 3. Л. 7–8.

⁷⁸⁶ Имеется в виду экономический район в составе Курганской, Оренбургской (с 1938 г. – Чкаловской), Пермской (с 1940 г. – Молотовской), Свердловской, Челябинской областей, Башкирской и Удмуртской автономных республик; показатели за 1925/1926–1932 гг. приводились в границах Уральской области.

⁷⁸⁷ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 65–66.

Оренбургской, Челябинской областях, Башкирии, максимальный (более 50 %) – только в Курганской области. Удельный вес дров в топливном балансе региона был по-прежнему высоким (в Свердловской области он колебался от 71,5 до 77,2 %, но по Уральскому экономическому району составлял около 20 %). Академик М. Е. Ткаченко отмечал, что сортимент определялся в основном не характером лесов и их хозяйственной ценностью, а особенностями программы заготовителя, условиями транспорта⁷⁸⁸.

В 1937 г. в Уральском регионе начали функционировать несколько исправительно-трудовых лагерей для обеспечения ряда отраслей промышленности древесиной и пилопродукцией. Севураллаг, Ивдельлаг, Усольлаг приняли в свое ведение имущество и материальную базу леспромхозов, не справлявшихся с плановыми показателями. Так, задачей Севураллага стало обеспечение древесным сырьем предприятий в бассейне р. Туры и Тавды, топливом и материалами – заводов других ведомств. От предшественника – треста «Севураллес» – лагерю достались значительные площади вырубок, где почти не проводились очистные работы. Была проведена инвентаризация лесных массивов на площади около 220 тыс. га, начаты лесокультурные работы, появилась служба охраны лесов⁷⁸⁹. Ивдельлаг должен был вести лесозаготовки и прокладывать железную дорогу Сама – Ивдель⁷⁹⁰.

В годы третьей пятилетки, когда металлургические предприятия, работавшие на минеральном топливе, добились высоких результатов в плавке чугуна, рентабельность древесноугольных заводов была поставлена под сомнение. Снижение объемов выплавки древесноугольного чугуна было обусловлено переводом доменных печей на кокс, неудовлетворительной работой лесозаготовительных организаций, несовершенством техники и технологий углежжения, истощением сырьевых баз. На 1940 г., после

⁷⁸⁸ Леса Урала... С. 59–60, 63–65.

⁷⁸⁹ Пажит Ю. Ю. Северо-Уральский лагерь... С. 31, 35; Советская лесная экономика... С. 330–332.

⁷⁹⁰ Кириллов В. М. Страницы истории среднеуральских «островов»... С. 88–89.

обращения в Госплан СССР Пермского и Свердловского обкомов партии, были выделены средства для предприятий, работавших на древесном угле⁷⁹¹.

Для обеспечения металлургических предприятий древесным углем требовалось ежегодно заготавливать 3–3,5 млн. ф. м леса. Важным источником получения этого вида топлива считались перестойные леса, горельники на Северном Урале, однако их освоение требовало крупных вложений⁷⁹². Стоимость древесного угля оказывалась дороже кокса, а значит, распространение сплошных рубок без организации производств по переработке делового леса не принесло за 1930-е гг. ожидавшегося эффекта. Продолжение выплавки высококачественного металла на древесном угле требовало осуществления большого числа мероприятий по модернизации и капитальному строительству в сфере заготовки леса и углежжении.

Научно-техническое совещание по развитию древесноугольной металлургии на Урале, состоявшееся в декабре 1940 г. в Свердловске, рекомендовало к использованию углевыжигательные печи В. Н. Козлова (в крупных пунктах) и Н. И. Смольникова (в мелких пунктах), установку А. А. Савиных для использования продуктов сухой перегонки дерева. В мае 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О развитии древесноугольной металлургии на Урале». Намечалось комбинирование лесной и металлургической промышленности в районах Ивделя, Тавды, Березников, доведение в 1940-х гг. выплавки древесноугольного чугуна до 1,5 млн. т. Осуществлению планов помешали начавшаяся война и достижения металлургов в выплавке сложных высоколегированных и специальных сталей в большегрузных мартеновских печах с основной подиной.

Слабо был развит пиролиз древесины, позволявший получать ценные продукты при углежжении. В 1940 г. Уральская комплексная экспедиция Академии наук СССР для развития лесохимии в регионе предложила осуществить масштабную реконструкцию и строительство углевыжигательных

⁷⁹¹ Леса Урала... С. 81–82, 87–88.

⁷⁹² Мовшович Г. Топливо-сырьевая база металлургии Урала // Плановое хозяйство. 1940. № 9. С. 116–118.

печей и лесохимических установок. Осуществление этого проекта позволяло получать продукцию на сумму 164 млн. руб. в год. Между тем удельный вес Урала в стране был по ряду товаров высоким (например, по уксусной кислоте – 18,6 %) ⁷⁹³.

Производство пиломатериалов во второй половине 1930-х гг. росло медленно. Это было связано с сокращением строительных и реконструктивных работ, освоенностью действующих мощностей. Но объемы производства не удовлетворяли обширные потребности региона. В конце 1930-х гг. ставились вопросы модернизации оборудования, изменения географии размещения лесопильных предприятий, их комбинирования с деревообрабатывающей отраслью, сферой глубокой переработки древесины. Из деревообрабатывающих предприятий в Свердловской области функционировали фанерная, две мебельных и две лыжных фабрики, четыре пункта по выпуску вагонных деталей, три пункта по изготовлению деталей для щитовых домов; в Челябинской области – фанерная и две мебельных фабрики; в Молотовской – производство стандартных домов. В начале третьей пятилетки начали работу Свердловская и небольшая Оренбургская мебельная фабрики, которые не могли удовлетворить нужды территорий. Башкирская АССР являлась в Уральском регионе единственным производителем фанеры (строительство Тавдинской фанерной фабрики не было завершено) и спичек.

Пуск и освоение мощностей на Камском и Новолялинском ЦБК, улучшение работы Вишерского ЦБК обусловили существенное увеличение объемов выпуска бумаги и целлюлозы и повышение удельных весов Урала в производстве этих товаров в стране. В 1940 г. Камский и Вишерский комбинаты изготовили около 50 % всех видов печатной бумаги в стране, Новолялинский ЦБК – 44 % крафт-мешков ⁷⁹⁴. Изготовление картона на протяжении 1930-х гг. сохранялось в минимальных объемах и мало влияло на общее развитие лесопромышленного комплекса.

⁷⁹³ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 17, 31–33, 57–58, 65–66; История народного хозяйства Урала... С. 177, 180–181; Леса Урала... С. 81–82, 87–88.

⁷⁹⁴ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 66–71; Леса Урала... С. 92–93, 143–144.

В 1935 г. рядом с Соликамском (д. Усть-Боровая) началась подготовка строительной площадки под будущий *Соликамский сульфитно-целлюлозный комбинат*, по сути, дублер Архангельского ЦБК. Сырьевая база, представленная еловыми и пихтовыми насаждениями, располагалась в верхнем течении р. Камы. Мощность комбината составляла 70 тыс. т беленой вискозной целлюлозы (позже увеличена до 84 тыс.), 5,8 тыс. т оберточной бумаги, 500 тыс. декалитров этилового спирта, 100 тыс. т сгущенной барды (50 % влажности), 100 т сульфитного масла. На этапе подготовки проекта предусматривалось облагораживание целлюлозы. Эта технология была разработана на основе предложений американской фирмы Bleaching. В 1937 г. группа специалистов Наркомлеса была командирована в Европу и Северную Америку для изучения передового опыта работы целлюлозной отрасли. После их возвращения технический проект Соликамского сульфитно-целлюлозного комбината был переработан и утвержден Наркомлесом 5 февраля 1938 г.

Комбинат становился передовым предприятием целлюлозной отрасли (технологическая схема была инновационной для СССР) и должен был вырабатывать высококачественные сорта целлюлозы для дальнейшего использования в оборонной, химической и бумажной промышленности. Финальный проект предусматривал оснащение комбината отечественным оборудованием, изготовление которого оказалось более дорогим по сравнению с импортной техникой⁷⁹⁵. Комбинирование достигалось за счет использования коры на теплоэлектростанции, выработки бумаги из сучков и целлюлозы третьего сорта, переработки щелоков для получения спирта. Продукция должна была отправляться на экспорт и потребляться внутри страны⁷⁹⁶.

17 мая 1938 г. СНК СССР постановил передать от Наркомлеса в систему НКВД строительство Соликамского сульфитно-целлюлозного комбината с целью ускорения возведения предприятия и ввода его в строй в 1939 г. Спустя месяц Экономический совет при СНК СССР определил основные направления

⁷⁹⁵ АСГО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 92. Л. 25, 33.

⁷⁹⁶ Там же. Л. 3.

оснащения производства. НКВД должен был увеличить финансирование строительства на 1938 г. с 14,1 млн. до 35 млн. руб.⁷⁹⁷ Обращает внимание, что отечественные предприятия, подведомственные Главлесбуммашу (управление было образовано в начале второй пятилетки), спустя несколько лет работы могли произвести сложное оборудование для целлюлозного производства.

НКВД СССР сконцентрировал основные ресурсы на промышленном строительстве, но низкие темпы работы, качество сооружений, аварии привели к затягиванию строительства и переносу сроков пуска комбината⁷⁹⁸. По постановлениям Экономического совета при СНК СССР от 14 ноября 1938 г. и от 1 июля 1939 г. стоимость Соликамского комбината была утверждена в размере 140,3 млн. руб., за 1939 г. увеличилась (в связи с удорожанием работ, оборудования, расширением проекта) до 154,9 млн. К 1 января 1940 г. было освоено 89,7 млн. руб., в 1940 г. выделялось еще 45 млн. руб.⁷⁹⁹

В 1940 г. комбинат выделился в самостоятельное предприятие. Его руководитель И. Н. Строганов на собрании партийной организации в июле 1940 г. заявил о своем отказе принять еще не законченный комбинат, хотя на мероприятии, состоявшемся через полгода, указывалось на наличие всех возможностей пуска комбината в четвертом квартале 1940 г.⁸⁰⁰ На деле все было куда сложнее. В середине декабря 1940 г. директор Батов предполагал пустить предприятие к 1 декабря. По его информации, древесный цех был почти готов (в течение 2–4 дней намечалось завершить пуско-наладочные работы), на достройку варочного цеха и сцез отводилось 10–12 дней⁸⁰¹. Но и под занавес года первую целлюлозу не удалось получить.

Весной 1941 г. инструктор обкома ВКП(б) Кошаев, характеризуя состояние Соликамского комбината, перечислял множество недоделок, а также объектов, которые предстояло переделать или заменить: к примеру, пол в варочном цехе, не имевший уклона для стока воды; главный кирпичный

⁷⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 22а. Д. 291. Л. 25.

⁷⁹⁸ 25 лет в строю... С. 29–33; Шевырин С. А. Принудительный труд в лагерях и колониях... С. 150–151.

⁷⁹⁹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 776; ПГАСПИ. Ф. 105. Оп. 5. Д. 91. Л. 13.

⁸⁰⁰ Чирков Ю. Как принимали предприятие... С. 2.

⁸⁰¹ ПГАСПИ. Ф. 105. Оп. 6. Д. 346. Л. 5–6.

коллектор; сетки на узлоловителях бумагоделательной машины (на тот момент даже не пущенной в эксплуатацию). Кошаев отмечал отсутствие технологических режимов, из-за чего сроки варки целлюлозы, нормы расхода сырья, пара и химических материалов не соблюдались. Целлюлоза оказалась по стоимости в три раза больше нормативных показателей⁸⁰². Если качество заводских цехов было более-менее удовлетворительным, то установка оборудования характеризовалась низким качеством. Но главные замечания касались качества продукции⁸⁰³.

При приемке комбината в мае 1942 г. было выявлено, что по большинству цехов и подразделений имелись неустановленное оборудование, дефекты в оснащении. Комиссия отметила, что функционировавшие мощности могли обеспечить работу предприятия. Немаловажную роль сыграли, ввиду отсутствия некоторых агрегатов, разработка работниками комбината ряда технологических решений (например, схемы регенерации), изготовление оборудования⁸⁰⁴. Упрощенная схема целлюлозного производства подразумевала, в условиях отсутствия постоянной регенерации, использование двух варочных котлов в качестве сдувочных цистерн. Располагавшийся рядом сульфитно-спиртовой завод, переданный в управление Главлесоспирту, был пущен по упрощенной технологической схеме (из-за отсутствия части оснащения) благодаря изготовлению на месте необходимого оборудования⁸⁰⁵.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) 6 июня 1941 г. постановили в третьем квартале 1942 г. полностью завершить сооружение предприятия. Комиссия по приемке комбината определила, что достройка обойдется в 32,4 млн. руб., а реальная мощность по изготовлению целлюлозы по варке составит на данном этапе 100 т в сутки (по проекту – 275,6 т)⁸⁰⁶. Несмотря на это, качество строительных работ было оценено на «хорошо». Комиссия посчитала, что достройку предприятия должен осуществлять НКВД, а проектирование и поставку оборудования –

⁸⁰² Там же. Оп. 7. Д. 401. Л. 35.

⁸⁰³ Там же. Л. 36.

⁸⁰⁴ АСГО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 92. Л. 11–12, 14, 19.

⁸⁰⁵ Там же. Л. 24.

⁸⁰⁶ Там же. Л. 25, 29, 31.

Наркомбумпром и Главлесоспирт. На Наркомлес и НКВД возлагалась задача снабжения комбината древесиной⁸⁰⁷.

В 1941 г. Соликамский ЦБК выдал первую продукцию: 11738 т целлюлозы по варке (7,2 % от показателя по Уральскому региону), 8733 т небеленой товарной целлюлозы, 2507 т бумаги (на одной бумагоделательной машине; 1,5 % от показателя по Уралу)⁸⁰⁸. Цифры свидетельствовали о низкой производительности труда рабочих на этапе освоения оборудования и технологий производства целлюлозы и бумаги. На предприятии продолжалась подготовка к сдаче отдельных корпусов и цехов. После шести лет строительства комбинат так и не смог заработать на полную мощность.

Строительство большого количества предприятий в разных частях Урала не решало проблемы обеспечения потребностей региона и страны в продукции механической обработки и глубокой переработки древесины. Лесовод М. Е. Ткаченко отмечал, что «размещение деревообрабатывающих производств было недостаточно рациональным; ряд предприятий не был обеспечен сырьем»⁸⁰⁹. Основными трудностями являлись «истощение ближайших лесных районов, передвижка лесозаготовок в отдаленные лесные массивы и увеличение расстояний лесоперевозок, недостаток гужевой силы и рабочих кадров, отставание механизации заготовок и перевозок, множественность лесозаготовляющих организаций»⁸¹⁰. При вывозе значительного количества ресурсов была слабо развита деревообработка.

Несмотря на более высокие темпы развития в третьей пятилетке целлюлозно-бумажной отрасли по сравнению со сферами заготовки и механической обработки древесины, существенных изменений в структуре лесопромышленного комплекса Урала не произошло. Удельный вес сферы заготовки лесных ресурсов в стоимости продукции снизился с 50,4 до 47,5 %, механической обработки – с 35,7 до 34,5 %⁸¹¹. Были слабо развиты такие

⁸⁰⁷ Там же. Л. 38–42.

⁸⁰⁸ Там же. Д. 17. Л. 10, 18; Д. 53. Л. 51, 56, 70–71.

⁸⁰⁹ Ткаченко М. Е. Указ. соч. С. 3.

⁸¹⁰ Клименко К. Указ. соч. С. 23, 55.

⁸¹¹ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 71.

направления лесохимии, как гидролиз древесины, производство древесных пластиков, этилового спирта. Первый на Урале сульфитно-спиртовой завод был сдан в эксплуатацию в 1938 г. в Краснокамске. Возводились аналогичные предприятия в Соликамске и Красновишерске⁸¹².

За 1938–1940 гг. стоимость валовой продукции лесопромышленного комплекса Уральского региона увеличилась с 668,9 млн. до 880,5 млн. руб. (в ценах 1926/1927 г.). На фоне роста числа рабочих (с 195,2 тыс. до 242,5 тыс. человек) следует говорить об экстенсивном характере развития отрасли. Тем не менее лесной промышленности удалось остаться в этот период на четвертом месте по стоимости продукции среди отраслей Урала (после машиностроения и металлообработки, пищевкусовой промышленности, черной металлургии)⁸¹³.

С одной стороны, за годы первых пятилеток Урал сохранил и даже повысил свои доли в отдельных сферах лесопромышленного комплекса Советского Союза, с другой – технологически сложные производства (целлюлоза, бумага, фанера) были рассредоточены по отдельным районам и представлены единицами или небольшими группами предприятий. Лесопиление, особенно деревообработка, развивалась в пределах, ограниченных заготовкой дров предприятиями тяжелой промышленности и путей сообщения, более динамичным ростом целлюлозно-бумажной промышленности, поставками леса в другие районы страны. Объемы заготовки и вывозки лесных ресурсов, производства продукции механической обработки и глубокой переработки древесины сокращались в 1932, 1938 (по выпуску бумаги, целлюлозы, картона и фанеры), 1940 гг. (по заготовке и вывозке леса, производству фанеры). Спады были существенными – уменьшение объемов заготовки и вывозки леса могло достигать более 5 млн. м³.

Наметилась специализация административно-территориальных единиц в лесопромышленной деятельности, в том числе в связи с зонированием лесопокрытой территории страны. Если Свердловская область лидировала по

⁸¹² Там же. С. 58–59.

⁸¹³ Там же. С. 72, 92.

производству продукции механической обработки древесины, то Пермская (Молотовская) – глубокой переработки древесины. Это было связано также с административно-территориальной реформой и выделением зон лесов. 15,6 млн. га лесопокрытой площади бывшей Уральской области отнесли к лесопромышленной зоне, причем 13 млн. га было в Свердловской области. 16,1 млн. га лесопокрытой площади отнесли к водоохранной зоне, из которых 12,4 млн. га оказалось в Пермской области⁸¹⁴.

Сибирь и Дальний Восток. За первые пятилетки объем заготовки и вывозки леса существенно возрос. Если в 1932 г. лесозаготовки в Сибири и на Дальнем Востоке составили 11,8 % общесоюзного объема, то в 1940 – 22,1 %.

В 1931 г. в Сибирском крае насчитывалось 57 лесопильных заводов с 119 пиломатериалами. Если в 1925/1926 г. предприятия «Сибкрайлестреста», Народного комиссариата путей сообщения, «Сибугля», «Сиблесзага» и ряда других хозяйственных организаций выпустили 397 тыс. м³ пиломатериалов, то в последующие годы объемы производства увеличивались, составив в 1929/1930 г. 1381 тыс. м³ (плюс почти 1,1 млн. м³ продукции давала ручная распиловка леса в подсобных цехах). Основной рост пришелся на заводы «Сибкрайлестреста».

Крупными центрами лесопильной отрасли в Сибири стали Новосибирск, Красноярск, Канск, Мариинск, Зима (здесь был единственный 6-рамный лесопильный завод). На экспорт работали Чулымский, Маклаковский, Тайшетский, Канский, Бирюсинский ЛЗ и группа красноярских предприятий⁸¹⁵. На рубеже 1920–1930-х гг. лесопиление развивалось в основном за счет производственных мощностей заводов, созданных до 1917 г. и в период Новой экономической политики. Предприятия были по большей части мелкими и средними, 32 завода из 57 обслуживали нужды хозяйственных организаций других отраслей, местных учреждений и жителей. Предприятия профильного

⁸¹⁴ Горчаковский П. Указ. соч. С. 74.

⁸¹⁵ Горавский А. Указ. соч. С. 529; Дальневосточный край... С. 608; Кириллов А. К. Указ. соч. С. 274; Куят Ф. Указ. соч. С. 103, 105–108.

лесопромышленного ведомства (в основном средние и крупные производства) концентрировались в районах Новосибирска, Красноярска, Иркутска.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. на севере Сибири появилось несколько лесопильных заводов. Развитие отрасли связывалось с освоением массивов в бассейнах р. Лены, Енисея, Оби для удовлетворения внутренних потребностей в лесных материалах и экспорта продукции. В качестве ведущих хозяйственных организаций выступали Наркомлес СССР (до 1932 г. – ВСНХ; бассейны р. Оби, Енисея, Лены), Главное управление Северного морского пути при СНК СССР (в 1928–1933 гг. – Северо-Сибирское государственное акционерное общество промышленности и торговли («Комсеверопуть»); нижнее течение р. Енисея, Тобольский Север, север Якутской АССР), трест «Якутзолото» (Алданский район Якутии). Для Главсевморпути заготовка, транспорт и механическая обработка древесины являлись непрофильными функциями, и в 1933 г. на базе Лесного управления Комсеверопути был организован трест «Севполярлес», вошедший в систему Наркомлеса⁸¹⁶.

Леса были исследованы слабо. По данным на середину 1930-х гг., в нижнем течении р. Енисея площадь лесов определялась в 130 млн. га, но обследовано 6 млн. (запас насаждений установлен в размере 396 млн. м³). На Обском Севере были выявлены запасы древесины в объеме 489,7 млн. м³ (в том числе деловой – 149,1 млн.). Основные запасы делового леса были сосредоточены в Самаровском и Кондинском районах. Березовой древесины, пригодной для выпуска фанеры, выявили 1,3 млн. м³. В нижнем течении р. Оби лесная площадь составляла, по материалам аэрофотосъемки, 768 тыс. га. В северных лесах было мало деловой древесины. Насаждения росли медленно, были повреждены пожарами. Для удовлетворения потребностей слабозаселенной территории, экспорта запасы считались достаточными⁸¹⁷.

В конце лета 1929 г. в нижнем течении р. Енисея акционерное общество «Комсеверопуть» начало сооружение лесопильного завода, давшего жизнь п.

⁸¹⁶ Сибирцев Н. Указ. соч. С. 102.

⁸¹⁷ Спецуро Н. В. Перспективы развития лесной промышленности Крайнего Севера... С. 45; Тарасенков Г. Н. Указ. соч. С. 80.

Игарке. Поселок и лесопильные заводы возникли на берегу Игарской протоки р. Енисея (725 км от входа в реку), отделенной от основного русла Самоедским островом. Работы велись в условиях вечной мерзлоты, без опытных специалистов и строителей. Во временном помещении установили три рамы, снятые с других предприятий региона. В октябре 1930 г. вошел в строй двухрамный завод, в следующем году – 4-рамное предприятие, наиболее передовое. *Игарский ЛК*, объединивший три лесозавода, мог ежегодно выпускать 25–30 тыс. стандартов пиломатериалов на экспорт. В системе «Комсеверопути» было образовано Лесное управление, которое для работы в бассейне р. Ангары и в нижнем течении р. Енисея завербовало 1200 опытных сплавщиков из Вятского района и 50 технических специалистов. Это дало высокую результативность сплава, хотя и потребовало реализации ряда сложных решений: транспорт леса плотами, ликвидация препятствий Осиновского порога на р. Енисее. Была организована сеть лесопунктов, позволявшая ежегодно наращивать объем сплава древесины⁸¹⁸.

Благодаря появлению предприятия снизилась себестоимость лесных материалов, отправлявшихся на экспорт из бассейна р. Енисея Северным морским путем. Наличие значительной сырьевой базы позволяло использовать 1–2 % спелых насаждений и выбирать лучшие древостои. За 1929–1934 гг. распил древесины возрос с 1,5 тыс. до 303 тыс. м³. Экспорт в 1934 г. составил 132,2 тыс. м³. Для ликвидации простоев судов строились новые причалы. Другой проблемой функционирования морского порта было отсутствие механизации погрузочных работ. Подача пиломатериалов с биржи к причалам осуществлялась автокарами и лошадьми, погрузка – стрелами лесовозов⁸¹⁹.

Примером кооперирования являлась организация деревянного судостроения. В среднем течении р. Лены, у устья ее левого притока – р. Пеледуя, в 28 км от южной границы Якутской АССР, были построены

⁸¹⁸ Сибирцев Н. Указ. соч. С. 88–89, 93–94, 97.

⁸¹⁹ А. А. Указ. соч. С. 13–17; Будтолаев Н. М. Строительство Игарского порта // Советская Арктика. 1935. № 3. С. 21; Крюков Первый гудок в Заполярье (глава из истории строительства Игарки, рассказанная одним из ее строителей – плотником-ударником Ильей Леоновичем Шараем) // Советская Арктика. 1935. № 3. С. 19–20; Марголин А. Указ. соч. С. 92, 96; Сибирцев Н. Указ. соч. С. 98–99.

Пеледуйская судовой верфь Главсевморпути и однорамный лесопильный завод для строительства деревянных речных нефтеналивных барж, кунгасов⁸²⁰, мелкого гребного и самоходного флота (катеров)⁸²¹.

Мощности лесопильно-деревообрабатывающей отрасли на севере Сибири были скромными. В начале второй пятилетки в Якутской АССР функционировали Якутский двухрамный и Турухтинский однорамный заводы (оба принадлежали тресту «Якутлес»), подсобное предприятие (1 рама) при Пеледуйской судовой верфи Главсевморпути и несколько мелких мастерских, выпускавших мебель и бочки. На р. Енисее действовали Маклаковский ЛЗ (2 рамы), Игарский ЛК (9 рам) треста «Севполярлес» (отправляли продукцию на экспорт Карской экспедицией) и предприятие (2 рамы) при Придивенской верфи «Главсевморпути». Заводы на р. Енисее, работавшие на экспорт, спустя несколько лет после ввода в строй требовали модернизации и обоснования сырьевой базы для доведения производительности до проектных мощностей.

На р. Оби работали только небольшой однорамный лесопильный завод в Тобольске, мастерские по изготовлению мебели и бочек. Производительность предприятий в бассейнах р. Лены, Енисея, Оби не превышала 400–500 тыс. м³ в год. Отсутствие транспортной инфраструктуры являлось решающим фактором слабого уровня развития лесной промышленности в макрорегионе. Некоторые лесопункты треста «Обьлес», организованные в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в районах, где отсутствовало лесоустройство, к 1933 г. исчерпали сырьевые базы. Из-за этого объемы заготовки древесины за первую половину десятилетия снизились с 347 тыс. до 201,3 тыс. м³. Мощности по переработке древесины были представлены двумя однорамными лесопильными заводами «Обьрыбтреста», построенные в годы реализации второго пятилетнего плана. С включением строительства Белогорского лесного комбината и Кондинского ЛПХ в систему Главного управления Северного морского пути организация заготовки древесины улучшилась, возросли ее объемы. В 1935 г.

⁸²⁰ Разновидность парусных судов с малой осадкой.

⁸²¹ Рогожан Н. И. Пеледуйская судовой верфь может работать лучше // Советская Арктика. 1938. № 4. С. 65.

Главсевморпуть заготовил 147,3 тыс. ф. м древесины (в том числе в бассейне р. Оби – 70 тыс.), в 1936 г. – 233 тыс. (в бассейне р. Оби – 136,5 тыс.).

В 1936 г. Главсевморпуть начал сооружение *Белогорского ЛК* (в 12 км ниже впадения р. Иртыша в р. Обь). Проект предприятия включал 4-рамный лесопильный завод, деревообделочный цех для производства тарной доски, строительных деталей, сборной мебели, деталей для судостроения, вагонной обшивки и другой продукции, бондарный цех для выпуска бочечной тары. Вторая очередь комбината подразумевала возведение гидролизного завода. В планах было сооружение подразделения термоизоляционных брикетов для жилищного строительства в условиях Крайнего Севера. Выпуск пиломатериалов намечался в размере 173 тыс. м³. Треть продукции направлялась на экспорт⁸²². Из-за перебоев в финансировании строительство осуществлялось медленно, в 1938 г. удалось сдать однорамный лесопильный завод, машинную станцию с локомотивом, два агрегата электроосвещения и водоснабжения, механическую мастерскую. Было произведено 21,8 тыс. м³ пиломатериалов⁸²³. Создать мощное комбинированное предприятие не удалось.

К концу второй пятилетки на севере Сибири функционировали 14 стационарных лесопильных предприятий. В нижнем течении р. Оби располагались 2 предприятия (3 рамы), в среднем – 4 (8 рам), в нижнем течении р. Енисея – 5 (18 рам), в том числе крупнейший в регионе Игарский ЛК (9 рам), в бассейне р. Лены – 3 завода (4 рамы). Только Игарский лесопильный завод № 2 (структурное подразделение Игарского ЛК) и Маклаковский завод имели современное оборудование, остальные предприятия нуждались в реконструкции. Помимо этого, в ведении треста «Якутзолото» находились несколько временных мелких лесопильных заводов. Из 680 тыс. ф. м пиломатериалов, выпущенных в 1935 г. предприятиями севера Сибири, 390 тыс. приходилось на нижнее течение р. Енисея (Красноярский край), 185 тыс. –

⁸²² Дзякович Н. О. На реке Конде // Советская Арктика. 1936. № 9. С. 47–48; Соколов А. А. Указ. соч. 45–46; Спецуро Н. В. Перспективы развития лесной промышленности Крайнего Севера... С. 45–46, 48; Он же. Лесная промышленность в третьем пятилетии на Крайнем Севере... С. 87; Тарасенков Г. Н. Указ. соч. С. 81–82; Янсон Н. М. План работы Главсевморпути в 1937 году // Советская Арктика. 1937. № 2. С. 16, 21.

⁸²³ Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 4... С. 51.

на среднее течение р. Оби (Западносибирский край)⁸²⁴. Возраставшие нужды Сибири оставались неудовлетворенными. Но сформировалась тесная связь лесной промышленности с развитием экспорта лесных ресурсов и материалов Северным морским путем, с горнодобывающей, судостроительной, рыбной отраслями. Основные мощности тяготели к крупным лесным базам, рекам.

Северные и восточные районы Советского Союза характеризовались значительным недоиспользованием годичной лесосеки и актуальностью развития комплексной переработки древесины. Одной из таких административных единиц был Красноярский край, где ежегодно можно было заготавливать около 100 млн. м³ леса, но фактические показатели не превышали 5 млн. м³, а выпуск пиломатериалов не дотягивал и до 1 млн. м³. На это влияли малый процент устройства лесов, слабый уровень инфраструктуры. Несмотря на это, удельный вес лесной промышленности в «крупной» промышленности края в 1935 г. составлял по продукции 40,3 % (67,1 млн. руб.), по числу рабочих – 53,5 % (18,3 тыс. человек). Основные объемы древесины заготавливались в южных районах, где в Красноярске, Канске и Усть-Абакане функционировали лесопильные предприятия⁸²⁵.

С 1936 г. возводился первый в Сибири крупный *Красноярский целлюлозно-бумажный комбинат*. В начале 1939 г. на площадке были готовы основные корпуса, завезено оборудование, однако темпы строительства были низкими в связи с недостаточным финансированием. Минусом являлось то, что при сооружении комбината Главлесхимом, «Сульфиттрестом» не было уделено внимания использованию отходов (щелоков целлюлозного завода, коры с биржи и отходов древесного цеха). На совещании в Наркомлесе СССР 7 января 1939 г. под председательством заместителя народного комиссара Н. И. Козявина было принято решение не менять, как это произошло с Архангельским и Соликамским ЦБК, основной профиль Красноярского ЦБК, установленный техническим проектом от 16 ноября 1936 г. Комбинат включал

⁸²⁴ Спецуро Н. В. Лесная промышленность в третьем пятилетии на Крайнем Севере... С. 82.

⁸²⁵ Богорад Д. Современная экономика Красноярского края... С. 111–112, 114–115.

целлюлозный и древесно-массный заводы, картонный цех и бумажную фабрику с тремя бумагоделательными машинами мощностью 42,9 тыс. т писчей и печатной бумаги, 34,7 тыс. т газетной бумаги, 4 тыс. т картона.

Было намечено в конце 1940 г. пустить первую очередь комбината: целлюлозный завод, отжимные цеха, бумагоделательную машину № 3, спиртовой завод, установки по выпарке барды и утилизации коры. В конце 1941 г. должны были начать работу остальные цеха. Но на последней странице протокола руководство Главлесстроя сделало резюме о том, что при отсутствии технического проекта бумагоделательной машины и утилизационных цехов в 1940 г. возможно ввести в строй целлюлозный и спиртовой заводы, отжимные цехи. Счетно-контрольный сектор указал, что дополнительных средств выделить не может⁸²⁶. Результат строительства оказался печальным. В начале Великой Отечественной войны оно было законсервировано.

В годы первых пятилеток на севере Сибири стабильной в административно-территориальном отношении являлась **Якутская автономная республика**. По данным на 1 января 1934 г., в регионе был один из высоких показателей лесистости в Советском Союзе (лесопокрытая площадь к территории региона) – 37,9 % и запас хвойных насаждений – 3922 млн. м³ (16,2 % от запаса в стране), но устроено и обследовано только 1,9 % лесов государственного лесного фонда. В 1932 г. было вывезено 240 тыс. тыс. ф. м леса, в 1934 г. – 700 тыс. В 1928/1929 г. в Якутии не производилось пиломатериалов, в 1932 г. их выпуск составил 33 тыс. м³, в 1934 г. 21,6 тыс.⁸²⁷ В 1940 г. в Якутии было вывезено 1198 тыс. фестметров древесины, в том числе 442 тыс. – деловой, произведено 97 тыс. м³ пиломатериалов⁸²⁸.

В **Бурят-Монгольской автономной республике** в годы первых пятилеток возросли объемы заготовки и механической обработки древесины (хотя ведущей отраслью стало машиностроение). Удельный вес лесопильно-

⁸²⁶ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 132. Л. 22–23, 25об.

⁸²⁷ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 127–128; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. LIX, LXII–LXIII, 226, 228, 230; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 62–63, 188–189.

⁸²⁸ Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 254, 263.

деревообрабатывающей отрасли увеличился в стоимости производственных фондов «крупной» промышленности за 1929–1937 гг. с 9,4 до 14,8 % (с 255 тыс. до 3,7 млн. руб.). В 1928 г. выпуск пиломатериалов составлял 43,1 тыс. м³, в 1932 г. он возрос до 115 тыс., спустя пять лет – до 156,2 тыс. Объем заготовки леса возрос с 195,2 тыс. м³ в 1928 г. до 580 тыс. в 1932 г. и до 1574,5 тыс. в 1937 г. Однако к концу второй пятилетки темпы экономического роста снизились. На это повлияли истощение лесных баз, ухудшение организации труда, жилищно-бытового обслуживания рабочих. В сфере заготовки древесины (по предприятиям союзного значения) план на 1937 г. по стоимости валовой продукции был выполнен на 57,9 %, но на 1938 г. задание повысилось на 80,7 %⁸²⁹. В 1940 г. объем заготовки леса составил 3 млн. м³, производства пиломатериалов – 207 тыс. м³ ⁸³⁰.

На Дальнем Востоке в 1928 г. функционировали 44 лесопильные рамы, в 1932 г. – 90, в 1937 г. – 250. Производство пиломатериалов возросло за годы реализации первого пятилетнего плана с 147 тыс. до 633 тыс. м³. Основной объем лесных ресурсов добывался на юге современного Хабаровского края. Как правило, районы рубки древесины перемещались не вглубь от рек (удаленность заготовок от берегов составляла в среднем 2–2,5 км), а вдоль водных путей. Применялись преимущественно выборочные рубки, прежде всего по причинам запрета на добычу ряда пород и необходимости получения определенных сортиментов для промышленности и экспорта. С середины 1930-х гг. стали постепенно распространяться условно-сплошные и сплошные рубки. Использование лесного фонда получалось нерациональным: в середине 1930-х гг. съем древесины составлял в разных районах от 10 до 70 % корневого запаса. В этот период началась добыча кедра, ели, пихты, но показатели использования лесного фонда улучшились незначительно⁸³¹. В 1940 г. на Дальнем Востоке

⁸²⁹ Основные показатели развития народного хозяйства и культуры Бурят-Монгольской АССР за 15 лет (в цифрах) (в границах новой территории) // 15 лет Бурят-Монгольской АССР. Политико-экономический сборник, посвященный празднованию 15-летнего юбилея БМАССР. Улан-Удэ, 1938. С. 91–92; Соловьев С. П. Соловьев С. П. Промышленность советской Бурят-Монголии // Там же. С. 30, 37, 43.

⁸³⁰ Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 254, 263.

⁸³¹ Дальневосточный край... С. 608; Шейнгауз А. С. Указ. соч. С. 135, 139–140.

объем вывозки древесины составил 15,8 млн. м³, производства пиломатериалов – 2,4 млн. м³, фанеры – только 13,7 тыс. м³ ⁸³².

Таким образом, результатом реализации первых пятилеток в регионах страны стало слабое развитие комбинирования в лесной промышленности, нежели это предусматривалось в планах. К началу 1940-х гг. в Карелии и Северном крае формировались полукOMBинированные, экспортно-внутренние лесопромышленные комплексы. За счет развития сфер механической обработки и глубокой переработки древесины была сделана попытка преодолеть сырьевую ориентацию этих регионов, сначала усилить экспортную составляющую лесопромышленной деятельности, а с середины 1930-х гг. частично перенаправить основные потоки лесных ресурсов и материалов на внутренние рынки СССР. В Коми республике и Сибири модели лесопромышленного комплекса характеризовались преимущественно сырьевой и внутренней ориентацией. Крупные проекты в сферах механической обработки и глубокой переработки древесины в 1930-х гг. не реализовались. На Урале лесная промышленность отличалась комбинированным характером и ориентацией в основном на внутренние рынки. В регионе, в дополнение к существовавшим небольшим лесопильным заводам и бумажным фабрикам, были возведены крупные предприятия, в том числе деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, фанерной и лесохимической отраслей. Заданная в конце 1920-х – 1930-х гг. направленность развития региональных лесопромышленных комплексов оказалась устойчивой на протяжении нескольких десятилетий. Только в 1960-х – 1970-х гг. на Европейском Севере и в Сибири были осуществлены попытки корректировки моделей – формирования полукOMBинированных и комбинированных компонентов.

⁸³² Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 254, 263, 266.

3.3. Становление отечественного лесного машиностроения и механизация сферы заготовки древесины

Масштабные работы по освоению лесов, строительству и реконструкции предприятий потребовали разработки и внедрения в производство передовых образцов инструментов, оборудования и машин, создания машиностроительных производств, научно-исследовательских и конструкторских центров. С одной стороны, машиностроительные фирмы Германии, Швеции, США добились крупных успехов в деле производства и дальнейшего усовершенствования лесопильно-деревообрабатывающего, целлюлозно-бумажного и энергетического оборудования, химической аппаратуры, транспортных средств. С другой стороны, новации (разработка моторных пил, автолесовозов, газогенераторов) становились стимулирующим фактором для отечественных конструкторов.

Необходимость внедрения новой техники в сфере заготовки древесины нашла поддержку высших партийно-государственных, плановых органов в процессе реализации первого пятилетнего плана. В феврале 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б), обеспокоенное низкими темпами роста объемов заготовки и вывозки лесных ресурсов, в том числе отправлявшихся на экспорт, указывало на необходимость изготовления инструментов с учетом опыта стран Западной Европы и Северной Америки, станков, машин и других механизмов. Вместе с тем Советский Союз еще не мог отказаться от импорта оборудования для лесопромышленного комплекса. На сезон 1931/1932 г. необходимо было приобрести 100 окорочных машин (кроме заказанных 60), пять сплотовых машин «Блокстад», 400 спецлебедок для тракторов, 160 автолесовозов, 18 буксиров, 11 двигателей к ним, 7 двигателей для катеров, 5 катеров со стальными корпусами, 24 штабельных элеватора⁸³³.

Специализированные заводы лесного машиностроения и научные учреждения появились в первой половине 1930-х гг., когда увеличились темпы

⁸³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 814. Л. 37–38.

механизации в отрасли и потребовались разработка и изготовление специальной техники и машин⁸³⁴. Они были объединены в тресте «Лесосудомашстрой» Наркомлеса СССР. За вторую и третью пятилетки стоимость продукции организации увеличилась с 9,7 млн. до 54,3 млн. руб. (в ценах 1926/1927 г.)⁸³⁵. Предложение об организации специализированного треста машиностроения прозвучало на заседании президиума ВСНХ СССР 28 июня 1931 г.⁸³⁶ 8 марта 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) указало НКТП СССР на необходимость организации такой организации⁸³⁷. В конце 1933 г. постановлением СНК СССР было создано объединение «Лесобуммашина». Сосредоточение технологически сложного лесного машиностроения в структуре НКТП, а более простого – в Наркомлесе выглядело логично, учитывая ресурсную и кадровую базу этих ведомств.

Перспективным представлялось строительство машиностроительных предприятий в Вятском районе, Уральской области (в районе Тюмени) и Западносибирском крае – для выпуска деревообрабатывающих станков; в Башкирской АССР и Нижегородском крае – по изготовлению бумагоделательных машин и дополнительного оборудования для целлюлозно-бумажной отрасли⁸³⁸. Большой потенциал создания лесного машиностроения имелся на Урале. Это позволяло осуществить кооперацию с машиностроительными предприятиями и обеспечить строившиеся производства отечественной техникой.

Предстояло удовлетворить нужды в специализированных деревообрабатывающих станках не только Наркомлеса, на который приходилось только 50 % потребности, но и других ведомств и организаций,

⁸³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 875. Л. 20–21. По постановлению ЦК ВКП(б) от 8 марта 1932 г. «О постройке целлюлозно-бумажных предприятий в Сибири и на Дальнем Востоке» Наркомлесу от Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР передавались завод «Кооператор» в г. Ленинграде, завод № 12 им. Калинина в г. Кинешме, Урочские мастерские и завод «Красный Перекоп» в г. Ярославле, группа проектировщиков бумажного машиностроения «Ленпроектмашины», которые перепрофилировались на разработку и выпуск вспомогательного оборудования для лесной промышленности.

⁸³⁵ Лесная промышленность за 30 лет... С. 12.

⁸³⁶ ПГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 207. Л. 3.

⁸³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 875. Л. 18–19.

⁸³⁸ Брауде А. Машиностроение во втором пятилетии // Плановое хозяйство. 1932 № 2. С. 28, 36.

осуществлявших лесопромышленную деятельность. В конце первой пятилетки оборудование (в сумме 60 типов) для лесопильно-деревообрабатывающих предприятий выпускали заводы им. Чичерина, Владимира Ильича, «Пролетарская свобода», «1 Мая», «Сатурн», «Механик». Еще несколько заводов изготавливали подсобную технику. Производства могли изготовить необходимое количество лесопильных рам, в том числе передовых конструкций, но не выпускали многопильные станки для продольной обрезки досок, ленточные пилы и поэтому нуждались в реконструкции. Еще хуже обстояло дело с производством деревообрабатывающих станков. На ближайшую перспективу требовалось освоить выпуск 50 типов деревообрабатывающего оборудования, 20 – фанерного (с учетом специальной техники – около 150 типов)⁸³⁹. Во втором пятилетнем плане среди направлений развития машиностроения было выделено производство техники для лесной промышленности. Намечалось освоить около 200 новых типов техники⁸⁴⁰.

В середине 1930-х гг. началось производство новых видов техники: автолесовозов, бумагоделательных машин, дефибреров и других. Осваивался выпуск моторных пил. План на 1936 г. установил высокие показатели по изготовлению техники для лесной промышленности, однако они не были выполнены, хотя фактический выпуск оборудования и машин возрастал. Особенно трудно достигалось увеличение производства мотопил (вследствие многочисленных конструктивных доработок после испытаний) и бумагоделательных машин (сложность организации изготовления высокотехнологичных агрегатов)⁸⁴¹.

В 1939–1940 гг. происходит снижение объемов выпуска оборудования и техники для отрасли в связи с милитаризацией экономики страны. Особенно это коснулось моторных и ленточных пил, автолесовозов. По плану на 1941 г. для лесопромышленного комплекса планировалось произвести 1400 мотопил

⁸³⁹ Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Типы станков... С. 3–5, 7, 22–23.

⁸⁴⁰ Второй пятилетний план... С. 77, 89, 167.

⁸⁴¹ Народнохозяйственный план на 1936 год... С. 419; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год... С. 74–75; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1593. Л. 13.

(предприятия Народного комиссариата боеприпасов), 345 лесорам (заводы народных комиссариатов коммунального хозяйства РСФСР, морского флота СССР, общего машиностроения СССР), 435 различных станков, деревообделочных инструментов на сумму 20,5 млн. руб. (предприятия народных комиссариатов черной металлургии и боеприпасов, промкооперации), оборудование для целлюлозно-бумажной отрасли стоимостью 22 млн. руб. (Народный комиссариат общего машиностроения)⁸⁴² см.: Приложение 30). Выпуск инструментов, техники и машин для лесной промышленности оставался рассредоточен по предприятиям разных ведомств, что в целом отрицательно сказывалось на темпах механизации отрасли.

Образцы электропил (ПЭП-1 и ПЭП-3) весом 38–40 кг были созданы в 1932 г. в Северном научно-исследовательском институте промышленности (г. Архангельск)⁸⁴³. Тяжелые и неудобные для работы конструкции не могли найти применения. Сотрудник Центрального научно-исследовательского института механизации и энергетики лесной промышленности Н. В. Уваров разработал, как было принято в иностранной практике, два варианта моторных пил: с поворотной пильной частью и цельно-поворотную (этот вариант лег в основу конкурентоспособной пилы МП-220)⁸⁴⁴.

В 1934 г. машиностроительный завод им. Дзержинского в Перми начал освоение *бензомоторных пил* МП-220, до 1941 г. изготовил их более 7000 штук⁸⁴⁵. Специалисты внесли ряд серьезных изменений, не всегда обоснованных. После доработок с участием Центрального научно-исследовательского института механизации и энергетики лесной промышленности пила весила 35 кг⁸⁴⁶.

Для применения лучковых пил в сфере заготовки древесины еще в конце 1920-х – начале 1930-х гг. у Советского Союза имелись все возможности. Но их внедрение в производственный процесс происходило медленно. Только 15

⁸⁴² Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год... С. 36, 52.

⁸⁴³ Пациора П. П. Указ. соч. С. 13.

⁸⁴⁴ Елисейкин М. М. Указ. соч. С. 216, 219.

⁸⁴⁵ Тиунов В. Индустриальные пятилетки Западного Урала... С. 101, 125.

⁸⁴⁶ Елисейкин М. М. Указ. соч. С. 220, 222.

ноября 1938 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) было принято решение полностью перейти на *лучковые пилы* и организовать серийное производство бензомоторных и электрических пил. НКТП должен был обеспечить поставку основным лесозаготовителям (Наркомлесу, ГУЛАГу НКВД, управлениям лесной промышленности НКТП и НКПС) лучковых пил по фондам четвертого квартала 1938 г. и в первом квартале 1939 г. в количестве 130 тыс. штук⁸⁴⁷. Темпы перехода к другим инструментам и приспособлениям (некоторые из них были простыми в изготовлении и недорогими), позволявшим повысить эффективность труда рабочих, были еще ниже. К примеру, в конце 1939 г. в Усольском ИТЛ (Пермская область) 55 % лесорубов использовали лучковые пилы, 16 % возчиков – прицепные оглобли, остальные работали «по-старому»⁸⁴⁸. В феврале 1941 г. в Боровлянском механизированном лесопункте (Алтайский край) только четверо рабочих использовали лучковые пилы, хотя на складе хранилось достаточное количество этих инструментов⁸⁴⁹.

На заготовке и вывозке леса стали работать гусеничные тракторы, сначала импортные «Клетрак», «Катерпиллер», позднее – отечественные «Фордзон-Путиловец», «Коммунар», «Сталинец», СГ-65. «Коммунар» на испытаниях не получил хорошей оценки ввиду буксования на снежных дорогах и других конструкционных и технических недостатков. Некоторые зарубежные модели тракторов были скопированы для организации производства на заводах Советского Союза. Американский «Катерпиллер» стал выпускаться Челябинским тракторным заводом под маркой «Сталинец-60». Эта модель получила популярность в сфере заготовки лесных ресурсов⁸⁵⁰.

С 1933 г. началось использование тракторов на трелевке леса. Оно осложнялось тем, что в стране производились только трактора для сельскохозяйственных и общих работ, как не было и специального технологического оборудования, поэтому машины оснащались цепями и

⁸⁴⁷ Советская лесная экономика... С. 324, 328.

⁸⁴⁸ Шевырин С. А. Принудительный труд в лагерях и колониях... С. 175.

⁸⁴⁹ Иньков М. Г. Указ. соч. С. 5.

⁸⁵⁰ Орешкин Б. С. Становление лесной индустрии // Лесная промышленность. 1995. № 4. С. 31; 1996. № 1. С. 26.

чокерами. Некоторые советские тракторы продемонстрировали более высокую эффективность в работе по сравнению с зарубежными машинами. В 1937 г. трактор С-65 демонстрировался на международной выставке «Искусство и техника в современной жизни» в Париже и был удостоен высшей награды⁸⁵¹.

Распространение тракторов в сфере заготовки лесных ресурсов не могло удовлетворить ни партийно-государственные органы, ни хозяйственных руководителей, ни ученых и конструкторов. В середине 1930-х гг. были сделаны попытки создания *многооперационных машин* — «лесных комбайнов». Однако даже к началу 1960-х гг. в Советском Союзе не было техники, которая бы удовлетворяла требованиям комплексной механизации лесопользования, не говоря уже об их серийном производстве⁸⁵². Это было вызвано отклонением проектов систем машин из-за ставки на массовый выпуск сельскохозяйственной техники и концентрации усилий на конструировании однооперационной (в лучшем случае — с дополнительной функцией) техники.

В 1933 г. в составе треста «Лесосудомашстрой» Наркомлеса СССР на базе ремонтно-механических мастерских лесных трестов Северного края был организован Соломбальский механический и литейный завод (с 1936 г. — Соломбальский машиностроительный завод). Его задачами стали освоение выпуска *автолесовозов*, тракторов, чугуна и стального литья. До 1941 г. была изготовлена 101 машина⁸⁵³. На строительстве катеров специализировался Костромской судомеханический завод, образованный в 1934 г. на базе артели. Коллектив освоил выпуск катеров с двигателями отечественного производства, в том числе с газогенераторами, электросварку⁸⁵⁴.

Проблемы с эксплуатацией транспортного парка лесопромышленными предприятиями, в том числе дефицит жидкого топлива, заставили партийно-государственные и научные органы организовать производство генераторов, работавших на твердом древесном топливе. После Первой мировой войны в

⁸⁵¹ Александров В. А. Указ. соч. С. 10, 11, 12, 13.

⁸⁵² Виногоров Г. К. Нужны ли агрегатные машины? // Лесная промышленность. 1961. № 1. С. 13.

⁸⁵³ Соломбальский машиностроительный завод... (дата обращения: 22.01.2022).

⁸⁵⁴ Костромской судомеханический завод ... (дата обращения: 22.01.2022).

европейских государствах, не имевших собственных ресурсов жидких топлив (в Австрии, затем во Франции), активизировалась разработка *газогенераторных установок*. Результатом стало большое число конструкций, работавших на угольных брикетах и дробленом древесном топливе⁸⁵⁵. В Советском Союзе опыты по созданию газогенераторных установок велись на протяжении 1920-х и начала 1930-х гг., поскольку потребность в них была не только у лесной промышленности, но и у сельского хозяйства, армии.

В 1931 г. инженер С. И. Декаленков, конструировавший газогенераторы с начала 1920-х гг., построил агрегат, работавший на древесных чурках, для трактора «Коммунар» и стал победителем всесоюзного конкурса. Основным видом топлива стали дрова (в Европе широко применялись брикеты), хотя вторым пятилетним планом предполагалось активно развивать брикетирование древесного угля. В сфере заготовки древесины первые газогенераторы (французские «Берлие», считавшиеся одной из наилучших конструкций для работы в этой отрасли) работали в 1931/1932 г. в Монетном ЛПХ треста «Свердлес». Конструкции газогенераторов Декаленкова признавались по сравнению с рядом зарубежных и отечественных установок наиболее удобными. Они работали на дровяном топливе из отходов на лесосеках и с лесопильно-деревообрабатывающих заводов.

Завод «Коммунар» (Свердловская область) в 1933/1934 г. построил 20 газогенераторных установок «СЛМ-1» для тракторов «Коммунар 3-90», работавших на древесном топливе (проект конторы «Союзлесмеханизация»). На основании результатов испытаний газогенераторных тракторов «Рено» научно-исследовательский сектор Ленинградского индустриального института сконструировал угольный газогенератор для автомашины «ГАЗ-АА» (модель инженера Володина). Он продемонстрировал удовлетворительную работу⁸⁵⁶. Как правило, инженеры брали за основу принципы работы зарубежных газогенераторов и пытались приспособить их к нуждам конкретной отрасли.

⁸⁵⁵ Новосельцев Н. В. Указ. соч. С. 64.

⁸⁵⁶ Артамонов Автотракторные газогенераторы на лесовывозке... С. 3–4, 45, 49; Он же. Лесовозные газогенераторы... С. 29, 41–43, 45.

Качества этих моделей часто не удовлетворяли требованиям вывозки древесины. К середине 1930-х г. применялись газогенераторы Декаленкова и несколько единиц «СЛМ-1», изготовленные кустарным способом.

Внедрение газогенераторов, работавших на местном топливе, на заготовке древесины позволяло экономить горючее, сократить простои техники. Так, в сезон 1931/1932 г. в Северном крае работало 180 тракторов, их потребность в горючем составляла 2765 т керосина и 1460 т бензина⁸⁵⁷. В 1934 г. стоимость израсходованного трестом «Севлес» топлива на механизированной вывозке составила 4,29 млн. руб., не считая затрат на тару и транспортировку⁸⁵⁸. На фоне огромного объема древесных отходов на лесосеках предложения по их газификации звучали убедительно. Испытания и полноценная работа в начале второй пятилетки автомашин «ГАЗ-АА» (на Лососинской автолежневой дороге в Карелии и Загорском ЛПХ в Московской области) и тракторов «Сталинец 60» на дровах-чурках (на Европейском Севере, Урале, в Чувашии и других местах) с газогенераторами Декаленкова «Д-6» и «Д-8» показали преимущества газогенераторного транспорта, особенно в плане низкой стоимости топлива (несмотря на чуть меньшие объемы вывозки, быструю порчу комплектующих и машин). Напротив, опыты по использованию на Широкореченской тракторной базе Свердловского лесоуправления трактора «Коммунар 3-90», оборудованного газогенератором «СЛМ-1», выявили неудовлетворительную работу установки, сложность ее обслуживания⁸⁵⁹.

В начале 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР в постановлении «О недостатках в работе Народного комиссариата лесной промышленности в области лесозаготовок и лесосплава и о мерах к ее улучшению» призвали НКТП организовать производство газогенераторов и комплектующих к ним и оборудовать ими тракторы ЧТЗ и грузовые автомобили, отпускаемые Наркомлесу. В 1935 г. планировалось изготовить 1000 установок⁸⁶⁰. Для

⁸⁵⁷ Новосельцев Н. В. Указ. соч. С. 62.

⁸⁵⁸ Сергеев В. 63 «сталинца» // Правда Севера. 1935, 10 сентября. С. 3.

⁸⁵⁹ Артамонов М. Д. Автотракторные газогенераторы на лесовывозке... С. 113–115, 117, 119; Он же. Лесовозные газогенераторы... С. 1–2, 15, 18–19, 21, 70, 72.

⁸⁶⁰ Александров В. А. Указ. соч. С. 21; Артамонов Лесовозные газогенераторы... С. 2, 69, 72–73.

выполнения этой задачи в 1936 г. Онежский машиностроительный завод в Карелии был передан тресту «Лесосудомашстрой» Наркомлеса СССР и стал осваивать выпуск тракторных газогенераторов типа Л-С-3. Руководству и производственному коллективу пришлось изучать опыт машиностроительных предприятий, проводить реконструкцию цехов, внедрять рационализаторские предложения. В 1939 г. Онежский завод выпустил 937 газогенераторов, снизив их себестоимость в 2,5 раза по сравнению с 1938 г.⁸⁶¹ С 1941 г. Челябинский тракторный завод стал изготавливать газогенераторную установку ЧГ-3, обладавшую удовлетворительными характеристиками, для своих тракторов ЧТЗ-60. Это позволяло Наркомлесу решить в перспективе проблему оснащённости тракторного парка газогенераторами⁸⁶². Был организован серийный выпуск тракторов СГ-60, СГ-65 и автомобилей ЗИС-21 и ГАЗ-42, работавших на древесном топливе. В 1939 г. Московский автозавод имени Сталина выпустил опытную серию древесноугольных автомобилей ЗИС-31⁸⁶³.

В конце 1937 г. на предприятиях лесопромышленного комплекса использовалось около 2,5 тыс. газогенераторных тракторов и автомобилей. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1938 г. «Об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР» Наркомлес должен был в 1939 г. перевести на твердое топливо 2300 тракторов ЧТЗ-60 и 1000 автомобилей ЗИС-5, Главное лесное управление НКТП – 200 тракторов и 400 автомашин, Центральное объединение лесного хозяйства НКПС – 420 тракторов и 400 автомашин. В районах лесозаготовок требовалось создать пункты для заготовки древесного топлива в летний период и обеспечить к 1 сентября 1939 г. не менее чем десятимесячные запасы топлива естественной сушки, а также построить сушилки простейшего типа. Народному комиссариату машиностроения было предложено не позднее 1 марта 1939 г. изготовить и испытать совместно с Наркомлесом СССР тракторный

⁸⁶¹ Андрияйнен А. И. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии... С. 14, 15.

⁸⁶² Милованов П. С. Новая газогенераторная установка ЧГ-3 для тракторов ЧТЗ-60 // Лесная промышленность. 1941. № 6. С. 15.

⁸⁶³ Гацкевич В. А. Указ. соч. С. 11; Григорян А. А. Древесноугольный автомобиль ЗИС-31 // Лесная промышленность. 1941. № 1. С. 18.

газогенератор, работающий на древесном угле⁸⁶⁴. При решении этой задачи у ведомства возникли трудности, и итоги выполнения задания были неутешительными. К 10 декабря на новом виде топлива работали только 620 тракторов и 695 автомобилей, годовое задание по переводу парка на твердое топливо было выполнено по тракторам на 35 %, по автомобилям – на 64,3 %⁸⁶⁵. На 1 января 1940 г. Наркомлес располагал 2158 тракторами и 2903 автомашинами, переведенными на газогенераторное топливо⁸⁶⁶. Это стало возможным благодаря освоению производства оборудования машиностроительными заводами.

В связи с развитием транспортной инфраструктуры предприятий актуальной стала механизация процессов выгрузки и погрузки древесины. В начале 1930-х гг. на биржах стали использоваться продольные и поперечные элеваторы, стрелы, лопари, кабель-краны, конструкции которых разрабатывались проектными конторами и лесопромышленными предприятиями. В деле укладки древесины в штабеля получили распространение лесокатки «Болиндер» (Европейский Север), механизмы, сконструированные инженерами: стрелы Молгачева (Сибирь и Дальний Восток), лопари «Вишхизм» (Урал) и другие⁸⁶⁷. Изобретательская деятельность работников, сотрудников научно-исследовательских институтов, преподавателей учебных заведений⁸⁶⁸ позволяла находить оптимальные решения внутризаводского транспорта и разделки леса с учетом местных условий. Лучшие разработки претендовали на внедрение.

Помимо использования ленточных и цепных *транспортёров* Центральный научно-исследовательский институт механизации и энергетики лесной промышленности в 1939 г. изготовил батарейный транспортер для

⁸⁶⁴ Александров В. А. Указ. соч. С. 21.

⁸⁶⁵ Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса... С. 8; Орешкин Б. С. С чего начинался журнал... С. 14.

⁸⁶⁶ Индустриализация СССР. 1938–1941... С. 144.

⁸⁶⁷ Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Перевалочные базы... С. 7–11.

⁸⁶⁸ См., напр.: Рахманов С. И. Указ. соч. С. 53; Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия... С. 592.

погрузки мелких сортиментов со склада в вагон. Испытания механизма показали повышение производительности труда рабочих, снижение себестоимости погрузки на 36 %. Было принято решение изготовить 5–10 транспортеров для проверки их работы в разных условиях. Не получили развития разработка и внедрение кранов на железнодорожном ходу, хотя еще в 1937 г. Центральный научно-исследовательский институт механизации и энергетики лесной промышленности провел испытания кранов Northwest и «Январец», доказавшие рентабельность их применения на складах лесоматериалов⁸⁶⁹. Кроме конструктивных недоработок причинами отказов предприятиями от использования погрузочных механизмов являлись высокая стоимость техники и большие затраты на горюче-смазочные материалы, обслуживание.

Конструирование и внедрение новых типов плотов, механизмов и машин на сплавных работах активизировалось во второй половине 1930-х гг., когда критике подверглись значительные потери древесины при ее транспорте по рекам, и был запрещен молевой сплав на ряде рек. Началась организация специализированных сплавных предприятий – рейдов. В Коми области в 1934 г. поступили первые *сплоточные машины* ВКЛ-2 и ЛАН, в 1935 г. на р. Сыsole установили первую сплоточную машину ВКОСС-Б⁸⁷⁰. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. были разработаны и внедрялись ручные станки Н. Д. Снеткова (сезонная производительность одной машины равнялась в 1939 г. в среднем 90 тыс. м³ леса, в 1940 г. – 105 тыс., но отдельные предприятия добивались более высоких результатов), машина Л. О. Мегаворяна (производительность составляла до 10 тыс. м³ древесины в смену)⁸⁷¹. В 1940 г. Центральный научно-исследовательский институт водного лесотранспорта и гидротехники разработал конструкции лежневых запаней, которые по сравнению с выносными механизмами устанавливались почти за один час, новые типы

⁸⁶⁹ Горячко И. С. Батарейный транспортер ЦНИИМЭ // Лесная промышленность. 1941. № 6. С. 18, 19; Павлов Э. А. Схемы расстановки погрузочных механизмов // Лесная промышленность. 1941. № 1. С. 15, 16, 17.

⁸⁷⁰ Жеребцов И. Л. Возникновение и развитие промышленных предприятий и транспортных путей в Коми крае... С. 225; Заборцева Л. П. Указ. соч. С. 52.

⁸⁷¹ Кудрявцев А. В. Указ. соч. 23.

плотов, винтовых якорей, швырковый газогенератор Ш-6, лебедку-амфибию с газогенераторным двигателем, способную передвигаться по суше и воде. В третьей пятилетке по проектам института реконструкции подверглись 17 рейдов с объемом переработки более 15 млн. м³ лесных ресурсов⁸⁷².

Как и в случае с вывозкой древесины, работники сплавных организаций разрабатывали, опираясь на опыт и смекалку, простейшие конструкции механизмов. Как правило, их применение не выходило за пределы конкретного предприятия, количество экземпляров было минимальным. Работники Шарьинского леспромхоза собрали станок для зимней сплотки древесины в пучки. Он имел простую конструкцию, но позволял отказаться от прислужно-сплоточного леса, экономить рабочую силу. В Дальневосточном крае станок был изготовлен почти целиком из дерева и стоил не более 30 руб. Несмотря на необходимость ручной загрузки древесины, производительность механизма равнялась 18 м³ на человека⁸⁷³.

Использование механизмов в сфере заготовки лесных ресурсов потребовало оснащения предприятий и отдельных участков передвижными электростанциями ввиду их отдаленности от стационарных источников энергии и линий электропередач. С 1936 г. Онежский машиностроительный завод начал выпускать *передвижную электростанцию* мощностью 40 кВт, которая устанавливалась на тракторах ЧТЗ-60, а затем в вагонах узкой колеи и на специальных прицепах. В последующие годы мощность электростанций подгонялась под конкретные производственные нужды⁸⁷⁴. Но из-за увеличения количества транспортных средств, расстояний между предприятиями и производственными участками, дороговизны электроэнергии применение передвижных электростанций малой мощности сопровождалось издержками.

⁸⁷² Над чем работают ученые лесной промышленности. Центральный научно-исследовательский институт водного лесотранспорта и гидротехники // Лесная промышленность. 1941. № 5. С. 34–35.

⁸⁷³ Шейнин М. Выполнить план зимней сплотки во что бы то ни стало! // Лесная промышленность. 1933, 6 января. С. 3.

⁸⁷⁴ Пациора П. П. Указ. соч. С. 14.

Если в 1928/1929 г. *лесопильных рам* в стране не выпускалось, то за 1929/1930–1932 гг. была произведена 281 пилорама⁸⁷⁵. В 1932 г. производство этого вида оборудования равнялось 134 единицы, а в последующие годы – не ниже 340⁸⁷⁶. Другим направлением заимствования технологий, помимо приобретения иностранного оборудования, стало копирование и освоение предприятиями разной техники. К примеру, тюменский завод «Механик» начал изготавливать *деревообрабатывающие станки*. На основе приобретенного импортного шпалорезного станка «Тюнер» были выполнены чертежи и техническая документация. В 1929 г. была выпущена опытная партия (5 единиц), в 1930 г. – 430. Спустя год началось производство корообдирочных и обрезных станков, скопированных с импортного оборудования. Станки оказались проще в конструктивном плане и обслуживании, были дешевле импортных аналогов, но хуже по техническому уровню⁸⁷⁷.

В начале первой пятилетки большинство рам на лесопильных заводах – 79 % – были импортного производства (преимущественно из Германии, лимитрофных стран и Швеции)⁸⁷⁸. В течение второй и третьей пятилеток доля отечественных рам увеличивалась. По данным переписи, проведенной в 1934 г., на деревообрабатывающих предприятиях имелось 4113 лесопильных рам (в том числе 224 – неустановленных), 29324 пилы (2553), 34796 дереворежущих станков (3144). Процент установленных лесопильных рам отечественного выпуска увеличился с 37,7 % в 1929–1931 гг. до 67,6 % в 1934 г. (до 15 сентября), пил – с 75,7 до 90,8 %, дереворежущих станков – с 67 до 86,3 %⁸⁷⁹.

В конце 1929 г. в Ленинград из Москвы была переведена Центральная лаборатория Фанерного треста ВСНХ СССР (в столице она функционировала два года, с июля 1927 г.). Она разместилась в помещении 4-этажного каменного корпуса фанерного завода им. Аврова (и перешла на его баланс). Негативным следствием переезда стало почти полное обновление коллектива. В 1930 г.

⁸⁷⁵ Индустриализация СССР. 1929–1932... С. 344.

⁸⁷⁶ Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 20.

⁸⁷⁷ Глебов И. Т. Указ. соч. С. 56–57; Южаков В. П. Указ. соч. С. 38.

⁸⁷⁸ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 127, 129–130.

⁸⁷⁹ Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 53, 54.

удалось разработать рецепт и инструкцию по применению сычужного казеина, ранее не применявшегося для склейки фанеры, установить годность свиной крови для фанерного производства. Ряд других работ окончился неудачей и был перенесен на следующий год⁸⁸⁰. Достижения лаборатории и необходимость выполнения оборонных заданий обусловили в конце 1930-х гг. соответствующие изменения. В 1939 г. она была преобразована в Центральный научно-исследовательский институт фанеры с подчинением Главному управлению фанерной промышленности Наркомлеса СССР. Требовалось изучать свойства авиафанеры и возможности повышения ее качества, разрабатывать новые слоистые материалы для авиастроительной отрасли⁸⁸¹.

В начале второй пятилетки в Советском Союзе действовали 140 *бумагоделательных машин*. 11 из них – все импортные – были установлены в первой пятилетке⁸⁸². Слабость целлюлозно-бумажной отрасли была вызвана, прежде всего, недостаточными капитальными вложениями и отсутствием машиностроительной базы. Предприятия объединения «Лесобуммашина», не имевшие опыта выпуска оборудования для целлюлозно-бумажной отрасли, имели слабую материально-техническую базу. В 1932 г. ими было выпущено 5 наименований машин, в следующем году – 28. Одними из задач по улучшению работы машиностроительных предприятий являлись типизация и стандартизация оборудования, точное и своевременное установление технических условий на заказы, кооперация с тяжелой промышленностью.

В 1934 г. планировалось изготовить 52 наименования бумажных машин, в том числе заводом имени Второй пятилетки – двух бумагоделательных машин (для Камского и Ингурского ЦБК) шириной 2520 мм и 6 дефибреров непрерывного действия. На предприятии должно было начаться освоение производства машины шириной 4200 мм, картонной машины шириной 2000 мм, бумагоделательной машины шириной 2520 мм. За вторую пятилетку

⁸⁸⁰ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-84. Оп. 1-1. Д. 1. Л. 1–2об.

⁸⁸¹ Там же. Д. 19. Л. 1–2.

⁸⁸² В США начитывалось около 1700 бумагоделательных агрегатов, в том числе более 60 – установленных в 1929–1932 гг.

намечалось изготовить 9 бумагоделательных машин шириной 4200 мм, 17 бумажных и картонных машин разных размеров, 7 пресспатов, 60 дефибреров, 6 фибровых машин. Поскольку реальная база машиностроительных предприятий позволяла произвести только 14–15 бумажных, картонных машин и пресспатов, ставились вопросы о сооружении нового завода бумагоделательного оборудования мощностью 15–16 машин в год с пуском не позднее 1936 г. и кооперировании действовавших производств с предприятиями тяжелой промышленности⁸⁸³.

В августе 1934 г. на торжественном заседании с участием работников Ленинградского завода имени 2-й пятилетки (бывший завод Сан-Галли) директор предприятия В. Л. Мельяненко заявил о выпуске первой в Советском Союзе бумагоделательной машины. 14 месяцев ушло на обработку чертежей и изготовление бумагоделательной машины для строившегося Камского ЦБК. В условиях переподготовки кадров, технических ошибок сроки производства такого сложного агрегата следует рассматривать в качестве крупного достижения. При этом директор завода В. Л. Мельяненко ограничился оценкой «удовлетворительно», призвав дожидаться пуска машины.

Во втором полугодии 1934 г. предполагалось для строившегося Ингурского ЦБК собрать бумагоделательную машину, на 50 % выполнить работы по второму агрегату и изготовить картонную машину, в 1935 г. – произвести 6 машин. Для этого было необходимо получить и установить дополнительное оборудование⁸⁸⁴. Грандиозные планы, учитывая небольшие размеры предприятия (один сборочный цех), осуществить было сложно. Коллективу требовалось каждые два месяца собирать, тестировать и затем разбирать для отгрузки потребителю агрегат. Поскольку сроки сдачи предприятий постоянно переносились, доставка машин могла сорваться.

По данным переписи, проведенной в сентябре 1934 г., на бумажных предприятиях Советского Союза имелись 173 бумагоделательных и

⁸⁸³ Турин А. Указ. соч. С. 10–13.

⁸⁸⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-1666. Оп. 38. Д. 363. Л. 2–7об.

картоноделательных (в том числе 8 – неустановленных) машины⁸⁸⁵. В годы второй пятилетки в Ленинграде были изготовлены первые крупные машины для производства типографской и писчей бумаги. Там же в 1940 г. выпустили первую машину для изготовления газетной бумаги для Кондопожского ЦБК. Для оснащения целлюлозно-бумажных предприятий техникой был организован выпуск варочных котлов периодической варки, сгустителей, сортировок, сушильных цилиндров, различных узлов ремонтного назначения и другого оборудования, запасных частей, металлических сеток, технических сукон и искусственных дефибрерных камней⁸⁸⁶.

Специалисты отраслевых народных комиссариатов и других хозяйственных ведомств, научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений публиковали материалы о проектировании, апробации и внедрению в производство разных инструментов, оборудования и машин, в том числе знакомили читательскую аудиторию с импортной техникой (издания размещали также рекламу зарубежных фирм). Однако в большей части публикаций авторы рассказывали о доработках образцов инструментов, оборудования и машин, их конструктивных недостатках в работе⁸⁸⁷.

В качестве одного из итогов развития отечественного машиностроения для лесопромышленного комплекса можно рассматривать выставки техники⁸⁸⁸. Но все же актуальность конструирования новых образцов оборудования стала снижаться к концу 1930-х гг. Так, установка большого количества новых станков на предприятиях в годы первой и второй пятилеток на фоне слабой степени их использования привела к снижению потребности (как Наркомлеса, так и других ведомств) в новых агрегатах⁸⁸⁹. Разработка нового оборудования становилась уделом отдельных инженеров, но выйти на стадию серийного производства почти не удавалось.

⁸⁸⁵ Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 53, 54.

⁸⁸⁶ Бумажная промышленность // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 6... 283; История целлюлозно-бумажной промышленности России... С. 36–38, 40.

⁸⁸⁷ К числу работ, где сообщалось о принципиально новых видах техники, можно отнести, напр.: Тендряков Д. В. Трактор-тропоход и тропомобиль // Лесная промышленность. 1941. № 3. С. 39.

⁸⁸⁸ Выставка, посвященная XVIII конференции ВКП(б) // Лесная промышленность. 1941. № 3. С. 39.

⁸⁸⁹ Бурень С. Указ. соч. С. 52.

Итак, в годы первых пятилеток объемы, ассортимент машиностроительной продукции для лесной промышленности не соответствовали высоким темпам модернизации. Поэтому СССР прибегал к приобретению за рубежом инструментов и оборудования. Параллельно советскими конструкторами, учеными, специалистами, занятыми в отраслевых научно-исследовательских институтах и учебных заведениях, работниками предприятий осваивалась и дорабатывалась импортная техника и технологии, разрабатывались и внедрялись собственные образцы инструментов, техники, машин. Активизация творческого процесса позволила совершить прорывы в некоторых сферах (особенно в конструировании моторных пил). Машиностроительные предприятия выпускали продукцию общего назначения, которая затем адаптировалась к условиям работы в лесопромышленном комплексе, а также выполняли отдельные заказы, например по изготовлению бумагоделательных машин, котлов и другого оборудования.

Необходимо отметить неравномерность внедрения передового оборудования в цикл лесозаготовки. Сфера глубокой переработки древесины стала наиболее технически оснащенной отраслью. Это было связано с возросшими потребностями государства в продукции данной отрасли, политикой импортозамещения, проблемами комплексной переработки лесных ресурсов, а также стратегическим назначением некоторых товаров, в том числе для оборонной промышленности. В сфере заготовки древесины внедрение нового оборудования происходило более низкими темпами. Это было связано с конструктивными недоработками пил, их низким качеством, дефицитом запчастей, необходимостью тщательного ухода и хранения, низкой квалификацией работников.

Результат модернизации сферы заготовки древесины должен был заключаться в увеличении объемов заготовки и вывозки древесины механизмами, повышении эффективности оборудования и труда работников. В 1930 г. указывалось, что при существовавшей производительности труда (2,05 м³ на одного рабочего в среднем в день) для выполнения задания по вывозке

леса понадобилось бы в среднем за год около 900 тыс. подвод, а в отдельные периоды года – до 1,25 млн. единиц с соответствующим количеством возчиков⁸⁹⁰. Основное решение проблемы виделось именно в механизации и развитии транспортной инфраструктуры в лесных массивах.

Первые опыты по применению *моторных пил* и *тракторов* (в Тверской губернии в 1926 г.) продемонстрировали слабую организацию работ по подбору работников, оплате труда, использованию техники и уходу за ней. Выявились и негативное отношение руководителей предприятий и сезонных рабочих к изменениям норм и оплаты труда, использованию новых инструментов и машин, требовавших привлечения меньшего количества трудовых ресурсов. В сезон 1927/1928 г. опыты были возобновлены Карельской центральной опытной станцией⁸⁹¹. В ходе опытов и исследований конструкций и работы зарубежных моторных пил («Сектор», «Ринг и Ко», «Сильва», «Урал», «Рapid», «Рекорд», «Работ», «Дольмар», «Континенталь», «Лог-Сав») предлагалось применять пилы «Сильва» и «Ринг и Ко» («Ринко») для валки тонкого леса, «Рapid» – для перестойного леса и крупных стволов. В отдаленных от крупных промышленных центров районах возникали проблемы доставки горючего для техники, его хранения, и специалисты хозяйственных организаций выступали за приоритетное использование лошадей, ручного труда рабочих, как более дешевого. На основании опытов по использованию тракторов на вывозке лесных ресурсов по снежным и ледяным дорогам в Карелии в сезон 1927/1928 г. наиболее перспективными были признаны гусеничные тракторы мощностью 40–50 лошадиных сил и весом 6000–8000 кг («Коммунар» производства Харьковского машиностроительного завода «Коминтерн», американские машины «Клетрак» и «Катерпиллер»). При более благоприятных погодных условиях можно было применять тракторы «Фордзон» и «Ханомаг»⁸⁹².

⁸⁹⁰ Левин В. Указ. соч. С. 146–147.

⁸⁹¹ Альбрехт К. И. Рационализация и механизация лесозаготовок... С. 12, 17–18, 20–24, 106–107, 109.

⁸⁹² Там же. С. 115–116, 124–125, 130, 132–133, 136–137, 143–149, 154–155, 157, 163, 166–167, 173–176, 189–192.

Научно-исследовательские работы в области транспорта леса начались с постановки экспериментов с улучшенными снежными и ледяными с конной тягой, тракторно-ледяными дорогами, заимствованными из практики стран Северной Америки и Скандинавии. Однако слабо была разработана экономическая сторона. Развитию исследований препятствовали короткий срок функционирования и разнообразие по условиям рельефа, грунта, расстояний и грузооборота снежных и ледяных дорог, устаревший подвижной состав, низкий уровень организации транспорта древесины. В 1927 г. в Марийской автономной области были построены *конно-ледяная* (считается одной из первых) и первая *тракторная ледяная дороги*⁸⁹³. *Лежневые дороги* с конной тягой появились в 1930 г. в Уреньском ЛПХ треста «Севвостлес», чуть позже стали строить дороги с автомобильной (в Карелии) и тракторной (в Северном крае и Ленинградской области) тягой⁸⁹⁴.

В 1928/1929 г. в Архангельской губернии и на Урале практиковалось строительство *балочных дорог* (зимних дорог, очищавшихся при помощи снегоочистителя от верхнего слоя снега, на которые укладывались бревна), что позволило повысить производительность вывозки с 1,27 до 2 м³ леса на лошадь. Трест «Камуралбумлес» строил *ледяные дороги*. Возчики смогли достигнуть среднего показателя вывозки в 4,87 м³ на лошадь (при расстоянии 9–12 км) и совершать два рейса в день. Было подсчитано, что наличие 100 % балочных дорог на лесозаготовках в Марийской и Уральской областях и Архангельской губернии (общий план – 25 млн. м³) позволило бы привлекать в два раза меньше лошадей и фуража, чем требовалось при вывозке леса по снежным дорогам, 100 % ледяных дорог – в четыре раза меньше⁸⁹⁵.

В конце 1927 г. в тресте «Северолес» на Ижемской и Югорской трассах начали вывозку леса тракторные поезда. С начала 1930-х гг. для организации транспорта древесины в весенне-осенний период стали строить *пластинчато-*

⁸⁹³ Гацкевич В. А. Указ. соч. С. 10.

⁸⁹⁴ Сухопутный лесотранспорт... С. 305, 343, 349.

⁸⁹⁵ Альбрехт К. И. Рационализация и механизация лесозаготовок... С. 73, 74, 81, 82, 87, 88, 89, 91, 92, 95, 195, 310–311, 312, 314, 316, 317, 318–319, 322, 324–325.

лежневые (деревянные) дороги. Среди предложений по рационализации и механизации транспорта леса звучала идея перевозки леса автомобильной или тракторной тягой по переносным узкоколейным дорогам на специальных платформах или в вагонах. Такой способ комбинирования основ железнодорожного транспорта с автомобильно-тракторным активно применялся за рубежом (к примеру, в Австралии, Индии, Испании, Марокко)⁸⁹⁶.

В 1927 г. группа специалистов лесной отрасли предложила создать на территории Архангельской губернии полигон для испытания машин и механизмов в сфере заготовки лесных ресурсов. ВСНХ СССР поддержал эту идею. В результате испытаний хорошие показатели были выявлены у пилы «Ринко» и трактора «Катерпиллер». На полигоне проверяли и первый отечественный гусеничный трактор «Коммунар» Харьковского завода (не получил хорошей оценки), вели разработку лесных механизмов, например тракторных саней, колеерезов, снегоочистителей. Спустя несколько лет станция была ликвидирована⁸⁹⁷. К вопросу создания испытательных и конструкторских организаций вернулись только во второй половине 1930-х гг., когда стала очевидной необходимость проведения активной механизации.

С 1929/1930 г. на вывозке леса перестали использовать колесные *тракторы*, работа которых на ледяных дорогах оказалась малорезультативной⁸⁹⁸. Получившие распространение в начале первой пятилетки сплошно-ледяные дороги, упростившие работу сезонных рабочих, обладали рядом недостатков, особенно в части ухода. Стали более популярными *колейно-ледяные* дороги. Можно было, создав запасы древесины, построить разветвленную сеть путей. Из-за использования до середины 1930-х гг. около десятка зарубежных моделей тракторов, которые к тому же передавались предприятиям бессистемно, выработать единые требования к ледяным дорогам не удалось. Когда транспортный парк стал активно пополняться тракторами «Сталинец», существовало несколько типов

⁸⁹⁶ Там же. С. 196–197.

⁸⁹⁷ Орешкин Б. С. Становление лесной индустрии... С. 30–31.

⁸⁹⁸ Сухопутный лесотранспорт... С. 169.

путей, из которых получил распространение, дал высокие показатели и был рекомендован Техническим отделом Наркомлеса тип дороги с шириной хода подвижного состава 3,4 м⁸⁹⁹. С прокладкой узкоколейных железных дорог на вывозке леса появились *мотовозы и паровозы*⁹⁰⁰. В конце 1930-х гг. были осуществлены первые мероприятия по применению электрической тяги на лесовозных дорогах – в Емцовском ЛК и Лисинском учебно-опытном лесхозе Ленинградской лесотехнической академии⁹⁰¹.

Существенная доля работ по заготовке и вывозке древесины выполнялась вручную и с помощью гужевого транспорта. Почти каждый лесозаготовительный трест, опираясь на разработку саней Всесоюзного научно-исследовательского института древесины, стремился усовершенствовать и адаптировать их к конкретным условиям работы. Появлялись и принципиально новые конструкции. В 1933 г. выпускник Талицкого лесотехникума, технический руководитель Танковской тракторной базы (Уральская область) Я. И. Гинзбург предложил устроить одноколейную ледяную дорогу, по оси которой нарезалась и обледенялась колея, которую трактор «седлал» во время движения (опробована в сезон 1934/1935 г.). Он же сконструировал *специальные тракторные сани* с усиленным центральным полозом и двумя поддерживающими. Сотрудники Центрального научно-исследовательского института механизации и энергетики лесной промышленности устранили ряд недостатков саней Я. И. Гинзбурга, выпустив «Модель Б»⁹⁰². Испытания показали преимущества этих типов дороги и саней, и одноколейный путь получил широкое распространение в масштабах страны. Еще один уральский механизатор, В. М. Палло, сконструировал *санный автоприцеп*, оснащенный полуавтоматическим подъемником⁹⁰³.

⁸⁹⁹ Сухопутный лесотранспорт... С. 166–171.

⁹⁰⁰ Мотовоз на узкоколейке // Лесная промышленность. 1933, 8 января. С. 4. Мотовоз, не имевший топки, но снабженный двигателем внутреннего сгорания, был спроектирован Центральным институтом механизации и энергетики лесной промышленности.

⁹⁰¹ Пациора П. П. Указ. соч. С. 13.

⁹⁰² Сухопутный лесотранспорт... С. 168–169, 246.

⁹⁰³ Пискунов М. Указ. соч. С. 21.

В 1928/1929 г. в сфере заготовки лесных ресурсов в стране использовались 126 тракторов, 7 паровозов и один мотовоз. Длина узкоколейных железных дорог составляла 38 км, навесных – 20 км⁹⁰⁴. В связи с увеличением задания по заготовке и вывозке древесины в сезон 1930/1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) потребовало «Зернотрест» передать Союзлеспрому 500 гусеничных тракторов с последующим возвратом в исправном состоянии⁹⁰⁵. В следующий сезон Политбюро обязало ВСНХ СССР и Народный комиссариат путей сообщения механизировать вывозку леса на 50 % путем устройства лежневых, ледяных и узкоколейных дорог, увеличило план строительства лежневых дорог на 1931 г. с 3000 до 5000 км⁹⁰⁶. Однако эти планы остались нереализованными, и темпы механизации вывозки лесных ресурсов были намного ниже, чем указывалось в официальных документах⁹⁰⁷.

В 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) предложило применять моторные и круглые пилы, ручные пилы «Компис» (для Северного края), хотя последние на испытаниях получили неудовлетворительную оценку⁹⁰⁸. С внедрением моторных пил связывались грандиозные планы, которые не соотносились ни с потенциалом отечественной лесной науки и машиностроения, ни с мировым уровнем развития техники. Начались закупки моторных пил иностранного производства. Если в 1928/1929 г. в лесной промышленности СССР имелось 7 таких инструментов, то в конце первой пятилетки – 386⁹⁰⁹.

В 1932 г. ключевым звеном механизации сферы заготовки древесины были объявлены **машинно-лесные станции**, призванные обеспечить «концентрированную механизацию с охватом всех процессов и переработку отходов на простейших механических и химических установках». По решению СТО от 11 июня 1932 г. в стране планировалось организовать 160 машинно-

⁹⁰⁴ Лесная промышленность за 30 лет... С. 8.

⁹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 801. Л. 4.

⁹⁰⁶ Там же. Д. 814. Л. 36.

⁹⁰⁷ Андриевский А. Указ. соч. С. 20–21; Индустриализация СССР. 1929–1932 гг... С. 289; Итоги выполнения первого пятилетнего плана... С. 126.

⁹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 814. Л. 36; Орешкин Б. С. Становление лесной индустрии // Лесная промышленность. 1995. № 4. С. 31.

⁹⁰⁹ Елисейкин М. М. Указ. соч. С. 215, 218, 219.

лесных станций, преобразовать действовавшие механизированные базы в машинно-лесные станции, построить в 1933 г. 3000 км узкоколейных железных дорог, 1750 км – автолежневых, 700 км – лежневых с мотовозной тягой⁹¹⁰.

На I Всесоюзной конференции по реконструкции лесной промышленности основным направлением механизации сферы заготовки древесины признавалось строительство *железных дорог специального типа*, что позволяло добиться наибольшей эффективности в вывозке сырья. Должны были строиться и другие пути: ледяные, лежневые, узкоколейные, подвесные. Основной формой предприятия становилась лесомашинная станция с постоянными кадрами лесных рабочих. Замысел по механизации вывозки древесины на 85 % требовал размаха дорожно-строительных работ в лесных массивах страны. Основными типами машин в сфере заготовки древесины назывались гусеничные трактора 50–60 л. с. («Катерпиллер», «Коммунар»), колесные 30 л. с. («СТЗ») и 20 л. с. («Фордзон-Путиловец»), 1,5-тонные автомобили «Фонд» и 2,5 тонные «АМО». К 1937 г. на вывозке предполагалось задействовать около 15 тыс. гусеничных тракторов, более 18 тыс. грузовых автомашин, 1,5 тыс. мотовозов, 900 паровозов⁹¹¹. Советские плановые и хозяйственные органы, формулируя цели и направления механизации, исходили из положения о том, что в условиях «равномерного во времени и концентрированного в пространстве грузопотока» лесных ресурсов, то есть при освоении крупных массивов, возможно достигнуть уменьшения стоимости 1 м³ древесины и потребности в рабочей и гужевой силе⁹¹².

На 1 января 1934 г. по Наркомлесу протяженность путей составляла: ширококолейных дорог – 416 км, узкоколейных дорог с паровой тягой – 586 км, с конной – 124 км, подвесных дорог – 319 км, автолежневых – 233 км, тракторно-лежневых – 37 км, тракторно-ледяных – 619 км, тракторно-рельсовых – 121 км. На них должны были работать 307 тракторов, 328

⁹¹⁰ Машинно-лесные станции – решающее звено реконструкции // Технику лесной промышленности. 1932. № 3–4. С. 3–4.

⁹¹¹ Труды I Всесоюзной конференции... С. 6, 27–30, 55–57, 60.

⁹¹² Сухопутный лесотранспорт... С. 8.

автомашин и 119 тягачей. Потенциал этой инфраструктуры определялся в 15–18 млн. м³ вывезенной древесины, однако фактический показатель 1933 г. составил только 2,5 млн. м³. Помимо неудовлетворительного использования механизмов строительство дорог вследствие распыления ресурсов по большому числу объектов велось низкими темпами, они сдавались с недоделками. Стоимость механизированного транспорта оказывалась в некоторых случаях в 1,5–2 раза больше стоимости конной вывозки. Невозможность получения Наркомлесом необходимого подвижного состава и тягового оборудования для вывозки по рельсовым путям, считавшейся наиболее эффективным направлением, компенсировалась насыщением предприятий тракторами и автомашинами, которые, однако, в беспутину бездействовали⁹¹³. Увеличение вложений частично улучшало ситуацию – в основном за счет увеличения количества техники и строительства более дешевых рационализированных путей. Системные проблемы не искоренялись.

В 1936 г. в сфере заготовки древесины имелись 2830 тракторов, 152 паровоза, 1356 автомашин и 93 мотовоза⁹¹⁴. Подробная картина состояния сферы заготовки древесины Наркомлесом и его главными управлениями была представлена в начале 1939 г. Экономическому совету при СНК СССР. В 1938 г. были вывезены механизмами 36,9 % леса, хотя по плану планировалось 45,9 %. 56,2 % механизированной вывозки лесных ресурсов осуществлялось тракторами, 26,2 % – автомашинами, 14,5 % – по узкоколейным и железным дорогам⁹¹⁵. Большое значение тракторная вывозка имела на Европейском Севере и Урале (Главсевлес и Главвостлес), автомашинами – на северо-западе, в Сибири и на Дальнем Востоке (Главсевзаплес, Главзапсиблес, Главвостсибдальлес). Ставка на повышение роли узкоколейных железных дорог в вывозке древесины делалась по Главсевзаплесу и Главвостсибдальлесу, подвесных дорог – по Главсевлесу, но эти задания по большей части не были выполнены.

⁹¹³ Диканский С. Указ. соч. С. 97.

⁹¹⁴ Лесная промышленность // Малая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 6... С. 264.

⁹¹⁵ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 16, 22.

В третьей пятилетке вывозка древесины механизмами возросла с 24,84 млн. до 26,63 млн. м³ (при плане в 54,2 млн.), гужевым транспортом незначительно уменьшилась – с 54,36 млн. до 52,6 млн. м³ (при плане в 54,8 млн.). Удельный вес механизированной вывозки почти не изменился, хотя планом 1940 г. она планировалась в размере 50 %, 1941 г. – 56 %, третьим пятилетним планом – более 62 %. Третьей пятилеткой предусматривалось строительство механизированных дорог из расчета вывозки 11 млн. м³ леса в дополнение к существовавшим путям, обеспечивавшим вывозку 47 млн. м³ (по плану 1939 г.). Эти работы велись недостаточными темпами, а эксплуатация части дорог в связи с истощением сырьевых баз прекращалась.

Одним из важных направлений развития механизации вывозки древесины стало строительство *переносных декавильных дорог* с мотовозной тягой. Повышенный интерес к использованию на вывозке леса паровозов узкой колеи был связан с их значительной нагрузкой из расчета на одну машину. По третьему пятилетнему плану доля транспортировки леса по мотодекавильным дорогам в общем объеме вывозки должна была достигнуть 13 %, по ширококолейным железным дорогам – 6,2 %, по узкоколейным дорогам с мототягой и подвесным – 6,7 %, по узкоколейным дорогам с паровой тягой – 18,9 %. Остальная масса древесины вывозилась тракторами и автомобилями. Но планом 1941 г. предусматривался транспорт лесных ресурсов только по узкоколейным дорогам с паровой, моторизованной тягой и подвесным, доля которого была ниже, чем 1937 г. По 42 % от всего объема механизированной вывозки приходилось на трактора и автомобили⁹¹⁶. То есть и в годовых планах, и на практике развитие транспорта древесины по железным и механизированным дорогам происходило крайне низкими темпами.

Плановые показатели механизированной вывозки древесины по Наркомлесу СССР возрастали в 1932–1937 гг. (с 5,1 млн. до 56,6 млн. м³), затем снизились до 46 млн. в 1939 г. и вновь увеличились до 51,5 млн. м³ в 1940 г. Наибольший рост плана пришелся на 1936 г., что явилось следствием создания

⁹¹⁶ Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса... С. 7, 8, 12.

механизированных лесопунктов и активного пополнения транспортного парка предприятий ведомства. Фактические показатели механизированной вывозки древесины увеличивались на протяжении 1930-х гг. с 2,6 млн. до 33,8 млн. м³, существенный рост пришелся тоже на 1936 г.

Во второй и третьей пятилетках лидирующим и относительно стабильным был удельный вес вывозки леса тракторами (около 40 %, с повышением до 55–60 % в 1936–1939 гг.). С 12 до 37 % повысилась доля транспорта древесины автомашинами. Напротив, удельный вес узкоколейных дорог с паровозной тягой в общем объеме механизированной вывозки снизился с 33 до 12 %, дорог с мотовозной тягой – с 14 до 4 %. Основной упор был сделан на развитие транспорта леса тракторами и автомашинами. Хотя в конце 1930-х гг. хозяйственные ведомства и организации указывали на необходимость увеличения вывозки по узкоколейным железным дорогам. В пользу этого свидетельствовала и себестоимость одного кубокилометра работы паровозов и мотовозов на вывозке (рост за 1933–1939 гг. соответственно с 27,2 до 33,9 коп. и с 61,6 до 62,1 коп.) по сравнению с тракторами (увеличение за период с 80 до 139 коп.) и автомашинами (с 96,1 до 108,5 коп.). Общей тенденцией экономики транспорта леса всеми видами техники являлось превышение фактических показателей работы над плановыми цифрами.

Количество транспортных средств, использовавшихся предприятиями Наркомлеса СССР на вывозке, в третьей пятилетке превышало плановую потребность в полтора-два раза, однако слабое применение техники приводило к невыполнению планов. Особенно плохо использовались тракторы. Среднегодовая вывозка на одну машину за вторую и третью пятилетки возросла с 2 тыс. до 3,48 тыс. м³, несмотря на увеличение показателя в 1936 г. до 6,5 тыс. м³, тогда как планом предусматривалась цифра 5,3 тыс. в 1940 г.⁹¹⁷ Улучшение работы техники отмечалось в 1935–1937 гг., затем следовал спад. В ряде случаев показатели среднегодовой выработки в 1939–1940 гг. оказывались ниже цифр начала 1930-х гг. На уровне Наркомлеса и его главных управлений

⁹¹⁷ Ованесян С. А. Указ. соч. С. 7–9.

признавалось, что себестоимость одного кубокилометра вывозки древесины тракторами по зимним дорогам в три-четыре раза меньше, чем по летним путям. Указывалось на необходимость организации круглогодичного транспорта лесных ресурсов по железным дорогам, автомашинами, улучшения использования имевшейся техники.

Историк А. А. Антуфьев называл главными причинами нерешенности задачи комплексной механизации лесозаготовок: «многоступенчатую систему управления отраслью, слабое техническое нормирование, несовершенную систему заработной платы, плохие жилищно-бытовые условия рабочих, огромную текучесть кадров, низкую трудовую дисциплину»⁹¹⁸. Перечень проблем следует дополнить недостаточным финансированием и снабжением отрасли, слабой ремонтно-технической базой, неудовлетворительным состоянием дорог, низкими темпами их ремонта и строительства, негативным порой отношением работников к технике. Из-за этого годовые планы в сфере заготовки древесины не выполнялись, темпы увеличения объемов производства были ниже, чем намечалось пятилетними планами.

Итоги механизации в сфере заготовки лесных ресурсов по Наркомлесу СССР выглядят так. В 1940 г. функционировали 1066 механизированных дорог протяженностью 16 тыс. км, в том числе 90 – узкоколейных (3061 км), 472 – автомобильных (7054 км), 504 – тракторных (6012 км). Общее количество имевшихся в распоряжении тракторов составляло 2,6 тыс., автомобилей – 5,9 тыс., паровозов и мотовозов – 335⁹¹⁹. По сравнению с началом 1930-х гг. темпы строительства железных дорог снизились. В 1939 г. Наркомлес ввел в эксплуатацию только 49,9 км ширококолейных железных дорог (при плане 64,3 км) и 39,9 км – узкоколейных (задание – 69,4 км)⁹²⁰. По другим данным, к 1941 г. предприятия эксплуатировали 84 узкоколейных железных дороги с 210 паровозами и 125 мотовозами, 4 навесных однорельсовых дороги, 442

⁹¹⁸ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 64.

⁹¹⁹ Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия... С. 567.

⁹²⁰ Индустриализация СССР. 1938–1941... С. 56.

тракторных дороги с 3500 тракторами, около 400 автомобильных дорог с более 6000 автомобилей⁹²¹.

По итогам реализации первых пятилеток специалисты пришли к выводу, что основным видом механизированного транспорта древесины (с точки зрения универсальности, без поправки на местные условия) должны были стать *узкоколейные железные дороги* (в ряде исключений – ширококолейные) с паровозной и мотовозной тягой, а ведущим видом тягового механизма – *гусеничный трактор с газогенератором и автомашины* (ЗИС-5 и ЗИС-13, которые переводились на твердое топливо). Базовым ориентиром для повышения производительности труда работников стал переход на поездную вывозку древесины⁹²². В целом налицо положительная динамика механизированной вывозки древесины Наркомлесом, сопровождавшаяся в 1930-х гг. колебаниями, порой весьма резкими. Однако среднегодовая производительность техники в конце десятилетия существенно уменьшилась.

Как и на предприятиях Наркомлеса СССР, других ведомств, уровень механизации работ по заготовке и вывозке леса в исправительно-трудовых лагерях был невысоким и рос медленно. В конце 1930-х гг. это было следствием передачи лагерным комплексам материально-технической базы леспромхозов, использование техники которыми было неудовлетворительным. Механизированная вывозка леса по НКВД составляла в 1939 г. 23,9 %, а на предприятиях Наркомлеса СССР – 35,4 %; удельный вес механизированной заготовки древесины (электропилами) в лагерях равнялся в 1939 г. 19,6 %⁹²³. «Лесные» исправительно-трудовые лагеря располагали транспортной инфраструктурой для вывозки древесины, техникой, агрегатами и механизмами. Беломорско-Балтийский комбинат использовал самое большое количество агрегатов и механизмов на сплаве, Локчимский и Ивдельский ИТЛ – автомашин (в сумме 91 из 282, задействованных на вывозке лесных ресурсов),

⁹²¹ Гацкевич В. А. Указ. соч. С. 11.

⁹²² Сухопутный лесотранспорт... С. 30–31, 317, 324–325.

⁹²³ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 3... С. 36.

Усольский – тракторов (100 из 395)⁹²⁴. Суровые природно-климатические условия Европейского Севера, Урала, Дальнего Востока оказывали влияние на характер и темпы механизации. Так, 90 % лесных площадей, закрепленных за Беломорско-Балтийским комбинатом, были заболочены, и распространение получила гужевая вывозка по круглолежневым дорогам⁹²⁵.

В 1940 г. в СССР уровень механизации составлял на валке леса 2,6 %, трелевке – 2,1 %, вывозке – 27 %⁹²⁶. Народный комиссар лесной промышленности СССР М. Салтыков, анализируя проблемы и перспективы механизации сферы заготовки древесины, назвал причины, не позволившие за годы первых пятилеток достигнуть более значительных результатов в этом направлении. Важный момент – недостаточное внимание механизированной трелевке леса. Тросовая и лебедочная трелевка не получила широкого распространения, в отличие от США, из-за сложности производства скиддеров и дефицита тросов. В результате производительность труда на трелевке, от которой зависела вывозка древесины, была низкой: ручным способом – 1 м³ в среднем на человеко-день, гужевым – 4–5 м³, механизированным – 6–6,5 м³⁹²⁷.

В конце 1920-х – начале 1940-х гг. в США уровень механизации лесозаготовок был относительно высоким среди стран с развитым или динамично развивавшимся лесопромышленным комплексом. Основным видом транспорта на западе страны являлись железные дороги, однако в связи с экономическим кризисом более выгодной, вследствие перехода к выборочным рубкам леса, стала автомобильная вывозка. В Швеции, даже в северной ее части, на вывозке древесины распространение получили грузовики, хотя раньше использовались тракторы. В Канаде, где уровень механизации транспорта леса в начале 1930-х гг. был невысоким, в зимний период преимущественно применялись тракторы, зимой и летом – автомобили. В США, Канаде и Швеции использовали в основном легкие грузовики в связи с

⁹²⁴ Подсчитано по: ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 737–747.

⁹²⁵ Там же. С. 738.

⁹²⁶ Тимофеев Н. В. Лесозаготовительная промышленность СССР... С. 14.

⁹²⁷ Салтыков М. Механизация лесной промышленности // Плановое хозяйство. 1945. № 5. С. 28–29.

низким качеством некоторых дорог и ограничением веса транспортных средств на дорогах общего пользования. В США и Канаде на частных лесовозных дорогах работали преимущественно тяжелые машины⁹²⁸. Советский Союз в плане внедрения разных видов лесного транспорта почти не отставал от стран Скандинавии и Северной Америки, но качественные показатели его работы были неудовлетворительными.

В 1930-х гг. были невысокими темпы механизации сплавных работ. Рост объемов выкатки леса к берегам рек, сплава древесины достигался за счет использования труда «сезонных» рабочих, заключенных, спецпереселенцев, внедрения нового оборудования. Если в начале первой пятилетки в лесной промышленности не было ни одного механизма, то к 1932 г. имелись 180 сплотовых машин и 750 выгрузочных агрегатов⁹²⁹.

В частности, в Карелии, обладавшей густой сетью рек и озер, выходом к Белому морю, развитие водного транспорта леса стало актуальной задачей для партийно-государственных и хозяйственных организаций. Поскольку сплав носил кратковременный характер ввиду суровых природно-климатических условий и затруднялся порожи́стостью рек и волнениями на озерах и Белом море, пришлось вкладывать существенные средства для нормального функционирования этого вида транспорта леса. В первой пятилетке были установлены сплотовые агрегаты Блокстада (1 единица), Нильсена (5), Ларсена (18) и некоторые другие машины. На сплаве были задействованы 7 пароходов, 25 варповальных лодок, 6 мотоботов. За годы первой пятилетки удалось довести удельный вес механизации сплотовых и выгрузочных работ до 48 %. В 1940 г. на лесосплаве были задействованы 50 пароходов, 45 моторных катеров, 45 варповальных лодок, 15 сплотовых станков⁹³⁰.

На рубеже 1930–1940-х гг. активизировалась деятельность по подготовке и внедрению схем технологических процессов сплавов. Суть их сводилась к

⁹²⁸ Кишинский М. И. Автомобильный лесотранспорт в США, Канаде и Швеции // Лесная промышленность. 1941. № 7. С. 32, 33.

⁹²⁹ Итоги выполнения первого пятилетнего плана... С. 126.

⁹³⁰ Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии... С. 49, 50, 60; Советская лесная экономика... С. 247, 257.

более раннему осуществлению подготовительных и транспортных работ (зимой и весной) посредством введения в эксплуатацию максимального количества притоков, установки сортировочно-сплоточных сооружений⁹³¹. На рейдах бассейна р. Северной Двины (на предприятиях бассейна р. Волги, Камы – чуть раньше) отдельные бригады добились повышения производительности труда на сплоточной машине «Советский блокстад» за счет улучшения организации труда. На сортировочных работах стали применять формирующие сетки, позволявшие направить сортименты в определенный «дворик»⁹³².

На начальном этапе механизация вывозки древесины в разных территориях осуществлялась неравномерно и зависела от степени развития лесопромышленного комплекса, транспортной инфраструктуры, политики партийно-государственных органов в вопросах распределения техники⁹³³. К концу 1930-х гг. высокие результаты были достигнуты в Свердловской области⁹³⁴. По состоянию на 1 ноября 1939 г. лесозаготовители вывозили тракторами 45,5% древесины (от общего объема механизированного транспорта), автомашинами – 46,2 %, остальной объем – мотовозами и паровозами. Удельный вес тракторов и автомобилей, переведенных на твердое древесное топливо, составлял 21,5 %. Механизация позволила увеличить объемы транспорта леса в летний период до 30 %⁹³⁵.

В территориях, которым в годы реализации первых пятилетних планов отводилась важная роль в заготовке лесных ресурсов, в том числе на экспорт, и где в больших масштабах использовался принудительный труд сельских жителей, спецпереселенцев и заключенных, механизация работ осуществлялась, как правило, медленнее. Если в Карелии в 1931 г.

⁹³¹ Кудрявцев А. В. Указ. соч. С. 21.

⁹³² Прилуцкий А. В. Технологический процесс на рейдах... С. 14, 16.

⁹³³ 10 лет хозяйственного и культурного строительства Коми-Пермяцкого округа... С. 57–59; 25 лет Коми-Пермяцкого национального округа... С. 29–30; Воейков Е. В. Проблема автотранспортного обеспечения на лесозаготовках... С. 154–155, 158; Индустриализация Коми автономной области... С. 97, 104, 106; Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций... С. 15; Петров Б. С. Указ. соч. С. 72; Северный лес на все времена... С. 42, 54–55; Серебрянская Г. В. Указ. соч. С. 152; Советская лесная экономика... С. 299, 343, 360; Тиунов В. Молотовская область... С. 43; Хозяйственное и культурное строительство на Урале... С. 103.

⁹³⁴ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 63; Глузман В. Л. Указ. соч. С. 8, 17, 63, 211, 230; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 873. Л. 5.

⁹³⁵ Леса Урала... С. 131.

механизированная вывозка составила 109 тыс. ф. м, то за 11 месяцев 1933 г. – около 200 тыс. ф. м. В 1930 г. у треста «Кареллес» были 34 трактора и 2 автомашины, в 1933 г. – 59 тракторов и 76 автомашин. Однако машины поступали без запасных частей, и в случае поломки часть оборудования одного трактора использовалась для ремонта другого, что дезорганизовывало функционирование транспортного парка. В автономии, изрезанной реками, использование тракторов не всегда представлялось целесообразным из-за малых расстояний перевозки лесных ресурсов. В конце второй пятилетки объем вывозки механизмами увеличился до 2,1 млн. ф. м (22,6 % от всего объема) за счет поступления большого количества тракторов и строительства механизированных лесопунктов⁹³⁶.

В 1940 г. у лесопромышленных организаций республики имелись 413 тракторов, 17 паровозов для узкоколейных железных дорог, 3 мотовоза, 434 платформы, 500 автомашин, 358 автоприцепов, 369 двухребордных тележек, 70 дерриков, более 200 лебедок, 11 электростанций, 38 локомотивов, 46 генераторов, 169 электрогенераторов. Использовались 234 км узкоколейных железных дорог, 440 км автомобильных и 393 км тракторных дорог. Это количество транспортных средств и инфраструктура позволили довести объем механизированной вывозки древесины в 1940 г. до 30 %⁹³⁷. Существенный рост парка тракторов, машин и другой техники слабо коррелировался с повышением доли механизированной вывозки, прежде всего из-за неудовлетворительного использования, простоев, длительных ремонтов транспортных средств.

Системной проблемой лесной промышленности стал низкий уровень использования техники. Имели место случаи, когда большая ее часть простаивала из-за поломок, отсутствия топлива, запчастей⁹³⁸, рабочей силы. На

⁹³⁶ Зорич А. Указ. соч. С. 85; Советская лесная экономика... С. 180, 247, 257, 343.

⁹³⁷ Андриайнен А. И. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии... С. 12; Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии... С. 54, 60–61.

⁹³⁸ П. М. «Бери, что дают» // Лесная промышленность. 1933, 9 января. С. 2. Более того, предприятия Народного комиссариата тяжелой промышленности отказывались изготавливать запасные части для тракторов «Клетрак 40», а Харьковский паровозостроительный завод предлагал для ремонта тракторов «Коммунар» делать своих спецификаций (Лестехснаб после длительной переписки все же согласился подписать договор на условиях предприятия).

Дальнем Востоке вывозка древесины тракторами производилась в январе 1928 г. на ст. Уссури, в сезон 1928/1929 г. – в Амбанском районе Хорской лесозаготовительной конторы. Руководство треста «Дальлес», удовлетворенное работой техники и озабоченное дефицитом гужевого транспорта, заказало летом 1929 г. в США 100 гусеничных тракторов, сформулировав требования с учетом физико-географических условий региона. 20 ноября во Владивосток прибыла первая партия – 46 машин. Осталось загадкой, как тракторы принимались на заводе-изготовителе, так как в порту на приемке техники были выявлены небрежный монтаж проводки, воды в цилиндрах. Оснащение машин позволяло работать только в летних условиях. Самое главное – отсутствовали запасные части. Приемная комиссия ограничилась составлением акта. Эти обстоятельства породили среди специалистов дискуссию о сменности работы имевшихся машин. Расчеты показали, что усиленная эксплуатация тракторов (то есть в две или три смены, но откуда было взять столько трактористов) приведет лишь к незначительному увеличению объемов вывозки и обернется значительными накладными расходами и многочисленными поломками⁹³⁹.

В четвертом квартале 1932 г. на предприятиях Наркомлеса СССР работали только 584 трактора из 776 имевшихся в наличии⁹⁴⁰. В 1934 г. фактическая мощность механизмов Наркомлеса СССР на вывозке древесины оценивалась в 21,36 млн. м³, планом намечалось с их помощью вывезти 10,18 млн., а фактический показатель, по предварительным данным 1934 г., составил только 5,4 млн. м³. То есть потенциал имевшихся механизмов использовался только на четверть, не работало от половины до двух третей имевшихся машин и тракторов. В числе предприятий фигурировали и те, на базе которых в начале 1930-х гг. проводились опыты по использованию автомашин и тракторов. Так, 10 тракторов Бежецкого ЛПХ треста «Мослеспром» вывезли только 24 м³, а весь трест «Уралзападолес» вывез тракторами 10,5 тыс. м³ при плане 100 тыс.

⁹³⁹ Эрман К. Трех- и двухсменная работа тракторов на лесозаготовках нерациональна (в порядке обсуждения) // Тихоокеанская звезда. 1930, 7 января. С. 3.

⁹⁴⁰ Постановление комиссии исполнения при СНК СССР «О работе Народного комиссариата лесной промышленности по заготовке и вывозке леса»... (дата обращения: 09.04.2022).

м³. Автотракторные базы испытывали нехватку вспомогательного оборудования (железнодорожных платформ, мотовозов, саней, прицепов), кадров. Неудовлетворительно осуществлялся ремонт техники, не на всех базах имелись гаражи, мастерские⁹⁴¹. Налицо производственный хаос, обусловленный слабой подготовкой Наркомлеса, лесозаготовительных организаций, отдельных предприятий и их руководителей к механизированной вывозке древесины. И преодоление этого хаоса – от психологических до организационно-управленческих аспектов – оказывалось делом чрезвычайно трудным – в силу большого спектра причин, его породивших.

Народный комиссар лесной промышленности СССР В. И. Иванов отмечал, что за зимний сезон 1935/1936 г. «не взяли даже 50 % от трактора того, что он может дать... Некоторые ухитряются так работать, что машина еще год не поработала, а ее надо ставить на капитальный ремонт...»⁹⁴². Неудовлетворительная ситуация с использованием тракторов и другой техники мало менялась со временем. В конце ноября 1936 г. по предприятиям Наркомлеса 250 тракторов были не отремонтированы, а из 46 тыс. тракторных саней, которые должны работать на вывозке на мехлесопунктах, приготовили только 21 тыс.⁹⁴³ В. И. Иванов обозначил планы на 1937 г.: из 150 млн. м³ вывозка механизированным способом должна была составить 60 млн. м³, из них тракторами – 42 млн. м³, по рационализированным дорогам – 40 млн. м³⁹⁴⁴.

По состоянию на 31 декабря 1938 г. работали 1027 тракторов (план был установлен в количестве 2493) из 3575 имевшихся машин; 1232 автомашины (при плане 2072) из 2622 имевшихся⁹⁴⁵. Одной из причин медленного увеличения работавших механизмов были низкие показатели ремонта. Данные об использовании тракторов и автомашин в четвертом квартале 1938 г.⁹⁴⁶ свидетельствуют, что народный комиссариат и главные управления по мере

⁹⁴¹ Гайнер И. Указ. соч. С. 65–66.

⁹⁴² РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 16.

⁹⁴³ Там же. Д. 29. Л. 8.

⁹⁴⁴ Там же. Д. 30. Л. 20, 64.

⁹⁴⁵ Там же. Д. 137. Л. 46.

⁹⁴⁶ Там же. Л. 46–51.

развития лесозаготовительной кампании медленно «раскачивались» в плане механизированной вывозки и трелевки древесины. В отдельные периоды имели место сокращения числа использовавшихся тракторов и машин.

Невысокий уровень квалификации основной части рабочих (в их состав входили также разные категории «спецконтингента»), занятых на заготовке и вывозке леса, отражался на состоянии техники и оборудования, которые за короткое время быстро выходили из строя. Слабой была и ремонтная база предприятий⁹⁴⁷. Негативное отношение к внедрению и рациональному использованию техники в сфере лесозаготовки было характерно даже для региональных руководителей, которых должно было особенно заботить выполнение производственных программ и привлечение ресурсов и инвестиций. Например, в 1933 г. в Пензенском ЛПХ треста «Средлес» при подсчете себестоимости вывозки транспорт древесины тракторами обошелся дороже в два раза по сравнению с лошадьми собственного обоза. От использования тракторов в лесхозе отказались⁹⁴⁸.

В 1940 г. из 4417 тракторов, имевшихся в распоряжении предприятий Наркомлеса СССР, на производстве использовались только 805. В 1936 г. ведомство, имея тракторный парк в 1852 единицы, вывезло 11,8 млн. м³ леса, а на 20 ноября 1940 г. Наркомлес при наличии 4417 тракторов вывез 12,3 млн. м³. Средняя годовая вывозка на один трактор снизилась более чем в два раза. Несколько лучше сложилась ситуация с использованием автомашин. В 1936 г. при наличии 1006 единиц техники было вывезено 3,7 млн. м³ леса, а на 20 ноября 1940 г. при 6618 автомобилях (хотя фактически работали только 1198) – 10,8 млн. м³⁹⁴⁹. В начале 1941 г. на XVIII всесоюзной конференции ВКП(б) ряд народных комиссариатов критиковался за неудовлетворительную работу. Наркомлес обвинялся, например, в том, что на его лесозаготовительных

⁹⁴⁷ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 10. Л. 47; Кустышев А. Н. Проблемы механизации ГУЛАГовского производства на Европейском Севере России // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 4 (24). Сыктывкар, 2015. С. 88–89; Морозов Н. А. Указ. соч. С. 156–157; Пажит Ю. Ю. Северо-Уральский лагерь... С. 35; ПГАСПИ. Ф. 105. Оп. 6. Д. 346. Л. 7.

⁹⁴⁸ Воейков Е. В. Проблема автотранспортного обеспечения на лесозаготовках... С. 156.

⁹⁴⁹ Заборцева Л. П. Указ. соч. С. 51; Советская лесная экономика... С. 367.

предприятиях паспорта на механизмы не обновлялись с 1937 г., что затрудняло планирование и рациональное применение техники, расходование ресурсов. Часть механизмов не использовалась⁹⁵⁰. В первом квартале 1941 г. ситуация почти не изменилась. На трелевке и вывозке древесины должны были работать 1828 тракторов и 2756 автомашин, но простаивало из них в среднем 711 тракторов и 1499 машин, еще часть техники находилась в ремонте⁹⁵¹.

Несмотря на насыщение предприятий транспортными средствами, значимая их часть не использовалась по причинам поломок, невыполнения ремонтных работ, дефицита кадров. Декларации партийно-государственных органов и хозяйственных ведомств об увеличении транспортного парка оказывались фикцией, ибо достигнуть плановых показателей в сфере заготовки древесины использовавшейся техникой оказалось невозможно. Поступление новых транспортных средств не снимало проблемы их простоев и поломок.

Пример Пармской тракторной ледяной дороги на Урале хорошо показывает, как передача предприятия от одного треста другому негативно сказывалась на функционировании транспортной инфраструктуры и механизации вывозки. В конце июля 1934 г. трест «Уралзападолес» передал «Уралбумтресту» Красновишерский ЛПХ и 12 тракторов «Сталинец» (8 прибыли в мае, 4 – в сентябре). Данный шаг отразил тенденцию середины десятилетия на создание комплексных предприятий, руководство которых могло управлять производственным циклом от заготовки и вывозки до переработки древесины. Механизация усиливала экономический эффект.

Благое намерение Наркомлеса натолкнулось на ряд трудностей. В начале лесозаготовительного сезона 1934/1935 г. среднее расстояние вывозки древесины по тракторной ледяной дороге (11 км) увеличилось в связи с удлинением пути, строительством внутризаводских дорог и моста через р. Вижаиху. Эти мероприятия были вызваны нестыковками в проекте дороги и задачами Вишерского ЦБК, снабжение которого лесом потребовало бы

⁹⁵⁰ Выполнить решения XVIII Всесоюзной конференции... С. 11.

⁹⁵¹ Иньков М. Г. Указ. соч. С. 5.

выделения дополнительной рабочей силы и существенных финансовых затрат. Совокупность обстоятельств: запоздание в составлении и утверждении проекта тракторной дороги, увеличение ее протяженности – усугубилась природными условиями. Часть дороги – 6-километровый участок – был продолжен по болоту, которое не замерзало до 25 декабря, а необходимые приготовления к нормальной эксплуатации пути не были выполнены (этого проект не предусматривал, а средства у леспромхоза отсутствовали). Квалификация трактористов была слабой. В первые дни работы тракторной ледяной дороги (с 27 декабря) из строя вышли 62 из 83 имевшихся комплекта тракторных саней. Из-за дефицита металла пришлось изменить конструкцию крепления деревянных частей тракторных саней. Реконструированные сани показали хорошие результаты. Но в конце января – начале февраля из-за потепления вновь возникли оседания и провалы колеи. При проектной мощности дороги в 80 тыс. ф. м за лесозаготовительный сезон Уральский обком ВКП(б) определил задание на 1934/1935 г. в размере 150 тыс. ф. м (за счет предусмотренного увеличения протяженности). На 5 апреля 1935 г. было вывезено 65,5 тыс. ф. м леса, что при обилии проблем следует рассматривать в качестве неплохого результата, близкого к проектной мощности дороги.

Уполномоченный Уральского обкома ВКП(б) М. М. Дзяугис, проводивший обследование тракторной ледяной дороги, рекомендовал организовать обучение рабочих или заменить их между лесозаготовительными сезонами. Качество подготовки и подбор кадров (в основном из числа заключенных или вербованных) зимой 1934/1935 г. он счел неудовлетворительным. Напротив, работа трактористов из числа спецпереселенцев характеризовалась положительно, как и председателя сельсовета В. И. Головина, председателя колхоза Е. Шаломова, бригадира М. И. Щеткина, сумевших организовать колхозников на досрочное выполнение заданий по рубке и возке леса, принятие дополнительных обязательств. Досталось и руководителям. Директору Вишерского ЦБК М. Н. Ионовскому вменялось игнорирование нужд леспромхоза, механизации вывозки древесины,

директору леспромхоза А. А. Гурьеву – невнимание к подбору руководящих и инженерно-технических кадров. Наркомлесу пришлось командировать на должность начальника тракторной дороги квалифицированного специалиста – инженера-механизатора Безгодова. Взыскания затронули в первую очередь начальников подразделений и рабочих. Три человека были отданы под суд, еще три – уволены, восемь работников отделались выговорами⁹⁵².

Данный пример демонстрирует, какие меры пришлось принимать предприятию, получившему в распоряжение новый объект (который трест так и не «довел до ума» в процессе передачи), чтобы обеспечить выполнение заданий. Но если Пармская дорога функционировала относительно неплохо, на ряде других трасс ситуация в начале сезона складывалась критическая⁹⁵³.

Обилие критики касательно неудовлетворительных темпов механизации вывозки древесины прозвучало на совещании работников лесной промышленности Свердловской области в декабре 1935 г. Г. Я. Сокольников⁹⁵⁴ уделил большое внимание механизации сферы заготовки древесины и борьбе с антимеханизаторскими настроениями. Нетипично для руководящего работника Наркомлеса звучала фраза о том, то в регионе с развитой металлургией не тресты народного комиссариата, а «Востокостальлес» должен задавать векторы развития отрасли. Реальная ситуация складывалась именно так: лесозаготовительные организации металлургических трестов преуспели в деле механизации производственных процессов относительно Наркомлеса. Сокольников обронил примечательную мысль о недостатках управления народным комиссариатом отраслью: чиновникам из Москвы казалось, что в регионах, которым дано большое количество механизмов, должны быть механизированные тресты. На практике срабатывал обратный эффект: техника использовалась крайне слабо. И реальные причины этого руководству,

⁹⁵² ЦДООСО. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–20об.

⁹⁵³ См., напр.: Кутейников Устьваеньгские ухабы // Правда Севера. 1935, 5 сентября. С. 3; На Семигороднем не готовятся // Правда Севера. 1935, 18 октября. С. 3.

⁹⁵⁴ Сокольников Г. Я. (1888–1939 гг.) – в 1922–1926 гг. народный комиссар финансов, в 1926–1928 гг. – заместитель председателя Госплана СССР, в 1929–1932 гг. – полпред СССР в Великобритании, в 1932–1935 гг. – заместитель народного комиссара иностранных дел, в 1935–1936 гг. – заместитель народного комиссара лесной промышленности СССР.

постоянно отсылавшему к отрицательному отношению начальников трестов, директоров предприятий к механизации, оставались непонятными.

Наиболее распространенным проявлением антимеханизаторских настроений стало то, что председатели районных исполкомов, ответственные за мобилизацию колхозников на лесозаготовки, были уверены в достижении плановых показателей посредством выделения дополнительной рабочей силы⁹⁵⁵. Судя по тому, как плохо использовалась техника, директора леспромхозов, начальники дорог и лесопунктов разделяли это мнение. Выявились три проблемы: низкое качество планирования и осуществления подготовки к новому лесозаготовительному сезону; дефицит материалов, товаров; нехватка специалистов: механизаторов и инженеров по строительству путей транспорта древесины⁹⁵⁶. Такие ситуации повторялись из года в год, и руководство предприятий, баз, зачастую не имея соответствующего образования, оказывалось один на один с теми новшествами, на которые партийно-государственные и хозяйственные органы возлагали надежду в осуществлении индустриализации лесной промышленности. В начале сезона требовалась рабочая сила, но поселить ее было некуда, не хватало спецодежды; подготовка и эксплуатация дорог осуществлялась с ошибками, возникали простои техники и рабочих на погрузке и разгрузке. Популярным явлением стала «пробная вывозка», позволявшая прощупать путь.

Во второй половине 1930-х гг. рост показателей механизации, улучшение использования техники связывались партийно-государственными органами с созданием механизированных лесопунктов. Отсутствие специализированных конструкторских и испытательных организаций привело к распространению «новаторских» приемов в сфере заготовки лесных ресурсов. Так, в 1939 г. инженер А. И. Айзенберг осуществил в Миасском ЛПХ (Челябинская область) вывозку хлыстов на автомашинах, получив поддержку областной конференции

⁹⁵⁵ ГАСО. Ф. р-2030. Оп. 1. Д. 14. Л. 15–18, 21–23, 26–27, 29–30.

⁹⁵⁶ Там же. Л. 36–39.

лесозаготовителей⁹⁵⁷. Но до Великой Отечественной войны этот способ не получил широкого распространения.

На совещании стахановцев и руководителей лесной промышленности Челябинской области в декабре 1938 г. директор Талицкого ЛПХ треста «Челяблестяж» Коган, будучи уверен в выполнении годовой программы по заготовке древесины, опасался за вывозку. Основная жалоба сводилась к дефициту горючего. Руководство леспромхоза обращалось в районные инстанции, трест, народный комиссариат, но, не получив поддержки, стало переводить транспорт на лигроин (несмотря на стартовавший масштабный перевод техники на твердое топливо). Это позволило приступить к вывозке древесины, но привело к увеличению поломок транспорта (использование лигроина не допускалось техническими условиями)⁹⁵⁸.

Итак, в 1930-х гг. партийно-государственным органам и хозяйственным ведомствам удалось добиться существенных результатов в деле механизации только по вывозке древесины (27 % от общего объема в 1940 г.). Остальные виды работ, несмотря на плановые задания, научную и конструкторскую деятельность ученых и специалистов отрасли, попытки серийного производства некоторой техники, выполнялись с помощью ручного труда рабочих. В некоторых случаях (например, по разработке моторных пил, многооперационных машин) декларации органов власти опередили по времени существовавший уровень технологических и материальных возможностей науки и государства в сфере лесного машиностроения и заведомо не могли быть реализованы.

Суть низкой эффективности механизации сводилась к тому, что она опиралась, с одной стороны, на возможности человеческого организма (то есть на организацию разного рода комплексных бригад, участие в социалистическом соревновании, распространение опыта работы). С другой стороны, «для выполнения отдельных операций, которые раньше выполнялись вручную,

⁹⁵⁷ Пискунов М. Указ. соч. С. 21.

⁹⁵⁸ ОГАЧО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 43. Л. 31–32.

внедрялись машины вначале общего назначения, а затем специальные – трелевочные тракторы и лесовозные машины»⁹⁵⁹. То есть механизация не предполагала внедрения системы машин, которая свела бы к минимуму ручной труд в лесопромышленном комплексе.

3.4. Экспорт продукции, место Советского Союза в мировой лесопромышленной деятельности

В период индустриализации экспорт лесных ресурсов и материалов приносил Советскому Союзу большую прибыль. С начала 1920-х гг. руководство страны восстановило тренд Российской империи по продаже за границу древесины и продуктов из нее, прекрасно осознавая выгоду от этого вида деятельности. В 1913 г. из Российской империи было экспортировано 6,3 млн. ф. м круглого леса, 5,9 млн. м³ пиломатериалов и 1,7 тыс. т бумаги. Основными торговыми партнерами являлись Англия, Германия, Голландия, Франция, Бельгия. В результате общественно-политического и экономического кризиса второй половины 1910-х – начала 1920-х гг. вывоз лесных ресурсов и материалов из страны резко уменьшился. В 1921/1922 г. из РСФСР было экспортировано 0,3 млн. ф. м круглого леса, 0,7 млн. м³ пиломатериалов, 3,6 тыс. м³ фанеры клееной и 2,1 тыс. т бумаги⁹⁶⁰. Затем начался постепенный рост экспорта древесины, что было обусловлено потребностями Советского Союза в валюте для приобретения иностранной техники. В середине 1926 г. СНК СССР учредил акционерное общество «Экспортлес», которое стало контролировать и осуществлять операции от лица Советского государства в сфере продажи древесины и продуктов из нее за границу. Спустя четыре года «Экспортлес» был реорганизован во всесоюзное объединение⁹⁶¹.

⁹⁵⁹ Андреев А. В. Технический прогресс и технико-экономические показатели в лесозаготовительной промышленности // Известия Томского политехнического института. 1972. Т. 255. С. 78.

⁹⁶⁰ Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг... С. 493

⁹⁶¹ Крылов А. И. Указ. соч. С. 22.

К числу причин недостаточных объемов экспорта лесных ресурсов и материалов относились отсутствие строительства новых предприятий, износ оборудования, незначительные капитальные вложения⁹⁶². Возвращение Советского государства на мировой лесной рынок затягивалось в связи с дефицитом и низкой квалификацией рабочей силы, изношенностью фондов, неустроенностью лесных массивов, отсутствием кредитования, проблемами с фрахтом, ростом внутренних потребностей в древесине. Политика государства, направленная на рост экспорта древесины, наталкивалась на деятельность конкурентов в лице Швеции, Финляндии и Польши. Переговоры СССР и Швеции в середине 1920-х гг. не привели к конкретным результатам⁹⁶³.

Если сравнить экспорт леса на отрезке с 1913 по 1927 гг., то Советскому Союзу не удалось достичь цифры Российской империи, несмотря на увеличение продажи за границу этого товара. Финляндия, реализовавшая в 1913 г., еще в составе Российской империи, на мировом лесном рынке 8,6 млн. м³ (первое место), после обретения независимости стала наращивать экспорт: с 6,7 млн. до 10,5 млн. м³ за 1922–1927 гг. Польша, находившаяся также в составе России, в 1913 г. реализовала 4 млн. м³ лесных ресурсов, но, став суверенным государством, увеличила объемы экспорта до 10,7 млн. в 1927 г. Относительная стабильность в продажах леса за границу была присуща Швеции: в 1913 г. – 6,8 млн. м³, в 1922–1927 гг. экспорт колебался от 5 млн. до 6 млн. м³. Сильные колебания в реализации лесных ресурсов за границы отмечались в Чехословакии: от 3,5 млн. до 6,7 млн. м³ в период 1922–1927 гг.⁹⁶⁴

Во второй половине 1920-х гг. европейский рынок пропсов (рудничные стойки) имел тенденцию к увеличению. Его емкость возросла с 950 тыс. русских кубических саженьей⁹⁶⁵ до 1250 тыс. (с 9,23 млн. до 12,14 млн. м³). Основными игроками выступали Финляндия, Польша и Швеция. Советский Союз постепенно наращивал экспорт пропсов в Европу (с 38,4 тыс. русских

⁹⁶² Кауфман М. Указ. соч. С. 83.

⁹⁶³ Рупасов А. И. Указ. соч. С. 82–83.

⁹⁶⁴ Бергавинов С. О лесе, лесной промышленности и лесном экспорте... С. 165, 167.

⁹⁶⁵ 1 русская кубическая сажень – 9,7126 м³.

кубических сажень до 176,2 тыс.), переместившись с четвертого места на второе. Рынок пиломатериалов развивался более активно. Его емкость увеличилась с 3,96 млн. стандартов до 5,15 млн. (с 18,5 млн. м³ до 24 млн.). Среди основных экспортеров лидировала Финляндия, наращивая продажи (с 1012 тыс. стандартов до 1150 тыс.). Аналогичная тенденция наблюдалась во внешнеторговой деятельности Швеции. В Польше экспорт пиломатериалов увеличился с 300 тыс. стандартов до 661 тыс. за 1924–1927 гг., но затем упал в 1929 г. до 345 тыс. стандартов. Советский Союз смог нарастить объемы продаж на европейском рынке с примерно 175 тыс. стандартов до 870 тыс.⁹⁶⁶

В 1929 г. лесные ресурсы и материалы, целлюлозно-бумажные изделия составляли большую долю в экспорте в Швейцарию (82,5 %), Нидерланды (69,8%), Норвегию (60 %), Финляндию (48,8), Великобританию (31,4 %). Наибольший объем леса и целлюлозно-бумажных изделий экспортировался в 1929 г. в Великобританию (49,2 %), Нидерланды (16,9 %), Германию (16,1 %). По сравнению с 1913 г. поставки этих товаров увеличились в США (удельный вес страны в экспорте лесоматериалов возрос с 0,2 до 2,2 %), Великобританию (с 41,3 до 49,2 %), Финляндию (с 0,3 до 2,6 %); сократились – в Германию (доля страны в экспорте лесных ресурсов и материалов снизилась с 26,3 до 16,1 %), Францию (с 6,5 до 4,3 %), Австрию (с 2,4 до 0,3 %)⁹⁶⁷.

По сравнению с ближайшими соседями – Финляндией и Швецией, являвшимися одними из лидеров в лесном экспорте, – СССР отставал как по фактическим объемам, так и по удельному весу в продаже лесных ресурсов и материалов за границу. Преимуществами скандинавских стран являлись высокий удельный вес специальных лесных материалов, сосредоточение большей части древесины в портах к началу навигации. Лидеры отрасли, обладая несравнимо меньшей лесной площадью, чем Советское государство, продавали за границу больше древесины. Советский Союз не вывозил бумагу, экспорт которой Швецией и Финляндией приносил существенную прибыль.

⁹⁶⁶ XV съезд... С. 171–172.

⁹⁶⁷ Афонцев С. А. Указ. соч. С. 38, 51–52, 55–56.

По мнению лесоведа К. И. Альбрехта, советские партийно-государственные органы использовали экспорт древесины в качестве «орудия хозяйственной войны для проведения мировой революции»⁹⁶⁸. Попытки демпинга на мировом лесном рынке имели место в 1926/1927 (в первую очередь, были направлены против лесного экспорта скандинавских государств) и начале 1930-х гг. (для получения валютных средств на фоне кризиса). Так, в 1930–1931 гг. торговыми компаниями Великобритании, Франции и США на основании демпинга и информации об использовании труда заключенных был введен ряд санкций в отношении лесного экспорта Советского Союза. 8 марта 1931 г. руководитель СНК СССР В. М. Молотов высказался «о лжи буржуазной прессы насчет условий труда в северных районах на лесозаготовках», после чего последовало приглашение представителям зарубежных государств и иностранным журналистам, проживавшим в Москве и пользовавшимся свободой передвижения, совершить поездку на Европейский Север⁹⁶⁹. В лагерных комплексах и хозяйственных организациях активизировалась работа по отселению спецпереселенцев и заключенных из мест, где могли побывать иностранцы⁹⁷⁰. Проверочная комиссия по прибытию не смогла подтвердить информацию о заготовке леса для экспорта заключенными. Спешно организованная операция по переброске «спецконтингента» могла быть возможна только благодаря мобилизационным возможностям ОГПУ.

С. А. Бергавинов, побывавший в заграничной командировке в начале 1930-х гг., признавал высокое качество советской древесины по сравнению со шведской и норвежской, но более худшую ее отделку⁹⁷¹. И все же с началом мирового экономического кризиса у СССР имелись все шансы укрепить свое положение на лесном рынке. Неофициальные контакты представителей советских, шведских и финских экспортеров древесины поддерживались на протяжении 1929–1930 гг., но практических результатов не приносили. В

⁹⁶⁸ Альбрехт К. Разве это социалистическое строительство?.. С. 360–361.

⁹⁶⁹ Иванова Г. М. История ГУЛАГа... С. 230.

⁹⁷⁰ См. подробнее: Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 205.

⁹⁷¹ Бергавинов С. Лесная промышленность на помощь индустриализации... С. 11.

начале 1931 г. народный комиссар внешней торговли А. П. Розенгольд и член коллегии ведомства Ш. М. Дволайцкий в записке в Политбюро о соглашении с финской и шведской сторонами об ограничении экспорта пиломатериалов констатировали, что за 1926–1930 гг. доля СССР на английском рынке этого товара возросла с 13,4 до 30,9 %, в то время как Финляндии и Швеции снизилась с 52,3 до 42,1 %⁹⁷². По соглашению предусматривалось ограничение экспорта советского леса в обмен на получение долгосрочных кредитов⁹⁷³. Переговоры в 1931 г. не дали конкретных плодов, в основном из-за разногласий участников по поводу объемов квот. На этом фоне Народный комиссариат внешней торговли и «Экспортлес» стали увеличивать запорядки лесных ресурсов и материалов, допуская снижение цен, чтобы обеспечить в любом случае получение валютных средств⁹⁷⁴.

В условиях падения цен на древесину на мировом рынке⁹⁷⁵ переговорный процесс между государствами на предмет регулирования объемов экспорта древесины возобновился. На встречах в Копенгагене в конце 1935 г. 6 стран – ведущих экспортеров леса договорились об установлении лимитов на вывоз продукции в 1936 г. Из 3860 тыс. стандартов почти 1 млн. (19 % к мировому обороту) приходился на Советский Союз⁹⁷⁶.

В 1932–1933 гг. мировая торговля лесом, особенно в северо-западной Европе, стала усиливаться благодаря росту спроса со стороны торговых сетей и влиянием военной конъюнктуры в ряде стран. В 1933 г. оборот составил 57 млн. м³, увеличившись за год на 11 млн. м³, но отставая от докризисного 1929 г. на 31 %. По 10 европейским и североамериканским государствам, включая СССР, экспорт лесных ресурсов и материалов увеличился за 1933 г., по неполным данным, с 29,2 млн. до 35,9 млн. м³. Лидером являлся Советский Союз (10,7 млн. м³), затем шли Финляндия (6,7 млн.), Канада (5,1 млн.),

⁹⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 811. Л. 7; Д. 814. Л. 7; Рупасов А. И. Указ. соч. С. 83–85, 87.

⁹⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 855. Л. 3.

⁹⁷⁴ Там же. Д. 865. Л. 1.

⁹⁷⁵ Если в 1929 г. в Великобритании базисный размер сосны оценивался в 15 фунтов золотом, то в 1933 г. – в 12 фунтов (бумажных), в конце 1935 г. – 10,15 фунта. В Нидерландах стоимость базисного размера ели за 1934–1935 гг. снизилась с 92 до 69 гульденов (РГАЭ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3; Д. 130. Л. 5).

⁹⁷⁶ Рупасов А. И. Указ. соч. С. 87, 90–91, 94.

Швеция (4 млн.), США (2,7 млн.), Польша (2 млн.). Крупнейшим покупателем лесных ресурсов и материалов являлась Великобритания (в 1932 г. – 10,7 млн. м³, в 1933 г. – 12,7 млн.). На втором месте находилась Германия (3,2 млн. м³ в 1932 г. и 5,2 млн. в 1933 г.). От 1 млн. до 2,5 млн. м³ покупали на мировом лесном рынке Нидерланды, Италия, Бельгия, Япония, Франция.

Шесть восточно- и североевропейских государств, включая СССР, продали на мировом рынке в 1932 г. 2829 тыс. м³ балансов (круглый лесоматериал, используемый для производства целлюлозы и древесной массы), в 1933 г. – 4248 тыс. Однако торговля этим товаром не смогла достигнуть уровня 1929 г. Около двух третей оборота приходилось на Советский Союз. На втором месте расположилась Чехословакия (примерно 560 тыс. м³). Основными покупателями балансов выступали Германия (увеличение импорта в 1933 г. с 1545 тыс. до 3458 тыс. м³) и США (с 1367 тыс. до 1448 тыс.). Рынок пропсов не претерпел существенных изменений. Ведущим экспортером выступал Советский Союз (1077 тыс. м³), покупателем – Великобритания (2580 тыс.).

В то же время в некоторых странах существенная часть лесопромышленных предприятий простаивала (как, например, в Австрии) или, напротив, усиленно работала (в Финляндии и Швеции). В США, где вследствие реализации антикризисных мероприятий президента Ф. Рузвельта (регулирование лесного рынка и промышленности, введение минимальных цен на лесные товары) цены на лес повысились, к концу 1933 г. склады оказались переполнены, а спрос на древесину стал сокращаться. По ориентировочным подсчетам, мировой оборот торговли пиломатериалами должен был достигнуть в 1933 г. 5,5 млн. стандартов (более 25 млн. м³), тогда как двумя годами ранее он равнялся 5,2 млн. По восьми европейским и североамериканским государствам, включая СССР, оборот пиломатериалов увеличился с 2,8 млн. стандартов до 3,46 млн. Лидером являлся Советский Союз, экспортировавший около 1 млн. стандартов (примерно 4,5 млн. м³). Существенный рост продаж пиломатериалов за границу показали в 1933 г. Финляндия (с 685 тыс. до 919 тыс. стандартов), Швеция (с 537 тыс. до 710 тыс.).

Экспорт-импорт фанеры в 1933 г. продемонстрировал рост в связи с расширением сфер применения этого товара. В 1932 г. шесть государств реализовали на мировом рынке 327,3 тыс. м³ фанеры, в 1933 г. – 377,4 тыс. Здесь было два лидера – СССР и Финляндия, которые экспортировали в 1933 г. свыше 100 тыс. м³ каждый. Перспективы торговли связывались с освоением европейскими, североамериканскими государствами и Японией новых рынков сбыта и видов продукции, а также концентрацией в отрасли, усилением влияния на нее со стороны государства (например, в Италии и Германии)⁹⁷⁷.

Итак, основными экспортерами лесных ресурсов и материалов являлись Советский Союз, страны Северной и Восточной Европы. При этом Швеция, Финляндия, Норвегия, обладая развитой лесной промышленностью, поставляли на мировой рынок преимущественно обработанную древесину, тогда как восточноевропейские государства и СССР продавали крупные партии необработанного леса. Государства Западной и Центральной Европы, обладая малыми запасами древесины и нуждаясь в ней для развития горнодобывающей, металлургической, машиностроительной отраслей, активно покупали у североамериканских, северо- и восточноевропейских стран, Советского Союза лесные ресурсы и материалы. Перспективы роста объемов советского экспорта древесины были устойчивы и к 1942 г. могли достигнуть 1200 тыс. стандартов (22 % к мировому обороту)⁹⁷⁸.

В 1913–1922/1923 гг. лес и продукты сухой перегонки древесины занимали первое место в промышленном экспорте Российской империи и СССР. В 1913 г. вывоз лесных ресурсов и материалов принес стране 123,3 млн. руб. (8,1 % от всей выручки), их вес составил 4912 тыс. т (20,4 % ко всему экспорту). Основные сумма и вес приходились на пиломатериалы и бревна. В годы Гражданской войны и «военного коммунизма» экспорт лесных ресурсов и материалов резко уменьшился в 1921 г. (в стоимостном выражении – до 4,32 млн. руб., весом – до 163 тыс. т) и далее стал постепенно возрастать. В 1921

⁹⁷⁷ Колениус М. Указ. соч. С. 46–53.

⁹⁷⁸ РГАЭ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–6.

г. доля этих товаров в стоимости экспорта равнялась 21,4 %, в весе – 76,7 %, в 1922/1923 г. – соответственно 15 и 38,6 % (ввиду увеличения доли продуктов горной промышленности). В 1923/1924–1924/1925 гг. лес и продукты сухой перегонки древесины оказались на втором месте в промышленном экспорте Советского Союза, в 1925/1926 г. – на четвертом, в 1926/1927–1933 гг. – на третьем (уступали продуктам горной и нефтяной промышленности).

Доходы от вывоза лесных ресурсов и материалов росли, несмотря на снижение цен на древесину и продукты из нее. В 1929 и 1930 гг. выручка от экспорта этих товаров (соответственно 147,7 млн. и 162,2 млн. руб.) превысила цифру 1913 г. В связи с мировым экономическим кризисом, разразившимся в 1929 г., цены на лесные ресурсы и материалы на мировом рынке существенно снизились. Сократились и доходы Советского Союза от продажи этих товаров за границу – до 75,8 млн. руб. в 1933 г. Несмотря на снижение цен, вывоз лесных ресурсов и материалов в весовом выражении уменьшился незначительно (с 7020 тыс. т до 6100 тыс.). Более того, для обеспечения экспортных поставок ЦК ВКП(б), к примеру, объявил с 25 мая 1931 г. двухдекадник по подготовке и отгрузке экспортных сортиментов предприятиями и леспромхозами Союзлеспрома ВСНХ СССР. Для контроля за отгрузкой материалов на места были направлены 20 уполномоченных⁹⁷⁹.

В период Новой экономической политики, несмотря на рост выручки от вывоза лесных ресурсов и материалов, удельный вес этих товаров в стоимости советского экспорта колебался от 7,7 до 12 %, но в первой пятилетке стабилизировался в пределах 14–16 %. Доля древесины в весе советского экспорта в эти годы колебалась от 23 до 37 %. В период Новой экономической политики лесной экспорт принес Советскому государству 369 млн. руб. (11 % от всех доходов), за первую пятилетку – 540 млн. руб. (15 %)⁹⁸⁰. По расчетам в валютных рублях в 1929 г. лесные ресурсы и материалы товары занимали первую строчку в экспорте по объему доходов, в 1930 г. – вторую (после

⁹⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 827. Л. 37–38.

⁹⁸⁰ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. 567–568, 572–579.

хлеба), в 1931 г. – третью (после хлеба и нефтепродуктов), в 1932 г. – вторую (после нефтепродуктов), в годы второй пятилетки – первую, несмотря на снижение выручки от продажи лесных ресурсов и материалов⁹⁸¹.

В зависимости от конъюнктуры рынка, объемов производства и качества товаров удельный вес пиломатериалов, отправлявшихся на экспорт, в общем объеме их выпуска в стране в 1929 г. составлял 23,1 % (в Российской империи в 1913 г. этот показатель равнялся 42,7 %). В 1931 г. он упал до 14,3 %, но в 1932–1933 гг. вновь повысился до 21 % и постепенно снижался до 14,2 % в 1936 г. Доля фанеры, направлявшейся для продажи за границу, в общем объеме ее производства в Советском Союзе в 1929 г. равнялась 33,8 %, в последующие два года снизилась до 22,5 %, затем в 1932–1935 гг. вновь повысилась до 33–36 %, в 1936 г. составила 27,7 %⁹⁸². Существенные показатели экспорта пиломатериалов и фанеры, учитывая рост потребности в них внутри Советского Союза, свидетельствовали о противоречивых тенденциях. С одной стороны, это попытки продажи за границу обработанной древесины, которая приносила большой доход, с другой – невысокие экспортные возможности страны, когда ради получения валюты приходилось считаться с неполным удовлетворением внутренних нужд в этих товарах. В начале третьей пятилетки, когда значение вывоза лесных ресурсов и материалов для модернизации страны снизилось, за рубеж было продано 1,7 млн. ф. м круглого леса, 3,2 млн. м³ пиломатериалов, 120 тыс. м³ фанеры клееной и 2,7 тыс. т бумаги⁹⁸³.

По сравнению с СССР Швеция и Финляндия в 1929–1937 гг. удерживали долю лесоматериалов, бумаги и целлюлозы в структуре экспорта на высоком уровне (Швеция – в диапазоне от 42 до 50 %, Финляндия – от 81 до 86 %). Затем происходит снижение удельного веса лесоматериалов, бумаги и целлюлозы в общем объеме экспорта, равно как и спад производства⁹⁸⁴, что было обусловлено подготовкой и началом Второй мировой войны.

⁹⁸¹ Мишустин Д. Д. Указ. соч. С. 108, 100, 115, 117.

⁹⁸² Бакулин С. Н. Указ. соч. С. 297; Мишустин Д. Д. Указ. соч. С. 101.

⁹⁸³ Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг... С. 493.

⁹⁸⁴ Сенчуrow К. Т. Указ. соч. С. 44.

За 1930-е гг. произошли существенные изменения в структуре советского экспорта древесины: увеличился удельный вес обработанного леса, фанеры клееной. Вывоз бумаги и бумажных изделий оставался на низком уровне ввиду неудовлетворения целлюлозно-бумажной отраслью потребностей экономики и населения СССР в своей продукции. Тем не менее говорить о лесных ресурсах и материалах как основном источнике валютных поступлений некорректно, хотя полученные страной средства на нужды индустриального развития сыграли важную роль.

Динамику экспорта Советским Союзом лесных ресурсов во второй половине 1920-х гг. следует рассматривать как стремление за счет активной эксплуатации наиболее доступных массивов на Европейском Севере и Северо-Западе, при минимальных вложениях в лесное хозяйство и лесную промышленность увеличить поступление валютных средств. По данным на 1927 г., экспорт лесных ресурсов равнялся 4,1 млн. м³. Из этого объема 50,5 % приходилось на порты Белого моря, 26,7 % – на г. Ленинград, 13,1 % – на Дальний Восток. При годовом приросте леса в 252 млн. м³ вывоз его за границу был минимальным и имел большие перспективы на Дальнем Востоке и Европейском Севере⁹⁸⁵. Поэтому С. А. Бергавинов, возглавивший Организационное бюро ЦК ВКП(б) по созданному в начале 1929 г. Северному краю, выступал за реконструкцию и строительство предприятий, но связывал эти задачи в первую очередь с возможностью быстро окупить вложения за счет экспорта лесных ресурсов и материалов. Он выделил также Крайний Север и Дальний Восток, что позволило бы выйти на рынки восточноазиатских государств, Австралии и Океании⁹⁸⁶. На XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. Бергавинов выступил за специализацию районов: по экспорту древесины с развитием в них лесопильной и целлюлозно-бумажной отраслей (Европейский Север и Северо-Запад и Дальний Восток) и по удовлетворению внутренних потребностей (остальные районы). Он считал, что это стало бы наиболее

⁹⁸⁵ Бергавинов С. О лесе, лесной промышленности и лесном экспорте... С. 165, 167.

⁹⁸⁶ Там же. С. 167–172.

подходящим решением проблем транспорта древесины и снабжения лесными ресурсами и материалами внутреннего и внешнего рынков⁹⁸⁷.

Основными портами, через которые лесные ресурсы и материалы вывозились из страны, являлись Ленинград и порты Белого моря и Северного Ледовитого океана. В 1913 г. из Санкт-Петербурга было отправлено за границу 1795 тыс. т древесины (51,8 % от всего объема), из портов Белого моря и Северного Ледовитого океана – 1443 тыс. т, в том числе из Архангельска – 998 тыс. т. На протяжении 1920-х гг. северные порты восстановили объемы лесного экспорта (в 1927/1928 г. – 1302 тыс. т (50,5 % от всего объема)), в том числе Архангельск (930 тыс. т). Ленинград, напротив, утратил лидерство в вывозе древесины за границу (887 тыс. т). В экспорте возрастала доля портов Тихого океана. В 1913 г. из них было отправлено 19 тыс. т древесины (0,5 % от всего объема), 1924/1925 гг. – 172 тыс. т (10 %), в 1927/1928 г. – 358 тыс. т (13,9 %)⁹⁸⁸.

Одним из лидеров по экспорту древесины стал Северный край. Вывоз лесных ресурсов и материалов из портов Архангельска, Мезени, Онеги, Печоры составлял в 1927/1928 г. 2236 тыс. м³. В первой половине 1930-х гг. выделяются два года с наибольшими показателями лесного экспорта из портов Северного края, совпавшими с крайними границами периода (в 1930 г. – 3646 тыс. м³, в 1935 г. – 3708 тыс.). Между ними – сокращение объемов. Положительным явлением следует считать рост экспорта пиломатериалов, удельный вес которых в лесном экспорте края колебался от 60 до 70 %⁹⁸⁹. За первую половину 1930-х гг. экспорт древесины из Северного края дал стране 300 млн. руб. в иностранной валюте – около 20 % затрат Советского Союза на приобретение иностранного оборудования в первой пятилетке⁹⁹⁰.

Первые попытки экспорта древесины из Сибири относятся к концу XIX в. В начале XX в. Совет министров Российской империи отнесся отрицательно к проекту фракции сибиряков в Государственной думе о вывозе сибирского леса

⁹⁸⁷ XVI съезд... С. 170–171.

⁹⁸⁸ Холодный дом России... С. 204, 206.

⁹⁸⁹ Санников Л. И. Указ. соч. С. 46; Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 43, 308.

⁹⁹⁰ Посвянский С. «Хозяйство Севера» // Плановое хозяйство. 1935. № 10. С. 227.

Северным морским путем, считая этот товар неконкурентоспособным на внутреннем и мировом рынках по причине низкого качества древесины, произрастающей в суровых природно-климатических условиях региона⁹⁹¹. Развитие экспорта лесных ресурсов и материалов Северным морским путем в 1920-х гг. стало возможно благодаря активному изучению северных районов страны и началу их хозяйственного освоения, высокой стоимости древесины на мировом рынке, увеличению тоннажа судов, деятельности акционерного общества «Аркас». В 1924 г. экспорт древесины из бассейна р. Енисея составил 757 стандартов (произведенных красноярскими заводами «Абакан», «Лукинский» и вблизи станции Тайшет) и далее стабильно возрастал.

Стоимость транспорта древесины из Сибири Карскими экспедициями оказалась более чем в два раза дешевле перевозки железнодорожно-водным путем через Ленинградский порт. Это стало также положительным фактором развития экспорта лесных ресурсов и материалов Северным морским путем. За период с середины 1920-х до середины 1930-х гг. экспорт сибирского леса данным маршрутом увеличился с 6 до 100 % всего грузооборота. В первой пятилетке основной объем экспорта круглого и тесаного леса приходился на р. Енисей (63,9 %), в том числе на заводы в районе Красноярска – 41,6 %. По р. Оби было отправлено на экспорт 36,1 % всего объема круглого и тесаного леса. Эта цифра поровну распределялась между Сургутским районом Уральской области и Западносибирским краем. Сибирская древесина стала конкурентоспособным товаром на европейском рынке. С начала второй пятилетки лесной экспорт на севере Сибири был представлен пиломатериалами⁹⁹².

Центром лесного экспорта стал п. Игарка, наиболее благоприятно размещенный в экономическом и географическом отношении (725 км от устья р. Енисей и 415 км южнее Усть-Енисейского порта). Организация в нем порта и лесопильного производства, развитие сплава сырья по р. Енисею и его

⁹⁹¹ Сибирцев Н. Указ. соч. С. 42, 51.

⁹⁹² Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 3. С. 206; Сибирцев Н. Указ. соч. С. 109, 112, 115–116.

притокам позволяли увеличить объемы экспорта древесины и удешевить его, несмотря на короткий срок навигации⁹⁹³. Перспективы увеличения объемов экспорта древесины связывались также с бассейном р. Оби. Эта водная артерия была судоходна до верховьев, лесные ресурсы здесь были более высокого качества по сравнению с бассейном р. Енисей⁹⁹⁴.

С начала организации перевозок до середины 1930-х гг. экспорт древесины Северным морским путем принес Советскому Союзу почти 15,2 млн. руб. золотом, увеличившись с 119,8 тыс. руб. в начале периода до 2,8 млн. в 1935 г. Сибирский лес оценивался на европейском рынке дороже, чем с Европейского Севера и Северо-Запада, благодаря мелкослойности, твердости, лучшей спецификации. Научно-исследовательский институт по изучению экономики Севера при Главном управлении Северного морского пути считал, что в годы третьей пятилетки удельный вес древесины, вывозимой Карскими экспедициями, в советском лесном экспорте будет повышаться (до 10,4 % – 120 тыс. стандартов). Это позволяло ряд других районов переключить на обслуживание внутренних потребностей. Важное место в развитии экспорта занимали расширение ассортимента продукции и ее облагораживание (за счет введения лиственницы), начало вывоза фанеры клееной (березовой, хвойной, сосновой, кедровой) и целлюлозы⁹⁹⁵.

Во второй и начале третьей пятилеток экспорт пиломатериалов из Игарки (основным потребителем являлась Великобритания) увеличился с 31,8 тыс. до 51,5 тыс. стандартов. Имели место поставки Северным морским путем в Нидерланды, Германию, в 1935 г. – в южноафриканский порт Дурбан. Продукция отправлялась на внутренний рынок Советского Союза (на Европейский Север). Положительным фактором развития экспорта древесины из бассейна р. Енисей стало расширение морского порта в г. Игарке в 1935–1936 гг. В 1940 г., в связи с началом Второй мировой войны, работа Игарского

⁹⁹³ Куят Ф. Указ. соч. С. 107; Сибирцев Н. Указ. соч. С. 74–75, 77–78, 88.

⁹⁹⁴ А. А. Указ. соч. С. 14, 16; Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 3. С. 384; Соколов А. А. Указ. соч. 45; Спецуро Н. В. Перспективы развития лесной промышленности Крайнего Севера... С. 47.

⁹⁹⁵ РГАЭ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 130. Л. 3–6, 8.

порта была переориентирована на внутренний рынок Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны Карские экспедиции не проводились⁹⁹⁶.

Итак, в конце 1920-х – 1930-х гг. Советский Союз стал крупным экспортером лесных ресурсов и материалов, поставляя относительно качественный и дешевый товар. Важно отметить преимущественный вывоз необработанной древесины, а также ограниченность во времени государственной политики по экспорту леса, вызванную необходимостью получения валютных средств и приобретения импортной техники. В 1938–1940 гг. экспорт леса в натуральном и стоимостном выражении сократился. Стало больше вывозиться зерна, нефтепродуктов, хлопка-волокна, пушнины и мехового сырья, хотя абсолютные показатели экспорта этих товаров были меньше по сравнению со второй пятилеткой.

Ввиду слабого развития целлюлозно-бумажной промышленности Российская империя, Советская Россия, Советский Союз компенсировали потребности экономики и населения в отраслевой продукции ее импортом. В 1913 г. было ввезено 128,8 тыс. т бумаги и бумажных изделий (около 45 % от объема их производства в стране). В годы Гражданской войны и начального этапа Новой экономической политики импорт бумаги и бумажных изделий сократился в несколько раз, но с 1924/1925 г. резко возрос и до 1929 г. его ежегодный показатель превышал отметку в 100 тыс. т. Советское государство ввезло за годы Новой экономической политики 565 тыс. т бумаги и бумажных изделий иностранного производства (двукратный объем их производства в стране в 1926/1927 г.). В первой пятилетке импорт Советским Союзом бумаги, бумажных изделий и бумажной массы начал уменьшаться. Было ввезено 192 тыс. т бумаги и бумажных изделий на сумму 26 млн. руб. (за границей приобреталась также бумажная масса). Если в 1929 г. вес импортированных бумаги и бумажных изделий составлял 21,1 % от объема их производства в СССР, то в 1931 г. эта цифра уменьшилась до 5,2 %. Объем ввезенной

⁹⁹⁶ Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 3. С. 236, 242–243; Сибирцев Н. Указ. соч. С. 117.

бумажной массы по отношению к ее производству в стране снизился за три года с 37,8 до 30,6 %. Во второй пятилетке объем ввезенных продуктов бумажной промышленности по отношению к их производству в стране в эти годы равнялся около 0,1 %, бумажной массы – около 1 %⁹⁹⁷. В 1938 г. ввоз в СССР бумаги не превысил 1 тыс. т, картона – столько же⁹⁹⁸.

Сокращение ввоза этих товаров – следствие политики партийно-государственных органов по повышению международного престижа страны, пропаганде достижения технико-экономической независимости. Объемы производства бумаги и картона в Советском Союзе удовлетворяли только минимальные потребности экономики и населения, в несколько раз отставая от стран Западной и Северной Европы, Северной Америки. В стремлении советского руководства избавиться от импорта продуктов бумажной промышленности отразился политический курс на строительство предприятий, освоение техники и технологий, выпуск продукции этой отрасли собственными силами. Ввоз в страну бумажной массы, пусть и многократно уменьшившийся, свидетельствует об относительной слабости отечественных предприятий.

Какие позиции были у стран – лидеров в мировой лесопромышленной деятельности, и какое место в ней занимал Советский Союз? В 1925–1927 гг. доля СССР в общем объеме заготовки древесины в мире равнялась 6,4 % (в том числе деловой – 4,7 %), в производстве пиломатериалов – 5,7 %, целлюлозы и древесной массы – 1,4 %, бумаги и картона – 1,5 %, фанеры – 2,6 %⁹⁹⁹. То есть более высокие позиции у страны, с учетом еще только завершавшегося выхода из кризиса после революций, Первой мировой и Гражданской войн, были в сферах заготовки и механической обработки лесных ресурсов.

Авторитетный экономист П. В. Васильев провел сравнительный анализ стоимостных показателей лесопользования в Советском Союзе, Европе (без

⁹⁹⁷ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. 581, 583, 585; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 690–693.

⁹⁹⁸ Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг... С. 494–495.

⁹⁹⁹ Васильев П. В. Указ. соч. С. 30.

СССР) и США, используя средние фактические цены 1967–1970 гг. В 1913 г. в Российской империи (в границах СССР) заготавливалось древесины на сумму 1613,6 млн. руб. (исходя из объема в 141,5 млн. м³), производилось продукции механической обработки леса (пиломатериалов и фанеры) – на 615,2 млн., глубокой переработки (товарной целлюлозы, бумаги и картона) – на 82 млн. В 1940 г. результаты лесопользования выглядели так: заготовка леса – на 2820,3 млн. руб., механическая обработка – 1546,5 млн., глубокая переработка – 259,5 млн. Очевиден рост удельного веса производства пиломатериалов и фанеры. П. В. Васильев определил пропорции стоимости продукции сфер лесопользования в Советском Союзе, Европе (без СССР) и США, объемы лесопромышленной деятельности в которых были близки друг к другу. Для Советского Союза это соотношение выглядело: в 1913 г. – 1 : 0,38 : 0,05; в 1925–1927 гг. – 1 : 0,74 : 0,13; в 1937 г. – 1 : 0,62 : 0,11¹⁰⁰⁰.

Хорошо видны позитивные изменения в производстве продукции механической обработки и глубокой переработки древесины в стране в 1925–1927 гг. Затем, ввиду значительного увеличения объемов промышленной заготовки лесных ресурсов, лесопильно-деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная отрасли утратили некоторые позиции. Несмотря на строительство и реконструкцию предприятий, сфера глубокой переработки древесины не стала ведущим компонентом лесопромышленного комплекса. Напротив, в Европе (без СССР) и США за 1913–1937 гг. сферы механической обработки и глубокой переработки древесины достигли существенных результатов в выпуске продукции (в стоимостном выражении). В США соотношение трех компонентов лесопромышленного комплекса в 1937 г. равнялось 1 : 0,98 : 0,89. Лесопильно-деревообрабатывающая, фанерная и целлюлозно-бумажная отрасли по стоимости продукции почти догнали сферу заготовки леса, а с 1950-х гг. опередили ее (в Советском Союзе такой результат продемонстрировала

¹⁰⁰⁰ Там же. С. 31. Стоимость заготовленной древесины, равная единице, делится на стоимость продукции механической обработки и глубокой переработки леса.

только сфера механической обработки древесины). Это свидетельствовало об интенсификации лесопользования, комплексном использовании ресурсов.

В конце 1920-х гг. мировой объем *лесоупользования* равнялся около 1600 млн. м³ (в том числе деловой древесины – 740 млн. м³). Первенство было у США (ежегодный объем потребления – около 680 млн. м³). При этом советские специалисты пророчили исчерпание лесных ресурсов в США через 40 лет, но не учитывали разницу в моделях лесопользования, темпах прироста запасов леса на корню, масштабах лесовосстановительных работ. По данным на начало 1930-х гг., Советский Союз, обладая крупнейшими запасами древесины, использовал ежегодный прирост только на 25 %, тогда как в США отмечалось превышение использования прироста. В Финляндии и Швеции объем добычи леса соответствовал размеру ежегодному приросту, в Канаде прирост недоиспользовался. В 1929–1932 гг., на фоне сокращения добычи древесины в США и Канаде, СССР стал мировым лидером в этой сфере¹⁰⁰¹.

В *производстве пиломатериалов* лидером являлись также США. В 1925 г. там выпускалось около 19 млн. стандартов (примерно 87 млн. м³), но в дальнейшем выработка снижалась и в 1929 г. составила около 14 млн. стандартов (примерно 64 млн. м³). В Канаде в 1927 г. производилось 2 млн. стандартов пиломатериалов (примерно 9 млн. м³)¹⁰⁰². То есть позиции Советского Союза в мировом лесопилении (в 1929 г. – 16,5 млн. м³) были прочными. За 1929–1937 гг. производство пиломатериалов из хвойных пород уменьшилось в США с 70,3 млн. до 50,9 млн. м³ (страна сохранила мировое лидерство в этой отрасли), в Канаде – с 11,2 млн. до 8,8 млн. м³. К 1937 г. Швеция (8,6 млн. м³), Финляндия (6,4 млн. м³), Германия (5,5 млн. м³ хвойных пиломатериалов) достигли показателей лесопиления 1929 г. В Советском Союзе производство пиломатериалов возросло в 1937 г. до 33,8 млн. м³, в Японии – до 10,2 млн. м³ (из хвойных пород), или в 1,75 раза больше, чем в

¹⁰⁰¹ Гурвич И. Я. Лесной грузопоток и лесной фонд как его источник // Лесная индустрия. 1934. № 2. С. 27.

¹⁰⁰² Холодный дом России... С. 199–200, 202.

1929 г.¹⁰⁰³ Если в 1913 г. удельный вес Российской империи в мировом производстве пиломатериалов (140,2 млн. м³) равнялся 8,5 %, то Советского Союза в начале 1930-х гг. (140–160 млн. м³) – примерно 15 %. В 1940 г. доля возросла до 32,4 % (мировой выпуск – 107,4 млн. м³)¹⁰⁰⁴.

В мировом *производстве фанеры* позиции СССР были также крепкими. В 1937 г. в США выпускалось 650 тыс. м³ фанеры, в СССР – 663 тыс., в Германии – 417 тыс., в Японии – 293 тыс., в Финляндии – 258 тыс. Рост показателей в европейских и североамериканских странах наметился с 1933–1934 гг., по мере преодоления последствий кризиса. Важными факторами развития отрасли (особенно в Германии, Японии, Италии, Советском Союзе) стали милитаризация экономики и рост потребностей в фанере оборонных предприятий. В большинстве стран Европы и Америки производство фанеры было незначительным¹⁰⁰⁵.

СССР в 1930-х гг. существенно отставал в объемах *производства целлюлозно-бумажной* продукции от государств с развитой лесной промышленностью. В 1913 г. выпуск бумаги в Российской империи (в границах СССР до 1939 г.) в размере 197 тыс. т был меньше в 15,6 раза, чем в США (3075 тыс.), в 10 раз, чем в Германии (1980 тыс.). В Канаде производилось 317 тыс. т этого товара, в Японии – 131 тыс. Спустя полтора десятилетия разница изменилась незначительно. За 1913–1929 гг. производство бумаги в мире возросло с 11,4 млн. до 23 млн. т. Выпуск этого товара в Советском Союзе (384,9 тыс. т) был ниже в 25,3 раза по сравнению с США (9753 тыс.), в 6,6 раза по сравнению с Германией (2556 тыс.). В Канаде производство бумаги достигло 2903 тыс. т, в Японии – 847 тыс.

В период мирового экономического кризиса объемы выпуска этого товара сократились. В 1937 г. в США производилось 6230 тыс. т бумаги, в Германии – 2850 тыс. Выпуск этого товара в США был в 7,5 раза больше, чем в СССР, в

¹⁰⁰³ Капиталистические страны в 1913, 1920–1930 гг... С. 514; Лесопильная промышленность... С. 24.

¹⁰⁰⁴ Деревообрабатывающая промышленность СССР // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. 2-е изд. Т. 3. М., 1936. С. 757; Лесная промышленность за 30 лет... С. 10.

¹⁰⁰⁵ Капиталистические страны в 1913, 1920–1930 гг... С. 514; Фанерная промышленность... С. 519.

Германии – в 3,4 раза. Как в странах Европы и Северной Америки наблюдалось снижение объемов изготовления бумаги, так и в Советском Союзе имели место спады в отрасли. В итоге к 1937 г. СССР, несмотря на рост фактических показателей производства, не смог догнать в этой отрасли Францию (875 тыс. т)¹⁰⁰⁶, которая не являлась страной с большими запасами древесины, но обладала относительно развитыми сферами механической обработки и глубокой переработки лесных ресурсов. Тем не менее в выпуске отдельных видов бумаги Советский Союз смог улучшить свои позиции в мировом целлюлозно-бумажном производстве¹⁰⁰⁷.

Лидерами по производству целлюлозы (по данным 1938 г.) являлись США (4173 тыс. т), Швеция (2377 тыс. т), Финляндия (1471 тыс. т), Канада (1040 тыс. т), Германия (1241 тыс. т в 1935 г.), Япония (571 тыс. т), Норвегия (462 тыс. т). В большинстве государств – производителей целлюлозы в 1930–1932 гг. наблюдался спад в отрасли, но затем начался рост показателей. При этом в 1937 г. Швеция экспортировала 2198 тыс. т целлюлозы (78,8 % от объема производства), Финляндия – 1170 тыс. т (79,3 %), Норвегия – 354 тыс. т (64,1 %)¹⁰⁰⁸. Советский Союз с показателем около 460 тыс. т занимал, таким образом, восьмое место в мире, отставая даже от ближайших соседей – Финляндии и Норвегии. За 1930-е гг. ему не удалось приблизиться по производству бумаги и целлюлозы к лидерам, несмотря на строительство предприятий, освоение новых технологий и видов продукции. Так, причины эффективного функционирования лесного комплекса Финляндии, которая схожа с Советским Союзом климатическими условиями и периферийным характером экономики, исследователи видят в активном освоении передовых, прежде всего немецких, технологий лесопользования. А затем – в объединении усилий лесной и машиностроительной отраслей для организации импортозамещения в части оборудования для лесной промышленности¹⁰⁰⁹.

¹⁰⁰⁶ Капиталистические страны в 1913, 1920–1930 гг... С. 515.

¹⁰⁰⁷ Чуистов В. Указ. соч. С. 64.

¹⁰⁰⁸ Капиталистические страны в 1913, 1920–1930 гг... С. 515; Целлюлозная промышленность... С. 494.

¹⁰⁰⁹ Ислакаева Г. Р. Реформы финской лесной отрасли, обеспечившие ее мировой уровень // Региональная экономика: теория и практика. 2017. № 3 (438). С. 553, 556.

В *лесохимии* лидирующие позиции занимали США, где в начале 1930-х гг., несмотря на примитивные способы добычи и переработки живицы, отсутствие хранилищ, сезонный характер работы заводов, но при этом благодаря высокой квалификации мастеров и качественной переработке сырья, вырабатывалось ежегодно около 400 тыс. т канифоли и 90 тыс. т терпентинного масла. Это позволяло стране навязывать цены на продукцию на мировом рынке. В Западной Европе терпентинное производство было лучше всего развито во Франции, где благодаря теплomu и мягкому климату, образцовой постановке подсочки добывалась живица высокого качества и внедрялись передовые технологии ее переработки¹⁰¹⁰. *Гидролизная промышленность* не получила серьезного развития в странах Европы и Северной Америки (ввиду существования крупной химической индустрии), за исключением Финляндии. Там строительство предприятий этой отрасли обуславливалось наличием доступных лесных ресурсов (до 1940 г. в стране функционировали три сульфитно-спиртовых завода, за 1940–1944 гг. были возведены еще 14 заводов, преимущественно в военных целях)¹⁰¹¹.

В государствах Северной Америки, Центральной и Северной Европы лесная промышленность играла важную роль в экономике. Так, в США в 1935 г. стоимость валовой продукции лесопромышленного комплекса составила 3,2 млрд. долл. (6,1 % от показателя по промышленности страны), в нем трудилось 815 тыс. рабочих (9,3 %). В Финляндии в сферах механической обработки и глубокой переработки древесины, которые давали более 40 % промышленной продукции, трудились в 1938 г. 76 тыс. рабочих (36 % от их общего числа в обрабатывающей промышленности страны). Эти сферы были сильно монополизированы, зависели от иностранных инвестиций, но приносили стране существенный доход от продажи за границу леса (в 1939 г. 33,9 % стоимости экспорта), бумаги, картона и целлюлозы (41,5 %). В Швеции лесопромышленный комплекс давал в 1938 г. 20 % стоимости валовой

¹⁰¹⁰ Сергеев Б. Ф. Добыча и переработка живицы. М.; Л., 1933. С. 31–32.

¹⁰¹¹ Гидролизная промышленность... С. 299.

продукции промышленности (в 1940 г. – 15 %), обеспечивал около половины экспорта. В отрасли было занято 23 % всех фабрично-заводских рабочих¹⁰¹².

По сравнению с США (2,35 ф. м) и Францией (0,61 ф. м) показатель вывозки древесины в Российской империи на душу населения был ниже (0,42 ф. м), однако в связи с мировым экономическим кризисом конца 1920-х – 1930-х гг. объемы заготовки и вывозки древесины в странах Европы и Северной Америки существенно сократились. В 1937 г. на душу населения в США вывозилось 1,55 ф. м древесины, во Франции – 0,52 ф. м. Значительный рост показателя вывозки древесины на душу населения в Советском Союзе в 1930-х гг. обуславливался в первую очередь увеличением объемов промышленной добычи лесных ресурсов. Аналогичным образом складывалась ситуация в производстве пиломатериалов. За 1913–1937 гг. выпуск этого товара на душу населения в США сократился с 1,07 до 0,53 м³ (включая шпалы), во Франции – увеличился с 0,07 до 0,09 м³. В Российской империи производилось на душу населения 0,09 м³ пиломатериалов, в 1937 г. в Советском Союзе – 0,21 м³¹⁰¹³.

Объем выпуска бумаги на душу населения в Российской империи и СССР оставался низким, спрос на этот товар не обеспечивался. В 1913 г. изготовление бумаги на душу населения (1,4 кг) было меньше в 24,5 раза, чем в США, в 17 раз, чем в Германии, в 16 раз, чем в Великобритании, и почти не отличалось от Японии (1,3 кг). К 1929 г. разница сократилась, но по фактическим показателям отставание возросло. Выпуск бумаги на душу населения в Советском Союзе (2,5 кг) был ниже в 18 раз по сравнению с США, в 14 раз по сравнению с Германией в 12 раз по сравнению с Великобританией, в 6 раз по сравнению с Францией. Даже Япония смогла увеличить производство этого товара до 6,3 кг на человека. За 1913–1937 гг. фактический рост изготовления бумаги на душу населения составил: в Российской империи, Советском Союзе – с 1,4 до 4,9 кг

¹⁰¹² Канада // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. С. Б. Ингулов, Н. Л. Мещеряков. 2-е изд. Т. 5. М., 1937. С. 219; Соединенные штаты Америки // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. 2-е изд. Т. 9. М., 1941. С. 871–872; Финляндия // Малая Советская энциклопедия / под ред. С. И. Вавилова, К. Е. Ворошилова, А. Я. Вышинского, П. И. Лебедева-Полянского, А. Лозовского, Ф. Н. Петрова, Ф. А. Ротштейна, О. Ю. Шмидта. Т. 11. М., 1947. С. 208, 210; Швеция // Там же. С. 745–746.

¹⁰¹³ Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 49; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1964. С. 44–45, 122; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.)... С. 72–73.

(показатель 1932/1933 г., согласно первому пятилетнему плану), в США – с 34,4 до 48,4 кг, в Германии – с 24 до 41,9 кг (при этом ее территория после 1919 г. сократилась), в Великобритании – с 22,2 до 41,8 кг (по данным 1935 г.), в Японии – с 1,3 до 7,6 кг (по данным 1936 г.)¹⁰¹⁴. За два с половиной десятилетия эти страны существенно увеличили обеспеченность населения бумагой.

Итак, сравнение места основных компонентов лесной промышленности в экономиках США, Великобритании, Германии и Японии в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. показало, что лесопильно-деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная отрасли находились во второй пятерке отраслей по объему производства в продукции всей промышленности (соответственно 6–9 и 9–10 места). В СССР в начале первой пятилетки лесопильно-деревообрабатывающая отрасль занимала седьмое место, в 1932 г. – четвертое, в конце второй пятилетки – шестое; целлюлозно-бумажная – соответственно тринадцатое, четырнадцатое и вновь тринадцатое¹⁰¹⁵. Лесная промышленность имела примерно равное значение в государствах, находившихся на индустриальной стадии развития. Данные об использовании древесного сырья и о стоимости продукции сфер лесопользования в Советском Союзе свидетельствуют об относительно активном развитии лесопильно-деревообрабатывающей отрасли и отставании целлюлозно-бумажной промышленности. Страна имела прочные позиции в мировой лесопромышленной деятельности в производстве пиломатериалов и фанеры (по фактическим показателям и по выпуску продукции на душу населения). Темпы развития целлюлозно-бумажной промышленности не позволили целиком удовлетворить потребности экономики и населения в продукции отрасли.

Таким образом, в годы первых пятилеток Советскому государству удалось увеличить объемы заготовки и вывозки леса, выпуска продукции механической

¹⁰¹⁴ Бумажная промышленность // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. 2-е изд. Т. 2. М., 1939. С. 132; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.)... С. 72–73; Турин А. Указ. соч. С. 10.

¹⁰¹⁵ Иоффе Я. К итогам борьбы за технико-экономическую независимость СССР // Плановое хозяйство. 1938. № 11. С. 60.

обработки и глубокой переработки древесины. Отказ от импорта ряда товаров в начале 1930-х гг. внешне свидетельствовал об успехах. Однако потребители внутри страны испытывали дефицит лесной и бумажной продукции, в том числе по причине ее низкого качества. Основную долю стоимости валовой продукции давала сфера заготовки древесины, тогда как удельный вес целлюлозно-бумажной и лесохимической отраслей возрос незначительно. Партийно-государственные и плановые органы предполагали развивать в северных и восточных районах комбинированное лесопользование, базировавшееся на механической обработке и глубокой переработке древесины. Удалось достичь преимущественно полукombинированного характера лесной промышленности, а в ряде территорий сохранилась сырьевая ориентация. В Сибири и на Дальнем Востоке не удалось реализовать ни одного крупного проекта целлюлозно-бумажного комбината.

В процессе реализации пятилетних планов изменились позиции СССР на мировом лесном рынке и характеристики региональных лесопромышленных комплексов. Нарастание экспорта древесины преследовало цель получения валютных средств для осуществления индустриализации, несмотря на жесткую конкуренцию и снижение цен в период мирового экономического кризиса в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Посредством переговоров, демпинга, улучшения работы предприятий и портов СССР добился повышения своей роли в продаже круглого леса, пиломатериалов и фанеры. Но в конце 1930-х гг. экспорт лесных ресурсов и материалов значительно сократился, предприятия переориентировались на внутренний рынок.

Большую роль в реализации пятилетних планов играли оперативное планирование (годовые, квартальные планы) и директивы партийно-государственных и хозяйственных органов. В то же время в деятельности Наркомлеса СССР прослеживается тесная связь между степенью выполнения плановых показателей и объемом финансирования, репрессивными и мобилизационными кампаниями государства. Сохраняя лидерство в выпуске фанеры, древесной массы, целлюлозы и бумаги, народный комиссариат

действовал неэффективно в деле заготовки древесины, лесопиления и деревообработки. Следствием этого стали передача ряда трестов в ведение НКВД СССР и выделение Народного комиссариата целлюлозно-бумажной промышленности.

Просчетом властей и хозяйственных ведомств стало направление большей части инвестиций на приобретение техники. Из-за слабой материально-технической базы, дефицита квалифицированных специалистов, негативного отношения работников к технике существенная часть механизмов простаивала либо использовалась не на полную мощность. Технику и оборудование выпускали машиностроительные предприятия «широкого профиля», отдельные предприятия Наркомлеса, научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения, что приводило неудовлетворительному сочетанию производственных параметров.

Глава 4. Кадровая политика

4.1. Количественный и качественный состав работников

Лесная промышленность испытывала в годы первых пятилеток острый дефицит постоянной, а главное – квалифицированной рабочей силы. В то же время требовалось большое число рабочих для выполнения трудоемких работ по заготовке, вывозке и сплаву лесных ресурсов. Многообразие ведомств, занимавшихся лесопромышленной деятельностью, источников комплектования производственных коллективов, статистические искажения, а также попытки скрыть использование принудительного труда обусловили трудности в учете численности работников. Отсюда использование данных, которые характеризуют трудовые ресурсы лесной промышленности в целом и Наркомлеса СССР в частности, а также категории «вольнонаемных», постоянных, сезонных работников, спецпереселенцев и заключенных.

В начале 1930-х гг. произошел существенный рост численности работников, что вполне соизмеримо с масштабами освоения лесов, строительством предприятий и увеличением объемов производства продукции механической обработки и глубокой переработки древесины. Данные за 1932–1934 гг. охватывают *все компоненты лесной промышленности*. Число рабочих увеличилось с 1289 тыс. до 1421 тыс. Удельный вес отрасли в численности рабочих «крупной» промышленности в конце 1934 г. равнялся 19,3 %, двумя годами ранее – 17,3 %. Наибольшее количество рабочих было занято в сфере заготовки лесных ресурсов (860 тыс. в 1932 г. и 975 тыс. в 1934 г.). На втором месте была деревообработка. В 1932 г. численность рабочих в ней возросла почти на 70 тыс. человек и в следующие два года стабилизировалась на уровне 360–370 тыс. Число рабочих на спичечных фабриках за 1932–1934 гг. сократилось с 20,3 тыс. до 16,8 тыс. человек, производстве стандартных домов и строительных деталей за 1933–1934 гг. – с 25 тыс. до 20,1 тыс. Напротив, на мебельных фабриках оно возросло за два года

с 39,3 тыс. до 41,5 тыс. человек. В бумажной промышленности численность трудовых ресурсов увеличивалась медленно – за три года с 38,6 тыс. до 45,3 тыс. человек. В лесохимии количество рабочих возросло с 27,5 тыс. до 34 тыс. человек¹⁰¹⁶. То есть в отраслях, производивших товары потребления с более высокой конечной стоимостью, активно оснащавшихся передовой техникой и технологиями, численность трудовых ресурсов была стабильной, незначительно снижалась или повышалась, во многом завися от темпов реконструкции, строительства и сдачи в эксплуатацию предприятий.

Лесное хозяйство и сфера заготовки лесных ресурсов (в статистических сборниках и материалах переписей населения обозначаются общим наименованием «лесное хозяйство») статистикой не включались в перечень отраслей «крупной» промышленности. До 1931 г. не учитывались рабочие с собственными лошадьми. На наш взгляд, правомерно включать рабочих сферы заготовки лесных ресурсов в категорию промышленных рабочих, особенно с 1929 г., когда началась реформа лесного комплекса¹⁰¹⁷. В ней потребность в рабочей силе менялась в течение года: возрастала в зимний период (когда была возможность заготовить и транспортировать древесину в больших объемах и привлечь сельских жителей к труду), уменьшалась – в летний.

За первую пятилетку в лесопильно-деревообрабатывающей и бумажной промышленности СССР (по «крупной» промышленности) число рабочих увеличилось с 137,3 тыс. до 295,8 тыс., основной рост пришелся на 1929–1931 гг. в связи с большими объемами реконструкции и строительства предприятий. В структуре лесопиления и деревообработки лидером по числу рабочих являлась лесопильно-фанерная отрасль. Лидерами по числу рабочих были Ленинградская, Ивановская, Уральская области, Горьковский, Нижневолжский края. Наиболее высокие темпы роста численности трудившихся отмечались в

¹⁰¹⁶ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 124; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 5, 9–10, 13, 222, 231; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 5–6, 12, 72–76.

¹⁰¹⁷ В пользу этого свидетельствует также решение Политбюро ЦКВКП(б) от 5 октября 1930 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 799. Л. 17) о переводе лесных рабочих из Союза сельхозрабочих в Союз деревообделочников. В результате формировался отраслевой профсоюз, обслуживавший лесную промышленность и лесное хозяйство.

Уральской и Московской областях, Горьковском и Западносибирском краях, Украинской и Белорусской союзных республиках¹⁰¹⁸.

Данные на 1 января 1936 г. отражают число рабочих, занятых в лесопильной, фанерной и бумажной промышленности. В 1934–1935 гг. наблюдалась стабилизация численности трудовых ресурсов в этих отраслях. В лесопилении и производстве фанеры количество рабочих увеличилось на чуть более 15 тыс. человек и составило 201,3 тыс., в бумажной промышленности почти не изменилось – 44,3 тыс. человек. В РСФСР было занято 85,2 % рабочих лесопильно-фанерной отрасли и 83,3 % – бумажной, в Украинской ССР – соответственно 6,2 и 7,5 %, в Белорусской ССР – 7,7 и 8,7 %. В Российской Федерации в лесопильно-фанерной отрасли лидерами по количеству рабочих были Северный край (29,2 тыс. человек), Ленинградская область (20,2 тыс.), Сталинградский (11,4 тыс.), Горьковский (10,5 тыс.) края, Карелия (9,5 тыс.) и Свердловская область (8,8 тыс.). На пять регионов Российской Федерации (Ленинградская, Свердловская, Западная области, Северный и Горьковский края) приходилось 27,4 тыс. рабочих бумажной промышленности страны.

Только в отдельных территориях (в основном северных и восточных, где началось активное освоение лесов и были построены средние и крупные предприятия) лесопиление и производство фанеры и бумаги играли ведущую роль, в том числе по количеству рабочих. В Карелии из 17,3 тыс. промышленных рабочих 61,2 % трудились в этих отраслях, в Северном крае из 65 тыс. – 51 %, в Омской области из 32,2 тыс. – 18,6 %. Напротив, в Ленинградской области, где были сосредоточены средние и крупные лесопромышленные предприятия, из 654,5 тыс. промышленных рабочих только 4,8 % трудились в этих отраслях, в Свердловской области из 249,1 тыс. – 5,7 %. В целом по РСФСР из 4,25 млн. промышленных рабочих 4,9 % трудились в лесопилении и производстве фанеры и бумаги, в СССР из 5,9 млн. – 4,2 %¹⁰¹⁹.

¹⁰¹⁸ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 323–324, 328; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 486, 490–491.

¹⁰¹⁹ Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 520–523.

Сведения о численности работников, занятых в лесной отрасли, были получены по итогам всесоюзных переписей, состоявшихся в 1937 и 1939 гг. Сложность использования и анализа данных состоит не только в имевших место фальсификациях результатов, но и в критериях отнесения трудившихся к отрасли. Главное отличие – в методиках переписей, когда анкетированный гражданин позиционирует себя с определенными социальными группами¹⁰²⁰, и текущего статистического учета, где сведения подают хозяйственные ведомства и организации. Работники были распределены по профессиональному признаку, и вычленив их занятость в разных видах деятельности в лесном комплексе, не говоря уже о «районной промышленности», невозможно. Не определить, в каких масштабах имел место принудительный труд в отрасли. Не установить и то, соответствует ли реальное число заключенных и спецпереселенцев, трудившихся в лесной промышленности, результатам переписи в отраслевом разрезе, а также то, учитывался ли «спецконтингент» «лесных» исправительно-трудовых лагерей и спецпоселков в качестве занятого в отрасли.

В 1940 г. в лесном хозяйстве страны трудились 280 тыс. рабочих и служащих, в сферах заготовки, механической обработки и глубокой переработки древесины – 1900 тыс. Удельный вес лесопромышленного комплекса в численности промышленных рабочих увеличился с 15,4 % в 1937 г. до 16,5 % в 1940 г.¹⁰²¹

По плану на 1941 г. в системе Наркомлеса СССР должны были трудиться чуть более 1,3 млн. работников, в том числе около 880 тыс. рабочих, 45 тыс. инженерно-технических работников, 72 тыс. служащих (без учета лесного хозяйства, заготовки осмола и подсочки). В фабрично-заводской промышленности были заняты 275 тыс. человек, в сфере заготовки древесины –

¹⁰²⁰ По переписи 1937 г. 2018,1 тыс. человек, в том числе 353,3 тыс. – женщин (17,5 %), обозначили себя в качестве занятых в лесном комплексе (Всесоюзная перепись населения 1937 г... С. 125–126); по переписи 1939 г. – 1952,5 тыс. человек, в том числе 295 тыс. – женщин (15,1 %) (Всесоюзная перепись населения 1939 года... С. 96–98).

¹⁰²¹ Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг... С. 147; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 24; Страна советов за 50 лет... С. 218.

845 тыс. Небольшой удельный вес инженерно-технических работников при существенном количестве служащих свидетельствует о нерешенности проблемы подготовки квалифицированных специалистов и закрепления их в отрасли. В системе Наркомбумпрома СССР должны были трудиться 103,5 тыс. работников, в том числе (без учета Карело-Финской ССР) 48,4 тыс. рабочих, 4,5 тыс. инженерно-технических работников, 3,7 тыс. служащих. Общая численность работников, занятых в двух народных комиссариатах, составляла чуть более 1,4 млн. человек (14,4 % от показателя по «крупной» промышленности страны). В Главлесоохране должны были трудиться 259,4 тыс. человек, в Главлесоспирте – 5,25 тыс.¹⁰²²

Итогом трех пятилеток стало увеличение числа работников лесной промышленности с примерно 1 млн. человек (ввиду отсутствия части сведений о сфере заготовки древесины) до почти 2 млн. человек (включая всех основных лесозаготовителей). Основная часть работников трудилась в ВСНХ, затем в *Народном комиссариате лесной промышленности СССР*.

Общая численность работников Наркомлеса (без сферы заготовки древесины) составляла в 1932 г. 225,4 тыс. человек, в том числе рабочих – 162,4 тыс., служащих – 20,9 тыс., инженерно-технических работников – 10,9 тыс., учеников – 13,7 тыс. В сфере заготовки лесных ресурсов было занято 490,4 тыс. Вторым пятилетним планом намечалось, что в 1937 г. в лесопильно-деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной и лесохимической отраслях Наркомлеса будут трудиться 219,6 тыс. рабочих, в сфере заготовки древесины – 674 тыс.¹⁰²³

Несмотря на установки партийно-государственных органов об увеличении удельного веса постоянных рабочих в сфере заготовки леса, реальная ситуация с наличием трудовых ресурсов складывалась напряженно. Из-за неудовлетворительных условий труда и быта массово увольнялись постоянные кадры рабочих. На 10 февраля 1933 г. их осталось только 64 тыс. человек

¹⁰²² Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год... С. 521–522, 543.

¹⁰²³ Второй пятилетний план... С. 508–509, 511.

вместо 100 тыс. в конце 1932 г.¹⁰²⁴ Из 589,7 тыс. человек колхозники составляли 37 % вместо 33 % в 1932 г. (из 675,8 тыс. человек), постоянные кадры – 11 % вместо 15 % в 1932 г.¹⁰²⁵ Использование спецпереселенцев, сельского населения обусловило снижение доли постоянных кадров.

В 1934 г. фактическая численность рабочих и служащих, занятых в сфере заготовки древесины Наркомлеса СССР, равнялась 761 тыс. человек (только рабочих – 627 тыс.), в фабрично-заводской промышленности – 262 тыс. (рабочих – 171 тыс.). Всего в ведомстве трудились 1023 тыс. рабочих и служащих. В 1935–1936 гг. в системе Наркомлеса СССР наметилась тенденция снижения (и стабилизации – по плану на 1937 г.) численности рабочих и служащих (с 1041,8 тыс. до 1021,6 тыс.)¹⁰²⁶. Позитив этих изменений заключался в том, что они не ухудшили динамику производственных и стоимостных показателей. Сокращение численности трудовых ресурсов произошло за счет уменьшения количества рабочих в сфере заготовки древесины (на 31 тыс.), тогда как в фабрично-заводской промышленности Наркомлеса число рабочих возросло на 12 тыс. человек (см.: Приложение 31). В конце 1938 г., в пик сезона заготовки лесных ресурсов, численность рабочих, занятых на лесозэксплуатации, по Наркомлесу СССР составляла 322 тыс. человек (78,3 % к потребности), в том числе постоянных – 156,5 тыс. человек (75,1 % к потребности). Если с 10 октября по 31 декабря общее количество рабочих увеличилось на 142 тыс. человек, то постоянных – только на 20 тыс.¹⁰²⁷ Наркомлес и его тресты по-прежнему зависели от сезонной рабочей силы, и в разгар лесозаготовительного сезона не хватало до 25 % трудовых ресурсов от имевшейся потребности, в том числе постоянных кадров. В середине 1930-х гг. темпы роста численности трудовых ресурсов в отрасли замедлились по сравнению с периодом первой пятилетки, поскольку многие строившиеся

¹⁰²⁴ Постановление комиссии исполнения при СНК СССР «О работе Народного комиссариата лесной промышленности по заготовке и вывозке леса»... (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁰²⁵ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 60.

¹⁰²⁶ Народнохозяйственный план на 1935 год... С. 645–650; Народнохозяйственный план на 1936 год... С. 392–393, 395–396; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год... С. 42–49, 56–57.

¹⁰²⁷ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 40.

объекты действовали, а упор делался на формирование постоянных производственных коллективов.

В развитии кадрового потенциала лесной промышленности ставка делалась на повышение удельного веса *постоянных рабочих*. В начале 1930-х гг. под постоянными кадрами в сфере заготовки древесины понимались рабочие, «круглый год связанные только с лесозаготовительным производством на базе технического вооружения». Им отводилась роль привития сельским жителям «пролетарской психологии», производственных навыков и организации труда¹⁰²⁸. Власти, обосновывая необходимость создания постоянных кадров, стремились показать неудовлетворительные условия труда на лесозаготовках в Российской империи. Сформулированные положения: «о плохом питании и отвратительном жилище», 12–14-часовом рабочем дне, низких заработках – перешли в разряд стереотипов. Постановка цели на освоение лесных массивов в слабозаселенных северных и восточных районах выдвинула необходимость подготовки квалифицированных рабочих (которые трудились бы круглогодично, могли – по опыту Германии – охранять леса, тушить лесные пожары), механизации заготовки и вывозки древесины, внедрения новых форм организации труда¹⁰²⁹. В 1933 г. на I Всесоюзной конференции по реконструкции лесной промышленности было определено, что к концу второй пятилетки доля постоянных рабочих¹⁰³⁰ в сфере заготовки древесины должна превысить 80 % к общей численности трудившихся. Основным способом комплектования постоянных кадров определялся

¹⁰²⁸ Бергавинов С. Лесная промышленность на помощь индустриализации... С. 5–7.

¹⁰²⁹ Альбрехт К. И. Для леса нужны постоянные кадры рабочих... С. 6, 24–25, 28–30.

¹⁰³⁰ Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР «Об условиях труда рабочих и служащих, занятых в лесной промышленности и лесном хозяйстве» от 7 марта 1933 г., постоянными рабочими в лесной промышленности (без учета постоянно действующих предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины) считались: рабочие, проработавшие непрерывно в одном леспромхозе, лесхозе, леспромхозе, сплавной конторе, лесомелиоративном участке и т. д. не менее восьми месяцев; квалифицированные рабочие, при условии заключения с ними договора о постоянной работе на срок не менее одного года; возчики на собственном обозе предприятия и бригадиры, проработавшие не менее одного месяца и заключившие договор о постоянной работе на срок не менее одного года; служащие, принятые на постоянную работу по истечении установленного законодательством о труде срока испытания. Флейшиц Е. А. Указ. соч. С. 89.

организованный набор, источниками – местные и внутрирегиональные ресурсы (прежде всего, из числа колхозников), а также промышленное переселение¹⁰³¹.

За вторую пятилетку количество постоянных рабочих в лесопромышленном комплексе страны увеличилось с 92 тыс. до 211 тыс. человек¹⁰³². Поскольку наблюдалась нехватка трудовых ресурсов, Наркомлес СССР в середине десятилетия пересмотрел свое отношение к комплектованию производственных коллективов, предоставлению льгот, материальной и социальной поддержке отдельных категорий работников¹⁰³³. Несмотря на усиление поддержки постоянных работников, в первом квартале 1941 г. в сфере заготовки лесных ресурсов трудились 370,3 тыс. постоянных рабочих и 609 тыс. – сезонных¹⁰³⁴.

В активно развивавшихся региональных лесопромышленных комплексах сезонные рабочие, колхозники, спецпереселенцы играли большую роль. Это хорошо видно на примере Урала, где в лесной промышленности ежегодно задействовалось 200–250 тыс. человек. В 1930 г. на предприятиях и организациях лесной промышленности численность постоянных работников составила 10,8 тыс. человек, в 1937 г. – 41,9 тыс.¹⁰³⁵ Отрасль испытывала острую нехватку рабочей силы, нуждалась в большом числе сезонных рабочих. К примеру, в октябре 1938 г., когда активизировались заготовка и вывозка леса, на предприятиях Главвостлеса Наркомлеса СССР трудились только 16,8 тыс. рабочих (35,7 % к потребности), в том числе 10,8 тыс. – постоянных (62,4 % к потребности). К концу года ситуация улучшилась, но не хватало 23 % рабочих, которые должны были трудиться по плану¹⁰³⁶. Высокий процент постоянных рабочих был обусловлен состоявшейся в конце 1937 – начале 1938 гг. передачей части леспромхозов исправительно-трудовым лагерям и переводом людей на оставшиеся предприятия.

¹⁰³¹ Труды I Всесоюзной конференции... С. 67.

¹⁰³² Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций... С. 15.

¹⁰³³ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 18.

¹⁰³⁴ Ивантер В. Указ. соч. С. 31.

¹⁰³⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 873. Л. 6.

¹⁰³⁶ Там же. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 45.

За первую пятилетку численность персонала на лесопильных и целлюлозно-бумажных предприятиях (в границах образованной в 1934 г. Свердловской области) существенно возросла – с 4,4 тыс. до 14,4 тыс. человек, что было связано с процессами строительства и реконструкции. По состоянию на 1 сентября 1936 г. численность персонала достигла до 20 тыс. Происходило увеличение рабочих и инженерно-технических кадров, но последних не хватало. Доля двух отраслей в численности персонала области повысилась с 3,1 % в начале 1929 г. до 5,8 % на 1 сентября 1936 г.¹⁰³⁷

За 1938–1940 гг. численность рабочих лесопромышленного комплекса Урала увеличилась с 195,2 тыс. до 242,5 тыс., удельный вес в общем количестве промышленных рабочих региона поднялся с 22,4 до 25,6 %. Особенно быстро росла численность трудовых ресурсов в сфере заготовки древесины (с 140,8 тыс. до 185,6 тыс. человек), тогда как в лесопильно-деревообрабатывающей отрасли она оставалась стабильной, а в целлюлозно-бумажной немного уменьшилась¹⁰³⁸. По переписи 1939 г. на Урале больше всего работников лесной промышленности насчитывалось в Свердловской (96,5 тыс. человек) и Пермской (89,1 тыс. человек) областях (суммарно 62 % из 299,7 тыс. человек). По 35–36 тыс. человек трудились в Башкирии и Удмуртии, а также в Челябинской области. На лесозаготовках и лесосплаве было занято 129,8 тыс. человек. В деревообрабатывающей отрасли по числу рабочих лидировали, по убыванию, Свердловская, Пермская области, Башкирия и Челябинская область, в бумажной – только Пермская и Свердловская области¹⁰³⁹.

Данные о численности работников и членов профсоюза, объединяемых Свердловским обкомом Союза рабочих леса и сплава, в конце второй – третьей пятилетках (от 80 тыс. до 130 тыс. в зависимости от времени года) свидетельствуют о снижении в течение периода доли сезонных и временных рабочих, о примерно 20 % занятости женщин, росте числа работников младше

¹⁰³⁷ Хозяйство Свердловской области 1935–1936... С. 188–189.

¹⁰³⁸ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 87.

¹⁰³⁹ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион... С. 38, 40, 44, 46–48, 93, 95, 99, 101–102, 144, 146, 150, 152–153, 195, 197, 201, 203, 248, 250, 254, 256–257, 303, 305, 309, 311–312.

18 лет (на 1 января 1938 г. – 766, на 1 января 1940 г. – 1540, на 1 января 1941 г. – 3240)¹⁰⁴⁰. Увеличение удельного веса постоянных кадров сопровождалось привлечением в отрасль с преобладанием тяжелых видов работ женщин, юношей и девушек.

За 1927/1928–1929/1930 г. в Карелии при увеличении объемов заготовки древесины с 4,7 млн. до 8,7 млн. ф. м число рабочих возросло с 29,9 тыс. до 80,1 тыс., что свидетельствовало о снижении производительности труда (в первую очередь, из-за большого числа сезонных рабочих низкой квалификации)¹⁰⁴¹. Комплектование производственных коллективов предприятий являлось важной задачей развития лесной отрасли. В качестве позитивной тенденции указывалось на снижение количества рабочих, занятых на заготовке лесных ресурсов. В 1931 г. их было 29,6 тыс. человек, спустя год – 26,5 тыс., но статистика не учитывала некоторые категории рабочих (например, сельских жителей, «спецконтингент»). Постоянных рабочих насчитывалось только 5,8 тыс.¹⁰⁴². За счет расположения вблизи Ленинграда и вербовок в других странах, развития сферы глубокой переработки древесины число постоянных рабочих увеличилось. В трестах Наркомлеса их насчитывалось в 1937 г. 12424 (36,5 % к общему числу рабочих), в 1940 г. – 18500¹⁰⁴³.

Запланированных первой пятилеткой объемов заготовки древесины оказалось сложно достигнуть из-за малой численности населения, сопротивления его части введенной трудовой и гужевой повинности, исключения республики из перечня приоритетных территорий для переселения, неудовлетворительных жилищных условий и проблем со снабжением. В 1932 г. требовалось 176 тыс. сезонных рабочих, но даже в следующем году удалось принять только 116 тыс. человек. Попытки республиканских властей привлечь с 1929 г. на лесозаготовки контингент Соловецкого лагеря и освобожденных

¹⁰⁴⁰ ЦДООСО. Ф. 1238. Оп. 1. Д. 1, л. 6, 28, 39–39об., 49, 61, 67–68, 89, 102, 124, 126, 133.

¹⁰⁴¹ Архипов Н. В. Указ. соч. С. 38.

¹⁰⁴² Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии... С. 47–48.

¹⁰⁴³ Андрияйнен А. И. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии... С. 6; Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии... С. 55, 60.

заключенных вылились в серию протестов и переговоров между трестом «Кареллес» и управлением лагеря (позже – между «Кареллесом» и Беломорско-Балтийским ИТЛ) по вопросам высокой стоимости древесины и оплаты «услуг». Но лесозаготовительные тресты не могли отказаться – в условиях дефицита рабочей силы – от использования труда заключенных, даже несмотря на их перемещения в 1931 г. в связи с «визитами» иностранных журналистов, пожелавших убедиться в отсутствии фактов принуждения к труду. Привлечение освобожденных заключенных тоже не стало способом решения проблемы – они увольнялись из-за неудовлетворительных условий труда и проживания. Республиканские власти побудили трест «Кареллес» организовать леспромхоз для трудоустройства лиц после отбытия срока в лагере, но это решение осталось невыполненным¹⁰⁴⁴.

За период с 1 января 1933 г. по 1 июля 1934 г. численность работников в лесопильно-деревообрабатывающей (22 предприятия) и целлюлозно-бумажной (1 производство) отраслях увеличилась с 14159 до 14284. Удельный вес отраслей в промышленности республики повысился с 63,5 до 66,1 %. Количество рабочих возросло с 11067 до 12274, инженерно-технических работников – с 477 до 516, что было связано с актуальностью освоения нового оборудования и технологий, прочего персонала – с 406 до 1563¹⁰⁴⁵. Последнее изменение можно связать с дефицитом продовольствия вследствие голода и стремлением руководства предприятий дифференцировать питание работников.

В 1933 г. на предприятиях лесопильно-деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслей насчитывалось 4157 женщин (30,8 %), а также 1110 детей до 18 лет (8,2 %). Основная их часть трудилась в лесопилении. Там женщины занимали преимущественно должности рабочих и младшего обслуживающего персонала. В 1933 г. 6 женщин трудились инженерно-техническими работниками, спустя год таковых было 12. Дети занимали в основном должности рабочих и учеников (в 1934 г. статистика зафиксировала

¹⁰⁴⁴ Барон Н. Указ. соч. С. 185–187, 193, 197, 206–208, 292–293.

¹⁰⁴⁵ Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика... С. 24–27, 174–175.

2 инженерно-технических работника в возрасте до 18 лет – на лесопильных заводах). На Кондопожском ЦБК число женщин увеличилось за 1933 г. с 235 до 348, тогда как детей – сократилось с 132 до 39. Женщины занимали преимущественно должности рабочих и младшего обслуживающего персонала (еще 6 женщин являлись инженерно-техническими работниками), дети – учеников¹⁰⁴⁶. Предприятия активно использовали женский и детский труд, что было связано в первую очередь с необходимостью замещения должностей рабочих и младшего обслуживающего персонала, а также подготовкой кадров посредством ученичества. Производства, особенно вновь построенные и оснащенные передовой техникой, привлекали представителей других национальностей (карелов, финнов и вепсов), предоставляя возможность обучения, занятия престижной должности, карьеры.

В Коми области в 1929 г. насчитывалось 603 кадровых рабочих, спустя год – 1287, основной объем работ выполняли сезонные рабочие, которых требовалось каждый год от 15 тыс. до 20 тыс. человек. В конце 1920-х гг. вербовка крестьян в течение нескольких лет срывалась, поэтому сезонные рабочие приезжали из других регионов, однако и этих людей не хватало для выполнения плановых заданий. В конце 1933 г. в состав рабочих треста «Комилес» входили 16976 человек: 3787 постоянных рабочих (в том числе 3096 спецпереселенцев) и 11850 сезонных. Именно жители спецпоселков обеспечили в основном рост числа кадровых работников, которых в 1937 г. насчитывалось 4649. В этот период в Сыктывдинском ЛПХ удельный вес постоянных рабочих достиг 41 %, в Усть-Вымском ЛПХ – 45 %, в Сысольском ЛПХ – 46 %¹⁰⁴⁷. В дальнейшем количественный состав кадровых работников уменьшился, главной причиной чего стали репрессии. К 1 декабря 1938 г. трест обязан был иметь рабочих постоянного кадра 8 тыс. человек, но фактически на 30 декабря 1938 г. постоянных рабочих значилось только 3711 человек¹⁰⁴⁸.

¹⁰⁴⁶ Там же. С. 182.

¹⁰⁴⁷ Индустриализация Коми автономной области ... С. 109.

¹⁰⁴⁸ Игнатова Н. М. Принудительный труд спецпереселенцев как системный фактор индустриального освоения северных регионов в 1930–1950-е гг. // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: Мат. междунар. науч. конф. / отв. ред. Л. И. Бородкин, С. А. Красильников, О. В. Хлевнюк.

В автономных республиках и областях политика партийно-государственных органов по становлению *национальных кадров* рабочих привела к увеличению их удельного веса в общей численности трудовых ресурсов. Хотя в конце 1930 г. на всесоюзном съезде профсоюза лесдреврабочих в Архангельске отмечалось невладение актуальными сведениями о занятости на предприятиях по механической обработке древесины национальных кадров, а в Украинской, Узбекской советских, Татарской и Крымской автономных республиках учет не осуществлялся. Имевшиеся на весну 1930 г. данные свидетельствовали о разных (от 1,4 % в Крыму и 2,3 % в Башкирии до 63,7 % на Северном Кавказе) долях националов в составе членов союза¹⁰⁴⁹.

За первую пятилетку доля национальных кадров в Карелии увеличилась в лесопильно-деревообрабатывающей отрасли с 9,2 до 20,5 %, в бумажной – с 30 до 32,5 %¹⁰⁵⁰. В начале второй пятилетки в лесной промышленности Мордовии удельный вес мордвы достиг 36,9 % к общей численности работников¹⁰⁵¹. В Западной Сибири на рубеже 1920–1930-х гг. привлечение коренных народов для работы в лесной промышленности происходило медленно. Перспективы были связаны во многом с использованием труда приезжих кадров и спецпереселенцев. Коренные жители были задействованы на заготовке и транспорте древесины. В годы второй пятилетки в связи с началом строительства Белогорского ЛК (Остяко-Вогульский округ) намечалось привлечь для работы местное население, но реализовать эти планы не удалось. После сдачи предприятия в эксплуатацию Наркомлес не ставил задач по пролетаризации коренных жителей¹⁰⁵².

Высокой была *текучесть рабочей силы*. Ее размеры были разными (коллективы предприятий за год могли обновиться почти целиком) и зависели от трудовых, жилищно-бытовых и продовольственных условий, уровня

М., 2013. С. 438, 440, 443.

¹⁰⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р5467. Оп. 13. Д. 9. Л. 5–6об.

¹⁰⁵⁰ Даринский А. Указ. соч. С. 172.

¹⁰⁵¹ Антипова Е. А. Указ. соч. С. 18.

¹⁰⁵² Соколов А. А. Указ. соч. С. 46; Стась И. Н. Указ. соч. С. 83–85.

заработной платы и сроков ее выплаты. К примеру, если на начальном этапе возведения Кондопожской гидроэлектростанции и бумажной фабрики, в середине 1920-х гг., Управлению строительства хватало рабочих из ближайших районов, то мере увеличения объема работ потребовалось заключать договоры с биржами труда. На практике они если и выполняли обязательства, то неудовлетворительно. В 1925 г. из 300 землекопов, присланных Ленинградской биржей, 90 % не имело опыта земляных работ, и люди через день-два бросали стройку. Управление строительства помимо убытков за проезд рабочих теряло ценные летние дни. Поскольку активная фаза строительства приходилась на лето, многие сезонные рабочие самовольно уезжали домой ради полевых работ, из-за чего текучесть рабочей силы доходила до 30 % к списочному составу. Только с началом монтажных и пуско-наладочных работ размеры текучести сократились¹⁰⁵³. В 1932 г. – первой половине 1934 г. на Кондопожском ЦБК показатель текучести уменьшился с 12,9 до 7,7 %¹⁰⁵⁴. Колебания были связаны с реализацией новых проектов в автономной республике, поскольку численность трудовых ресурсов была небольшой. Но и в конце десятилетия текучесть рабочей силы имела существенные размеры. В 1940 г. на комбинат был принят 1301 человек, уволены 1113¹⁰⁵⁵.

За первый квартал 1939 г. по Наркомлесу РСФСР прибыли 8511 человек, убыли 7770 человек¹⁰⁵⁶. Число увольнений работников было высоким, поскольку завершился сезон заготовки и вывозки древесины, а значит, осенью народный комиссариат вновь столкнулся с проблемой привлечения рабочей силы. В конце 1930-х гг. многие рабочие продолжали увольняться с предприятий из-за неудовлетворительных условий труда и проживания, в поисках более высокооплачиваемой работы¹⁰⁵⁷.

¹⁰⁵³ НАРК. Ф. Р-571. Оп. 2. Д. 12. Л. 12, 13об.–14об., 17.

¹⁰⁵⁴ Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика... С. 193–194.

¹⁰⁵⁵ Филимончик С. Н. Кондопога в 1930-е годы... С. 82.

¹⁰⁵⁶ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 130. Л. 18.

¹⁰⁵⁷ АОАСГО. Ф. р-482. Оп. 2-л. Д. 1, 2; ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 7. Л. 127–127об.; Шевырин С. А. Принудительный труд в лагерях и колониях... С. С. 221–223, 225–226.

Охарактеризуем *социальный, возрастно-половой состав и квалификацию работников* лесопромышленного комплекса.

Руководители Наркомлеса в период с 1932 по 1941 гг. (С. С. Лобов, В. И. Иванов, М. И. Рыжов, Н. М. Анцелович, Ф. В. Сергеев) не имели специального технического образования, окончив только начальную школу (Иванов – среднюю). У них был опыт работы в советских хозяйственных, партийных и профессиональных учреждениях. В Главлесоохране, образованной в 1936 г., в руководстве (в том числе на уровне регионов) имелись опытные работники и специалисты лесного дела¹⁰⁵⁸.

В 1932 г. по Наркомлесу насчитывалось 10,9 тыс. специалистов, в том числе 1 тыс. – с высшим, 2,5 тыс. – со средним образованием (законченным), 7,4 тыс. – практиков и прошедших специальные курсы. Наркомлес по числу специалистов серьезно отставал не только от промышленных народных комиссариатов, но и от лесного хозяйства (что обуславливалось во многом традициями лесного образования в стране), где было зафиксировано 32,6 тыс. специалистов, в том числе 2,6 тыс. – с высшим, 8,5 тыс. – со средним образованием (законченным)¹⁰⁵⁹. В начале второй пятилетки из общего числа специалистов Наркомлеса 8,3 % было занято в аппаратах трестов и чуть больше 2 % – в аппаратах ведомства и его главных управлений. Остальные трудились в сфере производства. Высшее образование имели только 10,4 % всех специалистов, в том числе на предприятиях – 5,6 %, в аппаратах трестов – 26,3 %, в аппаратах народного комиссариата и главных управлений – 46,5 %. Среднее образование имели 15,6 % специалистов, в том числе на предприятиях – 14,8 %, в аппаратах трестов – 23,5 %, в аппаратах Наркомлеса и главных управлений – 16,5 %. Это свидетельствовало о значительном удельном весе практиков среди специалистов ведомства, а также о низкой обеспеченности предприятий кадрами с профессиональным образованием. Получили высшее и среднее образование в годы первой пятилетки соответственно 31,7 и 18,1 %

¹⁰⁵⁸ Воейков Е. Руководящие кадры лесной промышленности... С. 144, 147–148.

¹⁰⁵⁹ Второй пятилетний план... С. 512.

специалистов в аппаратах Наркомлеса и главных управлений, 35,7 и 31,5 % – в аппаратах трестов, 56,2 и 50,1 % – на предприятиях¹⁰⁶⁰.

По состоянию на 1 ноября 1933 г. среди 263 управленцев Наркомлеса и их помощников 52 человека имели высшее образование, 29 – среднее специальное. Женщин в этой категории руководящих работников не было. 46,2 % работников с высшим образованием и 24,1 % – со средним специальным окончили учебу в годы первой пятилетки. Из 829 руководителей подразделений объединений и трестов 157 человек имели высшее образование, 123 – среднее специальное, 17,4 % были из числа рабочих, 5,1 % – женщины. Удельный вес специалистов, получивших образование в 1928–1932 гг., здесь был ниже¹⁰⁶¹. Большая часть руководителей Наркомлеса являлась практиками, на что влияли участие в революционных событиях и Гражданской войне и социальное происхождение, небольшое число отраслевых образовательных учреждений.

Состав руководящих работников и специалистов предприятий Наркомлеса, заготовок и сплава леса, по данным на 1 ноября 1933 г., был представлен директорами, их заместителями и помощниками (1152 человека, из них 8 – женщин), руководителями подразделений общезаводского управления (1789 человек, в том числе 55 – женщин), руководителями участков производства (4151 человек, из них 108 – женщин), специалистами производства без административных функций (1168 человек, в том числе 150 – женщин), мастерами и десятниками (5194 человека, из них 1158 – женщин), руководящими работниками и специалистами сферы заготовки лесных ресурсов (23891 человек, в том числе 430 – женщин).

49,7 % руководителей предприятий и их помощников, 50,2 % начальников разных участков производства, 32,9 % специалистов производства без административных функций (к примеру, начальников смен), 42,1 % мастеров и десятников имели рабочее происхождение, что отразило политику выдвиженчества. Напротив, среди руководителей и специалистов

¹⁰⁶⁰ Бейлин А. Е. Указ. соч. С. 232.

¹⁰⁶¹ Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 513–514.

подразделений общезаводского управления и сферы заготовки лесных ресурсов людей, имевших рабочее происхождение, было немного, поскольку наличие профессиональных компетенций и технического образования здесь являлось определяющим. В этих категориях отмечался меньший удельный вес специалистов с высшим (49–59 % к общему числу работников с соответствующим уровнем образования) и средним специальным (43–46 %) образованием, окончивших учебу в 1928–1932 гг., по сравнению с корпусом управленцев, мастеров и десятников (соответственно 50–78 % и 51–76 %)¹⁰⁶².

По мере понижения должностей (от директоров и их заместителей до мастеров и десятников) возрастал удельный тех, кто получил высшее и среднее образование в годы первой пятилетки¹⁰⁶³. Это было связано с повышением доступности образования, расширением сети учебных заведений, набора специальностей. В целом по лесной промышленности удельный вес молодых специалистов, получивших профессиональное образование в период первой пятилетки, был ниже в леспромхозах, выше – на деревообрабатывающих предприятиях.

Образовательный уровень руководителей предприятий был невысоким. При назначении человека на должность приоритетными качествами были «правильное» происхождение, партийность и проявленные качества. Уже затем брались во внимание уровень образования и стаж работы¹⁰⁶⁴. С. А. Бергавинов в 1929 г., в начале своего руководства партийным комитетом Северного края, отмечал высокий уровень текучести хозяйственных кадров в лесной промышленности. Из 15 директоров предприятий треста «Северолес» только один трудился более одного года, остальные – по несколько месяцев. Бергавинов делал ставку на подготовку местных кадров (выдвиженчество шло низкими темпами), присылку специалистов из других регионов¹⁰⁶⁵.

¹⁰⁶² Там же. С. 516–519, 524.

¹⁰⁶³ Бейлин А. Е. Указ. соч. С. 253.

¹⁰⁶⁴ Воейков Е. Руководящие кадры лесной промышленности... С. 149–150.

¹⁰⁶⁵ Бергавинов С. За социалистическую индустриализацию Севера... С. 29.

К концу 1930-х гг. уровень образования директоров предприятий (особенно лесохозяйственных и лесозаготовительных) оставался низким¹⁰⁶⁶. Среди управленцев «преобладали хозяйственники, зарекомендовавшие себя в какой-либо отрасли промышленности, или представители партийно-советской номенклатуры, которых переводили на руководящие посты в тресты, леспромхозы и лесхозы»¹⁰⁶⁷. Как правило, более высокий удельный вес инженеров и техников с профессиональным образованием на предприятиях обуславливался их близостью к крупным промышленным центрам (где функционировали образовательные учреждения и была более высокая конкуренция среди специалистов) и оснащённостью сложным оборудованием, при эксплуатации которого требовались специальные знания.

Руководители и ведущие инженерно-технические работники в конце 1920-х – 1930-х гг. сменялись порой часто, как «не справившиеся с обязанностями», в связи с переходом на другую (высшую или низшую) должность, за выявленные случаи пьянства, злоупотреблений служебным положением¹⁰⁶⁸. Но это не исключало возможности получения новой работы, в том числе благодаря связям. Так, в разгар сплава руководителем Керчевского рейда был назначен Богородский, снятый с должности, как «не справившийся с работой», директора Чердынского ЛПХ. На новом посту он пьянствовал (в нетрезвом виде проводил и совещания), не интересовался производственным процессом¹⁰⁶⁹. Автор заметки в отраслевой газете надеялся на последующее увольнение начальника рейда или понижение его в должности.

Оснований для увольнения руководителей предприятий (особенно в сфере заготовки древесины, редко когда выполнявшей плановые задания) было более чем достаточно: от финансовых нарушений до невнимания к механизации производственных процессов. В отдельные периоды списки уволенных

¹⁰⁶⁶ См., напр.: Глузман В. Л. Указ. соч. С. 8; Заборцева Л. П. Указ. соч. С. 61; Филимончик С. Н. Кондопога в 1930-е годы... С. 82.

¹⁰⁶⁷ Воейков Е. Руководящие кадры лесной промышленности... С. 148, 151.

¹⁰⁶⁸ Воейков Е. Руководящие кадры лесной промышленности... С. 153–154; ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 1. Л. 102.

¹⁰⁶⁹ Придеин Кому доверено руководство? // Лесная промышленность. 1935, 1 августа. С. 2.

директоров оказывались внушительными. А приписка «исключен из списков работников системы Наркомлеса СССР» ознаменовала собой точку в карьере человека в этой отрасли. В начале сентября 1937 г., в разгар репрессивной кампании, увольнению подверглись многие хозяйственники треста «Кареллес» (директора 2 леспромхозов, начальники 9 мехлесопунктов)¹⁰⁷⁰. Частые замены руководителей имели место на предпусковых и пусковых этапах возведения предприятий, когда еще не было смонтировано все оборудование, продолжались строительные работы, действовали временные технологические схемы. Так, Соликамским сульфитно-целлюлозным комбинатом в 1941 г., когда предприятие начало функционировать, управляли четыре человека: до мая – И. Н. Строганов, с мая по август – И. П. Бойков (начальник Соликамстроя НКВД), с августа по декабрь – Н. И. Фомин, с декабря – Я. А. Балмасов, опытный специалист и руководитель целлюлозно-бумажной отрасли¹⁰⁷¹.

В основном был востребован и популярен образ управленца, умевшего в экстремальной ситуации мобилизовать ресурсы для выполнения актуальной задачи. Хотя на отдельных предприятиях, например Камском ЦБК, Наркомлес стремился подбирать грамотных специалистов и управленцев, в том числе на этапе строительства, несмотря на нехватку профессионалов. Но не всегда личные качества руководителя способствовали стабильному финансированию и снабжению, от чего зависело и выполнение плановых заданий по возведению предприятий и выпуску продукции. Важную роль стали играть разнообразные связи управленцев с представителями органов власти и хозяйственных ведомств, позволявшие форсировать в условиях нехватки ресурсов выделение необходимых финансовых, материальных средств.

В структуре производственных коллективов лесопромышленных предприятий наблюдалось увеличение доли **инженерно-технических работников**. В 1927/1928 г., по данным ВСНХ СССР, в лесопильно-деревообрабатывающей отрасли на 100 рабочих приходилось 2,77

¹⁰⁷⁰ Бюллетень Народного комиссариата лесной промышленности СССР. 1937. № 27. С. 8.

¹⁰⁷¹ Чирков Ю. Как принимали предприятие... С. 2.

специалистов (в том числе инженеров – 0,54, техников – 0,67, практиков – 1,57), в целлюлозно-бумажной – 2,33 (из них инженеров – 0,55, техников – 0,74, практиков – 0,94). Количество инженеров в обеих отраслях было ниже, чем в промышленности ВСНХ (0,65 на 100 рабочих), а в лесопилении и деревообработке число практиков из расчета на 100 рабочих было почти в полтора раза больше по сравнению с промышленностью ведомства¹⁰⁷². Это обусловило усиление подготовки кадров для отраслей.

В управлении Союзлеспромтяжа НКТП СССР в период с 1 января 1931 г. по 1 ноября 1934 г. при сокращении числа рабочих с 16,3 тыс. до 12,5 тыс. количество инженеров и техников увеличилось с 371 до 392. С 12 до 24 возросло количество инженеров со специальным образованием, с 6 до 76 – техников¹⁰⁷³. Эти изменения были вызваны техническим усовершенствованием предприятий, усложнением технологических процессов и необходимостью повышения эффективности труда рабочих.

Однако инженерно-технических работников не хватало. Это было связано с тем, что лесотехнические вузы не готовили необходимо количества кадров, а также с тем, что люди, которые получали высшее техническое образование, старались найти себе работу в сферах управления, науки и образования. По сведениям заместителя народного комиссара лесной промышленности СССР А. И. Бовина, в начале 1941 г. в системе ведомства трудились 8401 специалист с высшим образованием и 8280 – со средним, а также большое число практиков. Из общего количества работников с высшим образованием 1902 человека были заняты в лесном хозяйстве, сфере заготовки древесины, строительстве, 1621 – на предприятиях. Остальная часть специалистов трудилась в аппаратах Наркомлеса, его главных управлений, трестов, в научно-исследовательских и учебных учреждениях. 72,1 % работников со средним образованием использовались на производстве. Однако такая ситуация народный комиссариат не устраивала. На ряде предприятий инженеры отсутствовали. Для

¹⁰⁷² Бейлин А. Е. Указ. соч. С. 119, 188.

¹⁰⁷³ Там же. С. 324–325.

улучшения ситуации с обеспеченностью квалифицированными специалистами Наркомлес направил более 130 работников на деревообрабатывающие предприятия, около 300 – в леспромхозы и лесопункты¹⁰⁷⁴.

Почти не изучены личности директоров производств, управляющих трестами, тогда как именно от их компетенций, стиля работы зависели подбор руководителей предприятий, выполнение плановых заданий. И. А. Девятков, управляющий трестом «Южураллес», в беседе с журналистом, приехавшим для выяснения причин неудач на лесозаготовках, искренне признался, что так и не смог «поднять трест», несмотря на то, что много работал, постоянно выезжал на места («чувствую, как отстаю, барахтаюсь...»). Причину своего неэффективного руководства он видел в низком уровне технической грамотности, старых представлениях о ведении лесопромышленной деятельности¹⁰⁷⁵. На решение мелких проблем, которые находились в ведении руководителей предприятий, приходилось тратить большую часть времени. Командно-административная система породила соответствующий тип руководителей («их сердца бьются по инструкции, их нервы оцинкованы, они всегда отгорожены от неприятностей сотнями оправдательных справок»), только некоторые стремились достигнуть рентабельной работы предприятий. Выводы журналиста были неутешительными: с одной стороны, уставший от работы и отрешившийся от многих проблем начальник, с другой – невнимание Наркомлеса к малым организациям, которым требовалась помощь¹⁰⁷⁶.

Главным испытанием для директоров лесозаготовительных предприятий являлась подготовка к очередному лесозаготовительному сезону, где значение имели вербовка рабочей силы и лошадей, строительство и ремонт жилья, социально-бытовых объектов, подготовка лесных дорог, саней, техники.

¹⁰⁷⁴ Бовин А. И. Указ. соч. С. 2; Выполнить решения XVIII Всесоюзной конференции... С. 12.

¹⁰⁷⁵ Почему «прорывной» Южураллес вышел на передовые позиции // Лесная промышленность. 1933, 9 января. С. 1. В 1932 г. трест «Южураллес» уже испытывал подобные трудности: слабое использование механизированных и рационализированных дорог, собственного обоза, хищения фуража. Ситуация изменилась после реорганизации треста, личного вмешательства уполномоченного Наркомлеса по Башкирской АССР Девяткова и отправки в районы лесозаготовок партийных и хозяйственных работников. План четвертого квартала был выполнен.

¹⁰⁷⁶ Лесной А. 2. Управляющий устал // Лесная промышленность. 1935, 1 августа. С. 4.

Некоторые руководители уверенно заявляли о высокой степени готовности предприятий к приему рабочих, другие констатировали также наличие проблем¹⁰⁷⁷. Разговор технического директора Велико-Устюгского райлесхоза Первушина с корреспондентом был опубликован в начале октября 1935 г. в региональной газете – в качестве поучения, как нельзя работать. Хозяйственник говорил «как на духу»: «Топоры и пилы есть, а нам больше ничего не надо... Рабочие будут ходить в баню за 4 км...», – демонстрируя на старте сезона невладевание информацией о ремонте бараков, поступлении рабочих, их снабжении и негативное отношение к механизации¹⁰⁷⁸.

В годы индустриализации повышался процент использования *женского труда*. С 1929 по 1935 гг. (данные на 1 июля) число женщин возросло с 24,9 тыс. до 123,7 тыс., их удельный вес в общем количестве рабочих сферы механической обработки древесины – с 19,1 до 39,7 %¹⁰⁷⁹. Сфера механической обработки древесины, наряду с другими отраслями лесной промышленности, активно использовала женский труд, в том числе на тяжелых работах (погрузке-разгрузке, вылове древесины из рек). За годы первой и второй пятилеток удельный вес женщин в лесопильной, фанерной, спичечной и целлюлозно-бумажной отраслях существенно увеличился и перевалил, как и по промышленности страны, за 40 % (в спичечной – за 60 %)¹⁰⁸⁰.

Партийно-государственные органы призывали к увеличению удельного веса женского труда. К примеру, в 1932 г. Коми обком ВКП(б) с целью увеличения численности трудовых ресурсов в сфере заготовки древесины предлагал районным комитетам довести долю женщин на заготовке леса до 35 % к общему числу рабочих¹⁰⁸¹. В апреле 1936 г. президиум Челябинского обллеспромсоюза, ссылаясь на недостаточное внимание вопросам подготовки и

¹⁰⁷⁷ Сергеев Оборудованы чистые, уютные помещения // Правда Севера. 1935, 3 октября. С. 3; Щеголихин 10 лесопунктов окончательно готовы // Там же.

¹⁰⁷⁸ Ивановский Безотрадная картина // Правда Севера. 1935, 4 октября. С. 2.

¹⁰⁷⁹ Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1934. С. 346; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 495; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 517.

¹⁰⁸⁰ Орликова Е. Женский труд в СССР // Плановое хозяйство. 1939. № 10. С. 114.

¹⁰⁸¹ Тулаева С. Указ. соч. С. 189–190.

выдвижения женщин на административно-технические должности, издал соответствующее постановление. Планировалось, что женщины смогут занять несколько должностей председателей правлений артелей, бухгалтеров, заведующих производством, мастеров, технических руководителей и в аппарате обллеспромсоюза¹⁰⁸².

Помимо деклараций партийно-государственных, профсоюзных органов о привлечении женщин в отрасль, необходимости освоения ими разных профессий, масштабные стройки, новое оборудование привлекали представителей обоих полов. 15-летняя Елена Панова приехала на возведение Камского ЦБК в 1931 г. из Сивинского района Уральской области. Сначала трудилась учеником столяра, но однажды попала в бумагоделательный зал комбината, захотела овладеть этим сложным агрегатом. Восемь лет шла Е. Панова к своей цели: училась в школе фабрично-заводского обучения, затем в вечернем техникуме, – и стала первой сеточницей¹⁰⁸³.

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР» от 15 ноября 1938 г. рекомендовалось предприятиям привлекать женщин в качестве шоферов, трактористов, лесорубов; жен рабочих, служащих, инженеров и техников – в качестве счетоводов, приемщиков, заведующих складами и других работников¹⁰⁸⁴. Получили распространение разнообразные призывы в адрес женщин обучаться и трудоустраиваться на предприятиях лесопромышленного комплекса. В частности, в 1939 г. в Карелии на заявление лесоруба Е. Непиной откликнулись 1200 девушек и женщин, которые стали работать на заготовке древесины и овладевать профессиями лучкистов, водителей¹⁰⁸⁵.

Итак, разнообразное сочетание характеристик работников лесной промышленности явилось результатом кардинальной трансформации социальной структуры и системы общественных отношений. Социальный

¹⁰⁸² ОГАЧО. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 5. Л. 29–30.

¹⁰⁸³ Палкина Г. А. Указ. соч. С. 39.

¹⁰⁸⁴ Советская лесная экономика... С. 326.

¹⁰⁸⁵ Андрияйнен А. И. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии... С. 11.

портрет отрасли вобрал в себя черты и качества крестьянского и городского населения, характеризовавшегося разным уровнем притязаний и отношением к труду и жизни. Основную часть работников предприятий нельзя считать кадровыми, поскольку таковых, трудившихся не менее пяти лет без перерыва на одном производственном объекте, имелось только около одной десятой от численности производственных коллективов. В 1930-х гг. было положено начало формированию социальной группы кадровых рабочих отрасли, и этот процесс в целом завершился только через несколько десятилетий.

Коллективы лесопромышленных предприятий, научных и образовательных учреждений, хозяйственных органов были подвержены влиянию такого фактора, как *политические репрессии*. На рубеже 1920–1930-х гг. прокатился ряд показательных судебных процессов против инженерно-технических специалистов. Данное явление затронуло и лесную отрасль – в первую очередь экспортную деятельность и целлюлозно-бумажную промышленность. В Архангельске была обвинена во «вредительстве» (продажа за границу древесины по заниженным ценам, содействие работе концессий, задержки строительства предприятий) группа работников аппарата треста «Северолес»¹⁰⁸⁶. Обвинения экономического характера выглядели несостоятельными, поскольку именно Советское государство экспортировало древесину по ценам ниже рыночных, зато дореволюционное прошлое, служба в «белой» армии обвиняемых являлись для следователей и судей куда более значимым «подспорьем» при вынесении приговоров. Параллельно было сфабриковано дело «контрреволюционной организации» в целлюлозно-бумажной промышленности. Авторитетные инженеры центральных органов управления отраслью, трестов обвинялись в срыве планов развития отрасли во второй половине 1920-х гг., приведших к задержке строительства ряда предприятий, «бумажному голоду»¹⁰⁸⁷ и убыткам¹⁰⁸⁸. Итогом расследования

¹⁰⁸⁶ Хатанзейская Е. В. Советский город в экстремальной повседневности... С. 90–92, 95–96.

¹⁰⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 685. Л. 4, 14–15; Д. 716. Л. 7; Д. 735. Л. 2. Конец 1920-х гг. был отмечен «бумажным кризисом» – дефицитом бумаги, когда советские бумажные фабрики не могли целиком покрыть возрастающих внутренних потребностей. Проблемы со снабжением издательств бумагой, из-за чего приходилось прибегать к дополнительному импорту, становились предметом рассмотрения членами

фактов «вредительств» в лесной и бумажной промышленности стала санкция политбюро ЦК ВКП(б) 25 мая 1930 г. на применение высшей меры наказания в отношении 4 человек¹⁰⁸⁹.

Подобные дела в отрасли конструировались и позже – с целью выявления «враждебных элементов» (например, в отношении рабочих и специалистов разных регионов в 1933 г.; работников трестов «Экспортлес» и «Северолес» в 1936 г.¹⁰⁹⁰). «Большой террор» 1937–1938 гг. также негативно отразился на трудовых ресурсах.

Политический пролог к репрессиям в отрасли можно увидеть в аресте 21 июня 1937 г. бывшего народного комиссара лесной промышленности С. С. Лобова (на тот момент занимавшего пост народного комиссара пищевой промышленности РСФСР). 10 октября 1937 г. начальник Главсевлеса И. Николаев, недавно уволенный (с последующей передачей дела в прокуратуру) за убытки, причиненные предыдущим руководителем главка, написал в Свердловский районный комитет ВКП(б) Москвы разгромное письмо. Считая, что он многое сделал для решения проблем Главсевлеса, И. Николаев писал, что не видит в В. И. Иванове того руководителя, который смог бы кардинально улучшить работу Наркомлеса, поскольку тот ранее тесно контактировал с «врагами народа» (Н. И. Бухариным, С. С. Лобовым) и окружил себя «врагами», особенно в Архангельске (до 1936 г. возглавлял Северный крайком ВКП(б)). Николаев обвинял также В. И. Иванова в том, что он пересматривал плановые задания в сторону увеличения, не обеспечивая их финансовыми и материальными ресурсами, осуществлял руководство промышленностью через «обезличенные» главные управления, санкционировал строительство предприятий на фоне нехватки сырья у действовавших производств¹⁰⁹¹. Автором могли двигать обида за несправедливое увольнение, желание

Политбюро ЦК ВКП(б) в апреле-мае, декабре 1928 г., апреле 1929 г.

¹⁰⁸⁸ Политбюро и «вредители»... С. 397–398.

¹⁰⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 786. Л. 2.

¹⁰⁹⁰ Хатанзейская Е. В. Советский город в экстремальной повседневности... С. 97, 105–107.

¹⁰⁹¹ Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. М., 2002. С. 366–371.

улучшить работу Наркомлеса, боязнь быть арестованным, но письмо было переслано председателю СНК СССР В. М. Молотову. Знание Николаевым секретов ведомства помогло карательным органам в формировании обвинительной базы.

1 ноября 1937 г. В. И. Иванов был арестован и обвинен в числе других «участников» по делу «антисоветского правотроцкистского блока», признал себя виновным и был расстрелян. Ему инкриминировалось также «разрушение заводов, целлюлозно-бумажной промышленности, хотя и с осторожностью, с оглядкой, как бы слишком не попортить интересам английских хозяев, которым «правотроцкистский блок» хотел передать лесное хозяйство...»¹⁰⁹² За сфабрикованными обвинениями (В. И. Иванов был реабилитирован в 1959 г.) стояли реальные проблемы в лесной промышленности. И не только Иванов, руководивший Наркомлесом чуть больше года, и не только руководители региональных и местных органов власти, хозяйственных ведомств, организаций и предприятий, рядовые работники были за них в ответе.

В конце 1937 г. – первой половине 1938 г. был арестован ряд руководителей лесопромышленных ведомств и управлений. А. Г. Розин, начальник «Сульфаттреста» Наркомлеса СССР, и его главный инженер В. И. Абрамович были арестованы соответственно 12 и 25 декабря 1937 г. и приговорены к расстрелу. Следствие вменяло Розину участие в действовавшей в лесной промышленности «антисоветской организации правых». Связи Розина тянулись к бывшему народному комиссару С. С. Лобову, руководителям Белорусской ССР, где подсудимый ранее работал. Я. А. Аксенов, старший экономист Главлесдрева Наркомлеса, рассказал на допросе в феврале 1938 г., что в период работы в акционерном обществе «Аркас» с 1929 г. являлся участником «троцкистской организации», действовавшей в торговом представительстве Советского Союза в Великобритании и «Аркасе», и «умышленно продавал древесину иностранным фирмам по низким ценам».

¹⁰⁹² Цит. по: Дело антисоветского «право-троцкистского блока» // Вышинский А. Я. Судебные речи. М., 1955. URL: <http://istmat.info/node/31282> (дата обращения: 06.04.2021).

Аксенов назвал пять участников «организации», среди которых был К. Х. Данишевский, председатель «Экспортлеса» (к тому времени осужденный). Помимо этого он, работая на Игарском ЛК в 1936 г., продолжал «вредительскую деятельность». Я. А. Аксенов был расстрелян. Аналогичные обвинения были выдвинуты против Н. И. Попова, начальника Главного управления лесного экспорта Наркомлеса (16 июня 1938 г. он был приговорен к высшей мере наказания)¹⁰⁹³.

Численность осужденных работников в аппарате Наркомлеса составила 62 человека (11 место среди народных комиссариатов)¹⁰⁹⁴, тогда как отрасль постоянно критиковали за невыполнение производственных планов и низкие темпы развития. Следователи сконструировали «антисоветскую организацию», действовавшую в лесной промышленности с начала 1930-х гг. и имевшую широкую сеть на разных предприятиях страны. В этом виделась одна из главных причин неудовлетворительной работы отрасли, неполучения государством части доходов от лесопользования и экспорта древесины.

Проблемы лесопользования (потери древесины на лесосеках, вывозке, сплаве; пожары), увеличение сроков строительства предприятий, аварии, невыполнение планов стали козырями элит. Аргументы экономического характера подкреплялись политическими: «контрреволюционной», «шпионской» деятельностью с целью «подрыва мощи Советского Союза», созданием «антисоветских организаций». Политические и хозяйственные деятели, сменяя репрессированных предшественников, критиковали их, но, не сумев переломить ситуацию в лучшую сторону, становились жертвами террора, пока тот был в активной фазе.

Не менее драматично складывались события в основных лесопромышленных районах страны. В *Архангельской области* главными объектами критики стали не только молевой сплав, но и проблемы в других сферах лесной промышленности. Органы внутренних дел обнаружили истоки

¹⁰⁹³ Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе... С. 11, 26–27, 51–52, 124, 279, 343, 454, 463, 472–473, 477.

¹⁰⁹⁴ Дэвис Р. Советская экономика и начало «Большого террора»... С. 454.

проблем в деятельности С. А. Бергавинова, секретаря крайкома ВКП(б), то есть в период 1929–1931 гг. По логике следствия, следующие семь-восемь лет в регионе «вредительская» деятельность складывалась из формирования моноотраслевого характера экономики, «срыва лесозаготовок, вредительства на сплаве, в лесопилении и лесозэкспорте», невнимания к улучшению жилищно-бытовых условий рабочих, своевременной выплате зарплаты¹⁰⁹⁵.

При этом именно на уровне высших партийно-государственных органов принимались решения о размещении производственных мощностей лесной промышленности, распространении молевого сплава, продаже лесных товаров другим государствам по ценам ниже рыночных, в конце концов, о выделении финансовых и материальных ресурсов для отрасли. На это на уровне региона повлиять было почти невозможно, хотя в 1930-х гг. руководители партийных комитетов Северного края: С. А. Бергавинов в 1931 г. и В. И. Иванов в 1936 г. — становились у руля главного лесопромышленного ведомства страны. Они могли бы способствовать преодолению существовавших проблем в отрасли, но в итоге становились «заложниками» политической и экономической системы, ориентированной на поддержание высоких темпов развития и достижение плановых показателей любой ценой.

4–5 ноября 1937 г. на пленуме Архангельского обкома ВКП(б) с участием секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева было положено начало чистке регионального управленческого и хозяйственного аппарата в связи с разоблачением «правотроцкистской шпионской группы», в перечне обвинений которой важную роль занимало «вредительство» в лесной промышленности. В связи с этим были исключены из состава обкома и партии и в дальнейшем подверглись репрессиям начальник треста «Двинолес» Н. М. Карманов, председатель ЦК Союза деревообработки Н. А. Басин, управляющий трестом «Северолес» С. Н. Леготин, директор Котласско-Удимского мехлесопункта В. М. Великанов¹⁰⁹⁶. Чуть ранее Архангельский городской комитет ВКП(б)

¹⁰⁹⁵ Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 388, 390.

¹⁰⁹⁶ Репрессии в Архангельске... С. 99–101, 105–107, 110–115.

исключил (что подтвердил пленум Архангельского обкома) из партии и снял с работы крупного организатора лесной промышленности, директора Архангельского лесотехнического института и промышленной академии В. А. Горохова (был осужден к расстрелу). Был снят с должности и позже приговорен к высшей мере наказания управляющий трестом «Северолес» С. А. Соболев¹⁰⁹⁷.

Ошибки при проектировании и сооружении Архангельского ЦБК, невыполнение планов, перерасход финансовых средств, порча оборудования и другие проблемы привели к резкой критике руководства строительством и предприятия со стороны партийных органов. Были арестованы начальники строительства И. П. Бабкин (расстрелян) и И. А. Воробьев (лишение свободы на 10 лет), директор комбината И. И. Шебалков (лишение свободы на 5 лет). Во второй половине 1950-х гг. они были реабилитированы. Ф. А. Соков, начальник специальной бригады электромонтажа, был арестован в апреле 1937 г. по донесению друга брата его жены за «антисоветские» высказывания. Сначала он признал вину и дал обвинительные показания на своего коллегу В. А. Мезенцева, начальника паросиловой станции, о том, что они создали «диверсионную сеть». Ф. А. Сокова приговорили к 20 годам лагерей с последующим поражением в гражданских правах на пять лет, В. А. Мезенцева, впоследствии отказавшегося от своих показаний, – к расстрелу¹⁰⁹⁸.

В *Карелии* основные направления репрессиям задавали пограничный статус автономии, активная национальная политика регионального руководства, наличие в составе населения финнов, бежавших из Финляндии или переехавших из Северной Америки в Советский Союз в первой половине 1930-х гг. Хотя по финнам специального акта о начале массовой операции не было. Их репрессировали по другим национальным приказам, прежде всего касавшихся поляков и «перебежчиков – нарушителей госграницы СССР». За месяц до официального начала операции в республике развернулись мероприятия по выявлению «внутренней контрреволюции». В частности,

¹⁰⁹⁷ Там же. С. 122–123, 128–131, 194

¹⁰⁹⁸ Захарова Е. Рождение гиганта... С. 74, 84; Минуя рубежи эпох... С. 33–37, 193–202, 207.

руководители Кондопожского ЦБК, где было сосредоточено большое количество «финперебежчиков» и североамериканских финнов, Х. Ярвимики (директор, к тому времени отстраненный от должности), К. Экман (его заместитель, начальник Кондопожской стройконторы) и Э. Антонен (заместитель директора целлюлозного завода) были арестованы 7 июля 1937 г. Через неделю арестовали заведующего производством комбината А. Линева, начальника проектного бюро Я. Тийтинена, заведующего мастерской В. Вайнио, заведующего кадрами С. Суси, инженера Г. Шайкевича. В начале января 1938 г. Х. Ярвимики и его некоторые коллеги по комбинату были расстреляны. Вследствие репрессий трест «Кареллес» оказался в тяжелом положении. Руководство Наркомлеса СССР создало на его базе два треста, подчинив их непосредственно народному комиссариату¹⁰⁹⁹.

В конце 1937 г. НКВД СССР было инициировано дело в отношении руководящих и инженерно-технических работников *Камского ЦБК*. Они обвинялись в «участии в правотроцкистской организации и вредительстве на комбинате: строительстве зданий на заболоченных местах, нарушениях финансовой дисциплины, технических правил, составлении фиктивных актов на невыполненные работы и т. п.». Следствие продолжалось почти три года, и 27 августа 1940 г. Особым совещанием при НКВД СССР работники были осуждены на три года (один человек) и восемь лет (шесть человек) заключения в исправительно-трудовом лагере. В 1955 г. судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР дело в отношении руководящих и инженерно-технических работников Камского ЦБК было прекращено за недоказанностью преступления¹¹⁰⁰.

Инженер Я. И. Горячев, побывавший в США и ознакомившийся в передовыми технологиями в отрасли, был назначен начальником строительства Камского ЦБК в 1932 г. Рабочие и служащие отзывались о нем, как о заботливом руководителе, старавшемся вникнуть и решить проблемы своих

¹⁰⁹⁹ Барон Н. Указ. соч. с. 307–308, 335–336, 338–341; Такала И. Р. Большой террор в Карелии... С. 157–159, 162–163, 171–172, 197–198; Она же. Финны-иммигранты... С. 307–308.

¹¹⁰⁰ Политические репрессии в Прикамье... С. 257–258.

подчиненных, наказать нарушителей. 14 июня 1935 г. Я. И. Горячев был назначен директором предприятия¹¹⁰¹. В начале 1937 г. он был снят с должности «за заграничную командировку» и направлен для руководства строительством Соликамского сульфитно-целлюлозного комбината. В условиях дефицита материальных и трудовых ресурсов он пытался активизировать работу, но по большей части безуспешно. 5 июля деятельность Горячева была подвергнута жесткой критике на заседании бюро Ворошиловского городского комитета ВКП(б). Помимо указания на неудовлетворительные результаты работы, «саботаж стахановского движения, механизации», убытки, начальнику строительства припомнили связи с «интернационалистами» в 1917 г. на Окуловской БФ, с троцкистами в 1921 г. в ходе профсоюзной дискуссии. Дважды – в 1936 г. на Камском ЦБК и в 1937 г. на строительстве Соликамского комбината Горячев получал выговоры, его брата арестовали как «троцкиста-террориста». Дополнил картину конфликт Я. И. Горячева с управляющим Свердловским отделением Главлесстроя по снабжению Ерофеевым, развившийся в результате двух встреч – в октябре 1936 г. и апреле 1937 г. Начальник стройки на эмоциях высказался о неудовлетворительном снабжении материалами, отметил положительные стороны работы целлюлозно-бумажной промышленности за рубежом. Поводов для снятия Горячева с должности, лишения партийного билета было более чем достаточно¹¹⁰².

Ерофеева высказывания Горячева сильно задели, и он решил написать письмо руководителю Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакову. В ответ Я. И. Горячев написал письмо Павловскому, секретарю Ворошиловского городского комитета ВКП(б). В нем он оправдывался за высказывания и указал, что Ерофеев неверно интерпретировал его фразы и безосновательно обвинил в «двурушничестве» за убытки на Камском ЦБК на этапе пуска. По его мнению, они были запланированы и покрывались дотациями¹¹⁰³. Ситуация в отношении Горячева стала резко меняться с приходом лета, вслед за арестами руководства

¹¹⁰¹ Алексеев С. Директор Горячев // Краснокамская звезда. 1998, 22 января. С. 3.

¹¹⁰² ПГАСПИ. Ф. 59. Оп. 22. Д. 2757. Л. 2.

¹¹⁰³ Там же. Л. 4–4об., 7–8.

Свердловской области¹¹⁰⁴. В 1937 г. Я. И. Горячева арестовали и приговорили к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

В результате репрессий лесная промышленность лишилась многих руководителей, специалистов и рабочих. Так, в Архангельской области репрессиям подверглись 770 рабочих (из 2500 трудившихся, чьи дела были пересмотрены в 1989 г. в процессе реабилитации)¹¹⁰⁵. Последствия репрессий отрицательно сказались на развитии лесной промышленности области: в 1938 г. план заготовки древесины был выполнен на 56 %, вывозки – на 65 %, годом позже положение изменилось мало¹¹⁰⁶. В Пермской области из 3565 рабочих, подвергшихся репрессиям, 1050 было занято в лесной промышленности и сельском хозяйстве¹¹⁰⁷.

На протяжении 1930-х гг. формирование производственных коллективов лесопромышленных предприятий сопровождалось огромными трудностями. Среди арестованных и осужденных работников были правонарушители, но последовавшая реабилитация их большего числа свидетельствует о том, что эти люди были обвинены по фальсифицированным основаниям. Неудачи в лесопромышленной деятельности прикрывались формулировками о «слабой борьбе по ликвидации последствий вредительства». О реальных трудностях, тем более о путях их решения, умалчивалось. Хотя принятые высшими партийно-государственными органами решения (запрет молевого сплава, разукрупнение регионов и хозяйственных организаций) способствовали в целом преодолению наиболее неблагоприятных проблем в экономическом и экологическом плане. Но не менее важная сторона этих решений – искалеченные и загубленные человеческие судьбы и жизни, ведь во многом именно партия и государство, формулируя политические и экономические программы, подталкивали руководителей, специалистов и рабочих лесной отрасли к нерациональному лесопользованию.

¹¹⁰⁴ Там же. Л. 18–21.

¹¹⁰⁵ Репрессии в Архангельске... С. 221.

¹¹⁰⁶ Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 393.

¹¹⁰⁷ «Включен в операцию»... С. 145.

Комплектование и подготовка кадров. Из-за нехватки рабочей силы лесозаготовительным предприятиям, трестам было необходимо привлекать крестьян как путем вербовок, так и в рамках трудовой и гужевой повинности. Этому требовал характер производственных процессов: число рабочих увеличивалось с началом заготовки и сплава древесины, сокращалось после его завершения.

Вербовки не всегда обеспечивали предприятия необходимым числом рабочих ввиду тяжелого труда, неудовлетворительных жилищно-бытовых условий и снабжения, задержек заработной платы, продления сроков работ, противодействия колхозов. Сезонные рабочие не имели квалификации, эффективность их труда, следовательно, была низкой. В связи с реализацией политики коллективизации и ужесточением законодательства у предприятий и органов политического управления появилось больше инструментов по привлечению сельских жителей на работы по заготовке, вывозке и сплаву лесных ресурсов. Трест «Комилес» летом 1930 г. даже провел своеобразную акцию, выделив 9 тракторов для местных колхозов¹¹⁰⁸.

Советское государство по-своему видело решение проблемы стимулирования труда сельских жителей в сфере лесопользования. В сентябре 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б), озабоченное низким уровнем выполнения лесными трестами программы третьего квартала (месяцем позже СНК СССР продублировал это постановление), установило систему премий и льгот (выделение лесных материалов, мест в учебных заведениях лесного профиля, оказание помощи со стороны леспромхозов) для колхозов¹¹⁰⁹. В ноябре 1933 г. СНК СССР принял постановление «О договорах с колхозами и крестьянами-единоличниками для лесозаготовок и сплава». Правлениям колхозов запрещалось отзывать колхозников на какие-либо другие работы до полного выполнения обязательств. Сезонникам, остававшимся на лесозаготовках после выполнения договорных обязательств, вводилась надбавка 25 % от основных

¹¹⁰⁸ Индустриализация Коми автономной области ... С. 95.

¹¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 846. Л. 31–34.

расценок за каждый кубометр, заготовленный сверх договора. На леспромхозы ложилась задача оказания помощи сельскохозяйственными артелям в полевых работах, ремонте инвентаря и т. д.¹¹¹⁰ 3 марта 1936 г. СНК СССР подтвердил запрет правлений колхозов отзывать колхозников с заготовки и вывозки древесины до выполнения ими договоров и постановил не препятствовать переходу на постоянную работу в леспромхозы и лестранхозы. Мотивирующими факторами становились авансы вновь прибывавшим колхозникам и выплата заработной платы два раза в месяц¹¹¹¹.

Тем не менее проблемы с привлечением колхозников на лесозаготовки и их негативным отношением к данным работам сохранялись. Плановые задания спускались колхозам зачастую без учета численности работников, их возраста и занятости на других видах труда, а колхозам запрещали создавать фонды для «отходников», что приводило к резкому понижению уровня жизни этой категории людей в период между полевыми работами. Лесозаготовительные организации критиковались за низкую эффективность организованного набора колхозников, несмотря на четко прописанный в постановлении СНК СССР от 19 ноября 1933 г. алгоритм действий¹¹¹². В договорах не указывались конкретные деланки либо включались несуществующие, либо с запасом древесины меньшим, чем предусмотрено договором. Это приводило также к нарушениям расчетов оплаты труда колхозников¹¹¹³.

Ошибки леспромхозов в работе с колхозами продолжались. В Березниковском районе Северного края план по заготовке и вывозке для каждого сельского совета и лесопункта был утвержден только 18 сентября. Лесорубы и возчики колхоза «Красный Север», начав работать в лесу, столкнулись с тем, что в договоре не были указаны расстояния и места вывозки древесины, обязанности рабочих. Этот и другие случаи являлись следствием спешного оформления договоров и слабого финансирования леспромхозом

¹¹¹⁰ Заборцева Л. П. Указ. соч. С. 56; Якоб В. В. Указ. соч. С. 75–76.

¹¹¹¹ О договорах с колхозами для лесозаготовок и сплава // Правда. 1936, 4 марта. С. 2.

¹¹¹² Гайнер И. Указ. соч. С. 70–72.

¹¹¹³ Резолюции совещания директоров леспромхозов и лестрансхозов Северного края... С. 9–11; Холодный дом России... С. 251–253, 264–265.

проезда завербованных рабочих¹¹¹⁴. Напротив, своевременное выполнение сплавщиками запани Пянда (с помощью рабочих соседней запани) задания по сплотке и отбуксировке древесины стало предметом гордости коллектива. Он обвинил колхозы, которые должны были прислать рабочих, в саботаже, ряд колхозников – в дезертирстве¹¹¹⁵, доказывая, что на сезонную силу нельзя целиком полагаться.

Наличие проблем не означало, что партийные и хозяйственные организации не интересовались мнением работников. Хотя таких примеров, если отбросить совещания, слеты, конференции, было немного. В сентябре 1935 г. в Чебсарском районе Северного края опрос, проведенный партийным и исполнительным комитетами, выявил, что большинство колхозников хотело бы трудиться в Плесецком лестранхозе, где было хорошо организовано общественное питание, торговля, имелись отремонтированные и оборудованные общежития. Напротив, в лесопунктах Чебсарского района колхозники отказывались работать. Они жаловались на отсутствие мебели, холод в помещениях, на неудовлетворительную работу столовых¹¹¹⁶.

Наконец, партийно-государственные органы решились на существенные изменения условий труда колхозников. 16 февраля 1937 г. СНК СССР принял постановления «О плане лесозаготовок на 1937 г. и о мероприятиях по его осуществлению» и «О взаимоотношениях лесозаготовительных организаций с колхозами». Согласно ним ликвидировалась практика бригадной и коллективной оплаты труда на лесозаготовках, вводилась индивидуально-сдельная оплата труда. Отменялась статья, по которой леспромхозы были обязаны оказывать помощь колхозам¹¹¹⁷. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1938 г. «Об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР» крестьяне стали получать заработную плату, премии наравне с постоянными кадрами. Они приобрели также некоторые налоговые

¹¹¹⁴ Лужбинин М. Ошибки Березниковского леспромхоза // Правда Севера. 1935, 8 октября. С. 3.

¹¹¹⁵ Мы готовы к встрече караванки // Правда Севера. 1935, 9 октября. С. 3.

¹¹¹⁶ За культурное жилище в лесу // Правда Севера. 1935, 10 сентября. С. 1.

¹¹¹⁷ Холодный дом России... С. 295; Якоб В. В. Указ. соч. С. 76.

льготы. Историк В. В. Якоб отмечал, что после принятия этих нормативных правовых актов органы НКВД почти перестали фиксировать проявления недовольства сельских жителей работой в сфере заготовки древесины¹¹¹⁸.

Ранний выход колхозников на лесозаготовки являлся главной проблемой старта сезона и, разумеется, достижения плановых показателей. В конце 1930-х гг., с введением новых стимулирующих мер, руководители органов власти, хозяйственных организаций разъясняли в печати, на совещаниях и конференциях, что труд на рубке или возке древесины с начала октября давал возможность быстрее выполнить 40 норм и заработать премию-надбавку. Колхозы получали отчисления с леспромхозов в размере 10 % заработной платы колхозников, получивших премии-надбавки. За использование лошадей лесозаготовительные организации обязаны были выплачивать колхозам 100 % заработка возчика и 70 % надбавки, начисленной за перевыполнение норм¹¹¹⁹. Чем лучше трудились колхозники, тем больше могли заработать они сами и колхозы. Но для этого лесозаготовительные организации должны были успешно провести вербовку и подготовиться к приему рабочей силы.

На протяжении первых пятилеток выполнить план по привлечению сезонных рабочих не удавалось¹¹²⁰. Сведения об обеспеченности сферы заготовки древесины рабочей и гужевой силой на начало 1930 г. свидетельствовали о более высокой потребности в трудовых ресурсах на местах по сравнению с цифрами Народного комиссариата труда, а также о дефиците рабочих. Максимальная потребность в пеших рабочих была определена в 835 тыс. человек, конных – почти 900 тыс. На начало января трудились в сфере заготовки леса 558 тыс. пеших и 428,5 тыс. конных рабочих. Северный край, Уральская область, Сибирь и Карелия, трудодефицитные территории, сильно зависели от вербовок¹¹²¹.

¹¹¹⁸ Якоб В. В. Указ. соч. С. 77.

¹¹¹⁹ За новый подъем социалистического соревнования и стахановского движения на лесозаготовках. Доклад секретаря обкома ВКП(б) тов. П. Т. Комарова на совещании стахановцев лесной промышленности // Красный Север. 1939, 10 октября. С. 2–3.

¹¹²⁰ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 60, 94об.; Д. 29. Л. 6; Д. 130. Л. 45, 127.

¹¹²¹ Ход вербовочной кампании по обеспечению лесозаготовок рабочей и гужевой силой (по данным НКТруда) // Лесопромышленное дело. 1930. № 2. С. 129.

По состоянию на 15 декабря 1930 г. по тресту «Ураллес» прибыли на работу только 60 тыс. человек (40 % от плана), завербованных в Уральской области, и 3,4 тыс. (29 %) – из других регионов. Хотя предполагалось привлечь около 285 тыс. человек¹¹²². Несмотря на предпринимавшиеся меры, секретарь Уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков писал И. В. Сталину, что региону требовалось за счет внутренних трудовых ресурсов привлечь 119 тыс. рубщиков и 117 тыс. возчиков, в ноябре и декабре было завербовано 79 тыс. и 68 тыс. соответственно, но на места работы прибыли только 43 тыс. рубщиков и 21 тыс. возчиков¹¹²³. Сельские жители стремились завершить сельскохозяйственный сезон, тогда как партийно-государственные органы с начала октября агитировали их на выход в лес, но стимулов к труду в тот период оказывалось явно недостаточно.

На ситуацию в деле обеспечения рабочей силой предприятий влияла также государственная политика в области труда и занятости. В середине 1920-х гг. лесозаготовительные организации самостоятельно проводили вербовки, притом независимо от расположения населенных пунктов относительно районов заготовок. Из-за многих межведомственных противоречий СНК СССР закрепил за организациями конкретные территории и обязал Народный комиссариат труда организовать вербовочные конторы. Это решение, действовавшее короткий срок, не искоренило проблем¹¹²⁴. Рабочая сила, завербованная из других районов страны, не всегда обеспечивала существенный рост объемов заготовки, вывозки и сплава лесных ресурсов и производительности труда. Людям было сложнее приспособиться к суровым условиям климата, труда и быта на Европейском Севере или Урале.

На четвертый квартал 1936 г. предприятия Наркомлеса СССР завербовали 427 тыс. рабочих и 250 тыс. лошадей для лесозаготовок, однако в конце ноября трудились только 120 тыс. человек и 12 тыс. лошадей¹¹²⁵. Через два года

¹¹²² ГАСО. Ф. р-1517. Оп. 1. Д. 8. Л. 205.

¹¹²³ Кабаков пишет Сталину // Архивы Урала. 2007. № 11. С. 196.

¹¹²⁴ Альбрехт К. И. Для леса нужны постоянные кадры рабочих... С. 20–21; Сурово карать конкурентов // Тихоокеанская звезда. 1930, 21 января. С. 4.

¹¹²⁵ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.

динамика заключения договоров иллюстрировала, что в конце 1938 г. было завербовано более 530 тыс. рабочих (план – 510 тыс.), однако трудились 332 тыс. человек (включая постоянных рабочих)¹¹²⁶. Среди главных управлений только Главзапсиблес смог перевыполнить план по привлечению рабочих.

Вербовки производились не только в разных регионах СССР, но и в Канаде, США, Швеции, Норвегии, Финляндии. Центром иммиграции стала Карелия, в основном благодаря инициативе республиканского руководства по привлечению в экономику иностранных рабочих финского происхождения¹¹²⁷. Это стало возможно по причинам необходимости использования передового технического опыта, решения проблемы дефицита трудовых ресурсов в лесопромышленном комплексе, запрета использования труда заключенных (в начале 1931 г.) в пограничном регионе, возможности реализации государственной идеи создания в регионе «форпоста мировой революции». В республику переехали и трудоустроились, в основном в лесной промышленности, 8,6 тыс. рабочих. Но уже с 1933 г. из-за тяжелых условий труда, проживания в непривычной общественно-политической и социокультурной среде поток иностранных рабочих резко сократился. К осени 1935 г. из Карелии выехали более 1,5 тыс. человек¹¹²⁸. Иммигранты занимали руководящие должности на Петрозаводской лыжной фабрике (директор И. Туомайнен, технический директор В. Снельман), Кондопожской БФ (директор Х. Ярвимаки) и целлюлозном заводе (заместитель директора Э. Антонен). Большое значение имели привоз иммигрантами инструментов (лучковых пил, канадских топоров), использование новых для советской лесной отрасли способов рубки и транспорта древесины, организации труда. Часть североамериканских финнов осталась в республике, получила советское

¹¹²⁶ Там же. Д. 137. Л. 40, 52.

¹¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 814. Л. 19. 25 февраля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило автономной республике привлечь до 2000 квалифицированных рабочих из Канады.

¹¹²⁸ Егоров Н. Советская Карелия. История, события, люди, документы, фото. Петрозаводск, 2011. С. 74; Килин Ю. Карелия в политике Советского государства... С. 141; Советская лесная экономика... С. 193; Такала И. Финны-иммигранты... С. 281–282; Она же. Финны советской Карелии... С. 123–124.

гражданство. В 1937–1938 гг. немало переселенцев стало жертвами репрессий¹¹²⁹.

На XVI съезде ВКП(б) (июнь 1930 г.) развернулась дискуссия по вопросу о роли профсоюза в создании постоянных кадров в отрасли. Н. М. Анцелович, секретарь Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (далее везде – ВЦСПС), настаивал, что эту задачу должны решать общими усилиями ВСНХ, региональные партийные органы и профсоюзы. Он выступил против превращения трудовой и гужевой повинности в систему, равно как отрицательно относился к широкому использованию в отрасли труда заключенных (хотя считал их применение, в разумных пределах, оправданным)¹¹³⁰. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О мероприятиях по усилению работ на лесозаготовках и лесосплаве» от 13 февраля 1930 г. разрешало исполкомам автономных республик, краевым (областным) исполкомам вводить в районах заготовки и сплава древесины платную *трудовую и гужевую повинность* (в случае исчерпания других способов привлечения рабочей силы и гужевого транспорта). Гужевая сила, принадлежавшая «кулацким» хозяйствам, не выполнявшим своего задания, подлежала по постановлению сельского совета изъятию для нужд лесозаготовок¹¹³¹.

В районах, где активно велась заготовка лесных ресурсов (Северный край, Урал, Сибирь), трудгужповинность для крестьян, по справедливому замечанию историка С. А. Красильникова, «превращалась в трудовую мобилизацию». За уклонение от нее предусматривались штрафы, выдача «твердых заданий», привлечение к работам подростков, инвалидов, увеличение норм выработки при снижении расценок на оплату труда, уголовная ответственность. Например, в Северном крае в 1930–1931 гг. сезонная норма на лесозаготовках составляла

¹¹²⁹ Кочеткова Е. А. Вклад финнов-иммигрантов в строительство Кондопожского ЦБК... С. 72–73, 75–76; Такала И. Североамериканские финны... С. 44, 49–51; Она же. Финны советской... С. 124–125, 140–144.

¹¹³⁰ XVI съезд... С. 384–387.

¹¹³¹ Советская лесная экономика... С. 162.

3,5 м³ в день. Для «кулаков», а затем для зажиточных «единоличников» она удваивалась, а расценки на оплату труда занижались на 25 %¹¹³².

Наиболее ярким проявлением мобилизационной политики высших партийно-государственных органов стало введение платной трудовой и гужевой повинности для колхозников и единоличников на рубке и вывозке древесины с целью выполнения плана первого квартала 1941 г. На данное мероприятие распространялись положения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1938 г., а за уклонение от повинности и невыполнение производственных заданий следовала уголовная ответственность¹¹³³. В частности, в Молотовской области в конце февраля 1941 г. на фоне неудовлетворительной работы трестов «Уралзападолес» и «Комипермлес» бюро обкома ВКП(б) постановило не менее 90 % рабочих и лошадей сосредоточить на заготовке лесных ресурсов и подготовке их к сплаву. Отменялись выходные дни в течение марта, колхозники закреплялись в лесу до 1 апреля. Результаты работы постоянных кадров, собственных лошадей и техники трестов оказались хуже, чем колхозников и единоличников, у которых стало больше стимулов к труду¹¹³⁴.

В условиях угрозы невыполнения плановых заданий в лесопромышленной деятельности, дефицита трудовых ресурсов, а такие ситуации имели место почти каждый лесозаготовительный сезон, органы власти и хозяйственные организации проводили *мобилизации* членов партии, комсомольских организаций и других групп населения. Эти мероприятия стали постоянным явлением, подчеркивая проблемы выполнения производственных программ предприятиями и трестами, дефицита трудовых ресурсов¹¹³⁵. Хотя порой признавалось: мобилизованные комсомольцы хоть и будут способствовать

¹¹³² Красильников С. А. Режимные крестьяне... С. 401–404.

¹¹³³ Трудовая и гужевая повинность на лесозаготовках Наркомлеса СССР в первом квартале 1941 г. // Лесная промышленность. 1941. № 2. С. 5

¹¹³⁴ Пермская область накануне Великой Отечественной войны... С. 47–49.

¹¹³⁵ ГАСО. Ф. р-1517. Оп. 1. Д. 8. Л. 14–15; Жеребцов И. Л. Возникновение и развитие промышленных предприятий и транспортных путей в Коми крае... С. 211; Индустриализация Коми автономной области... С. 110; Северный лес на все времена... С. 46–47, 51, 53, 61; Советская лесная экономика... С. 229.

выполнению программы заготовки и вывозки древесины, не определяют ее конечного результата¹¹³⁶.

В ходе работ ленинградских комсомольцев на заготовке древесины в Карелии в сезон 1929/1930 г. имели место асоциальные формы поведения молодых людей (оскорбления местных жителей, прогулы, пьянство). Труд комсомольцев, слабо знакомых с тонкостями заготовки древесины в северной республике, неудовлетворительно и однообразно питавшихся, часто болевших и получавших травмы, держался исключительно на энтузиазме. Срок их пребывания в республике продлевался трижды: до 15 марта, 1 и 15 апреля. По итогам работы местное население, несмотря на изначальный скептицизм, выражало комсомольцам благодарность и просило о дальнейшей поддержке¹¹³⁷.

На помощь организациям и предприятиям лесопромышленного комплекса мобилизовались и студенты¹¹³⁸. Властными инстанциями такой труд подавался в качестве примера энтузиазма молодых людей, однако он отвлекал от учебного процесса и своей физической тяжестью не отождествлялся у студентов с получением необходимых умений и навыков. В Коми области пошли еще дальше в выборе категорий населения для работы на заготовке лесных ресурсов и в августе 1929 г. создали «ударную» женскую бригаду из числа «батрачек и домработниц», трудившуюся в тресте «Комилес»¹¹³⁹.

Важным источником комплектования коллективов предприятий лесопромышленного комплекса явились *спецпереселенцы*. В результате первой волны «раскулачивания» крестьян, в 1930 г., в Северный край было вселено 230 тыс. человек (46,5 тыс. семей), в Уральскую область – 85 тыс. (17,8 тыс. семей), в Сибирский край – 20 тыс. человек¹¹⁴⁰. 10 июля 1931 г. Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ и Союзлеспром ВСНХ СССР заключили соглашение о передаче трестам 530 тыс. спецпереселенцев. Из них

¹¹³⁶ Лесозаготовки под ударом // Тихоокеанская звезда. 1930, 11 января. С. 1.

¹¹³⁷ Логинов В. Указ. соч.

¹¹³⁸ Голдин В. И. Указ. соч. С. 129.

¹¹³⁹ Жеребцов И. Л. Возникновение и развитие промышленных предприятий и транспортных путей в Коми крае... С. 209.

¹¹⁴⁰ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 116–117.

333,5 тыс. расселялись в Уральской области, 94,4 тыс. – в Северном крае, 47,1 тыс. – в Восточносибирском крае, 34,7 тыс. – в Западносибирском¹¹⁴¹. Спецпереселенцы закреплялись на предприятиях в качестве постоянных кадров. В некоторых случаях они составили основу коллективов предприятий¹¹⁴². Однако эффективность их труда оказалась невысокой¹¹⁴³. Органы власти и ОГПУ констатировали многие организационно-экономические, социальные и жилищно-бытовые проблемы на предприятиях и в спецпоселках, а также завышенные нормы выработки для «раскулаченных». Спецпереселенцев, прибывших из районов с развитой лесной промышленностью, использовали также на других работах. Тех, кто ранее жил в сельскохозяйственных районах, заставляли трудиться на лесозаготовках¹¹⁴⁴.

Для организации занятости спецпереселенцев, улучшения их материально-бытового положения стали создаваться производственные неуставные кустарные артели (на правах хозрасчетной единицы). Одной из главных задач артелей являлось использование местного недефицитного сырья. Промысловый союз (для лесной отрасли – Леспромсоюз) формировал производственную программу, реализовывал продукцию. Руководство артелью осуществлял уполномоченный (как вольнонаемный, так и из числа спецпереселенцев). Имущественная ответственность распространялась на имущество артели и личное имущество артельщиков (в двукратном размере к внесенному паю). При неуставных сельскохозяйственных артелях спецпереселенцев могли создаваться хозрасчетные кустарно-промысловые цехи¹¹⁴⁵.

¹¹⁴¹ Игнатова Н. М. Использование труда спецпереселенцев-«бывших кулаков»... С. 95.

¹¹⁴² Игнатова Н. М. Влияние принудительных миграций на развитие лесозаготовительной промышленности республики Коми... С. 84; История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 66; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 122; Мазур Л. Н. Край ссылки... С. 203–206; Политбюро и крестьянство ... С. 321–322, 755–756; Советская лесная экономика... С. 233; Суслов А. Б. Указ. соч. С. 377–382, 394; Упадышев Н. В. Роль ГУЛАГа в социально-экономическом развитии Европейского Севера... С. 77; Хатанзейская Е. В. Архангельск в системе спецколонизации... С. 100; Холодный дом России... С. 238.

¹¹⁴³ О причинах этого см. подробнее: Виола Л. Указ. соч. С. 149; Ивницкий Н. А. Указ. соч. С. 194, 200–201, 215–216; Политбюро и крестьянство... С. 686, 969–970; Твардовский И. Т. Указ. соч. С. 73–75, 89, 92.

¹¹⁴⁴ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 138–139, 158, 725.

¹¹⁴⁵ ОГАЧО. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–7.

По состоянию на 1 сентября 1936 г. в лесной промышленности использовались 192152 трудпоселенца (19,6 % от их общего числа), в том числе 84137 – трудоспособных¹¹⁴⁶. В начале января 1938 г. наибольшее число трудпоселенцев было занято на предприятиях НКТП. На втором месте было сельское хозяйство, чуть меньше использовалось поселенцев в промышленности Наркомлеса СССР: 170683 человека, из которых 74403 являлись трудоспособными, но только 63926 трудоустроены. 28 тыс. трудпоселенцев (15,3 тыс. трудоспособных, из них 12,5 тыс. трудоустроенных) использовались в Беломорско-Балтийском комбинате НКВД. Около 18 тыс. спецпереселенцев были заняты на лесных работах на предприятиях НКПС. В дальнейшем доля нетрудоустроенных людей среди трудоспособных спецпереселенцев на предприятиях лесной промышленности снижалась. По состоянию на 1 апреля 1941 г. на предприятиях народных комиссариатов лесной, целлюлозной и бумажной промышленности СССР насчитывалось соответственно 59797 и 4204 трудоспособных трудпоселенца (третье место среди отраслей), из них было занято на работах 53495 и 4104 человека¹¹⁴⁷.

Из-за неудовлетворительных условий проживания, снабжения, высоких норм выработки с 1930 по 1933 г. из спецпоселков Северного края бежали 59,6 тыс. человек, были задержаны 16,2 тыс., вернулись – 4,3 тыс.¹¹⁴⁸ За 1931–1934 гг. из 130,6 тыс. спецпереселенцев, переданных трестам «Западолес» и «Свердлес», бежали 60,2 тыс., умерли 31,2 тыс. человек¹¹⁴⁹. Сокращение числа ссыльных в отдаленных спецпоселках приводило к систематическим перемещениям контингентов. В 1934 г. у трестов «Камлесосплав» и «Уралзападолес» часть спецпереселенцев была изъята и передана другим хозяйственным организациям¹¹⁵⁰.

¹¹⁴⁶ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 227–229.

¹¹⁴⁷ Бердинских В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 38–39, 113; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 227, 249, 258, 270, 296.

¹¹⁴⁸ Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 334–335.

¹¹⁴⁹ Политбюро и крестьянство... С. 750.

¹¹⁵⁰ Там же. С. 573.

В середине 1930-х гг. произошло некоторое улучшение условий жизни и труда спецпереселенцев. Одним из способов уменьшения количества побегов и закрепления «раскулаченных» в промышленной сфере стало соглашение между Наркомлесом СССР и ГУЛАГом НКВД, заключенное 15 июля 1934 г. По нему на спецпереселенцев распространялись нормативы для постоянных рабочих¹¹⁵¹. Чтобы задействовать в производстве как можно больше людей, в мае 1936 г. Наркомлес СССР принял директиву, согласно которой на постоянных работах в неуставных сельскохозяйственных артелях разрешалось использовать не более 10 % трудоспособных трудпоселенцев, которые не могут работать в лесу¹¹⁵².

Дефицит трудовых ресурсов, связанный с низкими темпами увеличения числа постоянных кадров, сокращением количества трудпоселенцев, заставлял хозяйственные организации искать поддержки у Наркомлеса и НКВД СССР. В конце 1930-х гг. «завоз» рабочей силы вновь стал актуальной мерой комплектования коллективов предприятий и совпал с развертыванием репрессий на территориях, присоединенных к Советскому Союзу в 1939–1940 гг. В первой половине 1940 г. предприятиям лесной промышленности и лагерям НКВД были переданы около 120 тыс. спецпереселенцев-«осадников» (из общего количества 139,6 тыс. человек) из западных областей Украинской и Белорусской союзных республик. 85,8 тыс. человек оказались заняты в системе Наркомлеса СССР (преимущественно в Архангельской, Вологодской областях, Коми АССР), 23 тыс. – в Народном комиссариате путей сообщения (на лесных работах), 11,3 тыс. – в Тайшетском, Северо-Уральском и Унженском лагерях НКВД¹¹⁵³. Однако хозяйственные организации должным образом не подготовились к трудовому использованию спецпереселенцев. В середине 1940 г. предприятиям лесопромышленного комплекса и лесным лагерям НКВД были переданы 65 тыс. «беженцев» (из общего числа 77 тыс. человек) из Украинской и Белорусской ССР¹¹⁵⁴. Здесь возникли те же проблемы с организацией

¹¹⁵¹ Коротаев В. И. Указ. соч. С. 14.

¹¹⁵² Красильников С. А. Режимные крестьяне... С. 414.

¹¹⁵³ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 274, 290–292.

¹¹⁵⁴ Там же. С. 301–302, 306–307.

занятости, созданием приемлемых жилищно-бытовых условий, что и в случае с «осадниками».

Историк В. А. Бердинских указывал на различия в отношении советского руководства к «осадникам» («враги») и «беженцам» («интернированные эмигранты»). «Беженцев» селили в относительно хорошие жилища, они лучше обеспечивались продовольствием, одеждой. Поэтому у «осадников» смертность на спецпоселении оказалась, по неполным данным, выше (10,5 тыс. с момента прибытия на спецпоселение и до 1 июля 1941 г.), чем у «беженцев» (1,8 тыс.)¹¹⁵⁵. Согласно советско-польскому договору от 30 июля 1941 г. о союзнических отношениях, польские спецпереселенцы были сняты с учета и к осени, по мере реализации процедуры ликвидации комендатур, обрели статус свободных граждан¹¹⁵⁶.

На протяжении 1930-х гг. увеличивалось число **заклученных исправительно-трудовых лагерей**, осуществлявших лесопромышленную деятельность. На производстве было занято меньшее число людей, чем имелось по списочному составу, ввиду выполнения ими других видов работ, невозможности трудиться по состоянию здоровья, неудовлетворительного снабжения. Количественные показатели отражают лишь тенденции динамики контингентов, направлявшихся для работы в разные отрасли.

До конца 1920-х гг. участие заключенных в лесопромышленной деятельности не носило массового характера. В мае 1929 г. вышла секретная депеша, в которой предлагалось для развития лесной отрасли использовать труд заключенных с ориентировочными цифрами по Карело-Мурманскому краю – 5000 человек, Северному Краю – 5000, Уралу – 5000. В ряде регионов функционировали лесозаготовительные колонии¹¹⁵⁷. Историк С. А.

¹¹⁵⁵ Бердинских В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 46.

¹¹⁵⁶ Упадышев Н. В. Польские спецпереселенцы на Европейском Севере России // Отечественная история. 2007. № 5. С. 158–160.

¹¹⁵⁷ С. П. Ж. Опыт работ исправительно-трудовых лесозаготовительных колоний на Урале // Административный вестник. 1930. № 6. С. 41–42. Дефицит рабочих на лесозаготовках, особенно в обеспечении дровами металлургических предприятий, привел к осуществлению на практике идеи создания исправительно-трудовых лесозаготовительных колоний. Первая из них возникла в 1928 г. на территории Надеждинского металлургического комбината.

Красильников отмечал, что «к моменту формирования лагерно-комендатурного сегмента лесная отрасль оказывалась достаточно подготовленным пространством для использования в значительных масштабах принудительного труда»¹¹⁵⁸, имея в виду масштабное привлечение крестьян к выполнению трудгужповинности на Европейском Севере, Урале и в Сибири.

На 1 января 1930 г. в исправительно-трудовых лагерях, осуществлявших лесопромышленную деятельность (Вишерском, Северных, Сибирском, Соловецких), насчитывалось более 85 тыс. заключенных. Спустя год эта цифра увеличилась до почти 183 тыс. Рост численности заключенных в сфере заготовки древесины был вызван необходимостью снабжать лесными ресурсами крупнейшие города страны. На 1 января 1934 г., когда действовали крупные Беломорско-Балтийский, Свирьский и Темниковский ИТЛ, а Северные и Соловецкие были расформированы, в «лесных» лагерях насчитывалось около 197 тыс. заключенных. На 1 января 1937 г. в Беломорско-Балтийском, Свирьском, Сибирском и Темниковском ИТЛ отбывали наказание около 159 тыс. заключенных. В 1934–1937 гг. в Беломорско-Балтийском лагере насчитывалось в разные годы от 59 тыс. до 90 тыс. человек, в Свирьском – от 23 тыс. до 44 тыс., Сибирском – от 45 тыс. до 65 тыс., Темниковском – от 21 тыс. до 31 тыс. заключенных¹¹⁵⁹.

С образованием исправительно-трудовых лагерей в конце 1930-х гг. число заключенных возросло. На 1 января 1938 г. в 8 «лесных» лагерях находилось около 109 тыс. заключенных. К 1 октября того же года количество ИТЛ, занимавшихся заготовкой, механической обработкой и глубокой переработкой древесины и осуществлявших строительство лесопромышленных предприятий, достигло 18, а заключенных в них – около 354 тыс. (удельный вес заключенных «лесных» лагерей в общей их численности по НКВД СССР вырос за период с октября 1938 г. по февраль 1939 г. с 25,8 до 30,3 %). На 1 марта 1941 г. в 13 лагерях Управления лагерей лесной промышленности НКВД отбывали

¹¹⁵⁸ Красильников С. А. Режимные крестьяне... С. 404.

¹¹⁵⁹ Подсчитано по: Система исправительно-трудовых лагерей... (дата обращения: 12.08.2021).

наказание почти 339 тыс. человек¹¹⁶⁰. Среди образованных в 1937–1938 гг. лагерей существенный «спецконтингент» имели Каргопольский (примерно 25–37 тыс. человек в разные годы периода конца 1938 – начала 1941 гг.), Северо-Уральский (соответственно около 24–32 тыс.), Усольский (примерно 27–35 тыс. заключенных в разные годы периода начала 1939 – начала 1941 гг.) и Локчимский (около 22–26 тыс. в разные годы периода конца 1938 – начала 1940 гг.) ИТЛ.

Во второй половине 1930-х гг. перечень производственных объектов, возводившихся при непосредственном участии НКВД СССР, расширился. На строительстве Соликамского ЦБК в 1938 г. трудились 7,3 тыс. заключенных, Архангельского – 6,8 тыс., Сегежского – 7,4 тыс. При этом на трех объектах насчитывалось только 3,1 тыс. «вольнонаемных» работников¹¹⁶¹. В первой половине 1939 г. на строительстве Архангельского ЦБК, несмотря на увеличение числа «вольнонаемных» работников, должности главного механика, главного бухгалтера, начальников ряда отделов занимали временные работники, для руководства монтажом не было инженеров, теплотехников, электриков, бумажников-технологов, персонал служащих и рабочих комплектовался из числа заключенных¹¹⁶². После сдачи в эксплуатацию Сегежский ЦБК испытывал дефицит кадров, и на около 40 % (примерно 1500) рабочих должностей трудились заключенные¹¹⁶³. Помимо этого, НКВД СССР, согласно договорам, направлял заключенных на работы в другие ведомства¹¹⁶⁴.

Уровень смертности и заболеваемости заключенных напрямую зависел от общественно-политических, социально-экономических трансформаций. К этому добавлялись тяжелый ручной труд, увеличенный рабочий день, неблагоприятный климат в северных и восточных районах страны, проблемы со снабжением товарами, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия и

¹¹⁶⁰ Там же.

¹¹⁶¹ Иванова Г. М. Сталинский лагерно-промышленный комплекс... С. 39–40.

¹¹⁶² Захарова Е. Рождение гиганта... С. 128, 130.

¹¹⁶³ Советская лесная экономика... С. 359.

¹¹⁶⁴ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 3... С. 541.

медицинское обслуживание, негативное отношение со стороны персонала лагерных комплексов. Так, в Соловецких лагерях особого назначения из-за неудовлетворительных условий быта и труда только за два квартала 1929–1930 гг. переболели в стационарах 25552 человека (44,6 % населения лагеря), амбулаторных посещений зафиксировано 425 тыс. (744 % к общему числу заключенных), умерли 3583 человека¹¹⁶⁵. Пик смертности пришелся на 1933 г., когда к перечисленным выше проблемам добавился масштабный голод. В Вишерском лагере умерли 5888 человек (34,3 % к числу заключенных), а в Сибирском – 7736 человек (15,9 %)¹¹⁶⁶, что явилось наибольшим абсолютным показателем. В 1932 и 1934 гг. уровень смертности в «лесных» лагерях составлял 4–5 % и мало отличался от цифр по ОГПУ.

Высокий уровень смертности заключенных наблюдался на этапе организации «лесных» лагерей и снижался по мере «нормализации» производственной деятельности и формирования инфраструктуры. Если за шесть месяцев, с октября 1937 г. по март 1938 г., уровень смертности составил в Каргопольском ИТЛ 20,9 % к общей численности контингента, Кулойском – 24,4, то за 1940 г. – 1,7 и 3,5 соответственно¹¹⁶⁷. В Локчимском ИТЛ из-за суровых природно-климатических условий, тяжелого труда, нехватки одежды и обуви, сокращения норм снабжения продовольствием с октября 1937 г. по май 1938 г. умерли 3069 заключенных. В декабре 1938 г. только от обморожений погибли 372 человека, в январе 1939 г. – 152¹¹⁶⁸.

За 1933 г., по данным санитарного отдела ГУЛАГа, в пяти «лесных» лагерях (Свирьский, Темниковский, Соловецкий, Сибирский, Вишерский) процент дней, пропущенных спецконтингентом по болезни, к общему числу человеко-дней составил от 5,6 % в Соловецком лагере до 9,9 % в Вишлаг¹¹⁶⁹.

¹¹⁶⁵ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 4... С. 145–146.

¹¹⁶⁶ Там же. С. 465, 477, 482–483.

¹¹⁶⁷ Упадышев Н. В. ГУЛАГ в Архангельской области... С. 178.

¹¹⁶⁸ Смилигин А. Поселок Аджером (Пезмог) в истории ГУЛАГа СССР // ГУЛАГ на севере России: мат. всероссийской науч. конф. с международным участием. Сыктывкар, 2011. Ч. 1. С. 70.

¹¹⁶⁹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 4... С. 478.

Для оздоровления и поддержания «удовлетворительного» состояния спецконтингента принимались разные меры. Темниковский лагерь в 1934 г. создал «санитарные городки» для слабосильных заключенных, где они занимались плетением лаптей, рогож, кулей и т. п. За 35 дней, проведенных в таком городке, прибавка в весе у заключенных составила в среднем 3,9 кг. ГУЛАГ предложил распространить данный опыт на остальные лагеря¹¹⁷⁰.

В мае 1938 г. наиболее высокий удельный вес заключенных, не работавших «по болезни», отмечался в Вятлаге – 8,8 %, Темлаге – 8,4 %, Ивдельлаге – 8 % (в среднем по лагерям НКВД – 6,2 %), а низкий процент использования спецконтингента был в Ивдельлаге – 66,7 %, Темлаге – 67 % (в среднем по лагерям НКВД – 70,2 %)¹¹⁷¹. В Усольлаге осенью 1940 г. из 7046 заключенных, которые должны были выходить на основные лесные работы, фактически трудились 6019¹¹⁷². Напряженная ситуация с состоянием трудовых ресурсов была вызвана трудностями периода организации лагерей, неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями и снабжением, большими объемами работ.

На стадии организации «лесных» лагерей охрана и режим содержания заключенных, тяжелый ручной труд, неудовлетворительные климатические условия, продовольственное и вещевое обеспечение способствовали росту количества побегов. Если в 1937 г. в Каргопольском ИТЛ совершили побег 158 человек, то в следующем году – 832, но в 1940 г. число сбежавших составило 185. В 1938 г. из Онежского ИТЛ бежали 603 заключенных, Архангельского ИТЛ – 329, а в 1940 г. – 120 и 96 соответственно¹¹⁷³. С постепенным улучшением бытового обслуживания, снабжения, усилением охраны число побегов сократилось.

Поскольку труд в исправительно-трудовых лагерях не обладал привлекательностью и престижностью для «вольнонаемных» рабочих, там

¹¹⁷⁰ Там же. С. 481.

¹¹⁷¹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 3... С. 144–145.

¹¹⁷² ПГАСПИ. Ф. 105. Оп. 6. Д. 346. Л. 7.

¹¹⁷³ Упадышев Н. В. ГУЛАГ в Архангельской области... С. 175.

всегда существовало большое число вакансий, которые замещались из числа заключенных¹¹⁷⁴. В среде спецпереселенцев и заключенных, несмотря на репрессии, поражение в правах, ограничения в проживании, порой негативное отношение местных жителей, были люди, готовые получать образование, осваивать новые профессии, добиваться успехов в трудовой деятельности.

Таким образом, предприятиям лесопромышленного комплекса за первые пятилетки не удалось сформировать постоянные коллективы. Проблема нехватки трудовых ресурсов решалась за счет нескольких источников. Официальная позиция партийно-государственных органов состояла в необходимости увеличения удельного веса постоянных работников. Поскольку осваивавшиеся территории не обладали большой численностью населения и отрасль продолжала зависеть от сезонного труда, государство стало активно использовать мобилизационные методы. Основными источниками трудовых ресурсов стали «временнонаемные» работники, жители сельской местности, разные категории «спецконтингента». В меньшей степени влияли на численность работников лесной промышленности кратковременные кампании по мобилизации отдельных групп населения (партийных работников, комсомольцев, горожан). Выделить удельный вес каждого источника трудовых ресурсов затруднительно, прежде всего, по причинам особенностей статистического учета, а также включения спецпереселенцев в постоянные кадры, замещения заключенными должностей «временнонаемных» работников.

Подготовка кадров. В связи с началом модернизации в лесной промышленности, необходимостью увеличения удельного веса постоянных кадров стала возрастать потребность в квалифицированных работниках. В 1928 г. подготовка кадров осуществлялась в одном специализированном высшем учебном заведении – Ленинградском лесном институте (200 студентов), на 7 лесных факультетах других вузов (410 учащихся), в 31 специализированном

¹¹⁷⁴ См. подробнее: Бердинских В. А. История одного лагеря... С. 32; Обухов Л. А. Первостроители соцгородов... С. 38–39. О профессиональном пути написано в воспоминаниях: Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 6, т. 3... С. 132, 136, 138–141; Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 6, т. 4... С. 21–22; Шаламов В. Т. Указ. соч. С. 6, 8, 16, 23, 35.

техникуме (1240 человек) и пяти лесных школах (250 учащихся)¹¹⁷⁵. В начале 1928 г. ВЦИК РСФСР наметил изменения в лесном образовании. Расширялся прием студентов в высшие учебные заведения и техникумы¹¹⁷⁶. Появились стационарные, в том числе отраслевые, заведения, предполагавшие долго- и краткосрочные программы подготовки: институты, техникумы, школы фабрично-заводского ученичества, профессионально-технические школы, с 1940 г. – школы фабрично-заводского обучения. На рубеже 1920–1930-х гг. была осуществлена передача профессионально-технических учебных заведений в ведение ВСНХ, затем – союзных народных комиссариатов¹¹⁷⁷.

Становление системы высшего лесотехнического образования было связано с организацией на базе лесохозяйственных факультетов сельскохозяйственных институтов или лесоинженерных факультетов самостоятельных высших учебных заведений (Архангельского, Уральского Воронежского, Поволжского, Брянского, Красноярского, Белорусского и др. лесотехнических институтов), в том числе в территориях, где лесная промышленность с конца 1920-х гг. активно развивалась. В начале второй пятилетки систему лесотехнического образования составляли 15 вузов, 57 техникумов и 20 рабфаков, в которых обучалось 44 тыс. человек¹¹⁷⁸.

Во второй пятилетке предлагалось активизировать подготовку специалистов по новым производственным направлениям (например, пластические массы, гидролиз древесины, брикетирование), по механизации и рационализации лесной промышленности, а также обеспечить подготовку требовавшегося числа инженеров, техников, мастеров и десятников узкой специализации. Намечалось расширить масштаб подготовки кадров без отрыва от производства, а также в школах фабрично-заводского ученичества, которые должны были покрыть более 75 % потребности в квалифицированных кадрах рабочих. Сеть учебных заведений должна была находиться в тесной связи с

¹¹⁷⁵ Цепляев В. П. Указ. соч. С. 382.

¹¹⁷⁶ Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия... С. 309.

¹¹⁷⁷ Постников С. П. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров... С. 169–170.

¹¹⁷⁸ Стариков В. 10 января открывается I всесоюзный съезд студенчества лесных вузов // Лесная промышленность. 1933, 8 января. С. 1.

размещением отрасли¹¹⁷⁹. В связи с направлением крупных вложений в механизацию сферы заготовки древесины деятельность втузов и техникумов резко критиковалась за отсутствие подготовки механизаторов¹¹⁸⁰, хотя нахождение образовательных учреждений в системе Наркомлеса должно было позволить лучше реагировать на трансформации лесной промышленности и варьировать учебные планы, перечень специальностей. В этой связи С. С. Лобов предлагал организовать отдельный институт для подготовки механизаторов лесного транспорта, заготовки и сплава леса¹¹⁸¹.

На стартовавших – после образования Наркомлеса и подчинения ему учебных заведений лесного профиля – разного рода мероприятиях выявлялись крупные проблемы в деле подготовки кадров. Претензии касались в первую очередь структуры учебных планов, не позволявшей в ряде случаев обеспечить необходимый объем часов на изучение специальных дисциплин (к примеру, в Бобруйске на «Фанерное производство» отводилось 40 часов вместо 700 по плану), качества преподавания¹¹⁸². Приемные кампании в вузы сопровождались трудностями: слабым уровнем образовательной подготовки абитуриентов, невыполнением критериев социального отбора поступающих, низкими темпами подачи абитуриентами заявлений (из-за чего почти все становились студентами без должного отбора), отсутствием учебников по специальным дисциплинам (они еще готовились к изданию)¹¹⁸³.

Драматично сложилась судьба лесоводственных и лесоэкономических дисциплин в связи с критикой концепций ведущих отечественных лесоводов о рациональном лесопользовании. Изменились подходы к преподаванию экономики лесопользования, поскольку его объем на конкретной территории стал рассчитываться исходя из мощности лесозаготовительных предприятий и организаций и сроков освоения лесных баз. В то же время разрабатывались

¹¹⁷⁹ Труды I Всесоюзной конференции... С. 70–71.

¹¹⁸⁰ Машинно-лесные станции... С. 4.

¹¹⁸¹ Лобов С. Реконструкция лесной промышленности... С. 67.

¹¹⁸² Первый съезд студпрофорганизаций деревообрабатывающей промышленности // Лесная промышленность. 1933, 4 января. С. 4.

¹¹⁸³ Степанов А. Прием во втузы // Лесная промышленность. 1935, 1 августа. С. 4.

новые учебные курсы и пособия: сушке древесины, механизации лесоразработок, сухопутному и водному транспорту леса, гидролизу древесины, газогенераторным установкам и др. В результате остался невостребованным образ выпускника – специалиста, компетентного в разных областях лесного хозяйства и лесной промышленности.

По данным на 1 января 1933 г., в высших учебных заведениях лесной направленности обучались 8,3 тыс. человек, в техникумах – 11,1 тыс.¹¹⁸⁴ В начале второй пятилетки, несмотря на дефицит кадров, необходимость увеличения доли постоянных работников, отмечалось сокращение контингента и цифр приема учащихся. Прием студентов техникумами был более стабильным, хотя в 1936–1937 гг. наметилось снижение показателя. Причины этого заключались в формальном выполнении показателей выпуска специалистов, без учета того, куда они трудоустраивались. За 1934–1936 гг. в высшие и высшие технические учебные заведения Наркомлеса было принято 5,7 тыс. человек, выпущено – 3,8 тыс., в техникумы – соответственно 13,3 тыс. и 4,2 тыс.¹¹⁸⁵ По плану на 1941 г. Наркомлес и Наркомбумпром, Главлесоохрана и Главлесоспирт должны были подготовить 32 тыс. рабочих (в том числе 27,5 тыс. – на курсах), повысить квалификацию 80,6 тыс. человек¹¹⁸⁶.

В целях преодоления дефицита рабочих, дальнейшего формирования постоянных кадров, закрепления их на предприятиях и в качестве меры подготовки к возможной войне началось создание системы государственных трудовых резервов, в том числе представленной школами фабрично-заводского обучения. В лесной промышленности срок подготовки рабочих (обучение осуществлялось на производстве) составлял сначала 6 месяцев, с весны 1941 г. – 3 месяца. Привлечение молодежи в школы фабрично-заводского обучения вследствие тяжелых условий труда в отрасли происходило с помощью принудительных и мобилизационных методов¹¹⁸⁷. В 1941 г. требовалось

¹¹⁸⁴ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 407.

¹¹⁸⁵ Народнохозяйственный план на 1936 год... С. 459, 461, 463; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год... С. 148–159.

¹¹⁸⁶ Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год... С. 564–565.

¹¹⁸⁷ Постников С. П. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров... С. 189, 192.

подготовить для лесной промышленности центральных и южных районов страны 40 тыс. лесорубов, 40 тыс. возчиков-трелевщиков, 20 тыс. рабочих для погрузки, разгрузки и разделки древесины. Для этого намечалось организовать 239 школ фабрично-заводского обучения с трехмесячным курсом¹¹⁸⁸.

Подготовка высококвалифицированных и руководящих кадров для лесной промышленности велась в системе промышленных академий: в Архангельске, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске и в Дальневосточном крае. Крупные наборы осуществлялись на лесозексплуатационную, лесопильно-деревообрабатывающую и лесохимическую специальности. Срок обучения составлял 3 или 4 года в зависимости от уровня школьной подготовки. Учиться могли члены ВКП(б) в возрасте до 37 лет, имея опыт руководящей работы; рабочие со стажем не менее 5 лет, служащие – не менее 8 лет. Причем доля рабочих в наборе определялась не ниже 65 %, женщин – не ниже 20 %, а Наркомлес имел право отклонять те или иные кандидатуры¹¹⁸⁹.

В конце 1931 г. ВСНХ СССР учредил Архангельскую промышленную академию (действовала до 1941 г.). Сформированные отделения (лесозексплуатационное (включая сухопутный транспорт леса), лесосплавное, лесопильное (включая деревообработку), лесоэкономическое, целлюлозно-бумажное и лесохимическое¹¹⁹⁰) отражали запланированные тенденции индустриального развития лесной отрасли после реформы конца 1920-х гг. (поэтому в перечне отделений не фигурирует лесохозяйственное). Инженеры первого выпуска должны были найти применение по всем этим направлениям в Северном крае и других регионах страны. Идеологическим обоснованием стала необходимость появления руководящих кадров, способных развивать предприятия благодаря политической подготовке, умениям мобилизовать рабочих на выполнение разного рода задач и знаниям производственного процесса, базирующегося на передовой технике¹¹⁹¹. Это усиливало разрыв

¹¹⁸⁸ Школы ФЗО лесной промышленности // Лесная промышленность. 1941. № 2. С. 5.

¹¹⁸⁹ ГААО. Ф. р-1683. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.

¹¹⁹⁰ Там же. Д. 1. Л. 1.

¹¹⁹¹ Там же. Д. 4. Л. 3.

между управленцами и инженерно-техническими работниками, лучше знавшими технику и технологии лесопромышленной деятельности.

В сентябре 1932 г. Архангельская промышленная академия была передана Наркомлесу, но финансирование осуществлялось из бюджета НКТП СССР. Академия становилась единственным специализированным центром подготовки организаторов производства, хотя по состоянию материально-технической базы, качеству преподавания, не говоря уже о научно-исследовательской работе, существенно уступала Ленинградской лесотехнической академии. В связи с этим формируются тесные связи с Архангельским лесотехническим институтом, предприятиями и Северным краевым коммунистическим университетом (для преподавания социально-экономических дисциплин и политического обучения). В. А. Горохов, имевший большой опыт работы в лесном хозяйстве и высшее лесное образование, сосредоточил в своих руках управление лесотехническим институтом и промышленной академией, обеспечив тесное взаимодействие.

Ленинградская лесотехническая академия стала одним из главных центров курсовой подготовки руководящих кадров предприятий. Активная деятельность по обучению директоров, в основном выдвиженцев, в том числе из числа национальных областей, округов и республик, велась в начале 1930-х гг., но сопровождалась рядом проблем. В частности, на заседании бюро партийной ячейки курсов красных директоров лесопильных заводов Союзлеспрома в июле 1931 г. были выявлены недостатки в преподавании ряда технических и естественнонаучных дисциплин. Низкая квалификация некоторых преподавателей в совокупности со слабым уровнем грамотности некоторых курсантов привела к дискуссиям по проблемам оплаты труда рабочих. Высказывания курсантов явно противоречили официальным политическим установкам. Однако бюро партийной ячейки вместо работы с преподавателями заставило курсантов Смолина и Вильдевского публично признаться в «правооппортунистических настроениях» (наказанием стало

снятие их с постов бригадиров в группах)¹¹⁹². На заседании бюро ячейки тех же курсов в октябре 1931 г. также указывалось на низкий уровень преподавания, сравнимый с болтологией, по отдельным дисциплинам, на недостаточное внимание ячейки и руководства курсов к жилищным условиям и питанию курсантов¹¹⁹³. Курсы повышения квалификации директоров для учебного заведения, хозяйственных организаций являлись некой обузой, в результате чего курсанты оказывались без должного внимания и контроля.

Функции повышения квалификации руководящих кадров, осуществлявшиеся Ленинградской, Архангельской и Красноярской курсовыми базами при одноименных лесотехнических вузах, дублировались с 1935 г. институтами повышения квалификации. Главное управление учебными заведениями Наркомлеса СССР приняло решение ликвидировать в декабре 1935 г. курсовые базы¹¹⁹⁴. Сохранение институтов повышения квалификации (в Ленинграде, Москве и Свердловске) свидетельствовало о концентрации усилий по повышению квалификации управленцев в ведущих образовательных центрах и об усилении позиций лесотехнического образования на Урале, где формировался крупный лесопромышленный комплекс. В 1936 г. институты и их филиалы обучили 519 работников – больше, чем промышленные академии¹¹⁹⁵. Их деятельность оказалась более успешной и перспективной.

Подготовка кадров для лесной промышленности велась в разных регионах страны¹¹⁹⁶. Так, к концу второй пятилетки на *Урале* было размещено 12 % учебных заведений Наркомлеса СССР¹¹⁹⁷, в том числе ведущие учреждения – Уральский лесотехнический институт, Кудымкарский, Талицкий лесотехнические техникумы. В *Северном крае* по состоянию на 1 января 1933 г. функционировали промышленная академия в Архангельске с 82 студентами,

¹¹⁹² ЦГАИПД СПб. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 421. Л. 2–5.

¹¹⁹³ Там же. Д. 423. Л. 3–4об.

¹¹⁹⁴ ГААО. Ф. р-1683. Оп. 2. Д. 21. Л. 56.

¹¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р5467. Оп. 26. Д. 45. Л. 1

¹¹⁹⁶ ГАСО. Ф. р-1517. Оп. 1. Д. 8. Л. 7–9; Захаров В. К. Указ. соч. С. 50–51; Индустриализация Коми автономной области... С. 94, 97, 177; Кузнецов А. Ф. Партийное руководство подготовкой кадров... С. 68, 71–72; Лесотехническое образование... С. 129; Малюгин А. И. Лесоперерабатывающая промышленность Чувашской АССР в 1930-е гг... С. 92.

¹¹⁹⁷ Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций... С. 15–16.

лесотехнический институт с 1043 учащимися. Работали лесотехнические техникумы в г. Тотьме, Архангельске, на ст. Обозерской с 724 студентами, лесохимические техникумы в г. Вельске и Сыктывкаре с 427 учащимися, сплавной техникум в с. Березнике (175 студентов), целлюлозно-бумажный в г. Соколе (133 учащихся), механический (356 студентов) и лесозэкспортный (140 студентов) в Архангельске и 9 рабфаков с 1032 учащимися. В Архангельск в учебных заведениях лесного профиля обучались 2423 студента¹¹⁹⁸.

В Архангельском лесотехническом институте весной 1932 г., в разгар политизированной кампании по критике «буржуазных теорий» в лесном хозяйстве, состоялся выпуск первой группы инженеров-лесоэкономистов в составе 16 человек. В 1932 г. институт планировал выпустить 201 инженера (в том числе посредством экстерната)¹¹⁹⁹. Направления подготовки кадров в большей степени соответствовали приоритетам первой пятилетки в Северном крае, но не удовлетворяли задачам второго пятилетнего плана, делавшего ставку на развитие деревообработки, лесохимии, целлюлозно-бумажного производства в регионе. Первые годы функционирования учреждения сопровождались многими трудностями. На партийных и комсомольских мероприятиях говорилось о необходимости повышения качества преподавания и политической подготовки студентов (особенно в свете удлинения сроков обучения), развертывания соцсоревнования и кружковой работы, улучшения культурно-бытовой работы в общежитиях¹²⁰⁰. Группа инженеров-лесоэкономистов, набранная в феврале 1930 г., объявила себя ударной и поставила задачу освоить учебную программу за 2 года и 2 месяца (по плану – 3 года), повышая качество обучения. Это позволило сократить прогулы, добиться успехов в освоении учебной программы, на лесозаготовках, в подготовке бригадиров и десятников в Северном крае. Студенты премировались, а двое были оставлены при институте в качестве аспирантов¹²⁰¹.

¹¹⁹⁸ Краткий географический очерк Северного края... С. 32–34.

¹¹⁹⁹ Горохов К первому выпуску дать 201 инженера лесной промышленности – почетная задача АЛТИ // Наш темп. 1932, 16 марта. С. 1.

¹²⁰⁰ Комсомольцы АЛТИ! // Наш темп. 1932, 17 ноября. С. 2.

¹²⁰¹ Путь первой ударной // Наш темп. 1932, 16 марта. С. 1–2.

В 1929 г. на базе лесозавода № 8 г. Архангельска был организован завод-втуз, где рабочие-студенты семь часов в день работали на предприятии и три часа занимались теоретической учебой. Подготовка кадров в рамках такой формы обучения обошлась в два раза дешевле, чем в высших и средних учебных заведениях, но данный эксперимент не получил распространения. По постановлению СНК СССР от 18 сентября 1932 г. число заводов-втузов в стране было сокращено до трех¹²⁰².

В начале 1930-х гг. в *автономной Карельской республике* подготовка кадров для лесной промышленности велась в следующих стационарных учреждениях высшего и среднего звена: Карельском лесотехническом институте (действовал в 1932 г., затем переведен в Ленинградскую область), лесном техникуме и рабочем факультете (все учреждения располагались в Петрозаводске). Преподавание велось на русском и финском языках. В 1932 г., единственном годе, когда функционировали эти три учреждения, насчитывалось 326 студентов, из них 55 женщин, 203 национала. Подготовка кадров в стационарных учреждениях низшей ступени была представлена в 1931–1933 гг. школой ученичества лесной промышленности (с. Ухта – г. Петрозаводск), школами фабрично-заводского ученичества при наиболее крупных предприятиях (в г. Петрозаводске, с. Сороке, Ильинском, п. Кондопоге). Наблюдалось сокращение контингента обучавшихся (с 613 до 466 человек), в том числе женщин (с 170 до 85) и националов (с 415 до 241)¹²⁰³. В годы первой пятилетки сформированная сеть образовательных учреждений в большей степени выполнила свою задачу по подготовке кадров, в том числе национальных, для активно развивавшейся лесной промышленности и требовала преобразований. Особенно сильно сократился контингент обучавшихся в школе фабрично-заводского ученичества при Кондопожском ЦБК, что было связано со стабилизацией численности персонала.

¹²⁰² Голдин В. И. Указ. соч. С. 121.

¹²⁰³ Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика... С. 151–154, 157.

В *Ленинградской лесотехнической академии* структурные реорганизации, расширение перечня специальностей в связи с развитием новых отраслей, освоением новых технологий, видов продукции происходили на протяжении 1930-х гг.¹²⁰⁴ В этих изменениях отразились результаты дискуссии специалистов по поводу подготовки специалистов, компетентных в лесном хозяйстве и лесной промышленности, и приоритеты Советской власти в области обучения кадров в первую очередь для производства, в том числе с учетом новаций в отрасли и потребностей в использовании местных ресурсов.

Получили развитие *нестационарные формы подготовки рабочих*, в основном в виде разнообразных срочных курсов общеобразовательной и специальной направленности, необходимость в которых возникала, как правило, вследствие отдельных производственных проблем или нововведений. Подготовка организаторов производства и рабочих велась и непосредственно на предприятиях. Так, в конце 1920-х гг. на Сясьском ЦБК были организованы курсы по подготовке техников и мастеров для строившегося Вишерского ЦБК, а позднее на комбинате заработали краткосрочные курсы десятников и бригадиров, техников-конструкторов, штукатуров, плотников, подручных монтажников, электромонтеров, трактористов, котельщиков. На них были подготовлены почти 500 человек. Из-за дефицита инженерно-технических работников на строительство были привлечены специалисты, проектировавшие предприятие. Затем многие из них стали руководителями подразделений¹²⁰⁵. Хотя потребность в квалифицированных работниках на Вишерском ЦБК была во многом обусловлена наличием большого количества заключенных и жителей окрестных сельских населенных пунктов, не имевших специальной строительной и технической подготовки.

Для намеченного на середину октября 1935 г. пуска и дальнейшей работы Соломбальского сульфатно-целлюлозного завода требовалось 350 высококвалифицированных и 100 рабочих средней квалификации. Поскольку

¹²⁰⁴ Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия... С. 310, 343.

¹²⁰⁵ А. С. Указ. соч. С. 26; Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат... С. 665.

отрасль была развита слабо, коллектив формировался по крупицам (и в дальнейшем эта практика расширялась): через подготовку на действовавших предприятиях, перевод рабочих с других производств. Развитие технологий требовало более квалифицированных кадров, и единственным вариантом оставалась курсовая подготовка на самом Соломбальском заводе. Но функционирование курсов тормозилось отсутствием постоянных помещений, учебной литературы и низкой квалификацией преподавателей¹²⁰⁶. Возникал опасный разрыв между уровнем подготовки рабочих и сложностью техники и технологий, который предполагалось закрыть только после пуска завода.

Неграмотные и малограмотные рабочие были охвачены ликбезом и школой малограмотных, проходили краткосрочные двухмесячные курсы. Открывались школы техминимума, которые давали возможность работникам углубить свои знания по отдельным направлениям производства, партийные и комсомольские школы и кружки. Однако не всегда предприятия были заинтересованы в улучшении материально-технической базы подведомственной сферы образования. Народный комиссар просвещения РСФСР А. С. Бубнов, посетивший в 1930 г. в Северном крае Маймаксанский лесопильный район и Сухонские целлюлозно-бумажные фабрики, одни из передовых предприятий, был возмущен плохим состоянием заводских школ¹²⁰⁷.

Частота открытия школ свидетельствовала об остроте проблемы грамотности и квалификации работников. Однако их отношение к обучению было далеко не лучшим. Работников часто перебрасывали с одного производственного участка на другой, и они не успевали посетить занятия. Летом 1938 г. на целлюлозно-бумажных предприятиях Краснокамска отмечалась низкая (от 30 до 70 %) посещаемость занятий партийных и комсомольских школ, которая связывалась не столько с периодом года, огородными заботами, а с качеством преподавания¹²⁰⁸. В это же время в школе взрослых Камского ЦБК 44 учащихся были переведены на следующий учебный

¹²⁰⁶ Усов П. Кто станет у машин? // Правда Севера. 1935, 5 сентября. С. 3.

¹²⁰⁷ XVI съезд... С. 184.

¹²⁰⁸ Сергеев «Летние» настроения в партийных школах // Краснокамская звезда. 1938, 8 июля. С. 2.

год (хотя некоторые комсомольцы бросили учебу). Рабочие Агапова, Кузнецова, Катьянова, Огнева, Алыпов, Пименова окончили школу на «отлично» и «хорошо»¹²⁰⁹.

Удалось ли за годы первых пятилеток сформировать костяк кадровых рабочих в лесной промышленности? Каков был результат подготовки кадров для отрасли за этот период?

По состоянию на конец 1939 г. чуть более пятой части рабочих лесопильно-фанерной, спичечной, мебельной и целлюлозно-бумажной отраслей трудоустроились на конкретном предприятии в течение последних шести месяцев. Кадровых рабочих, трудившихся на конкретном предприятии свыше пяти лет, насчитывалось в разных отраслях от 15 до 30 %, в том числе трудившихся свыше 10 лет – от 2,4 до 12,4 %. В спичечной и бумажной промышленности удельный вес кадровых рабочих (30,3 и 28,5 % соответственно) был наиболее высоким, что обуславливалось более высоким уровнем зарплаты, технической вооруженности. На мебельных предприятиях он составлял только 15,4 % и являлся самым низким показателем среди лесных отраслей. Отрасль только начинала формироваться, поэтому удельный вес кадровых рабочих был несущественный.

В спичечной и бумажной промышленности удельный вес инженерно-технических работников, трудившихся на конкретном предприятии свыше пяти лет (47 и 39 % соответственно), был наиболее высоким среди других отраслей лесопромышленного комплекса. Менее всего кадровых инженерно-технических работников (примерно по 30 % от общего числа) насчитывалось в фанерной и мебельной отраслях. Как правило, инженерно-технические работники были заняты на конкретном предприятии дольше, чем рабочие, о чем свидетельствует более низкий удельный вес этой категории трудящихся со стажем до одного года (см.: Приложение 32).

Высокая доля инженеров с высшим образованием фиксировалась в фанерной и бумажной отраслях, техников со средним специальным

¹²⁰⁹ Елохов Отличники школы взрослых // Краснокамская звезда. 1938, 8 июля. С. 2.

образованием – в фанерной и мебельной, мастеров с высшим и средним специальным образованием – на фанерных и бумажных предприятиях. Наиболее худшие показатели образованности инженерно-технических работников наблюдались в лесопилении¹²¹⁰. Это зависело в большей степени от уровня заработной платы, оснащения производств оборудованием, «фронта» работ, возможностей реализации инженерных умений и навыков.

В 1939 г. более всего работников с высшим, средним специальным и неполным средним образованием, из расчета на 1000 человек, имелось в сфере глубокой переработки древесины (99 лиц), что обуславливалось лучшей технической оснащенностью, сложностью технологических процессов. Меньшее число специалистов с указанными уровнями образования было в сферах механической обработки (53 работника на 1000 человек) и заготовки лесных ресурсов (31 работник). Хотя фактическое количество специалистов с высшим, средним специальным и неполным средним образованием на деревообрабатывающих предприятиях составляло более 50 тыс. человек¹²¹¹. В 1941 г. на 1000 рабочих по Наркомлесу СССР приходилось пять инженеров с высшим образованием и семь техников со средним специальным образованием, по леспромпхозам ведомства – два инженера и шесть техников соответственно, по Наркомбумпрому СССР – 12 инженеров и 14 техников¹²¹². На заготовке, вывозке и сплаве леса в значительных масштабах использовался труд заключенных, спецпереселенцев, сельских жителей, был низкий уровень оснащенности техникой, многие виды работ не требовали квалификации.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. продемонстрировала крайне низкий образовательный уровень рабочих, особенно в сфере заготовки лесных ресурсов. Среди 582 тыс. рабочих, занятых заготовкой, вывозкой и сплавом древесины, насчитывалось 15,7 % неграмотных, 3,7 % с образованием 7 классов и выше и только 0,16 % с высшим образованием. 0,2 % рабочих получали образование заводских школах и техникумах. Из 671 тыс. рабочих лесопильно-

¹²¹⁰ Индустриализация СССР. 1938–1941 гг... С. 218–219.

¹²¹¹ Там же. С. 223–224.

¹²¹² Там же. С. 279.

деревообрабатывающей отрасли 5,5 % не имели никакого образования, 6,2 % окончили 7 и более классов, 0,03 % получили высшее образование. Еще 0,31 % трудившихся обучались учебных заведениях разного уровня¹²¹³.

Итак, с конца 1920-х гг. формировалась система подготовки кадров для лесной отрасли. Появились новые специальности, ряд лесоводственных и экономических дисциплин был исключен или кардинально пересмотрен в связи с трансформацией подходов к лесопользованию. Действовали учреждения по обучению и повышению квалификации людей для выполнения разных видов работ, в том числе административно-управленческой и хозяйственной деятельности. Однако нехватка финансов, высокий уровень увольнений работников на предприятиях, не всегда позитивное отношение людей к получению новых знаний и умений не позволили обеспечить отрасль требуемым количеством образованных и квалифицированных кадров.

4.2. Стимулирование и мотивация труда

Система мотивов и побуждений к труду складывалась из материального вознаграждения, морально-нравственных побуждений и обязательств, принуждений и наказаний. Рассмотрим особенности оплаты и мотивации труда и дисциплины работников лесной промышленности.

Политика в сфере *оплаты труда* в отношении разных групп работников имела свои особенности¹²¹⁴. В 1932–1934 гг. была проведена реформа, в результате которой устанавливались тарифные сетки, вводилась премиально-прогрессивная и сдельная система. Постановление СНК от 3 декабря 1932 г. запрещало повышение зарплаты рабочим и устанавливало ее твердые фонды, но можно было перераспределять средства внутри коллектива¹²¹⁵.

¹²¹³ Фельдман М. А. Рабочие промышленности СССР и Германии... С. 84.

¹²¹⁴ Подробнее об этом: Ильюхов А. А. Указ. соч. С. 124, 213; Терехов В. С. Тарифная политика... С. 511.

¹²¹⁵ Белова Е. Б. Указ. соч. С. 591–592; Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала... С. 168–170.

Зарплата рабочих и служащих, занятых в лесном хозяйстве и в сфере заготовки древесины, примерно на 25–40 % (в разные годы) была ниже, чем в народном хозяйстве Советского Союза. Тенденция к сокращению разрыва наблюдалась в 1931–1934 гг., но в 1935 г. отставание составило 33 %. За 1929–1935 гг. среднемесячная зарплата рабочих и служащих в отрасли увеличилась с 41 до 127 руб., тогда как в народном хозяйстве страны – с 67 до 189 руб.

За 1931–1934 гг. среднемесячная заработная плата инженерно-технических работников бумажной отрасли возросла с 232 до 339 руб., служащих – с 136 до 189 руб.; инженерно-технических работников лесопильно-фанерной промышленности – с 178 до 328 руб., служащих – с 123 до 185 руб. Очевидно небольшое сокращение разрыва в оплате труда двух категорий работников в этих отраслях к 1934 г., несмотря на отставание на 10–20 % от показателей по всей промышленности страны¹²¹⁶. Разрыв в зарплате рабочих деревообрабатывающей и бумажной отраслей и «крупной» промышленности СССР наметился с 1926 г. и до 1934 г. не превышал 15 %. Среди 16 отраслей промышленности деревообрабатывающая переместилась за семь лет с 15 на 11 место по уровню оплаты труда, бумажная – с 11 на 14¹²¹⁷. Это соответствовало приоритетам партийно-государственных органов в развитии сферы механической обработки древесины в структуре лесной промышленности.

По предварительным итогам 1936 г. средняя годовая заработная плата рабочих и служащих, занятых в сфере заготовки древесины Наркомлеса СССР, составила 1871 руб. (только рабочих – 1760 руб.), в фабрично-заводской промышленности – 2407 руб. (рабочих – 2239 руб.). План на 1937 г. намечал более высокие темпы роста зарплаты рабочих и служащих в сфере заготовки древесины (до 2305 руб.), тогда как в фабрично-заводской промышленности ведомства оплата труда увеличивалась на 78 руб.¹²¹⁸ Однако отставание уровня

¹²¹⁶ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 316; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 484, 500–501; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 512–513, 528.

¹²¹⁷ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 334–336; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 497; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 524–525.

¹²¹⁸ Второй пятилетний план... С. 508–509; Народнохозяйственный план на 1936 год... С. 392–393, 395–396;

средней годовой заработной платы рабочих и служащих Наркомлеса СССР от «крупной» промышленности страны сохранялось и составляло 18–24 %. Другой важной тенденцией стало превышение фактическим уровнем оплаты труда в 1936 г. планового показателя второй пятилетки для 1937 г. в полтора раза, что негативно отражалось на эффективности функционирования лесной промышленности в финансовом плане.

По плану на 1941 г. годовой фонд оплаты труда Наркомлеса СССР равнялся 5,15 млрд. руб. Среднегодовая заработная плата по ведомству должна была составить 3948 руб. (83,8 % от показателя по промышленности Советского Союза). В фабрично-заводской промышленности зарплата равнялась 3659 руб. (в том числе у рабочих – 3434 руб., инженерно-технических работников – 7318, служащих – 4163). В сфере заготовки древесины оплата труда существенно увеличилась в третьей пятилетке благодаря стремлению партийно-государственных органов стимулировать труд работников, закрепить их в качестве постоянных кадров. Из-за повышения заработной платы (а это более 800 тыс. работников) фонд заработной платы по этому компоненту должен был составить 3,45 млрд. руб. Наркомлес едва покрывал средствами от лесопромышленной деятельности (если считать продукцию по оптово-отпускным ценам) расходы на оплату труда работников. Годовой фонд оплаты труда Наркомбумпрома СССР составлял по плану на 1941 г. 400,8 млн. руб. Среднегодовая заработная плата работников равнялась 3870 руб. (см.: Приложение 33). В сумме по двум народным комиссариатам годовой фонд заработной платы равнялся 5,55 млрд. руб. (11,9 % от показателя по «крупной» промышленности страны). По Главлесоохране при СНК СССР, осуществлявшему функции охраны и ухода за лесами в водоохранной зоне, средняя заработная плата была существенно меньше и по плану на 1941 г. должна была равняться 2138 руб. в год (в том числе у рабочих – 1876 руб.). у рабочих предприятий Главлесоспирта при СНК СССР – 4516 руб.¹²¹⁹

Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год... С. 42–49, 56–57.

¹²¹⁹ Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год... С. 512, 521–522, 543.

К началу 1940-х гг. оплата труда отдельных категорий работников в разных сферах лесопромышленной деятельности почти сравнялась. В сфере заготовки древесины рост заработной платы должен был способствовать повышению производительности труда (хотя ожидаемые показатели 1940 г. и плановые цифры на 1941 г. свидетельствовали об обратном). В фабрично-заводской промышленности снижение темпов повышения оплаты труда могло отрицательно сказаться на производительности труда рабочих. В середине 1930-х гг. целевые ориентиры второго пятилетнего плана по заработной плате были превышены. За вторую и третью пятилетки заработная плата рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности Наркомлеса, возросла в 2,83 раза, в сфере заготовки древесины – в 4,45 раза.

В полной мере проявились различия в оплате труда в разных отраслях, предприятиях, категорий работников. Данное несоответствие – результат политики государства, расстановки приоритетов по отраслям, отдельным инстанциям и предприятиям. Изучение региональных и местных материалов¹²²⁰ показало, что на деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных производствах оплата труда была существенно выше, чем в лесопилении и сфере заготовки древесины. Это было вызвано сложностью технологических процессов, необходимостью закрепления кадров, а также более высокой стоимостью продукции. Статус инженерно-технических работников существенно повысился, тогда как соотношение заработной платы служащих, рабочих, младшего обслуживающего персонала изменилось незначительно.

Работники аппаратов управлений, трестов народных комиссариатов получали в два-шесть раз больше, чем работники предприятий. Оплата труда работников, в которых предприятия остро нуждались и которых вербовали по всему СССР, была выше, чем по смете. Но во второй половине 1930-х гг. отдельные стахановцы могли получать заработную плату намного больше

¹²²⁰ Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика... С. 186–187, 189, 191; АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–13, 20, 78; Д. 10. Л. 26–26об.; ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 74; Д. 6. Л. 61, 106; Д. 9. Л. 62–63; Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 7. Л. 35, 128об.; Народное хозяйство в Свердловской области в 1939–1941 гг... С. 40об.–41; РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 5. Л. 6–7; Д. 130. Л. 36; Северный лес на все времена... С. 61–62.

инженерно-технических работников и высококвалифицированных специалистов.

Уровень заработной платы рабочих, занятых на заготовке лесных ресурсов, часто являлся предметом обсуждения на уровне Наркомлеса СССР и партийно-государственных органов. Только во второй половине 1930-х г. появились нормативные документы, конкретизировавшие суть системы оплаты труда. В феврале 1936 г. Наркомлес ввел систему увеличенных расценок при условии перевыполнения норм выработки: от 101 до 120 % – на 25 %, от 120 до 150 % – на 75 %, от 161 % и больше – в два раза¹²²¹. 15 ноября 1938 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР». Повышалась дневная расчетная ставка лесорубов – в среднем с 6–8,7 руб. до 6,8–9,5 руб., в зависимости от региона (например, в северных районах Архангельской области – с 8,05 до 9 руб., Свердловской области – с 7,6 до 8,5 руб., Горьковской области – с 6 до 6,8 руб.). Была установлена, сверх расценок и сдельно-прогрессивной оплаты труда, сезонная премия-надбавка. Она дифференцировалась в зависимости от выполнения лесорубом норм: 40 – премия в размере 50 % заработной платы, от 40 до 60 норм – 80 % основной заработной платы, которая причиталась ему за выработку сверх 40 норм; от 60 до 80 – 120 % основной заработной платы, которая причиталась ему за выработку сверх 60 норм; больше 80 норм – 150 % основной заработной платы, которая причиталась ему за выработку сверх 80 норм¹²²². Мастера леса в случае выполнения месячного плана по своему участку получали премию-надбавку в размере 10 руб. за каждые 100 м³ заготовленной и подвезенной к дороге древесины и по 20 руб. за каждые 100 м³ сверх плана¹²²³. Перевыполнение норм требовало большого перенапряжения сил работником, подготовки фронта работ заранее, снижения качества выполнявшихся операций. В 1940 г. на целлюлозно-бумажных предприятиях вследствие их неэффективной работы в предыдущие годы были введены сдельно-

¹²²¹ Индустриализация Коми автономной области... С. 114.

¹²²² Советская лесная экономика... С. 323–324.

¹²²³ За новый подъем социалистического соревнования и стахановского движения на лесозаготовках... С. 2.

прогрессивная оплата труда и надбавки за непрерывный стаж работы на одном предприятии для кадровых рабочих и рабочих, занятых на рейдах и лесных биржах, то есть на наиболее трудоемких работах; сдельная система – для инженерно-технических работников и служащих¹²²⁴.

Что касается спецпереселенцев, занятых в лесной промышленности, то изначально хозяйственные организации, стремясь подчеркнуть дискриминационный статус и максимально эксплуатировать их, понижали зарплату по сравнению с основным кадром рабочих. Так, в сезон 1930/1931 г. в Северном крае нормы оплаты труда «кулаков» на заготовке лесных ресурсов были уменьшены на 25 %, на биржевых и заводских работах – на 50 % (при этом они могли рассчитывать на питание только в случае выполнения нормы выработки)¹²²⁵. Далее государство и ОГПУ-НКВД стремились выровнять уровень занятости и зарплаты спецпереселенцев и «вольнонаемных» работников. К примеру, спецпереселенцам, занятым в сфере заготовки древесины, хозяйственные организации должны были предоставить работу в течение не менее 200 дней в году, а тем, кто занимался еще и сельским хозяйством, – не менее 150 дней. Из заработной платы вычитались денежные средства на содержание комендатур: с августа 1931 г. до февраля 1932 г. отчисления составляли 15 % (до этого 25 %), потом сократились до 5 %, а в конце 1930-х гг. вновь увеличились до 10 %¹²²⁶.

Несмотря на принятие 27 мая 1934 г. постановления ЦИК СССР о восстановлении в гражданских правах спецпереселенцев из числа бывших «кулаков», проявивших себя «честной работой, лояльным отношением и поддержкой мероприятий Советской власти», по истечении пяти лет с момента выселения, невозможность большей части «раскулаченных» выезжать из мест поселений была пролонгирована¹²²⁷. Для стимулирования труда и закрепления на лесопромышленных предприятиях трудпоселенцев-«бывших кулаков»,

¹²²⁴ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 9. Л. 135–135об.

¹²²⁵ Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 332.

¹²²⁶ Бердинских В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 115–116; Суслов А. Б. Указ. соч. С. 34.

¹²²⁷ Бердинских В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 115–116.

помимо мероприятий по улучшению бытового и социального обслуживания, принимались постановления в области трудового законодательства. По постановлению секретариата ВЦСПС «Об условиях труда и социальном страховании спецпереселенцев» от 27 июля 1936 г., на них распространялось союзное законодательство о труде и социальном страховании. Трудпоселенцы, не восстановленные в гражданских правах на общих основаниях со всеми работавшими – «не членами профсоюзов», обеспечивались пособиями по временной нетрудоспособности, на рождение ребенка, погребение, пенсиями по инвалидности, смерти кормильца. Восстановленные в гражданских правах трудпоселенцы, принятые в члены профсоюза, обеспечивались всеми видами пенсий и пособий¹²²⁸.

Партийно-государственные органы не могли не обращать внимания на проблемы труда, социального обслуживания и быта трудпоселенцев, являвшихся одним из источников комплектования постоянных кадров рабочих. Для закрепления трудпоселенцев, занятых на предприятиях лесной и тяжелой промышленности, народный комиссар внутренних дел СССР Н. И. Ежов и прокурор СССР А. Я. Вышинский в январе 1937 г. предложили И. В. Сталину и В. М. Молотову обязать ведомства, помимо обеспечения «нормальных» жилищно-бытовых условий, строительства социальных учреждений и ликвидации задолженности по заработной плате, выплачивать этой категории заработок одновременно с выдачей зарплаты «вольнонаемным» рабочим¹²²⁹.

В отдельные годы в Наркомлесе наблюдался *перерасход средств* фонда оплаты труда. К примеру, в 1935 г. средняя годовая заработная плата по предприятиям повысилась против плана на 5 %, а фонд зарплаты по служащим был перерасходован на 6,2 %¹²³⁰. В Чувашской автономной республике в годы первой пятилетки на экстрактовом заводе «Большевик» и Козловском комбинате «Стройдеталь» на фоне двукратного падения производительности

¹²²⁸ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 741.

¹²²⁹ Там же. С. 212, 236.

¹²³⁰ Индустриализация СССР. 1933–1937 гг... С. 114.

труда из-за организационно-экономических трудностей происходил рост заработной платы работников¹²³¹. Хронический перерасход фондов оплаты труда не был связан с уровнем выполнения плановых заданий.

Задолженность по зарплате возникала из-за нехватки денег в банковских отделениях, перерасхода фондов оплаты труда, несвоевременности взаиморасчетов между заказчиками и поставщиками, скопления на складах большого количества нереализованной продукции¹²³². На 1 августа 1930 г. задолженность по зарплате по тресту «Ураллес» составляла 1,4 млн. руб. К концу следующего года задолженность по трестам Ураллеспрома только рабочим-лесорубам достигла внушительной суммы – 10 млн. руб.¹²³³ В дальнейшем уровень задолженности заработной платы снижался, но незначительными темпами. По данным на 25 сентября 1936 г., задолженность по заработной плате трудпоселенцам, работавшим в трестах «Уралзаплес» и «Свердлес», составила 2,58 млн. руб. В течение полугода работникам выдавались только авансы от 3 до 5 руб. несколько раз в месяц¹²³⁴. Такая ситуация особенно негативно сказывалась на семьях трудпоселенцев, главы которых трудились на лесозаготовках за несколько десятков километров от поселков. По состоянию на 1 августа 1938 г. задолженность по предприятиям Наркомлеса СССР достигла 21 млн. руб. И это несмотря на то, что примерно 60–70 % от полученной ведомством дотации (в размере 115 млн. руб.) на пополнение оборотных средств было предназначено на выдачу зарплаты¹²³⁵.

Анализ окладов и заработной платы работников лесопромышленного комплекса выявил, что в годы первых пятилеток оплата труда одних категорий работников увеличилась существенно, других – изменилась незначительно. Руководитель предприятия назначал оклады в пределах установленных норм, но мог их изменять в зависимости от качества и производительности труда,

¹²³¹ Малюгин А. И. Лесоперерабатывающая промышленность Чувашской АССР в 1930-е гг... С. 92.

¹²³² Подробнее см.: Шильникова И. В. Указ. соч. С. 319.

¹²³³ ГАСО. Ф. р-1517. Оп. 1. Д. 8. Л. 93; Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

¹²³⁴ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 212–213, 741.

¹²³⁵ Советская лесная экономика... С. 319, 322.

квалификации, стажа работы, прохождения испытательного срока, нарушений трудовой дисциплины и производственного процесса, приоритетности того или иного подразделения. Для назначения окладов работникам одной должности, занятых в разных подразделениях, применялись прилагательные «старший», «младший». Практиковалось совмещение должностей. Работники поощрялись премиями, ударники, стахановцы, рационализаторы имели, как правило, более высокие заработки. В оплату труда включались стоимость жилья, расходы на содержание фабрично-заводских училищ, санаториев, детских садов и яслей. Займы поглощали 12–16 % годового дохода рабочих, а порой и более¹²³⁶.

Приоритет, который отводился государством лесной промышленности в деле обеспечения страны древесиной, продукцией ее механической обработки и глубокой переработки, экспорта лесоматериалов для получения валюты, не компенсировался средствами, выделявшимися на оплату труда работников, которая оставалась ниже по сравнению с другими индустриальными отраслями. Изменения системы оплаты труда работников, по сути, не оказали сильного воздействия на повышение эффективности труда, на которое рассчитывали государственные и партийные органы. Часто работнику выплачивались заработная плата в полном объеме, даже если он не выполнил месячную норму. Руководство заводов не желало увеличения текучести рабочей силы. В годы, когда предприятия, тресты не выполняли производственные планы, фонд оплаты труда расходовался полностью или перерасходовался.

На повышение эффективности труда работников было направлено внедрение новых *форм оплаты и организации труда, премирования и награждения*. Внимание к данной проблеме вызывалось не только невыполнением лесной промышленностью планов, но и большим количеством сезонных рабочих, сельских жителей, разных категорий «спецконтингента», невысоким уровнем их образования и культуры. С одной стороны, реализовывались разные формы повышения эффективности труда, с другой –

¹²³⁶ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; Ф. р-482. Оп. 3-л. Д. 2–3; Е. К. В стороне от массовой работы // Краснокамская звезда. 1938, 16 июля. С. 2.

происходило уточнение критериев отнесения работников к категориям «постоянных», «кадровых», от чего во многом зависели доступ их к материальным и общественным благам, а также возможности стимулирования. Большое значение придавалось расширению масштабов подготовки и повышения квалификации кадров, созданию удовлетворительных жилищных и культурно-бытовых условий, снабжения, пропаганде новых методов труда и примеров успешной работы отдельных людей, бригад, коллективов.

Денежное стимулирование включало выплаты премий, надбавок (например, за стаж работы), средств за выполнение отдельных поручений и заданий, работу в ночное время и праздничные дни, сверхурочно, независимо от действовавших окладов и их повышения. Материальное стимулирование, как правило, подменяло дефицит средств в фонде оплаты труда, зависело от функционирования системы распределения товаров в стране, регионе, наличия тех или иных благ у предприятий.

Поощрение работников и бригад, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки, стало возможным благодаря выделению в фондах оплаты труда предприятий стимулирующей части. Несмотря на постоянное внимание к проблемам выполнения планов, повышения эффективности труда, высшие партийно-государственные органы лимитировали возможности хозяйственников по стимулированию труда работников¹²³⁷. С 1933 г. постоянным рабочим и служащим лесозаготовительных и лесосплавных предприятий (условия труда работников предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины регулировались общим законодательством о труде) после 11 месяцев работы стал предоставляться очередной отпуск продолжительностью один месяц, после каждых трех лет работы — дополнительный отпуск продолжительностью один месяц¹²³⁸.

Несмотря на развитие социалистического соревнования, руководство предприятий было ограничено в финансовых средствах и не могло обеспечить

¹²³⁷ Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала... С. 168–170.

¹²³⁸ Флейшиц Е. А. Указ. соч. С. 89–90.

всех участников более высокой зарплатой. По постановлению ЦИК и СНК СССР от 19 апреля 1936 г. создавался единый фонд директора. Он заменил существовавшую систему специальных фондов и отчислений на премирование и улучшение быта рабочих. Фонд был ограничен 4 % от плановой прибыли и 50 % от сверхплановой прибыли предприятия (для «планово-убыточных» предприятий – 3 % от экономии, полученной от заданного им по плану снижения себестоимости, плюс 50 % от сверхпланового снижения себестоимости). Не менее половины фонда подлежало использованию на улучшение жилищных условий, остальная часть должна была расходоваться на культурно-бытовое обслуживание рабочих, дополнительные капитальные работы, рационализаторские мероприятия, техническую пропаганду, индивидуальное премирование. В 1936 г. отчисления в фонд по предприятиям Наркомлеса СССР составили 81 млн. руб. Для такого крупного ведомства это была незначительная сумма (к примеру, отчисления по НКТП равнялись 171 млн. руб., Народному комиссариату пищевой промышленности – 407 млн.)¹²³⁹. Реальное улучшение материального благосостояния отмечалось только у отдельных стахановцев. Остальным приходилось довольствоваться в основном получением дефицитных товаров и услуг, моральными поощрениями.

Премирование могли производить как руководители производств, так и хозяйственные ведомства. Например, Главлесбуммаш НКТП СССР в связи с выпуском Ленинградским заводом имени 2-й пятилетки первой в стране бумагоделательной машины выделил для премирования работников предприятия (140 награжденных) 43 тыс. рублей. Руководство предприятия было награждено двумя легковыми автомобилями. НКТП премировал завод 50 тыс. руб. для улучшения деятельности отдела рабочего снабжения¹²⁴⁰. Внимание хозяйственных и партийных организаций к предприятию можно понять – изготовлена первая в СССР бумагоделательная машина. Но она еще не была доставлена на Камский ЦБК и не проверена в действии.

¹²³⁹ История социалистической экономики СССР. Т. 4... С. 55–57.

¹²⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-1666. Оп. 38. Д. 363. Л. 7об.–8.

В связи с пуском целлюлозного завода и бумагоделательной машины (первой отечественного производства) на Камском ЦБК народный комиссар лесной промышленности С. Лобов 4 февраля 1936 г. издал приказ о премировании стахановцев предприятия, выделив 200 тыс. руб., 100 велосипедов, 50 патефонов с пластинками, 25 радиоприемников, 50 часов и 50 охотничьих ружей¹²⁴¹.

Многие действительно важные социально-культурные мероприятия могли быть осуществлены только благодаря крупным премиям за победу или призовые места во всесоюзных конкурсах. Архангельский лесотехнический институт, выигравший премию Наркомлеса СССР в размере 25 тыс. руб. за хорошо поставленную спортивную работу, приобрел набор духовых инструментов для создания физкультурного оркестра, ковер-мат для французской борьбы, оборудование для теннисного корта и ринга для бокса¹²⁴².

Денежные премии выплачивались как предприятиям – за перевыполнение плана, осуществление специальных заданий, так и коллективам ученых – за разработку новой техники, технологий. В частности, по постановлению СНК СССР от 14 марта 1941 г. о присуждении сталинских премий В. Е. Тищенко, С. Я. Коротов, М. А. Грехнев и Г. А. Рудаков, сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института сульфитно-спиртовой и гидролизной промышленности, получили премию второй степени (50 тыс. руб. на коллектив) за изобретение изомеризационного метода синтеза камфары из скипидара¹²⁴³.

Премирование работников производилось в связи с разными обстоятельствами: к государственным праздникам; за хорошую работу во время штурмовых недель, декадников, месячников; за выполнение важных заданий, не входивших в функционал работника. Размер и вид премии зависели от повода ее выплаты, должности работника, его социально-профессиональной характеристики. Премирование включало выплату денег, выдачу дефицитных

¹²⁴¹ В буднях великих строек... С. 229.

¹²⁴² Бокс и французская борьба в лесном институте // Правда Севера. 1935, 12 сентября. С. 4.

¹²⁴³ Сталинские лауреаты // Лесная промышленность. 1941. № 4. С. 4–5.

товаров (обувь, одежда, ткани, музыкальные инструменты, велосипеды и т. п.), ремонт или предоставление более качественного жилья с мебелью, путевок в дома отдыха и санатории¹²⁴⁴. В связи с развитием стахановского движения у руководства предприятий появилась возможность не только увеличить заработок этой категории работников, но и стимулировать их премиями, дефицитными благами¹²⁴⁵. Цель таких мер была очевидна – способствовать распространению соревнования, показать другим работникам возможность повышения социального статуса и материального благосостояния. Стахановцу ЛЗ им. Молотова (г. Архангельск) В. С. Мусинскому после трудовых рекордов по распиловке древесины в 1935 г. была выделена обустроенная квартира, подарен автомобиль¹²⁴⁶. Успехи работников порой вызывали зависть и ненависть со стороны других людей. Руководству предприятий подобные случаи были на руку для развития стахановского движения¹²⁴⁷.

На крупные денежные премии можно было рассчитывать в случае производственного успеха регионального или государственного уровня. Так, бригадиру кузнецов механического завода Камского ЦБК П. С. Шардакову за изготовление крылаток для эксгаустеров, ранее импортировавшихся, без которого не могло работать бумагоделательное производство (данная работа имела значение для всего Советского Союза), выдали премию 1000 руб. (участникам бригады – по 400 руб.) и дали месячную путевку в санаторий в Ессентуках¹²⁴⁸. Паяльщик М. Соколов, который инициировал изготовление крылатки, писал, что решил взяться за это дело, поскольку считал себя хорошо овладевшим профессией. Вызванный из главного управления специалист не смог изготовить крылатку, что еще более укрепило желание Соколова произвести деталь¹²⁴⁹.

¹²⁴⁴ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 4. Л. 89; ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 4. Л. 200, 205; Д. 5. Л. 6; Воейков Е. В. Стахановцы лесозаготовок Пензенского края... С. 60.

¹²⁴⁵ Ботяновская В. В. Указ. соч. С. 4; Воейков Е. В. Стахановцы лесозаготовок Поволжья... С. 75; Захарова Е. Рождение гиганта... С. 50.

¹²⁴⁶ Коницев К. Указ. соч. С. 40, 42.

¹²⁴⁷ Чемоданов П. А. Указ. соч. С. 147–148, 150, 152.

¹²⁴⁸ Шардаков П. С. Право на отдых // Краснокамская звезда. 1938, 5 декабря. С. 3.

¹²⁴⁹ Соколов М. Моя производственная победа // Краснокамская звезда. 1939, 1 января. С. 4.

Меры стимулирования работников имели место и в исправительно-трудовых лагерях, и среди спецпереселенцев. В приказе начальника ГУЛАГа ОГПУ по Беломорско-Балтийскому комбинату от 23 января 1934 г., предоставившем льготы ударникам сплава, чьи усилия позволили избежать аварийной производственной ситуации, отмечалось, что «благодаря напряжению воли и энергии ударников, под непосредственным наблюдением и руководством мобилизованного чекистского состава и адмтехперсонала... аварийный сплав был в основном закончен». Руководству комбината предлагалось составить список 500 «наилучших ударников» для поощрения. Отдельный пункт приказа содержал распоряжение о выделении 30 тыс. руб. для премирования отличившихся «ударников» из числа заключенных¹²⁵⁰.

В отношении спецпереселенцев, перевыполнявших нормы, руководство предприятий могло возбуждать ходатайства о досрочном восстановлении их в избирательных правах. Так, в Оборском ЛПХ (Дальневосточный край) трудпоселенцы Касьянов и Маркелов были восстановлены в правах¹²⁵¹. В июле 1936 г. президиум ЦИК СССР разрешил Игарскому городскому совету предоставлять возможность передвижения восстановленным в правах спецпереселенцам в пределах Енисейского Севера; выезда отличникам учебы (как детям спецпереселенцев, так и восстановленным в правах) для поступления в высшие учебные заведения; восстанавливать в правах «наиболее проверенных рабочих стахановцев из детей спецпереселенцев до 25-летнего возраста, пробывших в Игарке не менее 5 лет»¹²⁵². Хозяйственникам такие примеры позволяли усилить пропаганду стахановского движения.

Ввиду увеличившегося удельного веса женщин в общей численности рабочих их ударная работа становилась объектом похвалы и стимулирования. В ноябре 1935 г. женская бригада под руководством П. П. Зотовой из трудпоселка Карбозеро Беломорско-Балтийского комбината НКВД, трудившаяся на разных

¹²⁵⁰ Бородин Л. И. Указ. соч. С. 34.

¹²⁵¹ Лесная промышленность ДВК и стахановское движение. Доклад начальника Главдальлеспрома тов. Гербека // Тихоокеанская звезда. 1936, 24 января. С. 1.

¹²⁵² ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 29. Д. 838. Л. 1.

лесоэксплуатационных работах и систематически перевыполнявшая нормы, была премирована 500 руб., а бригадир получила премию в размере 50 руб. В 1936 г. накануне праздника 8 Марта Н. Я. Феневу, работницу Березниковского ЛПХ Северного края, за вывозку по обыкновенной дороге в среднем 10 м³ леса в день при норме 4,9 м³ премировали в числе других работниц 75 руб.¹²⁵³

Руководству предприятий приходилось постоянно разрешать противоречие между необходимостью стимулирования труда работников и требованием экономии средств фонда заработной платы. Поэтому, когда нужно было не допускать перерасхода средств фонда оплаты труда, премии выплачивались работникам из других статей бюджета, либо трудоустройство новых работников не производилось определенный срок. Для работников могла увеличиться продолжительность рабочего дня (производились дополнительные выплаты за переработанное время), мог быть введен запрет отпусков. На предприятиях постоянно происходила переброска рабочих с одного участка на другой, как правило, приоритетный (строительство производственных объектов, выкатка древесины из рек). Вследствие этого сокращался объем работ, или вообще приостанавливались трудовые операции на других участках, возникали отставания в выполнении планов¹²⁵⁴.

Важным фактором стимулирования труда рабочих стало распространение практики награждений. Всплеск этих мероприятий отмечался в конце 1935 г. в связи с развертыванием стахановского движения. Партийным и государственным органам важно было отметить рядовых работников за трудовые достижения, связав усердную работу с повышением социального статуса и получением некоторых благ. По постановлению ЦИК СССР от 8 декабря 1935 г. были награждены инициаторы стахановского движения в лесопромышленном комплексе. Орден Ленина получили В. С. Мусинский, рамщик лесопильного завода № 17 им. Молотова треста «Северолес», и И. К. Пронин, сеточник Кондровской БФ. Ордена Трудового Красного знамени были

¹²⁵³ Советская лесная экономика... С. 270, 276.

¹²⁵⁴ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 4. Л. 34об.-35; ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.

удостоены В. И. Бурков, технический директор лесопильного завода № 17 им. Молотова, С. А. Первышин, бригадир Бобровской запани треста «Севлес», В. Я. Заигров, машинист Куршинской узкоколейной дороги Тумского ЛК треста «Мослеспром», И. Т. Сергеев, тракторист колонны Тумской лесомашинной станции треста «Мослеспром», А. С. Лучковский, старший монтер-бригадир спичечной фабрики «Везувий», В. А. Толстоусов, столяр-оправщик Красносельской мебельной фабрики, Ф. В. Пухов, луцильчик Старорусского фанерного комбината¹²⁵⁵.

В конце 1938 г. было учреждено переходящее Красное знамя Наркомлеса СССР и ЦК профсоюзов рабочих леса и сплава¹²⁵⁶. В марте 1941 г. коллегия Наркомлеса СССР утвердила условия всесоюзного социалистического соревнования на успешное выполнение плана заготовки древесины в 1941 г. Победителю среди механизированных лесопунктов и леспромхозов присваивалось звание «Лучшее лесозаготовительное предприятие Наркомлеса СССР» (по четырем районам), присуждались денежная премия и переходящее красное знамя Наркомлеса СССР и ЦК союза рабочих леса и сплава. Внутри предприятий организовывалось соревнование среди инженерно-технических работников и рабочих. Победители представлялись к награждению знаком «Отличник социалистического соревнования Наркомлеса СССР»¹²⁵⁷.

Работники стали активно награждаться значком «Почетному работнику лесной промышленности». К примеру, в начале 1941 г. за перевыполнение норм значки были вручены лесорубам-стахановцам Косинского ЛПХ (Молотовская область) Д. З. Кучеву, И. Батуеву, И. Авдееву, начальникам участков Мизеву, Удникову и директору Гладких, шоферу Крохалевского мехлесопункта Ф. Ковыляеву и лесорубу Е. Швецову¹²⁵⁸. Значком награждались и преподаватели отраслевых учебных заведений, в том числе 22 сотрудника Ленинградской лесотехнической академии¹²⁵⁹.

¹²⁵⁵ Социалистическое строительство СССР. Изоальбом... С. 70.

¹²⁵⁶ Советская лесная экономика... С. 327.

¹²⁵⁷ Соревнование на лучшее лесозаготовительное предприятие // Лесная промышленность. 1941. № 5. С. 41.

¹²⁵⁸ Награждение стахановцев лесозаготовок // Звезда. 1941, 30 января. С. 4.

¹²⁵⁹ Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия... С. 346.

Денежное и материальное стимулирование труда работников лесопромышленного комплекса зависело как от политики высших партийно-государственных органов, так и от позиции администрации предприятий. Несмотря на ограниченность фондов оплаты труда, угрозу юридической ответственности за нерациональное использование средств, решение проблем невыполнения производственных планов, текучести рабочей силы становилось приоритетной задачей в деятельности хозяйственников. В отрасли были примеры самоотверженного труда работников, выполнение ими специальных поручений и заданий на благо развития производства. Однако для рядовых рабочих денежное стимулирование не стало играть значимой роли, поскольку из заработка удерживались суммы за различные общественные блага, на займы, имелся дефицит товаров, росли цены на них. Значение имели материальное стимулирование, позволявшее получить доступ к дефицитным благам, а также награждение, способствовавшее повышению социального статуса работников.

Несмотря на трансформации в лесной промышленности, связанные со строительством новых предприятий, механизацией, формированием слоя кадровых рабочих, повышением их уровня образования и квалификации, преобладал ручной и сезонный труд. Большинство работников являлось выходцами из сельской местности (основная часть предприятий по заготовке и механической обработке древесины располагалась в отдаленных от крупных городов районах), привносило в производственные коллективы свои образцы поведения, культуру. «Вкладом» в формирование производственной культуры в отрасли отличились также разные категории «спецконтингента».

Формирование постоянных кадров работников было тесно связано с проблемами изменения *психологии, отношения к труду, новациям и лесным ресурсам* сельских жителей, привлекавшихся сезонно и потому не обладавших высокой квалификацией, опытных рабочих, инженерно-технических работников и руководителей. Опыты в Паше-Капецком лесничестве Череповецкой губернии в 1924 г. по внедрению выборочных рубок показали, что крестьяне отказывались работать на лесозаготовках, поскольку боялись

изменения заработной платы и непредоставления им в пользование порубочных остатков и освоенных лесных участков. В Карелии в 1927/1928 г. крестьяне по неопытности оставляли на лесосеках пни значительных объемов, заготавливали бревна неправильных размеров, вывозили на склады фаутный лес¹²⁶⁰. Такое отношение сельских жителей к труду актуализировало тему подготовки постоянных кадров лесных работников.

Вопросы продолжительности рабочего дня на лесозаготовках, низкой производительности труда поднимались на протяжении первых пятилеток. Положительный пример показывали канадские лесорубы, трудившиеся в Карелии. В сезон 1931/1932 г. рабочий день у них строго регламентировался, как на промышленном предприятии. Если у канадских лесорубов полезная работа при 8-часовом дне составляла 88 % (отсюда и рациональная организация труда, более высокая производительность), то у советских рабочих (при 6-часовом дне), объединенных в пары, – 49 %, в бригады – 70 %. Пятая часть времени уходила на перерывы. Более того, в конце 1932 г. Союзлесзаг предложил сократить должности нормировщиков в леспромхозах¹²⁶¹.

Наркомлес в целях увеличения объемов заготовки и вывозки лесных ресурсов, производства продукции обращался в высшие партийно-государственные органы с просьбами об увеличении продолжительности трудового дня работников. В частности, 7 марта 1941 г. СНК СССР разрешил ведомству «в виде исключения, временно, до 20 мая, ввести сверхурочные работы в количестве двух часов ежедневно на каждого работника (с оплатой)» на ряде предприятий (лесозаводах и деревообрабатывающих комбинатах Свердловской, Иркутской, Новосибирской областей и других северных районов)¹²⁶².

На протяжении 1930-х гг. предприятия использовали административный ресурс в борьбе с прогулами и опозданиями рабочих, авариями, простоями производственного оборудования, хищениями материальных ценностей. 15

¹²⁶⁰ Альбрехт К. И. Рационализация и механизация лесозаготовок... С. 23–24, 26.

¹²⁶¹ Страхов Худший вид расточительства // Лесная промышленность. 1933, 8 января. С. 3.

¹²⁶² Советская лесная экономика... С. 375.

ноября 1932 г. ЦИК СССР издал постановление, согласно которому любой рабочий, пропустивший один день «без уважительной причины», подлежал увольнению¹²⁶³. Работник лишался продовольственных карточек, выселялся с занимаемой жилой площади.

Официальная статистика фиксировала снижение количества прогулов работников в промышленности. На это повлияли мероприятия по улучшению организации труда, росту заработной платы, связь работы с получением жилья, питания и других социальных благ. Так, за период с первой пятилетки до середины 1930-х гг. число дней прогулов по неуважительным причинам в среднем на одного рабочего на предприятиях по обработке дерева снизилось с 3,53 до 0,99, по производству бумаги – с 1,45 до 0,46 (производственная культура в этой отрасли была более высокой вследствие сложности технологических процессов и большего количества квалифицированных работников). Но в 1931–1932 гг. в целом по промышленности наблюдалось резкое увеличение числа прогулов по неуважительным причинам (в деревообрабатывающей отрасли – более 7 дней в среднем на одного рабочего, в бумажной – более 3 дней)¹²⁶⁴. Это вызывалось в первую очередь сложностью добывания продовольствия, голодом. Официальная статистика не включала ту часть прогулов рабочих, которая имела место при негласной поддержке руководителей среднего звена на предприятиях (бригадиров, начальников цехов) и нигде не фиксировалась.

Популярной причиной массовых прогулов рабочих лесозаготовок (особенно из числа крестьян) являлись церковные праздники. Вал публикаций на эту тему отмечался в конце 1920-х – начале 1930-х гг., сократился по мере развития антирелигиозной пропаганды и ликвидации неграмотности. Как правило, празднования сопровождались чрезмерным употреблением спиртного, драками, травмами. Кто-то считал это нормой, другим людям последствия

¹²⁶³ Голдман В. З. Указ. соч. С. 136.

¹²⁶⁴ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 339; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 503; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 530.

веселья, напротив, проясняли сознание настолько, что они отрекались от этих традиций. Возчик В. Соколов из Тотемского района (Северный край), получивший во время празднования Николе зимнего сильное обморожение, в результате которого больше не мог рубить лес, решил, что работа на возке древесины станет впредь приоритетной¹²⁶⁵.

На бумажной фабрике им. Горького во второй половине ноября 1932 г. из 90 прогульщиков было уволено 24. Некоторые рабочие переходили в другие цеха, и начальники охотно их трудоустраивали, особенно если речь шла о хороших специалистах, знакомых, родственниках¹²⁶⁶. Зачастую руководство предприятий было не осведомлено о прогулах и опозданиях работников из-за ошибок в табелях, отсутствия отметок о количестве отработанных часов и т. п. Нарушения трудовой дисциплины были характерны для всех категорий работников. Такие проступки могли вызывать иногда «цепную реакцию», как, например, в августе 1934 г. в Карелии, когда артель сплавщиков, руководители которой занимались пьянством, бросила работу и разошлась по домам¹²⁶⁷. В последующие годы количество прогулов снижалось, но незначительно. Руководство предприятий увольняло работников, особенно часто за пьянство или появление в нетрезвом виде на рабочем месте, кражи. В остальных случаях они, как правило, отделывались выговорами, штрафами, лишением премий, снижением окладов, понижениями разряда и в должности.

Сохранение проблем с нарушениями трудовой дисциплины, выполнением работниками своих обязанностей, текучестью кадров заставило высшие партийно-государственные органы в конце 1930-х гг. принять ряд нормативных правовых актов: постановление СНК СССР в декабре 1938 г. об обязательном введении трудовых книжек; постановление СНК СССР в январе 1939 г. (опоздание на 20 минут приравнивалось к неоправданному отсутствию); указ президиума Верховного совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода

¹²⁶⁵ Соколов В. В. В Николу Зимнего... (печальные воспоминания) // Тотемский лесоруб. 1929, 12 декабря. С. 4.

¹²⁶⁶ Администрация и цехкомитеты укрывают прогульщиков // Лесная промышленность. 1933, 5 января. С. 3.

¹²⁶⁷ Советская лесная экономика... С. 249.

рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 26 июня 1940 г. (запрещал «одностороннее расторжение трудового договора» и прикреплял работника к предприятию, вводя ряд карательных мер за прогулы, опоздания и самовольный уход с работы)¹²⁶⁸.

В начале 1939 г. управленцы высказывались положительно о новом постановлении об упорядочении трудовой дисциплины. Приводилась масса примеров, как рабочие стали совершать меньше прогулов, улучшилась производственная дисциплина. Клеймились и увольнялись злостные нарушители¹²⁶⁹. Начальники подразделений нередко покрывали рабочих, не фиксируя прогулы или появление на работе в нетрезвом виде. Подобное могло иметь место и в масштабах предприятия, как это случилось на Краснокамской БФ, директор которой только 5 января узнал о постановлении об укреплении трудовой дисциплины¹²⁷⁰. Ужесточение трудовой дисциплины должно было способствовать сокращению числа прогулов, но уже в марте и апреле 1939 г. на Камском ЦБК и Краснокамской БФ наблюдался рост нарушений в два-три раза. По итогам первого квартала Камский ЦБК характеризовался как «проходной двор»: число уволившихся работников на сотни превысило количество принятых. Причинами этого были простои, отсутствие четкого графика работ, «перекуры», перемещения рабочих по цехам за инструментами, советами, слабый контроль со стороны администрации предприятий и прокуратуры¹²⁷¹. Увольнялись за прогулы преимущественно рабочие со стажем до одного года. Их либо не устраивали условия проживания и труда, либо они использовали прогул в качестве наиболее быстрого способа увольнения с целью переезда или трудоустройства на новое место работы.

Принятие партийно-государственными органами нормативных правовых актов, ужесточавших трудовую дисциплину, обуславливало не только различные формы социального неподчинения, но и формировало негативное

¹²⁶⁸ Соколов А. К. Принуждение к труду в советской промышленности... С. 76.

¹²⁶⁹ Заякин Ф. А. До конца изживем прогулы и опоздания // Краснокамская звезда. 1939, 6 января. С. 2; Малыгин А. Количество прогулов резко сократилось // Краснокамская звезда. 1939, 8 января. С. 1.

¹²⁷⁰ Л. И. Районное собрание партийного актива // Краснокамская звезда. 1939, 17 января. С. 2.

¹²⁷¹ Не ослаблять борьбы за дисциплину на производстве // Краснокамская звезда. 1939, 24 мая. С. 1.

отношение к сфере труда и власти в целом. Так, после выхода в декабре 1938 г. правительственного постановления работники (например, на Лобвинском ЛК и Новолялинском ЦБК) открыто возмущались по вопросам учета занятости в трудовых книжках, из-за чего мог снизиться размер будущей пенсии, а также введения новой формы расчета оплаты по болезням¹²⁷².

Кадровые проблемы, низкая квалификация специалистов, увеличение нагрузок на оборудование приводили к производственным ошибкам, ухудшению характеристик оборудования, его поломкам, снижению качества продукции. 10 июля 1940 г. вступил в силу указ президиума Верховного совета СССР, который предполагал наказание руководителей предприятий, подразделений за производство некачественной продукции и брака, несоблюдение режима и правил работы. На Кондопожском ЦБК к ответственности за выпуск некачественной продукции были привлечены 43 человека (из них двух отдали под суд), в том числе 8 инженерно-технических работников¹²⁷³.

В сфере принудительного труда сложилась также пестрая гамма стратегий поведения и выживания, включавшая и открытые выступления, беспорядки. Люди, прибывшие в места временного размещения, не сразу получали информацию о дальнейшем обустройстве и занятости, разлучались с семьями в случае отправки на лесозаготовки, не обеспечивались продовольствием. Выступления, отказы от работы произошли в п. Турьинских рудниках Уральской области (апрель 1930 г., около 1 тыс. человек), в п. Лобве и Черном Яре Уральской области (июнь 1931 г., около 750 человек), в Тавдинском районе Уральской области и Оборском ЛПХ Дальневосточного края (октябрь 1932 г., 20–40 человек)¹²⁷⁴. После обустройства спецпереселенцев на новых местах жительства основной формой сопротивления стали побег¹²⁷⁵.

¹²⁷² Из истории уральской промышленности 30-х гг. XX века // Архивы Урала. 2007. № 11. С. 143.

¹²⁷³ Филимончик С. Н. Кондопога в 1930-е годы... С. 82.

¹²⁷⁴ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 123–124, 160, 189–190, 721–722.

¹²⁷⁵ Там же. С. 192.

Руководство предприятий, трестов, озабоченное выполнением планов, одним из путей увеличения объемов заготовки, вывозки и сплава древесины считало сверхэксплуатацию спецпереселенцев. Им завышались нормы выработки по сравнению с «вольнонаемными» рабочими, удлиняли рабочий день, их запугивали, избивали, использовали труд детей, нетрудоспособных, беременных женщин, искажали отчетность¹²⁷⁶. За правонарушения в отношении спецпереселенцев в некоторых случаях следовали наказания хозяйственных руководителей, ответственных работников, комендантов спецпоселков¹²⁷⁷.

По постановлению СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, по улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле» и циркуляру НКВД СССР № 12 от 28 января 1939 г. трудпоселенцы, допустившие нарушения трудовой дисциплины, подлежали увольнению с работы и выселению из принадлежавших предприятию квартир. Комендатура могла их переводить в другие, наиболее отдаленные трудпоселки, использовать на низкооплачиваемой работе. Однако уголовному наказанию за нарушение трудовой дисциплины, в соответствии с указом Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 г., трудпоселенцы не подвергались¹²⁷⁸.

Согласно Положению о лагерях 1930 г. и Исправительно-трудовому кодексу РСФСР 1933 г., основными мерами борьбы с нарушителями лагерного режима являлись выговоры, ограничение или лишение права получать посылки и передачи, изменение режима на более строгий, посылки на штрафные работы, отмена части или полностью зачета рабочих дней и лишение свиданий¹²⁷⁹. Ключевой мерой, стимулирующей труд заключенных, становилась возможность их условно-досрочного освобождения. Согласно «Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых

¹²⁷⁶ Там же. С. 158–159. Случаи завышения норм спецпереселенцам до 6,5 м³ в день были выявлены в Петропавловке и Надеждинском ЛПХ Уральской области.

¹²⁷⁷ Там же. С. 732.

¹²⁷⁸ Там же. С. 748.

¹²⁷⁹ Шевырин С. А. Принудительный труд в лагерях и колониях... С. 118–119.

лагерях НКВД СССР» от 2 августа 1939 г., в отношении «спецконтингента» могли применяться следующие взыскания: лишение свиданий, переписки, передач, возмещение ущерба; перевод на общие работы, в штрафной лагпункт, изолятор, худшие материально-бытовые условия. Заключенным, соблюдавшим режим, хорошо проявившим себя на производстве, могли применяться следующие поощрения: объявление благодарности, выдача премии, предоставление внеочередного свидания, права получения посылок и передач без ограничения, перевода денег родственникам на различные сроки. Заключенным-«стахановцам» могли дополнительно предоставляться лучшие и благоустроенные бараки, специальный паек, вещевое довольствие в первую очередь и другие блага. Самым значимым поощрением являлось возбуждение ходатайства перед коллегией или особым совещанием НКВД об условно-досрочном освобождении¹²⁸⁰. Имели место и преступления. Их совершали как сотрудники лагерей по отношению к заключенным¹²⁸¹, так и сами заключенные¹²⁸².

Одновременно были отменены зачеты рабочих дней и условно-досрочное освобождение заключенных. Это привело к ухудшению трудовой дисциплины и падению производительности труда, обострению проблемы отказов от работы¹²⁸³. То есть те стимулы, на которые уповало руководство НКВД СССР (относительно улучшенное обеспечение промышленными и продовольственными товарами, денежное премирование, улучшение быта заключенных), в условиях принуждения к труду давали слабый эффект. А ужесточение наказаний за нарушение лагерного режима усиливало сопротивление «спецконтингента». В лесных лагерях число и процент отказчиков были выше из-за тяжелого ручного труда в зимних условиях, неудовлетворительного вещевого обеспечения. В весенние периоды число

¹²⁸⁰ История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 4... С. 165–168.

¹²⁸¹ Шульгина М. В. Указ. соч. С. 131.

¹²⁸² Бердинских В. А. История одного лагеря... С. 29.

¹²⁸³ Кустышев А. Н. Проблема отказчиков в лагерях ГУЛАГа... С. 108; Шевырин С. А. Принудительный труд в лагерях и колониях... С. 114, 119–120.

отказчиков уменьшалось. Это было связано с улучшением погодных условий, продовольственного снабжения, завершением основных лесозаготовительных работ.

Способом повышения эффективности труда рабочих в сфере заготовки лесных ресурсов стали *разделение операций, организация бригад, нормирование труда, заключение индивидуальных договоров*.

В частности, в первой пятилетке указывалось на необходимость разделения операций по рубке и транспорту, введения летних лесозаготовок, снабжения рабочих качественными инструментами и механизмами. Так, руководство Ураллеспрома распорядилось довести показатель вовлечения рабочих, занятых на лесозаготовках, в бригады к 15 октября 1931 г. до 40 %, к 15 ноября – до 80 %, к 1 декабря – до 90 %. Тресты отставали в выполнении плана¹²⁸⁴. В ходе проверок в Уральской области, Северном крае и других территориях были выявлены «исключительно скверная постановка организации труда, отсутствие организаторов производства в лесу, уравниловка в заработной плате». Бригадной системой были охвачены 20–25 % рабочих, но проверка установила более низкие показатели охвата, производительности труда, переброски рабочих с участка на участок, с одного вида работ на другой¹²⁸⁵. Некоторые предложения были оторваны от реальности и отражали некомпетентность руководства – как, например, идея ячейки «Уралбумтреста» о «конвейерном способе как на рубке, так и на вывозке, используя одного рабочего на 2–3 лошади»¹²⁸⁶, – в деле улучшения функционирования отрасли.

Кроме организации бригад в рамках идеологических и пропагандистских кампаний появились их разновидности, к примеру, в начале 1930-х гг. – ударные. В середине десятилетия стали создаваться поточные бригады. В дальнейшем практика использования квалифицированных работников для выполнения отдельных операций все более распространялась. Помимо роста производительности труда на узких участках это привело к увеличению числа

¹²⁸⁴ ГАСО. Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

¹²⁸⁵ Советская лесная экономика... С. 221–222.

¹²⁸⁶ ЦДООСО. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–8.

вспомогательных рабочих, и в итоге незначительно влияло на конечные показатели в сфере заготовки лесных ресурсов из расчета на одного работника. В начале 1941 г. на XVIII конференции ВКП(б) справедливо отмечалось, что Наркомлес СССР даже не издал приказ, который определял бы состав бригады, порядок ее работы, нормы и другие параметры¹²⁸⁷, из-за чего вновь поступающие на работу люди слабо овладевали необходимыми умениями, долго адаптировались к трудовой обстановке.

Еще одним способом улучшения организации труда стало введение диспетчеризации. Лесная промышленность одной из последних отраслей ввела этот метод управления производственным процессом. В сфере заготовки древесины диспетчеризация сводилась часто только к фиксации графика движения транспорта. На Удимской машинно-лесной станции (Северный край) диспетчерской подчинили все процессы механизированной вывозки леса с ежесуточным планированием. Диспетчеры видели производственную ситуацию в целом, им удавалось оперативно устранять простои (руководители многих предприятий в условиях дефицита трудовых ресурсов предпочитали часто перебрасывать рабочую силы на разные операции) и увеличить суточный пробег паровозов и объем вывезенного леса¹²⁸⁸.

Важным элементом системы мотивации и стимулирования труда явилось *социалистическое соревнование*, направленное в целом на достижение и превышение плановых показателей, улучшение организации труда. Государство было готово платить рабочим больше, но только в том случае, если они перевыполняли производственные нормы. Развитие соревнования связывалось в лесной промышленности с тяжелым ручным трудом, слабым уровнем механизации, производственной, транспортной и жилищно-бытовой инфраструктуры, необходимостью освоения новой техники и технологий. Мобилизационные кампании, инициированные как партийно-государственными органами, хозяйственными ведомствами и организациями,

¹²⁸⁷ Выполнить решения XVIII Всесоюзной конференции... С. 12.

¹²⁸⁸ Баранов Влаг сутолки и обезлички // Правда Севера. 1935, 4 сентября. С. 3.

так и отдельными работниками, производственными коллективами, и разные формы соревнования были тесно связаны, поскольку являлись реакцией на проблемы с выполнением плановых заданий. Так, в январе 1929 г. С. А. Бергавинов, секретарь Архангельского губкома ВКП(б), объявил февраль «месячником лесоэкспортных заготовок» для выполнения увеличенной на 75 % по сравнению с прошлым годом программы экспорта лесных ресурсов и материалов и предлагал соседним регионам провести аналогичную акцию¹²⁸⁹.

Согласно данным на 1 апреля 1933 г., в Уральской области по трестам Наркомлеса было охвачено соцсоревнованием более 60 % рабочих, по лесозаготовительным организациям треста «Востокосталь» – 67 % пеших рабочих на заготовке древесины, 56 % – на вывозке. Благодаря разнообразным мероприятиям – от организационных, кадровых до мобилизационных и принудительных – производительность рубщиков за период с зимы 1930 г. по первый квартал 1933 г. увеличилась в среднем с 1,8 до 3,55 ф. м в день, на вывозке леса – с 2,75 до 4 ф. м¹²⁹⁰. Заготовка в 1930 г. сельскими жителями на участке Лочь-Сай (Коми-Пермяцкий округ) 3,6 м³ древесины на человека подавалась в качестве крупного успеха¹²⁹¹.

Казалось, нужно плодотворно отработать сезон, и предприятие будет крепко стоять на ногах, являясь примером для других территорий. По факту же развертывание соцсоревнования могло занимать продолжительное время, особенно в условиях слабой агитационной и организационной работы заводских комитетов и трестов. В Дальневосточном крае на фанерном заводе руководитель заводского комитета после собрания рабочих даже не стал писать письмо о вызове на соревнование Никольской фабрики мебели и учебных пособий. Уже в разгар соревнования проверка выявила, что рост производительности труда происходил за счет уплотнения рабочего дня и

¹²⁸⁹ Холодный дом России... С. 161

¹²⁹⁰ Хозяйственное и культурное строительство на Урале... С. 103–104.

¹²⁹¹ Коми-Пермяцкий национальный округ... С. 139.

сокращения числа простоев, однако существенно уменьшить количество поломок оборудования и долю брака не удалось¹²⁹².

Получили распространение формы соревнования, заимствованные из других отраслей. В 1930 г. на лесозаготовках Коми области появилось движение «звучников» – в ответ на движение ленинградских рабочих за принятие встречных промфинпланов. В этом году по инициативе комсомольской организации автономии, мобилизовавшей на заготовку и сплав лесных ресурсов молодежь, трудившуюся в сельском хозяйстве, и комсомольцев, были созданы 41 «звучная» и 109 комсомольско-молодежных бригад. К концу 1931 г. из 2390 ударников в сфере заготовки древесины региона 1076 являлись «звучниками»¹²⁹³. По другой версии, в 1931 г. 21-летний А. Карманов из Коми области, заключив договор на рубку 315 м³ леса (наиболее высокая норма для того периода), исправил цифру на «звучную» – 1000 м³¹²⁹⁴. Стали формироваться общественные «буксиры» (по примеру шахтеров Донецкого угольного бассейна). В начале 1933 г. в Коми области бригадир И. Г. Подоров сформировал буксирную бригаду из передовых лесорубов Палаузского и Багшорского лесопунктов для помощи Ибскому лесопункту. За работу участники бригады получили премии и путевки на курорт¹²⁹⁵.

Рабочие, которые были готовы заготовить и вывезти гужевым транспортом по 1000 м³ древесины и более за сезон, стали называться «тысячниками». Инициатором этого движения стал А. В. Карманов из Коми области. Начиная с 1930 г. он заготавливал по 1000–1300 м³ леса каждый сезон. В сезон 1934/1935 г. Карманов организовал бригаду «Борцы за экспорт», взяв обязательство – заготовить и вывезти 4000 м³ экспортной древесины. Бригада стала образцовой, производительность труда в ней достигла 9–10 м³ леса в день на человека. Осенью Карманов взял обязательство заготовить за сезон 1000 м³

¹²⁹² Н. С. Фанерный завод на соревновании // Тихоокеанская звезда. 1930, 3 января. С. 3.

¹²⁹³ Заборцева Л. П. Указ. соч. С. 59; Северный лес на все времена... С. 47.

¹²⁹⁴ Г. И. Звучник // Правда Севера. 1935, 20 октября. С. 3.

¹²⁹⁵ Мясников Б. Указ. соч. С. 128, 131.

высококачественной древесины. Фактический результат равнялся 1100 м³, помимо этого, он решил дать дополнительно 200 м³ леса. За десять лет работы лесорубом Карманов заготовил более 10 тыс. м³ древесины высокого качества, премировался 18 раз¹²⁹⁶. Коми обком ВКП(б) сделал попытку распространить этот вид соревнования на все лесозаготовительные предприятия автономной области. В сезон 1936/1937 г. выполнение около двух третей производственного задания пришлось на «тысячников», которых насчитывался 4351 человек¹²⁹⁷.

Социалистическое соревнование развернулось также между предприятиями и административно-территориальными единицами. В 1939 г. началось соревнование между лесорубами и сплавщиками Карелии и Архангельской области за досрочное выполнение годового плана заготовки древесины, сопровождавшееся также взятием рабочими индивидуальных обязательств. Бригада карельских сплавщиков помогала в ликвидации отставания на запани Яреньга. В ответ бригада рабочих Подюжского ЛПХ посетила Карелию и обучила лесорубов «передовым» методам рубки леса¹²⁹⁸.

Призывы отдельных рабочих или предприятий к участию в разных формах соревнования были распространены в регионах с развитым или активно развивавшимся в период модернизации лесопромышленным комплексом. Как правило, они получали развитие в конце календарного года или лесозаготовительного сезона, к важному государственному событию или празднику. Такие соревнования носили краткосрочный характер, тиражировались с некоторыми изменениями из года в год и сводились в основном к необходимости досрочного выполнения плана, достижению «высоких» показателей работы, «лучшему» использованию оборудования.

Зависимость структурных компонентов лесопромышленного комплекса от заготовки лесных ресурсов порождала поток просьб предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины в адрес

¹²⁹⁶ Там же. С. 132–136.

¹²⁹⁷ Индустриализация Коми автономной области... С. 89, 112–113.

¹²⁹⁸ Андриянен А. И. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии... С. 8–9.

лесозаготовительных и лесосплавных организаций об увеличении объемов работ. Тем самым решались проблемы обеспечения сырьем для круглогодичного функционирования и формирования собственной прослойки ударников и стахановцев. Так, в начале 1936 г. лесозаготовители Коми области из числа «тысячников», откликнувшись на просьбу лесопильных заводов Архангельска, взяли обязательства вырубить по 1000 м³ леса к концу сезона и призвали других трудившихся присоединиться к этому движению. В итоге некоторые работники перевыполнили этот показатель более чем на 200 м³ ¹²⁹⁹.

С середины 1930-х гг. новым ориентиром в повышении эффективности труда стало стахановское движение, которое в идеале, при тщательном научном изучении конкретных условий производства, должно было способствовать формированию новой отлаженной схемы трудового процесса. Его следует считать кульминацией реализации соревновательных форм в период индустриализации, относительно удачно использованное высшими партийно-государственными органами и хозяйственными ведомствами.

Истоки того, что рамщики лесопильных заводов могли значительно перевыполнять нормы, и почему это произошло именно в Северном крае, следует искать в 1933 г., когда на второй конференции ударников лесопиления г. Архангельска было принято решение переквалифицировать пильщиков на рамщиков, сортировщиков – на бракеров. Рамщик, освоивший навыки слесарного и пилоставного дела, мог работать не «на глазок» и увеличить коэффициент использования оборудования, сократить число аварий и поломок. Повышалась его ответственность за качество продукции. Техническое обучение началось в 1934 г. Итогом стали повышение коэффициента использования пилорам с 61,1 до 75,5 %, сокращение технического брака. Однако перевод в январе 1935 г. рамщиков на самостоятельное обслуживание агрегатов обусловил увеличение простоев и выявил низкий уровень технической учебы.

¹²⁹⁹ Индустриализация Коми автономной области... С. 114.

Только в июне руководство треста проанализировало ситуацию и рекомендовало выделить наставников для дальнейшего обучения рамщиков¹³⁰⁰.

Первым стахановцем в сфере механической обработки древесины был рамщик завода им. Молотова в Архангельске В. С. Мусинский. Он начинал работать в колхозе, в 1931 г. вместе с другими отходниками поехал в краевой центр, где устроился на лесобиржу «Экономия». Затем перешел на ЛЗ им. Молотова, трудился разнорабочим, вершинным пильщиком, а затем комлевым пильщиком. Мусинский стал заниматься технической учебой. Самостоятельно, без извещения руководства предприятия, начал повышать скорость посылки бревен при распиловке с нормативных 12–13 мм на один оборот рамы до 19 мм и превысил плановую норму (95 м³ в рамо-смену) на 35 м³. В ходе наблюдения за его работой со стороны администрации было выявлено сохранение качества продукции. С началом стахановского движения В. С. Мусинский стал предлагать мероприятия по рационализации производственного процесса, улучшению организации труда. В один из дней он напил за семь часов 164 м³¹³⁰¹. После установления рекорда начинается своеобразное соревнование между Мусинским и его коллегой Ф. Кувшинниковым (трудился на одной раме). 17 октября 1935 г. Мусинский распилил 174,5 м³, 18 октября Кувшинников – 185 м³¹³⁰². 15 ноября Кувшинников поставил новый рекорд – за смену напил 293 м³. Это было выше показателей работы на лесопильных заводах Швеции.

Еще один центр стахановского движения зародился в Белорусской ССР. Рамщик Бобруйского ЛК Г. Ф. Рушко в середине октября заявил о возможности перевыполнения нормы в полтора раза при условии бесперебойной подачи леса, помощи подрамщика и нахождения инструментов у агрегата. После первого успеха он потребовал провести ремонт станка и смог довести выработку до 196 м³ (196 % к норме)¹³⁰³. В результате стихийно сформировались и были растиражированы газетами связи между молодыми и

¹³⁰⁰ Виноградов К. Хозяин рамы // Правда Севера. 1935, 12 сентября. С. 3.

¹³⁰¹ Коницев К. Указ. соч. С. 11, 13–14, 18, 21, 31, 34–37, 39–40, 43.

¹³⁰² Комсомолец Кувшинников поставил рекорд распиловки // Правда Севера. 1935, 20 октября. С. 3.

¹³⁰³ ГАРФ. Ф. Р5467. Оп. 26. Д. 44. Л. 5

опытными рабочими, между разными территориями страны, что внешне свидетельствовало о расширении масштабов стахановского движения.

В числе других передовых рабочих В. С. Мусинский побывал в Москве на приеме ударников лесной промышленности председателем СНК СССР В. М. Молотовым и народным комиссаром лесной промышленности С. С. Лобовым. 19 ноября 1935 г. он отправил телеграмму Молотову о том, что распилил 313 м³, и получил благодарность¹³⁰⁴. Далее В. С. Мусинский достиг показателя 387 м³, а Г. Ф. Рушко – 560 м³¹³⁰⁵. Карьера Мусинского была стремительной. Помимо учебно-пропагандистской деятельности, награждения, получения квартиры и автомобиля стахановец поступил в Архангельскую промышленную академию, в 1937 г. был избран депутатом Верховного совета СССР, выдвинут на должность заместителя председателя Архангельского областного исполкома. Участвовал в работе комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам лесной промышленности¹³⁰⁶.

В конце 1935 г. отдельные работники лесной промышленности добились перевыполнения норм выработки¹³⁰⁷. Установлению рекорда способствовали, как правило, подготовка рабочего места (включая обеспечение необходимыми материальными и трудовыми ресурсами), а также значительные физические усилия, особенно там, где механизация отсутствовала. Стремление работников повысить производительность труда вылилось в увеличение нагрузки на гужевой и механизированный транспорт¹³⁰⁸. На сплаве происходили освоение сплотовых механизмов, разработка новых типов плотов и увеличение их объемов. 30 сентября 1935 г. в Северном крае бригада Павлова, работая на

¹³⁰⁴ Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14–17 ноября 1935 г. Стенографический отчет. М., 1935. С. 274.

¹³⁰⁵ Социалистическое строительство СССР. Изоальбом... С. 71.

¹³⁰⁶ Коничев К. Указ. соч. С. 40; Мусинский В. История одного стахановского движения // Вячеслав Михайлович Молотов. К пятидесятилетию со дня рождения (1890 г. – 9 марта 1940 г.). Саранск, 1940. С. 133–134.

¹³⁰⁷ Воронин Д. И. Указ. соч. С. 8, 11; Индустриализация Коми автономной области... С. 116.; Лесной комплекс Вологодской области... С. 21–22; Советская лесная экономика... С. 308.

¹³⁰⁸ Андрияйнен А. И. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии... С. 9; Социалистическое строительство СССР. Изоальбом... С. 71.

станке «Блокстад», сплотила за одну смену 6385,3 м³ древесины, в полтора раза опередив рекорд шведских рабочих¹³⁰⁹.

В конце 1935 г. стахановцы-сеточники ряда бумажных фабрик и целлюлозно-бумажных комбинатов (отец и сын Пронины, Алексеев, Кошинин, Баранов) смогли – за счет увеличения скорости машин – увеличить выпуск бумаги на 130–150 % по сравнению со сменной нормой. Работа оборудования на повышенных скоростях не являлась чем-то исключительным. Во-первых, заводы-изготовители указывали рекомендованную скорость хода бумагоделательных машин, и в процессе их эксплуатации удавалось достигать более высоких показателей без ущерба качеству продукции. Во-вторых, по мере развития машиностроения скорость агрегатов повышалась. Возможностей для роста производительности труда становилось больше. В-третьих, достичь оптимального соотношения хода бумагоделательной машины и качества продукции удавалось в первую очередь в случае с оберточной, газетной, писчей, печатной бумагой, то есть массовыми сортами, но не с высокими (где и требований со стороны потребителей к качеству товаров было больше¹³¹⁰). Другое дело, что рост производительности труда тормозили сбои в работе бирж, древесных и кислотно-варочных отделов, теплоэлектроцентралей. Народный комиссар лесной промышленности С. С. Лобов признавал, что на целлюлозно-бумажных предприятиях без квалифицированных, опытных кадров нельзя было обойтись, особенно в случае обрывов бумажного полотна в залах бумажных машин, когда требовались ловкость и навыки¹³¹¹.

Помимо повышения заработной платы, получения премий, наградений, улучшения жилищно-бытовых условий высокой моральной наградой для стахановцев стало участие в слетах и совещаниях регионального и союзного уровней, где можно было рассказать о личных достижениях, критиковать тех, кто выступал против этой формы соревнования. В ноябре 1935 г. отец и сын

¹³⁰⁹ 6385 кубометров в смену // Правда Севера. 1935, 3 октября. С. 1.

¹³¹⁰ Лалетин А. Скорость // Звезда. 1941, 2 февраля. С. 3.

¹³¹¹ Вопросы лесной промышленности в связи со стахановским движением. Доклад товарища С. Лобова на заседании пленума ЦК ВКП(б) 22 декабря 1935 г. // Тихоокеанская звезда. 1936, 4 января. С. 2.

Пронины, трудившиеся сеточниками соответственно на Кондровской БФ и Балахнинском ЦБК, были приглашены и выступали на всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев. Председатель СНК СССР В. М. Молотов в своем выступлении сказал много добрых слов в адрес стахановца В. Мусинского. Личность этого работника была приведена в качестве положительного примера в развитии стахановского движения¹³¹².

Редакция журнала «Лесная индустрия» в числе первых попыталась оценить достигнутые результаты и перспективы стахановского движения. Грамотно был поставлен акцент на первоочередном развитии сферы заготовки древесины, поскольку от ее работы зависели другие отрасли. В этот период, когда механизация производственных процессов набирала обороты, хозяйственники и рабочие резко критиковались за антимеханизаторские настроения¹³¹³. Можно было делать отсылку к «чудесам», к уяснению рабочими «шести сталинских условий», но целесообразнее говорить об эйфории от стахановских рекордов в отрасли и их поверхностных оценках.

Далее началась волна разъяснений от партийно-государственных органов и народных комиссаров, ради чего был созван в декабре 1935 г. пленум ЦК ВКП(б). Народный комиссар лесной промышленности С. С. Лобов расставил отраслевые акценты в развитии стахановского движения верно с политической точки зрения, но не с хозяйственной. Ему было важно показать достижения в освоении техники в механической обработке и глубокой переработке древесины, тогда как лесозаготовка, от результатов которой зависело снабжение предприятий сырьем, отошла на второй план¹³¹⁴. В резолюции пленума указывались направления повышения эффективности функционирования предприятий, связанные с увеличением занятости рабочих и нагрузки на оборудование. Были даны директивы пересмотреть технические

¹³¹² Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев... С. 32, 69, 70, 211–215, 274–275.

¹³¹³ За стахановский стиль в работе лесной промышленности // Лесная индустрия. 1935. № 11. С. 5–8.

¹³¹⁴ Вопросы лесной промышленности в связи со стахановским движением... С. 2–3.

нормы производительности оборудования и нормы выработки в сторону увеличения, развернуть техническое обучение рабочих¹³¹⁵.

В конце 1935 – начале 1936 гг. прошли разного уровня конференции, слеты, совещания, посвященные проблемам и перспективам стахановского движения в лесной промышленности¹³¹⁶. Партийно-государственные и хозяйственные деятели союзного и регионального уровня, лично проверив работу ряда леспромхозов и производств, не скупилась на критику.

Центральная газета «Правда» если и публиковала заметки о стахановских рекордах в лесной промышленности, то обязательно содержащиеся фантастические цифры (например, о выполнении лесорубами Чечерского ЛПХ в Белоруссии И. Степанковым и Ф. Миронковым нормы по заготовки спичечной осины на 1221 % за 6,5 часов работы ручной пилой; или о раскряжевке Г. Ботвиным из Пинюгского лесотранхоза в Северном крае 128 м³ – 770 % нормы – в стахановские сутки 11 января¹³¹⁷), но не конкретизировавшие, как рабочим удалось достичь таких успехов. Публикация таких информации носила мотивационный характер в разгар лесозаготовительного сезона. Ведь даже при работе устаревшими образцами инструментов можно было перевыполнять нормы в несколько раз, и казалось, что успех кампании 1935/1936 г. был предрешен, оставалось только вывезти и сплавить древесину.

Стахановская неделя в январе 1936 г. стала первой крупной проверкой работы промышленности. На Камском ЦБК из 901 человека 13 работников выполнили норму более чем на 500 %, 50 – на 301–500 %, 65 – на 251–300 %, 161 – на 201–250 %, 386 – на 150–200 %. Однако спустя три дня бюро Краснокамского городского и районного комитета ВКП(б) констатировало снижение производительности труда и предлагало перечень мер в духе времени: внедрять «стахановские пятидневки, декады и месяцы», организовать техническую учебу для стахановцев, выявить причины снижения

¹³¹⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 6. 1933–1937... С. 293–294; КПСС в резолюциях... С. 819–820.

¹³¹⁶ ГАСО. Ф. р-2030. Оп. 1. Д. 14. Л. 15–17, 24–26; Лесная промышленность ДВК и стахановское движение...

¹³¹⁷ Рекорды лесорубов // Правда. 1936, 2 января. С. 1; Стахановская декада в лесах Севера // Правда. 1936, 17 января. С. 8.

производительности труда и др.¹³¹⁸ На крупнейшем в стране Балахнинском ЦБК – поставщике бумаги для «Правды» – после стахановской недели ухудшилось качество продукции («плохо глазирована, скверно намотана», плотность выше стандартной), тогда как руководство предприятия отчитывалось об успехах¹³¹⁹.

В 1936 г. Северный край, можно сказать, возглавил антирейтинг регионов по результатам работы лесной промышленности. Газета «Правда» четко обозначила, что в крае, где зародилось стахановское движение в отрасли, возникло «головокружение от успехов» (по стране план первого квартала 1936 г. был не выполнен по всем показателям, а заготовили и вывезли древесины меньше, чем за январь-март 1935 г.). Мотивируя партийных, профсоюзных деятелей на выполнение и перевыполнение плановых заданий, авторы статей, не являясь специалистами лесной отрасли, писали так, что их фразы (яркий пример: «...завалить страну лесоматериалами. Ведь здесь стахановское движение не лимитируется «сырьем». Ведь леса сколько угодно!») становились устойчивыми составляющими дискурса, отражая в первую очередь позицию центральных органов власти. Были признаны и проблемы стахановского движения, которые окажутся в дальнейшем трудноискоренимыми: неравномерное развитие соревнования по профессиям (особенно среди вспомогательных рабочих), неудовлетворительное техническое обучение, штурмовщина¹³²⁰. На ЛЗ им. Молотова, когда он после ремонта возобновил работу в мае 1936 г., плановые показатели по распиловке сырья не выполнялись. Предприятие, куда приезжали учиться работники с разных районов страны, могло похвастаться разве что периодическими простоями из-за аварий. Досталось от «Правды» и В. С. Мусинскому. Стахановец критиковался за продолжительные поездки на разные мероприятия, за январь-июль 1936 г. он отработал на заводе только 54 дня¹³²¹.

¹³¹⁸ В буднях великих строек... С. 226–228.

¹³¹⁹ Почему ухудшилось качество балахнинской бумаги // Правда. 1936, 31 января. С. 3.

¹³²⁰ О стахановском движении в Северном крае // Правда. 1936, 12 апреля. С. 3.

¹³²¹ Воргин В. Больной завод // Правда. 1936, 16 августа. С. 4.

Ежегодное проведение конференций, слетов, совещаний стахановцев лесной промышленности свидетельствовало о нерешенности многих проблем и необходимости формулирования – после мощной критики – соответствующих директив¹³²². Некоторые руководители предприятий и не отрицали «позорной работы». Не хватало то запчастей к оборудованию, то инженеров-механизаторов, которые могли бы способствовать улучшению использования техники. В ряде случаев у администрации не было даже телефонной связи с лесопунктами. Почти в каждом леспромхозе было неблагоприятное положение с жилплощадью, снабжением людей постельными принадлежностями, продуктами питания. Отмечалось и другое: квалифицированные механизаторы (но такие имелись в достаточном количестве не в каждом предприятии), работавшие на тракторах, обеспечивали перевыполнение планов по вывозке древесины. Любой же сбой в производственном процессе (отсутствие древесины у трасс, запчастей, горюче-смазочных материалов, дефицит рабочей силы) приводил к невозможности достижения целевых показателей¹³²³.

В первую очередь стахановцев возмущало бездействие руководителей предприятий по вполне решаемым вопросам: получение горючего, лошадей, сезонной рабочей силы. Не устраивало качество питания, жилья, инструментов, культурного обслуживания¹³²⁴. Рабочие, бравшие на себя крупные обязательства, например заготовить за сезон 1,5 тыс. м³ (а значит ежедневно рубить по 10 м³, выходить в лес 24 дня в месяц – колоссальная нагрузка на человеческий организм), не успевали заниматься приготовлением пищи, посещать магазины и почту. И логика стахановцев справедлива: если хозяйственники хотят, чтобы они перевыполняли нормы, то пусть организуют продовольственное, культурное обслуживание, предоставят качественный инструмент, жилье.

¹³²² За новый подъем социалистического соревнования и стахановского движения на лесозаготовках... С. 2–3; ОГАЧО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 43. Л. 31–34.

¹³²³ ОГАЧО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 43. Л. 39–40, 51.

¹³²⁴ Там же. Л. 41–43, 56, 60, 67.

Директора предприятий по-прежнему предпочитали надеяться на поддержку трестов, критиковали снабжающие и торгующие организации, районные организации, не прилагая сколь-нибудь серьезных усилий для улучшения жилищных и культурно-бытовых условий рабочих (более активной была работа по вербовке людей), при этом прекрасно осознавая зависимость результатов работы от удовлетворительных условий проживания. Причина такой позиции – в преобладании сезонного труда, несмотря на постепенный рост числа кадровых рабочих.

Издание книг о стахановцах осуществлялось всю вторую половину 1930-х гг. Героями и авторами становились передовики предприятий – рекордсмены, достигшие существенного перевыполнения норм или освоившие передовую, оригинальную технику¹³²⁵. Книги и брошюры, изданные от имени стахановцев, следует рассматривать и как автобиографические источники, которые особенно интересны в части получения гражданами образования, повышения квалификации, установления рекордов. Для многих стахановцев участие в слетах, конференциях, приветственные телеграммы руководителей партийных органов, знакомство с опытом работы других передовиков, с новыми инструментами и техникой стали важными факторами изменения отношения к труду, стремления перевыполнять нормы. Труд стахановца предполагал увеличение продолжительности рабочего дня: в начале смены – для осмотра и подготовки рабочего места, в конце – для сдачи места следующей смене. То есть пребывание работника на предприятии увеличивалось на один-два часа и вместе с рабочей сменой достигало 9–10 часов.

Первоначально увеличение числа стахановцев происходило быстрыми темпами, на отдельных предприятиях их удельный вес превысил 50 %¹³²⁶. За январь-октябрь 1936 г. на Вишерском ЦБК с числом рабочих 3,6 тыс. человек количество стахановцев увеличилось с 745 до 1515, в тресте «Свердлесдрев» на

¹³²⁵ Воронин Д. И. Указ. соч.; Воспитанник партии Ленина-Сталина // Сталинец. 1937, 18 ноября. С. 3; Готчиев П. Указ. соч.; Зимин И. А. Указ. соч.; Коничев К. Указ. соч.; Лесные мастера...; Мой опыт работы на валке леса // Звезда. 1941, 8 января. С. 3; Мусинский В. Указ. соч.; Секретов нет! // Комсомол в стахановском движении. М. 1936. С. 132–133, 136; Твердов Е. Указ. соч.

¹³²⁶ ГАРФ. Ф. 5467. Оп. 26. Д. 44. Л. 3–4.

фоне роста числа рабочих с 3,16 тыс. до 4,18 тыс. – с 847 до 1813¹³²⁷. В трестах Наркомлеса в Карелии в результате череды мероприятий пропагандистского и мобилизационного характера в 1937 г. насчитывалось около 1500 новаторов, в 1939 г. – 5146, в 1940 г. – около 9000. Количество ударников превысило в начале 1940 г. 12000 человек¹³²⁸. Это стало одним из факторов, хотя и не основным, повышения производительности труда рабочих.

Из почти 270 тыс. рабочих, занятых на заготовке и сплаве леса в северных районах страны, по данным на январь 1938 г. 10,5 % составляли стахановцы, 10,2 % – ударники, а по данным на январь 1940 г. насчитывалось 17,5 % стахановцев и 13,3 % ударников (в центральных, южных и восточных районах имели место аналогичные тенденции). В лесопильно-деревообрабатывающей промышленности удельный вес стахановцев и ударников среди рабочих был выше: около 47 % по данным на январь 1938 г. (в том числе 28 % – стахановцев) и 52 % по данным на январь 1940 г. (в том числе 35 % – стахановцев). Однако в 1941 г. во всех отраслях лесопромышленного комплекса фиксировалось снижение удельного веса стахановцев и ударников¹³²⁹.

В последующие годы продолжалось установление рекордов, но лесная промышленность в целом не выполняла планы. Чаще стали проводиться соревновательные акции. Но часть руководителей предприятий, трестов не предпринимала конкретных действий по развитию соцсоревнования, ограничиваясь распространением директив и инициатив Наркомлеса СССР и его главных управлений. В ноябре 1936 г. на совещании у народного комиссара лесной промышленности большинство директоров целлюлозно-бумажных предприятий не смогли внятно объяснить, что они делают по развитию стахановского движения. На производствах уменьшилось количество стахановцев и рабочих, занимавшихся технической учебой¹³³⁰.

¹³²⁷ Хозяйство Свердловской области 1935–1936... С. 108–109.

¹³²⁸ Андрияйнен А. И. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии... С. 11.

¹³²⁹ Индустриализация СССР. 1938–1941 гг... С. 369–370.

¹³³⁰ Там же. Д. 30. Л. 32.

При грамотной организации труда рабочих и стимулировании социалистического соревнования предприятия или их отдельные подразделения добивались повышения производительности. На Тавдинском ЛК норма выработки на установленную рамо-смену в 1934 г. составила в среднем 53,3 м³, в 1935 г. – 62,4 м³, а в 1937 гг. достигла 110,4 м³ ¹³³¹. На лесопильных заводах Карелии производительность рамо-смены по пропуску сырья возросла с 63 м³ в 1935 г. до 82 м³ в 1937 г. при снижении среднего объема бревна с 0,330 до 0,274 м³ ¹³³².

Даже день бесперебойной работы бумагоделательных машин благодаря стабильной подаче электроэнергии и повышению производительности труда расценивались как крупное достижение ¹³³³. В первом квартале 1939 г. Камский ЦБК смог выполнить план по выпуску бумаги и целлюлозы только наполовину. Непродолжительный рост производительности труда отмечался в период работы XVIII съезда ВКП(б), но и тогда до достижения апрельского задания не хватило 25 %. В первом квартале число стахановцев оказалось меньше, чем годом ранее. Зато в апреле руководство комбината отчиталось о наличии 30 % стахановцев среди рабочих. По-прежнему производственный процесс нарушали простои, аварии ¹³³⁴.

«Лесные» исправительно-трудовые лагеря также включились в стахановское движение, которое должно было стать важным фактором повышения эффективности труда на фоне отмены практики зачета рабочих дней. К примеру, в Каргопольском ИТЛ, организованном в 1937 г., с июня по октябрь 1938 г. количество заключенных (ударников), выполнявших нормы от 110 до 150 %, увеличилось с 219 до 8583 человек. С апреля по октябрь 1938 г. число стахановцев, дававших свыше 150 % нормы, выросло с 1062 до 2584 человек ¹³³⁵. То есть через год работы лагеря более 11 тыс. заключенных (из 29,5

¹³³¹ Воронин Д. И. Указ. соч. С. 14.

¹³³² Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии... С. 57.

¹³³³ Успехи стахановцев бумажной фабрики // Краснокамская звезда. 1938, 3 декабря. С. 1.

¹³³⁴ Камский бумкомбинат должен выполнять план...

¹³³⁵ Белова Н. А. Трудовое соревнование среди заключенных в 1930–1950-е гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей) // ГУЛАГ на севере России: мат. всероссийской науч. конф. с международным участием. Сыктывкар, 2011. Ч. 1. С. 72.

тыс. среднесписочного состава на 1 октября 1938 г.) числились ударниками и стахановцами. В 1938–1939 гг. Каргопольскому лагерю удалось перевыполнить план по вывозке леса¹³³⁶.

Несмотря на первоначальные достижения, работники не успевали обслуживать агрегаты и механизмы, выполнять полный объем работы, тем более делать это качественно. Повышение темпов работы на предприятиях имело место и до начала стахановского движения с целью достижения рентабельности производств. Но безосновательное усиление эксплуатации оборудования, в том числе нового, высококачественного, приводило к поломкам¹³³⁷. Рискованными выглядят попытки рабочих увеличить производительность высокотехнологичного оборудования в сфере глубокой переработки древесины, поскольку их результатом становились снижение качества продукции, поломки и простои. Невыполнение плановых заданий по итогам года или лесозаготовительного сезона предприятиями, трестами, главными управлениями и Наркомлесом свидетельствует о незначительной результативности мероприятий. Это в свою очередь усиливало недовольство работников, способствовало росту напряженности в отношениях между руководством, стахановцами и рядовыми рабочими¹³³⁸. Хотя для ряда работников активное участие в разных формах соревнования, распространение и пропаганда опыта деятельности позволили повысить социальный статус, увеличить заработную плату, получить доступ к материальным и общественным благам.

Признание стахановского движения в качестве «высшей формы соцсоревнования» потребовало трансляции знаний и навыков передовиков среди остальных рабочих (к примеру, в конце 1930-х гг. от 30 до 45 % рабочих целлюлозно-бумажной отрасли не выполняло норм¹³³⁹). Одним из

¹³³⁶ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 415, 421–422, 737–746.

¹³³⁷ Альбрехт К. Разве это социалистическое строительство?... С. 352–353; АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 1; История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 98.

¹³³⁸ См. также мнения ученых по этой проблеме: Воейков Е. В. Стахановцы лесозаготовок Поволжья... С. 76–77; Орешкин Б. С. С чего начинался журнал... С. 13; Рябикин С. П. Указ. соч. С. 200–201, 203; Фельдман М. А. История стахановского движения... С. 123.

¹³³⁹ Стахановские школы в целлюлозно-бумажной промышленности, их организация и методы обучения в них.

распространенных способов стала организация стахановских школ. Наиболее известными в стране инструкторами являлись первые стахановцы – сеточник Кондровской бумажной фабрики И. К. Пронин, сеточник бумажной фабрики «Сокол» Кошинин, старший бобинорезчик бумажной фабрики «Пролетарий» Стельмахов и др., которые и ранее стремились делиться опытом с рабочими¹³⁴⁰.

Материалы треста «Уралтранлес» НКПС СССР в конце 1937 – начале 1938 гг. показали, что в инструкторы стахановского движения зачислялись преимущественно кадровые рабочие (как правило, старше 30–35 лет), дисциплинированные, члены профсоюза, умевшие выявлять и исправлять производственные нарушения, освоившие лучковую пилу, выполнявшие нормы на 130–320 %, бравшие обязательства заготовить более 1000–1500 ф. м леса за сезон. Особо выделялись те, кто умел править пилы, а также те, кто качественно организовывал рубку древесины. К числу лесорубов-пилоправов относились, к примеру, Г. А. Исаев (35 лет, Левашевский пункт Тюменского лестранхоза), Н. П. Самсонов (37 лет, Кособродский мехлесопункт Окуневского лестранхоза). Ф. Д. Асеев (Просветский лестранхоз) выполнял полный комплекс работ по заготовке леса, применял рубку «в елку»¹³⁴¹.

Стахановское движение вобрало в себя трудовые свершения, увеличение норм и плановых заданий, принудительно-мобилизационный характер внедрения, распространения и поддержания мероприятий в течение некоторого времени, повышение уровня жизни и статуса отдельных работников. Среди руководителей предприятий, трестов и главных управлений были те, кто являлся «противником» стахановского движения и пытался сохранить ритмичность технологических процессов на производстве (а на отдельных участках это было необходимо). Равно как другие управленцы видели в новой форме соревнования возможность повышения эффективности труда рабочих, перевыполнения планов за счет изменения технических норм, совмещения профессий, обслуживания нескольких агрегатов, сокращения времени на их

Л., 1940. С. 9.

¹³⁴⁰ Там же. С. 6, 8.

¹³⁴¹ ОГАЧО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 38. Л. 4–10.

подготовку работе. Не все меры способствовали удержанию достигнутых показателей, поскольку происходили аварии, снижалось качество продукции. Сохранили влияние и системные проблемы: неудовлетворительное снабжение ресурсами, слабое взаимодействие предприятий, организаций и ведомств разных отраслей.

Положительным моментом следует считать рост эффективности труда и выпуска продукции на коротком промежутке времени (конец 1935 – начало 1936 гг.), возможный во многом благодаря официальной поддержке этой формы соревнования высшими партийно-государственными органами и активной ее пропаганде. Это позволило немалому числу работников увеличить эффективность труда, повысить свой социальный статус, доход, улучшить материально-бытовые условия. Потенциал стахановского движения был ограничен освоением производственных мощностей, введенных в строй в годы первой и начала второй пятилеток, организационно-экономическими и ресурсными факторами, негативным отношением части работников к данной форме соревнования, окончательным ее превращением в мобилизационное мероприятие, проблемами в сфере оплаты труда, продовольственном обеспечении, жилищно-бытовом и социальном обслуживании.

С социалистическим соревнованием была тесно связана ***рационализация производственных процессов***. На предприятиях, где органы по аккумулярованию, отбору и внедрению рационализаторских предложений работали удовлетворительно, где происходило освоение нового оборудования, а руководство понимало и поддерживало необходимость усовершенствований технологических процессов, имел место существенный эффект. К примеру, на строившемся Вишерском ЦБК проводился «заем идей», собравший несколько десятков изобретений. Одно из значимых – приспособление инженера В. В. Розанова для механической подачи щепы в варочные котлы на высоту 38 м¹³⁴².

В 1933 г. было предложено организовать в системе Наркомлеса сеть экспериментальных баз, которые могли бы изготавливать и испытывать

¹³⁴² А. С. Указ. соч. С. 28.

сложнейшие конструкции, предложенные рационализаторами и изобретателями. Актуальность этой задачи была вызвана большим количеством предложений, не внедренных в производство¹³⁴³. К тому же многие из них дублировали друг друга, и требовался жесткий отбор. В 1935 г. в Наркомлесе констатировали слабую работу главных управлений, трестов и предприятий по рационализации и изобретательству и предлагали ее активизировать за счет формирования сводного перечня наиболее ценных предложений и его последующего издания. В это же время Главлесдрев инициировал расширение научно-исследовательской работы посредством создания заводских лабораторий (до этого они существовали только на ряде ведущих предприятий). В сентябре-октябре 1935 г. новые лаборатории должны были появиться в структуре Бобруйского ЛК, Минского ЛЗ им. Молотова, Киевского ДОКа, Саратовского, Шумерлинского и Тавдинского ЛК¹³⁴⁴.

На Камском ЦБК главный мастер бумагоделательных машин Полуянов, мастер Рогачев, сеточник Кривенков, ремонтный мастер Волков, плотник Пискунов и ряд других рабочих предложили способ уничтожения пузырей на бумаге, внедрение которого дало 384 тыс. руб. экономии. Премияльные работникам составили 11 тыс. руб. В сумме за первое полугодие 1938 г. было подано 380 рационализаторских предложений. Рассмотрели 242, приняли 135, реализовали 76, то есть пятую часть. От внедренных предложений экономия равнялась 783 тыс. руб., тогда как эффект от еще 40 нереализованных, но актуальных проектов оценивался в 1 млн. руб. В числе таких были предложения конструктора Чеснокова по сушке и сжиганию коры древесного отдела на месте, инженера Мелькова по установке гидромониторов по выгрузке коры, о переходе автомобильного и водного транспорта на газогенераторы, что позволяло сэкономить более 700 тыс. руб. и высвободить рабочих¹³⁴⁵.

На Онежском машиностроительном заводе в Карелии, который во второй половине 1930-х гг. был переориентирован на выпуск тракторных

¹³⁴³ Экспериментальные базы при лесотрестах // Лесная промышленность. 1933, 6 января. С. 4.

¹³⁴⁴ ГАСО. Ф. р-2030. Оп. 1. Д. 13. Л. 34, 38–40.

¹³⁴⁵ Цветкова Н. Два миллиона годовой экономии // Краснокамская звезда. 1938, 6 августа. С. 3.

газогенераторов и другого оборудования для лесопромышленного комплекса, выполнение производственной программы 1939 г. стало возможным, в том числе благодаря внедрению рационализаторских предложений¹³⁴⁶. Они сводились в основном к механизации производственных процессов на предприятии (например, замене ручного способа изготовления некоторых деталей штамповочным и станочным), но на этапе освоения новой продукции способствовали росту производительности труда и получению экономии – более 300 тыс. руб. за год.

Только в третьей пятилетке было предпринято обобщение опыта реализации рационализаторских предложений. «Гослестехиздатом» был выпущен тематический сборник, в котором рассказывалось о внедрении более 20 рационализаторских предложений в сфере заготовки древесины¹³⁴⁷. Издательство подчеркивало, что к концу 1930-х гг. многие работники имели слабое представление о направлениях рационализации производственных процессов в разных отраслях лесной промышленности.

Один из вопросов, который крайне слабо освещался в отраслевых газетах, журналах, на отраслевых мероприятиях, но непосредственно влиял на отношение работников к выполнению трудовых функций, – ***условия работы и производственная культура***. В частности, в 1933 г. на I Всесоюзной конференции по реконструкции лесной промышленности было заявлено о необходимости расширения работ по оздоровлению условий труда с приоритетными акцентами на технике безопасности и санитарии¹³⁴⁸. Это требовало огромных средств. В 1935 г. на мероприятия по технике безопасности и охране труда Союз рабочих лесопильной и деревообрабатывающей промышленности Центр-Юга потратил 889 тыс. руб. – 1,5 % его фонда. Столь малая сумма – следствие большого числа расходных статей (где приоритетными являлись выдача пособий, организация медицинского и культурного обслуживания работников, жилищное

¹³⁴⁶ Андрияйнен А. И. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии... С. 14–15.

¹³⁴⁷ Сборник рационализаторских предложений по лесозаготовкам. Вып. 1. М., 1941.

¹³⁴⁸ Труды I Всесоюзной конференции... С. 67.

строительство) и распыления средств¹³⁴⁹. Приведенный в докладе ЦК Союза рабочих деревообрабатывающей промышленности единственный пример – предприятия «Фанеропrodukта» в Москве, где имелись вытяжные оконные вентиляторы у каждого рабочего места, освещение, аптечки, комнаты отдыха, раздевалки, радио, столовая с общим и диетическим рационом¹³⁵⁰, – следует рассматривать в качестве исключения. Улучшение охраны труда способствовало снижению травматизма среди рабочих.

На целлюлозно-бумажных предприятиях в ряде подразделений использование химикатов негативно отражалось на состоянии здоровья людей. Требовались соблюдение продолжительности смен, вентилирование помещений, наличие специальной одежды. Только в 1939 г. XIII Всесоюзным съездом Союза рабочих бумажной промышленности было указано на необходимость приведения в порядок и строительства в 1940 г. вентиляционных установок (особенно это касалось новых производств, где вентилирование в цехах предусматривалось проектами, но реализовывалось в последнюю очередь из-за приоритета основных строительно-монтажных работ), организации отделов техники безопасности в Наркомлесе и его главных управлениях и обеспечения предприятий спецодеждой¹³⁵¹.

В местных газетах проблемы условий труда подавались более колоритно. На Камском ЦБК и Краснокамской БФ нарушения техники безопасности обуславливались как невыполнением строителями части работ, так и невниманием руководителей предприятий к состоянию цехов и рабочих мест¹³⁵². На целлюлозно-бумажном комбинате в наиболее вредных отделах целлюлозного завода, в кислотном, варочном и цехе белильных растворов вентиляция отсутствовала, а в цехе сжез вообще не проектировалась¹³⁵³.

Немного имеется сведений о *травматизме и смертности* работников на производстве (как правило, эти документы не подлежали оглашению), а они

¹³⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р5467. Оп. 26. Д. 44. Л. 10.

¹³⁵⁰ Там же. Л. 11–12.

¹³⁵¹ РГАЭ. Ф. 7640. Оп. 1. Д. 10. Л. 10–11.

¹³⁵² Бусовиков Преступное нарушение законов о труде // Краснокамская звезда. 1938, 10 июля. С. 2.

¹³⁵³ Ничунаев. Указ. соч.

имели место во всех компонентах лесной промышленности. За 1934–1936 гг. число несчастных случаев по предприятиям треста «Северолес» увеличилось с 2887 до 4070 (количество рабочих возросло с 17,5 тыс. до 19,5 тыс.). За три года зафиксировано 38 смертей и 144 тяжелых травмы¹³⁵⁴. После «громких» травм и смертей на производстве надзорные и хозяйственные организации начинали проверки, руководители предпринимали ряд технических и организационных мероприятий, носивших в большей степени формальный характер. К примеру, после двух смертельных случаев на Сыктывкарском ЛЗ в июле 1935 г. (одного рабочего убило бревном, другого тачкой сбросило с берега) в цехах прибили пару табличек и издали приказ об ответственных за техническую безопасность¹³⁵⁵. Ударница ЛЗ «Коммунар» (№ 27) г. Архангельска Д. В. Романенкова решила, опасаясь простоя предприятия и не дожидаясь шорника, устранить аварию (после 15 минут работы ремень свалился с приводного шкива). В результате сначала головка шпильки, которой был закреплен на валу шкиф, захватила рваный рукав брезентовой блузы, затем подол. Женщину ударило головой о балки и – после разрыва блузы – выбросило на помост. Наступила смерть. Руководство обвинило в случившемся ударницу, но проверка выявила грубые нарушения техники безопасности. Даже после смертельного случая не все они были устранены. Помосты и поручни на лестницах при переходах через трансмиссии и у рам были неудобные, ветхие, предупреждающие аншлаги отсутствовали¹³⁵⁶.

Сведения о травматизме на предприятиях Главцеллюлозы (речь идет о производствах с числом рабочих от 1,5 тыс. до 2,5 тыс.) за январь–сентябрь 1938 г. показывают, что несчастные случаи происходили почти ежедневно (при лучших обстоятельствах – раз в два-три дня), и рабочим требовалось в среднем 9–11 дней, чтобы восстановить здоровье и приступить к выполнению трудовых функций. Наиболее тяжелые травмы вызывались, как правило, неосторожностью рабочих и младшего обслуживающего персонала, попытками

¹³⁵⁴ Хатанзейская Е. В. Советский город в экстремальной повседневности... С. 290.

¹³⁵⁵ Отцевич И. Плохие руководители // Правда Севера. 1935, 6 сентября. С. 3.

¹³⁵⁶ Пономарев Б. Почему погибла ударница // Правда Севера. 1935, 17 октября. С. 3.

устранить неисправности оборудования без его остановки. Результат этого – переломы конечностей, обрезанные и раздавленные пальцы. Для таких подразделений, как отдел главного механика, лаборатория, были характерны травмы глаз сотрудников (в том числе с потерей зрения)¹³⁵⁷.

В начале 1941 г. на Соликамском сульфитно-целлюлозном комбинате, который готовили к пуску, зафиксировано 3 смертельных случая и 17 тяжелых травм. Заведущий сушильно-оберточным цехом Марков, пытаясь показать пример рабочим в управлении техникой, сел в машину «не туда, куда это нужно, и получил мелкую травму»¹³⁵⁸. Спектр причин травматизма и смертности на производстве включал порой и банальное незнание работниками, в том числе инженерно-техническими кадрами, особенностей эксплуатации техники. Наиболее страшными по последствиям событиями являлись технологические аварии, особенно в сфере глубокой переработки древесины, где имелись вредные производства, а трудовая дисциплина и техника безопасности были не на высоте.

Таким образом, на протяжении 1930-х гг. реализация комплекса мероприятий, направленных на улучшение трудовой дисциплины, не принесла ожидаемых результатов. Проблема не только не была ликвидирована, а стала одним из сопутствующих факторов развития производственных отношений. Издание нормативных правовых актов, направленных на ужесточение трудового законодательства, лишь отчасти улучшало ситуацию в сфере труда. В условиях высокого уровня текучести рабочей силы руководство предприятий часто не могло использовать суровые меры в отношении нарушителей трудовой дисциплины, иначе лишилось бы многих работников.

В 1930-х гг. разные формы соревнования, несмотря на впечатляющие «рекорды», в том виде, в каком они реализовывались, не смогли оказать существенных изменений в организации труда и производственных процессов. Слабая организационная работа, незаинтересованность хозяйственников в

¹³⁵⁷ РГАЭ. Ф. 7640. Оп. 1. Д. 7. Л. 27–27об.

¹³⁵⁸ ПГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 401. Л. 35.

увеличении нагрузки на технику, проблемы в сфере оплаты труда, продовольственном обеспечении, жилищно-бытовом и социальном обслуживании сдерживали возможности повышения эффективности труда. Вначале у многих рабочих формировалась положительная мотивация труда, связанная с возможностями карьерного роста, увеличения зарплаты, изменения социального статуса. Но в конце 1930-х гг. от рабочих требовали повышения норм выработки, а уровень оплаты труда оставался фактически на прежнем уровне.

4.3. Жилищно-бытовое и продовольственное обеспечение

Поселенческая сеть активно формировалась в районах лесозаготовки, что было вызвано политикой Советского Союза, направленной на освоение северных и восточных территорий страны. Параллельно друг другу развивались три структурных компонента: населенные пункты (поселки, города, городские районы) для «вольнонаемных» рабочих, спецпоселки и исправительно-трудовые лагеря для различных категорий «спецконтингента». В процессе индустриализации развитие получила промышленная и транспортная инфраструктура. Рациональной организации поселенческой сети, жилищному вопросу и социально-бытовому обслуживанию населения уделялось недостаточно внимания¹³⁵⁹.

Изменения произошли и в деле проектирования промышленных предприятий. Больше внимания стало уделяться рационализации производственных процессов, движения работников, улучшению условий труда, созданию зеленых насаждений, площадей для проведения митингов и собраний¹³⁶⁰. В лесной промышленности имела место специфика вследствие особенностей технологического процесса: движения сырья и наличия

¹³⁵⁹ Меерович М. Г. Концепция «социалистического города»... С. 199, 206; Соколов А. К. Указ. соч. С. 57.

¹³⁶⁰ Бассе М. Е. Архитектура крупнейших машиностроительных заводов периода первых пятилеток: современное состояние, перспективы развития: Автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 2012. С. 11; Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 12. Кн. 1. М., 1975. С. 68.

специального оборудования (варочных котлов, бумагоделательных машин). Площадки заполнялись корпусами разного объема в несколько линий, связанными дорогами, системами подачи сырья и материалов. Важную роль играли водные объекты, по которым осуществлялся сплав древесины. Большую территорию занимали биржи, привязанные к рукаву или затону крупной реки. Крупные предприятия представляли собой комбинаты, инфраструктура которых соответствовала индустриальному характеру экономики.

Размещение и проектирование предприятий в непосредственной близости от населенных пунктов (по сути, формирование и функционирование их как цельного организма) стало отражением государственной политики индустриализации, направленной на плановое обеспечение рабочей силой новых строек, управление трудовыми ресурсами. Новые архитектурно-планировочные принципы проявили себя в разной степени при строительстве поселений. В сфере заготовки лесных ресурсов в населенных пунктах закладывался регулярный характер застройки (дома на несколько хозяев, бараки с обязательным выделением пространства между улицами под огороды, создание площади с комплексом социально-бытовых учреждений). Те же принципы реализовывались в рабочих поселках при предприятиях по механической обработке древесины. Рядом с крупными объектами лесопильно-деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслей формировались поселки городского типа, города. Ключевыми факторами размещения предприятий и поселений стали ресурсный и транспортный (наличие реки для сплава древесины и железнодорожной ветки для сбыта продукции). Географические особенности произрастания лесов обусловили расположение большей части населенных пунктов в северных и восточных районах страны, в суровых природно-климатических условиях.

Архитектурно-планировочные решения некоторых населенных пунктов имели основой концепцию *социалистического города*. Этому сопутствовал ряд важных изменений политического, социокультурного и бытового характера: прикрепление людей к месту работы, проектирование и

строительство «городов-ансамблей» с ориентацией на индивидуальные жилища разного качества (дома-коммуны, здания с отдельными квартирами с коммунальным обслуживанием, коттеджи, бараки, общежития)¹³⁶¹. Ключевой планировочной единицей застройки утверждался «квартал». В нем сосредотачивалась и бытовая инфраструктура. Делался акцент на необходимость художественного оформления кварталов, улиц и площадей¹³⁶². К концу второй пятилетки размер жилой площади на одного постоянного работника лесной промышленности должен был достигнуть 6 м². Рабочие поселки должны были включать комплексы социально-бытовых и культурных учреждений, огородно-овощных, зерновых и животноводческих баз¹³⁶³.

В автономной Карельской республике благодаря строительству целлюлозно-бумажных комбинатов появились г. Кондопога и п. Сегежа. На окраине Архангельска были сооружены целлюлозно-бумажный комбинат, машиностроительный завод (производил технику для лесной промышленности), лесопильные предприятия, рядом с которыми застраивался Соломбальский район краевого, затем областного центра. Вблизи Архангельска был возведен целлюлозно-бумажный комбинат, давший толчок развитию рабочего поселка Архбум (с 1941 г. – Ворошиловский). В п. Дубровке и Сясьстрое Ленинградской области, г. Соколе (в 1929–1936 гг. Северный край, современная Вологодская область) и Кондрово (современная Калужская область) функционировали целлюлозно-бумажные предприятия.

Рабочий поселок Правдинск (вблизи г. Балахны, в 1929–1936 гг. Нижегородский (Горьковский) край) возник благодаря строительству крупного целлюлозно-бумажного комбината. В том же крае поселки Вахтан и Сява образовались как центры лесохимии. В соседних территориях, Чувашской и Марийской автономиях, формировались населенные пункты: Шумерля – при лесопильно-деревообрабатывающем комбинате и заводе по производству

¹³⁶¹ Кириллов В. М. Формирование концепта «соцгород»... С. 356–357; Меерович М. Г. Районная планировка... С. 101–103, 105–106; Он же. Советские моногорода... С. 55, 58

¹³⁶² Меерович М. Г. Районная планировка... С. 106.

¹³⁶³ Труды I Всесоюзной конференции... С. 66.

дубильного экстракта; Лопатино (с 1940 г. – Волжск) – при лесопильно-деревообрабатывающем и целлюлозно-бумажном комбинатах. На Урале п. Ляля (бумажная фабрика), Лобва, Тавда (лесопильные заводы) возникли в 1900–1910-х гг., в годы первых пятилеток предприятия были расширены и реконструированы. В начале 1930-х гг. вошел в строй Вишерский ЦБК, рядом с которым расположился п. Красновишерск. Западнее Перми началось сооружение крупного Камского ЦБК и БФ «Гознак», благодаря чему активно застраивался п. Краснокамск. В Зауралье, на юго-восток от Надеждинска, возводился деревообрабатывающий комбинат, давший толчок развитию п. Сосьве. Во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. рядом с г. Соликамском сооружался сульфитно-целлюлозный комбинат. В Сибири и на Дальнем Востоке, где в 1930-х гг. планировалось, но не было реализовано строительство мощных производств, отраслевую поселенческую сеть составляли главным образом рабочие поселки.

Темпы формирования жилищной и социально-бытовой инфраструктуры в населенных пунктах при крупных предприятиях, расположенных вблизи административных, транспортных, индустриальных центров, были выше, чем в поселениях, расположенных в осваивавшихся лесных массивах. Хотя, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР «Об условиях труда рабочих и служащих, занятых в лесной промышленности и лесном хозяйстве» от 7 марта 1933 г., руководство лесозаготовительных и лесосплавных предприятий было обязано предоставить помещения для жилья всем постоянным рабочим и их семьям, сезонным рабочим (при этом жилье для «пеших» рабочих должно было находиться не дальше 6 км от места работы), обеспечить снабжением и социально-культурным обслуживанием¹³⁶⁴.

Пример реализации концепции социалистического города в лесной промышленности представляет **Краснокамск**. Он проектировался в конце 1920-х – начале 1930-х гг. несколько раз (причем направление основных улиц почти не менялось). В планах нашла отражение смена подходов к градостроительству:

¹³⁶⁴ Флейшиц Е. А. Указ. соч. С. 90.

от застройки поселка кварталами жилищных комбинатов, домов-коммун и строчной застройки до «города-ансамбля»¹³⁶⁵.

До середины 1931 г. были разработаны три варианта планировки Краснокамска. Предполагалось возводить жилые дома в кирпичном исполнении. Данные планы являлись затратными, к тому же на практике преобладало сооружение временного деревянного жилья. К середине 1931 г. в Краснокамске было построено 20 деревянных домов с 2- и 3-комнатными квартирами (в них проживало 960 человек) и 4 деревянных общежития на 168 человек каждое¹³⁶⁶. Проект, подготовленный «Бумпроектом» и Всесоюзным научно-исследовательским институтом целлюлозной и бумажной промышленности в соответствии с рекомендациями Научно-технического совета по строительству, предполагал возведение единого рабочего поселка для четырех предприятий: целлюлозно-бумажного комбината, фабрики «Гознак», треста «Волгокаспийлес», теплоэлектроцентрали. Этим создавался разрыв с предыдущими версиями планов поселка, планировочная структура, архитектурный облик которого наделялись новым смыслом. Еще одним стимулом для создания нового плана стала подготовка проекта Камского ЦБК, который оснащался отечественной техникой. План поселка 1931 г. отличался глубокой степенью проработки природно-климатических и социально-экономических факторов, постепенным уходом от радикализма в вопросах организации жилья и быта в сторону большого объема расчетов.

Селитебная часть Краснокамска ограничивалась р. Пальтой на северо-востоке, производственными площадками целлюлозно-бумажного комбината и бумажной фабрики на юге (предприятия занимали берег р. Камы), заболоченной местности на востоке. Транспортное сообщение поселка с соседними населенными пунктами должно было осуществляться по железной дороге (от магистральной линии Вятка – Пермь прокладывалась тупиковая

¹³⁶⁵ Конышева Е. В. Указ. соч. С. 485–486, 488; Мурашко Социалистический Краснокамск // Опыт стройки. 1934. № 12. С. 14.

¹³⁶⁶ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-303. Оп. 1-1. Д. 50. Л. 3 об.–4.

ветка до строительной площадки) и по р. Каме (устраивалась пристань)¹³⁶⁷. В условиях близости окружного центра – Перми транспортная инфраструктура отличалась удобством для производств и жителей.

Планировочную структуру задавали две лучевые магистрали. Первая прокладывалась до железнодорожного вокзала вдоль фабричной территории (с запада на восток), вторая магистраль имела направление с юго-запада на северо-восток, разбивала поселок на две части. Второстепенные улицы размещались перпендикулярно второй магистрали, выполняя задачу передвижения работников на предприятия. Из общего числа жителей (19500) 7198 человек должны были трудиться в промышленности (с обслуживающим персоналом – 7776). Коэффициент семейности принимался за 2,5. Перспективы развития населенного пункта были связаны с привлечением взрослых мужчин и женщин, чьи дети (более 6,8 тыс. человек) становились следующим поколением трудовых ресурсов. Насчитывалось 10335 семейных взрослых, 2340 человек являлись одиночками¹³⁶⁸. Налицо переход к модели семьи, характерной для индустриального общества (с 1–3 детьми). Городское пространство, поквартирно-покомнатное расселение еще более упрощали социально-брачные характеристики населения.

Бумпроект разработал два варианта планировки п. Краснокамска: с преимущественно деревянными домами и со смешанной застройкой в каменном и деревянном исполнении. Количество домов и квартир, их габариты проектировались, исходя из нормы жилой площади ВСНХ СССР 7 м² на человека плюс 3,5 м² на семью. Поскольку в середине 1931 г. постоянным жильем (о временном жилье в проекте поселка нет ни слова) было обеспечено только 1600 человек, требовалось построить жилой площади для 17,9 тыс. человек для достижения расчетной численности населения. По первому варианту возводились: 6 каменных общежитий; 7 каменных домов с общими обслуживающими помещениями – по сути, те же общежития, в каждом более

¹³⁶⁷ Там же. Л. 1об.–2об.

¹³⁶⁸ Там же.

200 ячеек; 231 деревянный дом (по 12 квартир в каждом), 7 каменных домов (примерно по 60 квартир в каждом). Будущий поселок представлял собой деревянную застройку с вкраплениями каменных зданий. В этом случае рабочий поселок не мог претендовать в ближайшей перспективе на статус города. Второй вариант предполагал возведение, помимо тех же 13 каменных общежитий, 68 деревянных и 64 каменных многоквартирных дома¹³⁶⁹.

Изучение параметров объектов социального и культурно-бытового назначения показало, что официально утвержденные нормы действовали только в отношении больничных зданий, хлебозавода и фабрики-кухни¹³⁷⁰. Краснокамск выступал экспериментальной площадкой по расчетам необходимых количественных и объемных показателей объектов строившихся городов (в первую очередь, Кузнецка).

Рабочий поселок предполагалось благоустроить (холодное водоснабжение – для питьевых нужд, канализация с очисткой фекально-хозяйственных стоков, централизованное отопление), для чего требовалось создать разветвленную инфраструктуру (она была единой для предприятий и поселка). За счет выработки на одном объекте электроэнергии и пара для производственных, социальных и жилищных нужд достигались экономия, улучшение экологии и санитарно-гигиенических условий. Горячим водоснабжением предполагалось охватить баню, прачечную, фабрику-кухню и больницу¹³⁷¹. Уменьшение пожарной безопасности, отмеченное в качестве преимущества в проекте теплоэлектроцентрали, следует считать весьма условным, так как жителям требовалось приобретать водонагревательные приборы, а в случае возведения деревянных многоквартирных домов (по первому варианту) – строить печи. Положительным фактором становилось сооружение мусоросжигательной станции для переработки твердых бытовых отходов.

Набор социально-бытовых учреждений (дом культуры, школа, училище, техникум, детские дома и ясли, стационар и диспансер, торговые объекты,

¹³⁶⁹ Там же. Л. 3об.–4об.

¹³⁷⁰ Там же. Л. 5–5об.

¹³⁷¹ Там же. Л. 7–9.

фабрика-кухня, хлебозавод, баня, гостиница, прачечная) явно не дотягивал до уровня города. В проекте ни слова не говорилось о театральных, спортивных учреждениях. С другой стороны, проектируемый набор учреждений свидетельствует о формировании замкнутой системы жизнеобеспечения поселка и при этом – в формате «шаговой доступности». С учетом того, что медицинскими учреждениями (а по мере организации – образовательными, торговыми и культурными) могло пользоваться население сельской округи, будущий рабочий поселок превращался в районный центр, потенциал которого способствовал повышению качества жизни людей.

При подсчете затрат на строительство поселка выявилось, что второй вариант, стоимость которого определялась в 30,3 млн. руб. (на 1,73 млн. выше, чем первого варианта с преимущественно деревянной застройкой), был более предпочтителен. Он позволял сэкономить на эксплуатации зданий, расширять поселок в перспективе и избегать крупных пожаров¹³⁷².

Бригада Уральского областного отдела коммунального хозяйства, направленная в конце февраля 1933 г. областным исполкомом в рабочий поселок Камского ЦБК, указывала, что «управление строительства Камбумкомбината, не имея согласованного... проекта, приступило к строительству поселка по проекту планировки, разработанному «Бумпроект»... Проектирование велось кабинетным порядком, без тщательного изучения местных условий рельефа, геологических и гидрологических факторов»¹³⁷³.

С учетом всех замечаний и нормативных правовых актов, принимавшихся государственными органами в 1933–1934 гг., началось проектирование социалистического города. На должность старшего архитектора Управления строительства Камского ЦБК был приглашен П. Б. Мурашко. Он отмечал, что Краснокамск к 1934 г. имел до десяти проектов планировки, однако проект, утвержденный ВСНХ, имел существенные недостатки: неудачное расположение социальных учреждений относительно вредных выбросов

¹³⁷² Там же. Л. 9об.

¹³⁷³ Цит. по: Гайсин О. Д. Указ. соч. С. 106.

предприятий, нерешенность вопросов организации коммунальной инфраструктуры, сброс производственных стоков в р. Каму в районе зоны отдыха¹³⁷⁴. В 1934 г. творческой группой были подготовлены проект и технико-экономическая записка к нему. Застройка Краснокамска включала две очереди. Объем первого этапа строительства формировался исходя из необходимости удовлетворения нормы жилой площади из расчета 6 м² на человека. Затем, в ходе реализации второй очереди проекта, к застройке должны были подключиться индивидуальные застройщики и городские организации¹³⁷⁵. Расчет населения будущего города строился на том, что на основных предприятиях (целлюлозно-бумажный комбинат, бумажная фабрика, теплоэлектроцентраль, спиртовой завод, железная дорога и ряд других заводов) будет занято более 9 тыс. рабочих. Общее число жителей равнялось 30,7 тыс. с перспективой увеличения, по мере пуска еще некоторых производств, до 48 тыс. человек¹³⁷⁶. Краснокамск виделся архитектору в качестве многоотраслевого центра с ведущей ролью целлюлозно-бумажной отрасли.

Две трети населения должны были проживать в центральном районе – в благоустроенных многоквартирных домах. Остальные жители размещались в окрестных поселках с преимущественно индивидуальной застройкой. В центральной части семьям предоставлялись отдельные квартиры с 2–3 жилыми комнатами из расчета 9 м² на человека, оборудованные холодным и горячим водоснабжением, центральным отоплением, канализацией, электрическим освещением и радио. Дома проектировались в каменном исполнении, высотой 4–5 этажей, оштукатуренные, украшенные скульптурами. Застройка осуществлялась кварталами с числом жителей 3–4 тыс. человек, внутри них размещались столовые, детские сады, цветники, детские площадки, насаждения (в том числе посредством сохранения части леса), выражая концепцию «города-сада». Доминантой становился «дом-гигант», две секции которого скреплялись

¹³⁷⁴ Мурашко П. Б. Социалистический Краснокамск. Проект планировки и строительства // «Краснокамск: интеграция в будущее». Мат. всероссийской конф. «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?» Пермь, 2013. С. 129–130.

¹³⁷⁵ Гайсин О. Д. Указ. соч. С. 107.

¹³⁷⁶ Мурашко Социалистический Краснокамск... С. 14.

внушительной аркой с колоннадами. Достоинством социалистического города должен был стать парк культуры и отдыха площадью 35 га, расположенный на берегу р. Камы, чуть ниже целлюлозно-бумажных предприятий. Дворец культуры располагался на площади, доминантой которой планировался памятник второй пятилетке¹³⁷⁷. Центрами, определяющими направление улиц и архитектуру строений, становились дворец культуры, железнодорожный вокзал, теплоэлектроцентраль, площадь Совета, связанные проспектами. Основная часть поселка делилась на восемь кварталов с организацией социально-бытовых учреждений¹³⁷⁸.

Замысел архитектора П. Б. Мурашко был грандиозным на ближайшую перспективу, результатом его воплощения должен был стать комфортный для проживания и благоустроенный город. Недостатком проекта было то, что жилая зона примыкала к промышленным предприятиям, располагавшимся у реки. Из-за этого не могли быть решены вопросы организации нормальной работы коммунального хозяйства. Застройка плохо согласовывалась с множеством проектов планировки и интересами хозяйственных организаций. Первоочередными задачами для строившихся предприятий было обеспечение работников жилой площадью, пусть в минимальных объемах и постройках низкого качества, и необходимыми социально-бытовыми учреждениями. Поэтому производства «обрастали» деревянной, в основном барачной, застройкой. Негативно сказывался на осуществлении плана застройки недостаток финансовых средств, трудовых ресурсов, которые в первую очередь использовались на возведении предприятий¹³⁷⁹.

В целях перспективного развития п. Краснокамска комплексная архитектурно-планировочная бригада Уралгипрогора под руководством Г. А. Голубева занялась составлением проектов жилых и общественных зданий (дома культуры, связи, библиотека, детские сады и ясли, жилые массивы высотой 4, 5

¹³⁷⁷ Там же. С. 14–15.

¹³⁷⁸ Мурашко П. Б. Социалистический Краснокамск. Проект планировки и строительства... С. 131–134, 137–138.

¹³⁷⁹ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 119, 142.

и 7 этажей) из расчета числа жителей в 25 тыс.¹³⁸⁰ Архитекторы стремились развивать рабочий поселок как цельный социальный организм.

Краснокамск, активно и хаотично застраивавшийся разными хозяйственными организациями, не укладывался в проектную планировку. Ситуация осложнилась тем, что в 1934 г. в районе строительства Камского ЦБК была обнаружена нефть. Помимо этого, в конце второй пятилетки в поселке планировалось сооружение завода изоплит, фабрики книги и картонной фабрики, расширение Краснокамской БФ, теплоэлектроцентрали и нефтяного промысла. Это неизбежно вовлекало заинтересованные предприятия и тресты в борьбу за жилые участки. В июне 1937 г. президиум Свердловского областного исполкома командировал в Краснокамск комиссию для рассмотрения заявок от предприятий на новое строительство. В частности, было выявлено, что временно исполняющий обязанности управляющего трестом «Прикамнефть» Паранджанов лично запретил новое строительство в поселке¹³⁸¹, ожидая решений вышестоящих инстанций и надеясь на поддержку развития нефтепромысла и блокирования строительства фабрики книги.

В то же время трест «Горстройпроект» получил от Свердловского облкомхоза задание на проектирование застройки двух жилых кварталов будущей фабрики книги. Архитектурно-планировочное управление Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР предложило Свердловскому облкомхозу поставить перед Свердловским областным исполкомом вопрос о разработке нового проекта планировки Краснокамска¹³⁸². В случае реализации новых проектов концентрация промышленного производства достигала гигантских масштабов. Это ставило во главу угла несколько вопросов: во-первых, как уместить на компактной территории поселка производственные площадки и жилищно-коммунальную инфраструктуру трестов и управлений разных ведомств; во-вторых, нужно пересматривать проект планировки населенного пункта; в-третьих, есть ли вообще перспективы у поселка, число

¹³⁸⁰ Работа уральских архитекторов // Опыт стройки. 1935. № 12. С. 28.

¹³⁸¹ ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7622. Л. 4.

¹³⁸² Там же. Л. 1, 3.

жителей которого возрастало с 30 тыс. до 100 тыс., в связи с нефтеносностью недр.

В конце августа 1937 г. НКТП СССР, не приняв к действию постановление СНК РСФСР от 11 июня о разрешении «Прикамнефти» строительства в Краснокамске 4 деревянных домов, стал искать другие варианты жилищного строительства. Заместитель НКТП А. П. Серебровский пришел к выводу о целесообразности сооружения деревянных разборных домов (без ограничения по количеству), которые затем можно перебрасывать в другие разведочные участки, и направил проект решения в СНК РСФСР¹³⁸³.

Народный комиссариат коммунального хозяйства предлагал еще на этапе массового разбуривания промысла решить вопрос постоянного размещения рабочих, но не имел возможности противостоять позиции мощного НКТП¹³⁸⁴. Все это поставило под сомнение развитие Краснокамска, поскольку, согласно постановлению СНК и ЦК ВКП(б) № 2089 от 29 ноября 1937 г., его территория целиком вошла в состав нефтеносных земель треста «Прикамнефть», и любое строительство, за исключением разработки нефтяного месторождения, было запрещено¹³⁸⁵. На совещании в Наркомлесе СССР в апреле 1939 г. констатировалось, что комбинату «не только запретили строить свои жилища в нефтеносной зоне, но и не отпускают средств и не дают возможности ремонтировать старые дома»¹³⁸⁶. Несмотря на запрет нового строительства, жители продолжали возводить дома, землянки, подсобные объекты. Поселковый совет предупреждал о «суровой ответственности», но не мог повлиять на данные процессы в условиях дефицита жилой площади¹³⁸⁷.

В 1933 г. инфраструктура: 2 бани, 4 яслей, 4 детских сада, 4 школы, 2 киноустановки, 2 библиотеки, 3 поликлиники, больница, рынок, 23 магазина и 5 ларьков, почта, трансляционный узел – соответствовала статусу рабочего поселка и удовлетворяла основные потребности жителей. Жилой фонд был

¹³⁸³ Там же. Л. 8–8об.

¹³⁸⁴ Там же. Л. 10.

¹³⁸⁵ Гайсин О. Д. Указ. соч. С. 109.

¹³⁸⁶ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 136. Л. 26.

¹³⁸⁷ Объявление // Краснокамская звезда. 1938, 22 августа. С. 2.

оборудован электрическим освещением¹³⁸⁸. В 1938–1939 гг. в местной газете стали появляться – по факту наделения Краснокамска статусом города 7 октября 1938 г. – позитивные публикации, в которых отмечались достижения, а задачи по развитию поселения и предприятий обрамлялись яркими эпитетами и лозунгами: сделать новый город культурным, благоустроенным. Он ассоциировался с социалистическим городом, который, несмотря на имевшиеся проблемы, «сказочно вырос». В конце 1938 г. в Краснокамске, одном из крупных индустриальных центров вновь образованной Пермской области, насчитывалось 4 рабочих клуба, кинотеатр, 7 школ, 4 детских сада и 6 яслей. Функционировали баня, поликлиника, больница. Сфера услуг была представлена сапожной, портновской, транспортной артелями, артелью по изготовлению фруктово-ягодных вод, 5 парикмахерскими, 2 аптеками и фотосалоном. Емкость радиоузла составляла 4000 точек, то есть почти весь город был охвачен радио. Летом открылся парк культуры и отдыха¹³⁸⁹.

Однако качество жилья было низким¹³⁹⁰. Для спецпереселенцев, занятых на строительстве целлюлозно-бумажного комбината, бумажной фабрики и теплоэлектроцентрали (в середине 1931 г. их было около 6 тыс. человек), организовали три спецпоселка, в бараках которых отмечались скученность, наличие насекомых. Состояние бараков для завербованных рабочих было таким же удручающим. Жильцы барака № 13 поселка БФ «Гознак» Зеленин и Трошев жаловались на неудовлетворительное состояние здания, в котором не стало даже электричества, а приготовленные для ремонта материалы, оставленные без присмотра, расхищались¹³⁹¹.

Штрафы за бездействие коммунального отдела Камского ЦБК по очистке выгребных ям у жилых домов не побуждали к активным действиям¹³⁹². Некоторые случаи напоминали картинку из жизни средневекового

¹³⁸⁸ Ляховская В 1933 году в Краснокамске была всего одна машина, зато целых две бани // Краснокамская звезда. 1998, 24 января. С. 6.

¹³⁸⁹ Кирсанова Е. Краснокамск – социалистический город // Краснокамская звезда. 1939, 5 декабря. С. 3; Краснокамск – новый город // Краснокамская звезда. 1938, 14 октября. С. 1; Ляховская Указ. соч.

¹³⁹⁰ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 145, 188; Д. 2. Л. 9–10; Д. 3. Л. 123.

¹³⁹¹ Зеленин Барак требует ремонта // Краснокамская звезда. 1938, 28 июня. С. 2.

¹³⁹² С. М. Непростительная беззаботность // Краснокамская звезда. 1938, 22 июля. С. 2.

европейского города и являлись – в глазах жителей – вопиющим нарушением санитарных норм. У домов № 24 и 25 на ул. Чапаева и № 2 и 4 на ул. Пушкина не были оборудованы мусорные ямы, и жильцы выливали помои, выбрасывали мусор рядом с тротуарами. Даже в случае вывоза жидких бытовых отходов рабочие обоза могли вылить нечистоты в любом месте¹³⁹³.

Корреспондент М. И. Зеленин на примере одного общежития показал, насколько злободневны для города проблемы состояния временного жилья и условий проживания в нем. Не останавливаясь на «типичных» темах (холод, плохая уборка помещений, отсутствие дров, радио, красного уголка, нестиранное постельное белье), более ярко звучит повседневная зарисовка: «Придет парень с работы, умоется (нередко даже и не умывается, так как у единственного умывальника нужно час в очереди выстоять) и сразу же забирается под одеяло»¹³⁹⁴.

Обладание подрядной организацией «Гознакстроем» более солидными финансовыми и материальными ресурсами, нежели «Союзбумстроймонтажем», возводившим Камский ЦБК, вовсе не предполагало успех жилищного строительства. Тем более что речь шла о комплексном освоении жилого района, состоявшего из 4-х и 5-этажных домов, со всей социально-бытовой инфраструктурой. Дома-пилоны, дома в поселке БФ «Гознак» строились по несколько лет из-за дефицита финансов, материалов, рабочей силы, отсутствия чертежей и смет. Инженеры, прорабы допускали немало ошибок: как по незнанию, так и в спешке, чтобы быстрее закончить те или иные работы. Осенью 1938 г. в несданном корпусе «В» 205-квартирного дома проживали 180 семей. Между стенами и оконными переплетами зияли щели, отсутствовали зимние рамы, кухонные очаги, уборные, отопление¹³⁹⁵. Люди заселились в квартиры без какого-либо коммунального оснащения – с «голыми» стенами.

Ряд работ по благоустройству все же проводился. Летом 1938 г. прокладывались тротуары от поселка Камского ЦБК до больничного городка,

¹³⁹³ Кононов А. Е. Не следят за чистотой // Краснокамская звезда. 1939, 16 января. С. 2.

¹³⁹⁴ Зеленин М. И. Одно из многих таких общежитий // Краснокамская звезда. 1939, 12 января. С. 4.

¹³⁹⁵ На строительстве все по-прежнему // Краснокамская звезда. 1938, 26 октября. С. 2.

колхозного рынка. Планировалось осветить дорогу от школы № 7 до поселка фабрики «Гознак»¹³⁹⁶. В то же время деревянные тротуары местами пришли в негодность, а асфальтовые дорожки (планировались около «дома-гиганта», от фабрики «Гознак» до поселка) не сделали. Шоссе от комбината до Рабочего поселка в трех-четыре местах было перерыто для прокладки водопровода и канализации, но ямы не заделали¹³⁹⁷. Поселковый совет и предприятия, располагая финансовыми и материальными ресурсами и планируя большой объем работ по благоустройству, на практике многие мероприятия не начинали или не могли завершить.

Предприятия вольно распоряжались квартирным фондом, особенно когда дела касались лиц, не трудившихся на производстве. А те, кто получил жилье, вряд ли мог похвастаться его высоким качеством¹³⁹⁸. Рабочие, особенно стажисты, проживавшие в бараках или квартирах в деревянных двухэтажных домах, но находившихся в удручающем состоянии, обивали пороги фабрично-заводских комитетов, коммунальных отделов в надежде получить новое жилье¹³⁹⁹. Налицо стремление людей использовать свое положение, связи, но не прикладывать усилий для поддержания удовлетворительного состояния жилищ. Не всегда им удавалось добиться поставленных целей.

Среди публикаций на жилищную тему особо выделяются те, что описывают быт работников. Материалы показывали положительные стороны этой сферы, делая акценты на уют, чистоту, образцовое ведение хозяйства, но в то же время подавая это как типичные случаи жизни семей рабочих в стране, что явно не соответствовало фактическому состоянию и обслуживанию жилищного фонда. Тем более что положительные и негативные заметки соседствовали в одном номере газеты.

¹³⁹⁶ Новые тротуары, уличное освещение // Краснокамская звезда. 1938, 14 сентября. С. 2.

¹³⁹⁷ Превратить Краснокамск в культурный благоустроенный город // Краснокамская звезда. 1938, 22 сентября. С. 1.

¹³⁹⁸ Медников Учителя школы № 2 не имеют квартир // Краснокамская звезда. 1938, 30 сентября. С. 2; Поплаухин Н. В. Нет настоящей заботы о нуждах учителей // Краснокамская звезда. 1939, 12 января. С. 4.

¹³⁹⁹ Больше заботы о жилищах для трудящихся (из писем рабкоров) // Краснокамская звезда. 1938, 24 октября. С. 2; Лапин Н. А. Когда же отоплят мою квартиру // Краснокамская звезда. 1939, 8 января. С. 2.

Старший варщик Камского ЦБК со стажем работы более 40 лет, рационализатор Н. Ф. Сиротин получил жилье в 205-квартирном «доме-гиганте», полностью еще не сданном. В квартире проживали, помимо супругов, взрослая дочь и ее муж, взрослый сын и дочь-школьница. Сумма зарплат составляла 1500 руб. в месяц. Большая часть денег тратилась на питание (подчеркивалось, что семья «себе ни в чем не отказывает»), одежду и обувь, учебники и книги. Досуг членов семьи складывался из посещений концертов и киносеансов, в зимний период добавлялось катание на лыжах или коньках. В декабре 1938 г. Н. Ф. Сиротин отдохнул в санатории в Ессентуках¹⁴⁰⁰. В доме на ул. К. Либкнехта, 6 (поселок Краснокамской БФ), сданном в 1936 г., в 32 квартирах проживали 182 человека, в том числе семья сеточника С. В. Гусева из пяти человек (трое из них – дети). Квартиры были предоставлены также мастеру А. Я. Дроздову, инженеру Иванову¹⁴⁰¹. По этим примерам сложно судить о спектре оснований для предоставления жилья, но семьи из 5 более человек, возглавлявшиеся работниками со стажем, имевшими производственные успехи, могли получить квартиры от 2 до 4 комнат.

Социальная сфера молодого поселка испытывала многие трудности. С середины 1930-х гг. велось строительство больничного городка. Он не был принят в эксплуатацию от строителей, но в начале 1940-х гг. местные власти констатировали необходимость капитального ремонта части зданий¹⁴⁰². К середине 1939 г. штат врачей пополнился хирургом, рентгенологом и педиатром, но не имелось невропатолога, туберкулезника и отоларинголога, судебно-медицинского эксперта, школьных врачей. Некоторые амбулатории в поселках либо закрылись, либо сократили часы работы, а на нефтепромысле медпункт отсутствовал. Нагрузка на имевшихся врачей превышала две нормы. Новичкам не везло еще в том, что к моменту их выхода на работу не были готовы кабинеты¹⁴⁰³. Все это негативно отражалось на качестве медицинского

¹⁴⁰⁰ Шаров В. Бюджет семьи варщика // Краснокамская звезда. 1939, 1 января. С. 3.

¹⁴⁰¹ Орлов Жильцы одного дома // Краснокамская звезда. 1939, 1 января. С. 3.

¹⁴⁰² Пермская область накануне Великой Отечественной войны... С. 93, 150–152.

¹⁴⁰³ Б. В. Обеспечить район медицинскими кадрами // Краснокамская звезда. 1939, 18 мая. С. 2.

обслуживания населения города и района, приводило к формальным постановке диагноза и рекомендациям по лечению пациентов.

Предполагалось определиться с площадкой для нового города. 26 июня 1940 г. СНК СССР утвердил для строительства Краснокамска Нижне-Курыинскую площадку (в 20 км от Камского ЦБК). Проектная численность населения устанавливалась около 150 тыс. человек. Согласно проекту Ленинградского института проектирования городов, подготовленному в 1939 г., намечалось к 1944 г. ликвидировать временное жилье, а людей расселить в капитальных строениях и на Нижне-Курыинской площадке. Строительство нового города так и не было начато (эта территория в 1941 г. вошла в состав г. Молотова), а поселки при предприятиях продолжали развиваться без учета требований проекта. В 1945 г. в связи с изменением технологии добычи нефти на территории Краснокамска было разрешено новое строительство¹⁴⁰⁴.

Реконструкция застройки г. Краснокамска на основе данных интернет-сервиса «Реформа ЖКХ» и полевых исследований автора в 2019 и 2022 гг. позволила установить, что при возведении подведомственных поселков предприятия ориентировались на общий план развития населенного пункта. Уличная сетка в центральной части сохранилась и на современном этапе используется в качестве средства перспективного развития города после расселения аварийного жилья. В последние годы застройка 1930-х гг. позиционируется властями г. Краснокамска в качестве одного из значимых брендов, который имеет большие перспективы развития и используется в туристской, музейной и научно-просветительской деятельности.

В проектах рабочих поселков при крупных лесопромышленных предприятиях можно увидеть как особенные черты, выразившиеся в стремлении архитекторов включать застройку в природное окружение, создавать оригинальные здания (Красновишерск¹⁴⁰⁵, Кондопога¹⁴⁰⁶, Игарка¹⁴⁰⁷,

¹⁴⁰⁴ Гайсин О. Д. Указ. соч. С. 109–113.

¹⁴⁰⁵ Бушманов В. К. Указ. соч. С. 96–99; Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат... С. 667; Обухов Л. А. Из истории строительства... С. 51; Он же. Первостроители соцгородов... С. 39; Остальцев К. А. Указ. соч. С. 50–53; Шмыров В. Указ. соч. С. 77.

¹⁴⁰⁶ Вавулинская Л. И. Указ. соч. С. 41; Филимончик С. Н. Кондопога в 1930-е годы... С. 86.

Краснокамск), так и признаки стандартных решений – типовых кварталов из деревянных домов (поселки при Архангельском¹⁴⁰⁸ и Соликамском¹⁴⁰⁹ сульфитно-целлюлозных комбинатах, при целлюлозных заводах упрощенного типа на Европейском Севере¹⁴¹⁰).

Более динамично развивались населенные пункты, где действовали комбинированные предприятия (например, п. Лобва и Тавда в Уральском регионе) или несколько производств (к примеру, п. Лопатино в Марийской АССР, п. Краснокамск на Урале). Но это не означало, что предприятиям было по силам (не менее важно и желание руководства) решить проблемы функционирования и развития поселений. За исключением лесозаготовительных поселков, которые не располагались рядом с производственными участками, предприятия по механической обработке и глубокой переработке древесины и поселения представляли единый организм. Производство задавало композицию городов и поселков: ориентацию улиц на предприятие, создание зеленых зон.

Населенные пункты при крупных предприятиях, несмотря на обретение статуса города, комплекса административных и социально-бытовых учреждений, оставались сельскими поселениями. Формирование многоэтажной застройки, городской уличной и коммунальной инфраструктуры, резко контрастировавшей с барачными кварталами, еще только начиналось.

С другой стороны, на примере рабочего поселка Соликамского сульфитно-целлюлозного комбината можно говорить о положительном опыте решения жилищной проблемы на этапе промышленного строительства (полевое исследование проводилось автором в 2021 г.). Поселок застраивался двухэтажными домами в деревянном исполнении с квартирами с относительно большой площадью (по меркам того периода), осуществлялось его

¹⁴⁰⁷ Бухарова Е. А. Указ. соч. С. 118–120; Игарка в цифрах // Советская Арктика. 1935. № 3. С. 24; Марголин А. Указ. соч. С. 97–98.

¹⁴⁰⁸ Захарова Е. Рождение гиганта... С. 44, 46, 49, 55–56, 67, 104, 112, 132, 142–144, 146–147, 166; Минуя рубежи эпох... С. 27–29, 38–39, 46, 434–436.

¹⁴⁰⁹ АСГО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 16. Л. 10а; Д. 52. Л. 34–34а.

¹⁴¹⁰ Шевчук И. А. Когда деревья были маленькими: из истории Кайского целлюлозного завода. Киров, 2020. С. 80–100.

благоустройство, создание комплекса социально-бытовых учреждений. Большая часть домов сохранилась до наших дней. Наличие балконов в домах на перекрестках улиц придавало застройке ансамблевые качества (несмотря на отсутствие доминант) и усиливало восприятие населенного пункта как городского поселения. Внутри кварталов сохранялись зеленые насаждения, поселок гармонизировал с окружающей природой.

Строительство и реконструкция предприятий привела к существенному росту числа жителей в населенных пунктах. В конце 1930-х гг. ряд рабочих поселков был преобразован в города или административные районы городов. В 1933 г. в 16 основных лесопромышленных городах и рабочих поселках (включая Игарку и Лесозаводск) проживало 131,6 тыс. человек. По переписи 1939 г. в 21 населенном пункте насчитывалось уже 350,3 тыс. жителей (см.: Приложение 34). Сформировались две основных группы городов: с числом жителей от 10 тыс. до 19 тыс. (4 поселения) и от 25 тыс. до 29 тыс. (3 поселения), а также две группы поселков: с численностью населения от 4 тыс. до 9 тыс. (7 пунктов) и от 10 тыс. до 19 тыс. (3 пункта).

Жилищная и социально-бытовая инфраструктура лесозаготовительных трестов была рассредоточена по различным населенным пунктам. Основными типами построек являлись шалаши, землянки, курные избы, то есть временные, лишенные элементов обустройства. Такой способ размещения трудившихся существовал на протяжении многих лет, и только в конце 1920-х гг. необходимость улучшения жилищных условий лесных рабочих нашла отражение в нормативных правовых актах. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 2 ноября 1927 г. «Об условиях труда на лесозаготовительных и сплавных работах», хозяйственным организациям вменялось в обязанность обеспечить рабочих жильем в случаях, когда место работы находилось за 6 км от населенных пунктов или когда не было возможности размещения людей в них. 22 марта 1928 г. Народный комиссариат труда издал «Временные правила о жилищных условиях на лесозаготовительных и сплавных работах». Ими устанавливались: размер

площади на одного рабочего – не менее 3 м², высота жилых помещений – не менее 2 м, деревянный пол на подкладках, окна с двойными рамами, печи с дымовыми трубами, помещения для просушки одежды и другие элементы обустройства. Из расчета на 50 рабочих должна была строиться баня. Примерами хорошо обустроенных жилищ являлись шестистенные общежития для постоянных рабочих Карельской центральной опытной станции, возведенные в 1927/1928 г.¹⁴¹¹

Для рабочих, занятых на сплаве древесины, начальникам сплавных районов разрешалось строить утепленные и неутепленные (в случае проведения работ сроком до одного месяца) бараки из расчета одно строение на 100 рабочих. Они могли быть рубленые, каркасно-стоечной системы, разборные или постоянные. В бараках устраивались спальня, умывальная комната, сушилка, сени¹⁴¹². Значительное увеличение планов по заготовке и вывозке древесины, рост потребности в рабочей силе в сезон 1929/1930 г. актуализировали поиск решений жилищного вопроса с точки зрения экономии на материалах (за счет использования древесных отходов и бракованной продукции), времени строительства. Трест «Дальлес» объявил конкурс на лучший проект бревенчатого общежития для 50–60 человек, которое должно было иметь максимум полезной площади и соответствовать санитарно-гигиеническим требованиям¹⁴¹³. При таких параметрах дома не могли обеспечить комфортное пребывание рабочих, и срок эксплуатации зданий был крайне мал.

В последующие годы в связи с незначительным финансированием жилищного строительства, трудностями освоения выделявшихся средств и возведения построек, использованием принудительного труда заключенных и спецпереселенцев реализация правил о жилищных условиях становилась чаще исключением. По сравнению с Западными странами (прежде всего, Германией и США), где с последней четверти XIX в. и особенно с начала XX в. стали

¹⁴¹¹ Альбрехт К. И. Рационализация и механизация лесозаготовок... С. 46–47.

¹⁴¹² ГАКК. Ф. Р-1042. Оп. 1. Д. 2. Л. 103–108.

¹⁴¹³ Объявление // Тихоокеанская звезда. 1930, 18 января. С. 4.

практиковаться для лесных рабочих сдача в аренду земельных участков и выдача кредитов для индивидуального жилищного строительства, жилищные условия советских рабочих не могли в полной мере способствовать формированию постоянных кадров¹⁴¹⁴.

Лесозаготовительные тресты отчитывались ежегодно о возведении и ремонте жилых и социально-бытовых объектов¹⁴¹⁵, хотя в течение первых пятилеток объемы финансирования и фактических работ колебались. Проверки, газетные публикации свидетельствовали порой о крайне неблагоприятном положении в жилищной сфере. К примеру, в марте 1937 г., Коми республиканская газета «За новый Север» писала о Модлаповской лесостоянке, где 60 рабочих жили в грязном, холодном помещении, спали на голых досках, а хлеб и другие продукты хранили на нарах¹⁴¹⁶. Переданных в феврале этого же года тресту «Дальлес» 5000 семей промпереселенцев сначала разместили в непригодных для проживания помещениях. Управляющий трестом А. И. Третьохин, назначенный на должность в этот период, предпринял меры по предоставлению промпереселенцам более качественного жилья¹⁴¹⁷. Руководителям треста «Томлес» и Тимирязевского мехлесопункта, в 1936 г. пренебрегшим предоставлением промпереселенцам удовлетворительного жилья, повезло меньше. Заместитель управляющего трестом Малиновский, начальник мехлесопункта Салихов и заведующий кадрами предприятия Бриллианчиков были сняты с работы¹⁴¹⁸. Жалоба промпереселенцев рассматривалась больше года, и хозяйственники оставались безнаказанными целый лесозаготовительный сезон.

Некоторые руководители предприятий не обременяли себя заботами о предоставлении жилья рабочим, в том числе квалифицированным. Так, кузнец Сучков с семьей переехал в декабре 1936 г. из Куйбышевской области в

¹⁴¹⁴ Альбрехт К. И. Рационализация и механизация лесозаготовок... С. 52–56.

¹⁴¹⁵ Воейков Е. В. Жилищный фонд лесных трестов Поволжья... С. 50–51; Глузман В. Л. Указ. соч. С. 39; Индустриализация Коми автономной области... С. 108; Коми-Пермяцкий округ: век XX. Пермь, 2001. С. 133; Советская лесная экономика... С. 215; Турубанов А. Н. Указ. соч. С. 22, 73.

¹⁴¹⁶ Бердинских В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 139.

¹⁴¹⁷ Бюллетень Народного комиссариата лесной промышленности СССР. 1937. № 27. С. 5.

¹⁴¹⁸ Бюллетень Народного комиссариата лесной промышленности СССР. 1937. № 26. С. 2.

Мехреньгский ЛПХ треста «Двинолес». Однако его деятельность свелась к поиску съемной квартиры и обустройству спальных мест. Выделенная несколько месяцев спустя комната в бараке оказалась непригодна для проживания. Летом 1937 г. Сучков, отчаявшись, уехал в Поволжье, написав жалобу в Наркомлес. Директор Мехреньгского ЛПХ Олешев и заведующий Шувашенским лесопунктом Харлов отделались строгими выговорами¹⁴¹⁹. Подобное разбирательство, судя по мягкости взысканий, не могло внести лепту в изменение отношения хозяйственников к обустройству рабочих.

Напротив, в 1933 г. в Уральской области отмечались «полная обеспеченность рабочих в лесу приспособленными бараками со специальными помещениями для еды и для сушки одежды», повсеместное наличие столовых, бань, организация медпомощи¹⁴²⁰. Если даже учесть, что имелись в виду только постоянные рабочие, то констатация решения жилищно-бытовой проблемы не свидетельствует о качестве жилищного фонда. Удовлетворить в жилье сезонников и спецпереселенцев было куда сложнее.

Партийно-государственные органы периодически издавали нормативные документы о необходимости строительства жилья и социально-бытовых объектов в рабочих поселках при лесопромышленных предприятиях. Важную роль сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР» от 15 ноября 1938 г. В частности, Народный комиссариат здравоохранения должен был организовать фельдшерские пункты в леспромхозах и механизированных лесопунктах с числом постоянных рабочих от 200 до 400 человек, врачебные пункты – от 400 до 500 человек и больнично-амбулаторные пункты – свыше 500 человек¹⁴²¹.

В начале 1941 г. по лесозаготовительным предприятиям Наркомлеса РСФСР на одного рабочего приходилось в среднем 7,7 м² – относительно хороший показатель в условиях планов ведомства по увеличению числа постоянных рабочих (с 54 тыс. до 64 тыс. к 1 января 1942 г., или до 65,6 % к

¹⁴¹⁹ Бюллетень Народного комиссариата лесной промышленности СССР. 1937. № 27. С. 4.

¹⁴²⁰ Хозяйственное и культурное строительство на Урале... С. 103.

¹⁴²¹ Советская лесная экономика... С. 326, 328.

среднегодовой потребности). Тем более что 11,52 тыс. рабочих проживали в собственных домах, и предполагалось, что 2600 человек построят жилья в 1941 г. Народный комиссар В. Я. Колданов предлагал выделить средства на вербовку и для кредитования рабочих на индивидуальное жилищное строительство и приобретение скота (из расчета на одного рабочего соответственно 3491 и 1200 руб.). Народный комиссариат финансов РСФСР поддержал заявки Наркомлеса. Среди мер, которые должны были обеспечить успех вербовки и закрепление рабочих в качестве постоянных кадров, числились выплаты завербованным людям (одиначкам – 200 руб., семейным – 400 руб.) и тем, кто перезаключит договоры (200 руб. на человека)¹⁴²². На 1941 г. по Наркомлесу, Наркомбумпрому и Главлесоспирту при СНК СССР было запланировано выдать кредитов на городское индивидуальное жилищное строительство на сумму 16,2 млн. руб. (5,6 % от показателя по стране), в том числе на промышленное переселение – 6,8 млн. (только по Наркомлесу). Предполагалось ввести 143,8 тыс. м² жилой площади¹⁴²³.

Приведенные цифры не означают, что проблема обеспечения рабочих жильем и социально-бытовыми объектами была решена. Поскольку качество строительства было, как правило, невысоким, в начале каждого сезона заготовки лесных ресурсов всегда вставала задача поддержания объектов инфраструктуры в приемлемом для пользования состоянии. Разницу в обеспеченности рабочих жильем и его благоустройством демонстрируют данные 1940 г. В тресте «Уралзападолес» жилищный фонд, состоявший в основном из бараков и деревянных домов, был оборудован канализацией на 0,5 %, центральным отоплением – 0,4 %. Рабочий поселок Камского ЦБК, в котором имелись также многоэтажные дома, деревянные коттеджи, был оснащен канализацией на 13 %, центральным отоплением – на 8,9 %. Что касается обеспеченности рабочих жилой площадью, то в обоих случаях

¹⁴²² ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 38. Д. 538. Л. 1–2, 4, 6–8.

¹⁴²³ Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год... С. 603–605.

показатель составлял в бараках 4,2 м², в целом по жилищному фонду был чуть выше¹⁴²⁴.

Обширная поселенческая сеть сформировалась в связи с освоением лесных массивов в северных и восточных районах страны, направлением существенной части «раскулаченных» крестьян и других категорий спецпереселенцев в лесную промышленность, организацией сети «лесных» исправительно-трудовых лагерей.

Спецпоселки имели особый административный статус, свою систему управления и выполняли специфические функции, основными из которых являлись изоляция «общественно опасных элементов» и обеспечение постоянной рабочей силой трудодефицитных отраслей хозяйства, лишение «кулачества» экономической и юридической основы существования, приобщение к труду в интересах социалистического строительства. Эти задачи являлись приоритетными на разных этапах «кулацкой» ссылки. В 1930 г. выбор мест для размещения спецпоселков происходил в первую очередь с точки зрения условий для обеспечения режима изоляции высланных. На втором этапе, в 1931 г., спецпереселение рассматривалось ОГПУ и с точки зрения экономической целесообразности размещения и использования труда «раскулаченных». Эти подходы обусловили комплекс проблем¹⁴²⁵ в развитии спецпоселков, который обернулся для высланных смертями, голодом, изнурительным трудом, тяжелой жилищной и продовольственной ситуацией.

Поселки для спецпереселенцев при лесопромышленных предприятиях стали компонентом производственно-промышленной подсистемы спецпоселений¹⁴²⁶, где жители были заняты преимущественно в производственной сфере и составили один из источников формирования постоянных кадров лесных рабочих. Поселок представлял собой несколько

¹⁴²⁴ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 90.

¹⁴²⁵ О причинах этого см. подробнее: Бердинских И. В. Указ. соч. С. 129; Игнатова Н. М. Спецпереселенцы в 30–50-е годы XX века: На материалах Коми АССР: Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2001. С. 29.

¹⁴²⁶ Бердинских В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 112–113. Авторы выделяют в сети спецпоселений две организационно-экономические подсистемы: аграрно-колониционную и производственно-промышленную.

бараков, дом коменданта, складские помещения, т. е. фактически – временный вариант. Как отмечала историк Л. Н. Мазур, он не имел перспективы развития и с истощением лесных ресурсов переносился на новое место¹⁴²⁷. Более поздний типовый план поселка предусматривал строительство изб на две семьи («зырянского» типа), бани, хлебопекарни, фельдшерско-акушерского пункта и культурно-просветительских учреждений.

Несмотря на вселение в 1930–1931 гг. в Северный и Сибирский края, Уральскую область большого числа «раскулаченных», организация их трудовой занятости стала серьезной проблемой. Регионы, тресты и предприятия не располагали необходимым объемом материальных ресурсов, чтобы обеспечить жилищно-бытовое обустройство и работу всем спецпереселенцам. В феврале 1930 г. Северный крайком ВКП(б) сообщил СНК РСФСР соображения по расселению и использованию «кулаков». Планировалось, что в регион придут около 350 тыс. человек, из которых нетрудоспособная часть (около 280 тыс.) разместится до открытия навигации во временном жилье. Остальные «кулаки» должны были отправиться партиями по 500–1000 человек в районы заготовки и сплава лесных ресурсов. По версии крайкома, бараки планировалось построить к 1 апреля, причем «стекло, железо, кирпич необходимо срочно обеспечить из центра»¹⁴²⁸.

Спустя два месяца Северный краевой исполком решал задачу размещения, обустройства и трудового использования к осени 1930 г. 75 тыс. семей спецпереселенцев (375 тыс. человек). Средняя численность жителей спецпоселка определялась в 120 семей (600 человек). На его строительство (15 восьмиквартирных домов, здание для администрации, учителя, культурника с канцелярией, школы и медпункта, склад и баня, скотный двор) требовалось 4242 руб. Для расселения всех спецпереселенцев были нужны 2651 тыс. руб. для строительных материалов и 660 тыс. руб. для их доставки плюс расходы на местные материалы и оплату труда рабочих. Однако Северный краевой

¹⁴²⁷ Мазур Л. Н. Край ссылки... С. 195.

¹⁴²⁸ Шубин С. И. Северный край в истории России... С. 322–323.

исполком указывал на выполнимость плана возведения спецпоселков в первый год только в Архангельском округе, где имелось достаточное количество трудовых ресурсов и строительных материалов. В остальных округах намечалось завершить работы зимой 1930/1931 г. и поэтому разместить временно спецпереселенцев в деревнях, лесных избушках¹⁴²⁹.

Хозяйственные ведомства и организации не могли освоить выделявшиеся финансовые средства¹⁴³⁰. Выполнить план в условиях вселения большого количества людей, отсутствия необходимых ресурсов было нереально. Об этом на протяжении многих лет и в разных регионах свидетельствовало количество построенного жилья, его невысокое качество¹⁴³¹ и незначительные показатели жилой площади на одного жителя¹⁴³². Но что поразительно, директор Самаровского ЛПХ (Остяко-Вогульский округ) В. М. Марков вспоминал, что леспромхоз «справился успешно» с задачей по строительству жилья и социальных учреждений для 5 тыс. семей спецпереселенцев, поступивших летом 1930 г.¹⁴³³ Людей расселили, а об условиях жизни в спецпоселках руководитель предприятия не сообщал.

Большинство спецпоселков строилось в отдаленных от транспортных магистралей и промышленных центров районах, не обеспечивалось подъездными путями, из-за чего их снабжение было возможно только по рекам весной и осенью или в зимний период. Некоторые поселения, где основная часть «бывших кулаков» в первые годы ссылки сбежала, насчитывали по несколько десятков семей, которые не трудились. Другая часть спецпоселков строилась в местах, не пригодных для хозяйственной деятельности. Так, к 1934

¹⁴²⁹ Бердинских В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 185–191.

¹⁴³⁰ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 214; Политбюро и крестьянство... С. 751–752; Советская лесная экономика... С. 320.

¹⁴³¹ Бердинских В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 138–139; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 119, 128, 138, 156, 212–214, 313–318, 724; Наша малая родина... С. 201–202; Политбюро и крестьянство... С. 501, 751; Саушкин М. И. Указ. соч. С. 58, 213; Советская лесная экономика... С. 263–264; Суслов А. Б. Указ. соч. С. 188; Твардовский И. Т. Указ. соч. С. 84–85.

¹⁴³² Кириллов В. М. История репрессий... С. 138; Мазур Л. Н. Край ссылки... С. 189; Суслов А. Б. Указ. соч. С. 396.

¹⁴³³ Алексеева Л. В. Указ. соч. С. 185, 201.

г. в Чердынском районе Уральской области были ликвидированы десять таких населенных пунктов, а Красновишерском – семь¹⁴³⁴.

Одним из способов решения жилищной проблемы, поддержания нормального состояния зданий стали выдача кредитов и продажа домов. Совместной инструкцией от 31 марта 1934 г. Народный комиссариат финансов СССР и Наркомлес разрешили продавать спецпереселенцам дома в спецпоселках, построенные за счет специальных ассигнований, со скидкой от 20 до 50 % с оценки по балансу на 1 января 1934 г. с рассрочкой на три года. Если спецпереселенец восстанавливался в правах и покидал поселок, приобретенные им дом, квартира продавались хозяйственной организации, а сумма, выплаченная банку, возвращалась. Предусматривалась возможность «свободной» продажи помещений¹⁴³⁵. Механизм не получил распространения, прежде по причине недостатка у спецпереселенцев финансовых средств.

Общими проблемами спецпоселков оставались низкое качество построек и невысокий уровень развития инфраструктуры, дефицит социальных учреждений, мест отдыха, загрязненность территории. С середины 1930-х гг. основными факторами сжатия сети лесных спецпоселков стали истощение лесных баз, закрытие и перебазирование предприятий; износ жилья и отъезд жителей.

В исправительно-трудовых лагерях жилые зоны, состоявшие из бараков, находились в неудовлетворительном состоянии из-за низкого качества построек и их обслуживания. Хотя в конце 1930-х гг., на этапе создания лагерных комплексов, на жилищно-бытовое, административное, складское строительство выделялись существенные средства¹⁴³⁶. Обеспеченность заключенных и «вольнонаемного» состава социально-культурными учреждениями в лагере мало отличалась от гражданских лесопромышленных предприятий.

¹⁴³⁴ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 735.

¹⁴³⁵ Бердинских В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 141–142.

¹⁴³⁶ Пажит Ю. Ю. Северо-Уральский лагерь... С. 35, 37.

Анализ строительства и функционирования лесных поселков и городов не будет полным без характеристики культурной и спортивной жизни населения, обязательными атрибутами которой были дома культуры, библиотеки, красные уголки, где проводились концерты, кинопоказы, лекции, работали кружки. В годы первых пятилеток увеличилась сеть клубных учреждений, улучшилась их материальная база. К примеру, в 1935 – начале 1936 гг. в 20 клубах при предприятиях, объединенных ЦК Союза лесопиления и деревообработки Центра и Юга, появились установки для демонстрации звукового кино. В клубах профсоюза действовало более 100 духовых оркестров, 2500 кружков, несколько детских технических станций¹⁴³⁷.

В крупных рабочих поселках и городах имелись дома культуры и кинотеатры с более вместительными залами, что позволяло охватить представлениями и показами большее число жителей, а в случае близости к индустриальным центрам или особенностей географического положения – принимать гастроли театральных, вокальных и танцевальных коллективов, отдельных исполнителей. Так, в июне-июле 1938 г. в Краснокамске в кинотеатре шли спектакли театра им. «Комсомольской правды». 3–4 сентября на площадке кинотеатра Камского ЦБК дали концерты артисты из Москвы и Ленинграда: Л. Михайлова, К. Гангелова, В. Виц, М. Грей¹⁴³⁸. В октябре в Краснокамске стартовал зимний концертный сезон, организованный, как и предыдущие два года, Пермской филармонией. Были приглашены певцы И. Д. Жадан, А. И. Батулин, П. И. Цесевич, Н. Н. Середа, И. П. Яунзем, музыканты Д. Ф. Ойстрах, Б. Э. Гольдштейн, М. И. Фихтенгольц, мастера художественного слова Э. И. Каминка, А. И. Шварц¹⁴³⁹. Гастроли воспринимались жителями поселка позитивно и давали возможность познакомиться с творчеством выдающихся советских артистов.

¹⁴³⁷ ГАРФ. Ф. Р5467. Оп. 26. Д. 44. Л. 14–16.

¹⁴³⁸ В. Концерты артистов эстрады // Краснокамская звезда. 1938, 4 сентября. С. 2; Кинотеатр возобновляет работу // Краснокамская звезда. 1938, 30 июля. С. 2.

¹⁴³⁹ В. И. Концертный сезон // Краснокамская звезда. 1938, 12 октября. С. 4.

В повседневной деятельности клубы часто подвергались резкой критике, например за отсутствие или низкий уровень кружковых, лекционных мероприятий. Основной функцией становилась демонстрация кинокартин, что обеспечивало хотя бы формальное выполнение показателя посещаемости¹⁴⁴⁰. Более уязвимой в этом плане была лесозаготовительная отрасль – в силу разбросанности поселков по лесным массивам и удаленности их от крупных центров, перебазирования по мере разработки лесной базы. Практиковались выезды творческих коллективов в районах заготовки и сплава древесины. Так, в середине 1930-х гг. передвижной театр ЦК Союза рабочих мебельной и музыкальной промышленности под руководством М. М. Яншина давал бесплатные представления в разных районах страны¹⁴⁴¹. В сезон 1935/1936 г. в репертуаре двух бригад рабочего театра (Северный край) были спектакли «Чудесный сплав», «Шестеро любимых», «Адвокат Питлея»¹⁴⁴².

Формирование спортивных команд и их участие в соревнованиях разного уровня являлось неотъемлемым атрибутом деятельности предприятий. Летом 1935 г. 113 рабочих предприятий Наркомлеса приняли участие в спартакиаде ВЦСПС. Одно из первых мест в беге на 500 м заняла Иполлитова (Васильевский ДОК, Татарская АССР), третье место в шведской эстафере досталось команде в составе Иполлитовой, Маслобитовой (Пролетарский ЛК в Москве), Сергеенко (Гомельский ДОК) и Казанцевой (Васильевский ДОК). Фрезеровщик фабрики имени Балакирева (Москва) Константинов стал победителем в прыжках в длину с разбега¹⁴⁴³. Летом 1937 г. на Окуловском ЦБК во всесоюзном первенстве ЦК Союза бумажников по волейболу лучшей женской командой стала команда Сясьского комбината, мужской – Окуловского¹⁴⁴⁴. Летом проходили футбольные матчи, соревнования между

¹⁴⁴⁰ Иванов В. Повысить качество клубной работы // Краснокамская звезда. 1938, 6 октября. С. 3.

¹⁴⁴¹ ГАРФ. Ф. Р5467. Оп. 26. Д. 44. Л. 17.

¹⁴⁴² Театр в лесу // Правда Севера. 1935, 21 октября. С. 4.

¹⁴⁴³ В. Г. 113 рабочих лесной промышленности – участники спартакиады // Лесная промышленность. 1935, 3 августа. С. 4.

¹⁴⁴⁴ Соревнования бумажников по волейболу // Лесная промышленность. 1937, 3 июля. С. 4.

спортивными командами, в том числе приезжавшими из соседних городов. Зимой организовывались каток, лыжи и лыжные соревнования.

Еще одним индикатором качества жизни людей являлся отдых в домах отдыха или санаториях, представлявший собой результат производственных успехов, связей и являвшийся одним из значимых поощрений, сочетавшим лечение, отдых и культурно-познавательный внутренний туризм. Профсоюзные организации обзаводились также собственными здравницами (например, союз рабочих-деревообделочников Центр-Юга, 10200 членов которого отдохнули в домах отдыха, санаториях и на курортах в течение 1935 г., – на берегу Черного моря¹⁴⁴⁵).

У промышленных предприятий возможности в этом направлении были более широкие. Так, в 1938 г. 88 рабочих, служащих, инженеров и техников Камского ЦБК побывали в санаториях, 348 – в двухнедельном доме отдыха, 560 – в однодневном, 20 – на экскурсиях (суммарно это составляло около 15 % работников)¹⁴⁴⁶. С другой стороны, упорный труд, профессиональные заболевания могли не обеспечить возможность санаторного лечения. Не помогали даже положительные визы руководителей на заявлениях. Не повезло рабочему Камского ЦБК В. Стукову, который из-за открытой раны на ноге был вынужден ежедневно ходить на перевязку. С 1938 г. он неоднократно подавал заявления в фабричный комитет, ЦК союза бумажников. Заявления одобрялись, но путевку Стуков не получил. В фабричном комитете предложили оплатить половину ее стоимости. Стуков согласился и на это, несмотря на небольшую зарплату, но к лету 1939 г. ситуация с получением путевки не изменилась¹⁴⁴⁷.

Итак, в годы первых пятилеток на Северо-западе, Европейском Севере, в Центральной России, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, ставшими основными районами развития лесной промышленности, появились многие населенные пункты. При их возведении применялись новые архитектурно-планировочные решения. На начальном этапе имело место многократное

¹⁴⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р5467. Оп. 26. Д. 44. Л. 9.

¹⁴⁴⁶ Отдых трудящихся Краснокамска // Краснокамская звезда. 1938, 5 декабря. С. 4.

¹⁴⁴⁷ Стуков В. Почему мне отказывают в помощи? // Краснокамская звезда. 1939, 17 мая. С. 2.

проектирование территории. Но даже финальные версии планов сочетали детальную проработку жилой зоны и значимые недостатки, присущие концепции социалистического города, когда селитебная зона примыкала к промышленным предприятиям. Это порождало проблемы комплексного освоения территории, организации рекреационных зон, загрязнения окружающей среды. Реализация планов тормозилась распылением финансовых и трудовых ресурсов, хаотичной застройкой, в основном барачной, для обеспечения потребностей рабочих и их семей в жилье, пусть невысокого качества и без коммунального обслуживания. «Ядро» поселения, осваивавшееся основным производством, обрастало мелкими поселками. Если говорить о значимых архитектурных постройках, то стоит отметить грандиозный дом культуры в Кондопоге, каменные жилые дома бумажной фабрики «Гознак» и «дом-гигант» в Краснокамске. Однако населенные пункты могли «похвастаться» только несколькими капитальными жилыми и социальными зданиями, остальная застройка была деревянной и представляла жилье временного типа.

Большое количество населенных пунктов возникло внутри лесных массивов. Более перспективными оказались рабочие поселки при лесозаготовительных, лесосплавных и лесопильно-деревообрабатывающих предприятиях, тяготевших к речным или железнодорожным путям. Экстенсивный характер освоения лесных массивов, принудительное перемещение трудовых ресурсов, недостаточное финансирование жилищно-бытового, социального строительства стали причинами постепенного сжатия поселенческой сети. Этот процесс начался уже с конца 1930-х гг.

Продовольственное обеспечение работников налаживалось на протяжении первых пятилеток и зависело от конкретных условий (природно-климатических, экономических, социальных, транспортных и др.).

Организованное продовольственное обеспечение зависело, в первую очередь, от политики руководства государства. На уровне исполнительной власти на продовольственное обеспечение влияли особенности распределения

товаров, взаимодействий местных, региональных, государственных предприятий и организаций, конкретные действия ответственных лиц, работа сельского хозяйства, пищевой промышленности, торговли, транспорта. Политика государства и хозяйственных организаций в области организации продовольственного обеспечения осваивавшихся территорий имела целью, с одной стороны, стимулирование труда рабочих, а с другой – снижение доли поставок продовольствия за счет развития подсобных и индивидуальных хозяйств.

Предприятия создавали в своей структуре *сельскохозяйственные подразделения*. Аграрная отрасль развивалась в направлении животноводства, растениеводство носило вспомогательный характер. Например, при строительстве Вишерского ЦБК в 1929 г. было заложено опытное поле, апробировались техники безрассадного выращивания ранних и средних сортов белокочанной капусты, проводились сортоиспытания картофеля, многолетних трав, кормовых корнеплодов. Были выведены сорта помидоров «Ранний вишерский» и «Северный виноград». К середине 1930-х гг. на территории потребности населения в овощах и картофеле удовлетворялись без завоза извне¹⁴⁴⁸. Однако, как отмечал народный комиссар лесной промышленности СССР С. С. Лобов, только в 1932 г. лесная секция Центросоюза совместно с леспромхозами стала проводить более-менее системную работу по организации огородно-овощного дела на местах¹⁴⁴⁹.

Первая половина 1930-х гг. была отмечена становлением подсобных хозяйств лесопромышленных предприятий (посадка овощей, кормовых культур, сенокошение, животноводство¹⁴⁵⁰), в том числе в северных районах, где параллельно осуществлялись исследования в сфере земледелия и растениеводства (например, в Беломорско-Балтийском комбинате НКВД СССР, Игарке¹⁴⁵¹). Во второй половине десятилетия сельскохозяйственные

¹⁴⁴⁸ Бушманов В. К. Указ. соч. С. 120–121.

¹⁴⁴⁹ Лобов С. Реконструкция лесной промышленности... С. 67.

¹⁴⁵⁰ АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 14, 215; Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии... С. 48.

¹⁴⁵¹ Кожевников А. Игарка (радиопередача для пионеров и старших школьников). М., 1940. С. 6–7; Филимончик

подразделения стали работать более результативно: повышалась урожайность, увеличивалось количество механизмов¹⁴⁵².

В сентябре 1940 г. народный комиссар целлюлозно-бумажной промышленности СССР Н. Н. Чеботарев издал приказ об организации в структуре предприятий подсобных хозяйств огородно-овощного и животноводческого направлений для обслуживания столовых продуктами питания¹⁴⁵³. Недавно организованное ведомство получило в подчинение, помимо действовавших производств, ряд строек в северных и восточных районах страны. Данное решение лишний раз подтверждало значимость подсобных хозяйств в продовольственном обеспечении работников, а также в качестве меры, способствующей закреплению людей на предприятиях.

Организованное продовольственное обеспечение должно было служить одним из стимулов повышения эффективности труда рабочих, однако *выдача продовольственных и промышленных товаров, создание сети столовых, котловых пунктов, торговой сети*, их качественная работа сопровождалась сложностями. В 1927/1928 г., в период опытов по заготовке леса, проводившихся Карельской центральной опытной станцией, дневной паек лесорубов, объединенных в артели, имел энергетическую ценность 5100 калорий (100 г круп или гороха, 150 г мяса или колбасы, 200 г картофеля, 300 г масла и сала, 100 г сыра или колбасы, 10 г чая, 75 г сахара, 100 г компота, 400 г хлеба белого и 600 г хлеба черного). При среднем дневном заработке постоянных лесорубов в 4 руб. на питание уходило 1,42 руб. в сутки. Энергетическая ценность дневного пайка сезонных рабочих из числа крестьян была меньше – 3890 калорий (200 г круп и гороха, 100 г мяса или рыбы, 100 г сельди, 50 г жиров или масла подсолнечного, 5 г чая, 25 г сахара, 1000–1250 г хлеба черного). Приведенные нормы относятся к опытной станции, которая ставила одной из задач достижение определенных показателей постоянными рабочими в сфере заготовки леса, в том числе с помощью организации

С. Н. ББК как символ сталинской модернизации... С. 63.

¹⁴⁵² ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 4. Д. 3. Л. 10–11об., 18об.–20; Д. 5. Л. 11об.–13, 15об.

¹⁴⁵³ Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 116.

удовлетворительного продовольственного обеспечения. У лесных рабочих большей части хозяйственных организаций энергетическая ценность дневного рациона составляла около 3000 калорий и была представлена в основном углеводными продуктами. За рубежом питание лесорубов было лучше. В североамериканском штате Мэн рабочие получали пищу с энергетической ценностью более 8000 калорий в день, в немецкой Баварии – около 6000 калорий¹⁴⁵⁴.

Деятельность по организации удовлетворительного продовольственного обеспечения работников, несмотря на относительно обширную сеть столовых, котловых пунктов, ларьков, хлебопекарен, овощехранилищ и складов¹⁴⁵⁵, оставляла желать лучшего: дефицит утвари и посуды, низкое качество блюд. Даже у иностранных рабочих, прибывавших в Карелию в первой половине 1930-х гг., котловое довольствие не отличалось от питания местных тружеников. Но переселенцы могли приобретать товары в существовавшей несколько лет специальной сети магазинов¹⁴⁵⁶. Рабочим порой сложно было получить и промтовары, несмотря на внесенные авансы¹⁴⁵⁷. Серьезность проблеме добавляли не только длительные ожидания товаров, но и ошибки в централизованной доставке. Как издевка органы снабжения в 1930 г. в районы заготовки древесины вместо махорки направляли пудру и одеколон, вместо теплых и кожаных сапог – лакированную обувь¹⁴⁵⁸.

Особенно экстремальной ситуация стала в период голода в стране в 1932–1933 гг. Международную известность приобрели случаи попрошайничества грузчиками портов, рабочими лесопромышленных предприятий у иностранных моряков (прежде всего, в Архангельске на погрузке древесины). Органы ОГПУ видели в этом политический подтекст («антисоветская агитация», нанесение ущерба имиджу Советского государства), требовали от администрации

¹⁴⁵⁴ Альбрехт К. И. Рационализация и механизация лесозаготовок... С. 40–42, 44, 308.

¹⁴⁵⁵ Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика... С. 115; АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 4. Л. 93об.; ГАСО. Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 3. Л. 84–85; Советская лесная... С. 210

¹⁴⁵⁶ Такала И. Североамериканские финны... С. 46.

¹⁴⁵⁷ Советская лесная... С. 209.

¹⁴⁵⁸ XVI съезд... С. 373.

предприятий проведения среди рабочих соответствующей воспитательной и разъяснительной работы, «очистки рабочих рядов от классово-чуждых, неустойчивых и подкулачных элементов»¹⁴⁵⁹.

В дальнейшем развитие системы снабжения пошло по пути создания на ряде предприятий закрытых распределителей и рабочих кооперативов, специальных потребительских обществ. За вторую пятилетку планировалось полностью охватить рабочих общественным питанием посредством расширения сети столовых, пекарен, организации при предприятиях фабрично-кухонь¹⁴⁶⁰. В начале 1933 г. снабжение работников стало прерогативой народных комиссариатов, осуществлявших лесопромышленную деятельность (Наркомлес, НКТП, НКПС). Рабочие кооперативы Центролесосекции Центросоюза преобразовывались в организации рабочего снабжения¹⁴⁶¹. Включение этой функции в структуру хозяйственных ведомств должно было способствовать повышению их ответственности за обеспечение работников продовольственными и промышленными товарами. По плану на 1941 г. в Союзлеспродторге сеть на 1 января 1942 г. увеличивалась до 2420 столовых и ресторанов (8,7 % от цифры по стране) и 250 закусочных (0,8 %)¹⁴⁶².

Спецпереселенцы в рамках организованного продовольственного обеспечения должны были получать продукты только по нормам и фондам рабочего снабжения. В лесной промышленности большое влияние на снабжение этой категории людей оказывали транспортная недоступность многих спецпоселков, недостаточное выделение фондов, порча, воровство товаров, действия хозяйственных организаций. Из-за этого региональные власти просили Политбюро ЦК ВКП(б) о помощи¹⁴⁶³. В мае 1930 г. постановлениями СТО и СНК СССР в отношении предприятий, новостроек, совхозов, лесоразработок были уравнены нормы снабжения спецпереселенцев и «вольнонаемных» рабочих продовольствием, одеждой и обувью. До этого

¹⁴⁵⁹ Холодный дом России... С. 243–246.

¹⁴⁶⁰ Труды I Всесоюзной конференции... С. 66.

¹⁴⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 917. Л. 3.

¹⁴⁶² Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год... С. 599.

¹⁴⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 787. Л. 13.

пайек не мог обеспечить минимальные жизненные потребности спецпереселенцев, его энергетическая ценность равнялась 1300 калорий. С лета 1930 г., после разделения спецпереселенцев на три категории (первые две – работающее население), нетрудоспособные жители (третья категория) должны были получать 300 г печеного хлеба (или 6,5 кг муки в месяц), 20 г крупы, 6 г сахара (для детей до 12 лет – 12 г), 75 г рыбы в день. С лета 1931 г. эти нормы равнялись: 300 г муки, 30 г крупы, 75 г рыбы, 12 г сахара¹⁴⁶⁴. Тресты предполагали снабжать продовольствием только ту часть спецпереселенцев, которая была занята на лесозаготовках, хотя и обязались выделить земли для огородных участков, обеспечить семенами и орудиями труда¹⁴⁶⁵. Но кредиты, отпускавшиеся хозяйственным организациям, использовались нерационально¹⁴⁶⁶.

Положение с разнообразием норм продовольственного снабжения дополнялось изменениями норм довольствия, в том числе в связи с неурожаями, сокращением отчислений из зарплаты спецпереселенцев, стремлениями экономить¹⁴⁶⁷. Еще одним способом сокращения дефицита продуктов питания стало снятие части спецпереселенцев с лесных работ, поскольку за этим следовало прекращение их снабжения по нормам рабочих¹⁴⁶⁸. Возможность приобретать причитавшиеся спецпереселенцам пайки в начале 1930-х гг. была ограничена из-за невыплат заработной платы (такая ситуация была особенно характерна для лесозаготовок), а также недостаточных поступлений продовольственных и промышленных товаров¹⁴⁶⁹.

В процессе хозяйственного освоения новых территорий, продовольственного кризиса в стране (порой перераставшего в голод) было невозможно в короткие сроки наладить удовлетворительную организацию снабжения спецпереселенцев. В начале 1930-х гг. при распределении продуктов

¹⁴⁶⁴ Бердинских В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 147–148.

¹⁴⁶⁵ Кириллов В. М. История репрессий... С. 134; Политические репрессии в Прикамье... С. 93–94.

¹⁴⁶⁶ Политбюро и крестьянство... С. 756.

¹⁴⁶⁷ Земсков В. Н. Указ. соч. С. 119–120.

¹⁴⁶⁸ Бердинских В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 150–151.

¹⁴⁶⁹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 212–213; Суслов А. Б. Указ. соч. С. 174–175, 181.

в первую очередь снабжались близлежащие лесозаготовительные участки, а отдаленным отправлялись остатки продовольствия, которых порой хватало только примерно десятой части спецпереселенцев¹⁴⁷⁰. Возможности ведения огородничества и организации сельскохозяйственных предприятий были ограничены. К тому же к концу 1930-х гг., в связи с указаниями центральных органов власти на приоритет занятости трудпоселенцев на производстве (хотя имели место случаи снятия рабочих на сенокос), сельскому хозяйству стало уделяться меньше внимания¹⁴⁷¹.

Как только имела место задержка выплаты заработной платы спецпереселенцев, уменьшались нормы снабжения (как в случае с Наркомлесом СССР в 1933 г.), или задерживались поставки продовольствия, ухудшалось продовольственное обеспечение, возникали экстремальные ситуации. В пищу шли несъедобные суррогаты, реже кошки, собаки и трупы павших животных, снижалась эффективность труда рабочих, увеличивался уровень преступности, заболеваемости и смертности¹⁴⁷². Неудовлетворительное продовольственное обеспечение в первые годы спецсылки стали основными причинами сокращения (смерти и побег) численности спецпереселенцев. Так, за 1932–1933 гг. из общего количества спецпереселенцев, переданных тресту «Западолес» Уральской области, 54 % людей были «утрачены», в том числе 28 % умерли, 26 % бежали¹⁴⁷³.

Власти периодически предпринимали карательные меры в отношении руководителей трестов и леспромхозов, уличенных в экономических преступлениях¹⁴⁷⁴. По постановлению Комиссии исполнения при СНК СССР от 17 ноября 1932 г. Народный комиссариат снабжения и Центролессекция должны ввести с 1 января 1933 г. карточную систему для продовольственного

¹⁴⁷⁰ Политбюро и крестьянство... С. 676.

¹⁴⁷¹ Игнатова Н. М. Развитие сельского хозяйства в спецпоселках Коми АССР... С. 94–96.

¹⁴⁷² Земсков В. Н. Указ. соч. С. 120; Политические репрессии в Прикамье... С. 120–122; Холодный дом России... С. 238.

¹⁴⁷³ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 735.

¹⁴⁷⁴ Красильников С. А. Режимные крестьяне... С. 413.

обеспечения спецпереселенцев¹⁴⁷⁵. С июля 1933 г., согласно постановлениям СТО и СНК СССР, спецпереселенцы стали получать нормы наряду с «вольнонаемными» рабочими, а члены их семей – нормы членов семей рабочих. 31 августа 1933 г. был принят совместный циркуляр ГУЛАГа и Наркомлеса СССР о продовольственном снабжении членов семей спецпереселенцев и спецпереселенцев-инвалидов. А 27 декабря 1933 г. Главное управление исправительно-трудовых учреждений издало приказ о порядке снабжения нетрудоспособных спецпереселенцев в Северном крае¹⁴⁷⁶.

Нормы для спецпереселенцев, занятых ручным трудом, согласно расчетам Северного краевого исполкома, составляли 2027 калорий в день (для нетрудоспособных членов семей – 1300 калорий)¹⁴⁷⁷. Однако они в большинстве случаев не соблюдались и были существенно меньше как для «вольнонаемных» работников, так и для ссыльных. Сказывались отраслевая специфика, отдаленность предприятий от крупных городов, сельскохозяйственных районов, организационно-экономические особенности продовольственного обеспечения.

В середине 1930-х гг. дневной паек на одного взрослого составлял 400 г ржаного хлеба (почти без всяких примесей), 50 г гороха, 25 г сахара. Это было примерно столько же, как и в первые годы ссылки¹⁴⁷⁸. Потребовалось несколько лет, чтобы организовать более-менее удовлетворительное продовольственное обеспечение спецпереселенцев (которое даже на протяжении второй половины 1930-х гг. во многом зависело от получаемых страной урожаев, особенностей распределения продовольствия и его доставки, политики партийно-государственных и хозяйственных органов). Сложности с продовольственным и вещевым обеспечением стали сопутствующей проблемой при организации

¹⁴⁷⁵ Бердинских В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 151.

¹⁴⁷⁶ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 734.

¹⁴⁷⁷ Бердинских В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе... С. 185–191.

¹⁴⁷⁸ Славко Т. И. Указ. соч. С. 92.

новых спецпоселков или при завозе новых контингентов спецпереселенцев, как это было в 1940 г.¹⁴⁷⁹

Продовольственное обеспечение стало одним из значимых «стимулов» принуждения к труду *заклученных* и одновременно системной проблемой лагерной экономики. Принимавшиеся нормы снабжения спецконтингента не выполнялись по причинам сбоев в доставке, дефицита, хищений, порчи товаров. В Архангельском отделении Северных лагерей особого назначения в 1929 г. вывели три нормы котлового довольствия (пайка): для заключенных, занятых на лесозаготовках, – «лесорубный» паек; для занятых на других видах работ – «трудовой» паек; «штрафной» паек. В «трудовом» и «штрафном» пайках по сравнению с «лесорубным» было меньше, к примеру, масла растительного (22 г вместо 35), мяса (137 и 68 г соответственно против 200 г) или рыбы (200 и 100 г вместо 300), пшена или фасоли (137 г против 200), гороха или чечевицы (137 г вместо 200), картофеля (935 г против 1340), сахара (17 и 0 г вместо 26) и т. д. На лесозаготовительных работах были выше и нормы хлебного довольствия – 800 г и до 400 г премиальных, тогда как заключенные, занятые на «обыкновенных физических работах», получали 600 г хлеба и 100 г премиальных, а «штрафной» паек включал в себя только 300 г хлеба¹⁴⁸⁰.

Согласно новым нормам питания и вещевого довольствия, введенным в системе ГУЛАГа НКВД СССР 14 августа 1939 г., градация норм питания для заключенных была расширена. Чтобы получать максимальное продовольственное обеспечение, необходимо было не только трудиться на основных производственных работах, но и выполнять норму выработки¹⁴⁸¹. На протяжении 1930-х гг. в исправительно-трудовых лагерях продовольственное обеспечение хотя и оставалось одним из стимулов к труду, но ассортимент товаров, их норма корректировались (или одни товары подменялись

¹⁴⁷⁹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 290–292; Наша малая родина... С. 202.

¹⁴⁸⁰ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 4... С. 321.

¹⁴⁸¹ Там же. С. 344, 355, 357.

другими¹⁴⁸²), качество ухудшалось¹⁴⁸³. Из-за этого возрастала заболеваемость и смертность заключенных.

Что касается получаемой работниками *заработной платы*, то ее значимость в плане приобретения продовольственных и промышленных товаров с каждым годом нивелировалась ростом цен и дефицитом товаров¹⁴⁸⁴. К тому же сеть магазинов в отдаленных от городов местностях была невелика. В середине 1930-х гг. произошли важные изменения в продовольственном обеспечении населения страны. С 1 января 1935 г. была разрешена свободная продажа хлеба, с 1 октября 1935 г. – мяса, рыбы, сахара, жиров и картофеля. В течение года цены в государственной и колхозной торговле снижались¹⁴⁸⁵.

Руководство предприятий проводило работу по выполнению постановлений высших органов власти. Лесозаготовительные организации должны были увеличить с 1 января 1935 г. ежесуточную выпечку хлеба примерно на 300 т, спустя месяц – более чем на 400 т, расширить торговую сеть магазинов товаров широкого потребления на 1 тыс. точек¹⁴⁸⁶. К примеру, в Краснокамске была ликвидирована система закрытых распределителей, появились магазины, специализировавшиеся в торговле рыбой, мясом, колбасными изделиями, консервами, напитками, кондитерскими изделиями¹⁴⁸⁷. Если судить по статистическим данным, то объемы торговли и ассортимент товаров в лесных поселках за годы первых пятилеток увеличились, их можно считать приемлемыми для отдаленных от крупных индустриальных центров районов, но объемы продаж техники и транспорта оставались незначительными¹⁴⁸⁸.

¹⁴⁸² Бердинских В. А. История одного лагеря... С. 32. Сокращение норм продовольственного и вещевого обеспечения заключенных являлось и одной из важнейших статей «экономии» в исправительно-трудовых лагерях, скрывавшей истинное положение дел с себестоимостью и объемом валовой продукции. Так, в 1940 г. Вятлаг «сэкономил» 2,95 млн. руб. на содержании спецконтингента.

¹⁴⁸³ Захарова Е. Рождение гиганта... С. 136–137; Смилингис А. Указ. соч. С. 70.

¹⁴⁸⁴ Результатом стало снижение общего уровня благосостояния населения, в том числе сокращение потребления продуктов питания, за годы первых пятилеток (из расчета на душу населения). Подробнее об этом: Белоусов А. Р. Указ. соч. С. 43; Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала... С. 168–169, 179–180; Продовольственная безопасность Урала в XX в... С. 294–295.

¹⁴⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р5467. Оп. 26. Д. 44. Л. 1.

¹⁴⁸⁶ Гайнер И. Указ. соч. С. 72.

¹⁴⁸⁷ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 3. Л. 239.

¹⁴⁸⁸ За новый подъем социалистического соревнования и стахановского движения на лесозаготовках... С. 3. К

Размещение лесозаготовительных и части предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины в отдаленных от городов и транспортных узлов районах требовало дальнейшего развития торговой сети. По плану на 1941 г. розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли по Наркомлесу СССР намечался в размере 3,07 млрд. руб. (1,6 % от показателя по стране, без учета прибалтийских республик). 70 % этой суммы приходилось на «Союзлеспродторг», 18 % – на «спецрозницу», 12 % – на столовые и рестораны¹⁴⁸⁹. Незначительные объемы товарооборота в отрасли свидетельствуют о более высокой значимости общественного питания и индивидуальных огородов в снабжении работников.

Основные проблемы государственной торговли: недостаточные объемы поступающих в магазины товаров, их порча и разворовывание в процессе транспорта и хранения, однообразный ассортимент, наличие «закрытых» распределителей – сохранялись. В сентябре 1938 г. в магазинах Краснокамска отсутствовали спички, рыбные и мясные товары, редко продавались консервы, колбасные изделия, овощи. Некоторые магазины прекратили торговлю или не соблюдали график работы из-за увольнений продавцов, передачи товаров в другие точки¹⁴⁹⁰. В тот же период Краснокамский торг не смог заготовить и положить на хранение необходимый объем картофеля, выполнив план менее чем на треть. Около 700 т товара было испорчено из-за заморозков и дождей¹⁴⁹¹.

Другим основным источником снабжения являлись *индивидуальные хозяйства*. Так, передача в начале 1930-х гг. крупных партий спецпереселенцев лесопромышленным предприятиям обусловила необходимость выделения участков под огороды и посеvy для обеспечения овощами и сеном. Эти процессы регулировались секретным постановлением СНК СССР от 16 августа 1931 г. № 174-с. Ответственные народные комиссариаты должны были также

примеру, в Вологодской области за 6 месяцев 1939 г. было реализовано (из расчета на одного лесного рабочего) товаров: рыбы – 31,7 кг, других жиров – 6 кг, конфет – 15,9 кг, тканей – 25 м, кожаной обуви – 2 пары. Скромнее смотрелись объемы продаж техники и транспорта. На 47 тыс. лесных рабочих области было реализовано 350 патефонов и 9300 патефонных пластинок, 70 швейных машин, 140 велосипедов.

¹⁴⁸⁹ Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год... С. 590.

¹⁴⁹⁰ Чевилев В магазинах Краснокамского торгога // Краснокамская звезда. 1938, 26 сентября. С. 2.

¹⁴⁹¹ Почему нет в магазинах картофеля // Краснокамская звезда. 1938, 24 октября. С. 2.

завезти в спецпоселки сельхозинвентарь и семена, передать спецпереселенцам 20 тыс. лошадей, 33 тыс. коров, 8,3 тыс. свиней и птицы на 150 тыс. руб. Бывшим «кулакам» разрешалось приобретать за свой счет или за счет специальных кредитов скот и птицу¹⁴⁹². Изучение архивных материалов показало, что спустя четыре-пять лет огородный участок стал обеспечивать спецпереселенческую семью урожаем на протяжении года. Труднее было тем переселенцам, которых переводили из других лесозаготовительных спецпоселков, закрывавшихся после разработки лесной базы.

В 1936 г. в рабочем поселке Верхотурского ЛЗ у 311 семей имелось 96 дойных коров, 157 коз, 99 свиней, 298 кур. поголовье домашнего скота увеличилось в 2,7 раза по сравнению с 1935 г.¹⁴⁹³ Однако были территории, где обеспеченность трудпоселенцев домашним скотом была на низком уровне. В 1934 г. Коми-Пермяцком округе в среднем на три семьи имелась одна корова и на 16 семей – лошадь, в Красновишерском районе на 60 семей – корова и на 181 – лошадь¹⁴⁹⁴. В поселках треста «Комилес» в 1936 г. в индивидуальном пользовании были только 360 голов скота, четыре отбракованные лошади¹⁴⁹⁵. Вести полноценное хозяйство, которое могло бы стать альтернативой государственному снабжению, в таких условиях было невозможно.

Итак, продовольственное обеспечение зависело как от работы сельского хозяйства, пищевой промышленности, транспорта, так и от политики партийно-государственных и хозяйственных органов, особенностей распределения товаров, взаимодействия местных, региональных, государственных предприятий и организаций, конкретных действий ответственных лиц. Развитие хозяйств (как заводских, так и индивидуальных) было ограничено нормативно-правовыми актами и природно-климатическими условиями северных и восточных районов страны. Продовольственное обеспечение играло роль стимула к труду (чем эффективнее труд, тем лучше питание) и

¹⁴⁹² Ивницкий Н. А. Указ. соч. С. 119–120.

¹⁴⁹³ АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 34; Д. 18. Л. 30.

¹⁴⁹⁴ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5... С. 212, 213, 736.

¹⁴⁹⁵ Красильников С. А. Режимные крестьяне... С. 414.

принуждения к труду (снижение норм выработки влекло уменьшение снабжения). В начале 1930-х гг. значение имело организованное снабжение продовольствием, однако во второй половине повысилась роль индивидуальных хозяйств и покупки товаров в магазинах, но значение заработной платы ограничивалось ростом цен и дефицитом товаров.

Подводя итоги, следует отметить, что лесопромышленный комплекс Советского Союза аккумулировал в начале 1930-х гг. труд около 1 млн. рабочих, а к концу десятилетия – уже около 1,5 млн. (вместе с другими категориями работников, а также с лесным хозяйством – около 2,5 млн.). Это составляло от 15 до 20 % трудовых ресурсов «крупной» промышленности страны. Противоречие между важностью лесной промышленности для индустриальной модернизации и более низким уровнем финансирования относительно других отраслей привело к консервации тяжелого ручного труда сотен тысяч людей, представленных постоянными и сезонными работниками, сельскими жителями, спецпереселенцами и заключенными. Социальный портрет работников вобрал черты и качества крестьянского и городского населения, характеризующегося разным уровнем притязаний, отношением к труду и жизни. Такое положение было во многом обусловлено традициями заготовки леса силами крестьянского населения, освоением лесных массивов Европейского Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока, где имелаась существенная нехватка трудовых ресурсов, стратегическим значением отрасли для модернизации, оборонного комплекса, экспорта. За первые пятилетки в лесопромышленном комплексе не удалось сформировать весомую группу постоянных работников.

Относительно лучшими социокультурными характеристиками работников, присущими раннеиндустриальной стадии модернизации, обладала бумажная промышленность. Этой отрасли были свойственны более высокий уровень постоянных кадров, работников с профессиональным образованием, насыщенность техникой и технологиями, более развитые система организации

труда и производственных отношений, жилищная и социально-бытовая инфраструктура поселений. Напротив, в сфере заготовки лесных ресурсов, где активно применялся труд сезонных рабочих, сельских жителей, спецпереселенцев и заключенных, доля постоянных кадров и работников с профессиональным образованием, стоимость производственных основных фондов и мощность двигателей в расчете на одного рабочего была низкой, инфраструктура – слаборазвитой.

Первые пятилетки существенным образом отразились на социокультурном облике работников. Часть работников сумела получить или повысить квалификацию, добиться продвижения по карьерной лестнице, участвовать в новом строительстве и освоении передовой техники и технологий. Однако для немалого количества людей политика советских партийно-государственных органов обернулась репрессиями, понижением социального статуса, укоренением негативного отношения к труду, нарушений и других форм асоциального поведения. Работники по-разному реагировали на мероприятия, направленные на повышение эффективности их труда: выбор пассивных форм неподчинения (работа «спустя рукава», безынициативность, мелкое воровство, невыходы по утрам и т. д.); стремление получить любую работу, чтобы выжить; стремление достичь благодаря имевшимся умениям и навыкам успехов (занять должность в административном или инженерно-техническом аппарате, стать квалифицированным работником или стахановцем).

Для повышения эффективности функционирования лесопромышленного комплекса необходимы систематическое обновление техники и технологий, улучшение организации и системы оплаты труда, формирование жилищно-бытовой инфраструктуры, решение продовольственной проблемы, внедрение стимулирующих методов и формирование социальной группы кадровых рабочих – профессионалов своего дела. В первые пятилетки эта работа была далека от завершения.

Заключение

В конце 1920-х – начале 1940-х гг. лесная промышленность играла важную роль в экономике Советского Союза. Она была ориентирована на выпуск продукции для удовлетворения потребностей промышленных предприятий, строительных отраслей, экспорта.

Пятилетние планы оказали мобилизующее влияние на социально-экономическое развитие страны и лесной промышленности в частности. Сформулированные в них направления, хотя и предполагали завышенные целевые ориентиры, характеризовались грамотной расстановкой акцентов на средне- и долгосрочную перспективу (освоение лесных массивов в северных и восточных районах, комплексное использование сырья, создание научно-технической базы и новых подотраслей). Решения и постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о работе лесной промышленности и ее подотраслей издавались ежегодно, являлись реакцией на возникавшие трудности и новые вызовы и приводили к уточнению, корректировке пятилетних планов. Оперативное управление способствовало ускоренной реализации отдельных проектов, выделению дополнительных средств или перераспределению имевшихся у ВСНХ, затем Наркомлеса ресурсов.

В результате реформы лесного хозяйства и лесной промышленности на рубеже 1920–1930-х гг. центральные хозяйственные ведомства усилили свою роль в отрасли. В контексте задач индустриальной модернизации страны, в силу слабого уровня развития механической обработки и глубокой переработки древесины эти изменения являлись целесообразными. Совершенствование организационной структуры хозяйственных ведомств и организаций, усиление оперативного контроля, превалирование государственных интересов над региональными, устранение ошибок, «вредителей» должны были способствовать достижению успехов в короткие сроки. Лесные массивы перешли в ведение нескольких лесопользователей (Наркомлеса, НКПС, НКТП, НКВД и др.). Это обусловило ведомственную разобщенность в

лесопромышленной деятельности, снижение эффективности управления лесной отраслью в целом, передачу предприятий и лесных баз «из рук в руки».

Невыполнение первых пятилетних планов лесной промышленностью было отражением общего состояния советской экономики и политики партийно-государственных органов и вызывалось завышенными заданиями, колебаниями вложений из-за смены экономических приоритетов, продолжительным строительством инфраструктуры, крупных предприятий и освоением их мощностей, сезонным характером заготовки и транспорта древесины. Специфика проявилась в реакциях партийно-государственных органов на ухудшение состояния лесов и рек (создание водоохранной зоны, запрет молевого сплава на ряде рек) и финансовые проблемы (повышение отпускных цен, введение попенной платы).

Модель лесопользования, сформированная в результате реформы лесного хозяйства и лесной промышленности, характеризовалась расточительностью (перерубы лесосек, неиспользование крупных объемов древесных отходов, слабый уровень развития глубокой переработки лесных ресурсов, высокий удельный вес древесины топливного назначения, преобладание ручного труда в сфере заготовки леса), но при этом крупными успехами. Среднегодовые темпы увеличения вывозки древесины, выпуска пиломатериалов, фанеры клееной, бумаги и картона составляли от 14 до 22 % за 1928–1940 гг., роста стоимости валовой продукции Наркомлеса СССР – 12,1 % за период с его образования в 1932 г. по 1940 г. (в ценах 1926/1927 г.). Эти показатели были результатом создания кадровой и технической базы лесной промышленности.

По итогам реализации трех пятилетних планов доля лесной промышленности в стоимости валовой продукции советской промышленности снизилась с 5,8 до около 4 %¹⁴⁹⁶, в том числе Наркомлеса – с 4,2 до 2,7 % за 1932–1940 гг., вследствие более высоких темпов развития машиностроения, металлургии, химии, энергетики и сокращения капитальных вложений в

¹⁴⁹⁶ Оценка за 1940 г. произведена на основе результатов деятельности союзных народных комиссариатов лесной, целлюлозной и бумажной промышленности, внутренних дел, черной металлургии, путей сообщения.

третьей пятилетке. На фоне уменьшения удельного веса лесной промышленности в стоимости валовой продукции в отрасли трудилась примерно одна шестая часть промышленных рабочих страны. Производительность труда рабочих лесной промышленности возросла за 1928–1940 гг. на две трети, но ее фактические значения были ниже, чем в ведущих индустриальных отраслях. Наиболее благоприятная ситуация сложилась в целлюлозно-бумажной подотрасли: рост производительности труда составил 230 %, с 6,15 тыс. до 14,15 тыс. руб. на одного рабочего. На лесозаготовках производительность труда увеличилась только на 11 %, до 2 тыс. руб. на одного рабочего. Рост объемов заготовки древесины достигался в первую очередь за счет привлечения большего числа рабочих. Такая ситуация была следствием незавершенности механизации производственных процессов, искусственного занижения цен на продукцию. В то же время Советский Союз в мировой лесной промышленности занимал первое-второе места в вывозке леса, производстве пиломатериалов и фанеры, экспортировал крупные объемы необработанной древесины, пиломатериалов и фанеры. Негативным моментом являлись минимальные показатели продажи за границу целлюлозно-бумажной продукции.

Ключевое противоречие в развитии лесной промышленности проявилось в слабом уровне глубокой переработки древесины по сравнению с ее заготовкой и механической обработкой – решить задачу комплексного использования лесных ресурсов не удалось. Даже в случае достижения показателей выпуска целлюлозно-бумажной продукции, установленных пятилетними планами, ситуация радикально не изменилась бы. Недооценка партийно-государственными органами и хозяйственными ведомствами новаций в этой сфере привела к форсированию строительства на рубеже 1930–1940-х гг. целлюлозных, гидролизных и сульфитно-спиртовых заводов, в том числе предприятий-дублеров на Европейском Севере и Урале.

К началу 1940-х гг. в лесной промышленности ведущую роль стали играть Европейский Север, Урал, Центральная Россия, Сибирь и Дальний Восток.

Освоение лесных массивов, строительство предприятий стимулировало развитие этих территорий, в том числе «фронтирных». В связи с трудностями освоения северных и восточных районов власти прибегали – наряду с привлечением вольнонаемных работников – к использованию труда спецпереселенцев и заключенных. Исследование в качестве модельных региональных лесопромышленных комплексов Европейского Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока показало, что задача комплексного лесопользования была реализована только в ряде административно-территориальных единиц (в Карелии, Архангельской, Ленинградской, Пермской, Свердловской, Горьковской областях). Несмотря на существовавшие планы строительства предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины, северные и восточные районы сохранили преимущественно сырьевую ориентацию.

Главное препятствие – отсутствие или низкий уровень транспортной инфраструктуры общего и специального назначения. К числу других преград, ограничивавших развитие отрасли, относились: отсутствие и недостаток сведений о лесах; низкий уровень развития научных исследований и конструкторско-технических разработок в области лесного хозяйства и лесной промышленности (особенно в плане новых отраслей и направлений производства и в части обеспечения условий для интенсификации лесопользования); недостаток финансовых и материальных ресурсов с одновременным распылением их по множеству проектов; сосредоточение ключевых управленческих функций в ведомствах союзного значения, концентрировавшихся в столице; дефицит трудовых ресурсов, необходимость создания для них с нуля жилищной и социально-бытовой инфраструктуры. В первую очередь осваивались лесные базы, тяготевшие к транспортным коммуникациям и сплавному путям. Имелись большие потери лесных ресурсов, из-за чего засорялись лесосеки и реки. Почти половина вывозившегося леса, в том числе высокого качества, использовалась в качестве топлива, лимитируя возможности развития сфер по механической обработке и глубокой

переработке древесины. В северных и восточных районах страны освоение лесов протекало более быстрыми темпами, чем создание производств по механической обработке и глубокой переработке древесины.

Механизация производственных процессов в сфере заготовки древесины не завершилась к началу 1940-х гг., к тому же слабо затронула такую значимую операцию, как трелевка, из-за недооценки партийно-государственными органами и хозяйственными ведомствами преимуществ новой техники и нехватки материальных ресурсов. Крупным успехом стало создание сети отраслевых научно-исследовательских институтов и машиностроительных предприятий. За короткий срок удалось освоить производство лесопильного оборудования, моторных пил, бумагоделательных машин и др. Однако сохранялась зависимость страны от импорта техники для глубокой переработки древесины, энергетического оборудования, контрольно-измерительной аппаратуры.

Было начато формирование постоянных кадров рабочих, вобравших черты крестьянского и городского населения с разным уровнем притязаний и отношением к труду и жизни. Заработная плата, награждения, предоставление жилья, снабжение, социальное обслуживание, образование, повышение квалификации не обеспечили в полной мере повышения производительности труда работников. Многие работы в лесной промышленности были связаны с тяжелым ручным трудом. В совокупности с заработной платой, остававшейся ниже по сравнению с другими индустриальными отраслями, неудовлетворительным жилищными, социально-бытовым обслуживанием, снабжением они способствовали высокой текучести рабочей силы. Реакцией партийно-государственных и хозяйственных органов стали мобилизационные кампании и репрессии.

Была создана сеть образовательных учреждений разного уровня, курсов, готовивших руководящие, инженерные и рабочие кадры для лесной промышленности. Несмотря на пополнение производственных коллективов специалистами со средним и высшим образованием, их удельный вес в

численности работников оставался низким. Важным явлением, способствовавшим повышению инициативности работников, их социального статуса, условий жизни, стало социалистическое соревнование. Ударничество, стахановское движение и другие мероприятия способствовали появлению слоя передовиков, сумевших добиться крупных успехов в отдельных видах деятельности и ставших известными в масштабах регионов, страны.

Анализ исторического опыта развития лесопромышленного комплекса Советского Союза в годы первых пятилеток показал, что подходы партийно-государственных, плановых и хозяйственных органов, научно-исследовательских учреждений к лесопромышленной деятельности следует признать верными, отражавшими как потребности индустриализации, так и мировые тенденции. Однако на практике сочетались внедрение передовой техники и технологий, идеологические, мобилизационные и репрессивные мероприятия. За 10–15 лет было невозможно добиться кардинальных структурных изменений в отрасли (особенно в части комплексного лесопользования, глубокой переработки древесины, механизации). В результате отрасль осталась на периферии структурно-технологического ядра индустриальной системы, и период первых пятилеток следует считать начальным этапом формирования лесопромышленного комплекса. Основная рекомендация, которую можно дать органам власти и хозяйствующим субъектам на основе проведенного исследования, заключается в необходимости повышения внимания к лесному хозяйству, глубокой проработки новых направлений механической обработки и глубокой переработки древесины, возможностей взаимодействия лесопромышленного комплекса с машиностроением, наукой, образованием. Только в этих условиях комплекс становится фактором устойчивого развития страны.

Список сокращений

АОАГОВ – Архивный отдел администрации городского округа
Верхотурский

АОАСГО – Архивный отдел администрации Серовского городского округа

АСГО – Архив Соликамского городского округа

АССР – автономная советская социалистическая республика

БФ – бумажная фабрика

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства

ВЦИК – Всесоюзный центральный исполнительный комитет

ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

ГАОО – Государственный архив Архангельской области

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАПК – Государственный архив Пермского края

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

Главлесохрана – Главное управление лесоохраны и лесонасаждений

Главлесоспирт – Главное управление сульфитно-спиртовой и гидролизной
промышленности

Губком – губернский комитет

ГУЛАГ – Главное управление лагерей

ДОК – деревообрабатывающий комбинат

Исполком – исполнительный комитет

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

Крайком – краевой комитет

ЛЗ – лесопильный завод

ЛК – лесной комбинат

ЛПХ – лесное промышленное хозяйство, леспромхоз

НАРК – Национальный архив Республики Карелия

Наркомбумпром – Народный комиссариат целлюлозной и бумажной промышленности

Наркомлес – Народный комиссариат лесной промышленности

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКПС – Народный комиссариат путей сообщения

НКТП – Народный комиссариат тяжелой промышленности

Обком – областной комитет

ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области

ОГПУ – Объединенное главное политическое управление

ПГАСПИ – Пермский государственный архив социально-политической истории

РГАНТД – Российский государственный архив научно-технической документации

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

РОССПЭН – Российская политическая энциклопедия

РСФСР – Российская советская федеративная социалистическая республика

СНК – Совет народных комиссаров

ССР – Советская социалистическая республика

СССР – Союз советских социалистических республик

СТО Совет труда и обороны

США – Соединенные штаты Америки

ф. м – фестметр, мера плотной древесины

ЦБК – целлюлозно-бумажный комбинат

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

ЦГАНТД СПб – Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

ЦИК – центральный исполнительный комитет

ЦК – центральный комитет

Список источников

Неопубликованные источники

Центральные архивы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. А-259 (Совет министров РСФСР).

Ф. А-314 (Главное управление коммунального хозяйства при Совете народных комиссаров РСФСР; Министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР).

Ф. Р3316 (Центральный исполнительный комитет СССР).

Ф. Р5446 (Совет министров СССР).

Ф. Р5467 (Центральные комитеты профессиональных союзов рабочих лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности).

Ф. Р9414 (Главное управление мест заключения (ГУМЗ) Министерства внутренних дел СССР).

2. Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД).

Ф. 163 (О. К. Гиллер).

3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 17 (Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС)).

4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

Ф. 67 (Научно-исследовательский институт по изучению экономики Севера (НИИЭС) при Главном управлении Северного морского пути).

Ф. 399 (Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР).

Ф. 1562 (Центральное статистическое управление при Совете министров СССР (ЦСУ СССР)).

Ф. 4372 (Государственный плановый комитет Совета министров СССР (Госплан СССР)).

Ф. 7637 (Министерство лесной промышленности СССР).

Ф. 7640 (Главное управление целлюлозной промышленности (Главцеллюлоза) Минбумдревпрома СССР).

Ф. 7758 (Главное управление лесной и бумажной промышленности (Главлесбум) ВСНХ СССР).

Ф. 8513 (Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР (Минбумдревпром СССР)).

Региональные архивы

5. Государственный архив Архангельской области (ГААО).

Ф. р-1683 (Архангельская промышленная академия им. В. В. Куйбышева).

6. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).

Ф. Р-1042 (Красноярский лесозаготовительный район Сибирского краевого лесопромышленного треста).

7. Государственный архив Пермского края (ГАПК).

Ф. р-1074 (Лесопромышленный комбинат «Уралзападолес»).

Ф. р-1086 (ОАО «Камский ЦБК «Кама»).

Ф. р-1541 (Краснокамская бумажная фабрика «Гознак»).

8. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. р-1517 (Уральский государственный трест лесной, лесохимической, бумажной и деревообрабатывающей промышленности (Ураллес)).

Ф. р-1518 (Уральское государственное всесоюзное объединение лесной промышленности и лесного хозяйства ВСНХ СССР (Ураллеспром)).

Ф. р-2030 (Свердловский государственный лесопромышленный комбинат «Свердлес»).

9. Национальный архив Республики Карелия (НАРК).

Ф. Р-571 (Управление строительства Кондопожской ГЭС и бумажной фабрики (1923–1937 гг.)).

10. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).

Ф. Р-493 (Челябинский областной лесохимический промысловый союз Совета лесопромышленной кооперации РСФСР).

Ф. Р-685 (Челябинский лесной транспортный трест Всесоюзного объединения лесного хозяйства и деревообделочных предприятий железнодорожного транспорта Народного комиссариата путей сообщения СССР).

11. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПГАСПИ).

Ф. 1 (Пермский горком КПСС).

Ф. 59 (Березниковский ГК КПСС).

Ф. 105 (Пермский обком КПСС).

Ф. 6838 (Субботин Борис Федорович).

Ф. 8043 (Коллекция фотодокументов архива).

12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

Ф. Р-47 (Первичная организация КПСС Ленинградской лесотехнической академии им. С. М. Кирова).

13. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб).

Ф. Фотодокументы.

14. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб).

Ф. Р-48 (Акционерное общество открытого типа «Гипробум» (АООТ «Гипробум»)).

Ф. Р-84 (Акционерное общество закрытого типа «Центральный научно-исследовательский институт фанеры»).

Ф. Р-303 (Всесоюзный научно-исследовательский институт целлюлозной и бумажной промышленности (ВНИИБ) Министерства целлюлозно-бумажной промышленности СССР).

15. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Ф. Р-1666 (Ленинградский завод бумагоделательных машин им. 2-й пятилетки Главного управления целлюлозно-бумажного машиностроения Министерства химического и нефтяного машиностроения СССР).

16. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

Ф. 1043 (Первичная партийная организация Уральского государственного треста целлюлозно-бумажной промышленности, Ленинский район г. Свердловск (парторганизация «Уралбумтреста»)).

Ф. 1238 (Свердловский обком профсоюза рабочих леса и сплава).

Местные архивы

17. Архив Соликамского городского округа (АСГО).

Ф. 130 (ОАО «Соликамскбумпром»).

18. Архивный отдел администрации городского округа Верхотурский (АОАГОВ).

Ф. 56 (Верхотурский ЛЗ).

19. Архивный отдел администрации Серовского городского округа (АОАСГО).

Ф. р-325 (Сосьвинский ДОК).

Ф. р-482 (ОАО «Черноярский лесозавод»).

Опубликованные источники

20. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. – М.; Л. : Государственное изд-во, 1928. – 1416 с.

21. XVI конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. – М.; Л. : Государственное изд-во, 1929. – 336 с.

22. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. – М.; Л. : Государственное изд-во, 1930. – 1416 с.

23. XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. – М. : Партийное изд-во, 1932. – 296 с.
24. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. – М. : Партиздат, 1934. – 716 с.
25. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. – М. : ОГИЗ, Государственное изд-во политической литературы, 1939. – 742 с.
26. Ангарская лесная экспедиция 1931 г. – Часть 1. Васильев Я. Я. Леса и лесовозобновление в районах Братска, Илимска и Усть-Кута / под ред. В. Н. Сукачева. – Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1933. – 111 с.
27. Архангельский Север в документах истории (с 1917 по 1945 годы) : хрестоматия. – В 2 т. / под общ. ред. А. А. Куратова. – Архангельск : САФУ, 2015. – Т. 1. – 356 с.
28. Бюллетень Народного комиссариата лесной промышленности СССР. – 1937. – № 26. – 8 с.
29. Бюллетень Народного комиссариата лесной промышленности СССР. – 1937. – № 27. – 8 с.
30. В буднях великих строек. Трудящиеся Прикамья в борьбе за индустриализацию народного хозяйства (1926–1937 гг.). Сб. док. и мат. – Пермь : Пермское книжное изд-во, 1977. – 262 с.
31. Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932 : Сб. док. / Сост. С. А. Красильников, Т. Н. Осташко, Л. С. Пащенко, Л. И. Пыстина. – Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 360 с.
32. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). – Т. 1. – М. : Издание Госплана СССР, 1934. – 740 с.
33. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). – Свердловск : Уралплан, 1927. – 728 с.

34. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. – Пермь : Здравствуй, 1998. – 320 с.
35. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. – Часть 6, том 1. – Пермь : Пермское книжное изд-во, 2008. – 356 с.
36. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. – Часть 6, том 3. – Пермь : Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2011. – 412 с.
37. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. – Часть 6, том 4. Пермь : Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2012. – 372 с.
38. Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год (Приложения к постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 127 от 17 января 1941 г.). – М. : [Б. и.], 1941. – 746 с.
39. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. – М. : МФД, 2000. – 888 с.
40. Декреты Советской власти. – Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М. : Государственное изд-во политической литературы, 1959. – 686 с.
41. Дело антисоветского «право-троцкистского блока» // Вышинский А. Я. Судебные речи. – М. : Госюриздат, 1955. – Режим доступа : <http://istmat.info/node/31282>.
42. Деятельность государства по охране лесов в 1917–1929 гг. : сб. док. / сост. М. О. Тяпкин. – Электронные данные. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2017. – 316 с. – 1 электрон. опт. диск (DVD).
43. Из истории уральской промышленности 30-х гг. XX века // Архивы Урала. – 2007. – № 11. – С. 131–146.
44. Изгнанники в своей стране: письма из советской ссылки 1920–1930-х гг.: по документам фонда «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» / сост. О. Л. Милова ; отв. ред. С. В. Чешко. – М. : Наука, 2008. – 552 с.

45. История индустриализации Урала (1926–1932 гг.) / под ред. В. Н. Зуйкова (гл. ред.), В. В. Фельдмана, И. И. Бабикова. – Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1967. – 595 с.
46. История индустриализации Урала : док. и мат. 1933–1937. – Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1983. – 366 с.
47. Индустриализация СССР. 1929–1932 гг. : Док. и мат. / отв. ред. В. Е. Полетаев. – М. : Наука, 1970. – 635 с.
48. Индустриализация СССР. 1933–1937 гг. Док. и мат. / отв. ред. М. И. Хлусов. – М. : Наука, 1971. – 654 с.
49. Индустриализация СССР. 1938–1941 гг. : Сб. мат. и док. – М. : Наука, 1972. – 423 с.
50. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : Собрание документов в 7-ми томах. – Т. 2. Карательная система: структура и кадры / отв. ред. и сост. Н. В. Петров ; отв. сост. Н. И. Владимирцев. – М. : Российская политическая энциклопедия (далее везде – РОССПЭН), 2004. – 696 с.
51. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : Собрание документов в 7-ми томах. – Т. 3. Экономика Гулага / отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. – М. : РОССПЭН, 2004. – 624 с.
52. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : Собрание документов в 7-ми томах. – Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания / отв. ред. А. Б. Безбородов, В. М. Хрусталева ; сост. И. В. Безбородова (отв. сост.), В. М. Хрусталева. – М. : РОССПЭН, 2004. – 624 с.
53. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : Собрание документов в 7-ми томах. – Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. – М. : РОССПЭН, 2004. – 824 с.
54. Кабаков пишет Сталину // Архивы Урала. – 2007. – № 11. – С. 193–197.

55. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Изд. 9-е, доп. и испр. – Т. 5. 1929–1932 / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – М. : Изд-во политической литературы, 1984. – 446 с.

56. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Изд. 9-е, доп. и испр. – Т. 6. 1933–1937 / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – М. : Изд-во политической литературы, 1985. – 431 с.

57. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Изд. 9-е, доп. и испр. – Т. 7. 1938–1945. – М. : Изд-во политической литературы, 1985. – 574 с.

58. Контрольные цифры промышленности на 1929/30 г. : Материалы к докладу ВСНХ СССР Госплану СССР. – М. : Государственное техническое изд-во, 1929. – 151 с.

59. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Ч. 2. – М. : Государственное изд-во политической литературы, 1953. – 1204 с.

60. Крумин, Г. И. Итоги первой пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 год (дополненная стенограмма доклада на объединенном пленуме Обкома и ОблКК ВКП(б) 22 января 1933 г.) / Г. И. Крумин. – М.; Свердловск : Партийное изд-во, Уральское областное отделение, 1933. – 47 с.

61. Куйбышев, В. Итоги борьбы за техническую реконструкцию народного хозяйства. 8 января 1933 г. / В. Куйбышев // Материалы объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Январь 1933 г. – Л. : Ленпартиздат, 1933. – С. 64–95.

62. Ленин, В. И. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – Т. 42. – М. : Изд-во политической литературы, 1970. – С. 91–117.

63. Лесной кодекс РСФСР с объяснениями и толкованиями / сост. В. С. Колонтаев ; под ред. А. И. Шульца. – М. : Новая деревня, 1924. – 163 с.

64. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина : Документы и комментарии / сост. В. Н. Хаустов. – М. : МФД, 2011. – 528 с.

65. Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Задачи бумажной промышленности в области технологии во второй пятилетке (тезисы к докладу т. Ковалевского). – М. : Государственное лесное техническое изд-во, 1932. – 15 с.

66. Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Комбинирование на базе отходов в лесоперерабатывающих предприятиях (тезисы к докладу т. Вольфейль). – М. : Государственное лесное техническое изд-во, 1932. – 8 с.

67. Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Научно-исследовательская работа во второй пятилетке в области лесоводства (тезисы к докладу т. Покалюк). – М. : Государственное лесное техническое изд-во, 1932. – 13 с.

68. Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Научно-исследовательские работы по водному лесотранспорту (тезисы к докладу т. Смараглова). – М. : Государственное лесное техническое изд-во, 1932. – 8 с.

69. Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Новые производства в деревообрабатывающей промышленности и принципы их комбинирования (тезисы к докладу т. Баранова). – М. : Государственное лесное техническое изд-во, 1932. – 18 с.

70. Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937).

Перевалочные базы (тезисы к докладу т. Колечицкого). – М. : Государственное лесное техническое изд-во, 1932. – 12 с.

71. Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Реконструкция действующих предприятий и новое строительство целлюлозно-бумажной промышленности в годы второй пятилетки (тезисы к докладу т. Альтгаузен). – М. : Государственное лесное техническое изд-во, 1932. – 12 с.

72. Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Реконструкция существующих предприятий деревообрабатывающей промышленности на основе специализации и кооперирования (тезисы к докладу т. Лобанова). – М. : Государственное лесное техническое изд-во, 1932. – 16 с.

73. Материалы к I всесоюзной конференции по технической реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии (1933–1937). Типы станков, подлежащих освоению во второй пятилетке, для нужд лесобрабатывающей промышленности (тезисы к докладу т. Войтинского). – М. : Государственное лесное техническое изд-во, 1932. – 23 с.

74. Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. – Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. – 764 с.

75. Мурашко, П. Б. Социалистический Краснокамск. Проект планировки и строительства / П. Б. Мурашко // «Краснокамск: интеграция в будущее». Мат. всероссийской конф. «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?». – Пермь : Литер-А, 2013. – С. 129–139.

76. Народное хозяйство Карелии. 1926 – июнь 1941 г. : Док. и мат. / науч. ред. Л. И. Вавулинская. – Петрозаводск : Карелия, 1991. – 238 с.

77. Народнохозяйственный план на 1935 год. – 2-е изд. – М. : Издание Госплана СССР, 1935. – 942 с.

78. Народнохозяйственный план на 1936 год. – 2-е изд. – М.: Издание Госплана СССР, 1936. – 633 с.

79. Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. – М. : Издание Госплана СССР, 1937. – 177 с.
80. Народнохозяйственный план СССР на 1931 год (контрольные цифры). Доклад Госплана СССР Совету народных комиссаров СССР. – М.; Л. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. – 287 с.
81. Наша малая родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991 / сост. В. И. Баяндин, В. А. Ильиных, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов и др. – Новосибирск : Экор, 1997. – 768 с.
82. О договорах с колхозами для лесозаготовок и сплава // Правда. – 1936, 4 марта. – С. 2.
83. О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта. Доклад тов. Маленкова // Плановое хозяйство. – 1941. – № 3. – С. 3–27.
84. О плане по промышленности Наркомлеса СССР на 1938 год и мероприятиях по его осуществлению. Приказ по Народному Комиссариату Лесной Промышленности СССР. Москва, № 202, 26 февраля 1938 г. // Лесная промышленность. – 1938, 1 марта. – С. 3–4.
85. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году. Государственный доклад. – М. : Минприроды России ; МГУ имени М. В. Ломоносова, 2023. – 686 с.
86. Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие (1928/29–1932/33 гг.). Приложение к III тому пятилетнего плана народнохозяйственного строительства СССР. – М. : Плановое хозяйство, 1929. – 72 с.
87. Основные линии развития хозяйства Нижегородского края во втором пятилетии (1933–1937). – 2-е изд., испр. – Нижний Новгород : Нижегородская краевая плановая комиссия, 1932. – 143 с.
88. Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14–17 ноября 1935 г. Стенографический отчет. – М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – 381 с.

89. Пермская область накануне Великой Отечественной войны : Сб. док. / сост. В. Г. Светлаков. – Пермь : Пушка, 2005. – 288 с.
90. Пермский край в Великой Отечественной войне. Сб. док. – Пермь : Пермский государственный архив социально-политической истории, 2018. – 512 с.
91. Перспективный план развития бумажной промышленности (1925/26–1929/30 оп. г.). – М. : Бюро съездов представителей бумажной промышленности при ВСНХ СССР, 1925. – 83 с.
92. Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. – М. : РОССПЭН, 2002. – 528 с.
93. План электрификации РСФСР. Доклад 8-му Съезду Советов государственной комиссии по электрификации России. – 2-е изд. – М. : Государственное изд-во политической литературы, 1955. – 660 с.
94. Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности. Сб. док. / под общ. ред. О. Б. Мозохина. – Т. 1. – М. : Родина МЕДИА, 2014. – 544 с.
95. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 / отв. ред. Н. Н. Покровский, В. П. Данилов, С. А. Красильников, Л. Виола. – М. : РОССПЭН, 2006. – Кн. 2. – 1120 с.
96. Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг. : Сб. док. и мат. – Пермь : Пушка, 2004. – 560 с.
97. Постановление комиссии исполнения при СНК СССР «О работе Народного комиссариата лесной промышленности по заготовке и вывозке леса». 11 марта 1933 г. – Режим доступа : <http://istmat.info/node/36009>.
98. Постановление СНК СССР «Об организационной структуре Народного комиссариата целлюлозной и бумажной промышленности, 15 августа 1940 г.» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1940 год. – М. : [Б. и.], 1944. – С. 746–749.

99. Постановление СНК СССР «Об утверждении Положения о Главном управлении сульфитно-спиртовой и гидролизной промышленности при Совете народных комиссаров Союза ССР, 2 августа 1940 г.» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1940 год. – М. : [Б. и.], 1944. – С. 713–717.
100. Постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации Народного комиссариата лесной промышленности и его местных органов». 19 сентября 1934 г. – Режим доступа : <http://istmat.info/node/41847>.
101. Продовольственная безопасность Урала в XX в. Док. и мат. – Т. 2 / под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. – Екатеринбург : Академкнига, 2000. – 456 с.
102. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. – Т. 1. Сводный обзор. – Изд. 3-е. – М. : Плановое хозяйство, 1930. – 165 с.
103. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. – Т. 2. Ч. 1. Строительная и производственная программа плана. – Изд. 3-е. – М. : Плановое хозяйство, 1930. – 486 с.
104. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. – Т. 2. Ч. 2. Социальные проблемы распределения. Труд и культура. – Изд. 3-е. – М. : Плановое хозяйство, 1930. – 418 с.
105. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. – Т. 3. Районный разрез плана. – Изд. 3-е. – М. : Плановое хозяйство, 1930. – 606 с.
106. Резолюции совещания директоров леспромхозов и лестрансхозов Северного края 1–5 августа 1934 года. – Архангельск : Издание Уполнаркомлеса, 1934. – 26 с.
107. Репрессии в Архангельске: 1937–1938. Док. и мат. / под общ. ред. Р. А. Ханталины. – Архангельск : Изд-во Поморского государственного университета, 1999. – 272 с.
108. Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг. : Сб. док. и мат. / сост. В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. – Петрозаводск : [Б. и.], 2005. – 442 с.

109. Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). – М. : Госпланиздат, 1939. – 240 с.

110. Труды I Всесоюзной конференции по реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии 1933–1937. Выпуск IV. – М. : Гослестехиздат, 1933. – 85 с.

111. Филиппович Проблемы лесохимии / Филиппович // Труды первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Союза ССР. – Т. IV. Урало-Кузнецкий комбинат / под общ. ред. А. Г. Гайстера. – М. : Изд-во Общества изучения Советской Азии, 1933. – С. 277–284.

112. Холодный дом России: документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера / ред.-сост. С. И. Шубин. – Архангельск : Изд-во Поморского педагогического университета им. М. В. Ломоносова, 1996. – 320 с.

113. Экология и власть. 1917–1990. Документы / под ред. академика А. Н. Яковлева ; сост. В. И. Пономарева и др. – М. : МФД, 1999. – 432 с.

Статистические материалы

114. 20 лет Советской власти. Стат. сб. (Цифровой материал для пропагандистов). – М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. – 110 с.

115. Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика. Ежегодник. 1932–1933. – Петрозаводск : Союзоргучет, 1934. – 212 с.

116. Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 г. – М. : Власть Советов, 1934. – 350 с.

117. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник : Стат. сб. – М. : Росстат, 2020. – 299 с.

118. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Общие итоги. Сб. док. и мат. – М. : РОССПЭН, 2007. – 320 с.

119. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность городского населения СССР по городским поселениям и внутригородским районам. – Режим доступа : http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_3.php.

120. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. – М. : Наука, 1992. – 256 с.
121. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион : Сб. мат. / сост. В. П. Мотрович. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 372 с.
122. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. сб. – М. : Статкомитет СНГ, 2020. – 152 с.
123. Капиталистические страны в 1913, 1920–1930 гг. Стат. сб. – Т. 1. – М. : Плановое хозяйство, 1937. – 549 с.
124. Народное хозяйство в Свердловской области в 1939–1941 гг. – Свердловск : [Б. и.], 1941. – 206 с.
125. Народное хозяйство Молотовской области : Стат. сб. – Молотов : Молотовское книжное изд-во, 1957. – 200 с.
126. Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный стат. ежегодник. – М. : Статистика, 1972. – 847 с.
127. Народное хозяйство СССР. 1922–1982 гг. Юбилейный стат. ежегодник. – М. : Финансы и статистика, 1982. – 624 с.
128. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : Стат. сб. – М. : Информационно-издательский центр, 1990. – 235 с.
129. Народное хозяйство СССР в цифрах (1860–1938 гг.) / сост. И. Голубничий ; под ред. П. Петрова. – М. : Московский рабочий, 1940. – 119 с.
130. Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный стат. ежегодник. – М. : Статистика, 1977. – 711 с.
131. Промышленность СССР. Стат. сб. – М. : Государственное статистическое изд-во, 1957. – 446 с.
132. Промышленность СССР. Стат. сб. – М. : Статистика, 1964. – 495 с.
133. Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.) : Стат. сб. – М. ; Л. : Госпланиздат, 1939. – 206 с.

134. Социалистическое строительство СССР. Изоальбом. – М. : Всесоюзный институт изобразительной статистики (Изостат) ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. – 219 с.
135. Социалистическое строительство СССР : Стат. ежегодник. – М. : Союзоргучет, 1934. – 496, 128 с.
136. Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. – М. : ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. – 690 с.
137. Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. – М. : ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. – 698 с.
138. Страна Советов за 50 лет. Сб. стат. мат. – М. : Статистика, 1967. – 352 с.
139. Хозяйство Свердловской области 1935–1936. Основные показатели. От первого ко второму чрезвычайному Съезду советов Свердловской области. – Свердловск : Издание Свердловского ОблУНХУ, 1936. – 229 с.
140. Численность населения СССР на 17 января 1939 г. по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. – М. : Госпланиздат, 1941. – 266 с.

Мемуары

141. Бушманов, В. К. Испытание временем / В. К. Бушманов. – Пермь : Книжное изд-во, 1981. – 157 с.
142. Дворжецкий, В. Я. Пути больших этапов: Записки актера / В. Я. Дворжецкий. – М. : Возвращение, 1994. – Режим доступа : <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=6379>.
143. Павел Петрович Бажов. Письма. 1911–1950 / сост. Г. А. Григорьев, Л. С. Григорьева ; науч. ред. М. А. Литовская. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. – 688 с.
144. Саушкин, М. И. Муки невинно обреченных: Автобиографическая повесть / М. И. Саушкин. – Чапаевск : ЧИПО, 1997. – 487 с.

145. Твардовский, И. Т. Родина и чужбина: Книга жизни / И. Т. Твардовский. – Смоленск : Посох ; Русич, 1996. – 351 с.

146. Шаламов, В. Т. Вишера: Антироман / В. Т. Шаламов ; сост. И. П. Сиротинская. – М. : Книга, 1989. – 59 с.

Фотоальбомы

147. Балахнинскому бумкомбинату – 90 лет! История в фотографиях / авт.-сост. В. Казаков, А. Моисеев. – Балахна : Волга, 2018. – 91 с.

148. Так начиналась легенда... / Группа компания «Кама». – Краснокамск : [Б. и.], 2021. – 80 с.

149. Форпост Игарка / сост. О. П. Ермакова. – Красноярск : КАСС, 2019. – 216 с.

150. Хрупкая летопись: фотоальбом. Из фондов Архивного отдела администрации Красновишерского муниципального района. – Пермь : Литер-А, 2012. – 192 с.

Периодическая печать

151. 6385 кубометров в смену // Правда Севера. – 1935, 3 октября. – С. 1.

152. Администрация и цехкомитеты укрывают прогульщиков // Лесная промышленность. – 1933, 5 января. – С. 3.

153. Алексеев, С. Директор Горячев // Краснокамская звезда. – 1998, 22 января. – С. 3.

154. Б., В. Обеспечить район медицинскими кадрами / В. Б. // Краснокамская звезда. – 1939, 18 мая. – С. 2.

155. Баранов Враг сутолоки и обезлички / Баранов // Правда Севера. – 1935, 4 сентября. – С. 3.

156. Бокс и французская борьба в лесном институте // Правда Севера. – 1935, 12 сентября. – С. 4.

157. Больше заботы о жилищах для трудящихся (из писем рабкоров) // Краснокамская звезда. – 1938, 24 октября. – С. 2.

158. Бусовиков Преступное нарушение законов о труде / Бусовиков // Краснокамская звезда. – 1938, 10 июля. – С. 2.
159. Бывалов Лесная биржа бумкомбината не готова к приему и выгрузке древесины / Бывалов // Краснокамская звезда. – 1939, 24 мая. – С. 2.
160. В. Концерты артистов эстрады / В. // Краснокамская звезда. – 1938, 4 сентября. – С. 2.
161. В., Г. 113 рабочих лесной промышленности – участники спартакиады / Г. В. // Лесная промышленность. – 1935, 3 августа. – С. 4.
162. В., И. Концертный сезон / И. В. // Краснокамская звезда. – 1938, 12 октября. – С. 4.
163. В Наркомлесе // Лесная промышленность. – 1937, 3 июля. – С. 4.
164. Виноградов, К. Хозяин рамы / К. Виноградов // Правда Севера. – 1935, 12 сентября. – С. 3.
165. Вопросы лесной промышленности в связи со стахановским движением. Доклад товарища С. Лобова на заседании пленума ЦК ВКП(б) 22 декабря 1935 г. // Тихоокеанская звезда. – 1936, 4 января. – С. 2–3.
166. Ворыгин, В. Больной завод / В. Ворыгин // Правда. – 1936, 16 августа. – С. 4.
167. Воспитанник партии Ленина-Сталина // Сталинец. – 1937, 18 ноября. – С. 3.
168. Вперед, к новым победам! // Сегежский бумажник. – 1941, 1 января. – С. 1.
169. Выше бдительности в борьбе с пожарами // Лесная промышленность. – 1937, 3 июля. – С. 3.
170. Г., И. Звучник / И. Г. // Правда Севера. – 1935, 20 октября. – С. 3.
171. Гаухман, Я. Боевая задача бумажников – дать 550 тыс. тонн бумаги в 1933 г. / Я. Гаухман // Лесная промышленность. – 1933, 6 января. – С. 2.
172. Горохов К первому выпуску дать 201 инженера лесной промышленности – почетная задача АЛТИ / Горохов // Наш темп. – 1932, 16 марта. – С. 1.

173. Дальний Восток недопустимо отстал // Тихоокеанская звезда. – 1930, 11 января. – С. 2.
174. Е., К. В стороне от массовой работы / К. Е. // Краснокамская звезда. – 1938, 16 июля. – С. 2.
175. Елохов Отличники школы взрослых / Елохов // Краснокамская звезда. – 1938, 8 июля. – С. 2.
176. Жоголев, В. Г. Учить уроки строительства 1938 года / В. Г. Жоголев, Ф. И. Ожегов // Краснокамская звезда. – 1939, 30 января. – С. 3.
177. За культурное жилище в лесу // Правда Севера. – 1935, 10 сентября. – С. 1.
178. За новый подъем социалистического соревнования и стахановского движения на лесозаготовках. Доклад секретаря обкома ВКП(б) тов. П. Т. Комарова на совещании стахановцев лесной промышленности // Красный Север. – 1939, 10 октября. – С. 2–3.
179. За образцовую культуру на производстве // Краснокамская звезда. – 1938, 6 августа. – С. 1.
180. Заякин, Ф. А. До конца изживем прогулы и опоздания / Ф. А. Заякин // Краснокамская звезда. – 1939, 6 января. – С. 2.
181. Зеленин Барак требует ремонта / Зеленин, Трошев // Краснокамская звезда. – 1938, 28 июня. – С. 2.
182. Зеленин, М. И. Одно из многих таких общежитий / М. И. Зеленин // Краснокамская звезда. – 1939, 12 января. – С. 4.
183. Иванов, В. Повысить качество клубной работы / В. Иванов // Краснокамская звезда. – 1938, 6 октября. – С. 3.
184. Ивановский Безотрадная картина / Ивановский // Правда Севера. – 1935, 4 октября. – С. 2.
185. Камский бумкомбинат должен выполнять план // Краснокамская звезда. – 1939, 20 мая. – С. 1.
186. Кинотеатр возобновляет работу // Краснокамская звезда. – 1938, 30 июля. – С. 2.

187. Кирсанова Е. Краснокамск – социалистический город / Е. Кирсанова, Н. Цветкова // Краснокамская звезда. – 1939, 5 декабря. – С. 3.
188. Колесов Приостановить разрушение завода / Колесов // Лесная промышленность. – 1935, 5 августа. – С. 3.
189. Комсомолец Кувшинников поставил рекорд распиловки // Правда Севера. – 1935, 20 октября. – С. 3.
190. Комсомольцы АЛТИ! // Наш темп. – 1932, 17 ноября. – С. 2.
191. Кононов, А. Е. Не следят за чистотой / А. Е. Кононов // Краснокамская звезда. – 1939, 16 января. – С. 2.
192. Краснокамск – новый город // Краснокамская звезда. – 1938, 14 октября. – С. 1.
193. Крупная победа рабочих лесозаводов Архангельска // Правда Севера. – 1935, 3 сентября. – С. 1.
194. Кутейников Устьявеныгские ухабы / Кутейников // Правда Севера. – 1935, 5 сентября. – С. 3.
195. Л., И. Районное собрание партийного актива / И. Л. // Краснокамская звезда. – 1939, 17 января. – С. 2.
196. Лапин, Н. А. Когда же отоплят мою квартиру / Н. А. Лапин // Краснокамская звезда. – 1939, 8 января. – С. 2.
197. Лалетин, А. Скорость / А. Лалетин // Звезда. – 1941, 2 февраля. – С. 3.
198. Лесная промышленность ДВК и стахановское движение. Доклад начальника Главдальлеспрома тов. Гербека // Тихоокеанская звезда. – 1936, 24 января. – С. 1.
199. Лесной, А. 2. Управляющий устал / А. Лесной // Лесная промышленность. – 1935, 1 августа. – С. 4.
200. Лесозаготовки под ударом // Тихоокеанская звезда. – 1930, 11 января. – С. 1.
201. Ликвидировать позорное отставание на стройках // Краснокамская звезда. – 1938, 4 июня. – С. 1.

202. Лужбинин, М. Ошибки Березниковского леспромхоза / М. Лужбинин // Правда Севера. – 1935, 8 октября. – С. 3.
203. Лукьянов, И. Программу 1941 г. выполним с честью / И. Лукьянов // Звезда. – 1941, 7 января. – С. 1.
204. Ляховская В 1933 году в Краснокамске была всего одна машина, зато целых две бани / Ляховская // Краснокамская звезда. – 1998, 24 января. – С. 6.
205. Малыгин, А. Количество прогулов резко сократилось / А. Малыгин // Краснокамская звезда. – 1939, 8 января. – С. 1.
206. Медников Учителя школы № 2 не имеют квартир / Медников // Краснокамская звезда. – 1938, 30 сентября. – С. 2.
207. Могильщики деревянных трубопроводов // Лесная промышленность. – 1937, 3 июля. – С. 3.
208. Мой опыт работы на валке леса // Звезда. – 1941, 8 января. – С. 3.
209. Молевой Темп заготовок явно недостаточен / Молевой // Тихоокеанская звезда. – 1930, 7 января. – С. 3.
210. Мотовоз на узкоколейке // Лесная промышленность. – 1933, 8 января. – С. 4.
211. Мы готовы к встрече караванки // Правда Севера. – 1935, 9 октября. – С. 3.
212. Н., С. Фанерный завод на соревновании / С. Н. // Тихоокеанская звезда. – 1930, 3 января. – С. 3.
213. На Семигороднем не готовятся // Правда Севера. – 1935, 18 октября. – С. 3.
214. На строительстве все по-прежнему // Краснокамская звезда. – 1938, 26 октября. – С. 2.
215. Награждение стахановцев лесозаготовок // Звезда. – 1941, 30 января. – С. 4.
216. Не ослаблять борьбы за дисциплину на производстве // Краснокамская звезда. – 1939, 24 мая. – С. 1.

217. Ничунаев Еще раз о вентиляции / Ничунаев // Краснокамская звезда. – 1938, 18 августа. – С. 4.
218. Новые тротуары, уличное освещение // Краснокамская звезда. – 1938, 14 сентября. – С. 2.
219. Объявление // Краснокамская звезда. – 1938, 22 августа. – С. 2.
220. Объявление // Тихоокеанская звезда. – 1930, 18 января. – С. 4.
221. Ожегов Позорные показатели / Ожегов // Краснокамская звезда. – 1938, 30 июля. – С. 2.
222. Орлов Жильцы одного дома / Орлов // Краснокамская звезда. – 1939, 1 января. – С. 3.
223. О стахановском движении в Северном крае // Правда. – 1936, 12 апреля. – С. 3.
224. Отдых трудящихся Краснокамска // Краснокамская звезда. – 1938, 5 декабря. – С. 4.
225. Отцевич, И. Плохие руководители / И. Отцевич // Правда Севера. – 1935, 6 сентября. – С. 3.
226. П., М. «Бери, что дают» / М. П. // Лесная промышленность. – 1933, 9 января. – С. 2
227. Первый съезд студпрофорганизаций деревообрабатывающей промышленности // Лесная промышленность. – 1933, 4 января. – С. 4.
228. Пономарев, Б. Почему погибла ударница / Б. Пономарев // Правда Севера. – 1935, 17 октября. – С. 3.
229. Поплаухин, Н. В. Нет настоящей заботы о нуждах учителей / Н. В. Поплаухин // Краснокамская звезда. – 1939, 12 января. – С. 4.
230. Почему нет в магазинах картофеля // Краснокамская звезда. – 1938, 24 октября. – С. 2.
231. Почему «прорывной» Южураллес вышел на передовые позиции // Лесная промышленность. – 1933, 9 января. – С. 1.
232. Почему ухудшилось качество балахнинской бумаги // Правда. – 1936, 31 января. – С. 3.

233. Превратить Краснокамск в культурный благоустроенный город // Краснокамская звезда. – 1938, 22 сентября. – С. 1.
234. Придеин Кому доверено руководство? / Придеин // Лесная промышленность. – 1935, 1 августа. – С. 2.
235. Путь первой ударной // Наш темп. – 1932, 16 марта. – С. 1–2.
236. Работать без аварий // Краснокамская звезда. – 1938, 8 декабря. – С. 1.
237. Рекорды лесорубов // Правда. – 1936, 2 января. – С. 1.
238. Рослов, Н. Задачи второй пятилетки Севера / Н. Рослов // Красный Север. – 1932, 11 апреля. – С. 2.
239. С., М. Непростительная беззаботность / М. С. // Краснокамская звезда. – 1938, 22 июля. – С. 2.
240. Сахар и спирт из древесины // Лесная промышленность. – 1933, 3 января. – С. 4.
241. Сергеев «Летние» настроения в партийных школах / Сергеев // Краснокамская звезда. – 1938, 8 июля. – С. 2.
242. Сергеев Оборудованы чистые, уютные помещения / Сергеев // Правда Севера. – 1935, 3 октября. – С. 3.
243. Сергеев, В. 63 «сталинца» / В. Сергеев // Правда Севера. – 1935, 10 сентября. – С. 3.
244. Соколов, В. В Николу Зимнего... (печальные воспоминания) / В. Соколов // Тотемский лесоруб. – 1929, 12 декабря. – С. 4.
245. Соколов, М. Моя производственная победа / М. Соколов // Краснокамская звезда. – 1939, 1 января. – С. 4.
246. Соревнования бумажников по волейболу // Лесная промышленность. – 1937, 3 июля. – С. 4.
247. Степанов, А. Прием во втузы / А. Степанов // Лесная промышленность. – 1935, 1 августа. – С. 4.

248. Стариков, В. 10 января открывается I всесоюзный съезд студенчества лесных вузов / В. Стариков // Лесная промышленность. – 1933, 8 января. – С. 1.
249. Стахановская декада в лесах Севера // Правда. – 1936, 17 января. – С. 8.
250. Страхов Худший вид расточительства / Страхов // Лесная промышленность. – 1933, 8 января. – С. 3.
251. Стуков, В. Почему мне отказывают в помощи? / В. Стуков // Краснокамская звезда. – 1939, 17 мая. – С. 2.
252. Сурово карать конкурентов // Тихоокеанская звезда. – 1930, 21 января. – С. 4.
253. Театр в лесу // Правда Севера. – 1935, 21 октября. – С. 4.
254. Травин Строители перед новым годом / Травин // Сегежский бумажник. – 1941, 1 января. – С. 1.
255. Усов, П. Кто станет у машин? / П. Усов // Правда Севера. – 1935, 5 сентября. – С. 3.
256. Успехи архангельских лесобирж в сентябре // Правда Севера. – 1935, 4 октября. – С. 1.
257. Успехи стахановцев бумажной фабрики // Краснокамская звезда. – 1938, 3 декабря. – С. 1.
258. Цветкова Н. Два миллиона годовой экономии / Н. Цветкова // Краснокамская звезда. – 1938, 6 августа. – С. 3.
259. Цветкова, Н. Добиться решающего перелома в промышленном строительстве / Н. Цветкова // Краснокамская звезда. – 1938, 20 июля. – С. 2.
260. Целоусов Подготовить цехи комбината к зиме / Целоусов // Краснокамская звезда. – 1938, 4 октября. – С. 2.
261. Чевилев В магазинах Краснокамского торго / Чевилев // Краснокамская звезда. – 1938, 26 сентября. – С. 2.
262. Шардаков, П. С. Право на отдых / П. С. Шардаков // Краснокамская звезда. – 1938, 5 декабря. – С. 3.

263. Шаров, В. Бюджет семьи варщика / В. Шаров // Краснокамская звезда. – 1939, 1 января. – С. 3.
264. Шейнин, М. Выполнить план зимней сплотки во что бы то ни стало! / М. Шейнин // Лесная промышленность. – 1933, 6 января. – С. 3.
265. Щеголихин 10 лесопунктов окончательно готовы / Щеголихин // Правда Севера. – 1935, 3 октября. – С. 3.
266. Экспериментальные базы при лесотрестах // Лесная промышленность. – 1933, 6 января. – С. 4.
267. Эрман, К. Трех- и двухсменная работа тракторов на лесозаготовках нерациональна (в порядке обсуждения) / К. Эрман // Тихоокеанская звезда. – 1930, 7 января. – С. 3.

Список литературы

Статьи

268. А., А. Лесная промышленность и порт Игарка / А. А. // Советская Арктика. – 1935. – № 3. – С. 13–17.
269. Аксеновский, А. Вопросы механизации лесозаготовок и вывозки / А. Аксеновский // Советская Карелия. – 1931. – № 8–10. – С. 99–101.
270. Александров, И. Ангаро-Байкальский район / И. Александров // Плановое хозяйство. – 1933. – № 7–8. – С. 67–78.
271. Александров, И. Проблема Ангарстроя / И. Александров // Плановое хозяйство. – 1932. – № 3. – С. 190–199.
272. Алымов, В. Промышленность Мурманского округа в первом пятилетии / В. Алымов // Карело-Мурманский край. – 1933. – № 9–10. – С. 4–8.
273. Андреев, А. В. Технический прогресс и технико-экономические показатели в лесозаготовительной промышленности / А. В. Андреев // Известия Томского политехнического института. – 1972. – Т. 255. – С. 72–82.
274. Андриевский, А. Рациональное использование транспорта в лесу / А. Андриевский // Карело-Мурманский край. – 1933. – № 9–10. – С. 20–28.

275. Антонова, Н. Е. Лесная политика: теория и применение / Н. Е. Антонова // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 33–52.
276. Апушкин, А. А. Стандартизация в деревообрабатывающей промышленности / А. А. Апушкин // Лесная индустрия. – 1934. – № 3. – С. 21–24.
277. Артемов, Е. Т. Восточные районы в экономической стратегии на «взлете» советской индустриальной системы / Е. Т. Артемов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2024. – Т. 23, № 8: История. – С. 81–93.
278. Артоболевский, С. С. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ / С. С. Артоболевский, П. Я. Бакланов, А. И. Трейвиш // Вестник РАН. – 2009. – Т. 79, № 2. – С. 101–112.
279. Архипов, Н. В. Лесное хозяйство и лесная промышленность / Н. В. Архипов // Советская Карелия. – 1930. – № 7–8. – С. 25–41.
280. Баевский, И. Освоение Северного морского пути / И. Баевский // Плановое хозяйство. – 1935. – № 1. – С. 159–172.
281. Бедлинский, С. В. Первая лесная пятилетка / С. В. Бедлинский, Б. М. Перепечин // Лесная промышленность. – 1979. – № 5. – С. 4–5.
282. Белоусов, А. Р. Становление советской индустриальной системы // Россия XXI. – 2000. – № 2. – С. 28–77.
283. Бененсон, Г. Очередные вопросы снабжения народного хозяйства лесом / Г. Бененсон, Г. Гугель // Плановое хозяйство. – 1941. – № 5. – С. 27–36.
284. Бергавинов О лесе, лесной промышленности и лесном экспорте (Пути увеличения поступления валюты) / Бергавинов, Козлов // Свободная мысль. – 2009. – № 1. – С. 161–174.
285. Березин, Н. Лесозэксплуатация и колонизация сибирской тайги в связи с железнодорожным строительством / Н. Березин // Плановое хозяйство. – 1929. – № 7. – С. 272–283.
286. Бовин, А. И. Об укреплении технического руководства производством / А. И. Бовин // Лесная промышленность. – 1941. – № 4. – С. 2–4.

287. Богорад, Д. Енисейский лесопромышленный комплекс / Д. Богорад // Плановое хозяйство. – 1938. – № 2. – С. 126–132.
288. Богорад, Д. Современная экономика Красноярского края и перспективы его развития / Д. Богорад // Плановое хозяйство. – 1936. – № 12. – С. 108–124.
289. Больше леса стране! (К 25-летию лесосплава СССР) // Лесная промышленность. – 1945. – № 1–2. – С. 1–2.
290. Бородкин Л. И. Концепции модернизации и модерности в контексте российских трансформаций XIX–XX вв. // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 4 (57). – С. 6–15.
291. Брауде, А. Машиностроение во втором пятилетии / А. Брауде // Плановое хозяйство. – 1932 – № 2. – С. 19–37.
292. Брэйн, С. Новый взгляд на уничтожение заповедников в СССР в 1950-е гг. / С. Брэйн ; пер. с англ. М. В. Лоскутовой // Историко-биологические исследования. – 2012. – Т. 4, № 1. – С. 57–72.
293. Будтолаев, Н. М. Строительство Игарского порта / Н. М. Будтолаев // Советская Арктика. – 1935. – № 3. – С. 21–23.
294. Бурень, С. О резервах лесной промышленности / С. Бурень // Плановое хозяйство. – 1940. – № 2. – С. 50–55.
295. Васильев, П. В. Структурные сдвиги в использовании и воспроизводстве лесных ресурсов в СССР / П. В. Васильев // Лесной журнал. Известия высших учебных заведений. – 1972. – № 6. – С. 29–36.
296. Веригин, С. Г. Заселение и экономическое освоение г. Сортавалы и его окрестностей в 1940–1941 годах / С. Г. Веригин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2017. – № 7 (168). – С. 42–48.
297. Веригин, С. Г. Ленинград и Советская Карелия: совместное освоение «новых финских территорий» после окончания Зимней войны 1939–1940 гг. / С. Г. Веригин // Вестник СПбГУ. Серия 2. – 2011. – Вып. 3. – С. 32–41.

298. Веригин, С. Г. Образование Карело-Финской ССР и освоение «новых территорий» в 1940–1941 годах / С. Г. Веригин // Отечественная история. – 2008. – № 1. – С. 150–155.
299. Виногоров, Г. К. Нужны ли агрегатные машины? / Г. К. Виногоров // Лесная промышленность. – 1961. – № 1. – С. 13–17.
300. Воейков, Е. В. Деятельность Саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы / Е. В. Воейков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2016. – Т. 16, вып. 4. – С. 481–486.
301. Воейков, Е. В. Женский труд в лесной промышленности Среднего Поволжья в 1930-е гг. / Е. В. Воейков // Вопросы истории. – 2015. – № 11. – С. 133–138.
302. Воейков, Е. В. Общественное питание на лесозаготовках Среднего Поволжья в годы довоенных пятилеток / Е. В. Воейков // Историко-экономические исследования. – 2024. – Том 25. – № 1. – С. 90–116.
303. Воейков, Е. В. Проблема автотранспортного обеспечения на лесозаготовках Среднего Поволжья в годы первых пятилеток / Е. В. Воейков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11, № 6. – С. 153–159.
304. Воейков, Е. Руководящие кадры лесной промышленности в период предвоенной индустриализации / Е. Воейков // Российская история. – 2020. – № 5. – С. 142–154.
305. Воейков, Е. В. Стахановцы лесозаготовок Пензенского края в 1930-е гг. / Е. В. Воейков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. – 2019. – Т. 1, № 2. – С. 55–63.
306. Воейков, Е. В. Стахановцы лесозаготовок Поволжья в годы довоенной индустриализации / Е. В. Воейков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15, № 5. – С. 74–78.

307. Воейков, Е. В. Экологические проблемы Среднего Поволжья в годы первых пятилеток (на примере состояния лесов региона) / Е. В. Воейков // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 145–153.
308. Воздвиженский, В. Развитие лесной промышленности и размещение ее в третьей пятилетке / В. Воздвиженский // Плановое хозяйство. – 1937. – № 9–10. – С. 78–86.
309. Воробьев, Г. И. Вопросы использования и воспроизводства лесных ресурсов СССР / Г. И. Воробьев // Лесной журнал. Известия высших учебных заведений. – 1972. – № 6. – С. 7–11.
310. Выполнить решения XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) // Лесная промышленность. – 1941. – № 3. – С. 10–12.
311. Выставка, посвященная XVIII конференции ВКП(б) // Лесная промышленность. – 1941. – № 3. – С. 39.
312. Гайнер, И. Задачи лесной промышленности в 1935 г. / И. Гайнер // Плановое хозяйство. – 1935. – № 2. – С. 61–75.
313. Галицкий, А. Грузооборот железных дорог в третьем пятилетии / А. Галицкий // Плановое хозяйство. – 1939. – № 6. – С. 107–123.
314. Гацкевич, В. А. С чего начиналась механизация / В. А. Гацкевич // Лесная промышленность. – 1977. – № 10. – С. 10–11.
315. Гашев, А. Лесной рынок Уральской области / А. Гашев // Хозяйство Урала. – 1929. – № 1. – С. 108–121.
316. Герман, Г. М. Очередные задачи лесной промышленности / Г. М. Герман // Лесная индустрия. – 1934. – № 3. – С. 1–4.
317. Гиряев, М. Д. Лесоустройство: проблемы, решения / М. Д. Гиряев // Лесной вестник. – 2013. – № 4. – С. 60–65.
318. Гольденберг, Э. Теория промышленного районирования Альфреда Вебера / Э. Гольденберг // Плановое хозяйство. – 1925. – № 3. – С. 223–233.
319. Горев, И. Магнитострой культурной революции. Краснокамский целлюлозно-бумажный комбинат / И. Горев // Опыт стройки. – 1936. – № 2. – С. 15–17.

320. Горячко, И. С. Батарейный транспортер ЦНИИМЭ / И. С. Горячко // Лесная промышленность. – 1941. – № 6. – С. 18–19.
321. Готовицкий, Б. Д. За упорядочение учета лесосечного фонда в леспромхозах / Б. Д. Готовицкий // Лесная индустрия. – 1934. – № 2. – С. 33–39.
322. Григорян, А. А. Древесноугольный автомобиль ЗИС-31 / А. А. Григорян // Лесная промышленность. – 1941. – № 1. – С. 18–20.
323. Гринько, Г. Ф. План великих работ (Основные проблемы пятилетнего народно-хозяйственного плана СССР на период 1928/1929–1932/1933 гг.) / Г. Ф. Гринько // Плановое хозяйство. – 1929. – № 2. – С. 7–98.
324. Гурвич, И. Я. Лесной грузопоток и лесной фонд как его источник / И. Я. Гурвич // Лесная индустрия. – 1934. – № 2. – С. 27–33; № 3. – С. 11–18.
325. Гучев, Н. Н. О комбинировании и кооперировании предприятий в лесной промышленности / Н. Н. Гучев // Лесная индустрия. – 1934. – № 3. – С. 5–11.
326. Даринский, А. Итоги социалистического строительства в Карельской АССР и перспективы ее развития / А. Даринский // Плановое хозяйство. – 1933. – № 5–6. – С. 158–177.
327. Джозефсон, П. Р. Строительство империи и фронтير советской / постсоветской эпохи / П. Р. Джозефсон // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 4 (73). – С. 88–96.
328. Дзякович, Н. О. На реке Конде / Н. О. Дзякович // Советская Арктика. – 1936. – № 9. – С. 47–48
329. Диканский, С. Лесная промышленность в 1934 г. / С. Диканский // Плановое хозяйство. – 1934. – № 5–6. – С. 96–100.
330. Досрочное выполнение годового плана // Лесная промышленность. – 1941. – № 1. – С. 7.
331. Дэвис, Р. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики / Р. Дэвис, О. В. Хлевнюк // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 92–108.

332. Ефремкин, Е. Переселение североамериканских финнов в Советскую Карелию в 1930–1933 годах: статистический анализ / Е. Ефремкин // Труды Карельского научного центра РАН. – 2011. – № 6. – Серия «Гуманитарные исследования», вып. 2. – С. 97–105.
333. Загайнов, А. М. Электрификация лесовозной дороги трехфазным током высокого напряжения / А. М. Загайнов // Технику лесной промышленности. – 1932. – № 5–6. – С. 52–57.
334. Заикин, Н. И. Уроки капитального строительства Наркомлеса в 1938 г. / Н. И. Заикин // Лесная индустрия. – 1939. – № 4. – С. 70–72.
335. Закандин, В. Размещение лесной промышленности в Волжском бассейне в связи с реконструкцией Волги / В. Закандин // Лесная индустрия. – 1934. – № 2. – С. 15–22.
336. Закиров, А. Некоторые проблемы формирования и развития лесопромышленных узлов / А. Закиров // Лесной журнал. Известия высших учебных заведений. – 1979. – № 1. – С. 112–115.
337. За стахановский стиль в работе лесной промышленности // Лесная индустрия. – 1935. – № 11. – С. 5–8.
338. Земсков, В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) / В. Н. Земсков // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 118–143.
339. Зиновьев, В. В. Фанерная промышленность СССР / В. В. Зиновьев // Лесная промышленность. – 1947. – № 10. – С. 14–15.
340. Ивантер, В. Лесная промышленность СССР в цифрах / В. Ивантер // Лесная промышленность. – 1957. – № 10. – С. 31–32.
341. Игарка в цифрах // Советская Арктика. – 1935. – № 3. – С. 24.
342. Игнатова, Н. М. Использование труда спецпереселенцев-«бывших кулаков» в лесозаготовительной промышленности Северного края в 1930-е гг. / Н. М. Игнатова // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2015. – Вып. 4 (24). – С. 93–99.

343. Ильин, А. С. Управление лесной отраслью Красноярья в годы первых пятилеток / А. С. Ильин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 12-1. – С. 297–299.
344. Иньков, М. Г. Выполнять план лесозаготовок каждый день, на каждом предприятии / М. Г. Иньков // Лесная промышленность. – 1941. – № 5. – С. 4–6.
345. Ионов, Б. Д. О подготовке лесных кадров / Б. Д. Ионов, Т. Б. Ионина // Лесной журнал. Известия высших учебных заведений. – 1970. – № 1. – С. 49–52.
346. Иоффе, Я. К итогам борьбы за технико-экономическую независимость СССР / Я. Иоффе // Плановое хозяйство. – 1938. – № 11. – С. 50–72.
347. Ислакаева, Г. Р. Реформы финской лесной отрасли, обеспечившие ее мировой уровень / Г. Р. Ислакаева // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – № 3 (438). – С. 553–564.
348. Капитонов, И. Проблемы освоения Севера во второй пятилетке / И. Капитонов, С. Славин // Плановое хозяйство. – 1932. – № 3. – С. 168–189.
349. Кауфман, М. Итоги и перспективы внешней торговли (К перспективному плану по внешней торговле) / М. Кауфман // Плановое хозяйство. – 1929. – № 4. – С. 76–94.
350. Кишинский, М. И. Автомобильный лесотранспорт в США, Канаде и Швеции / М. И. Кишинский // Лесная промышленность. – 1941. – № 7. – С. 32–33.
351. Коган, А. Кооперирование машиностроения / А. Коган // Плановое хозяйство. – 1939. – № 2. – С. 36–51.
352. Колениус, М. Мировой лесной рынок на пороге 1934 г. / М. Колениус // Лесная индустрия. – 1934. – № 2. – С. 46–54.
353. Колосовский, Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината / Н. Колосовский // Пространственная экономика. – 2009. – № 4. – С. 126–141.

354. Колосовский, Н. К пятилетию УКК / Н. Колосовский // Плановое хозяйство. – 1935. – № 7. – С. 114–133.
355. Колтунов, Н. Основные итоги работы промышленности в 1935 г. / Н. Колтунов, Я. Чадаев // План – 1936. – № 1. – С. 5–10.
356. Комаров, А. О развитии железнодорожной сети Поволжья / А. Комаров // Плановое хозяйство. – 1939. – № 5. – С. 106–123.
357. Комаров, В. Проблемы развития Дальневосточного края / В. Комаров // Плановое хозяйство. – 1936. – № 2. – С. 168–181.
358. Коробов, А. Районный разрез народнохозяйственного плана / А. Коробов // Плановое хозяйство. – 1939. – № 1. – С. 58–68.
359. Корчемкина, Е. Е. Деятельность органов власти Адыгеи по реорганизации управления лесным хозяйством в 20–40-е гг. XX в. / Е. Е. Корчемкина, Е. М. Малышева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2012. – № 2. – Режим доступа : http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.2/1749/malysheva2012_2.pdf.
360. Кофтов, Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса СССР плана третьего пятилетия / Г. Е. Кофтов // Лесная промышленность. – 1941. – № 2. – С. 6–12.
361. Кофтов, Г. Е. Перспективы строительства в лесной промышленности СССР / Г. Е. Кофтов // Лесная промышленность. – 1945. – № 1–2. – С. 4–7.
362. Кочеткова, Е. А. Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности и трансфер технологий в 1953–1964 годах: случай Энсо-Светогорска / Е. А. Кочеткова // Laboratorium. – 2013. – № 3. – С. 13–42.
363. Кочеткова, Е. А. От технических улучшений к инновациям: случай целлюлозно-бумажного комбината в Йоханнесе (Советском) (1944 – середина 1950-х гг.) / Е. А. Кочеткова, П. С. Покидько // Вопросы истории естествознания и техники. – 2018. – Т. 39, № 2. – С. 310–332.

364. Красовский, И. Пути развития лесного хозяйства СССР / И. Красовский // Лесная индустрия. – 1934. – № 3. – С. 28–31.
365. Кристин, А. Промышленность за пятнадцать лет / А. Кристин, С. Югенбург // Народное хозяйство: экономико-статистический журнал. – 1932. – № 7–8. – С. 22–55.
366. Крюков Первый гудок в Заполярье (глава из истории строительства Игарки, рассказанная одним из ее строителей – плотником-ударником Ильей Леоновичем Шараем) / Крюков // Советская Арктика. – 1935. – № 3. – С. 17–20.
367. Крылов, А. И. 70 лет на мировом рынке / А. И. Крылов // Лесная промышленность. – 1996. – № 4. – С. 22–24.
368. Кудрявцев, А. В. Организация сплава определяет успех навигации / А. В. Кудрявцев // Лесная промышленность. – 1941. – № 2. – С. 21–23.
369. Кузьмин, В. Пути хозяйственного развития Западной Сибири / В. Кузьмин, А. Рейхбаум, В. Тиунов, С. Эдельман // Плановое хозяйство. – 1932 – № 2. – С. 155–177.
370. Куковеров, М. А. Лесохимическая промышленность региона: вчера, сегодня, завтра / М. А. Куковеров // Проблемы развития территории. – 2002. – № 3 (18). – С. 29–38.
371. Кулагин, О. И. «Эффект колеи» зависимости в лесной промышленности Карелии как фактор социально-экономического развития региона в конце XIX – XX вв. / О. И. Кулагин // Региональные исследования. – 2015. – № 1 (47). – С. 145–152.
372. Кустышев, А. Н. Проблема отказчиков в лагерях ГУЛАГа на Европейском Севере России / А. Н. Кустышев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 3 (17). – В 2 ч. – Ч. II. – С. 106–110.
373. Кустышев, А. Н. Проблемы механизации ГУЛАГовского производства на Европейском Севере России / А. Н. Кустышев // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2015. – Вып. 4 (24). – С. 86–92.

374. Кустышев, А. Н. Промышленное строительство в системе ГУЛАГа на Европейском Севере России в 1930 – начале 1940-х годов: масштабы, тенденции, проблемы / А. Н. Кустышев // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 6. – Ч. 2. – С. 59–63.
375. Кустышев, А. Н. Трудовые ресурсы исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа на Европейском Севере России в годы первых пятилеток / А. Н. Кустышев // Клио. – 2013. – № 3 (75). – С. 75–81.
376. Лапиров-Скобло, С. Я. Заготовка высококачественных балансов / С. Я. Лапиров-Скобло // Лесная промышленность. – 1941. – № 7. – С. 4–6.
377. Ларионов, А. М. Большая лесохимия Северного края / А. М. Ларионов // Технику лесной промышленности. – 1932. – № 3–4. – С. 5–14.
378. Левин, В. Промышленность в плане на 1931 год / В. Левин // Плановое хозяйство. – 1930. – № 12. – С. 124–156.
379. Левицкий, Я. Брикетное производство в СССР / Я. Левицкий, А. Шмидт // Плановое хозяйство. – 1939. – № 7. – С. 49–55.
380. Лесная промышленность за 30 лет // Лесная промышленность. – 1947. – № 10. – С. 5–14.
381. Либин, И. Рационализация размещения железнодорожной сети Союза ССР / И. Либин // Плановое хозяйство. – 1939. – № 2. – С. 117–131.
382. Лобов, С. Реконструкция лесной промышленности / С. Лобов // Плановое хозяйство. – 1932 – № 2. – С. 57–68.
383. Маев, Д. Р. Конкретным руководством обеспечить выполнение плана лесозаготовок / Д. Р. Маев // Лесная индустрия. – 1934. – № 2. – С. 7–10.
384. Майер, Р. О чудесах и чудовищах. Стахановское движение и сталинизм / Р. Майер // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 56–66.
385. Макеева, Е. Д. Деятельность региональных и местных органов управления в сфере охраны природы в 1918 – 1950-х гг. (на материалах архивов Среднего и Нижнего Поволжья) / Е. Д. Макеева // Самарский научный вестник. – 2016. – № 4 (17). – С. 134–139.

386. Макеева, Е. Д. Общественное движение за охрану природы в России в условиях социалистического строительства в 1920–1940-е гг. / Е. Д. Макеева // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – Т. 17, № 3 (2). – С. 423–428.
387. Макеева, Е. Д. Становление системы государственного управления охраной природы в России в 1917 – 1920-х гг. / Е. Д. Макеева // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2016. – № 1. – С. 34–39.
388. Максимова, Л. А. Последствия индустриальной модернизации на Европейском Северо-востоке СССР / Л. А. Максимова // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2018. – № 1 (33). – С. 94–102.
389. Малюгин, А. И. Лесоперерабатывающая промышленность Чувашской АССР в 1930-е гг.: проблемы модернизации / А. И. Малюгин // Вестник СамГУ. – 2011. – № 1/2 (82). – С. 90–96.
390. Марголин, А. Игарке – десять лет / А. Марголин // Советская Арктика. – 1939. – № 11. – С. 91–102.
391. Масштабы роста (лесная промышленность за 60 лет) // Лесная промышленность. – 1977. – № 8. – С. 6–7; № 9. – С. 5; № 10. – С. 12–13.
392. Машинно-лесные станции – решающее звено реконструкции // Технику лесной промышленности. – 1932. – № 3–4. – С. 3–4.
393. Меерович, М. Г. Районная планировка в контексте программы индустриализации: первая половина 1930-х годов – начальный этап работ по промышленному районированию и расселению / М. Г. Меерович // Вестник Пермского университета. История. – 2014. – Вып. 2 (25). – С. 101–122.
394. Меерович, М. Г. Советские моногорода: история возникновения и специфика // Вестник Кемеровского государственного университета / М. Г. Меерович. – 2018. – № 1. – С. 53–65.
395. Милованов, П. С. Новая газогенераторная установка ЧГ-3 для тракторов ЧТЗ-60 / П. С. Милованов // Лесная промышленность. – 1941. – № 6. – С. 15–16.

396. Миронов, А. Лесонасаждения и борьба с засухой / А. Миронов // Плановое хозяйство. – 1935. – № 5. – С. 108–122.
397. Мовшович, Г. Топливо-сырьевая база металлургии Урала / Г. Мовшович // Плановое хозяйство. – 1940. – № 9. – С. 112–121.
398. Мурашко Социалистический Краснокамск / Мурашко // Опыт стройки. – 1934. – № 12. – С. 14–15.
399. Над чем работают ученые лесной промышленности. Центральный научно-исследовательский институт водного лесотранспорта и гидротехники // Лесная промышленность. – 1941. – № 5. – С. 34–35.
400. На стройках Урала // Опыт стройки. – 1936. – № 10. – С. 33.
401. На стройках Урала и Сибири // Опыт стройки. – 1935. – № 6. – С. 32.
402. Немцов, В. П. Научный потенциал отрасли / В. П. Немцов // Лесная промышленность. – 1977. – № 10. – С. 18–19.
403. Нестеровский, А. Ликвидировать излишества в проектно-сметном деле / А. Нестеровский // Плановое хозяйство. – 1940. – № 11. – С. 72–81.
404. Новосельцев, Н. В. Передвижные газогенераторные установки / Н. В. Новосельцев // Технику лесной промышленности. – 1932. – № 3–4. – С. 62–70.
405. Ованесян, С. А. Некоторые итоги работы механизированного лесотранспорта / С. А. Ованесян // Лесная промышленность. – 1941. – № 5. – С. 7–9.
406. Орельская, О. В. Архитектура г. Балахны 20–30-х гг. XX в. / О. В. Орельская // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Строительство и архитектура». – 2013. – Вып. 31 (50). – Ч. 1. Города России. Проблемы проектирования и реализации. – С. 291–299.
407. Орешкин, Б. С. С чего начинался журнал (обзор номеров за 1921–1940 гг.) / Б. С. Орешкин // Лесная промышленность. – 1996. – № 1. – С. 13–14.

408. Орешкин, Б. С. Становление лесной индустрии / Б. С. Орешкин // Лесная промышленность. – 1995. – № 4. – С. 30–31; 1996. – № 1. – С. 25–27.
409. Орликова, Е. Женский труд в СССР / Е. Орликова // Плановое хозяйство. – 1939. – № 10. – С. 107–120.
410. Основные показатели развития народного хозяйства СССР // Плановое хозяйство. – 1934. – № 10. – С. 232–242.
411. Павлов, Э. А. Схемы расстановки погрузочных механизмов / Э. А. Павлов // Лесная промышленность. – 1941. – № 1. – С. 15–18.
412. Пажит, Ю. Ю. Северо-Уральский лагерь НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны / Ю. Ю. Пажит // ВоенКом: Военный комментатор. – 2002. – № 2 (4). – С. 31–43.
413. Пациора, П. П. Шаги лесной энергетики / П. П. Пациора // Лесная промышленность. – 1970. – № 4. – С. 13–14.
414. Первозванский, И. В. О возможном размере главного пользования в лесах К-ФССР / И. В. Первозванский // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. – 1951. – № 1. – С. 40–57.
415. Переход, В. К вопросу о лесозономическом макро- и микрорайонировании Уральской области / В. Переход // Хозяйство Урала. – 1929. – № 2. – С. 47–56.
416. Писаренко, А. И. Какая лесная политика нужна России? / А. И. Писаренко, В. В. Страхов // Лесное хозяйство. – 2006. – № 2. – С. 2–5.
417. Пискунов, М. Первопроходчики / М. Пискунов // Лесная промышленность. – 1967. – № 9. – С. 21–22.
418. Побережников, И. В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения / И. В. Побережников // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 4 (57). – С. 36–45.
419. Побережников, И. В. Советский опыт достижения технико-экономической независимости страны / И. В. Побережников, Е. Т. Артемов // Вестник Российской академии наук. – 2024. – Т. 94, № 5. – С. 429–439.

420. Полуйко, И. З. К вопросам лесопользования в лесах Севера / И. З. Полуйко // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. – 1949. – № 3. – С. 3–22.
421. Посвянский, С. «Хозяйство Севера» / С. Посвянский // Плановое хозяйство. – 1935. – № 10. – С. 226–231.
422. Прилуцкий, А. В. Скоростной метод – на все рейды и запани / А. В. Прилуцкий // Лесная промышленность. – 1941. – № 4. – С. 19–22.
423. Прилуцкий, А. В. Технологический процесс на рейдах / А. В. Прилуцкий // Лесная промышленность. – 1941. – № 7. – С. 14–16.
424. Пронин, А. Г. Ликвидировать утоп и потери древесины / А. Г. Пронин // Лесная промышленность. – 1941. – № 6. – С. 30.
425. Работа уральских архитекторов // Опыт стройки. – 1935. – № 12. – С. 28.
426. Рахманов, С. И. Работы ученых УЛТИ по новой технике и технологии лесозаготовок Урала / С. И. Рахманов // Лесной журнал. Известия высших учебных заведений. – 1970. – № 1. – С. 52–55.
427. Рогожан, Н. И. Пеледуйская судоверфь может работать лучше / Н. И. Рогожан // Советская Арктика. – 1938. – № 4. – С. 65–67.
428. Рожков, Д. С. Научная база отечественного лесопиления / Д. С. Рожков // Лесная промышленность. – 1957. – № 10. – С. 13–16.
429. Рослов, Н. Основные проблемы развития лесной промышленности Северной области / Н. Рослов, С. Пругавин // Плановое хозяйство. – 1936. – № 12. – С. 97–107.
430. Рупасов, А. И. Лесной экспорт СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и конкуренция на европейском рынке / А. И. Рупасов // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8, № 1. – С. 82–98.
431. Рябикин, С. П. Экономическое и политическое содержание стахановского движения в 1935–1938 гг. / С. П. Рябикин // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 1997. – № 2 (4). – С. 196–206.

432. С., П. Ж. Опыт работ исправительно-трудовых лесозаготовительных колоний на Урале / П. Ж. С. // Административный вестник. – 1930. – № 6. – С. 41–45.
433. Салтыков, М. Механизация лесной промышленности / М. Салтыков // Плановое хозяйство. – 1945. – № 5. – С. 25–33.
434. Сенчуров, К. Т. Война и лесопильная промышленность Швеции и Финляндии / К. Т. Сенчуров // Лесная промышленность. – 1941. – № 1. – С. 44.
435. Серебрянская, Г. В. Промышленность республик Волго-Вятского района в предвоенные годы: проблемы, их решения, результаты / Г. В. Серебрянская, В. В. Тимофеев // Клио. – 2005. – № 4 (31). – С. 150–158.
436. Смилга, И. Основные линии размещения производительных сил во второй пятилетке / И. Смилга // Плановое хозяйство. – 1932. – № 1. – С. 15–35.
437. Совалов, А. Структура внешнего торгового оборота СССР / А. Совалов // Народное хозяйство СССР. – 1932. – № 5–6. – С. 116–124.
438. Соколов, А. А. Белогорский лесокombинат / А. А. Соколов // Советская Арктика. – 1936. – № 9. – С. 45–46.
439. Соколов, В. Кондострой / В. Соколов // Советская Карелия. – 1930. – № 7–8. – С. 42–53.
440. Соколов, Н. За советскую науку в лесном хозяйстве / Н. Соколов // Советская Карелия. – 1932. – № 1–2. – С. 52–58.
441. Соловов, М. К. К пятилетнему плану капитального строительства Урала / М. К. Соловов // Хозяйство Урала. – 1926. – № 15–16. – С. 40–51.
442. Соревнование на лучшее лесозаготовительное предприятие // Лесная промышленность. – 1941. – № 5. – С. 41.
443. Сортиментный план – закон // Лесная промышленность. – 1941. – № 1. – С. 2–4.
444. Сперанский, А. В. Модернизационная парадигма в изучении истории России: проблемы и дискуссии / А. В. Сперанский, П. А. Сперанский // История и современное мировоззрение. – 2019. – Т. 1, № 3. – С. 19–27.

445. Спецуро, Н. В. Лесная промышленность в третьем пятилетии на Крайнем Севере / Н. В. Спецуро // Советская Арктика. – 1937. – № 2. – С. 81–88.
446. Спецуро, Н. В. Перспективы развития лесной промышленности Крайнего Севера / Н. В. Спецуро // Советская Арктика. – 1935. – № 2. – С. 45–48.
447. Сталинские лауреаты // Лесная промышленность. – 1941. – № 4. – С. 4–5.
448. Стась, И. Н. Пролетаризация природы: индигенные народы Крайнего Севера в лесной и рыбной промышленности (конец 1920-х – 1930-е гг.) / И. Н. Стась // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 6 (69). – С. 78–94.
449. Степанов, П. Вопросы генерального плана хозяйства Урала / П. Степанов // Хозяйство Урала. – 1928. – № 1. – С. 1–18.
450. Столяров, С. Г. Попенная плата / С. Г. Столяров // Лесная индустрия. – 1936. – № 5. – С. 11–14.
451. Сузи, Г. В. Реорганизация лесной промышленности в Советской Карелии после зимней войны / С. В. Сузи // Труды Карельского научного центра РАН. – 2015. – № 8. – С. 121–126.
452. Суходолов, А. П. Развитие отечественной гидролизной промышленности / А. П. Суходолов, В. А. Хаматаев // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2009. – № 3 (65). – С. 49–52.
453. Такала, И. Р. Большой террор в Карелии / И. Р. Такала // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. – 2018. – Вып. 3. – С. 143–207.
454. Тарасевич, В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие / В. Тарасевич // Хозяйство Урала. – 1933. – № 4. – С. 28–40.
455. Тарасевич, В. Лесное хозяйство Урала в системе Урало-Кузнецкого комбината / В. Тарасевич // Хозяйство Урала. – 1931. – № 2. – С. 35–46.
456. Тарасевич, В. Пятилетний план лесопромышленного хозяйства Урала / В. Тарасевич // Хозяйство Урала. – 1929. – № 6. – С. 21–32.

457. Тарасенков, Г. Н. Обский север и его экономика (итоги и перспективы) / Г. Н. Тарасенков // Советская Арктика. – 1937. – № 5. – С. 74–94.
458. Тендряков, Д. В. Трактор-тропоход и тропомобиль / Д. В. Тендряков // Лесная промышленность. – 1941. – № 3. – С. 39.
459. Тимофеев, Н. В. Лесная индустрия в юбилейном году / Н. В. Тимофеев // Лесная промышленность. – 1970. – № 4. – С. 1–5.
460. Тимофеев, Н. В. Лесозаготовительная промышленность СССР – крупнейшая в мире / Н. В. Тимофеев // Лесной журнал. Известия высших учебных заведений. – 1970. – № 1. – С. 13–17.
461. Тимошенко, А. И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного морского пути в 1930–1950-е гг. / А. И. Тимошенко // Арктика и Север. – 2013. – № 13. – С. 150–168.
462. Ткачев, Б. П. Формирование лесохозяйственного комплекса Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) округа в 1920–1940-е гг. / Б. П. Ткачев, Т. В. Ткачева, Н. С. Щербак // Вестник КРСУ. – 2018. – Т. 18, № 5. – С. 32–35.
463. Трудовая и гужевая повинность на лесозаготовках Наркомлеса СССР в первом квартале 1941 г. // Лесная промышленность. – 1941. – № 2. – С. 5.
464. Турин, А. Машиностроение для бумажной промышленности в 1933 и 1934 гг. / А. Турин // Лесная индустрия. – 1934. – № 2. – С. 10–14.
465. Упадышев, Н. В. Польские спецпереселенцы на Европейском Севере России / Н. В. Упадышев // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 154–161.
466. Фельдман, М. А. Первое Всесоюзное совещание рабочих и работников-стахановцев и дискуссии об индустриализации в середине 1930-х гг. / М. А. Фельдман // Российская история. – 2023. – № 4. – С. 178–190.
467. Фельдман, М. А. Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941 г.: сравнительные характеристики / М. А. Фельдман // Российская история. – 2009. – № 6. – С. 79–92.

468. Филимончик, С. Н. Кондопога в 1930-е годы: рождение города / С. Н. Филимончик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 7 (176). – С. 80–90.

469. Филимончик, С. Н. Процессы модернизации на Европейском Севере России в 1920–1930-х годах: социально-экономические аспекты / С. Н. Филимончик // Российская история. – 2009. – № 3. – С. 185–194.

470. Хатанзейская, Е. В. Архангельск в системе спецколонизации Северного края в 1929–1936 гг. / Е. В. Хатанзейская // Новейшая история России. – 2016. – № 3 (17). – С. 93–104.

471. Ход вербовочной кампании по обеспечению лесозаготовок рабочей и гужевой силой (по данным НКТруда) // Лесопромышленное дело. – 1930. – № 2. – С. 129–130.

472. Чиж, Г. Узкие места лесной промышленности / Г. Чиж // Плановое хозяйство. – 1939. – № 2. – С. 99–116.

473. Чирков, Ю. Как принимали предприятие / Ю. Чирков // Соликамский рабочий. – 1991, 12 февраля. – С. 2.

474. Чирков, Ю. Рождение комбината / Ю. Чирков // Соликамский рабочий. – 1991, 7 февраля. – С. 3.

475. Чуистов, В. О развитии бумажной промышленности / В. Чуистов // Плановое хозяйство. – 1939. – № 10. – С. 63–71.

476. Шварц, Е. А. Лесное хозяйство, экономическое развитие и биоразнообразие: отказаться от мифов прошлого / Е. А. Шварц // Устойчивое лесопользование. – 2003. – № 2. – С. 2–7.

477. Шегельман, И. Р. Влияние трансформаций в системе управления лесным сектором СССР на эффективность его развития в конце 1930-х – начале 1940-х гг. / И. Р. Шегельман, О. И. Кулагин // Государственное управление. Электронный вестник. – 2012. – Вып. 30. – Режим доступа : http://e-journal.spa.msu.ru/30_2012.

478. Шегельман, И. Р. Трансформация системы управления лесопользованием СССР в начале 1930-х гг. / И. Р. Шегельман, О. И. Кулагин //

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14). – В 4-х ч. – Ч. III. – С. 206–209.

479. Шейнгауз, А. С. Освоение лесов Дальнего Востока и использование их продуктивности с середины XIX до середины XX в. / А. С. Шейнгауз // Пространственная экономика. – 2008. – № 1. – С. 118–146.

480. Школы ФЗО лесной промышленности // Лесная промышленность. – 1941. – № 2. – С. 5.

481. Шульгина, М. В. Соловецкие лагеря особого назначения и лесная промышленность Европейского Севера России (1923–1933 годы) / М. В. Шульгина // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – Т. 12 (34), № 2. – С. 129–134.

482. Янсон, Н. М. План работы Главсевморпути в 1937 году / Н. М. Янсон // Советская Арктика. – 1937. – № 2. – С. 14–23.

483. Allen, R. C. The Standart of Living in the Soviet Union, 1928–1940 / R. C. Allen // The Journal of Economic History. – 1998. – Vol. 58. – No. 4. – Pp. 1063–1089.

484. Katkoff, V. Timber Industry of the U.S.S.R. / V. Katkoff // Economic Geography. – 1940. – Vol. 16, no. 4. – Pp. 390–406.

485. Khlevniuk, O. План и рынок в советской экономике: товарообменные операции в 1930-е – 1950-е годы / O. Khlevniuk // Cahiers du monde russe. – 2023. – № 64/1. – Pp. 109–134.

Литература

486. 10 лет хозяйственного и культурного строительства Коми-Пермяцкого округа Свердловской области. 1925–1935 (материалы к докладу ВЦИК). – Свердловск; Кудымкар : Издание Коми-Пермяцкого окрисполкома, 1935. – 120 с.

487. 25 лет в строю. Соликамский целлюлозно-бумажный комбинат. – М. : Известия, 1966. – 96 с.

488. 25 лет Коми-Пермяцкого национального округа. – Кудымкар, 1950. – 153 с.
489. А., С. Восемнадцать месяцев, которые создали комбинат Вишхимз / С. А. ; пред. З. А. Алмазова. – Красновишерск : Управление строительства «Вишхимз», 1931. – 48 с.
490. Академическая история Югры / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. – В 8 т. – Т. 6. Югра в 1917–1953 гг.: на пути к модернизации / отв. ред. Г. Е. Корнилов, В. В. Кондрашин. – Ханты-Мансийск : Издательский дом «Новости Югры», 2024. – 720 с.
491. Александров, В. А. Механизация лесосечных работ в России / В. А. Александров. – СПб. : Профи, 2009. – 256 с.
492. Александров, П. Изобретатель Н. Д. Снетков / П. Александров. – М. : Гослестехиздат, 1941. – 39 с.
493. Алексеев, В. В. Волны российских модернизаций / В. В. Алексеев, И. В. Побережников // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века : монография / отв. ред. В. В. Алексеев. – М. : Наука, 2000. – С. 50–72.
494. Алексеев, В. В. Модернизация России: назад в будущее? / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева. – Екатеринбург : Академкнига, 2000. – 40 с.
495. Алексеева, Л. В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917–1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада : Монография / Л. В. Алексеева. – Екатеринбург : Институт истории и археологии УрО РАН, 2003. – 385 с.
496. Алексейчик, Н. Против реакционных течений на лесном фронте / Н. Алексейчик, Б. Чагин. – М. ; Л. : Государственное лесное техническое изд-во, 1932. – 167 с.
497. Алмазов // Уральская советская энциклопедия. – Т. 1. – М. ; Свердловск : Уральская советская энциклопедия, 1933. – С. 128.
498. Алферов, В. Вредительство в бумажной промышленности / В. Алферов. – М. : Государственное техническое изд-во, 1930. – 27 с.

499. Альбрехт, К. И. Для леса нужны постоянные кадры рабочих / К. И. Альбрехт ; при участии работников лесной группы НК РКИ СССР ; под ред. М. М. Кагановича. – М.; Л. : Государственное научно-техническое изд-во, 1931. – 30 с.
500. Альбрехт, К. Разве это социалистическое строительство? Глава из книги «Преданный социализм» / К. Альбрехт // Военно-исторический альманах Виктора Суворова. Независимые исторические исследования. – Вып. 1 / под ред. В. Суворова и Д. Хмельницкого. – М. : Добрая книга, 2012. – С. 337–395.
501. Альбрехт, К. И. Рационализация и механизация лесозаготовок / К. И. Альбрехт ; под общ. ред. Н. Г. Смидовича. – М.; Л. : Новая деревня, 1929. – 326 с.
502. Андреев, Е. М. Население Советского Союза: 1922–1991 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харьков. – М. : Наука, 1993. – 143 с.
503. Андрияйнен, А. И. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии в начале третьей пятилетки / А. И. Андрияйнен // Вопросы истории Карелии. Труды Карельского филиала Академии наук СССР. – 1959. – Вып. XXII. – С. 3–17.
504. Андрияйнен, А. И. Советская Карелия в годы третьей пятилетки (1938 – июнь 1941 гг.) : Автореферат дис. ... канд. ист. наук / А. И. Андрияйнен. – Петрозаводск, 1956. – 22 с.
505. Антипова, Е. А. Промышленность автономных республик Среднего Поволжья в 1925–1940-е гг.: исторический опыт создания отрасли : Автореферат дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Антипова. – Чебоксары, 2000. – 24 с.
506. Антуфьев, А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. А. Антуфьев. – Екатеринбург : УрО РАН, 1992. – 337 с.
507. Анцелевич, В. Лесохимическая промышленность / В. Анцелевич // Сибирская советская энциклопедия. – Т. 3. – М. : Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. – С. 134–140.

508. Артамонов, М. Д. Автотракторные газогенераторы на лесовывозке / М. Д. Артамонов, Ю. В. Михайловский. – М., 1935. – 132 с.
509. Артамонов Лесовозные газогенераторы (временное руководство для шоферов и трактористов) / Артамонов, Михайловский. – М., 1935. – 75 с.
510. Артемов, Е. Т. Экономическая стратегия в советской модели модернизации / Е. Т. Артемов // Российские модернизации XVIII–XX вв.: взаимодействие традиций и новаций : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. Ю. Казакова-Апкаримова. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2008. – С. 105–122.
511. Афонцев, С. А. От Российской империи к СССР: структура торговли со странами Запада / С. А. Афонцев // Экономическая история: Ежегодник. 2006. – М. : РОССПЭН, 2006. – С. 32–60.
512. Бабкина, К. Я. Борьба Коммунистической партии за выполнение первой пятилетки в области лесной промышленности : Автореферат дис. ... канд. ист. наук / К. Я. Бабкина. – Л., 1955. – 17 с.
513. Бакулин, С. Н. Статистика внешней торговли / С. Н. Бакулин, Д. Д. Мишустин. – М. : Международная книга, 1940. – 318 с.
514. Бакунин, А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.) / А. В. Бакунин. – Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1968. – 439 с.
515. Бакунин, А. В. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Урала (1933–1937 гг.) / А. В. Бакунин // Рабочий класс Урала в период строительства социализма : Сб. ст. – Свердловск : УНЦ АН СССР, 1982. – С. 57–80.
516. Бакунин, А. В. Уральский промышленный комплекс / А. В. Бакунин, А. Э. Бедель. – Екатеринбург : УрО РАН, 1994. – 160 с.
517. Барон, Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939 / Н. Барон ; пер. с англ. Е. В. Мухиной. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 400 с.

518. Бассе, М. Е. Архитектура крупнейших машиностроительных заводов периода первых пятилеток: современное состояние, перспективы развития : Автореферат дис. ... канд. архитектуры / М. Е. Бассе. – М., 2012. – 26 с.
519. Бейлин, А. Е. Кадры специалистов в СССР, их формирование и рост / А. Е. Бейлин. – М. : Союзоргучет, 1935. – 420 с.
520. Бекренев, Н. М. Канадские лесорубы на лесозаготовках в Карелии / Н. М. Бекренев. – Петрозаводск : Кирия, 1932. – 32 с.
521. Белов, М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. – Т. 3. Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. / М. И. Белов ; под ред. Я. Я. Гаккеля, М. Б. Черненко. – Л. : Морской транспорт, 1959. – 510 с.
522. Белов, М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. – Т. 4. Научное и хозяйственное освоение Советского Севера 1933–1945 гг. / М. И. Белов. – Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1969. – 616 с.
523. Белова, Е. Б. Стихия плана: практика работы Госплана СССР в первой половине 30-х годов / Е. Б. Белова // Экономическая история : Ежегодник. 2001. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 579–606.
524. Белова, Н. А. Трудовое соревнование среди заключенных в 1930–1950-е гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей) / Н. А. Белова // ГУЛАГ на севере России : мат. всероссийской науч. конф. с международным участием. – Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011. – Ч. 1. – С. 72–74.
525. Беловол, А. А. Градообразование в Коми в 1930-е – 1950-е годы : монография / А. А. Беловол, Л. А. Максимова. – Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского университета, 2012. – 102 с.
526. Белоногов, Ю. Г. Государство versus «плохой труд»: укрепление трудовой дисциплины в индустриальном секторе советской экономики в 1928–1940 гг. (историко-правовой анализ) : монография / Ю. Г. Белоногов. – Пермь : Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2023. – 280 с.

527. Белых, Н. Ю. Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938–1953 гг.) / Н. Ю. Белых ; отв. ред. В. А. Бердинских. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 293 с.

528. Бененсон, Г. М. Лесозаготовительная промышленность в народном хозяйстве СССР: Очерки развития лесной промышленности / Г. М. Бененсон. – Вып. 1. – М.; Л. : Гослесбумиздат, 1952. – 210 с.

529. Бергавинов, С. За социалистическую индустриализацию Севера. Доклад о работе Севкрайбюро ЦК ВКП(б) на первой Северной краевой партконференции (Приложение к газете «Правда Севера» № 80) / С. Бергавинов. – Архангельск : [Б. и.], 1929. – 32 с.

530. Бергавинов, С. Лесная промышленность на помощь индустриализации / С. Бергавинов. – М. : Изд-во ВЦСПС, 1931. – 16 с.

531. Бердинских, В. А. История одного лагеря (Вятлаг) / В. А. Бердинских. – М. : Аграф, 2001. – 432 с.

532. Бердинских, В. А. Краткая история ГУЛАГа / В. А. Бердинских, В. И. Веремьев. – СПб. : Нестор-История, 2020. – 280 с.

533. Бердинских, В. А. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов / В. А. Бердинских, И. В. Бердинских, В. И. Веремьев; науч. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. – 244 с.

534. Бердинских, И. В. Особенности формирования инфраструктуры системы спецпоселений в СССР в 1931–1940-х гг. : Дис. ... канд. ист. наук / И. В. Бердинских. – Киров, 2007. – 228 с.

535. Берениус, Н. Зеленый фронт. Жизнь и работа Карельского комсомола / Н. Берениус ; под ред. Карельского обкома ВЛКСМ. – Л. : Молодая гвардия, 1931. – 60 с.

536. Борисов // Уральская советская энциклопедия. – Т. 1. – М. ; Свердловск : Уральская советская энциклопедия, 1933. – С. 460–461.

537. Бородкин, Л. И. Об эффективности лагерной экономики: стимулирование труда в раннем ГУЛАГе / Л. И. Бородкин // Мобилизационная

модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. мат. всероссийской науч. конф. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – С. 31–38.

538. Ботяновская, В. В. История Новолялинского целлюлозно-бумажного комбината / В. В. Ботяновская, В. С. Чащихин. – Новая Ляля : [Б. и.], 1983. – 14 с.

539. Бумажная промышленность // Большая Советская энциклопедия. – 2-е изд. – Т. 6. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1951. – С. 281–284.

540. Бумажная промышленность // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. – 2-е изд. – Т. 2. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1939. – С. 132–133.

541. Бумажная промышленность СССР. 1917–1957 гг. / под общ. ред. К. А. Вейнова. – М.; Л. : Гослесбумиздат, 1958. – 148 с.

542. Бумажное производство // Сибирская советская энциклопедия. – Т. 1. – Новосибирск : Сибирское краевое изд-во, 1929. – С. 397–398.

543. Бутковский, В. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР / В. Бутковский. – М.; Л. : Государственное изд-во, 1928. – 123 с.

544. Бухарова, Е. А. Игарка Ивана Леонидова – архитектурный эксперимент 1920-х (город-линия) и предощущение планетарного мифа 1950-х (город Солнца) / Е. А. Бухарова, К. Нендза-Щикониовска // Баландинские чтения. – 2015. – Т. 10, № 2. – С. 116–124.

545. Вавулинская, Л. И. Социально-экономические аспекты развития провинциального города в 1920–60-е гг. (на материалах г. Кондопога, Республика Карелия) / Л. И. Вавулинская // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности : Сб. науч. ст. : Мат. VIII Международных Стахеевских чтений, Елабуга / сост. И. В. Маслова, И. Е. Крапоткина, Г. В. Бурдина. – Елабуга : [Б. и.], 2017. – С. 40–44.

546. Валютный цех : Очерки карельских лесорубов / И. Батюков, М. Комиссаров, М. Лопарев, Ф. Лопарев, Г. Трофимов, П. Шелкониов. – М. : Профиздат, 1931. – 32 с.

547. Васютин, В. Ф. Основные линии развития Урало-Кузбасса во втором пятилетии. Переработанный и дополненный доклад, прочитанный на I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил / В. Ф. Васютин. – М. : Советская Азия, 1932. – 71 с.

548. Вебер, А. Теория размещения промышленности: с приложением работы Шлира «Промышленность Германии с 1860 г.» / А. Вебер. – Л.; М. : Книга, 1926. – 223 с.

549. Ведерников, В. Урало-Кузнецкий комбинат. Очерк по предварительным наброскам и материалам / В. Ведерников, С. Усыскин. – Свердловск : ОГИЗ, Уральское областное отделение, 1931. – 95 с.

550. Верт, Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Н. Верт ; пер. с франц. А. И. Пигалева. – М. : РОССПЭН ; Фонд Первого Президента Б. Н. Ельцина, 2010. – 447 с.

551. Виола, Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений / Л. Виола ; пер. с англ. Е. Осокиной. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 335 с.

552. Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат // Уральская советская энциклопедия. – Т. 1. – М.; Свердловск : Уральская советская энциклопедия, 1933. – С. 662–668.

553. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / отв. ред. О. Лейбович. – 2-е изд., перераб. – М. : РОССПЭН ; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 318 с.

554. Воейков, Е. В. Жилищный фонд лесных трестов Поволжья в 1930–1941 гг. / Е. В. Воейков // Человек в российской повседневности: история и современность. Сб. ст. VII Международной науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. Д. Морозова, В. Б. Жиромской. – Пенза : Пензенский государственный университет, 2014. – С. 48–53.

555. Воейков, Е. В. Освоение топливных ресурсов Поволжья в 1930–1941 гг. / Е. В. Воейков. – Самара : Изд-во Самарского научного центра РАН, 2014. – 250 с.

556. Воробьев, А. Сокол / А. Воробьев. – Л. : Северо-западное книжное изд-во, 1964. – 141 с.
557. Воробьев, С. В. Спецпереселенцы в лесной промышленности Урала в начале 1930-х гг.: условия жизни и работы (по материалам Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП(б)) / С. В. Воробьев // Архив в социуме – социум в архиве. Мат. 4-й всероссийской науч.-практ. конф. – Челябинск, 2021. – С. 265–267.
558. Воронин, Д. И. Стахановские методы работы тавдинцев / Д. И. Воронин. – М. : Гослестехиздат, 1938. – 41 с.
559. Востриков, В. Г. Промышленность и рабочие Марийской АССР (1921 – июнь 1941 г.) : Автореферат дис. ... канд. ист. наук / В. Г. Востриков. – М., 1998. – 26 с.
560. Всеобщая история архитектуры в 12 томах. – Т. 12. Кн. 1. Архитектура СССР. – М. : Изд-во литературы по строительству, 1975. – 755 с.
561. Гайсин, О. Д. Опыт проектирования соцгорода Краснокамска (1930–1950-е годы) / О. Д. Гайсин // «Краснокамск: интеграция в будущее». Мат. всероссийской конф. «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?». – Пермь : Литер-А, 2013. – С. 102–123.
562. Генделев, Л. М. Стахановские методы в спичечной промышленности / Л. М. Генделев, Я. И. Изаков, А. А. Коробов ; под ред. Я. И. Изакова. – М. : Гослестехиздат, 1935. – 44 с.
563. Гидролизная промышленность // Большая Советская энциклопедия. – 2-е изд. – Т. 11. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1952. – С. 296–299.
564. Гирев, Г. М. Лесной комплекс Среднего Урала: этапы развития лесопромышленного производства / Г. М. Гирев // Леса России и хозяйство в них. – 2011. – Вып. 4 (41). – С. 21–36.
565. Глебов, И. Т. Очерки по истории обработки древесины резанием / И. Т. Глебов. – Екатеринбург : УГЛТУ, 2016. – 90 с.
566. Глузман, В. Л. Лесозаготовительные предприятия Среднего Урала / В. Л. Глузман, М. Ф. Маслюков. – Екатеринбург : Сократ, 2001. – 384 с.

567. Голдин, В. И. Подготовка кадров социалистической интеллигенции в Северном крае (1928–1937 гг.) / В. И. Голдин // История и культура Архангельского Севера в годы Советской власти : межвузовский сб. науч. трудов. – Вологда : Вологодский ГПИ, 1985. – С. 119–132.

568. Голдман, В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.) / В. З. Голдман ; пер. с англ. В. Ю. Лобовской. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 358 с.

569. Гололобов, Е. И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930): исторические корни современных экологических проблем : монография / Е. И. Гололобов. – Ханты-Мансийск : Редакционно-издательский отдел БУ «Институт развития образования», 2009. – 222 с.

570. Голубев, А. В. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / А. В. Голубев, И. Р. Такала. – СПб. : Нестор-История, 2019. – 351 с.

571. Горавский, А. Промышленность / А. Горавский, В. Тиунов // Сибирская советская энциклопедия. – Т. 4 / под общ. ред. М. К. Азадовского и др. ; гл. ред. Б. З. Шумяцкий. – Нью-Йорк : Norman Ross publisher, 1992. – С. 515–536.

572. Гордин, А. А. Лобва: 100 лет / А. А. Гордин. – Серов : [Б. и.], 2005. – 253 с.

573. Гордое имя «Новатор». Великоустюгскому фанерному комбинату 100 лет. – Великий Устюг : Великоустюгский фанерный комбинат «Новатор» ; Издательский Дом Вологжанин, 2010. – 130 с.

574. Горчаковский, П. Лесные богатства Урала / П. Горчаковский, Н. Коновалов, Р. Урванов. – Свердловск : Свердловское областное государственное изд-во, 1948. – 109 с.

575. Горьковский край // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. – 2-е изд. – Т. 3. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1936. – С. 377–383.

576. Готчиев, П. Рассказ о моей работе / П. Готчиев. – Петрозаводск : Карельское государственное изд-во, 1939. – 39 с.
577. Гравес, А. Ф. Бумажная промышленность / А. Ф. Гравес, Н. Е. Толстобров // Уральская советская энциклопедия. – Т. 1. – М. ; Свердловск : Уральская советская энциклопедия, 1933. – С. 506–511.
578. Грегори, П. Политическая экономия сталинизма / П. Грегори ; пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича. – 2-е изд. – М. : РОССПЭН ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 400 с.
579. Дальневосточный край // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. – 2-е изд. – Т. 3. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1936. – С. 606–611.
580. Деревообрабатывающая промышленность // Большая Советская энциклопедия. – 2-е изд. – Т. 14. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1952. – С. 67–70.
581. Деревообрабатывающая промышленность // Сибирская советская энциклопедия. – Т. 1. – Новосибирск : Сибирское краевое изд-во, 1929. – С. 817–819.
582. Деревообрабатывающая промышленность СССР // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. – 2-е изд. – Т. 3. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1936. – С. 757–758.
583. Дульский, И. Лесные богатства Урала / И. Дульский. – Свердловск; М. : Гослестехиздат, 1934. – 43 с.
584. Дэвис, Р. Советская экономика и начало «Большого террора» / Р. Дэвис // Экономическая история: Ежегодник. 2006. – М. : РОССПЭН, 2006. – С. 439–474.
585. Егоров, Н. Советская Карелия. История, события, люди, документы, фото / Н. Егоров. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. – 124 с.
586. Елисеева, Е. И. Кулацкая ссылка в Надеждинском (Серовском) районе Свердловской области / Е. И. Елисеева // Документ. Архив. История. Современность : Сб. науч. тр. – Екатеринбург : [Б. и.], 2006. – С. 70–81.

587. Елисейкин, М. М. Моторные пилы МП-220 – МП-180 производства завода им. Дзержинского. Происхождение, развитие, использование в лесной промышленности СССР / М. М. Елисейкин // Город Пермь в промышленном развитии России: исторический опыт и современный потенциал : Мат. науч.-практ. конф. – Пермь : Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2018. – С. 214–227.

588. Ерманский, О. А. Стахановское движение и стахановские методы / О. А. Ерманский. – М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. – 370 с.

589. Жеребцов, И. Л. Возникновение и развитие промышленных предприятий и транспортных путей в Коми крае до середины XX века (хроника событий) / И. Л. Жеребцов, М. В. Таскаев // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72. – Сыктывкар, 2013. – С. 168–274.

590. Жеребцов, И. Л. Коми край: Очерки о десяти веках истории / И. Л. Жеребцов, А. Ф. Сметанин ; сост. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми книжное изд-во, 2003. – 368 с.

591. За большевистский план второй пятилетки Северного края (к краевой конференции по второй пятилетке). – Архангельск : Партиздат, 1932. – 51 с.

592. Заборцева, Л. П. Лесной комплекс республики Коми: история и современность : учеб. пос. к спецкурсу «История лесной промышленности республики Коми» для студентов : самостоятельное учебное электронное издание / Л. П. Заборцева, В. И. Чупров. – Сыктывкар : СЛИ, 2013. – 139 с. – Режим доступа : <http://lib.sfi.komi.com>.

593. Залесов, С. В. Основные этапы становления уральского лесоводства / С. В. Залесов // Леса Урала и хозяйство в них : сб. науч. тр. – Екатеринбург :

Уральский государственный лесотехнический университет, 2003. – Вып. 23. – С. 15–26.

594. Западная область // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. – 2-е изд. – Т. 4. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1936. – С. 427–430.

595. Захаров, В. К. Высшая лесная школа в БССР / В. К. Захаров // 10-летие Белорусского лесотехнического института им. С. М. Кирова и 20-летие высшего лесного образования в БССР. – Гомель : Белорусский лесотехнический институт им. С. М. Кирова, 1940. – С. 49–52.

596. Захарова, Е. Время подвига, 1941–1945 / Е. Захарова, П. Фасонов. – Новодвинск : Архангельский ЦБК ; Архангельск : Карандаш, 2020. – 288 с.

597. Захарова, Е. Рождение гиганта. 1934–1940 / Е. Захарова, П. Фасонов. – Новодвинск : Архангельский ЦБК ; Архангельск : Карандаш, 2019. – 207 с.

598. Захаровский, Л. В. Политика «ликвидации кулачества как класса» и ее проведение в Уральской области. 1929–1933 гг. : Автореферат дис. ... канд. ист. наук / Л. В. Захаровский. – Екатеринбург, 2000. – 31 с.

599. Зеленое золото. Сборник о лесе. – Л. : Политехническая библиотека, 1931. – 64 с.

600. Зимин, В. В. Лесной комбинат Черноморья. Бзыбский бумажно-лесопильно-фанерный комбинат / В. В. Зимин, А. П. Рождественский. – М.; Л. : Государственное научно-техническое изд-во, 1931. – 63 с.

601. Зимин, И. А. Мой опыт работы на газогенераторном автомобиле / И. А. Зимин. – М. : Гослестехиздат, 1939. – 72 с.

602. Зорич, А. Советская Канада. Очерки / А. Зорич. – М. : Федерация, 1931. – 285 с.

603. Иванов, В. И. В бой за лесозаготовки! Речь на краевой конференции лесорубов / В. И. Иванов. – Архангельск : Северное краевое изд-во, 1931. – 16 с.

604. Иванов, В. И. Основные направления развития социалистического Севера: Доклад секретаря Севкрайкома ВКП(б) о работе крайкома на III

Северной краевой конференции ВКП(б) (17–23 января 1932 г.) / В. И. Иванов. Архангельск : Северное краевое изд-во, 1932. – 65 с.

605. Иванова, Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Г. М. Иванова. – М. : Наука, 2006. – 438 с.

606. Иванова, Г. М. Сталинский лагерно-промышленный комплекс: специфика и ключевые характеристики / Г. М. Иванова // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память : Мат. международной науч. конф. / отв. ред. Л. И. Бородин, С. А. Красильников, О. В. Хлевнюк. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. – С. 38–54.

607. Иванчиков, А. А. Динамика лесопользования и состояние лесного фонда Карелии / А. А. Иванчиков, В. И. Саковец // Лесоводственно-экологические аспекты хозяйственной деятельности в лесах Карелии. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2005. – С. 8–18.

608. Ивницкий, Н. А. Судьба раскулаченных в СССР / Н. А. Ивницкий. – М. : Собрание, 2004. – 296 с.

609. Игнатова, Н. М. Влияние принудительных миграций на развитие лесозаготовительной промышленности республики Коми в 1930–1950-е годы / Н. М. Игнатова // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72. – Сыктывкар, 2013. – С. 82–94.

610. Игнатова, Н. М. Принудительный труд спецпереселенцев как системный фактор индустриального освоения северных регионов в 1930–1950-е гг. / Н. М. Игнатова // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память : Мат. международной науч. конф. / отв. ред. Л. И. Бородин, С. А. Красильников, О. В. Хлевнюк. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. – С. 433–449.

611. Игнатова, Н. М. Развитие сельского хозяйства в спецпоселках Коми АССР / Н. М. Игнатова // Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья : Мат. регионального науч. симпозиума. – Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2004. – С. 92–100.
612. Игнатова, Н. М. Спецпереселенцы в 30–50-е годы XX века: На материалах Коми АССР : Дис. ... канд. ист. наук / Н. М. Игнатова. – Сыктывкар, 2001. – 205 с.
613. Ильюхов, А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. / А. А. Ильюхов. – М. : РОССПЭН ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – 415 с.
614. Индустриализация Коми автономной области: историографический и источниковедческий анализ и публикация архивной рукописи. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. – 271 с.
615. Индустриализация Сибири // Сибирская советская энциклопедия. – Т. 2. – М. : Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. – С. 239–267.
616. История Дальнего Востока России. – Т. 3. – Кн. 2. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года / под общ. ред. В. Л. Ларина ; отв. ред. Л. И. Галлямова. – Владивосток : Дальнаука, 2018. – 656 с.
617. История народного хозяйства Урала. – В 2 ч. – Ч. 1. – Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1988. – 256 с.
618. История развития лесной промышленности Среднего Урала / сост. М. Ф. Маслюков. – Екатеринбург : Средне-Уральское книжное изд-во, 1997. – 398 с.
619. История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Т. 4. Сибирь в период строительства социализма / гл. ред. А. П. Окладников. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1968. – 501 с.
620. История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к

коммунизму / гл. ред. А. П. Окладников. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1969. – 470 с.

621. История социалистической экономики СССР. – Т. 3. Создание фундамента социалистической экономики в СССР: 1926–1932 гг. / ред. И. А. Гладков. – М. : Наука, 1977. – 536 с.

622. История социалистической экономики СССР. – Т. 4. Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР (1933–1937 гг.) / отв. ред. И. А. Гладков. – М. : Наука, 1978. – 519 с.

623. История социалистической экономики СССР. – Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны, 1938–1945 / отв. ред. И. А. Гладков. – М. : Наука, 1978. – 568 с.

624. История СССР с древнейших времен до наших дней. – Т. VIII. Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР. 1921–1932 гг. / отв. ред. Ю. А. Поляков. – М. : Наука, 1967. – 726 с.

625. История СССР с древнейших времен до наших дней. – Т. IX. Построение социализма в СССР. 1933–1941 гг. / отв. ред. А. П. Кучкин. – М. : Наука, 1971. – 552 с.

626. История Урала. Пособие для студентов, учителей и самообразования / под общ. ред. И. С. Капцуговича. – 2-е изд. – Т. II. Период социализма. – Пермь : Пермское книжное изд-во, 1977. – 543 с.

627. История целлюлозно-бумажной промышленности России. – Архангельск : РАО «Бумпром» ; ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера», 2009. – 232 с.

628. История Чувашии новейшего времени. – В 2 кн. – Кн. 1: 1917–1945. – Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарный наук, 2001. – 261 с.

629. История экономики Карелии. – В 3 кн. – Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). – Петрозаводск : ПетроПресс, 2005. – 244 с.

630. Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. – М. : Госпланиздат, 1939. – 157 с.

631. Итоги выполнения первого пятилетнего плана народного хозяйства Союза ССР. – М.; Л. : Стандартизация и рационализация, 1933. – 276 с.
632. Казусь, И. А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования / И. А. Казусь. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 464 с.
633. Камскому комбинату – 20 лет. – Краснокамск : Всесоюзное НТО бумажной и деревообрабатывающей промышленности, 1956. – 67 с.
634. Канада // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. С. Б. Ингулов, Н. Л. Мещеряков. – 2-е издание. – Т. 5. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1937. – С. 216–223.
635. Караваева, И. В. Эволюция теории и практики социалистической индустриализации / И. В. Караваева // Экономическая история СССР: очерки / руководитель авторского коллектива Л. И. Абалкин. – М. : ИНФРА-М, 2007. – С. 99–136.
636. Карельская АССР // Малая Советская энциклопедия / Гл. ред. С. Б. Ингулов, Н. Л. Мещеряков. – 2-е изд. – Т. 5. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1937. – С. 296–301.
637. Кармазин, А. С. Историография социальной политики советского государства в отношении рабочего класса Урала в 1921–1941 гг. (на материалах Уральского региона) : Автореферат дис. ... канд. ист. наук / А. С. Кармазин. – Тюмень, 2006. – 27 с.
638. Килин, Ю. Карелия в политике Советского государства (1920–1941) / Ю. Килин. – Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского государственного университета, 1999. – 275 с.
639. Кириллов, А. К. Лесной комплекс / А. К. Кириллов, А. С. Липин, В. А. Соколов // Историческая энциклопедия Сибири. – Т. 2 / гл. ред. В. А. Ламин. – Новосибирск : Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – С. 273–275.
640. Кириллов, В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 1950-х гг. / В. М. Кириллов. – Ч. 1. – Нижний Тагил : Уральский государственный педагогический университет ; Нижнетагильский государственный педагогический институт, 1996. – 227 с.

641. Кириллов, В. М. Страницы истории среднеуральских «островов» ГУЛАГа (1936–1953) / В. М. Кириллов // Страницы истории Урала : Сб. ст. и информационных мат. – Вып. 3 / отв. ред. В. А. Порозов. – Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 1998. – С. 88–100.

642. Кириллов, В. М. Формирование концепта «соцгород» и идентичность его строителей (на материале Нижнего Тагила 1920–1930-х гг.) / В. М. Кириллов // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2017. – С. 354–363.

643. Кирсанов, Р. С. Особенности трудовых отношений и повседневная жизнь рабочих Средневолжского края в 1928–1936 гг. : Дис. ... канд. ист. наук / Р. С. Кирсанов. – Пенза, 2020. – 232 с.

644. Киселев, М. Ю. История организации научных исследований леса в Академии наук СССР / М. Ю. Киселев // Цивилизационные перемены в России : сб. науч. тр. по мат. науч.-практ. конф. – Екатеринбург : Уральский государственный лесотехнический университет, 2018. – С. 104–110.

645. Киселева, А. А. Кластерные основы и методический инструментарий конкурентного развития регионального лесопромышленного комплекса : Дис. ... канд. эконом. наук / А. А. Киселева. – Пермь, 2015. – 183 с.

646. Клименко, К. Уральский промышленный район / К. Клименко. – М. : Госпланиздат, 1945. – 69 с.

647. Кожевников, А. Игарка (радиопередача для пионеров и старших школьников) / А. Кожевников. – М. : [Б. и.], 1940. – 7 с.

648. Кожевников, М. А. Целлюлозно-бумажный комбинат. История / М. А. Кожевников, В. Колчев. – Новая Ляля : [Б. и.], 1978. – 194 с.

649. Колданов, В. Я. Очерки истории советского лесного хозяйства / В. Я. Колданов. – М. : Экология, 1992. – 254 с.

650. Коми-Пермяцкий национальный округ. Исторические очерки. – Пермь : Пермское книжное изд-во, 1977. – 293 с.

651. Коми-Пермяцкий округ: век XX. – Пермь : Научно-исследовательская издательская фирма «Горт», 2001. – 248 с.

652. Комшилов, Н. Ф. Сырьевая база канифольно-экстракционного производства в Карело-Финской ССР / Н. Ф. Комшилов, И. В. Первозванский, О. И. Пилипчук, Л. И. Сииркова // Труды Карело-Финского филиала АН СССР. – 1956. – Вып. 3. – С. 67–80.

653. Коничев, К. Стахановец Мусинский / К. Коничев // Знатные люди Севера / под ред. Н. Д. Попова, К. И. Коничева, А. И. Шинева. – Архангельск : Севкрайгиз, 1936. – С. 5–44.

654. Кононов, И. Контрольные цифры Крайнего Севера / И. Кононов // Крайний Север к 1934 г. Сб. мат. по хозяйственному и культурному строительству. Приложение к журналу «Советский Север». – М. : Власть Советов, 1934. – С. 24–45.

655. Конышева, Е. В. Градостроительство Урала 1920–1930-х гг.: региональный аспект общероссийских тенденций / Е. В. Конышева // Советское градостроительство. 1917–1941. – Книга первая. – М. : Прогресс-Традиция, 2018. – С. 474–522.

656. Коротаев, В. И. Проблема освоения репрессированными Европейского Севера / В. И. Коротаев // Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья : Мат. регионального науч. симпозиума. – Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2004. – С. 9–17.

657. Коткин, С. Говорить по-большевистски (из кн. «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») / С. Коткин ; пер. с англ. Э. Филипповой, О. Леонтьевой // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период : Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара : Самарский университет, 2001. – С. 250–328.

658. Кочеткова, Е. А. Вклад финнов-иммигрантов в строительство Кондопожского ЦБК (1920–1930-е годы) / Е. А. Кочеткова // Российские финны: вчера, сегодня завтра. Сб. ст., посвященный 20-летию

Ингерманландского союза финнов Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2010. – С. 70–76.

659. Красильников, С. А. Режимные крестьяне 1930-х гг.: от повинностей к принуждению / С. А. Красильников // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память : Мат. международной науч. конф. / отв. ред. Л. И. Бородин, С. А. Красильников, О. В. Хлевнюк. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. – С. 398–416.

660. Красильников, С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. / С. А. Красильников. – М. : РОССПЭН, 2003. – 288 с.

661. Краснокамск – город Солнца: научно-популярное издание / автор текста И. Тарасова. – Пермь : Сенатор, 2013. – 144 с.

662. Краткий географический очерк Северного края (в картах) / под ред. М. Я. Рознера ; сост. А. Ф. Белавин, А. Н. Дьячков, С. А. Селезнев. – Архангельск : Издание Северного картографического предприятия Всесоюзного картографического треста, 1934. – 34 с.

663. Кринко, Е. Ф. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций / Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидинова, Т. П. Хлынина. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 360 с.

664. Кудров, В. М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 2003. – 308 с.

665. Кузнецов, А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг. : Автореферат дис. ... канд. ист. наук / А. Ф. Кузнецов. – Свердловск, 1979. – 19 с.

666. Кузнецов, А. Ф. Партийное руководство подготовкой кадров для лесной и лесоперерабатывающей промышленности Урала (1933–1937) / А. Ф. Кузнецов // Партийные организации во главе культурного строительства. – Свердловск : Уральский государственный университет, 1978. – С. 67–72.

667. Кузнецов, А. Ф. Химико-лесной комплекс Урала: история и современность (XV–XX вв.) : Мат. к спецкурсу / А. Ф. Кузнецов. – Екатеринбург : Уральская государственная лесотехническая академия, 1996. – 48 с.
668. Кузьминов, И. Ф. Географические последствия постсоветской трансформации лесопромышленного комплекса России : Автореферат дис. ... канд. геогр. наук / И. Ф. Кузьминов. – М., 2012. – 27 с.
669. Кулагин, О. И. Лесопромышленный комплекс Карелии во второй половине XX века: реализация ресурсной модели модернизации моноотраслевого региона : Автореферат дис. ... докт. ист. наук / О. И. Кулагин. – Саранск, 2020. – 51 с.
670. Куприянов, Г. Карело-Финская советская социалистическая республика / Г. Куприянов. – М. : Госполитиздат, 1949. – 132 с.
671. Куят, Ф. Лесная промышленность / Ф. Куят // Сибирская советская энциклопедия. – Т. 3. – М. : Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. – С. 100–110.
672. Лебедев, И. В. Лесная политика Советского государства: исторический опыт и проблемы : Автореферат дис. ... канд. ист. наук / И. В. Лебедев. – М., 1992. – 20 с.
673. Лерский, И. Воспроизводство основных фондов промышленности СССР в условиях войны / И. Лерский. – М. : Госпланиздат, 1945. – 49 с.
674. Леса Урала / под ред. М. Е. Ткаченко. – Свердловск : Изд-во Уральского филиала Академии наук СССР, 1948. – 231 с.
675. Лесная индустрия Прикамья. – Пермь : Пермское книжное изд-во, 1968. – 278 с.
676. Лесная промышленность // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. – 2-е изд. – Т. 6. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1937. – С. 263–265.
677. Лесная промышленность СССР. 1917–1957. – В 3 т. – Т. 1. Лесозаготовка / Гл. ред. В. А. Попов. – М. : Гослесбумиздат, 1957. – 257 с.

678. Лесная промышленность СССР. 1917–1957. – В 3 т. – Т. 2. Лесопиление и деревообработка / Гл. ред. В. А. Попов. – М. : Гослесбумиздат, 1957. – 165 с.
679. Лесная промышленность СССР. 1917–1957. – В 3 т. – Т. 3. Лесная наука и кадры / Гл. ред. В. А. Попов. – М. : Гослесбумиздат, 1957. – 160 с.
680. Лесное хозяйство и лесные ресурсы Республики Коми / под ред. Г. М. Козубова, А. И. Таскаева. – М. : Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. – 512 с.
681. Лесное хозяйство СССР. – М. : Лесная промышленность, 1977. – 368 с.
682. Лесное хозяйство СССР за 50 лет. – М. : Лесная промышленность, 1967. – 312 с.
683. Лесной комплекс Вологодской области. Вчера. Сегодня. Завтра. – Вологда : Издательское предприятие «Вологодский лес», 2003. – 200 с.
684. Лесные мастера. Опыт работы лесорубческой поточной стахановской бригады Михаила Шестакова. – Архангельск : Северное краевое государственное изд-во, 1936. – 103 с.
685. Лесозаготовительная промышленность // Большая Советская энциклопедия. – 2-е изд. – Т. 25. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1954. – С. 16–19.
686. Лесопильная промышленность // Большая Советская энциклопедия. – 2-е изд. – Т. 25. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1954. – С. 23–24.
687. Лесотехническое образование // Сибирская советская энциклопедия. – Т. 3. – М. : Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. – С. 128–129.
688. Лесохимическая промышленность // Большая Советская энциклопедия. – 2-е изд. – Т. 25. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1954. – С. 32–34.

689. Лесохимическая промышленность // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. – 2-е изд. – Т. 6. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1937. – С. 268–269.
690. Линден ван дер, М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения / М. ван дер Линден // Социальная история. Ежегодник. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 206–216.
691. Лобов, С. С. О лесной промышленности / С. С. Лобов. – М.; Л. : Государственное изд-во, 1930. – 64 с.
692. Лобов, С. С. Пути развития лесной промышленности во втором пятилетии / С. С. Лобов. – М. : Гослестехиздат, 1932. – 37 с.
693. Логинов, В. В лесах Карелии. Жизнь и работа комсомольцев на лесозаготовках / В. Логинов. – М.; Л. : Молодая гвардия, 1931. – 72 с.
694. Лукьянов, П. М. Краткая история химической промышленности СССР. От возникновения химической промышленности в России до наших дней / П. М. Лукьянов. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 464 с.
695. Мазур, Л. Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930–1950-е гг. / Л. Н. Мазур // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург : Изд-во Уральского государственного университета, 2002. – С. 176–208.
696. Мазур, Л. Н. Сельское расселение на Среднем Урале в XX веке: направления и варианты трансформации поселенческой сети : Дис. ... докт. ист. наук / Л. Н. Мазур. – Екатеринбург, 2006. – 475 с.
697. Максимова, Л. А. Роль репрессированного населения в экономической модернизации на Европейском Северо-востоке / Л. А. Максимова // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Мат. международной науч. конф. / под ред. Е. В. Кодина. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – С. 274–285.
698. Макуров, В. Г. Роль ГУЛАГа в хозяйственном освоении Севера в 1920–1930-х гг. (на материалах Карелии) / В. Г. Макуров // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития : Сб. науч. ст. / сост. С. И.

Шубин (отв. ред.), А. О. Подоплекин, П. С. Журавлев. – Архангельск : Поморский университет, 2010. – С. 83–91.

699. Малкин, И. Т. История бумаги / И. Т. Малкин. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 191 с.

700. Малкова, Т. А. Сыктывкарский промышленный узел в довоенные годы: к вопросу исследования и формирования / Т. А. Малкова // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72. – Сыктывкар, 2013. – С. 62–73.

701. Малышев, В. М. Гипотеза решения ангарской проблемы / В. М. Малышев. – М.; Иркутск : Восточносибирское краевое изд-во, 1935. – 193 с.

702. Малюгин, А. И. Становление и развитие лесной и лесоперерабатывающей промышленности в Чувашии (1917–1941 гг.) : Автореферат дис. ... канд. ист. наук / А. И. Малюгин. – Чебоксары, 2011. – 22 с.

703. Маркевич, А. М. Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг. / А. М. Маркевич // Экономическая история : Ежегодник. 2004. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 118–140.

704. Материалы по развитию хозяйства Пермского района Уральской области в системе УКК. – Пермь : Горплан, 1931. – 83 с.

705. Мебельная промышленность // Большая Советская энциклопедия. – 2-е изд. – Т. 26. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1954. – С. 596–597.

706. Медведев, Н. А. Лесосырьевые ресурсы и размещение лесной промышленности СССР / Н. А. Медведев, Г. А. Братцев. – М.; Л. : Гослесбумиздат, 1959. – 55 с.

707. Меерович, М. Г. Концепция «социалистического города» и практика ее реализации / М. Г. Меерович // Советское градостроительство. 1917–1941. – Книга первая. – М. : Прогресс-Традиция, 2018. – С. 180–239.

708. Меерович, М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.) / М. Г. Меерович. – М. : РОССПЭН ; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 303 с.
709. Минуя рубежи эпох, 1940–2010 / ред.-сост. Н. А. Кошелева. – Архангельск : Архангельский ЦБК, 2010. – 488 с.
710. Мирошниченко, М. И. Жилищные условия населения городов Урала в 1920-х – первой половине 1930-х гг. / М. И. Мирошниченко // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Мат. XI Всероссийской науч. конф. – Т. 2. – Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2013. – С. 163–168.
711. Мишустин, Д. Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР / Д. Д. Мишустин. – М. : Международная книга, 1938. – 222 с.
712. Моисеев, Н. А. Лесное хозяйство России за 100 лет / Н. А. Моисеев // Аналитический ежегодник «Россия в окружающем мире: 2001». – М. : МНЭПУ, 2001. – С. 80–99.
713. Морозов, Н. А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956 / Н. А. Морозов. – Сыктывкар : Сыктывкарский университет, 1997. – 190 с.
714. Мусинский, В. История одного стахановского движения / В. Мусинский // Вячеслав Михайлович Молотов. К пятидесятилетию со дня рождения (1890 г. – 9 марта 1940 г.). – Саранск : Мордовское государственное изд-во, 1940. – С. 131–134.
715. Мясников, Б. Иван Дмитриевич Готов / Б. Мясников // Знатные люди Севера / под ред. Н. Д. Попова, К. И. Коничева, А. И. Шинева. – Архангельск : Севкрайгиз, 1936. – С. 177–190.
716. Напалков, А. Д. Политика органов государственной власти Коми АССР по индустриальному развитию республики во второй половине 30-х – первой половине 40-х годов XX века / А. Д. Напалков // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и

культурное развитие региона. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72. – Сыктывкар, 2013. – С. 106–116.

717. Нисковский, А. А. Документы областных съездов советов как источник по истории промышленного развития Коми автономной области в 1921–1936 годах / А. А. Нисковский // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72. – Сыктывкар, 2013. – С. 160–166.

718. Нисковский, А. А. Подготовка и реализация первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР в Коми крае / А. А. Нисковский // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Мат. XI всероссийской науч. конф. / отв. ред. Д. В. Гаврилов. – Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2013. – Т. 2. – С. 181–187.

719. Новолодская, М. С. Жилищное обеспечение работников Челутаевского ЛПХ в 30-е гг. XX в. / М. С. Новолодская // Сибирь и Россия: освоение, развитие, перспективы: мат. всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 70-летию кафедры истории Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова. – Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2009. – С. 32–34.

720. Новолодская, М. С. История развития рабочих лесной промышленности Бурятии (нач. 1930-х – кон. 1950-х гг. XX в.) : Автореферат дис. ... канд. ист. наук / М. С. Новолодская. – Улан-Удэ, 2012. – 21 с.

721. Обухов, Л. А. Из истории строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и Вишерского лагеря / Л. А. Обухов // «Города несвободы» : мат. международной науч.-практ. конф. – Пермь : Литер-А, 2012. – С. 46–58.

722. Обухов, Л. А. Первостроители соцгородов / Л. А. Обухов // «Краснокамск: интеграция в будущее». Мат. всероссийской конф.

«Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?». – Пермь : Литер-А, 2013. – С. 36–49.

723. Основные показатели развития народного хозяйства и культуры Бурят-Монгольской АССР за 15 лет (в цифрах) (в границах новой территории) // 15 лет Бурят-Монгольской АССР. Политико-экономический сборник, посвященный празднованию 15-летнего юбилея БМАССР. – Улан-Удэ : Бурят-Монгольское государственное изд-во, 1938. – С. 86–99

724. Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е. А. Осокина. – 2-е изд., доп. – М. : РОССПЭН ; Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 351 с.

725. Остальцев, К. А. Красновишерск: город-лагерь и город-сад. Проекты и реальность / К. А. Остальцев // «Краснокамск: интеграция в будущее». Мат. всероссийской конф. «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?». – Пермь : Литер-А, 2013. – С. 49–56.

726. От истоков к будущему. Поселок Хор. 120 лет / сост. Б. К. Кузнецов. – Хабаровск : Хабаровская краевая типография, 2017. – 204 с.

727. Пажит, Ю. Ю. Ивдельлаг и Севураллаг в системе ГУЛАГа НКВД СССР на территории Свердловской области в 1940-е гг. / Ю. Ю. Пажит // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : мат. V региональной науч. конф. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2003. – С. 359–362.

728. Палкина, Г. А. Краснокамск / Г. А. Палкина. – Пермь : Книжное изд-во, 1988. – 246 с.

729. Парфенов, А. Е. Иностранный концессионный капитал в советской лесной промышленности: условия привлечения и результаты использования (1918–1930 гг.) : Автореферат дис. ... канд. экон. наук / А. Е. Парфенов. – Волгоград, 2007. – 26 с.

730. Паш, В. Антон Васильевич / В. Паш // Знатные люди Севера / Под редакцией Н. Д. Попова, К. И. Конищева, А. И. Шинева. – Архангельск : Севкрайгиз, 1936. – С. 121–136.

731. Пашков, К. И. Некоторые особенности лесоустройства и лесопользования в Байкальском регионе в 1930–1950 гг. / К. И. Пашков // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 2014. – С. 446–454.

732. Первозванский, И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии / И. В. Первозванский // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вып. XIX. Вопросы рационального использования лесов Карелии. – Петрозаводск, 1959. – С. 5–75.

733. Петров, Б. С. Очерки о развитии лесной промышленности Урала / Б. С. Петров. – М.; Л. : Гослесбумиздат, 1952. – 146 с.

734. Писаренко, А. И. Лесное хозяйство России: от пользования – к управлению / А. И. Писаренко, В. В. Страхов. – М. : Юриспруденция, 2004. – Режим доступа : <https://www.booksite.ru/fulltext/les/noy/eho/zya/yst/vo/index.htm>.

735. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. – М. : РОССПЭН, 2006. – 240 с.

736. Побережников, И. В. Теоретико-методологическое обоснование многоуровневого изучения модернизации / И. В. Побережников // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2011. – С. 12–48.

737. Попков, А. Лесное хозяйство / А. Попков // Сибирская советская энциклопедия. – Т. 3. – М. : Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. – С. 110–123.

738. Постников, С. П. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 230 с.

739. Постников, С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – М. : РОССПЭН, 2009. – 367 с.

740. Постников, С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.) / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – Екатеринбург : УрО РАН, 2006. – 474 с.
741. Пробст, А. Е. Топливо и Отечественная война / А. Е. Пробст. – М. : Госпланиздат, 1945. – 72 с.
742. Прядилина, Н. К. Лесной сектор экономики Свердловской области: этапы развития, современное состояние и проблемы лесного планирования : монография / Н. К. Прядилина. – Екатеринбург : УГЛТУ, 2019. – 342 с.
743. Пятовский, В. П. Осуществление ленинской программы развития производительных сил Европейского Севера СССР (1917–1941 гг.) : Автореферат дис. ... докт. ист. наук / В. П. Пятовский. – Л., 1974. – 45 с.
744. Развитие советской экономики / под ред. А. А. Арутиняна, Б. Л. Маркуса. – М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. – 663 с.
745. Рассказов, Л. П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках / Л. П. Рассказов // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М. : РОССПЭН, 2003. – С. 269–319.
746. Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия. Страницы истории, 1803–2003. – СПб. : Хромис, 2003. – 814 с.
747. Санников, Л. И. Краевое районирование и таможенная реформа конца 1920-х гг. Северный край во внешней торговле СССР / Л. И. Санников // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития : Сб. науч. ст. / сост. С. И. Шубин (отв. ред.), А. О. Подоплекин, П. С. Журавлев. – Архангельск : Поморский университет, 2010. – С. 43–47.
748. С веком наравне: с вершины юбилея пути вперед виднее. Новолялинскому целлюлозно-бумажному комбинату 100 лет. – Екатеринбург : Аристократ, 2014. – 204 с.
749. Сборник рационализаторских предложений по лесозаготовкам. – Вып. 1. – М. : Гослестехиздат, 1941. – 54 с.

750. Северный лес на все времена. – Сыктывкар : Издательская группа ООО «Коми республиканская типография», 2011. – 431 с.
751. Секретов нет! // Комсомол в стахановском движении. – М. : Молодая гвардия, 1936. – С. 131–137.
752. Сергеев, Б. Ф. Добыча и переработка живицы / Б. Ф. Сергеев. – М. ; Л. : Госхимтехиздат, 1933. – 127 с.
753. Сибирцев, Н. Торговое мореплавание в Сибири и 15 лет Карских экспедиций // Итин В. Северный морской путь и Карские экспедиции / В. Итин, Н. Сибирцев ; предисловие и под ред. Б. В. Лаврова. – Новосибирск : Западно-Сибирское краевое изд-во, 1936. – С. 7–120.
754. Симонов, А. П. Промышленность Башкирской АССР за XX лет / А. П. Симонов // XX лет Башкирской автономной советской социалистической республики (1919–1939 гг.). – Уфа : Башгосиздат, 1939. – С. 47–93.
755. Славко, Т. И. «Кулацкая» ссылка на Урале (1930–1936) / Т. И. Славко. – М. : Мосгосархив, 1995. – 173 с.
756. Смилингис, А. Поселок Аджером (Пезмог) в истории ГУЛАГа СССР // ГУЛАГ на севере России : мат. всероссийской науч. конф. с международным участием / А. Смилингис. – Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011. – Ч. 1. – С. 68–71.
757. Смирнова, Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы : Автореферат дис. ... канд. ист. наук / Е. П. Смирнова. – Петрозаводск, 2006. – 22 с.
758. Соединенные штаты Америки // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – 2-е издание. – Т. 9. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1941. – С. 859–915.
759. Соколов, А. И. Лесовосстановление на вырубках Северо-Запада России / А. И. Соколов. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2006. – 215 с.

760. Соколов, А. К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) / А. К. Соколов // Экономическая история: Ежегодник, 2003. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 74–99.

761. Соколов, А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х гг.) / А. К. Соколов // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. – Вып. 4. – М., 2000. – С. 39–80.

762. Соколов, В. В. Очерки эколого-климатической истории России. Монография / В. В. Соколов. – СПб. : РГГМУ, 2010. – 309 с.

763. Соловьев, С. П. Промышленность советской Бурят-Монголии / С. П. Соловьев // 15 лет Бурят-Монгольской АССР. Политико-экономический сборник, посвященный празднованию 15-летнего юбилея БМАССР. – Улан-Удэ : Бурят-Монгольское государственное изд-во, 1938. – С. 27–46.

764. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) : Коллективная монография / Н. Б. Арнаутков, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов, Д. Д. Миненков, Л. И. Пыстина, Л. И. Сосковец, А. Г. Тепляков, Н. Д. Троценко, С. Н. Ушакова, О. В. Шер. – Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2013. – 419 с.

765. Сперанский, А. Н. Проблема развития черной металлургии Урало-Кузнецкого комбината / А. Н. Сперанский // Урало-Кузнецкий комбинат. Сб. ст. / под ред. А. О. Золотарева. – М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. – С. 51–88.

766. Спичечная промышленность // Большая Советская энциклопедия. – 2-е изд. – Т. 40. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1957. – С. 314–315.

767. СССР // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – Т. 10. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1940. – С. 13–314.

768. Стахановские школы в целлюлозно-бумажной промышленности, их организация и методы обучения в них. – Л. : Гослестехиздат, 1940. – 48 с.

769. Сумароков, В. П. Первенец индустриальной лесохимии. История создания, методы технологического процесса и характеристика оборудования

Ашинского лесохимического завода / В. П. Сумароков ; под ред. С. П. Насакина. – М. : Государственное лесное техническое изд-во, 1933. – 103 с.

770. Суслов, А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) / А. Б. Суслов. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 424 с.

771. Сухопутный лесотранспорт / под общ. ред. Д. А. Попова. – 2-е испр. и доп. изд. – Том 1. – Л. : Гослестехиздат, 1940. – 414 с.

772. Такала, И. Североамериканские финны в довоенной Карелии / И. Такала // Устная история в Карелии : Сб. науч. ст. и источников. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Голубев. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. – С. 32–51.

773. Такала, И. Финны-иммигранты в России в XX в. / И. Такала // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. – Т. XVII: Финляндия и Россия. – М. : Модест Колеров, 2015. – С. 272–311.

774. Такала, И. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е – первая половина 1930-х годов) / И. Такала // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3 / науч. ред. О. П. Илюха. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2009. – С. 107–148.

775. Талевич, Б. И. О генеральном плане развития лесной промышленности РСФСР с 1925/26 по 1940/41 г. / Б. И. Талевич. – М. : Госплан РСФСР, 1927. – 86 с.

776. Твердов, Е. Орденоносец Первышин / Е. Твердов // Знатные люди Севера / под ред. Н. Д. Попова, К. И. Коничева, А. И. Шинева. – Архангельск : Севкрайгиз, 1936. – С. 85–101.

777. Терехов, В. С. Тарифная политика в сфере оплаты труда специалистов уральской промышленности в 1930-е годы / В. С. Терехов // Урал

в прошлом и настоящем. Мат. науч. конф. – Ч. 1. – Екатеринбург : НИСО УрО РАН ; БКИ, 1998. – С. 509–512.

778. Тимошенко, А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки / А. И. Тимошенко. – Новосибирск : Параллель, 2007. – 287 с.

779. Тиунов, В. Индустриальные пятилетки Западного Урала / В. Тиунов. – Пермь : Пермское книжное изд-во, 1977. – 514 с.

780. Тиунов, В. Молотовская область (краткий экономический очерк) / В. Тиунов. – Молотов : Молотовское областное изд-во, 1940. – 72 с.

781. Тиунов, В. Урало-Кузнецкий комбинат / В. Тиунов. – Новосибирск : ОГИЗ, Запсиботделение, 1931. – 64 с.

782. Ткаченко, М. Е. Рационализация лесного хозяйства на Урале в связи с обороной страны / М. Е. Ткаченко. – Свердловск : Издание Уральского лесотехнического института, 1943. – 26 с.

783. Трейвиш, А. И. Исторический опыт модернизации российского общества и пространства // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / А. И. Трейвиш ; ред. В. М. Котляков, А. Н. Швецов, О. Б. Глезер. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2020. – С. 12–49.

784. Тулаева, С. «Забота о героях лесного фронта»: труд и социальная политика лесопромышленных предприятий Коми АССР в 1930-е годы / С. Тулаева // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. – М. : Вариант ; ЦСПГИ, 2007. – С. 182–196.

785. Турубанов, А. Н. Строительный комплекс Республики Коми в XX веке: монография / А. Н. Турубанов ; отв. ред. В. И. Коротаев. – Сыктывкар : КРАГСиУ, 2012. – 267 с.

786. Тягай, Д. Н. Бумага и бумажная промышленность в СССР / Д. Н. Тягай ; под ред. Ф. Ф. Боброва. – М. : Гослестехиздат, 1937. – 427 с.

787. Упадышев, Н. В. ГУЛАГ в Архангельской области: численность и динамика заключенных исправительно-трудовых лагерей в 1937–1953 гг. / Н. В.

Упадышев // XIV международные Ломоносовские чтения. Сб. науч. тр. – Архангельск : Поморский государственный университет, 2002. – С. 164–183.

788. Упадышев, Н. В. Роль ГУЛАГа в социально-экономическом развитии Европейского Севера России (на материалах Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР) / Н. В. Упадышев // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития : Сб. науч. труд. / сост. С. И. Шубин (отв. ред.), А. О. Подоплекин, П. С. Журавлев. – Архангельск : Поморский университет, 2010. – С. 75–83.

789. Урал в панораме XX века / гл. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург : Изд-во «СВ-96», 2000. – 496 с.

790. Файнгольд, Г. М. Урало-Кузнецкая проблема в решениях и постановлениях партии и правительства / Г. М. Файнгольд // Урало-Кузнецкий комбинат. Сб. ст. / под ред. А. О. Золотарева. – М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. – С. 13–23.

791. Фанерная промышленность // Большая Советская энциклопедия. – 2-е изд. – Т. 44. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1957. – С. 518–519.

792. Федорович, И. Урало-Кузнецкая проблема / И. Федорович. – Л. : Центральное управление печати ВСНХ СССР, 1926. – 100 с.

793. Фейгин, Я. Размещение производительных сил СССР / Я. Фейгин. – М. : Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941. – 135 с.

794. Фельдман, В. В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.) / В. В. Фельдман. – Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1989. – 156 с.

795. Фельдман, М. А. Власть, ученые, хозяйственники, рабочие СССР в годы Первой пятилетки: проблема взаимоотношений : Монография / М. А. Фельдман. – Екатеринбург : Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. – 314 с.

796. Фельдман, М. А. История стахановского движения: между реальностью и мифологией / М. А. Фельдман // Трудовые отношения в

условиях мобилизационной модели развития : сб. науч. ст. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск : Энциклопедия, 2010. – С. 117–132.

797. Филимончик, С. Н. ББК как символ сталинской модернизации 1930-х гг. / С. Н. Филимончик // ГУЛАГ на севере России : мат. всероссийской науч. конф. с международным участием. – Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011. – Ч. 1. – С. 61–64.

798. Филимончик, С. Н. Строительная отрасль Карелии в период форсированной индустриализации / С. Н. Филимончик // Сибирские строители: события и судьбы : Сб. ст. всероссийской науч. конф. – Курган : Курганский Дом печати, 2017. – С. 442–454.

799. Финляндия // Малая Советская энциклопедия / под ред. С. И. Вавилова, К. Е. Ворошилова, А. Я. Вышинского, П. И. Лебедева-Полянского, А. Лозовского, Ф. Н. Петрова, Ф. А. Ротштейна, О. Ю. Шмидта. – Т. 11. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1947. – С. 204–217.

800. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город / Г. Фицпатрик ; пер. с англ. Л. Ю. Пантина. – 2-е изд. – М. : РОССПЭН ; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 336 с.

801. Флейшиц, Е. А. Правовая организация лесной промышленности Союза ССР / Е. А. Флейшиц. – Л. : Гослестехиздат, 1936. – 99 с.

802. Ханин, Г. И. Экономическая история России в новейшее время: Монография / / Г. И. Ханин. – Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2008. – Т. 1. Экономика СССР в конце 1930-х годов – 1987 год. – 516 с.

803. Ханин, Г. Экономический рост советской экономики: альтернативная оценка / Г. Ханин // Ханин Г. И. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива : избранные труды в двух томах. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. – Т. 1. – С. 50–63.

804. Ханталин, Р. А. Роль репрессированных в развитии производительных сил Поморья (1930–1954 гг.) / Р. А. Ханталин // Вклад

репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья : Мат. регионального науч. симпозиума. – Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2004. – С. 17–28.

805. Харрисон, М. Промышленное производство в СССР в 1928–1950 гг.: реальный рост, скрытая инфляция и «неизменные цены 1926/27 г.» / М. Харрисон // Экономическая история : Ежегодник. 2001. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 293–336.

806. Хатанзейская, Е. В. Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны 1929–1945 гг. / Е. В. Хатанзейская. – М. : Политическая энциклопедия, 2021. – 311 с.

807. Хлевнюк, О. В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития / О. В. Хлевнюк // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – М. : РОССПЭН ; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – С. 67–89.

808. Хозяйственное и культурное строительство на Урале. – Свердловск : Уралплан, 1934. – 209 с.

809. Целлюлозная промышленность // Большая Советская энциклопедия. – 2-е изд. – Т. 46. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1957. – С. 493–494.

810. Цепляев, В. П. Лесное хозяйство СССР (Основные итоги лесохозяйственной деятельности) / В. П. Цепляев. – М. : Лесная промышленность, 1965. – 406 с.

811. Чемоданов, П. А. Стахановское движение в Кировской области в 1935–1941 гг. : Дис. ... канд. ист. наук / П. А. Чемоданов. – Киров, 2017. – 194 с.

812. Чернов, Н. Н. История управления лесами Урала / Н. Н. Чернов, В. Г. Торлопов // Леса Урала и хозяйство в них. – Екатеринбург : Уральская государственная лесотехническая академия ; Швейцарский федеральный НИИ леса, снега и ландшафта, 1998. – Вып. 20. – С. 6–20.

813. Чернов, Н. Н. Современный период лесокультурного производства на Урале / Н. Н. Чернов // Леса России и хозяйство в них : сб. науч. тр. –

Екатеринбург : Уральский государственный лесотехнический университет, 2007. – Вып. 1 (29). – С. 129–134.

814. Швеция // Малая Советская энциклопедия / под ред. С. И. Вавилова, К. Е. Ворошилова, А. Я. Вышинского, П. И. Лебедева-Полянского, А. Лозовского, Ф. Н. Петрова, Ф. А. Ротштейна, О. Ю. Шмидта. – Т. 11. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1947. – С. 738–753.

815. Шевчук, И. А. Когда деревья были маленькими: из истории Кайского целлюлозного завода / И. А. Шевчук. – Киров : Герценка, 2020. – 191 с.

816. Шевырин, С. А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края, конец 1920-х – середина 1950-х гг. : Дис. ... канд. ист. наук / С. А. Шевырин. – Пермь, 2008. – 254 с.

817. Шегельман, И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.) / И. Р. Шегельман. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. – 240 с.

818. Шеф, М. Лесоустройство / М. Шеф // Сибирская советская энциклопедия. – Т. 3. – М. : Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. – С. 129–134.

819. Шильникова, И. В. «Давайте денег, а то работать не будем»: к вопросу о стимулирующей роли зарплаты на советских промышленных предприятиях в годы первых пятилеток / И. В. Шильникова // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации : сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева и Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2018. – С. 317–324.

820. Шмыров, В. К проблеме становления ГУЛАГа (Вишлаг) / В. Шмыров // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. – Пермь : Изд-во «Здравствуй», 1998. – С. 70–90.

821. Шубин, С. И. Влияние Северного края (1929–1936 гг.) на развитие Европейского Севера России / С. И. Шубин // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития : Сб. науч. ст. / сост. С. И. Шубин

(отв. ред.), А. О. Подоплекин, П. С. Журавлев. – Архангельск : Поморский университет, 2010. – С. 12–20.

822. Шубин, С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы: Монография / С. И. Шубин. – Архангельск : Поморский государственный университет, 2000. – 463 с.

823. Шувалов, Е. Л. Тавда – город леса / Е. Л. Шувалов. – Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1964. – 118 с.

824. Эвенчик, Б. И. Перспективы уральской промышленности и электрификации в связи с развертыванием Урало-Кузнецкого комбината / Б. И. Эвенчик // Урало-Кузнецкий комбинат. Сб. ст. / под ред. А. О. Золотарева. – М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. – С. 132–151.

825. Эвенчик, Б. И. Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината / Б. И. Эвенчик. – М. : Советская Азия, 1932. – 105 с.

826. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1959 / гл. ред. С. Г. Струмилин. – М. : Советская энциклопедия, 1961. – 780 с.

827. Эссен, А. Основы генерального плана народного хозяйства СССР / А. Эссен. – М.; Л. : Государственное изд-во, 1930. – 128 с.

828. Южаков, В. П. Мобилизационные процессы в промышленности Тюменского региона (1938–1945 гг.) : Дис. ... канд. ист. наук / В. П. Южаков. – Тюмень, 2016. – 216 с.

829. Юричев, Е. Н. Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области / Е. Н. Юричев, Н. Н. Неволин, И. В. Евдокимов. – Вологда : ВГМХА, 2011. – 216 с.

830. Юшкова, Н. А. Лесное хозяйство Коми во второй половине XIX – первой половине XX века : Автореферат дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Юшкова. – Сыктывкар, 2001. – 15 с.

831. Якоб, В. В. Отношение крестьян Коми области к труду на лесозаготовках в 1920–1930-е гг. / В. В. Якоб // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и

влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72. – Сыктывкар, 2013. – С. 74–81.

832. Algvere, K. V. Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities / K. V. Algvere. – Stockholm : Skogshögskolan Royal College of Forestry, 1966. – 449 p.

833. Autio, S. Suunnitelmattomat Neuvosto-Karjalassa 1928–1941. Paikallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa / S. Autio. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2002. – 398 p.

834. Davies, R. W. The industrialisation of Soviet Russia. 3. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930 / R. W. Davies. – Basingstoke : Macmillan, 1988. – xx, 601 pp.

835. Davies, R. W. The industrialisation of Soviet Russia. Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939 / R. W. Davies, M. Harrison, O. Khlevnyuk, S. G. Wheatcroft. – London : Palgrave Macmillan, 2018. – 466 p.

836. Davies, R. W. The industrialisation of Soviet Russia. Vol. 6. The Years of Progress: The Soviet Economy, 1934–1936 / R. W. Davies, O. V. Khlevnyuk, S. G. Wheatcroft. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. – xvi, 496 pp.

837. Decision-making in the Stalinist Command Economy, 1932–1937 / E. A. Rees, ed. – London : Palgrave Macmillan, 1997. – 346 p.

838. Ellman, M. Socialist Planning / M. Ellman. – 3rd ed. – Cambridge : Cambridge University press, 2014. – xv, 421 pp.

839. Filtzer, D. Soviet workers and Stalinist industrialization: the formation of modern Soviet production relation, 1928–1941 / D. Filtzer. – London : Pluto press, 1986. – vi, 338 pp.

840. Josephson, P. An Environmental History of Russia / P. Josephson, N. Dronin, A. Cherp, R. Mnatsakanian, D. Efremenko, V. Larin. – New York : Cambridge University press, 2013. – viii, 340 pp.

841. Kuromiya, H. Stalin's industrial revolution: politics and workers, 1928–1932 / H. Kuromiya. – Cambridge, England; New York : Cambridge University Press, 1988. – xviii, 364 pp.

842. Maier, R. Die Stachanov-Bewegung 1935–1938: Der Stachanovismus als tragendes und verschärfendes Moment der Stalinisierung der sowjetischen Gesellschaft / R. Maier. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1990. – 441 p.

843. Siegelbaum, L. H. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941 / L. H. Siegelbaum. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 325 p.

844. Sutton, A. C. Western Technology and Soviet Economic Development 1917 to 1930 / A. C. Sutton. – Stanford, California : Hoover Institution on War, Revolution and Peace Stanford University, 1970. – 381 p.

845. Sutton, A. C. Western Technology and Soviet Economic Development 1930 to 1945. Second volume of a three-volume series / A. C. Sutton. – Stanford, California : Hoover Institution press, 1971. – xxiv, 401 pp.

846. Weiner, D. R. Models of Nature. Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia / D. R. Weiner. – Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1988. – xii, 318 p.

847. Zinghaus, V. Die Holzbearbeitungsindustrie der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken (UdSSR): unter besonderer Berücksichtigung des sowjetrussischen Holzexportes / V. Zinghaus. – Jena : Fischer, 1929. – 35 p.

Электронные ресурсы

848. Килин, Ю. М. Пограничная окраина великой державы: Советская Карелия в 1923–1938 гг. / Ю. М. Килин. – Электронные данные. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2012. – 143 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).

849. Костромской судомеханический завод. История. – Режим доступа : <https://boat-ksmz.ru/o-kompanii/istoriya/>.

850. Краснокамская бумажная фабрика. Исторические страницы. – Режим доступа : <http://kbf.goznak.ru/about/history/>.

851. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник / сост. М. Б. Смирнов. – М. : «Звенья», 1998. – Режим доступа : <http://old.memo.ru/history/NKVD/GULAG/index.htm>.

852. Шевырин, С. А. Развитие лесной отрасли в Прикамье в 1930–1950-е гг. / С. А. Шевырин. – Режим доступа : <http://www.politarchive.perm.ru/publikatsii/stati/razvitie-lesnoj-otrasli-v-prikame-v-1930-1950-e-gody.html>.

Приложение

Приложение 1

Таблица. Показатели и выполнение первых пятилетних планов в лесопромышленном комплексе Советского Союза

	1927/1928 г. (факт)	1932/1933 г. (план, оптимальный вариант)	1932 г. (факт)	1937 г. (план)	1937 г. (факт)	1940 г. (факт)	1942 г. (план)
1	2	3	4	5	6	7	8
Заготовка древесины, млн. фестметров (далее везде – ф. м)*	142,5	258,1	164,7	277,0	201,5	246,1	360,0
Заготовка деловой древесины, млн. ф. м*	60,7	124,8	99,4	170,0	111,3	117,9	200,0
Заготовка дровяной древесины, млн. ф. м*	81,8	133,3	65,3	107,0	90,2	128,2	160,0
Производство пиломатериалов, млн. м ³	11,6	42,5	24,4	43,0	28,8	34,8	45,0
Производство фанеры, тыс. м ³	137,4	Нет сведений	423,0	735,0	661,0	731,9	1000,0
Производство мебели Наркомлесом СССР, млн. руб. (в ценах 1926/1927 г.)	Нет сведений		73,9	250,0	271,0	Нет сведений	550,0
Производство мебели промысловой кооперацией, млн. руб. (в ценах 1932 г.)			109,5	248,0	497,0		1070,0
Производство спичек, млн. ящичков	5,5	12,2	5,6	12,0	7,2	9,4	14,0

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8
Производство бумаги, тыс. т	316,0	715,0	471,2	1000,0	831,6	812,4	1300,0
Производство картона, тыс. т		185,0	42,5	125,0	82,8	150,8	180,0
Производство живицы, тыс. т	Нет сведений		36,3	67,0	76,5	Нет сведе- ний	110,0
Производство уксусной кислоты, тыс. т			2,7	12,3	9,9		19,0
Стоимость валовой продукции, млрд. руб. (в ценах 1926/1927 г.)	0,99	3,20	3,18	5,85	Нет сведений		
Стоимость валовой продукции промышленности ВСНХ (с 1932 г. – Наркомлеса), млрд. руб. (в ценах 1926/1927 г.)	0,63	2,40	1,80	3,60	3,03	Нет сведе- ний	5,5

* Для показателей 1932, 1937, 1940, 1942 гг. – вывозка, млн. м³

Составлено по: Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 205, 207–208; Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. XXXII, 162, 165, 167–168, 459–461, 698–703; Индустриализация СССР. 1929–1932 гг.: Док. и мат. / отв. ред. В. Е. Полетаев. М., 1970. С. 344–345; Индустриализация СССР. 1933–1937 гг. Док. и мат. / отв. ред. М. И. Хлусов. М., 1971. С. 19; Индустриализация СССР. 1938–1941 гг.: Сб. мат. и док. М., 1972. С. 137, 208; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939. С. 84; Итоги выполнения первого пятилетнего плана народного хозяйства Союза ССР. М.; Л., 1933. С. 125–126; Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса СССР плана третьего пятилетия // Лесная промышленность. 1941. № 2. С. 6; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 1. Изд. 3-е. М., 1930. С. 33, 52, 202; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1. Изд. 3-е. М., 1930. С. 204, 248–253, 353; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): Стат. сб. М.; Л., 1939. С. 40, 70; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 126, 132; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 226, 229, 234; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 22, 187, 192; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). М., 1939. С. 57, 201, 208–209.

Таблица. Отправной и оптимальный варианты развития лесопромышленного комплекса СССР на 1927/1928–1932/1933 гг.

Показатель	Отправной вариант			Оптимальный вариант		За пять лет	
	1927/1928 г.	1928/1929 г.	1932/1933 г.	1929/1930 г.	1932/1933 г.	Отправной вариант	Оптимальный вариант
Пиленый лес, млн. м ³	11,55	15,3	32,8	22,1	45,5	118,2	144,6
Круглый лес, млн. м ³	16,3	25,5	40,4	35,0	50,0	169,8	195,5
Бумага и картон, тыс. т	316	410	800	510	900	2950	3140
Спички, млн. ящиков	5,5	6,8	10,7	7,9	12,2	43,9	46,8
Валовая продукция лесной промышленности (государственная цензовая), млн. руб.*	836,7	1131,2	2309,0	Нет сведений	2803,0	Нет сведений	Нет сведений
Валовая продукция бумажной промышленности (государственная цензовая), млн. руб.*	150,7	175,0	358,0	Нет сведений	400,0	Нет сведений	Нет сведений
Валовая продукция лесной промышленности ВСНХ, млн. руб.*	492,7	694,0	1633,0	925,0	1990,0	5813,0	6310,0
Валовая продукция бумажной промышленности ВСНХ, млн. руб.*	138,0	175,0	358,0	252,0	400,0	1299,0	1450,0

* В ценах 1926/1927 г.

Составлено по: Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1. М., 1930. С. 204, 248–253.

Таблица. Капитальные вложения (в новое строительство, расширение и реконструкцию) в промышленность ВСНХ, лесную, деревообрабатывающую и бумажную отрасли Советского Союза на плановый период с 1928/1929 по 1932/1933 гг., млн. руб. (в ценах 1926/1927 г.)

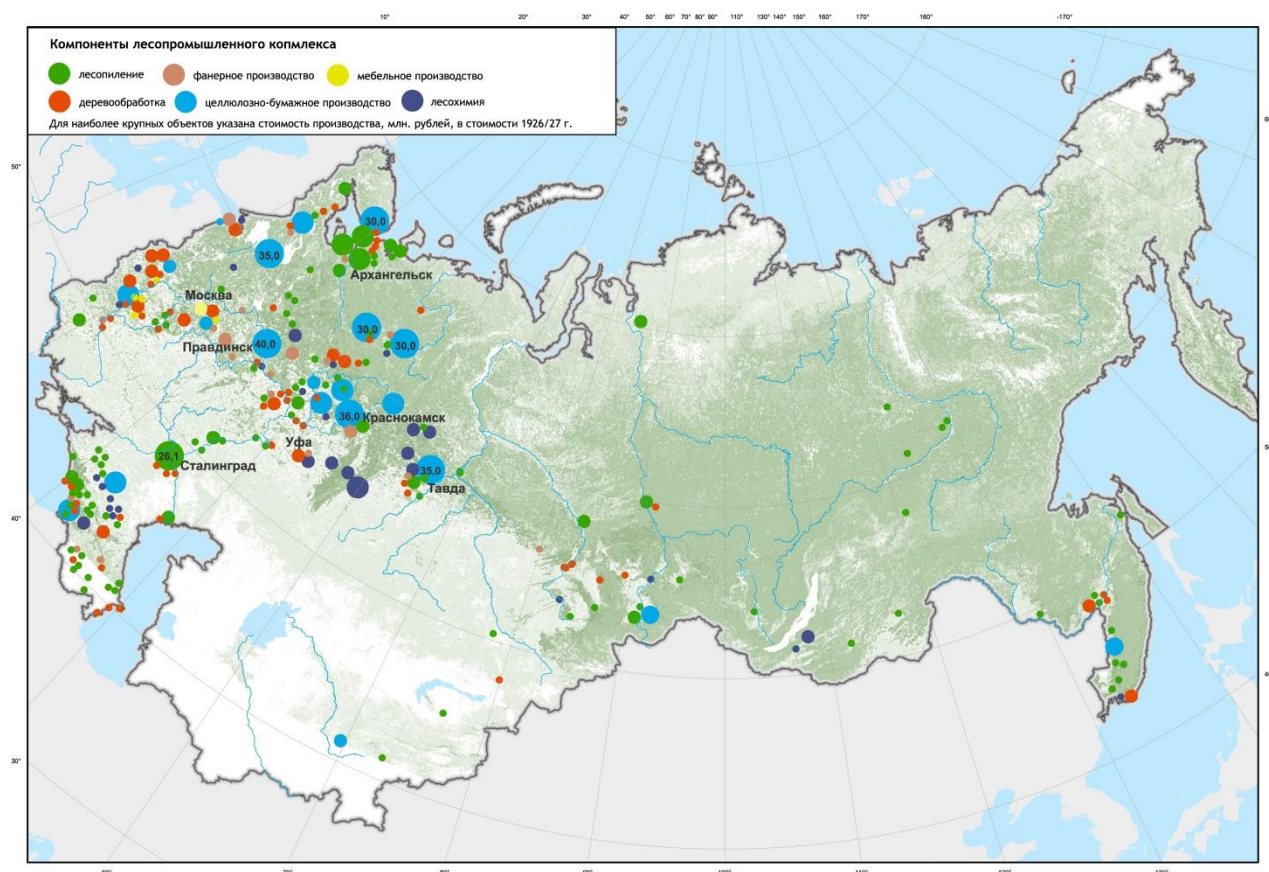
Республики и районы	Принятые Госпланом СССР вложения в течение пятилетия в промышленность ВСНХ			Лесная, деревообрабатывающая и бумажная			Удельный вес лесной и деревообрабатывающей отрасли в капитальных вложениях в районном разрезе
	Общая сумма	Новое строительство	Расширение, реконструкция, капитальный ремонт и прочее	Общая сумма	Новое строительство	Расширение, реконструкция, капитальный ремонт и прочее	
1	2	3	4	5	6	7	8
СССР	16101,5	8252,8	7848,7	1219,8	649,3	570,5	100,0
РСФСР	10071,9	5631,0	4440,9	1067,4	545,1	522,3	87,5
Северный край	299,8	167,4	132,4	273,2	151,6	121,6	22,4
Карельская АССР	48,6	19,7	28,9	35,6	16,1	19,5	2,9
Ленинградская область	1016,6	377,6	639,0	111,8	44,8	67,0	9,2
Западная область	157,9	53,1	104,8	23,5	1,6	21,9	1,9
Центрально-промышленный район	2820,2	1248,9	1571,3	97,9	52,8	45,1	8,0
Центрально-Черноземная область	421,3	311,9	109,4	1,7	-	1,7	0,1
Вятский район	142,9	89,7	53,2	72,4	38,4	34,0	6,0
Уральская область	1961,9	1208,2	753,7	135,6	96,3	39,3	11,1

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8
Башкирская АССР	60,7	20,8	39,9	7,1	2,3	4,8	0,6
Татарская АССР	61,0	44,6	16,4	4,7	3,3	1,4	0,4
Чувашская АССР	21,0	13,8	7,2	14,0	7,5	6,5	1,1
Средневолжская область	187,5	112,5	75,2	14,0	5,4	8,6	1,1
Нижневолжский край	471,0	334,0	137,0	63,0	39,5	23,5	5,2
Крымская АССР	173,6	146,9	26,7	-	-	-	-
Северный Кавказ	868,0	466,5	401,5	55,8	22,5	33,3	4,6
Дагестанская АССР	41,0	26,5	14,5	1,5	-	1,5	0,1
Казахская АССР	345,7	240,4	105,3	3,9	2,1	1,8	0,3
Киргизская АССР	43,9	27,9	16,0	3,7	0,8	2,9	0,3
Сибирский край	610,5	501,7	108,8	75,5	34,9	40,6	6,3
Бурято- Монгольская АССР	13,9	10,9	3,0	3,0	2,0	1,0	0,2
Якутская АССР	6,2	2,7	3,5	0,9	0,9	-	0,1
Дальневосточный край	298,7	205,3	93,4	68,6	22,3	46,3	5,6
УССР	4201,0	1539,0	2662,0	41,6	19,3	22,3	3,4
БССР	266,0	206,0	60,0	52,9	34,8	18,1	4,3
ЗСФСР	1139,9	526,5	613,4	50,3	42,5	7,8	4,1
УзбССР	340,8	282,4	58,4	7,6	7,6	-	0,6
ТуркССР	81,9	67,9	14,0	-	-	-	-

Составлено по: Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3. Районный разрез плана. Изд. 3-е. М., 1930. С. 568–571, 581.

Картосхема. Пространственное размещение объектов нового строительства государственной промышленности в лесопромышленном комплексе в первом пятилетнем плане на 1928/1929–1932/1933 гг. (размер кругов приблизительно соотнесен со стоимостью объектов; не отмечены объекты, для которых не было определено место постройки)

Составлено по: Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие (1928/29–1932/33 гг.). Приложение к III тому пятилетнего плана народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929.

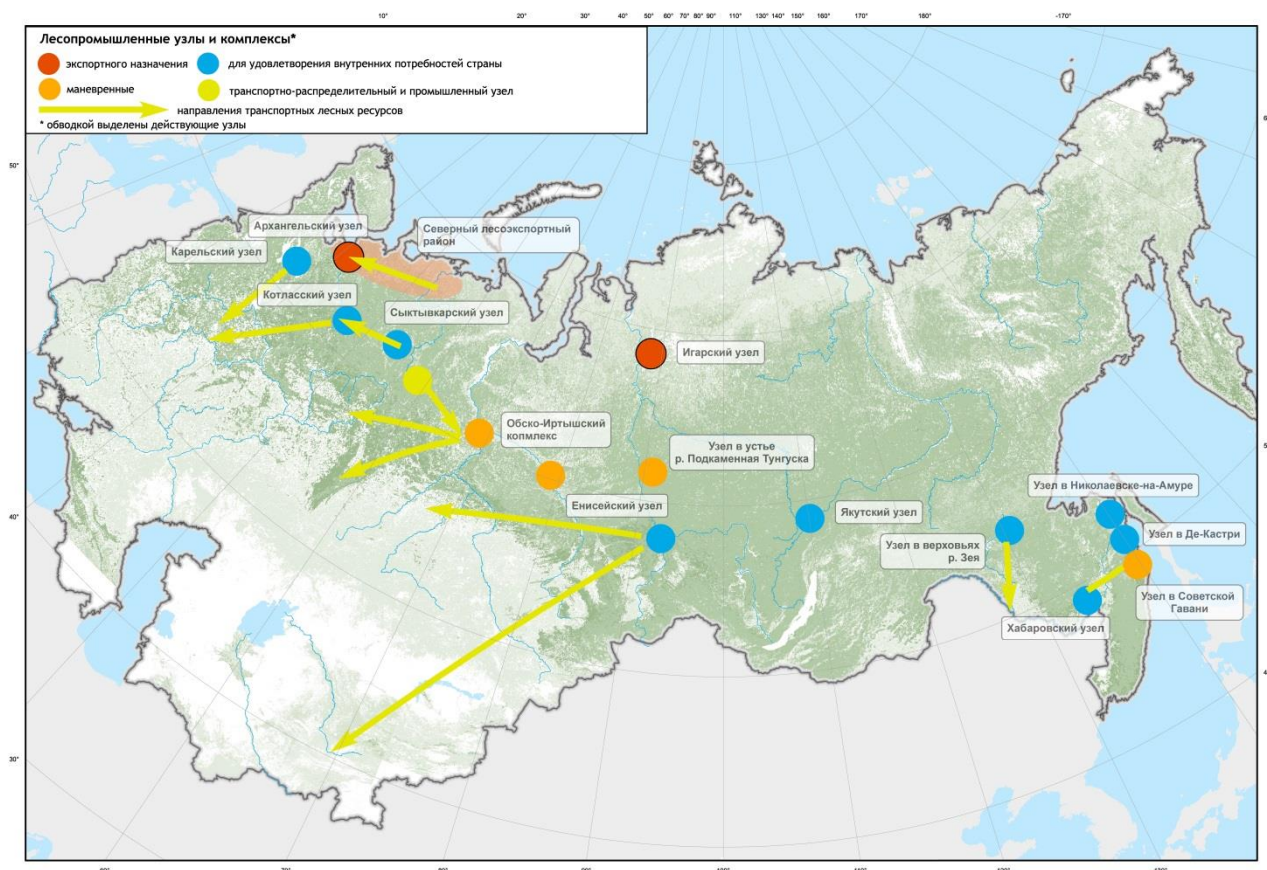
Таблица. Планируемые показатели лесопромышленной деятельности к 1937 г.

Регион	Заготовка древесины, млн. м ³		Производство		
	Всего	Деловой лес	Пиломатериалы, млн. м ³	Бумага, тыс. т	Целлюлоза, тыс. т
Северный край	100,0	80,0	22,0	450,0–500,0	
Карельская АССР	27,0	19,0	4,3	70,0	100,0
Ленинградская область	24,5	13,5	4,5	Нет данных	
Мурманский округ	3,1	2,3	0,55	-	-
Нижегородский край	60,0	34,0	6,5	350,0	-
Северный Кавказ	7,5	4,5	1,3	-	-
ЗСФСР	5,0	3,0	1,0	-	-
Уральская область	81,0	50,0	13,7	460,0–500,0	
Западносибирский край	47,0	32,0	6,0	135,0	
Восточносибирский край	60,0	45,0	12,7	-	-
Дальневосточный край	30,0	22,0	5,0	-	-
Якутская АССР	2,5	1,8	0,38	-	-
Итого по основным лесным регионам	447,6	307,1	77,93	1565,0–1655,0	
Лесодефицитные районы*	72,1	40,5	15,23	-	-
Всего	519,7	347,6	93,16	1565,0–1655,0	

* Западная, Московская, Ивановская, Центрально-Черноземная области, Средневолжский, Нижневолжский края, Башкирская, Татарская, Казахская АССР, Украинская, Белорусская ССР и прочие

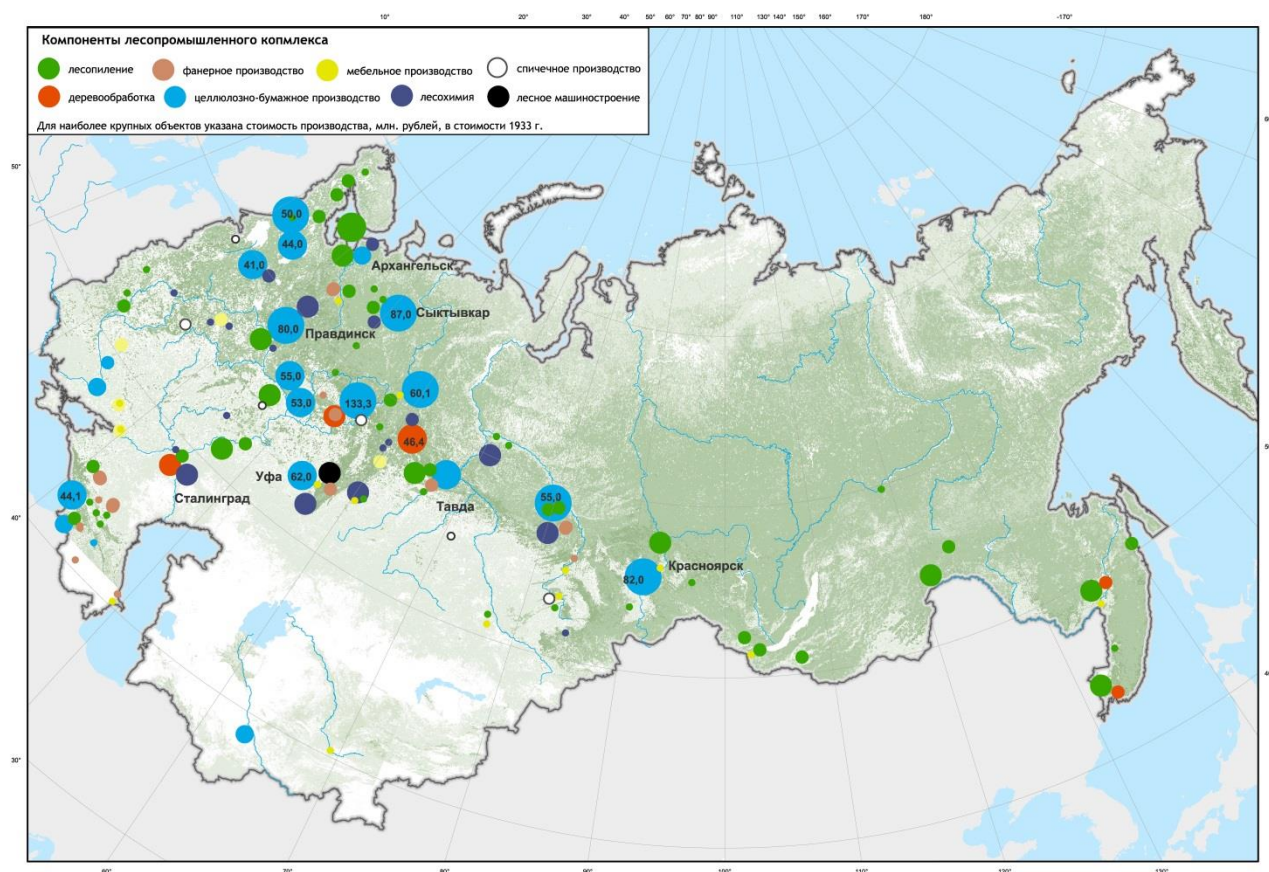
Составлено по: Труды I Всесоюзной конференции по реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии 1933–1937. Выпуск IV. М., 1933. С. 18–19, 21–26.

Картосхема. Лесопромышленные узлы Советского Севера на перспективу второго пятилетнего плана (1933–1937 гг.), согласно концепции И. Капитонова и С. Славина

Составлено по: Капитонов И. Проблемы освоения Севера во второй пятилетке // Плановое хозяйство. 1932. № 3. С. 169, 171, 175.

Картосхема. Пространственное размещение объектов нового строительства государственной промышленности в лесопромышленном комплексе Советского Союза по проекту второго пятилетнего плана (1933–1937 гг.) (размер кругов приблизительно соотнесен со стоимостью объектов; не отмечены объекты, для которых не было определено место постройки)

Составлено по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 580–581, 588, 607, 614, 627–637, 639.

Таблица. Показатели лесозексплуатации в СССР в 1927/1928 г. (фактические) и 1932/1933 г. (планируемые)

Показатель	Год	СССР	РСФСР	Украинская ССР	Белорусская ССР	Закавказская республика	Среднеазиатские республики
1		2	3	4	5	6	7
Размер лесного пользования, млн. м ³	1927/1928	142,5	127,7	4,0	8,4	2,0	0,4
	1932/1933	258,1	239,2	5,5	9,0	3,5	0,9
Лесное пользование с 1 га эксплуатируемой лесной площади, м ³	1927/1928	0,91	0,87	1,54	3,11	1,05	0,11
	1932/1933	1,34	1,27	2,11	2,81	1,25	0,20
Эксплуатируемая лесная площадь, млн. га	1927/1928	157,5	146,7	2,6	2,7	1,9	3,6
	1932/1933	193,1	180,0	2,6	3,2	2,8	4,5
Эксплуатируемая площадь, % ко всей лесной площади	1927/1928	26,3	25,3	100,0	93,5	50,8	35,0
	1932/1933	32,2	31,1	100,0	100,0	71,8	43,3
Объем лесозаготовок за 1928/1929–1932/1933 гг., млн. га		145,3	138,2	0,1	1,3	1,7	4,0
Площадь устроенных лесов в 1932/1933 гг., млн. га		193,1	180,0	2,6	3,2	2,8	4,5
Площадь устроенных лесов в 1932/1933 гг., % ко всей лесной площади		32,2	31,1	100,0	100,0	71,8	43,3
Объем лесозаготовочного обследования за 1928/1929–1932/1933 гг., млн. га		184,5	170,0	2,6	2,0	3,9	6,0
Площадь обследованных лесов в 1932/1933 гг., млн. га		237,0	221,3	2,6	3,2	3,9	6,0
Площадь обследованных лесов в 1932/1933 гг., % ко всей лесной площади		39,5	38,2	100,0	100,0	100,0	57,7

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
Объем искусственного лесовозобновления за 1928/1929– 1932/1933 гг., тыс. га	1831,3	1110,3	323,0	257,0	141,0	-
Площадь искусственного лесовозобновления в 1932/1933 гг., % ко всей безлесной удобной лесной площади	4,3	2,6	50,8	42,2	18,7	-

Источник: Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР.
Т. 2. Ч. 1. М., 1930. С. 355, 357.

Таблица. Объемы лесопромышленной деятельности по второму пятилетнему и годовому плану на 1935 г.

	1932 г. (факт)	1933 г. (по пятилетнему плану)	1933 г. (факт)	1934 г. (по пятилетнему плану)	1934 г. (предварительные итоги)	1935 г. (по пятилетнему плану)	1935 г. (годовой план)
Вывозка древесины, млн. м ³ , в том числе:	164,7	175,8	173,3	217,0	184,5	231,1	215,5
Деловой лес, млн. м ³	99,4	98,8	98,0	118,5	99,7	131,4	116,1
Дрова, млн. м ³	65,3	77,0	75,3	98,5	84,8	99,7	99,4
Производство пиломатериалов, млн. м ³	24,4	22,6	22,7	25,7	24,9	30,3	27,3
Производство фанеры, тыс. м ³	423,0	425,5	417,2	489,0	490	537,0	503,3
Производство спичек, млн. ящиков	5,6	7,0	6,88	10,0	9,1	10,5	10,2
Производство бумаги, тыс. т	471,2	508,0	499,2	594,5	559,7	655,0	620,0
Производство целлюлозы по варке, тыс. т	Нет све- дений	Нет све- дений	209,8	255,0	240,0	Нет све- дений	268,5
Производство древесной массы, тыс. т	Нет све- дений	Нет све- дений	262,0	289,6	278,7	Нет све- дений	302,3
Производство картона, тыс. т	42,5	45,5	49,2	60,6	52,3	81,1	60,8
Добыча живицы, тыс. т	36,3	31,0	50,6	40,0	64,5	51,0	73,0
Производство уксусной кислоты, тыс. т	2,7	3,8	4,9	6,2	7,1	8,0	8,9
Производство канифоли, тыс. т	24,3	27,1	38,4	34,4	49,7	34,5	58,5

Составлено по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 686–689, 698–703; Народнохозяйственный план на 1935 год. 2-е изд. М., 1935. С. 14, 18–19, 165, 168–171, 173–174, 443, 445, 504–505, 520–521, 525, 527–531.

Таблица. Объемы лесопромышленной деятельности по второму пятилетнему и годовому плану на 1936 г.

	1934 г. (факт)	1935 г. (по пятилетнему плану)	1935 г. (годовой план, уточненный)	1935 г. (предварительные итоги)	1936 г. (по пятилетнему плану)	1936 г. (годовой план)
Заготовка древесины, млн. м ³	201,61	Нет сведений	216,77	209,59	Нет сведений	238,59
Вывозка древесины, млн. м ³ , в том числе:	181,26	231,1	215,54	205,65	251,0	233,63
Деловая древесина, млн. м ³	99,73	131,4	116,12	113,85	148,9	138,47
Дровяная древесина, млн. м ³	81,63	99,7	99,42	91,8	102,1	95,6
Производство пиломатериалов, млн. м ³	25,32	30,3	27,35	28,16	35,82	33,86
Производство фанеры, тыс. м ³	492,0	537,0	503,3	539,0	614,0	614,0
Производство спичек, млн. ящиков	9,11	10,5	10,2	10,7	11,1	10,7
Производство бумаги, тыс. т	565,8	655,0	628,4	640,0	740,0	787,4
Производство крафт-мешков, млн. штук	8,2	-	17,9	19,2	-	35,0
Производство целлюлозы по варке, тыс. т	243,0	Нет сведений	268,5	269,0	Нет сведений	386,1
Производство древесной массы, тыс. т	281,5	Нет сведений	302,3	306,0	Нет сведений	392,7
Производство картона, тыс. т	52,2	81,1	62,4	62,0	89,5	71,2
Производство живицы, тыс. т	67,5	51,0	73,0	80,0	58,0	87,5
Производство уксусной кислоты, тыс. т	6,92	8,0	8,56	8,8	10,0	12,0
Производство канифоли, тыс. т	45,7	34,5	58,5	61,0	55,0	67,2

Составлено по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 686–689, 698–703; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936. С. 21–22, 150–151, 153–156, 395–396, 424–427.

Таблица. Объемы лесопромышленной деятельности по второму пятилетнему и годовому плану на 1937 г.

	1935 г. (факт)	1936 г. (по пятилетнему плану)	1936 г. (годовой план)	1936 г. (предварительные итоги)	1937 г. (по пятилетнему плану)	1937 г. (годовой план)
1	2	3	4	5	6	7
Заготовка древесины, млн. м ³	221,36	Нет сведений	238,59	240,41	Нет сведений	275,54
Вывозка древесины, млн. м ³ , в том числе:	208,15	251,0	233,63	202,52	277,0	273,7
Деловая древесина, млн. м ³	116,05	148,9	138,47	120,0	170,0	167,92
Дровяная древесина, млн. м ³	92,1	102,1	95,6	82,52	107,0	105,78
Производство пиломатериалов, млн. м ³	28,16	35,82	33,86	32,91	43,0	38,8
Производство фанеры, тыс. м ³	543,7	614,0	614,0	663,7	735,0	775,6
Производство спичек, млн. ящиков	10,85	11,1	10,7	8,31	12,0	8,0
Производство бумаги, тыс. т	640,8	740,0	787,4	763,3	1000,0	955,35
Производство крафт- мешков, млн. штук	19,0	Нет сведений	35,0	26,0	Нет сведений	37,0
Производство целлюлозы по варке, тыс. т	274,0	Нет сведений	386,1	371,7	Нет сведений	529,6
Производство древесной массы, тыс. т	319,5	Нет сведений	392,7	362,4	Нет сведений	440,1

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
Производство картона, тыс. т	64,13	89,5	71,2	78,04	125,0	96,35
Производство живицы, тыс. т	83,4	58,0	87,5	89,1	67,0	91,7
Производство уксусной кислоты, тыс. т	8,8	10,0	12,0	Нет сведений	12,3	Нет сведен ий
Производство канифоли, тыс. т	58,1	55,0	67,2	59,5	64,0	66,4

Составлено по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 686–689, 698–703; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 13–15, 94–99.

Таблица. Объемы лесопромышленной деятельности по третьему пятилетнему и годовому плану на 1941 г.

	1937 г. (факт)	1940 г. (факт)	1941 г. (годовой план)	1941 г. (факт)*	1942 г. (пятилетний план)
1	2	3	4	5	6
Вывозка древесины, млн. м³	201,5	246,1	285,07	229,3	360,0
В том числе Наркомлес СССР	83,0	79,2**	142,7	Нет сведений	160,0
Вывозка деловой древесины, млн. м ³	111,3	117,9	151,59	115,1	200,0
В том числе Наркомлес СССР	55,2	Нет сведений	84,96	Нет сведений	105,0
Вывозка дровяной древесины, млн. м ³	90,2	128,2	133,48	114,2	160,0
В том числе Наркомлес СССР	27,8	Нет сведений	57,74	Нет сведений	55,0
Производство пиломатериалов, млн. м³	28,8	34,8***	28,86	29,7	45,0
В том числе Наркомлес СССР	18,3	Нет Сведений	18,84	Нет сведений	30,0
Производство фанеры клееной, тыс. м³	661,0	731,9	552,5	429,7	1000,0
Производство мебели Наркомлесом СССР, млн. руб. (в ценах 1926/1927 г.)	271,0	254,4**	272,4	Нет сведений	550,0
Производство мебели промысловой кооперацией, млн. руб. (в ценах 1932 г.)	497,0	Нет сведений	844,0	Нет сведений	1070,0
Производство спичек, млн. ящиков	7,16	9,95	11,75	7,77	14,0

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6
Производство бумаги, тыс. т	831,6	812,4	969,78	729,8	1300,0
В том числе Наркомлес СССР****	761,2	Нет сведений	860,0	Нет сведений	1110,0
Из общего количества: культурные сорта, тыс. т,	434,6	Нет сведений	465,78	Нет сведений	655,0
Торгово-промышленные сорта, тыс. т	397,0	Нет сведений	504,0	Нет сведений	645,0
Производство целлюлозы, тыс. т	425,5	592,0	823,0	579,9	Нет сведений
Производство картона, тыс. т	82,8	150,8	197,0	133,8	180,0
В том числе Наркомлес СССР****	66,1	Нет сведений	83,04	Нет сведений	130,0
Производство крафт-мешков, млн. штук	26,0**	76,4	95,99	78,2	Нет Сведений
Производство живицы, тыс. т	76,8	59,5	78,0	49,5	110,0
Производство уксусной кислоты, тыс. т	12,5	10,4	16,5	10,3	19,0
Стоимость валовой продукции Наркомлеса СССР*****, млрд. руб. (в ценах 1926/1927 г.)	3,03	Нет сведений	4,40	Нет сведений	5,50
Удельный вес Наркомлеса СССР в стоимости валовой продукции промышленности страны, %	3,18	Нет сведений	2,72	Нет сведений	3,05

* Без учета территории, оккупированной противником после 22 июня 1941 г.

** Предварительные данные

*** С учетом «мелкой» промышленности

**** С 1940 г. – Народный комиссариат целлюлозно-бумажной промышленности СССР

***** Для 1941 г. - сумма по народным комиссариатам лесной и целлюлозно-бумажной промышленной промышленности СССР

Составлено по: Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 65, 67–70, 109, 198, 201, 205, 207–210; Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. М., 2020. С. 61–62; Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год (Приложения к постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 127 от 17 января 1941 г.). М., 1941. С. 58, 67–70; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939. С. 84; Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса СССР плана третьего пятилетия // Лесная промышленность. 1941. № 2. С. 6–7, 10–11; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Стат. сб. М., 1990. С. 40, 70–71; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 98–99; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 198; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1964. С. 153; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2310. Л. 74–75; Оп. 329. Д. 1593. Л. 10; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). М., 1939. С. 57, 201, 208–209.

Таблица. Стоимость валовой продукции лесопромышленного комплекса Советского Союза (государственной и «районной» промышленности) в первой и второй пятилетках (в ценах 1926/1927 г.)

Отрасль	1927/1928 г.		1932 г.			1937 г.		Рост за 1932–1937 гг. лет, %
	Фактический показатель, млн. руб.	Удельный вес в отрасли, %	Плановый показатель, млн. руб. *	Фактический показатель, млн. руб.	Удельный вес в отрасли, %	Плановый показатель, млн. руб.	Удельный вес в отрасли, %	
Сфера заготовки лесных ресурсов	836,7	84,7	2803,0	1559,5	49,0	2587,1	44,3	65,9
Сфера механической обработки древесины				1272,8	40,0	2425,3	41,5	90,5
Целлюлозно-бумажная промышленность	150,7	15,3	400,0	246,0	7,7	566,0	9,7	130,1
Лесохимическая отрасль	Нет сведений			105,0	3,3	266,7	4,6	154,0
Итого	987,4	100,0	3203,0	3183,3	100,0	5845,1	100,0	83,6
Деревообрабатывающие промыслы и кооперация	242,9	-	960,2	668,6	-	1320,0	-	197,4

* По оптимальному варианту

Составлено по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 161–162, 196; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1. Изд. 3-е. М., 1930. С. 204, 248–253; Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 2. Изд. 3-е. М., 1930. С. 120–121.

Таблица. Структура стоимости валовой продукции Наркомлеса СССР по годовым планам на 1935–1938, 1941 гг. (в ценах 1926/1927 г.)

Год	Всего по Наркомлесу	Сфера заготовки древесины	Сфера механической обработки древесины	Лесопиление	Производство фанеры	Производство мебели	Целлюлозно- бумажная отрасль	Лесохимия
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1932 (факт)	1800,0	875,0	636,8	Нет сведений			225,3	57,3
1933 (факт)	1924,0	882,3	637,4	363,6	57,1	40,4	244,6	36,7
1934 (годовой план)	2278,9	1004,1	785,2	374,2	76,3	50,2	299,6	50,7
1934 (факт)	2156,0	911,0	718,0	459,0	71,0	41,0	273,0	51,0
1935 (годовой план)	2373,5	1015,9	830,5	426,4	75,3	55,0	317,1	57,7
1935 (годовой план уточненный)	2459,0	1050,0	785,0	488,0	75,0	47,0	313,0	57,0
1935 (итоги предварительн ые)	2537,0	1063,0	824,0	506,0	82,0	51,0	322,0	65,0
1935 (факт)	2667,0	1273,0	847,8	Нет сведений		55,4	335,0	Нет сведений
1936 (годовой план)	3104,0	1276,0	1031,0	624,0	94,0	75,0	420,0	82,0
1936 (итоги предварительн ые)	3052,0	1322,3	1027,2	Нет сведений		84,4	423,4	Нет сведений
1937 (годовой план)	3836,0	1703,0	1270,7			125,0	555,5	

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1937 (пятилетний план)	3600,0	1567,8	1277,5	Нет сведений			549,0	155,0
1937 (факт)	2819,0	1055,0	1565,0					
1938 (годовой план)	3816,4	1432,4	1432,8	Нет сведений			663,5	105,4
1941 (годовой план)*	4400,4	1611,7	Нет сведений	Нет сведений		272,4	861,5	Нет сведений

* Сумма по народным комиссариатам лесной и целлюлозно-бумажной промышленности

Составлено по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 453–454; Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год (Приложения к постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 127 от 17 января 1941 г.). М., 1941. С. 9–11, 178–179; Народнохозяйственный план на 1935 год. 2-е изд. М., 1935. С. 532–533; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936. С. 395–396, 404, 406–408; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 13–15, 42–49, 56–61; О плане по промышленности Наркомлеса СССР на 1938 год и мероприятиях по его осуществлению. Приказ по Народному Комиссариату Лесной Промышленности СССР. Москва, № 202, 26 февраля 1938 г. // Лесная промышленность. 1938, 1 марта. С. 3.

Таблица. Производительность труда рабочих Наркомлеса СССР в 1932–1941 гг., руб. на 1 рабочего (в ценах 1926/1927 г.)

Год	«Крупная» промышленность СССР (с учетом сферы заготовки	Наркомлес СССР	Фабрично-заводская промышленность Наркомлеса СССР	Сфера заготовки древесины Наркомлеса СССР
1932 (факт)	Нет сведений	2757	5509	1784
1933 (факт)		Нет сведений	Нет сведений	1655
1934 (факт)	8732	2701	6625	1628
1935 (годовой план)	Нет сведений	2996	6622	1759
1935 (годовой план уточненный)		Нет сведений	7223	1836
1935 (итоги предварительные)	9910	3059	7519	1833
1935 (факт)	11104	3128	7626	1856
1936 (годовой план)	11855	3717	8949	2200
1936 (итоги предварительные)	13268	3662	8824	2084
1937 (годовой план)	15675	4638	10900	2668
1937 (пятилетний план)	Нет сведений	4028	8815	2391
1940 (ожидаемое выполнение)		Нет сведений	9425**	1982
1941 (годовой план)		4763*	10613**	2240

* Производительность труда рассчитана на основе данных народных комиссариатов лесной и целлюлозно-бумажной промышленности СССР (без учета лесного хозяйства, заготовки осмола и подсочки, Карело-Финской ССР)

** По Народному комиссариату целлюлозно-бумажной промышленности по предварительным данным 1940 г. – 14156 руб., по плану на 1941 г. – 16138 руб.

Составлено по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. VIII–IX, 508–509; Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год (Приложения к постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 127 от 17 января 1941 г.). М., 1941. С. 512, 521–522; Народнохозяйственный план на 1935 год. 2-е изд. М., 1935. С. 169; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936. С. 392–393, 395–396; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 13–15, 42–49, 56–57.

Таблица. Динамика стоимости производственных основных фондов, валовой продукции, мощности двигателей и среднегодовой численности рабочих в лесопромышленном комплексе (по «крупной» промышленности)

Год	Производственные основные фонды на конец года, млн. руб.	Мощность двигателей, обслуживающих рабочие машины, на конец года, тыс. кВт	Среднегодовое число рабочих, тыс. человек	Валовая продукция, млн. руб. в ценах 1926/1927 г.	Производственные основные фонды на 1 рабочего, руб.	Мощность двигателей на 1 рабочего, кВт	Валовая продукция на 1 рабочего, руб.
1	2	3	4	5	6	7	8
Лесохимия и производство растительных экстрактов							
1932	67,5	6,4	27,5	109,0	2455	0,23	3964
1933	119,4	10,1	36,5	147,0	3271	0,28	4027
1934	143,4	13,4	34,0	184,0	4218	0,39	5412
Деревообрабатывающая промышленность							
1913	Нет сведений	Нет сведений	124,1	393,0	Нет сведений	Нет сведений	3167
1926	182,9	65,1	110,0	400,0	1663	0,59	3636
1927	198,6	73,8	126,0	479,0	1576	0,59	3801
1928	236,1	83,3	135,8	555,0	1739	0,61	4087
1929	265,8	100,1	169,1	777,0	1572	0,59	4595
1930	316,1	120,1	229,5	1078,0	1377	0,52	4697
1931*	425,6	152,7	291,2	1254,0	1462	0,52	4306
1932*	623,3	203,9	360,7	1572,0	1728	0,57	4358
1933	797,9	281,7	361,3	1655,0	2208	0,78	4581
1934	893,5	302,9	367,4	1935,0	2432	0,82	5267
Лесопильно-фанерная промышленность							
1913	Нет сведений	Нет сведений	79,7	291,0	Нет сведений	Нет сведений	3651

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8
1926	125,3	51,5	73,2	304,0	1712	0,70	4153
1927	133,1	56,9	88,8	346,0	1499	0,64	3896
1928	160,4	63,1	90,5	385,0	1772	0,70	4254
1929	178,3	74,7	112,4	533,0	1586	0,66	4742
1930	202,6	82,2	139,9	720,0	1448	0,59	5147
1931	265,5	107,9	157,0	784,0	1691	0,69	4994
1932	375,5	138,4	178,5	889,0	2104	0,78	4980
1933	489,2	189,4	191,8	888,0	2551	0,99	4630
1934	558,5	204,6	193,9	1021,0	2880	1,06	5266
Спичечная							
1913	Нет сведений	Нет сведений	20,1	25,0	Нет сведений	Нет сведений	1244
1926	18,4	3,0	15,0	29,0	1227	0,20	1933
1927	21,1	3,1	14,0	32,0	1507	0,22	2286
1928	23,8	4,0	16,6	42,0	1434	0,24	2530
1929	24,8	4,4	19,6	55,0	1265	0,22	2806
1930	32,3	6,5	23,9	72,0	1351	0,27	3013
1931	40,0	6,8	20,3	60,0	1970	0,33	2956
1932	43,3	6,3	14,5	48,0	2986	0,43	3310
1933	46,2	7,2	15,8	51,0	2924	0,46	3228
1934	47,0	7,8	16,8	59,0	2798	0,46	3512
Производство стандартных домов и строительных деталей							
1932	48,0	24,3	25,0	138,0	1920	0,97	5520
1933	71,1	28,8	23,1	152,0	3078	1,25	6580
1934	64,3	27,3	20,1	164,0	3200	1,36	8159
Мебельная промышленность							
1932	51,6	13,5	39,3	224,0	1313	0,34	5700
1933	79,1	23,3	40,4	248,0	1958	0,58	6139
1934	93,9	28,1	41,5	313,0	2263	0,68	7542
Бумажная промышленность**							
1913	Нет сведений	Нет сведений	33,4	128,0	Нет сведений	Нет сведений	3832

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8
1926	134,5	67,3	27,3	142,0	4927	2,47	5201
1927	145,8	73,5	27,6	139,0	5283	2,66	5036
1928	161,3	85,1	26,8	165,0	6019	3,18	6157
1929	221,0	125,5	30,4	237,0	7270	4,13	7796
1930	244,0	133,7	35,6	261,0	6854	3,76	7331
1931	285,1	148,4	38,6	267,0	7386	3,84	6917
1932	321,2	178,6	40,9	275,0	7853	4,37	6723
1933	359,6	190,4	45,1	302,0	7973	4,22	6696
1934	391,2	209,6	45,3	335,0	8636	4,63	7395
Лесоразработки и лесосплав							
1932	328,2	Нет сведений	859,6	1510,0	382	Нет сведений	1757
1933	499,8	Нет сведений	874,1	1564,0	572	Нет сведений	1789
1934	602,6	34,7	974,5	1658,0	618	0,04	1701
Лесопромышленный комплекс***							
1913	Нет сведений	Нет сведений	157,5	521,0	Нет сведений	Нет сведений	3308
1926	317,4	132,4	137,3	542,0	2312	0,96	3948
1927	344,4	147,3	153,6	618,0	2242	0,96	4023
1928	397,4	168,4	162,6	720,0	2444	1,04	4428
1929	486,8	225,6	199,5	1014,0	2440	1,13	5083
1930	560,1	253,8	265,1	1339,0	2113	0,96	5051
1931	710,7	301,1	329,8	1521,0	2155	0,91	4612
1932	1340,2	388,9	1288,7	3466,0	1040	0,30	2690
1933	1776,7	482,2	1317,0	3668,0	1349	0,37	2785
1934	2030,7	560,6	1421,2	4112,0	1429	0,39	2893

* В 1932 г. впервые полно учтены разного рода подсобные и побочные предприятия деревообрабатывающей промышленности. Общая стоимость продукции по неучтенным предприятиям составила в 1931 г. около 140 млн. руб.

** Данные до 1929 г. включительно приводятся с картонажными предприятиями.

*** Сводные данные по лесопромышленному комплексу за 1913–1931 гг. включают сведения по деревообрабатывающей и бумажной отраслям, за 1932–1934 гг. – по всем отраслям (за 1932–1933 гг. отсутствуют цифры по мощности двигателей в сфере заготовки лесных ресурсов). Только по лесопильно-деревообрабатывающей и бумажной отраслям стоимость производственных основных фондов на одного рабочего составляла: в 1932 г. – 2352 руб., в 1933 г. – 2848, в 1934 г. – 3113; энерговооруженность на одного рабочего равнялась: в 1932 г. – 0,95 кВт, в 1933 г. – 1,16, в 1934 г. – 1,24; стоимость валовой продукции на одного рабочего равнялась: в 1932 г. – 4599 руб., в 1933 г. – 4815, в 1934 г. – 5500.

Источник: Составлено по: Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М., 1934. С. 124; Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. М., 1935. С. 222, 231; Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. М., 1936. С. 5, 6, 12; расчеты автора.

Таблица. Объемы заготовки и вывозки лесных ресурсов в России и Советском Союзе в 1913–1940 гг.

Год	Заготовка леса, млн. ф. м			Вывозка леса, млн. ф. м		
	Всего	Деловой древесины	Дровяной древесины	Всего	Деловой древесины	Дровяной древесины
1913*	67,0	30,5	36,5	60,6	27,2	33,4
1922	Нет сведений			57,8	8,2	49,6
1927/1928	142,5	60,7	81,8	61,7	36,0	25,7
1929	139,8	85,1	54,7	95,5	60,0	35,5
1930	170,2	112,2	58,0	147,2	96,7	50,5
1931	199,5	128,9	70,6	159,8	104,1	55,7
1932	176,1	103,5	72,6	164,7	99,4	65,3
1933	175,1	95,3	79,8	173,3	98,0	75,3
1934	201,6	108,2	93,4	181,3	99,7	81,6
1935	221,4	122,4	99,0	208,1	116,0	92,1
1936**	240,4	141,4	99,0	221,9	128,1	93,8
1937	216,5	119,2	97,3	209,0	114,2	94,8
1938	233,4	120,1	113,3	223,1	114,7	108,4
1939	286,1	136,2	149,9	264,1	126,1	138,0
1940	284,1	132,3	151,8	246,1	117,9	128,2

* В границах СССР до 17 сентября 1939 г.

** Для заготовки древесины – предварительные данные

Составлено по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 698–703; Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972. С. 140–141, 189, 191; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977. С. 10, 236–237; Народнохозяйственный план на 1935 год. 2-е изд. М., 1935. С. 528–531; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936. С. 424–427; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 94–95; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 248–249; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1964. С. 40–41, 294; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1593. Л. 23; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): Стат. сб. М.; Л., 1939. С. 70; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 132; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 229; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 187; Страна Советов за 50 лет. Сб. стат. мат. М., 1967. С. 94; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). М., 1939. С. 208–209.

Таблица. Темпы прироста* объемов вывозки лесных ресурсов в Советском Союзе в 1930-х гг.** (в скобках приведены среднегодовые значения)

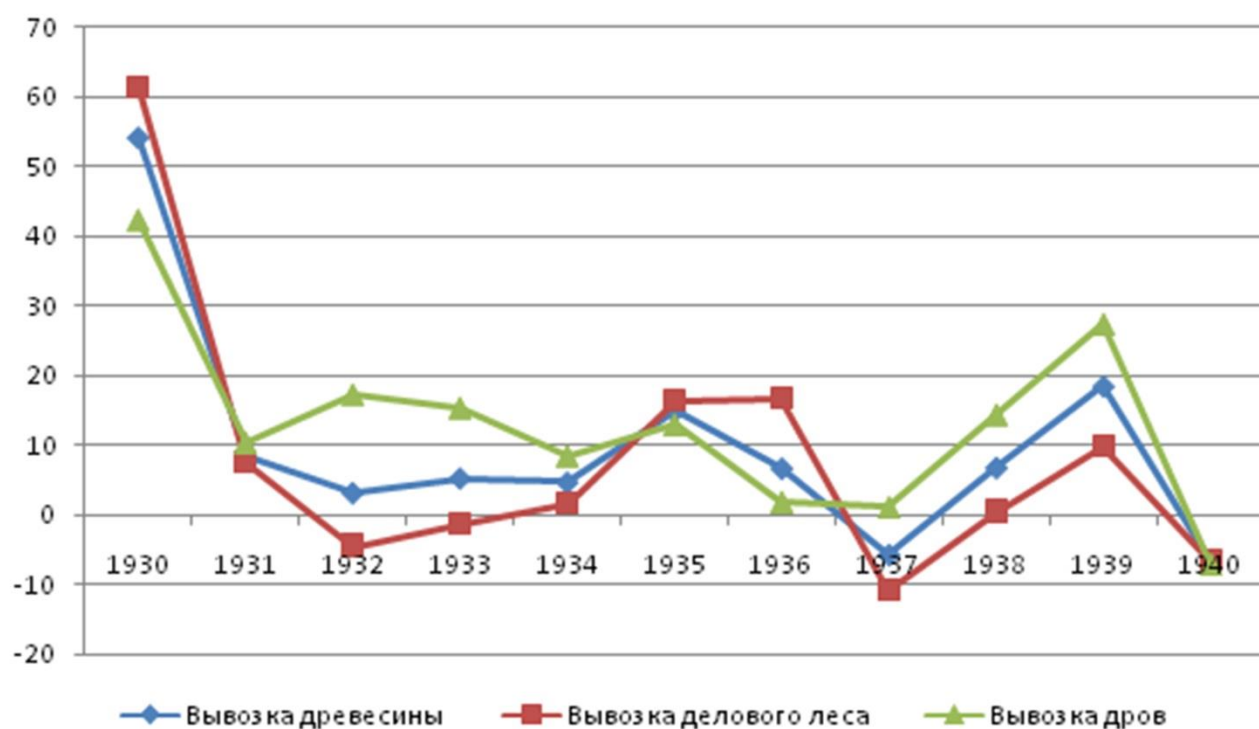
Год	Вывозка древесины, млн. ф. м			Вывозка деловой древесины, млн. ф. м			Вывозка дровяной древесины, млн. ф. м		
	Годовой прирост	Прирост за пятилетку	Прирост за 5 текущих лет	Годовой прирост	Прирост за пятилетку	Прирост за 5 текущих лет	Годовой прирост	Прирост за пятилетку	Прирост за 5 текущих лет
1930	147,2			96,7			50,5		
1931	+12,6	+17,5	+60,9	+7,4	+2,7	+19,3	+5,2	+14,8	+41,6
1932	+4,9	(+8,75)	(+12,18)	-4,7	(+1,35)	(+3,86)	+9,6	(+7,4)	(+8,32)
1933	+8,6	+44,3		-1,4	+14,8		+10,0	+29,5	
1934	+8,0	(+8,86)		+1,7	(+2,96)		+6,3	(+5,9)	
1935	+26,8			+16,3			+10,5		
1936	+13,8			+38,0			+12,1		
1937	-12,9	(+7,6)	-13,9	(+0,38)	+1,0				
1938	+14,1	+37,1	+0,5	+3,7	+13,6	+33,4			
1939	+41,0	(+12,36)	+11,4	(+1,23)	+29,6	(+11,13)			
1940	-18,0		-8,2		-9,8				
За 10 лет	+9,89			+2,12			+7,77		

* Светло-серой заливкой выделены периоды низких положительных показателей прироста, темно-серой – периоды отрицательных значений

** Расчет для первой пятилетки проведен за 2 года в связи с реформой лесного хозяйства и лесной промышленности

Рассчитано по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 698–703; Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972. С. 140–141, 189, 191; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977. С. 10, 236–237; Народнохозяйственный план на 1935 год. 2-е изд. М., 1935. С. 528–531; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936. С. 424–427; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 94–95; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 248–249; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1964. С. 40–41, 294; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1593. Л. 23; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): Стат. сб. М.; Л., 1939. С. 70; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 132; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 229; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 187; Страна Советов за 50 лет. Сб. стат. мат. М., 1967. С. 94; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). М., 1939. С. 208–209.

Рисунок. Темпы прироста объемов вывозки лесных ресурсов в Советском Союзе в 1930-х гг., % к предыдущему году

Составлено и рассчитано автором.

Таблица. Объемы механической обработки и глубокой переработки древесины в Российской империи, РСФСР и СССР в 1913–1940 гг.

Год****	Производство пиломатериалов, тыс. м ³ *	Производство фанеры клееной, тыс. м ³ **	Производство спичек, тыс. ящиков***	Производство древесной массы, тыс. т	Производство целлюлозы, тыс. т	Производство бумаги, тыс. т	Производство картона, тыс. т	
							Без учета картона для толя и обувной отрасли	С учетом картона для толя и обувной отрасли
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1913	14200	203,5	4420	Н. с.	257,6	269,2	Н. с.	40,8
1913	11875	130,0	3757	55,4	40,7	197,0	Н. с.	29,8
1917	5600	Н. с.	Н. с.	Н. с.	26,0	155,0	Н. с.	11,0
1920	1484	Н. с.	Н. с.	Н. с.	Н. с.	30,0	Н. с.	Н. с.
1921	1720	Н. с.	Н. с.	Н. с.	Н. с.	32,2	Н. с.	Н. с.
1922	3057	10,0	Н. с.	Н. с.	12,9	40,2	Н. с.	3,7
1923	5092,6	14,0	Н. с.	Н. с.	Н. с.	62,1	Н. с.	Н. с.
1924	6273,1	30,8	Н. с.	Н. с.	Н. с.	124,9	Н. с.	Н. с.
1925*****	8903,9	79,5	Н. с.	56,0	55,0	211,0	Н. с.	23,5
1926*****	10843	118,0	4170	70,0	68,0	254,0	Н. с.	33,0
1927*****	12843	137,4	Н. с.	73,2	75,6	268,0	35,0	44,5
1928*****	13633	185,4	5113	84,0	86,0	281,1	Н. с.	47,1
1929*****	16585	246,9	6846	150,9	126,1	379,5	Н. с.	62,5
1930	21884	338,7	9419	211,8	172,0	489,6	Н. с.	77,0
1931	23839	384,6	7675	223,8	185,0	497,5	Н. с.	62,0
1932	24427	423,0	5642	250,8	185,2	471,2	42,5	73,0
1933	27334	417,2	6876	277,1	206,3	499,2	49,2	79,0
1934	30579	492,0	9080	286,0	239,0	565,8	52,2	91,5
1935	35700	543,7	10733	319,5	274,0	640,8	64,1	107,8
1936	40900	663,7	8191	370,5	371,9	763,5	78,0 *****	133,2

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1937	33800	678,9	7163	410,3	425,6	831,6	82,8	144,2
1938	34504	666,0	9516	409,9	440,6	832,8	Н. с.	149,2
1939	34469	671,9	10243	398,4	463,5	799,8		159,0
1940	34831	731,9	9920	367,8	528,8	812,4	67,8	150,8

* До 1932 г. не учтена целиком продукция подсобных предприятий и цехов непрофильных ведомств, организаций и учреждений.

** До 1932 г. включительно не учтена продукция Всекопромлессоюза.

*** Ящик – 1000 коробок.

**** 1913 (первая строка) и 1940-е гг. – в границах СССР после 17 сентября 1939 г., с 1913 (вторая строка) по 1939 г. – в границах СССР до 17 сентября 1939 г.

***** Данные по производству древесной массы, целлюлозы, бумаги и картона приведены за операционные годы.

***** Данные предварительные

Составлено по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 698–703; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939. С. 84; Итоги выполнения первого пятилетнего плана народного хозяйства Союза ССР. М.; Л., 1933. С. 125, 256; К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. сб. М., 2020. С. 12; Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса СССР плана третьего пятилетия // Лесная промышленность. 1941. № 2. С. 11; Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972. С. 140–141, 189, 191; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977. С. 10–11, 236–237; Народнохозяйственный план на 1935 год. 2-е изд. М., 1935. С. 528–531; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936. С. 425–427; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 96–99; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 248–249, 261, 267–268; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1964. С. 40–41, 294, 298, 300–302; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 542. Л. 101–102; Д. 2310. Л. 74–75; Оп. 329. Д. 1593. Л. 23, 25; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): Стат. сб. М.; Л., 1939. С. 40, 70; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 126; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 226, 234; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 22, 192; Социалистическое строительство СССР. Изоальбом. М., 1936. С. 69, 72; Спичечная промышленность // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 40. М., 1957. С. 314; Страна Советов за 50 лет. Сб. стат. мат. М., 1967. С. 94; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). М., 1939. С. 208–209.

Таблица. Темпы прироста* объемов производства пиломатериалов, фанеры клееной, спичек в Советском Союзе в 1930-х гг. (в скобках приведены среднегодовые значения)

Год	Производство пиломатериалов, тыс. м³			Производство фанеры клееной, тыс. м³			Производство спичек, тыс. ящиков					
	Годовой прирост	Прирост за пятилетку	Прирост за текущий период	Годовой прирост	Прирост за пятилетку	Прирост за текущий период	Годовой прирост	Прирост за пятилетку	Прирост за текущий период			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10			
1922	3057			10,0			Нет сведений					
1923	+2036	+9786 (+1957)	+5847 (+1949)	+4,0	+127,4 (+25,5)	+328,7 (+41,1)						
1924	+1180			+16,8								
1925	+2631			+48,7								
1926	+1939			+12980 (+2596)						+38,5		
1927	+2000									+19,4		
1928	+790	+11584 (+2317)		+48,0	+285,6 (+57,1)							
1929	+2952			+61,5			+1733 **	+529 (+132)	+4306 (+2153)			
1930	+5299			+91,8			+2573					
1931	+1955						+13816 (+2763)	+45,9		+205,0 (+41,0)	-1744	+1314 (+263)
1932	+588							+38,4			-2033	
1933	+2907	+9373 (+1875)	-5,8		+255,9 (+51,1)	+1234		+1521 (+304)				
1934	+3245		+74,8			+2204						
1935	+5121		+51,7			+1653						
1936	+5200		-869 (-174)	+120		+188,2 (+37,6)	-2542		-813 (-163)			
1937	-7100			+15,2			-1028					
1938	+704	+1031 (+344)		-12,9	+53,0 (+17,7)		+2353	+2757 (+919)				
1939	-35			+5,9			+727					
1940	+362			+60,0			-323					

Окончание табл.

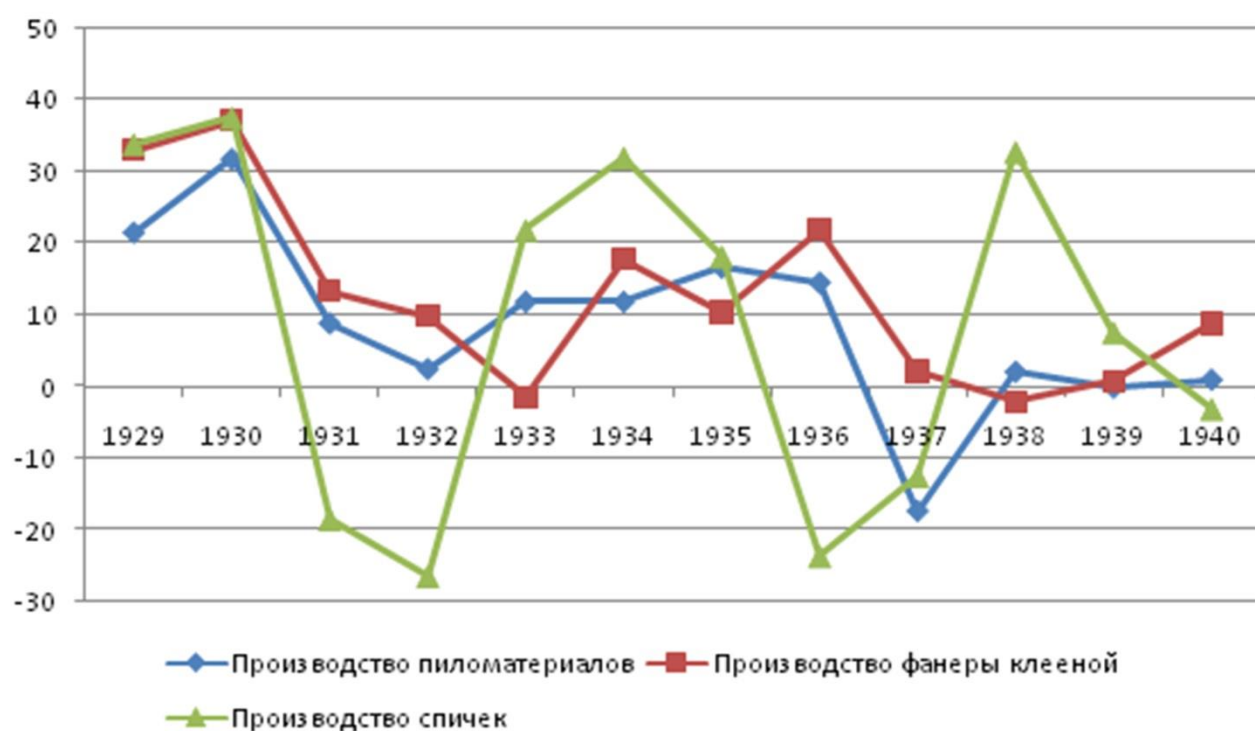
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	За период с 1923 по 1930 гг. +18827 (+2353), с 1931 по 1940 гг. +12947 (+1295)			За период с 1923 по 1930 гг. +328,7 (+41,1), с 1931 по 1940 гг. +393,2 (+39,3)			За период с 1931 по 1940 гг. +501 (+50,1)		

* Светло-серой заливкой выделены периоды низких положительных показателей прироста, темно-серой – периоды отрицательных значений

** Фактический показатель выпуска спичек в 1928 г. составил 5113 тыс. ящиков

Рассчитано по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 698–703; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939. С. 84; Итоги выполнения первого пятилетнего плана народного хозяйства Союза ССР. М.; Л., 1933. С. 125, 256; К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. сб. М., 2020. С. 12; Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса СССР плана третьего пятилетия // Лесная промышленность. 1941. № 2. С. 11; Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972. С. 140–141, 189, 191; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977. С. 10–11, 236–237; Народнохозяйственный план на 1935 год. 2-е изд. М., 1935. С. 528–531; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936. С. 425–427; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 96–99; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 248–249; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1964. С. 40–41, 294; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 542. Л. 101–102; Д. 2310. Л. 74–75; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): Стат. сб. М.; Л., 1939. С. 40, 70; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 126; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 226, 234; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 22, 192; Социалистическое строительство СССР. Изоальбом. М., 1936. С. 69, 72; Спичечная промышленность // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 40. М., 1957. С. 314; Страна Советов за 50 лет. Сб. стат. мат. М., 1967. С. 94; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). М., 1939. С. 208–209.

Рисунок. Темпы прироста объемов производства пиломатериалов, фанеры клееной и спичек в Советском Союзе в 1930-х гг., % к предыдущему году

Составлено и рассчитано автором.

Таблица. Темпы прироста* объемов целлюлозы, бумаги и картона в Советском Союзе в 1930-х гг. (в скобках приведены среднегодовые значения)

Год	Производство целлюлозы, тыс. т			Производство бумаги, тыс. т			Производство картона, тыс. т		
	Годовой прирост	Прирост за пятилетку	Прирост за текущий период	Годовой прирост	Прирост за пятилетку	Прирост за текущий период	Годовой прирост	Прирост за пятилетку	Прирост за текущий период
1925**	55,0			211,0***			23,5		
1926**	+13,0		+	+43,0		+	+9,5		+53,5
1927**	+7,6		117,0	+14,0		278,6	+11,5		(+10,7)
1928**	+10,4	+109,6	(+	+13,1	+	(+	+2,6	+28,5	
1929**	+40,1	(+21,9)	23,4)	+98,4	203,2	55,7)	+15,4	(+5,7)	
1930	+45,9			+110,1	(+		+12,5		
1931	+13,0		+	+7,9	40,6)	+	-15,0		+30,8
1932	+0,3		102,0	-26,3		151,2	+11,0		(+6,16)
1933	+21,1	+240,4	(+	+28,0	+	(+	+6,0	+71,2	
1934	+32,7	(+48,1)	20,4)	+66,6	292,3	30,2)	+12,5	(+	
1935	+35,0			+75,0	(+		+16,3	14,2)	
1936	+97,9		+	+122,7	58,5)	+	+25,4		+43,0
1937	+53,7		254,8	+68,1		171,6	+11,0		(+8,6)
1938	+15,0	+103,2	(+	+1,2	-19,2	(+	+5,0	+6,6	
1939	+22,9	(+34,4)	51,0)	-33,0	(-6,4)	34,3)	+9,8	(+2,2)	
1940	+65,3			+13,0			-8,2		
	За период с 1931 по 1940 гг. +356,8 (+35,68)			За период с 1921 по 1930 гг. – +459,6 (+46,0), с 1931 по 1940 гг. – 322,8 (+32,3)			За период с 1931 по 1940 гг. – +73,8 (+7,4)		

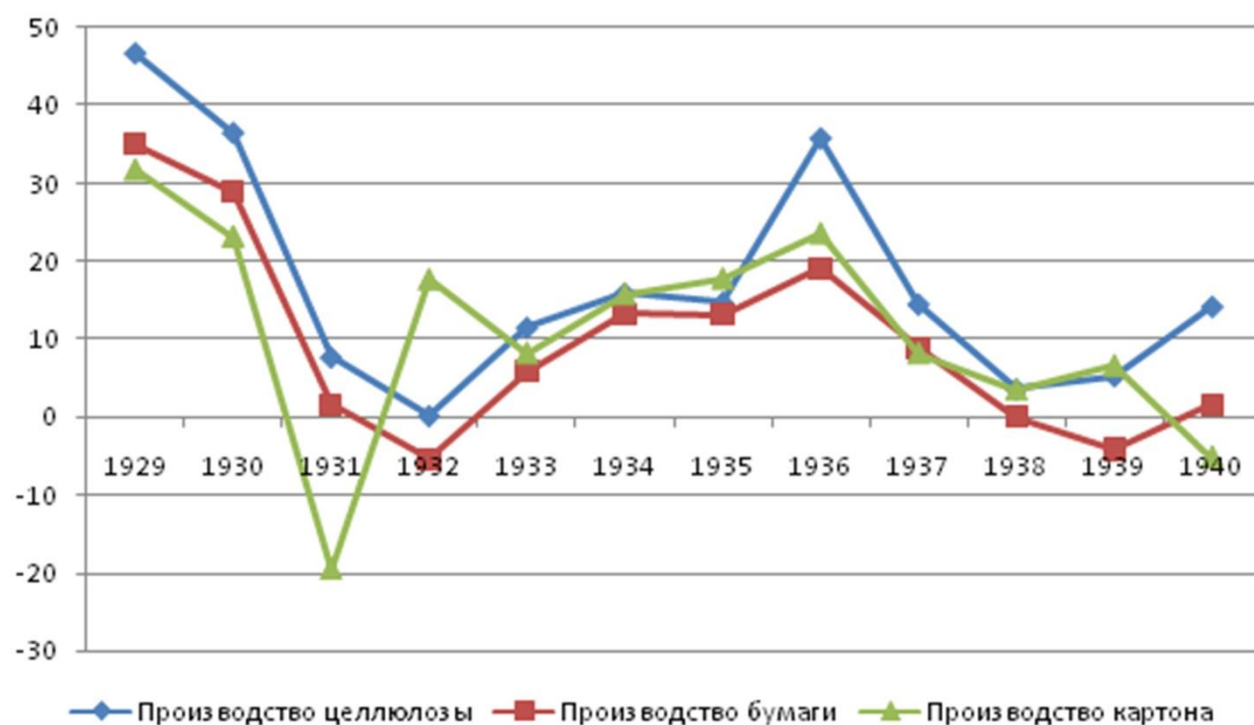
* Светло-серой заливкой выделены периоды низких положительных показателей прироста, темно-серой – периоды отрицательных значений

** Данные приведены за операционные годы

*** В 1920 г. объем выпуска бумаги равнялся 30 тыс. т

Рассчитано по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 698–703; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939. С. 84; Итоги выполнения первого пятилетнего плана народного хозяйства Союза ССР. М.; Л., 1933. С. 125, 256; К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. сб. М., 2020. С. 12; Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса СССР плана третьего пятилетия // Лесная промышленность. 1941. № 2. С. 11; Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972. С. 140–141, 189, 191; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977. С. 10–11, 236–237; Народнохозяйственный план на 1935 год. 2-е изд. М., 1935. С. 528–531; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936. С. 425–427; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 96–99; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 248–249; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1964. С. 40–41, 302; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 542. Л. 101–102; Д. 2310. Л. 74–75; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): Стат. сб. М.; Л., 1939. С. 40, 70; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 126; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 226, 234; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 22, 192; Социалистическое строительство СССР. Изоальбом. М., 1936. С. 69, 72; Страна Советов за 50 лет. Сб. стат. мат. М., 1967. С. 94; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). М., 1939. С. 208–209.

Рисунок. Темпы прироста объемов производства целлюлозы, бумаги и картона (с учетом картона для толя и обувной отрасли) в Советском Союзе в годы первых пятилеток, % к предыдущему году

Составлено и рассчитано автором.

Таблица. Вывозка древесины и производство пиломатериалов, фанеры, спичек, бумаги и картона на душу населения в Советском Союзе в 1929–1940 гг.

Год	Численность населения, тыс. человек	Вывозка деловой древесины, ф. м	Вывозка дровяной древесины, ф. м	Производство пиломатериалов, м ³	Производство фанеры, м ³	Производство спичек, ящиков	Производство бумаги, кг	Производство картона, кг
1929	154687	0,39	0,23	0,11	0,0016	0,044	2,49	0,40
1930	157432	0,61	0,32	0,14	0,0021	0,060	3,15	0,49
1931	159841	0,65	0,35	0,15	0,0024	0,048	3,16	0,39
1932	161851	0,61	0,40	0,15	0,0026	0,035	2,91	0,45
1933	162902	0,60	0,46	0,17	0,0026	0,042	3,11	0,48
1934	156797	0,64	0,52	0,19	0,0032	0,058	3,61	0,58
1935	158167	0,74	0,59	0,22	0,0035	0,068	4,05	0,68
1936	160134	0,80	0,58	0,25	0,0042	0,051	4,77	0,83
1937	162500	0,70	0,58	0,21	0,0042	0,044	5,12	0,88
1938	165492	0,69	0,65	0,21	0,0040	0,057	5,03	0,90
1939	168524	0,75	0,82	0,20	0,0040	0,060	4,75	0,94
1940*	192598	0,61	0,66	0,18	0,0038	0,052	4,22	0,78

* До 1939 г. включительно численность населения указана в границах СССР до 17 сентября 1939 г., за 1940 г. – в границах страны в 1946–1991 гг.

Подсчитано по: Андреев Е. М. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 118; Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972. С. 140–141, 189, 191; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977. С. 10, 236–237; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 248–249, 261, 267–268; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1964. С. 40–41, 294, 298, 300–302; Страна Советов за 50 лет. Сб. стат. мат. М., 1967. С. 94.

Таблица. Суммарные показатели (плановые и фактические) лесопромышленной деятельности в Советском Союзе в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.)

Показатели	План на вторую пятилетку	Фактическое выполнение*	% выполнения
Вывозка деловой древесины**, млн. ф. м	667,6	545,1	81,7
Вывозка дровяной древесины**, млн. ф. м	484,3	421,8	87,1
Выпуск пиломатериалов***, млн. м ³	157,41	137,9	87,6
Производство фанеры, млн. м ³	2502,5	2777,6	111,0
Производство спичек, млн. ящиков	50,6	42,3	83,6
Производство бумаги, тыс. т	3503,0	3300,7	94,2
Производство картона****, тыс. т	401,7	326,3	81,2
Добыча живицы, тыс. т	247,0	367,4	148,7
Производство канифоли, тыс. т	215,0	256,6	119,3
Валовая продукция Наркомлеса СССР, млн. руб. (в ценах 1926/1927 г.)	12872,0	12843,0	99,8

* За 1936 г. использованы предварительные данные

** Без учета колхозов

*** Без учета «мелкой» промышленности

**** Без учета промышленности строительных материалов

Подсчитано по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 686–689, 698–703, 708–709, 718–720, 724–725; Народнохозяйственный план на 1935 год. 2-е изд. М., 1935. С. 460–461, 528–533, 573; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936. С. 272, 395–396, 404, 406, 424–427; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 42–49, 56–57, 94–99; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1593. Л. 10; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 466; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). М., 1939. С. 201, 208–209.

Таблица. Удельный вес экономических районов Советского Союза в вывозке лесных ресурсов, %

Экономический район	1932 г.*	1934 г.**	1940 г.***
Вывозка древесины в СССР, млн. ф. м	164,7	181,3	246,1
Европейский Север	17,1	14,6	17,4
Северо-запад	9,4	9,6	4,2
Центральная Россия	26,5	30,2	24,2
Поволжье	5,9	4,9	2,0
Урал	13,7	12,6	16,6
Сибирь	8,1	7,7	15,7
Дальний Восток	2,9	3,4	6,4
Украинская ССР	5,2	4,8	3,2
Белорусская ССР	4,8	4,1	4,1

* К Европейскому Северу отнесены Северный край и Карельская АССР; к Северо-западу – Ленинградская область; к Центральной России – Горьковский край, Западная, Московская, Ивановская области; к Поволжью – Средневолжский край; к Уралу – Уральская область; к Сибири – Западносибирский и Восточносибирский края; к Дальнему Востоку – Дальневосточный край.

** К Европейскому Северу отнесены Северный край и Карельская АССР; к Северо-западу – Ленинградская область; к Центральной России – Горьковский и Кировский край, Западная, Калининская, Московская, Ивановская области; к Поволжью – Средневолжский край; к Уралу – Свердловская и Челябинская области; к Сибири – Западносибирский, Красноярский и Восточносибирский края; к Дальнему Востоку – Дальневосточный край.

*** К Европейскому Северу отнесены (по административно-территориальному делению на 1957 г.) Архангельская, Вологодская и Мурманская области, Карельская и Коми АССР; к Северо-западу – Ленинградская, Новгородская и Псковская области; к Центральной России – Московская, Смоленская, Великолукская, Калининская, Ярославская, Ивановская, Костромская, Кировская, Арзамасская, Горьковская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская, Брянская, Орловская, Курская, Белгородская, Воронежская, Липецкая, Тамбовская, Пензенская и Балашовская области, Марийская, Чувашская и Мордовская АССР; к Поволжью – Ульяновская, Куйбышевская, Саратовская, Сталинградская и Астраханская области, Татарская АССР; к Уралу – Молотовская, Свердловская, Челябинская и Чкаловская области, Башкирская и Удмуртская АССР; к Сибири – Курганская, Тюменская,

Омская, Томская, Новосибирская, Кемеровская, Иркутская и Читинская области, Алтайский и Красноярский края, Бурят-Монгольская и Якутская АССР; к Дальнему Востоку – Магаданская, Амурская и Сахалинская области, Хабаровский и Приморский края.

Составлено по: Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 250–259;
Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 230;
Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 188.

Таблица. Распределение производства пиломатериалов по экономическим районам РСФСР

Год	Показатель	Европейский Север	Северо-запад	Центральная Россия	Поволжье	Урал	Сибирь и Дальний Восток
1928/ 1929	Выпуск пиломатериалов, тыс. м ³	3115	1646	3494	2424	888	1401
	Удельный вес в СССР, %	20,3	10,8	22,8	15,8	5,8	9,3
1932	Выпуск пиломатериалов, тыс. м ³	4575	1951	4258	3256	1348	2468
	Удельный вес в СССР, %	21,3	9,0	19,8	15,0	6,2	11,4
1933	Выпуск пиломатериалов, тыс. м ³	5696	2565	6321	3325	2791	2651
	Удельный вес в СССР, %	21,0	9,4	23,3	12,2	10,3	9,8
1934	Выпуск пиломатериалов, тыс. м ³	5609	2921	7504	3593	2100	3883
	Удельный вес в СССР, %	18,3	9,6	24,5	11,7	6,9	12,7
1937	Выпуск пиломатериалов, тыс. м ³	9950		6450	3200	3200	4200
	Удельный вес в СССР, %	29,5		19,1	9,5	9,5	12,5
1940	Выпуск пиломатериалов, тыс. м ³	7000		6330	2400	3850	5280
	Удельный вес в СССР, %	20,2		18,2	6,9	11,1	15,2

Источник: Составлено по: Петров, Б. С. Очерки о развитии лесной промышленности Урала. М.; Л., 1952. С. 86–87; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 127; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1935. С. 226; Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 189.

Таблица. Показатели лесопромышленной деятельности Наркомлеса СССР
в годы второй и третьей пятилеток

Годы	Вывозка деловой древесины, млн. м ³	Вывозка дровяной древесины, млн. м ³	Производство пиломатериалов, млн. м ³	Производство фанеры, тыс. м ³	Производство бумаги, тыс. т	Производство картона, тыс. т*
1	2	3	4	5	6	7
1932 (факт)	60,8	29,3	15,35	365,4	437,4	36,7
1933 (факт)	63,2	29,8	14,11	417,2	446,3	33,2
1934 (пятилетний план)	69,3	34,7	16,0	428,5	550,0	51,1
1934 (годовой план)	71,38	36,07	15,24	489,0	515,3	44,3
1934 (факт)	60,3	29,71	15,72	492,0	473,2	31,3
1935 (пятилетний план)	80,0	38,0	19,2	475,0	615,0	61,1
1935 (годовой план)	71,8	35,35	16,89	503,3	540,0	43,5
1935 (годовой план уточненный)	71,31	35,05	16,88	503,3	521,1	35,6
1935 (факт)	74,41	36,78	17,94	543,7	640,8**	64,13**
1936 (пятилетний план)	94,0	42,0	23,2	550,0	700,0	71,5
1936 (годовой план)	88,8	36,2	22,0	614,0	665,0	40,0
1936 (предварительные данные)	75,12	35,05	20,62	663,7	763,31**	78,04**
1937 (годовой план)	103,7	47,3	25,0	775,6	955,35**	96,35**
1937 (пятилетний план)	113,0	48,0	28,5	670,0	950,0	107,0
1937 (факт)	55,2	27,8	18,3	661,0	761,2	66,1
1938 (план)	84,76	38,45	21,5	750,0	887,12	Нет сведений
1940 (факт)	79,2***		Нет сведений	731,9	Нет сведений	Нет сведений

1	2	3	4	5	6	7
1941 (план)	84,96	57,74	18,84	545,0	860,0	83,04
1942 (пятилетний план)	105,0	55,0	30,0	1000,0	Нет сведений	Нет сведений

* Для показателей пятилетнего плана указано с фиброй, но объемы ее производства были небольшими (около 1–1,5 тыс. т)

** Указан весь объем производства в стране

*** Предварительные данные

Составлено по: Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 65, 67–70, 109, 198, 201, 205, 207–210; Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 459–461, 698–703; Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год (Приложения к постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 127 от 17 января 1941 г.). М., 1941. С. 58, 67–70; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939. С. 84; Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса СССР плана третьего пятилетия // Лесная промышленность. 1941. № 2. С. 6–7, 10–11; Народнохозяйственный план на 1935 год. 2-е изд. М., 1935. С. 528–531; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936. С. 424–427; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 94–99; О плане по промышленности Наркомлеса СССР на 1938 год и мероприятиях по его осуществлению. Приказ по Народному Комиссариату Лесной Промышленности СССР. Москва, № 202, 26 февраля 1938 г. // Лесная промышленность. 1938, 1 марта. С. 3; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 198; Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1964. С. 153; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). М., 1939. С. 57, 201, 208–209.

Таблица. Производство оборудования и техники для лесопромышленного комплекса, штук

Год	Лесопильные рамы	Моторные пилы	Ленточные пилы	Станки фрезерные, шпалорезные, обрезные	Автолесовозы*	Бумагоделательны е машины	Дефибры непрерывного действия
1932 (факт)	134	-	458	959	-	-	-
1934 (факт)	290	-	Нет сведений		4	1	2
1935 (план)	-	-			40	9	6
1935 (предварительные итоги)	295	625			35	3	6
1935 (факт)	Нет сведений				40	2	4
1936 (план)	300	1500			60**	10***	12
1936 (предварительные итоги)	290	800			74	5	10
1937 (план)	340	1000			120	9	14
1937 (факт)	451	1416	608	703	57	Нет сведений	
1938 (факт)	365	1358	592	731	39		
1939 (факт)	357	1643	371	625	23		
1940 (факт)	405	931	349	660	14		
1941 (план)	345	1400	Нет сведений	435	Нет сведений		

* Для периода 1934–1935 гг. и плана на 1936 г. сведения по Народному комиссариату тяжелой промышленности

** Плюс по Наркомлесу СССР 25 штук

*** Сверх недодела 1935 г.

Составлено по: Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год (Приложения к постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 127 от 17 января 1941 г.). М., 1941. С. 36, 52; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936. С. 419; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 74–75; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1593. Л. 13.

Таблица. Динамика численности работников «крупной» промышленности и Наркомлеса СССР по второму пятилетнему плану, годовым планам на 1936, 1937, 1941 гг., тыс. человек

Год	«Крупная» промышленность *		Наркомлес СССР			
			Фабрично-заводская промышленность		Сфера заготовки древесины	
	Численность рабочих и служащих	Численность рабочих	Численность рабочих и служащих	Численность рабочих	Численность рабочих и служащих	Численность рабочих
1932 (факт)	Нет сведений	4668,5	225,4	162,4	Нет сведений	490,4
1934 (факт)	6567,5	5167,7	262,0	171,0	761,0	627,0
1935 (годовой план)	Нет сведений		276,2	175,0	806,6	645,8
1935 (факт)	7100,4	5596,3	273,6	178,6	768,2	673,9
1936 (годовой план)	7436,0	5845,0	284,0	185,0	788,0	650,0
1936 (предварительные итоги)	7713,0	6090,0	286,2	190,9	735,4	642,5
1937 (годовой план)	7956,0	6220,0	296,5	195,7	727,3	631,3
1937 (пятилетний план)	Нет сведений	6361,0	286,5	219,6	Нет сведений	674,0
1941 (годовой план)	9787,5	7575,1	361,2**	223,9**	845,1***	700,0***

* Без лесозаготовок и кооперации

** В сумме по народным комиссариатам лесной и целлюлозно-бумажной промышленности СССР (без учета лесного хозяйства, заготовки осмола и подсочки, Карело-Финской ССР)

*** Без учета лесного хозяйства, заготовки осмола и подсочки

Составлено по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 508–509; Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год (Приложения к постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 127 от 17 января 1941 г.). М., 1941. С. 512, 521, 522; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936. С. 392–393, 395–396; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 42–49, 56–57, 94–99; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). М., 1939. С. 228–229.

Таблица. Распределение работников предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины СССР по стажу непрерывной работы на конкретном предприятии на 1 ноября 1939 г., тыс. человек

Отрасль	Всего работник ов	Из них работают на данном предприятии непрерывно, %							
		До 6 мес.	От 6 мес. до 1 года	1–2 года	2–3 года	3–5 лет	5–6 лет	6–10 лет	Более 10 лет
Рабочие									
Лесопильная	102,1	24,3	13,0	15,2	12,6	13,6	6,5	10,4	4,5
Фанерная	17,6	24,7	17,2	14,2	11,7	13,3	6,1	8,0	4,8
Мебельная	41,6	24,4	14,4	17,6	13,9	14,8	5,7	7,3	2,4
Спичечная	13,1	20,1	14,2	10,0	16,4	9,0	10,7	7,2	12,4
Бумажная	46,6	20,7	12,4	14,8	11,2	12,4	6,0	10,7	11,8
Инженерно-технические работники									
Лесопильная	6,8	11,6	9,8	14,3	11,9	15,3	7,7	16,0	13,4
Фанерная	0,9	13,2	15,1	16,0	11,6	14,4	7,4	10,8	11,5
Мебельная	3,9	11,9	10,0	15,0	14,5	18,5	6,7	14,2	9,2
Спичечная	0,8	9,6	10,0	12,9	8,1	12,7	10,6	15,2	20,9
Бумажная	3,9	11,3	8,8	14,7	11,9	14,2	6,1	12,2	20,8

Составлено по: Источник: Индустриализация СССР. 1938–1941 гг.: Сб. мат. и док. М., 1972. С. 213, 217.

Таблица. Среднегодовая заработная плата работников «крупной» промышленности и Наркомлеса СССР по второму пятилетнему плану и годовым планам на 1936, 1937, 1941 гг., руб.

Год	«Крупная» промышленность		Наркомлес СССР			
	ь*		Фабрично-заводская промышленность		Сфера заготовки древесины	
	Рабочие и служащие	Рабочие	Рабочие и служащие	Рабочие	Рабочие и служащие	Рабочие
1932 (факт)	Нет сведений	1385	По народному комиссариату: рабочие и служащие – 1303 руб., рабочие – 1214			
1934 (факт)	1933	1779	1648	1497	1214	1090
1935 (факт)	2403	2241	2068	1903	1610	1498
1936 (годовой план)	2649	2505	2194	2054	1668	1582
1936 (предварительные итоги)	2664	2700	2407	2239	1871	1760
1937 (годовой план)	3025	2881	2485	2340	2305	2200
1937 (пятилетний план)	Нет сведений	1736	По народному комиссариату: рабочие и служащие – 1621 руб., рабочие – 1493			
1941 (годовой план)	4767	4576	3683**	3465**	4085	4115

* Без лесозаготовок и кооперации

** По народным комиссариатам лесной и целлюлозно-бумажной промышленности СССР (без учета лесного хозяйства, заготовки осмола и подсочки, Карело-Финской ССР)

Составлено по: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 508–509; Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год (Приложения к постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 127 от 17 января 1941 г.). М., 1941. С. 512, 521, 522; Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М., 1936. С. 392–393, 395–396; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М., 1937. С. 42–49, 56–57, 94–99; Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). М., 1939. С. 228–229.

Таблица. Численность населения лесопромышленных городов и поселков в 1930-х гг., человек (административно-территориальное деление дано на конец 1930-х гг.)

Название населенного пункта (статус, год обретения)	Производственная деятельность	1933 г. (на 1 января)	1937 г.	1939 г.
1	2	3	4	5
Кондопога, Карельская автономная республика (город с 1938 г.)	Целлюлозно-бумажный комбинат	5500	10875	13374
Сегежа, Карельская автономная республика (город с 1943 г.)	Целлюлозно-бумажный комбинат	-	Нет сведений	4845
Соломбальский район г. Архангельска (образован в 1932 г.)	Целлюлозно-бумажный комбинат, предприятия по механической обработке древесины и лесному машиностроению	Нет сведений		56101
Онега, Архангельская область (город с 1780 г.)	Лесопильные заводы	13000	14253	15783
Дубровка, Ленинградская область (рабочий поселок с 1927 г.)	Целлюлозно-бумажный комбинат	6000	Нет сведений	9528
Сясьстрой, Ленинградская область (город с 1992 г.)	Целлюлозно-бумажный комбинат	4600		7364
Сокол, Вологодская область (город с 1932 г.)	Целлюлозно-бумажный комбинат	16000	25613	29039
Кондрово, Смоленская область (город с 1938 г.)	Целлюлозно-бумажный комбинат	4800	Нет сведений	9708
Правдинск, Горьковская область (рабочий поселок с 1932 г., с 1993 г. в составе г. Балахны)	Целлюлозно-бумажный комбинат	6700	11989	13142

Продолжение табл.

1	2	3	4	5
Вахтан, Горьковская область (рабочий поселок с 1933 г.)	Лесохимический завод	3300	Нет сведений	5593
Сява, Горьковская область (рабочий поселок с 1935 г.)	Лесохимический завод	Нет сведений		5688
Волжск, Марийская автономная область (рабочий поселок Лопатино в 1933–1940 гг., город с 1940 г.)	Лесопильно- деревообрабатываю- щий и целлюлозно- бумажный комбинаты	2600	17225	19486
Шумерля, Чувашская автономная республика (город с 1937 г.)	Лесопильно- деревообрабатываю- щий комбинат и завод по производству дубильного экстракта	4900	13058	15220
Краснокамск, Пермская область (город с 1938 г.)	Целлюлозно- бумажный комбинат, бумажная фабрика	-	Нет сведений	29745
Красновишерск, Пермская область (город с 1942 г.)	Целлюлозно- бумажный комбинат	13000		15027
Новая Ляля, Свердловская область (город с 1938 г.)	Целлюлозно- бумажный комбинат	12000		14888
Лобва, Свердловская область (рабочий поселок с 1928 г.)	Лесной комбинат	4000		7513
Сосьва, Свердловская область (рабочий поселок с 1938 г.)	Деревообрабатываю- щий комбинат	-		5337
Тавда, Свердловская область (город с 1937 г.)	Лесной комбинат	15000		25186
Игарка, Красноярский край (город с 1931 г.)	Лесной комбинат	13700		23648

Окончание табл.

1	2	3	4	5
Лесозаводск, Приморский край (город с 1938 г.)	Деревообрабатываю щий комбинат	6500		24078

Источник: Составлено по: Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 г. М., 1934. С. 5, 9, 16, 17, 25, 46–47, 49, 53, 68, 77, 163, 181; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Общие итоги. Сб. док. и мат. М., 2007. С. 67–68, 73–74; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность городского населения СССР по городским поселениям и внутригородским районам. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_3.php (дата обращения: 24.04.2021); Численность населения СССР на 17 января 1939 г. по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. / Центральное статистическое управление Госплана СССР. М., 1941. С. 27, 29, 38, 64, 66, 104, 143, 156–157.